
Живописная Россія
Изданіе Тов.

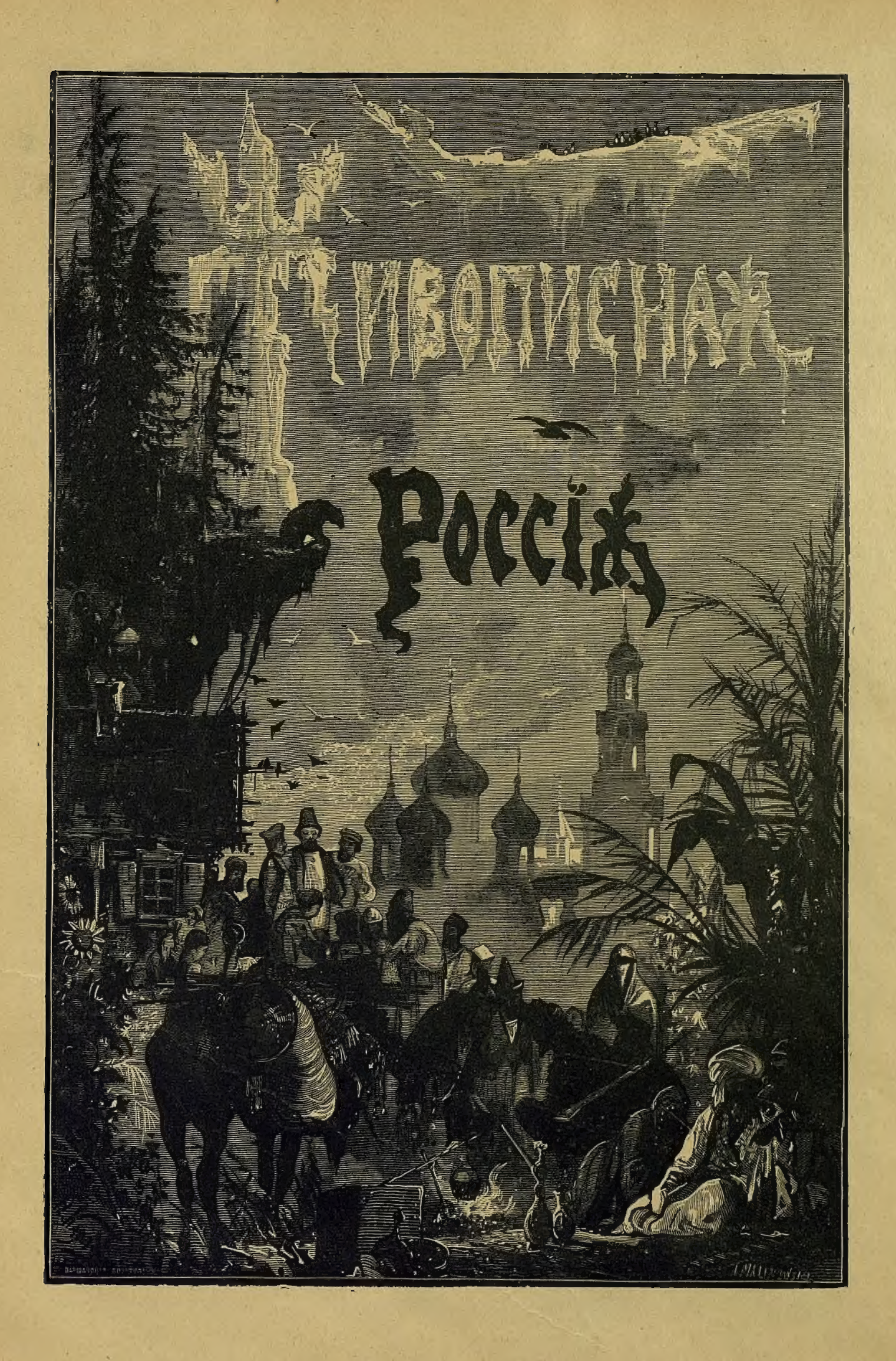

ТОВАРИЩЕСТВО М.О.

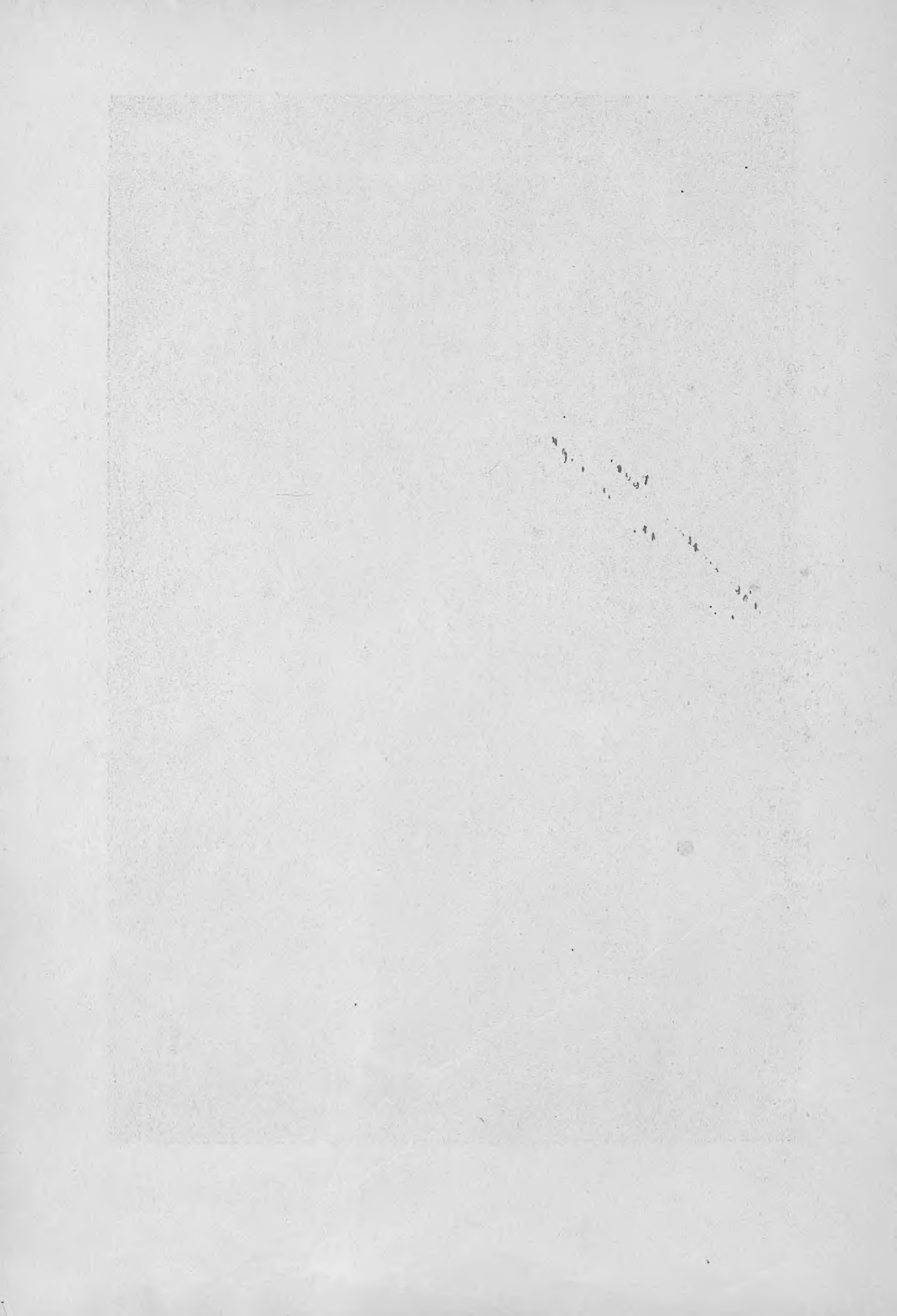
ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

ТОМЪ VII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Живописная
Россія

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧЕРНОЗЕМНАЯ И ДОНСКО-КАСПІЙСКАЯ СТЕПНАЯ ОБЛАСТИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧЕРНОЗЕМНАЯ ОБЛАСТЬ

съ 240 рисунками

ИЗДАНІЕ

ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дв., 18. МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12

1900

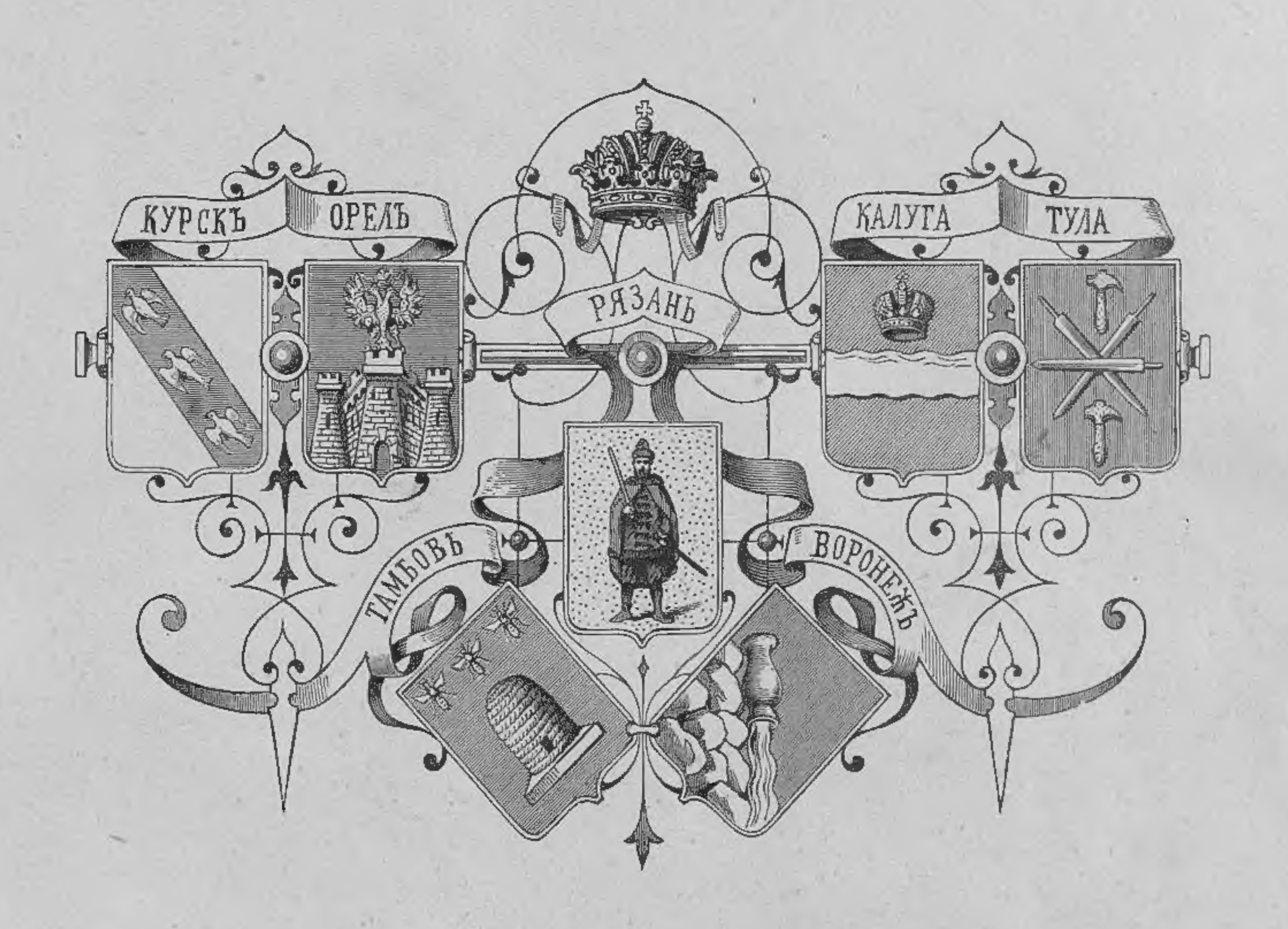
Дозволено цензурою, Спб., 5-го ноября 1899 года.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 л., д. № 5—7.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧЕРНОЗЕМНАЯ ОБЛАСТЬ

Гербы губерний.

ОЧЕРКЪ I.

ПРИРОДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ.

[illegible]

. . Куда ни глянь, вездѣ пошла работа:
Межъ нией, подъ камн[illegible]
И мхомъ и кочками [illegible]
Все врѣзалъ острый [illegible]
[illegible]
Могучій черноземъ, подъ бременъ затвердѣлый,
Внезапно вырванный изъ тьмы на Божій свѣтъ,
Лежитъ еще пока въ комкахъ оледенѣлый,
Рядами черными, скрывая жизни свѣтъ.

[illegible]

Бѣлыя березы, жидкія осины,
Пашни да овраги—грустныя картины;
Не пройдешь безъ думы, безъ [illegible]
Что же къ нимъ все тянетъ такъ [illegible]

[illegible]

НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ Урало-Алаунская возвышенность по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся на югъ, болѣе и болѣе понижается и переходитъ постепенно въ огромную степную равнину, перерѣзываемую немногими рѣками и цѣлою системою овраговъ, балокъ и логовъ, по которымъ изрѣдка встрѣчается кое-какая растительность, въ формѣ отдѣльныхъ купъ дубовыхъ и березовыхъ, съ году на годъ подсѣкаемыхъ на потребу мѣстнаго помѣщика и крестьянина, обездоленныхъ лѣсомъ. Степь эта въ одномъ мѣстѣ перерѣзывается незначительными отрогами Карпатовъ, которые въ видѣ длиннаго и почти непрерывнаго гранитнаго кряжа прорѣзаютъ теченія всѣхъ большихъ рѣкъ и притомъ такъ, что заставляютъ обыкновенно эти рѣки сворачивать съ прямого направленія, огибать кряжъ и переполняться быстринами и порогами. Кряжъ этотъ доходитъ до самой Волги и здѣсь заканчивается въ Самарской Лукѣ знаменитыми Жигулевскими горами, или попросту Жигулями.

Черноземные пласты начинаются на западѣ близъ Галицiйской границы, сѣвернымъ краемъ своимъ почти касаются Житомiра и Кiева, затѣмъ спускаются вдоль сѣверной границы Полтавской губернiи, захватываютъ нѣкоторые южные уѣзды Черниговской губернiи, проходятъ южную оконечность западной части Орловской губернiи, затѣмъ черезъ Мценскъ, Крапивну, Тулу и Веневъ доходятъ до Зарайска, спускаются снова къ Ряжску, Сапожку, Шацку и встрѣчаютъ здѣсь Цну; отсюда граница чернозема спускается по Цнѣ до Тамбова, Спасска, Темникова и Краснослободска, доходитъ до Инсара, снова поворачиваетъ на сѣверъ и черезъ Починовъ, Лукояновъ, Княгининъ, Василь-Сурскъ и Спасскъ достигаетъ Уфы На югъ черноземъ простирается почти до самаго Чернаго моря, и только лишь въ Бессарабiи и Херсонской губернiя почва, спускаясь террасами къ морю, теряетъ нѣкоторую долю своей плодородности; черноземъ дѣлается здѣсь менѣе мощенъ, переходитъ въ такъ-называемую сѣрую землю или суглинокъ и даже просто въ глину; къ Азовскому морю черноземъ приближается гораздо значительнѣе, нежели къ Черному и тянется берегомъ до самыхъ Кавказскихъ горъ и до Каспiйской котловины, откуда онъ круто поворачиваетъ на сѣверъ, доходитъ до Волжско-Донского водораздѣла и затѣмъ уже, снова сдѣлавъ поворотъ на востокъ, по берегамъ Волги и ея притоковъ направляется къ Оренбургу.

Россiя—страна преимущественно земледѣльческая. Изъ только-что очерченныхъ границъ ея чернозема мы видимъ, что почти третья часть поверхности Европейской Россiи покрыта болѣе или менѣе мощною толщею такой почвы, которая способна производить максимумъ хлѣба. Понятно, какое громадное значенiе не только для одной Россiи, сытой своимъ собственнымъ хлѣбомъ, но и для всей Европы имѣетъ вопросъ объ изученiи чернозема, его происхожденiя, состава и тѣхъ его частей, которыя облегчаютъ произрастанiе хлѣбныхъ злаковъ. Просматривая литературу по этому предмету, мы найдемъ лишь массу гипотезъ. Только въ самое послѣднее время вопросу о черноземѣ суждено было заинтересовать общество и почтенные труды Докучаева и Ермолова дали, наконецъ, возможность говорить объ этомъ предметѣ, не оставаясь въ мiрѣ гипотезъ и фикцiй, а стоя на строго научной почвѣ.

Теперь для изученiя вопроса о черноземѣ сдѣлано уже сравнительно довольно много, по почину Вольнаго Экономическаго Общества. Изъ всѣхъ теорiй о происхожденiи чернозема наиболѣе вѣроятною оказывается теорiя академика Рупрехта, который энергически выступилъ противъ ученыхъ, полагавшихъ, что въ предѣлахъ нынѣшняго распространенiя чернозема росли когда-то огромные лѣса, давшiе матерiалъ для образованiя чернозема. Доказавъ, что дерновая земля представляетъ совершенное тожество съ черноземомъ, Рупрехтъ не сомнѣвался въ томъ, что въ этой дерновой землѣ долженъ образоваться перегной; части травянистыхъ растенiй погибаютъ, гнiютъ на воздухѣ, обращаются, такимъ образомъ, въ перегной, проникаютъ вмѣстѣ съ атмосферными водами въ почву и окрашиваютъ послѣднюю въ болѣе или менѣе черный цвѣтъ, смотря по количеству продукта, а также и по продолжительности процесса прониканiя. То же самое совершается и при образованiи чернозема, гдѣ можно наблюдать непосредственный переходъ дерна въ болѣе или менѣе плотный пластъ. Ни одно изъ наблюдавшихся впослѣдствiи побочныхъ явленiй не опровергаетъ эту теорiю образованiя чернозема. Но установивши эту теорiю, самъ собою представляется намъ вопросъ: почему же не существуетъ чернозема на сѣверѣ? Замѣтимъ, прежде всего, что дерновая земля сѣвера вполнѣ соотвѣтствуетъ южному чернозему, уступая, однако, послѣднему въ плодородности. Нужно принять въ соображенiе, что почти половина сѣверной Россiи и до сихъ поръ покрыта водами и открытыми болотами; въ болѣе же отдаленную геологическую эпоху количество ихъ было еще значительнѣе, судя по громаднымъ пространствамъ, занятымъ теперь торфяниками. Такiя условiя не могли, ни въ какомъ случаѣ, способствовать развитiю въ этой мѣстности травяной растительности. Съ другой стороны, новѣйшiя изслѣдованiя доказали, что значительная часть центральной Россiи и сѣверной, свободная отъ воды всего какихъ-нибудь 1000 лѣтъ

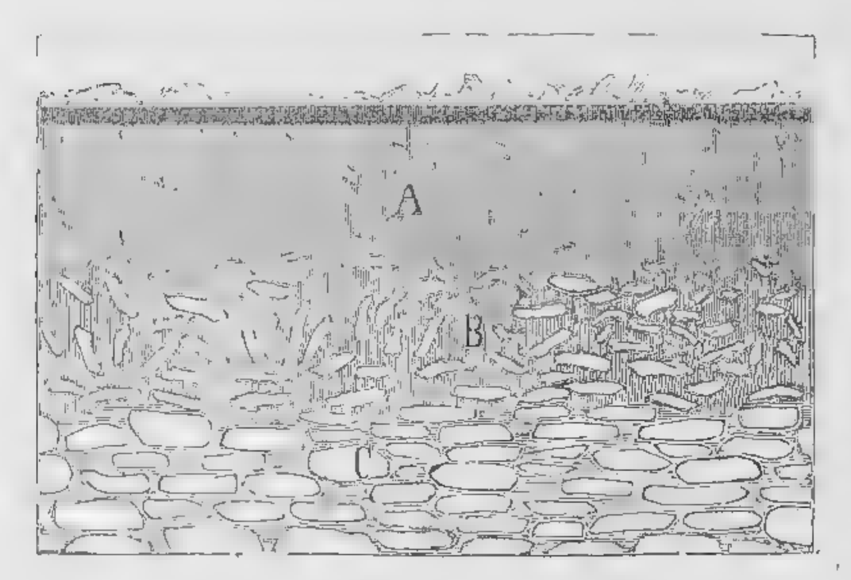
тому назадъ, была сплошь покрыта лѣсами и притомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, лѣсами хвойными, которые, какъ извѣстно, вовсе не могутъ доставить пригоднаго матеріала для произведенія чернозема. Геологическія изслѣдованія показали, что верхніе геологическіе слои этихъ странъ состоятъ изъ песковъ, гравія, жирныхъ глинъ и аллювія; значитъ, и это обстоятельство не могло особенно благопріятствовать развитію здѣсь травяной растительности. Извѣстно, что рельефъ центральной и сѣверной Россіи также не благопріятствуетъ пропорціональному накопленію и распространенію на поверхности растительныхъ остатковъ; благодаря характеру его происхожденія, а также и рѣзкимъ климатическимъ перемѣнамъ и обилію воды, поверхность описываемой нами полосы богата холмами; значитъ, поверхность эта такъ устроена, что органическіе остатки должны уноситься внизъ и тамъ скопляться. Тутъ-то, въ этихъ впадинахъ, мы, дѣйствительно, и находимъ лучшія почвы. Что касается до такъ-называемыхъ равнинъ центральной полосы, то онѣ представляютъ собою ничто иное, какъ рѣчныя долины, заливаемыя въ половодье, или же остатки прежнихъ озерныхъ пространствъ. Одною изъ весьма важныхъ причинъ меньшаго развитія на сѣверѣ травяной растительности намъ нельзя не признать и тѣ климатическія условія, въ которыхъ находится эта часть Россіи.

Ни одно изъ этихъ неблагопріятныхъ условій не вліяло и не существовало въ районѣ черноземномъ. Допустивъ даже, что въ дилювіальную эпоху южная часть Россіи была покрыта также обильно водою, какъ и сѣверъ, въ чемъ, однако, нельзя не усомниться, все же, въ виду меньшей рѣзкости атмосферическихъ перемѣнъ и болѣе высокой температуры, воды эти должны были высохнуть гораздо быстрѣе и, слѣдовательно, оставить послѣ себя меньше торфяныхъ массъ. Тѣ же условія вліяли и на то, что процессъ разложенія совершался на югѣ гораздо скорѣе. Теперь мы знаемъ очень хорошо, что всѣ наши черноземныя степи съ самыхъ отдаленныхъ временъ были лишены лѣсной растительности; въ прежнее время степи эти представляли собою, болѣе даже, чѣмъ теперь, совершенно плоскія пространства, тянущіяся на сотни верстъ. Такое ихъ строеніе должно было неизбѣжно способствовать тому, чтобы растительные остатки, менѣе подверженные унесенію вешними и другими водами, оставались на прежнемъ мѣстѣ своего произрастанія и проникали въ почву.

Что касается вопроса, почему черноземъ не встрѣчается въ западной Европѣ, то онъ не можетъ уже существовать въ настоящее время, такъ какъ еще недавно залежи чернозема открыты были и въ западной Европѣ, и въ Азіи; кромѣ того, слабое развитіе черноземной почвы на западѣ объясняется отчасти климатическими условіями, характеромъ подпочвы и въ особенности рельефомъ мѣстности. Несмотря на значительное количество химическихъ анализовъ, произведенныхъ надъ нашими русскими почвами, все же наука далеко не обладаетъ точными и ясными свѣдѣніями о составѣ и химическомъ характерѣ различныхъ земель Россіи. Тѣмъ не менѣе нельзя не упомянуть о тѣхъ анализахъ, которые сдѣланы были въ лабораторіи С.-Петербургскаго университета надъ суглинкомъ изъ Смоленской губерніи, кремнеземомъ изъ Московской губерніи, торфянистымъ перегноемъ изъ Петербургской губерніи и черноземомъ изъ Симбирской губерніи. Изъ этихъ анализовъ оказывается, что земля изъ Симбирской губерніи, несомнѣнно принадлежащая къ числу черноземныхъ, отличается прежде всего крайне богатымъ содержаніемъ органическихъ остатковъ, значительнымъ количествомъ песка и въ особенности большимъ, сравнительно съ другими, богатствомъ питательныхъ для растительности веществъ, т.-е. извести, магнезіи, щелочей, фосфорной кислоты, сѣры и азота; общее количество этихъ элементовъ въ Симбирской почвѣ превышаетъ даже то количество, которое можно найти въ какой бы то ни было другой землѣ. Земля изъ Смоленской губерніи (суглинокъ) обладаетъ способностью поглощать и задерживать большое количество воды и питательныхъ веществъ, а потому и вполнѣ пригодна для культуры, хотя и требуетъ удобренія. Земля изъ Петербургской губерніи, представляющая собою образчикъ иныхъ торфянистыхъ почвъ, которыя преобладаютъ въ сѣверной части Россіи, чрезвычайно богата органическими

веществами, происшедшими вслѣдствіе разложенія растеній, но въ то же время крайне бѣдна питательными для растеній минеральными веществами. Даже относительное богатство почвы азотомъ, замѣчаемое здѣсь, отнюдь не говоритъ въ пользу ея плодородія, такъ какъ азотъ находится въ состояніи нерастворимости и не можетъ быть всасываемъ растеніями. Наконецъ, земля изъ Московской губерніи представляетъ намъ собою образчикъ тѣхъ почвъ, которыя, хотя и богаты пескомъ, но въ то же время, достаточно одарены и питательными веществами. Эти земли, извѣстныя подъ именемъ, „супесь", содержатъ въ себѣ очень много фосфорной кислоты.

Большая часть другихъ анализовъ, произведенныхъ въ Россіи и за границею, относится именно къ чернозему, который издавна привлекалъ на себя вниманіе ученыхъ своими особенностями, громадною производительною силою, большою распространенностью въ Россіи и сравнительно рѣдкимъ появленіемъ въ остальной Европѣ. Главная отличительная черта чернозема—его рѣзкая окраска въ черный цвѣтъ. Въ сыромъ состояніи почвы, цвѣтъ этотъ почти совершенно черенъ; при высушиваніи почвы, переходитъ въ сѣрый, причемъ, однако, нѣкоторые черноземы, какъ, напримѣръ, жирный черноземъ, сохраняютъ свой первоначальный, черный цвѣтъ даже и при высушиваніи. Черный цвѣтъ, характеризующій черноземъ, сообщается ему перегнойными веществами. Анализъ показалъ, что эти вещества находятся въ черноземѣ въ крайне различныхъ пропорціяхъ. Такъ, напримѣръ, въ Рязанской губерніи они составляли отъ 8—10%, въ Самарской губерніи — 10,2%, въ Черниговской же и Тульской—2,3—2,6%. Въ черноземныхъ почвахъ процессъ разложенія минераловъ путемъ дезагрегаціи совершается гораздо полнѣе, нежели въ другихъ какихъ бы то ни было почвахъ, и это обстоятельство составляетъ одну изъ наиболѣе важныхъ отличительныхъ чертъ чернозема. Этимъ именно и объясняется его производительная мощь, т.-е. способность его при температурныхъ благопріятныхъ условіяхъ производить превосходные урожаи безъ пособія удобреній.

Разрѣзъ Симбирскаго чернозема.
A. Слой темнаго чернозема, B. Переходный слой, C. Мѣловые пласты.

Главнѣйшую роль въ дѣлѣ питанія растеній играютъ въ особенности различныя соединенія кремневой кислоты, растворимой другими кислотами. Всѣ тѣ элементы, которые почва должна доставлять растеніямъ, какъ-то: щелочи, известь, магнезію, окись желѣза и аллюминія, являющіеся составными частями этихъ химическихъ комбинацій, непрочно соединены другъ съ другомъ, легко разлагаются при реакціи на нихъ углекислоты, углекислаго амміака и т. п., и затѣмъ располагаются въ землѣ и всасываются корнями растеній. Въ почвѣ находятся обломки гранита, гнейса, полевого шпата, деорита и прочихъ каменныхъ породъ; количество этихъ обломковъ, равно какъ и размѣръ ихъ, глядя по мѣстнымъ условіямъ, бываютъ различны. Эти-то обломки и составляютъ часть тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ образовалась данная почва, вслѣдствіе механическаго и химическаго разложенія; обломки эти, находясь въ землѣ и подвергаясь дѣйствію атмосферы и воды, продолжаютъ разлагаться и даютъ новые элементы почвы. Одною изъ отличительныхъ чертъ черноземной почвы служитъ то, что обломки минераловъ, встрѣчающихся въ ней, самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Просѣивая черноземъ чрезъ сито, мы получаемъ всего лишь два—три обломка около 3 миллиметровъ въ діаметрѣ. Это доказываетъ, какъ долго работали надъ произведеніемъ чернозема разрушающіе механическіе и химическіе дѣятели.

Данныя, полученныя химическимъ анализомъ, далеко недостаточны не только для того, чтобы объяснить намъ изумительное плодородіе чернозема, но даже и для того, чтобы представить намъ ясную картину его естественнаго характера и особенныхъ свойствъ, которыя отличаютъ его отъ обыкновенныхъ почвъ, иногда гораздо болѣе, нежели черноземъ, богатыхъ питательными для растеній элементами, но все же менѣе плодородныхъ и производительныхъ. Труды Грандо, наконецъ, дали, повидимому, ключъ къ этой загадкѣ. Этотъ ученый доказалъ, что если минеральныя вещества дѣйствительно представляютъ собою питательный элементъ для растеній и одни лишь могутъ проникать въ растительные сосуды, то и органическія вещества земли съ своей стороны являются также весьма важными агентами для развитія растеній; хотя они и не воспринимаются корнями растеній, но за то играютъ роль посредниковъ между почвою и растеніемъ. Они превращаютъ минеральные элементы въ растворимыя смѣси, которыя воспринимаются корнями. Такимъ образомъ, запасъ органическихъ веществъ является необходимымъ дѣятелемъ, чтобы подготовлять новыя минеральныя вещества,—приводить ихъ въ состояніе, удобное для воспріятія растеніями. Грандо придумалъ новый методъ анализа, который далъ возможность опредѣлить относительную производительную мощь почвы по количеству содержимаго ею органическаго вещества въ соединеніи съ минеральными элементами, годными уже къ воспріятію растеніями. Цѣлая серія такихъ анализовъ показала, что если почвы Россіи не превышаютъ почвы другихъ странъ количествомъ содержимыхъ ими минеральныхъ веществъ, то по количеству органическихъ веществъ, скомбинированныхъ съ дѣятельными минеральными элементами, черноземъ является самою богатою изъ всѣхъ остальныхъ почвъ и можетъ доставить растеніямъ значительный запасъ уже подготовленныхъ къ воспринятію растеніями минеральныхъ веществъ, что и составляетъ самую главную и отличительную черту черноземной почвы.

Одаренная, слѣдовательно, такъ богато въ отношеніи производительности хлѣбныхъ злаковъ, черноземная полоса наша не всегда, однако, даетъ то, что могла бы дать въ силу производительной своей мощи. Въ этомъ случаѣ, кромѣ причинъ экономическихъ, состоящихъ въ крайне небрежномъ хозяйствѣ помѣщиковъ и невозможности для крестьянъ сколько-нибудь порядочно обработывать свою землю, играютъ роль также и причины климатическія, зависящія отъ незащищенности всей черноземной полосы. Эта нужда въ защитѣ до такой степени рѣзко бросается въ глаза, что, кажется, страна только того и ждетъ, чтобы русскій человѣкъ, наконецъ, спохватился, примѣтилъ бы, что подъ лѣсомъ пшеница и не вымерзаетъ, и не высыхаетъ и помогъ бы природѣ, занявшись искусственнымъ лѣсоразведеніемъ. Какъ ни ровна почва въ черноземной полосѣ, однако и здѣсь мы находимъ котловины и углубленія, которыми хозяйство далеко не брезгаетъ, такъ какъ они представляютъ собою все ту же богатую, черноземную почву; въ этихъ-то углубленіяхъ застаивается вода, которая, вслѣдствіе весеннихъ позднихъ морозовъ, совершенно невозможныхъ, еслибы поля были ограждены лѣсами, замерзаетъ и губитъ зелень. Вслѣдствіе отсутствія лѣсовъ, въ черноземной полосѣ царствуютъ сѣверовосточные сухіе вѣтры и, за отсутствіемъ влаги, свирѣпствуютъ засухи, которыя наносятъ зачастую неисправимый вредъ сельскому хозяйству, губятъ цѣлые посѣвы, обездоливая черноземныхъ земледѣльцевъ и заставляя ихъ голодать почти также, какъ на сѣверѣ, гдѣ влаги слишкомъ ужь много. Всѣ эти бѣды черноземнаго сельскаго хозяйства были бы немыслимы, если бы въ этой полосѣ были лѣса, хотя бы даже и въ видѣ не особенно значительныхъ рощъ; но природа распорядилась здѣсь иначе и всѣ незначительныя рощевыя пространства расположены здѣсь по скатамъ лѣсовъ и балокъ, такъ что ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить защитою для полей.

Правда, въ долинахъ нѣкоторыхъ рѣкъ существуютъ еще лѣса и въ черноземной полосѣ, но количество ихъ такъ незначительно, что они не въ состояніи оказывать должнаго вліянія на народное хозяйство. Наконецъ, лѣса эти сосредоточены въ рукахъ казны или крупныхъ

землевладѣльцевъ, такъ что недосягаемы для народа даже какъ строительный матеріалъ и топливо. Понятно, что крестьянамъ невозможно пользоваться здѣсь лѣсомъ изъ первыхъ рукъ, такъ какъ собственникамъ такая торговля лѣсомъ была бы невыгодна. Обыкновенно и казна, и частные владѣльцы пускаютъ въ продажу свой лѣсъ довольно значительными участками, которые и покупаются мѣстными капиталистами-торговцами, въ свою очередь дробящими свои участки на болѣе мелкія дѣлянки, такъ что дѣйствительный потребитель покупаетъ и строительный матеріалъ, и топливо уже изъ третьихъ, а иногда и изъ четвертыхъ рукъ, т.-е. переплачивая въ нѣсколько разъ противъ дѣйствительной стоимости лѣса. Понятное дѣло, что, доведенный до крайности, вслѣдствіе неимѣнія топлива и строительнаго матеріала, крестьянинъ, живущій по близости отъ владѣльческаго лѣсочка, не задумается „въѣхать" въ него, т.-е., другими словами, сдѣлать незаконную, воровскую порубку. То и дѣло обвиняются въ такихъ порубкахъ мѣстные крестьяне, которые въ нѣкоторыхъ, наиболѣе безлѣсныхъ мѣстахъ даже понять не могутъ, чтобы лѣсъ могъ принадлежать какому-либо одному счастливцу и идутъ даже на убійства слишкомъ рьяныхъ владѣльческихъ сторожей и полѣсовщиковъ, какъ это, напримѣръ, повелось въ Мандровской и Хмѣлевской лѣсныхъ дачахъ Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи.

Вслѣдствіе недостатка лѣса, крестьяне принуждены возить его для постройки избъ за 200, 300 и даже болѣе верстъ и по большей части гужомъ на своихъ лошадяхъ, такъ какъ доставка лѣса по желѣзнымъ дорогамъ обходится слишкомъ дорого и не можетъ быть осилена ими. Пришлось, между прочимъ, подумать о замѣнѣ лѣса въ постройкахъ, но и здѣсь черноземному жителю не дали возможности замѣнить лѣсъ такимъ строительнымъ матеріаломъ, который былъ бы не дорогъ и въ то же время проченъ. Самыя почвенныя условія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускаютъ присутствіе песку, который крайне необходимъ для кирпичнаго производства; зачастую приходится пользоваться привознымъ пескомъ, который добывается за нѣсколько десятковъ верстъ отъ мѣста постройки, или же опять-таки покупать готовый уже кирпичъ на заводахъ и доставлять его на мѣсто постройки. Кирпичъ дѣлается вслѣдствіе этого крайне дорогимъ строительнымъ матеріаломъ, недосягаемымъ для крестьянина, а иногда даже и для помѣщика. Плохо развиваясь въ черноземной полосѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, кирпичное производство не могло выработать и хорошихъ способовъ производства, такъ что мѣстный кирпичъ по большей части очень плохъ, крайне чувствителенъ къ сырости и мокротѣ и скоро разсыпается. Нужда заставила жителя черноземной полосы изловчиться на новую замѣну строительнаго матеріала, хотя бы въ ущербъ устойчивости постройки и теплу. Соломы было не занимать-стать, да и глина была подъ руками, а потому и додумался русскій человѣкъ до производства глиняныхъ кирпичей. Дѣломъ этимъ занимаются исключительно женщины, такъ какъ мужчинамъ едва въ пору убраться съ землею. Хитраго въ этомъ производствѣ ничего нѣтъ. Навезутъ побольше глины, набросаютъ въ нее соломы, а то такъ и навозу, который и до сихъ поръ еще во многихъ мѣстахъ въ черноземной полосѣ сваливается въ рѣки или же просто выбрасывается, какъ никуда негодная вещь, и заставятъ въ этомъ мѣсивѣ топтаться лошадь. Форма деревянная слажена на эту потребу издавна и притомъ вдвое болѣе обыкновенной кирпичной. Сладятъ по формѣ кирпичи и выставятъ ихъ пирамидками сушиться на солнцѣ, благо лучи его горячи и тепло даютъ не купленное. Кто бѣднѣе да понедогадливѣе, складываетъ избу прямо изъ этихъ кирпичей и, понятно, пользуется такою избою недолго, потому что кирпичи размываются дождями и изба расползается. Но если остовъ избы или рамку сдѣлать изъ лѣса и уже въ этой рамѣ складывать стѣны, то постройка выходитъ хоть куда и выстоитъ, пожалуй, не менѣе деревянной избы. Есть, однако, и такія мѣста въ черноземной полосѣ Россіи, гдѣ народъ даже и до глиняныхъ кирпичей не дошелъ и строитъ еще плетеныя мазанки. Низины и берега мелкихъ черноземныхъ рѣчонокъ бываютъ, обыкновенно, покрыты такъ-называемымъ

„краснотaломъ" и тальникомъ. Купитъ крестьянинъ съ полсотни жердинъ и завьетъ ихъ погуще красноталомъ, благо его не покупать-стать. Чтобы плетень не сквозилъ и представлялъ собою сплошную, а не дырявую стѣну обмазываютъ его глиною, смѣшанною съ навозомъ и, глядя по вкусу хозяина, или бѣлятъ его, или же оставляютъ и такъ. Есть такіе мастера, что умѣютъ смазь сдѣлать надолго, а хозяйственные люди ухитряются еще и иначе. Натешутъ изъ ветлы небольшихъ кольшковъ, четверти въ полторы длиною, и понатыкаютъ ихъ почаще въ плетень такъ, чтобы они вершка на три, на четыре выступали наружу. Между кольшками вметываютъ кусками липкую смазь, которая въ этомъ случаѣ держится кольшками и можетъ прослужить не хуже кирпича, и особенно мѣстнаго. Любители изящнаго намечутъ еще въ смазь ровненько битаго кирпича и сдѣлается изба или иная постройка вся пестрая и, сравнительно, довольно приглядная на видъ Даже и въ помѣщичьихъ постройкахъ, конечно хозяйственныхъ, все чаще и чаще встрѣчаются глиняныя, которыя, кромѣ своей сравнительной дешевизны, представляютъ еще и то удобство, что представляютъ меньше пищи красному пѣтуху, который такъ часто посѣщаетъ наши деревни и села.

Но не однимъ только строительнымъ матеріаломъ обдѣлила природа крестьянина черноземной полосы Россіи: бѣдствуетъ онъ и съ топливомъ. Служитъ ему солома тяжкую службу: кладетъ онъ ее въ качествѣ крыши на свои жилища; мечетъ ее въ глину для выдѣлки строительныхъ кирпичей, ею же и избы топитъ. Иная хозяйка связываетъ солому, предназначаемую для топки, въ пучки, а по большей части ее просто суютъ въ чело печи, нажариваютъ температуру въ горницѣ до баннаго тепла, а затѣмъ, когда жаръ спадаетъ (солома мало держитъ тепло), снова обуваются въ валенки, одѣваются въ тулупы и овчины, безъ которыхъ и дня не прожить въ этомъ плохо устроенномъ и холодномъ жилищѣ. Топятъ еще и „лузгою", т.-е. гречишною шелухою и всякою другою мякиною. Но мякина ржаная, овсяная и пшеничная чаще идетъ въ кормъ скоту, которымъ тоже не богатъ обитатель черноземной области. Есть и еще одно топливо, которое съ году на годъ все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе среди хозяйственныхъ людей черноземной полосы. Навозу у крестьянъ много, дѣвать его некуда. Изъ навоза приготовляется „кизякъ", который прекрасно исполняетъ свою службу въ качествѣ недорогого топлива, хотя и распространяетъ удушливый запахъ при горѣніи. Кизякъ дѣлается изъ навоза, съ примѣсью къ нему небольшой части черной земли. Форму онъ имѣетъ обыкновеннаго кирпича и также сушится на солнцѣ. Иной запасливый хозяинъ, вѣрнѣе—хозяйка заготовляютъ кизяка на цѣлую зиму. Такими-то путями пробивается житель черноземной полосы, борясь съ отсутствіемъ строительнаго матеріала и топлива.

Вмѣстѣ съ безлѣсьемъ страдаетъ наша черноземная полоса и отъ скуднаго орошенія, которое зачастую губительно дѣйствуетъ на урожаи и, кромѣ того, не даетъ населенію возможности пользоваться дешевымъ способомъ доставки своихъ произведеній. Кромѣ верхней части бассейна Оки, системы Дона и нѣкоторой части системы Днѣпра, въ черноземной полосѣ рѣшительно нѣтъ рѣкъ, да и изъ этихъ только лишь нѣкоторыя и притомъ весьма немногія могутъ быть признаны судоходными. Съ году на годъ онѣ мелѣютъ и судоходство по нимъ становится болѣе и болѣе затруднительнымъ. Многія пристани, гдѣ грузилось значительное число судовъ, теперь не въ состояніи спустить ни одного судна; тамъ же, гдѣ судоходство еще продолжается и понынѣ, оно съ году на годъ уменьшается и грозитъ окончательнымъ прекращеніемъ. Воронежъ, гдѣ построенъ былъ Петромъ Великимъ цѣлый флотъ, не въ состояніи теперь спустить на воду даже и галліотъ; всѣ верховыя Донскія и Воронежскія пристани закрыты, даже Вилковская пристань, отправлявшая еще недавно въ Ростовъ около $1\frac{1}{2}$ милліона хлѣба и муки, теперь не посылаетъ ни одного судна. Старики помнятъ еще то время, когда среди лѣта по верхней Мокшѣ могли ходить груженыя суда, которыя теперь едва пробираются по ней въ половодье. Цна обмелѣла настолько, что выше Тамбова всѣ пристани на ней закрылись. Непрядва и Красивая Меча сдѣлались судоходны лишь для рыба-

чьихъ лодокъ и досчатыхъ плотовъ, на которыхъ изъ недальнихъ мѣстъ сплавляютъ по нимъ зерно.

Отличительною чертою всего черноземнаго пространства являются углубленныя рѣчныя долины и овраги, о происхожденіи и значеніи которыхъ было очень много говорено въ наукѣ. Интересно, что въ этихъ оврагахъ, логахъ или балкахъ почти всѣ наши изслѣдователи видѣли только враговъ человѣка, разрушителей дорогъ и истребителей лучшихъ почвъ. На самомъ же дѣлѣ, такой взглядъ рѣшительно не выдерживаетъ критики. Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что овраги въ степной мѣстности служатъ главнымъ мѣстомъ выхода источниковъ и, слѣдовательно, являются важнѣйшимъ факторомъ въ распредѣленіи населенія мѣстности и, такимъ образомъ, вліяютъ и на жизнь, и на географическое распространеніе мѣстныхъ животныхъ и растеній. Дѣйствительно, когда извѣстный участокъ степи покроется сѣтью овраговъ, неизбѣжно получатся слѣдующіе результаты: испаряющаяся поверхность увеличивается; весеннія и дождевыя воды быстрѣе стекаютъ со степи въ овраги; слѣдовательно, уменьшаются шансы на поступленіе атмосферной влаги въ почвенный слой степи; вмѣстѣ съ тѣмъ, огромное количество чернозема увлекается въ овраги и рѣки; вслѣдствіе этого, въ самой степи, особенно же на ея балочныхъ склонахъ и въ самой балкѣ, образуется новая почва, болѣе пригодная для нестепной растительности. Все это, въ свою очередь, неизбѣжно вызываетъ обѣдненіе степи водою и переселеніе со степи въ овражную низину и на ея склоны растеній, болѣе нуждающихся въ водѣ. Этимъ и объясняется, между прочимъ, что нерѣдко среди совершенно безлѣсной степи встрѣчаются балки и лога, поросшіе лѣсомъ.

Разсмотрѣвши верхній плодородный пластъ черноземной полосы, мы обратимся къ описанію тѣхъ горныхъ породъ, которыя залегаютъ въ этой области. Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что Россія представляется чуть ли не самою удобною страною для изученія девонскихъ отложеній, такъ какъ замѣчено, что у насъ родство всѣхъ девонскихъ осадковъ между собою выступаетъ съ особенною рѣзкостью. Осадки этой формаціи тянутся изъ предѣловъ Олонецкой губерніи, начинаясь у Онежскаго озера, и слѣдуютъ вдоль западныхъ окраинъ каменноугольныхъ образованій; отходя къ западу, они налегаютъ на силлурійскія образованія, тогда какъ, отклоняясь къ востоку, они прикрываются образованіями каменноугольными. Черезъ Петербургскую, Псковскую и Новгородскую губерніи девонскіе осадки, съ одной стороны, заходятъ въ Лифляндію, а съ другой—спускаются по теченію р. Западной Двины и снова выступаютъ на поверхность въ Орловской и Воронежской губерніяхъ, входящихъ уже въ составъ описываемой нами черноземной полосы; въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ они извѣстны подъ названіемъ центральной девонской оси, которая отдѣляетъ наши каменноугольныя образованія, лежащія къ югу и къ сѣверу отъ нея, т.-е. такъ-называемый московскій бассейнъ отъ донецкаго. Ось эта слагается исключительно изъ известняковъ и мергеля; лучшіе разрѣзы этой формаціи можно наблюдать по теченію Оки и въ ближайшихъ окрестностяхъ Воронежа. Заходятъ въ Россію изъ Австріи и міоценовые известняки, именно черезъ Волынь и Подолію; затѣмъ они распространены въ губерніи Херсонской, Екатеринославской и другихъ. Толщина этихъ слоевъ увеличивается отъ сѣвера къ югу, причемъ можно наблюдать и измѣненіе въ этихъ образованіяхъ, такъ какъ отъ песчаныхъ образованій мы переходимъ въ этихъ слояхъ на югъ къ известковымъ. Міоценовые известняки почти вездѣ, гдѣ только приходится наблюдать ихъ, налегаютъ на наносныя образованія, но иногда, какъ напр. въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ, эти осадки налегаютъ непосредственно на такія древнія породы, какъ граниты и гнейсы, обнажающіяся по теченію Днѣстра, Днѣпра и Буга. Нельзя сказать, чтобы добыча известняковъ или міоценовыхъ песчаниковъ составляла важную подмогу въ народномъ хозяйствѣ нашей черноземной полосы; ломки, конечно, существуютъ во многихъ мѣстахъ, но ничего правильно организованнаго не существуетъ и лишь въ двухъ—трехъ мѣстахъ устроена правильная добыча жерновыхъ камней и ихъ обработка на потребу мѣстнаго населенія. Одною изъ глав-

ныхъ ломокъ этихъ камней слѣдуетъ признать жерновецкую ломку въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, откуда жернова разсылаются на югъ вплоть до Ростова, Харькова и Бѣлгорода.

Врядъ-ли найдется на материкѣ Европы другая страна, въ которой два образованія каменноугольной формаціи занимали столь же обширныя пространства; только въ Россіи можно наблюдать каменноугольные осадки, во многихъ мѣстахъ непосредственно обнажающіеся на поверхность, можно обозначить громадные бассейны этого времени и рѣзко опредѣлить восточныя и западныя границы или берега этихъ бассейновъ. Каменноугольные осадки далеко не составляютъ исключительной принадлежности центральной и южной Россіи, такъ какъ начало ихъ идетъ отъ сѣвернаго берега Бѣлаго моря, затѣмъ они тянутся широкою полосою черезъ Архангельскую губернію, обнажаясь непосредственно изъ подъ пермскихъ осадковъ по теченію р. Сѣверной Двины и, наконецъ, переходятъ въ предѣлы Олонецкой губерніи. Далѣе на югъ встрѣчается значительное развитіе каменноугольныхъ отложеній на значительномъ протяженіи въ губерніяхъ: Новгородской, Тверской, Ярославской, Московской, Смоленской, Рязанской, Тульской и Калужской, такъ что южная граница этихъ образованій проходитъ по сѣвернымъ частямъ Орловской и Воронежской губерній, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ выступаетъ на сцену центральная девонская ось. Съ давнихъ поръ стали смотрѣть на каменноугольныя образованія Россіи,—проходящія, между прочимъ, и черезъ Московскую губернію, почему ихъ и принято называть Московскимъ каменноугольнымъ бассейномъ,—какъ на котловину, слои которой отлого падаютъ отъ окраинъ къ центру: вмѣстѣ съ тѣмъ усилія геологовъ были направлены къ тому, чтобы опредѣлить въ этомъ обширномъ бассейнѣ горизонты съ каменнымъ углемъ и послѣ тщательныхъ и долгихъ изслѣдованій оказалось, что на всемъ огромномъ пространствѣ залеганія московскаго угля развитъ горный известнякъ, являющійся аналогичнымъ не только съ такъ-называемою нижнею группою известняковъ Англіи, не содержащею каменнаго угля, но и съ верхнею группою, продуктивною. Мы обязаны Мурчисону наиболѣе полною попыткою классифицировать каменноугольныя образованія Россіи и опредѣлить ихъ угольные горизонты: онъ раздѣлилъ, между прочимъ, всѣ каменноугольныя образованія московскаго бассейна на два отдѣла: нижній, гдѣ господствуетъ известнякъ и гдѣ песчаниковые слои съ каменнымъ углемъ находятся какъ бы въ подчиненіи; верхній, состоящій изъ верхняго горнаго известняка, являющагося то мѣлоподобнымъ, то сплошь состоящимъ изъ раковинъ и моллюсковъ. Здѣсь каменный уголь рѣдко является съ качествами каменныхъ углей, изобилующихъ или, по крайней мѣрѣ, богатыхъ углеродомъ, и приближается, по химическому своему составу, къ разряду бурыхъ углей. Но уголь московскаго бассейна далеко не вездѣ одинаковъ и представляетъ, напротивъ, чрезвычайно много разновидностей. Такъ, напримѣръ, уголь, добытый изъ разработокъ, находящихся близъ села Малевки, Тульской губерніи, выказываетъ много сходства съ торфомъ, тогда какъ въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, близъ села Муравьевки добывается каменный уголь, отличающійся богатствомъ битюминозныхъ веществъ и горящій чрезвычайно длиннымъ пламенемъ, какъ уголь шотландскій.

Понятно, что, исходя изъ схемы Мурчисона и основываясь на его гипотетическихъ разсчетахъ, позднѣйшіе изслѣдователи, преимущественно горные инженеры, старались распространить эту схему на весь московскій бассейнъ, но въ этомъ пришлось разочароваться. Они провели схематически подъ всѣмъ бассейномъ, начиная отъ его окраинъ къ центру, цѣлый рядъ слоевъ, принадлежащихъ, по ихъ мнѣнію, къ нижнему и верхнему горному известняку, а подъ нижнимъ слоемъ или отдѣломъ горнаго известняка проложили мысленно по всему бассейну непрерывный пластъ каменнаго угля. Намѣтивши разъ эти фиктивныя богатства, они стали искать угля на всемъ пространствѣ московскаго бассейна и притомъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по ихъ предположеніямъ, шахты не приходилось закладывать слишкомъ глубоко. Всеобщее изумленіе довѣрчивыхъ искателей было крайне велико, когда угля въ большинствѣ случаевъ не было найдено тамъ, гдѣ они навѣрное предполагали его найти. Заложили буровую сква-

жину даже и въ Москвѣ со спеціальной, впрочемъ, цѣлью добыть для Москвы ту воду, которую предполагали встрѣтить въ нижнихъ горизонтахъ каменноугольныхъ образованій. Но буровая скважина прошла черезъ всѣ песчаныя образованія каменноугольной формаціи, не встрѣтивъ нигдѣ ни воды, ни угля Въ настоящее время эта скважина опущена до верхнихъ слоевъ девонскихъ образованій, но все же остается пока вполнѣ безплодною. Такимъ образомъ, разсчеты на основаніи схемы Мурчисона, относительно количества каменнаго угля въ этой мѣстности, вычисленнаго, напримѣръ, для одной Тульской губерніи въ 125 милліардовъ пудовъ, совершенно несогласны съ истиною и могутъ вводить лишь въ заблужденіе увлекающихся людей. Что касается до непосредственныхъ разрѣзовъ каменныхъ углей, то и они опровергаютъ вполнѣ фиктивное представленіе о залежахъ каменнаго угля въ московскомъ бассейнѣ; но тѣмъ не менѣе, мѣстные землевладѣльцы все еще не перестаютъ довѣряться увлекающимся спеціалистамъ и платятся за свою довѣрчивость весьма значительными суммами. Однимъ изъ наиболѣе печальныхъ результатовъ такой вѣры въ безошибочность теоріи Мурчисона представляется слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ Рязанской губерніи. Около села Муравьевки битюминозный уголь, какъ оказалось, давалъ массу продуктовъ сухой перегонки, причемъ получалось и весьма значительное количество керосина. Понятно, что скоро въ этомъ мѣстѣ возникъ заводъ для приготовленія керосина, владѣлецъ котораго думалъ окончательно вытѣснить своимъ продуктомъ бакинскій и даже заграничный керосинъ, по крайней мѣрѣ, изъ Рязанской и сосѣднихъ съ нею губерній. Предпріятіе было обставлено очень хорошо. Предварительныя развѣдки стоили около 400 т. рублей, причемъ буровыя скважины опредѣлили, будто-бы громадный запасъ каменнаго угля. Но, когда началась самая разработка угля, то оказалось, что онъ залегаетъ не пластами, а гнѣздами, притомъ крайне неправильной формы. Иногда работы начинались со слоя до одного аршина и толщина слоя каменнаго угля быстро увеличивалась до 2 саженъ. Казалось, дѣло идетъ на ладъ, но вдругъ, производя выемку слоя, натыкались на стѣну песчаника. Въ другихъ мѣстахъ московскаго бассейна уголь также залегаетъ гнѣздами. Только въ Тульской губерніи, въ имѣніи графа Бобринскаго, селѣ Малевкѣ такія гнѣзда очень значительны и стоятъ разработки. Здѣсь залежь сохраняетъ однообразіе въ толщинѣ того слоя, изъ котораго добывается каменный уголь Во всемъ громадномъ московскомъ бассейнѣ извѣстно теперь около 120 пунктовъ, гдѣ производится разработка.

Известняки черноземной полосы Россіи стали въ недавнее время доставлять продуктъ, крайне полезный для земледѣлія и имѣющій несомнѣнно блестящую будущность. Известняки эти крайне богаты однимъ изъ наиболѣе важныхъ питательныхъ элементовъ для растеній, а именно фосфорнокислою известью, которую слѣдуетъ считать основою всякаго удобренія. Громадныя залежи ископаемой фосфорнокислой извести были открыты какъ въ центральной, такъ и въ юго-западной части Россіи на пространствѣ нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ. Русскіе фосфориты стоятъ очень близко къ известнякамъ и по составу своему представляютъ смѣсь углекислой и фосфорнокислой извести съ небольшимъ придаткомъ песка и нѣкоторыхъ другихъ ингредіентовъ. Зачастую въ нихъ находятъ кости разныхъ животныхъ и раковины, особенно же устричныя раковины, почему и сама горная порода получила названіе „остіолита". Вслѣдствіе значительной полезности фосфоритовъ, въ послѣднее время стали много заниматься ихъ изученіемъ и изъ анализа оказалось, что существуетъ довольно опредѣленное отношеніе между ихъ фосфорнокислою и углекислою известью. Отношеніе это такое же, какъ относятся къ растворенію въ водѣ эти двѣ соли, что несомнѣнно указываетъ на происхожденіе фосфоритовъ гидрохимическимъ путемъ. Сверхъ того, мѣстонахожденіе фосфоритовъ, которые находятся въ Подольской губерніи, русскіе фосфориты, по своему характеру и составу, очень близко подходятъ къ тѣмъ, которые были найдены въ Арденнахъ, хотя и превосходятъ ихъ содержаніемъ фосфорнокислой извести. Химическіе анализы доказываютъ, что русскіе фосфориты въ среднемъ выводѣ заключаютъ въ себѣ до 40% фосфорнокислой извести и около 8%

углекислой извести. Фосфоритъ добывается и залегаетъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Чаще онъ является въ видѣ узловатыхъ или почковатыхъ скопленій различныхъ величинъ; кое-гдѣ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Курска, Воронежа и Тамбова фосфоритъ залегаетъ цѣлыми плитами; онъ выступаетъ иногда въ видѣ мощныхъ кусковъ, которые, однако, при ближайшемъ изслѣдованіи оказываются собраніемъ мелкихъ почковатыхъ кусковъ, соединенныхъ между собою особаго рода цементомъ. Иногда фосфориты добываются въ видѣ ядеръ въ 2—18 сантиметровъ въ діаметрѣ и тогда отличаются фибрознымъ строеніемъ съ сѣрыми ядрышками углекислой извести. Несмотря на огромныя богатства фосфорита, залегающія въ нашихъ залежахъ и могущія дать сельскому хозяйству изумительно громадное подспорье въ видѣ наилучшаго удобренія, добыча фосфорита находится въ самомъ зачаточномъ состояніи. Главною причиною этого слѣдуетъ признать слишкомъ высокую стоимость сѣрной кислоты, при посредствѣ которой обрабатывается фосфоритъ прежде, нежели поступитъ въ продажу; дороговизна этого продукта дѣлаетъ немыслимою выработку фосфоритныхъ удобреній, которыя пойдутъ въ ходъ лишь тогда, когда въ Россіи разведутся химическіе заводы и удешевится добыча сѣрной кислоты.

Богата черноземная полоса и толщами мѣловой формаціи, которыя развиты въ ней весьма сильно, особенно въ губерніяхъ: Орловской, Саратовской, Могилевской, Черниговской, Курской, Харьковской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской и въ землѣ Войска Донского. Давно уже, еще при первыхъ изслѣдованіяхъ нашихъ мѣловыхъ отложеній обнаружилось сильное различіе въ характерѣ слоево-мѣловой формаціи, взятыхъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Подвигаясь съ сѣвера на югъ, напримѣръ, въ сѣверной части Орловской губерніи, мы видимъ, что известковыя отложенія все болѣе и болѣе утолщаются, чаще и чаще замѣняютъ собою песчаныя отложенія. Утолщеніе это происходитъ крайне быстро; въ то время, какъ у Курска толща мѣла простирается лишь до 7 футовъ, въ землѣ Войска Донского, при буреніяхъ, производившихся близъ Луганскаго завода, на глубинѣ 630 ф., все еще буръ не выходилъ изъ мѣловой толщи. Давно, когда единственными удобными средствами сообщенія считались въ Воронежской и Орловской губерніяхъ шоссейныя дороги, чувствовался въ этихъ мѣстахъ сильный недостатокъ въ матеріалѣ для мощенія. Затѣмъ въ отдѣльныхъ прослояхъ среди песчаниковъ нашли болѣе твердый камень, хотя и этотъ послѣдній далеко не представлялъ значительной плотности и устойчивости. Твердостью своею онъ нѣсколько превосходилъ известнякъ и являлся, такимъ образомъ, лучшимъ матеріаломъ для мѣстныхъ шоссейныхъ дорогъ. Только впослѣдствіи узнали, что камень этотъ ничто иное, какъ фосфоритъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развитія фосфоритовъ наблюдается масса устричныхъ раковинъ, скопленія которыхъ бываютъ такъ значительны, что ихъ вывозятъ цѣлыми возами ради очистки залежи. Такое скопленіе устричныхъ раковинъ въ этихъ залежахъ фосфорита несомнѣнно указываетъ на то обстоятельство, что здѣсь были отмели мѣловой формаціи, такъ что мѣловыя отложенія Орловской и Воронежской губерній являются лишь прибрежьями образованій мѣлового періода въ Россіи. Интересно и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взамѣнъ скопленій устричныхъ раковинъ замѣчается не менѣе значительное скопленіе губокъ разнаго рода, почему и сами слои еще недавно носили названіе губчатыхъ или губковыхъ слоевъ. Эти губчатые слои сплошь перешли въ фосфориты. Изъ наиболѣе распространенныхъ въ этихъ слояхъ видовъ слѣдуетъ, несомнѣнно, первое мѣсто отвести протоспонгіи или первичной формѣ губокъ; тутъ же среди губокъ часто можно встрѣтить раковины нѣкоторыхъ брюхоногихъ, и въ особенности часто встрѣчаются позвонки наземнаго ящера-ихтіозаура. Нѣсколько южнѣе, въ Курской губерніи, мы встрѣчаемъ, вмѣсто губчатыхъ слоевъ, точно такія же образованія изъ песчаника, среди которыхъ находится опять-таки фосфоритъ. Подвигаясь еще болѣе на югъ, мы видимъ уже, что на эти песчаники налегаютъ мѣлоподобныя образованія кремнистыя и глинистыя. Едва мы подвинемся на востокъ и проникнемъ въ Саратовскую губернію, гдѣ лучшій разрѣзъ мѣло-

выхъ образованій можно наблюдать у самаго Саратова, причемъ мощность его здѣсь достигаетъ 250 ф. толщины,—глазамъ наблюдателя представляется полная картина главныхъ породъ, слагающихъ нашу мѣловую формацію, и тѣхъ окаменѣлостей, которыя заключены въ нихъ. Въ самомъ низу мы наблюдаемъ здѣсь бѣлый морской песокъ съ костями ящеровъ; нѣсколько выше песокъ этотъ является уже слабоцементированнымъ, переходя, почти незамѣтно въ известняковые песчаники сѣраго цвѣта; наконецъ, еще выше мы видимъ уже сплошь состоящій изъ губокъ слой фосфорита. Онъ также здѣсь характеренъ и характеръ его все тотъ же, что и въ губерніяхъ Курской, Орловской и Воронежской. Весь разрѣзъ заканчивается мощными толщами бѣлаго мергеля или мѣлового рухляка, характеризующагося формами белемнитовъ и пектеновъ. Подвигаясь далѣе на югъ въ области мѣловыхъ отложеній, мы замѣчаемъ, что мѣловой рухлякъ или мергель уступаетъ мѣсто чистому пишущему мѣлу. Такъ, напримѣръ, уже у Курска наблюдаются отдѣльныя высоты, состоящія изъ этого бѣлаго пишущаго мѣла. Идя далѣе на югъ, мы будемъ встрѣчать все лучшіе и лучшіе образцы этого мѣла, совершенно вытѣснившаго слои песчаниковъ. Буровыя скважины, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Екатеринославской губерніи и въ землѣ Войска Донского до 630 ф. глубины, пролегали въ чистомъ мѣлѣ. Одинъ изъ лучшихъ разрѣзовъ этого мѣла можно наблюдать въ Святогорскомъ монастырѣ Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, гдѣ мы видимъ чрезвычайно мощныя толщи мѣла, принимающаго, по мѣрѣ опусканія внизъ, постепенно зеленоватый цвѣтъ и переходящаго, наконецъ, въ совершенно зеленый песчаникъ.

Здѣсь, на Святогорьѣ, зеленый песчаникъ налегаетъ прямо на юрскія образованія, состоящія изъ коралловыхъ известняковъ, тогда какъ во всей почти остальной черноземной полосѣ южной Россіи мѣловые осадки налегаютъ не на юрскую, а на каменноугольную почву. Всѣ мѣловыя образованія нашего отечества одновременны, хотя и произошли при различныхъ условіяхъ. Группа песковъ и песчаниковъ представляетъ собою только лишь прибрежныя отложенія, тогда какъ мѣловой рухлякъ образовался уже на болѣе значительной глубинѣ; вся система заканчивается глубоководными отложеніями бѣлаго пишущаго мѣла.

Существенной и особенно ощутительной пользы громадныя мѣловыя толщи не приносятъ черноземной области и разрабатываются далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ могли бы разрабатываться при большемъ развитіи частной предпріимчивости и при большемъ спросѣ на мѣлъ, какъ на прямой торговый продуктъ и матеріалъ для химической обработки. Единственно на что онъ употребляется мѣстнымъ населеніемъ—для обмазки домовъ, стѣнъ и крышъ, которые принимаютъ отъ этого весьма опрятный видъ.

Когда Петръ I задумалъ нанести окончательный ударъ владычеству турокъ на Азовскомъ морѣ, онъ избралъ Воронежъ пунктомъ, гдѣ долженъ былъ выстроиться флотъ и собраться операціонный корпусъ. И для флота, и для арміи требовалось желѣзо, а подвозить же его изъ дальнихъ мѣстъ добычи обходилось слишкомъ дорого. Петръ никогда не задумывался въ подобныхъ случаяхъ и приказалъ искать желѣзо по близости Воронежа. Скоро поиски увѣнчались успѣхомъ; желѣзо было найдено; открыли желѣзодѣлательный заводъ для потребностей Воронежской экспедиціи. Полагаютъ, что въ то же время были открыты Петромъ въ 1707 г. и липецкія минеральныя воды. Хотя это и очень правдоподобно, но есть, однако, нѣкоторыя основанія полагать, что легенда эта сложилась уже позже открытія этого минеральнаго источника. Липецкія минеральныя воды найдены въ началѣ XVIII столѣтія; въ старину была здѣсь липецкая пустынь, стоявшая близъ города; въ горѣ, надъ озеромъ, осталась отъ нея каменная церковь Живоноснаго Источника. При этомъ монастырѣ былъ тотъ ключъ минеральныхъ цѣлебныхъ водъ, коимъ пользовался и Петръ Великій.

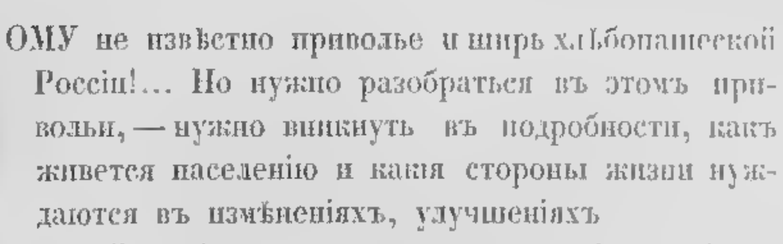

ОЧЕРКЪ II.

КУЛЬТУРА ПОЛЯ.

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible] хлѣбомъ, жирной пшеней,
Жирной овчью,—просто рай!
Но среди природы жирной
Тощь и скорбенъ, [illegible],
Человѣкъ, вѣнецъ созданья,
Перлъ природы, царь земли.

[illegible]

Кому не извѣстно приволье и ширь хлѣбопашеской Россіи!... Но нужно разобраться въ этомъ привольи, — нужно вникнуть въ подробности, какъ живется населенію и какія стороны жизни нуждаются въ измѣненіяхъ, улучшеніяхъ

Ока, берущая начало изъ двухъ болотъ близъ с. Очки, въ южной части Орловскаго уѣзда, Орловской губерніи, отдѣляетъ Московскую промышленную область отъ черноземной нестепной полосы Россіи.

Хотя Ока и составляетъ границу двухъ областей Россіи, но черноземная почва сплошными площадями начинаетъ залегать только въ значительномъ растояніи отъ нее, и затѣмъ уже, почти непрерывно, за исключеніемъ небольшихъ выклиниваній глины, песка и другихъ почвъ, обыкновенно по теченію рѣкъ, охватываетъ всѣ шесть губерній нестепной черноземной полосы Россіи. Вслѣдствіе того, что черноземъ начинается тотчасъ за почвами, имѣющими болѣе свѣтлые оттѣнки, онъ еще сильнѣе обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя. Нашъ русскій черноземъ былъ извѣстенъ еще древнимъ. По крайней мѣрѣ, отецъ исторіи Геродотъ, говоря о

жителяхъ современнаго района черноземной нестепной полосы, въ предѣлахъ Курской, Орловской, Воронежской и Черниговской губерній, упоминаетъ о Чернокафтанникахъ или Меланхленахъ. Народъ, населявшій эту мѣстность, не принадлежалъ къ скиѳскому племени, хотя жилъ по обычаямъ и нравамъ скиѳовъ. Названіе же свое Чернокафтанники онъ получилъ, будто бы, отъ того, что носилъ черные кафтаны.

Различныя племена, населявшія Тамбовскую, часть Воронежской, Рязанской, Тульскую и Калужскую губерніи, были извѣстны Геродоту подъ однимъ общимъ названіемъ Будиновъ, куда онъ относитъ различныя племена Мордвы, извѣстныя впослѣдствіи подъ именами: Мещеры, Мордвы, Черемисъ, Чувашъ, Вотяковъ и другихъ.

За Окой мы вступаемъ въ область обитателей поля и его культуры, оставивъ за собой сѣверную, лѣсистую, озерную и затѣмъ промышленную область Россіи. Но черноземное поле, хотя признаки его встрѣчаются еще за Окой, начинается не тотчасъ за ней: на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ Оки еще тянется полоса, совершенно напоминающая собою Московскую промышленную область.

Нестепная черноземная область Россіи составляетъ рубежъ между лѣсомъ на сѣверѣ и безводною степью на югѣ Россіи, гдѣ до послѣдняго времени нельзя было за малолюдностью заниматься земледѣліемъ и гдѣ по этому во времена отца исторіи странствовали одни скиѳы-кочевники. Какъ на сѣверной, такъ и на южной своей границѣ нестепная черноземная область не рѣзко переходитъ въ степь или лѣсъ, и переходъ этотъ совершается постепенно, такъ что, въ дѣйствительности, трудно найти границу, гдѣ болѣе свѣтлыя почвы замѣняются черноземомъ.

Древне-русская жизнь въ нашей равнинѣ рѣзко раздѣлялась на жизнь въ лѣсу, полѣ и степи. Именемъ лѣса по преимуществу обозначались сплошные лиственные лѣса, покрывавшіе сѣверную сторону отъ Кіева и Курска, не говоря о крайнемъ сѣверѣ, а также и востокѣ, близъ Волги, гдѣ тоже былъ сплошной лѣсъ. Поле начиналось въ полосѣ чернозема, еще съ береговъ верхней Оки и верхняго Дона и особенно распространялось въ полосѣ Кіева, Курска, Воронежа и Тамбова. Полемъ, въ русскомъ смыслѣ этого слова, обозначались такія мѣста, гдѣ, между прочимъ, росъ и лѣсъ. Поле, какъ „*полое мѣсто*" (по начальному своему значенію), указываетъ на то, что въ окрестностяхъ существуетъ и лѣсъ. Такое именно „поле" въ перемежку съ лѣсами и разстилалось отъ верховьевъ Дона, далѣе къ югу до той полосы, гдѣ лѣсная растительность совсѣмъ прекращалась и гдѣ начиналась уже настоящая, ровная, безлѣсная и безводная степь.

Нестепная черноземная полоса Россіи должна быть раздѣлена на двѣ части: на *сѣверную*, образовавшуюся изъ лѣса, къ которой долженъ быть отнесенъ черноземъ южной части Тульской и Орловской и сѣверной части Курской и Рязанской губерній, и *южную* часть, къ которой слѣдуетъ отнести остальную часть Курской, Воронежскую и Тамбовскую губерніи.

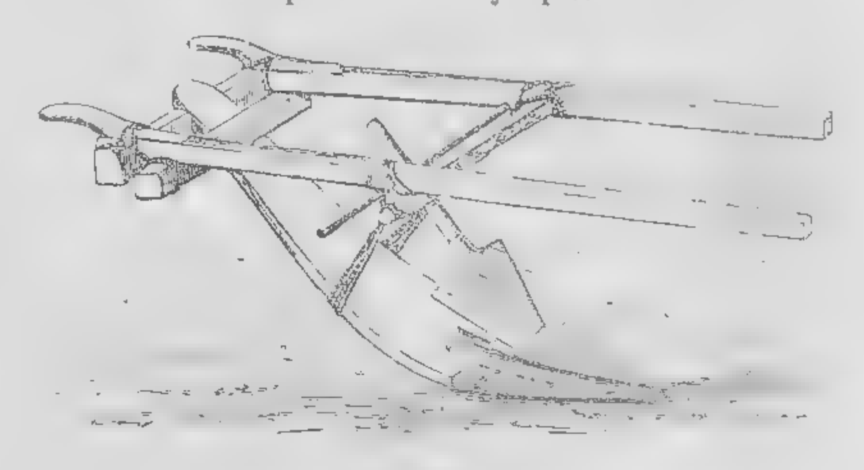
Жизнь въ лѣсу и жизнь въ полѣ воспитывали людей весьма различно. Сѣверная не черноземная полоса Россіи сравнительно недавно превратилась въ поле изъ лѣса. На это имѣются болѣе позднія историческія указанія. Такъ въ XIII столѣтіи, воздѣлываніе хлѣбовъ, приготовленіе муки и печеніе хлѣба считалось здѣсь дѣломъ весьма не легкимъ. Во время молодости преподобнаго Ѳеодосія, близъ Курска, въ Коренной пустыни, часто нельзя было служить обѣдни, потому что нигдѣ нельзя было достать просфоръ, необходимыхъ для обѣдни. Перемолъ зерна производили только руками, вслѣдствіе отсутствія мельницъ. Работа ручного перемола зерна на муку была настолько тяжела, что ее исполняли иноки въ видѣ тяжкаго монашескаго послушанія.

Въ это время, когда здѣсь чувствовался сильный недостатокъ въ хлѣбѣ, Геродотъ называетъ обитателей этого района очень богатыми. По крайней мѣрѣ, онъ такъ отзывается объ обитателяхъ нынѣшней Рязанской губерніи. Откуда же они брали свое богатство, если у нихъ

не было развито хлѣбопашество? — Очевидно, это богатство доставлялъ имъ лѣсъ, со своимъ звѣринымъ населеніемъ. Животное населеніе лѣса составляло исключительную пищу жителей того времени, а продажа мѣховъ лѣсныхъ звѣрей доставляла населенію то богатство, которое не ускользнуло отъ вниманія отца исторіи. Кромѣ того, у него мы находимъ прямое указаніе на то, что въ то время воздѣлываніе хлѣбовъ на продажу производилось въ другой мѣстности Россіи—около Кіева, гдѣ хлѣбъ составлялъ не только предметъ пропитанія мѣстнаго населенія, но и торговли.

Жизнь въ лѣсу заставляла его обитателей особенно заботиться о постройкахъ: рубить ихъ непремѣнно изъ толстаго лѣса, хорошо законопачивать ихъ въ виду того, чтобы не проникала зимняя стужа. Устроивъ себѣ жилье, первобытный обитатель лѣса могъ уже, безъ особенныхъ усилій, обезпечить свое существованіе звѣринымъ промысломъ. Затѣмъ, жизнь обитателя лѣса, расширеніе его поселеній изъ заимницъ въ починки и села происходило, по всей вѣроятности, точно также, какъ происходитъ и въ настоящее время на крайнемъ сѣверѣ Россіи.

Совершенно иначе слагалась жизнь обитателя поля. Русское поле отличалось своею плодоносною черноземною почвою, вознаграждавшею всегда съ избыткомъ трудъ земледѣльца. Оно лежало въ климатѣ болѣе тепломъ, чѣмъ лѣсная сторона и потому представляло больше облегченій и удобствъ къ жизни, чѣмъ лѣсная сторона. Часто случалось, что убирая свой хлѣбъ, земледѣлецъ не заботился о будущемъ посѣвѣ, такъ какъ для этого бывало достаточно одной „падалицы", то-есть упавшаго зерна при уборкѣ, которое приносило, на будущее лѣто, тоже не малый плодъ. Для скота также было приволье и кормъ на тучныхъ лугахъ обширнаго поля. Устройство самаго жилища вовсе не требовало отъ поселянина столькихъ трудовъ, заботъ и хлопотъ, какъ въ лѣсной полосѣ. Изъ хвороста и глины, перемѣшанной съ навозомъ, онъ лѣпилъ себѣ хату, покрывая ее соломой или тростникомъ (очеретомъ). Чѣмъ дольше такая хата стояла, тѣмъ становилась прочнѣе. Постоянное возобновленіе обмазки глиной, а для чистоты и мѣломъ сверху, такъ легко, что этимъ дѣломъ изстари занимаются только женщины.

Великорусская соха

Граница южной и сѣверной части черноземной не степной полосы начинается тамъ, гдѣ въ настоящее время рубленая хата уступаетъ мѣсто мазанкѣ, гдѣ для обработки почвы, вмѣсто лошади и сохи, употребляются волы и плугъ и гдѣ великороссійское племя вытѣсняется малороссійскимъ. Соха и плугъ—такія орудія, изобрѣтеніе которыхъ теряется въ сѣдой древности. У перваго орудія, по крайней мѣрѣ, не отнимаютъ чисто славянскаго его происхожденія. Въ нашихъ былинахъ картинно обрисовывается это орудіе, которымъ работалъ нашъ мужицкій, крестьянствующій богатырь Микула Селяниновичъ, тотъ самый, который на вопросъ Святогора-богатыря, самаго сильнаго изъ древнихъ богатырей, не могшаго поднять, однако, маленькой сумочки, которую несъ первый, отвѣчалъ:

„Въ моей малой сумочкѣ переметной
Вся земная тяга понагружена,
А я самъ – Микула Селяниновичъ".

Изобрѣтеніе плуга у скиѳовъ-славянъ сильно оспаривается нѣмцами, но у Геродота мы находимъ разсказъ о скиѳахъ, которые ему говорили, что въ то время, когда они только что поселились у Днѣпра, во время царствованія у нихъ трехъ братьевъ, къ нимъ упали съ неба

золотыя земледѣльческія орудія, что было за 1000 лѣтъ до похода на нихъ Дарія Персидскаго, т.-е. за 1,500 лѣтъ до Р. Хр. А въ это время нигдѣ еще не упоминалось о тевтонахъ или нѣмцахъ. Во время Геродота (за 450 л. до Р. Хр.) осѣдлые скиөы уже употребляли плугъ. Позднѣе у Плинія находятся извѣстія, что въ Галльской Реціи начали прибавлять къ плугу два маленькія колеса, что называется „plaumorati“ Въ словѣ „plaumorati“ можно возстановить цѣлое славянское изреченіе — „*плугомъ орати*“, что весьма ясно выражаетъ то, что сказалъ Плиній. Эти историческія указанія не подтверждаютъ-ли скиөско-славянскаго происхожденія плуга.

Для сѣверной части черноземной полосы Россіи превращеніе лѣса въ поле заключалось въ истребленіи лѣса. Въ настоящее время тѣ мѣстности, которыя еще въ XIII вѣкѣ почти сплошь были покрыты лѣсами совершенно лишены его. Какъ шло это истребленіе въ болѣе отдаленное время, не сохранилось данныхъ, но можно указать насколько истребленіе лѣсовъ сдѣлало успѣхи въ послѣднее столѣтіе. Такъ, напримѣръ, 110 лѣтъ тому назадъ, въ Тульской губерніи насчитывалось 473 т. десятинъ лѣса; въ настоящее же время осталось лѣсовъ, принадлежащихъ казнѣ, частнымъ владѣльцамъ и крестьянамъ только 216 т. десятинъ. Значитъ, въ теченіе столѣтія, было истреблено болѣе половины всѣхъ лѣсовъ. Также сильно шло истребленіе лѣсовъ въ болѣе южныхъ губерніяхъ, гдѣ лѣсу было относительно меньше, и теперь вся эта мѣстность рѣшительно обезлѣсена. Наибольшія пространства лѣса остались пока въ Орловской и Рязанской губерніяхъ, гдѣ лѣсомъ занято около четвертой части и въ Тамбовской, гдѣ лѣсъ занимаетъ нѣсколько болѣе пятой части всей площади губерніи. Въ Тульской, Курской и Воронежской губерніяхъ подъ лѣсами осталось менѣе десятой части всей площади (отъ 8,5 до 9,5%)

Крестьянинъ за работой.

Параллельно съ уничтоженіемъ лѣсовъ шло увеличеніе пахатной или полевой земли. Въ настоящее время вся черноземная не степная полоса Россіи занята исключительно полемъ, гдѣ лишь изрѣдка попадаются незначительные остатки лѣса. Все, что было возможно распахать, пошло подъ воздѣлываніе зерновыхъ хлѣбовъ.

Наибольшаго развитія поле достигло въ Тульской (70%) и въ Курской губерніи (67%). Здѣсь издавна ведется трехпольное хозяйство, чему особенно благопріятствовало естественное плодородіе почвы и умѣренный климатъ. Рязанская и Орловская губерніи, имѣя лѣсныя окраины, гдѣ возникла особая промышленность, обрабатывающая дерево и металлы, отдаютъ подъ воздѣлываніе зерновыхъ хлѣбовъ нѣсколько болѣе половины всей площади (отъ 55 до 58%). Двѣ юговосточныя губерніи, Воронежская и Тамбовская, отдаютъ подъ культуру хлѣбовъ 3/5 всей площади (60%).

Для прокормленія скота естественныхъ и заливныхъ луговъ Тульская, Орловская, Рязанская и Курская губерніи имѣютъ около десятой части своей площади (отъ 9,1% до 10,6%). Въ среднемъ здѣсь на сто десятинъ пахатной земли приходится по 15,6 десятинъ луга. Вслѣдствіе недостатка луговъ въ этихъ губерніяхъ земледѣльческій промыселъ составляетъ главное занятіе населенія, а скотъ содержится исключительно для обработки почвы. Тамбовская и

Воронежская губернія, для прокормленія скота, оставляютъ почти вдвое болѣе земли подъ лугами, нежели первыя губерніи (отъ 12,4% до 18,3%). Въ этихъ губерніяхъ скотоводство существуетъ, какъ отдѣльная отрасль хозяйства, въ видѣ коневодства, тонкорунного овцеводства и т. под. Затѣмъ, садами, огородами, усадьбами, другими угодьями и неудобною землею въ этихъ губерніяхъ занято почти одинаковое количество земли, а именно — немного болѣе десятой части всей площади (12,3%).

Самое густое населеніе по отношенію къ землѣ мы находимъ въ двухъ чисто земледѣльческихъ губерніяхъ, гдѣ хлѣбопашество получило наибольшее развитіе. Такъ, въ Тульской и Курской губерніяхъ приходится по 4,6 дес. всей земли на каждаго сельскаго жителя мужского пола, полевой же земли, ежегодно засѣваемой и обрабатываемой,—по 3,2 дес. Въ Рязанской и Орловской губерніяхъ, гдѣ населеніе рѣже, на одну душу сельскаго населенія губерніи приходится пахатной земли 3,2 дес., всей же земли—отъ 5⅓ до 6⅓ дес. Въ Тамбовской губер-

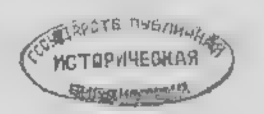

Первая борозда.

ніи на одну душу приходится пахатной земли 3,2 дес., всей земли—по 5,4 десятинъ; въ Воронежской губерніи—пахатной земли 3,9 дес., всей земли—по 6,4 дес. Сообразно этимъ даннымъ оказывается, что въ Тульской губерніи, за недостаткомъ земли, наиболѣе развита кустарная промышленность, да кромѣ того болѣе десятой части населенія губерніи уходитъ въ менѣе населенныя области Россіи. Въ Курской губерніи ежегодно болѣе половины наличнаго населенія ея уходитъ на заработки на югъ, если не на цѣлый годъ, то на время косовицы и уборки хлѣба, гдѣ они находятъ сбытъ труду въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ.

Въ лѣсистыхъ окраинахъ Орловской и Рязанской губерній возникла фабричная промышленность, которая занимаетъ работою довольно значительный процентъ населенія; но помимо этого, все-таки уходитъ на заработки въ другія губерніи довольно значительный процентъ населенія За то населеніе остальныхъ двухъ губерній этого района (Воронежской и Тамбовской) почти всецѣло заняты обработкою земли, воздѣлываніемъ хлѣба, разведеніемъ лошадей, тонкорунныхъ овецъ и рогатаго скота.

Вся площадь земли этой полосы Россіи почти поровну распредѣляется между двумя фор-

мами землевладѣнія: частнымъ, помѣстнымъ и общиннымъ, крестьянскимъ землевладѣніемъ. Впрочемъ, общинное землевладѣніе нѣсколько преобладаетъ надъ частнымъ. Въ среднемъ выводѣ, во всей полосѣ приходится на долю частныхъ владѣльцевъ 43,9%; на долю крестьянъ 56,1% земли. Значитъ, пространство, принадлежащее крестьянамъ, на 12,2%, т.-е. на 1/8, превышаетъ количество земли, принадлежащее частнымъ владѣльцамъ. Болѣе рѣзкія отклоненія отъ этой нормы мы находимъ въ Орловской губерніи, гдѣ частное землевладѣніе (50,2 преобладаетъ надъ общиннымъ (49,8) на 0,4%. Наоборотъ же, въ Воронежской губерніи земли крестьянскаго владѣнія составляютъ 64,2%; у частныхъ же владѣльцевъ находится только 35,8%, т.-е. крестьянское землевладѣніе превышаетъ на 28,4%. Изъ этихъ цифръ становится еще болѣе яснымъ, почему сельское населеніе Воронежской губерніи можетъ находить работу исключительно на мѣстѣ, хотя, впрочемъ, въ послѣдніе годы были примѣры выселенія и изъ этой губерніи.

Въ пяти губерніяхъ этого района (за исключеніемъ Рязанской губерніи, относительно которой свѣдѣнія крайне недостаточны), въ среднемъ выводѣ, на каждаго частнаго землевладѣльца приходится по 173 десятины земли. Наибольшіе размѣры частнаго землевладѣнія мы встрѣчаемъ въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ, гдѣ на каждаго землевладѣльца приходится въ первой по 332 десят., во второй по 230 десятинъ, т.-е. почти вдвое болѣе, чѣмъ по среднему расчету для всего района. Наименьшіе размѣры землевладѣнія мы находимъ въ Курской губерніи, гдѣ приходится по 110 десятинъ, и Тульской губ., гдѣ приходится по 120 на землевладѣльца, т.-е. отъ 30% до 38% менѣе, чѣмъ по среднему расчету для всего района. Общинной земли, находящейся въ распоряженіи крестьянъ, приходится на каждаго сельскаго жителя во всей нестепной черноземной полосѣ Россіи по 2,7 дес. Наибольшее количество земли (по 3,1 десят.) приходится въ Тамбовской губерніи, наименьшее (по 2,2 десят.) въ Тульской губерніи. Такое распредѣленіе крестьянской земли мы находимъ при валовомъ расчетѣ; въ дѣйствительности же оно нѣсколько иное, такъ какъ не для всѣхъ крестьянъ существуетъ одинаковый надѣлъ. Всѣхъ крестьянъ можно раздѣлить на три главныя категоріи: на бывшихъ государственныхъ, удѣльныхъ и крѣпостныхъ (помѣщичьихъ). Въ шести губерніяхъ разсматриваемаго района, только въ одной Орловской мы находимъ незначительное число бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, которые получили такой же надѣлъ, какъ и бывшие государственные крестьяне. Наибольшіе надѣлы получили государственные крестьяне. Въ среднемъ по всему району надѣлы ихъ составляютъ 4,4 десятины на душу. Наименьшій надѣлъ эти крестьяне получили въ Рязанской губерніи 3,8 десятинъ; средній—въ Тульской, Орловской и Курской губерніяхъ—по 4,1 десят. Въ Тамбовской же и Воронежской губерніяхъ надѣлы ихъ достигли максимальной величины: 4,7 десят. въ первой, и 5,7 десятинъ во второй. Надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ распредѣляются болѣе равномѣрно Средній надѣлъ составляетъ 2,7 десят. на душу. Отклоненія отъ этого мы находимъ въ Орловской, гдѣ онъ нѣсколько болѣе (3,1 десят.), и въ Курской, гдѣ надѣлъ менѣе (2,3 десят.). Такимъ образомъ, надѣлы бывшихъ государственныхъ крестьянъ на 61% болѣе бывшихъ крѣпостныхъ.

Кромѣ полнаго надѣла, у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ существуютъ еще уменьшенные надѣлы: *половинный* и *четвертной* или *нищенскій* надѣлъ. Послѣдній надѣлъ составляетъ лишь 3/4 десят., а въ Курской губерніи — всего только 3/5 десят. на душу. Значитъ, нищенскій надѣлъ въ четыре раза менѣе полнаго надѣла бывшихъ помѣщичьихъ и въ 6 разъ менѣе надѣла бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Надѣлъ этотъ довольно значительно развитъ во всѣхъ губерніяхъ этого района. Даровой надѣлъ не могъ не вліять особенно вредно на благосостояніе крестьянъ. Получивъ лишь самые незначительные клочки земли, которыхъ едва-едва хватало для постройки усадьбъ, крестьяне тѣмъ не менѣе прикрѣплены къ землѣ, хотя и не имѣютъ физической возможности вести самостоятельное полевое хозяйство. Имъ остается одно изъ двухъ: или наниматься въ батраки къ сосѣдямъ землевладѣльцамъ, или

арендовать у нихъ подъ посѣвъ хлѣба землю, нерѣдко по такой высокой цѣнѣ, которой не можетъ окупить даже и хорошій урожай.

Въ среднемъ выводѣ, на весь районъ, одна лошадь приходится на 5,5 десят. полевой

Сѣятель (съ фотографіи).

земли. Самое незначительное число лошадей находится въ Воронежской губерніи, гдѣ одна лошадь должна бы была обработать 6,5 десятинъ, если бы въ этой работѣ ей не помогали волы. Наибольшее число лошадей имѣется въ Тамбовской и Курской губерніяхъ, гдѣ одна лошадь приходится на 4,5 десят. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ содержать мало лошадей, напри-

мѣръ, въ Воронежской губерніи, мы находимъ наибольшее количество рогатаго скота, овецъ и свиней. Рогатаго скота въ этой губерніи приходится по одной головѣ на 5,6 десятинъ. Въ Тульской же губерніи, гдѣ содержатъ незначительное количество рогатаго и мелкаго скота, приходится всего лишь по одной головѣ на 15,1 десятины. На двѣ десятины Воронежской губерніи приходится по одной овцѣ; наименьшее количество овецъ содержится въ Орловской губерніи, гдѣ одна овца приходится на 3 десятины земли. Особенно много свиней разводится въ Курской губерніи, гдѣ одна свинья приходится на 7 десятинъ земли; въ Воронежской губерніи одна свинья приходится на 8 десятинъ. Наименьшее число свиней находимъ въ Тульской губерніи, гдѣ одна свинья приходится на 16,5 десятинъ пахатной земли. Если принять десять головъ мелкаго скота за одну крупную,—приходится по одной головѣ на 2,5 десятины въ Тамбовской губерніи и на 4 десятины въ Тульской губерніи

Теперь не трудно будетъ сдѣлать выводъ объ удобрительныхъ средствахъ нестепного черноземнаго района. Въ среднемъ расчетѣ, здѣсь на 100 десятинъ пахатной земли приходится 36 головъ скота. Отъ каждой головы можно получить около 400 пудовъ навоза. Значитъ, 6 головъ скота необходимо для хорошаго добренія одной десятины (2,400 пуд. навоза). Выходитъ, такимъ образомъ, что въ настоящее время нашъ земледѣлецъ изъ 100 десятинъ можетъ удобрить не болѣе шести десятинъ; всю же свою пахатную землю онъ въ состояніи будетъ удобрить только въ 17 лѣтъ. Считается доказательствомъ, что для полученія хорошаго урожая съ чернозема вполнѣ достаточно класть удобренія на ту же десятину черезъ девять лѣтъ. Значитъ, чтобы удобрить землю въ такой срокъ, необходимо въ этомъ районѣ увеличить количество скота въ 2 раза. Увеличеніе же скота находится въ тѣсной зависимости отъ кормовыхъ средствъ, т.-е. сѣна, для увеличенія сбора котораго нѣтъ иного выхода, кромѣ замѣны трехпольной системы хозяйства плодосмѣнною системою. При этой ломкѣ, при этомъ вынужденномъ ходомъ хозяйства, переходѣ отъ трехпольной системы къ другой болѣе совершенной, мы и присутствуемъ въ настоящее время по отношенію къ землевладѣльцамъ. Эта же ломка въ послѣднее время начинаетъ понемногу, едва замѣтно проникать въ общинное крестьянское хозяйство.

Косари сѣна.

Но пока еще во всемъ нестепномъ черноземномъ районѣ, за исключеніемъ южныхъ его окраинъ и нѣсколькихъ отдѣльныхъ хозяйствъ, господствуетъ трехпольная система. Погоня за пахатной землей, такъ какъ при трехпольи, только отъ воздѣлыванія зерновыхъ хлѣбовъ земледѣлецъ и можетъ получить все необходимое для насущнаго пропитанія, неминуемо вызывала всѣ тѣ неблагопріятныя условія, которыми характеризуется современное положеніе хозяйства этой полосы. Главнѣйшіе изъ нихъ: сокращеніе луговъ, при которомъ, конечно, нужно было сокращать и содержаніе скота, а при отсутствіи послѣдняго нечѣмъ было и удобрять поля. Земля, пока была не выпахана, давала хорошіе урожаи, но съ истощеніемъ почвы не вознаграждается земледѣлецъ за труды. Удобрять же землю ему нечѣмъ, за недостаткомъ скота. Вотъ почему и приходится позаботиться объ устройствѣ хозяйства на новыхъ основаніяхъ.

Жители каждой деревни, по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, составляютъ общину, которой и принадлежитъ вся земля, полученная отъ бывшаго помѣщика. Всѣ крестьяне (данной общины) обязаны круговою порукою одинъ за другого въ исправной уплатѣ какъ выкупа за землю, такъ и всѣхъ податей и сборовъ, которые падаютъ на населеніе. За всѣ эти платежи крестьяне пользуются надѣльною землею сообща. Распредѣлить ее поровну, сообразно съ наличными силами членовъ общины и тѣхъ платежей, которые несетъ каждый изъ нихъ, и составляетъ задачу общины, которую она и исполнила съ полною справедливостью. Но нельзя, къ сожалѣнію, того же сказать про общинное хозяйство, при которомъ у каждаго общинника, совершенно непроизводительно, теряется масса времени на переѣзды къ своимъ мелкимъ участкамъ и на ихъ обработку. Для распредѣленія общинной земли, ее нужно было бы уравнять по качеству и отдаленности ея отъ населенія; каждому члену общины нужно было бы дать по возможности равнокачественный со всѣми участокъ. Сельское общество всю свою землю раздѣляетъ на небольшое число частей, обыкновенно на три части, но бываетъ земля раздѣлена на 5, 7 и болѣе частей. Каждая изъ этихъ частей, въ свою очередь, распредѣляется на три поля, соотвѣтственно повсемѣстно господствующему сѣвообороту. При первомъ дѣленіи принимаются во вниманіе качества почвы и удаленность участковъ отъ селенія. Обыкновенно самыми лучшими участками бываютъ тѣ, которые лежатъ ближе къ селенію. Если бы они и не были таковы по качеству почвы, то скоро улучшаются, потому что крестьяне исключительно на нихъ вывозятъ удобренія. Въ разныхъ мѣстахъ эти участки носятъ разнообразныя названія: „жеребьевъ", „столбовъ", „коновъ" и т. п. Затѣмъ, всѣ члены общества распредѣляются на группы; группы бываютъ различной величины, въ 25, 10, 8, 4 и 2 члена. При распредѣленіи членовъ на группы, устанавливаютъ такое число последнихъ, чтобы включить всѣхъ членовъ общины, обладающихъ надѣлами. Въ группы члены общества соединяются или по предварительному соглашенію, или по жеребью. Не обязательно, чтобы въ группѣ было непремѣнно столько членовъ, сколько въ ней числится надѣловъ; въ группу, напримѣръ, изъ 8 надѣловъ, могутъ войти или 4 члена, имѣющіе по 2 надѣла, или 2, имѣющіе по четыре надѣла, или два, обладающіе тремя надѣлами каждый и одинъ 2 надѣлами

Стогъ сѣна (фотографія съ натуры).

Въ небольшихъ общинахъ Тульской, Орловской и Курской губерній, часто приходится встрѣчать цифру 8, какъ постоянную норму группъ. Группы эти носятъ различныя названія. Чаще всего встрѣчается названіе „жеребій", но есть и другія названія: „гоны", „делянки", „творила" и т. п. Иногда члены общины, распредѣлившись на группы, — особенно, если группы большія,—для дѣлежа земли выбираютъ одного или двухъ „дѣлильщиковъ" на каж-

дую группу. При немногочисленныхъ группахъ дѣлятъ пахатную землю, по числу группъ, всѣмъ обществомъ. При дѣлежѣ земли на группы, какъ болѣе крупныя орудія измѣренія, употребляютъ или палки, или сажени, или веревки; мелкими орудіями измѣренія служатъ: слѣдъ ноги, лапти, полъ-лаптя, ступня и т. п. При этомъ равномѣрность дѣленія наблюдается съ самою крайнею педантичностью. Послѣ дѣлежа земли на группы, мечутъ жеребій. Какая группа вынетъ первый жеребій, та и занимаетъ первый участокъ земли съ назначеннаго заранѣе конца; жеребій, вынутый второй группою, занимаетъ слѣдующій участокъ и т. д. Такъ какъ для каждой группы имѣется по три участка во всѣхъ трехъ „конахъ", на которые дѣлится земля, при чемъ каждый „конъ" распредѣленъ на три поля, то бросаніе жеребья происходитъ девять разъ, т.-е. для каждаго „кона" и поля отдѣльно; члены группы жеребья сами дѣлятъ пришедшуюся на ихъ долю землю по числу членовъ. Такимъ же образомъ дѣлятъ общинники свои сѣнокосы, огородную землю, конопляники и др. угодья. Вообще, передѣлы общинной земли въ этомъ районѣ бываютъ не часто. У большинства сельскихъ общинъ со времени реформы не было ни одного передѣла; у другихъ обществъ, за тотъ же періодъ времени, было не болѣе двухъ передѣловъ.

Уборка сѣна.

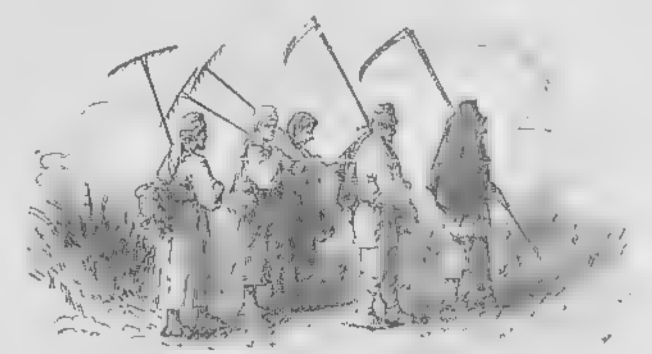
Крестьяне собственники, платящіе выкупъ за землю, обладающіе хорошей, плодородной землей, находятъ несправедливымъ передѣлять землю. Мы бились,—говорятъ они,—за свои надѣлы, платили выкупъ. Иной — одинъ работникъ въ семьѣ бѣдствовалъ, чтобы уплатить выкупъ за 3—4 надѣла, для подростающихъ дѣтей своихъ. Для чего же отнимать у него землю? Для чего же дѣлить ее тѣмъ, кто не платилъ выкупа? У того если и есть дѣти, то, когда они выростутъ,—могутъ заработать на сторонѣ болѣе, чѣмъ получитъ членъ общины, имѣющій надѣлъ, въ урожайный годъ съ него. Въ общинахъ, обладающихъ плохою почвою, передѣлы бываютъ чаще, крестьяне не стремятся обладать землею, напротивъ—рады бы отъ нея отказаться, но круговая порука заставляетъ, противъ всякаго желанія общинниковъ, держать надѣлы и воздѣлывать общинную землю.

Въ общинахъ, обладающихъ хорошею землею, крестьяне сильно держатся за надѣлы. Въ общинахъ, болѣе бѣдныхъ, крестьяне, не имѣющіе своихъ лошадей, сдаютъ надѣлы въ наемъ богатымъ, нерѣдко съ надбавкою сверхъ той суммы, какую приходится платить за нихъ въ видѣ податей и др. сборовъ. Кромѣ того, такіе члены общины нанимаютъ сосѣдей для обработки почвы и свозки хлѣба.

Полосы пахатной земли, полученныя въ надѣлъ и разбросанныя въ различныхъ мѣстахъ, каждый общинникъ обрабатываетъ и засѣваетъ своими средствами. Луговыя надѣльны яполосы убираются каждымъ общинникомъ отдѣльно. Но въ рѣдкихъ случаяхъ цѣлая группа

сообща коситъ сѣно съ того участка, который ей достался, высылая по равному числу рабочихъ, отъ каждаго двора общинника, участвующаго въ группѣ, а затѣмъ уже накошенное сѣно дѣлятъ по числу надѣловъ.

Въ нѣкоторыхъ общинахъ, гдѣ крестьяне успѣли выкупить свои надѣлы, общинное землевладѣніе перешло въ подворное. Отличіе общиннаго отъ подворнаго землевладѣнія заключается въ томъ, что каждому члену общины разъ на всегда отводится участокъ земли, который поступаетъ уже въ личную собственность крестьянина. Такой участокъ, напримѣръ, не можетъ быть дѣлимъ. Переходъ отъ общиннаго къ подворному владѣнію вызывается желаніемъ избѣжать круговой поруки. Но разъ это достигнуто, крестьянское общество, въ большинствѣ случаевъ, продолжаетъ жить тѣмъ же общиннымъ порядкомъ, какимъ оно жило и до перехода на подворное владѣніе землею.

Возвращеніе съ сѣнокоса.

Рожь—кормилица большинства обитателей поля. Вся сила, все умѣнье, все стараніе крестьянина направлены къ тому, чтобы получить какъ можно болѣе этого хлѣба, имѣющаго первостепенное значеніе въ крестьянскомъ обиходѣ. Общинная паровая земля, которая дѣлится обыкновенно во время петровки, въ самое свободное для крестьянъ время, послѣ вывозки навоза, тотчасъ же и обрабатывается. Первая работа крестьянина—метаніе взмета. Взметъ поднимаютъ сохою съ бороною. Наша соха не беретъ глубоко; если она возьметъ вершка на $1^1/_2$ глубины, то и хорошо. Недѣли въ двѣ, паръ у крестьянъ уже пометанъ. Работа эта еще не спѣшная, во время ея можно и отдохнуть часъ, другой въ полѣ, если только не забрано денегъ впередъ подъ обработку земли. Но деньги бываютъ всегда такъ нужны нашему крестьянину, что онъ набираетъ такую массу десятинъ земли подъ обработку, что ему нѣтъ возможности медлить со взметомъ, надо торопиться подымать паръ и у другихъ, за забранныя впередъ деньги. Иногда крестьяне набираютъ такъ много земли подъ обработку, что имъ не удается и передвоить свою ниву, а прямо, въ серединѣ или концѣ іюля, начинаютъ засѣвать взметъ рожью; затѣмъ, заборонятъ, и всѣ работы по воздѣлываніи ржи этимъ и заканчиваются. До уборки ржи въ будущемъ году нашъ землепашецъ совсѣмъ не заботиться о ней, да по складу сельскихъ работъ и не имѣетъ возможности заботиться, если бы даже пожелалъ этого. Такъ же, какъ подъ посѣвъ ржи, приготовляютъ поле и подъ посѣвы пшеницы въ южной части района, гдѣ крестьяне сѣютъ ее, хотя и не въ большомъ количествѣ.

Отдыхъ на пашнѣ, по рисунку Богатова.

Послѣ взмета пара, за недѣлю или недѣлю спустя послѣ Петрова дня, начинается уборка сѣнокосовъ. До начала сѣнокоса въ полѣ пусто, малолюдно, но съ началомъ послѣдняго поле оживляется и населяется; наибольшаго оживленія достигаетъ поле во время уборки хлѣба.

Сѣнокосъ—предвѣстникъ жатвы. Онъ требуетъ значительныхъ усилій, но еще не всего напряженія крестьянскихъ силъ, какъ уборка хлѣба, а потому его встрѣчаетъ населеніе съ радостью. Въ сѣверной части района работники, при началѣ сѣнокоса, надѣваютъ красныя кумачныя рубахи, а въ южной части—бѣлыя.

Косить сѣно начинаютъ рано утромъ, пока трава еще сыра, чтобы лучше она срѣзывалась косою. Косьба продолжается до тѣхъ поръ, пока не взойдетъ солнце и трава не обсохнетъ, т.-е. до обѣда. Затѣмъ появляются разряженныя бабы съ граблями и начинаютъ переворачивать завявшую немного траву. День, много два пролежитъ на лугу сѣно, нѣсколько разъ переворотятъ его, потомъ сгребаютъ въ валы, и лугъ, въ нѣсколько дней, покрывается копнами свѣжаго сѣна. Самое лучшее, веселое это время въ деревнѣ. Хлѣбныя нивы красуются, желтѣютъ, хлѣбъ наливается, зрѣетъ. Сѣно свозятъ на гумна, въ сараи или мечутъ въ стога на лугахъ.

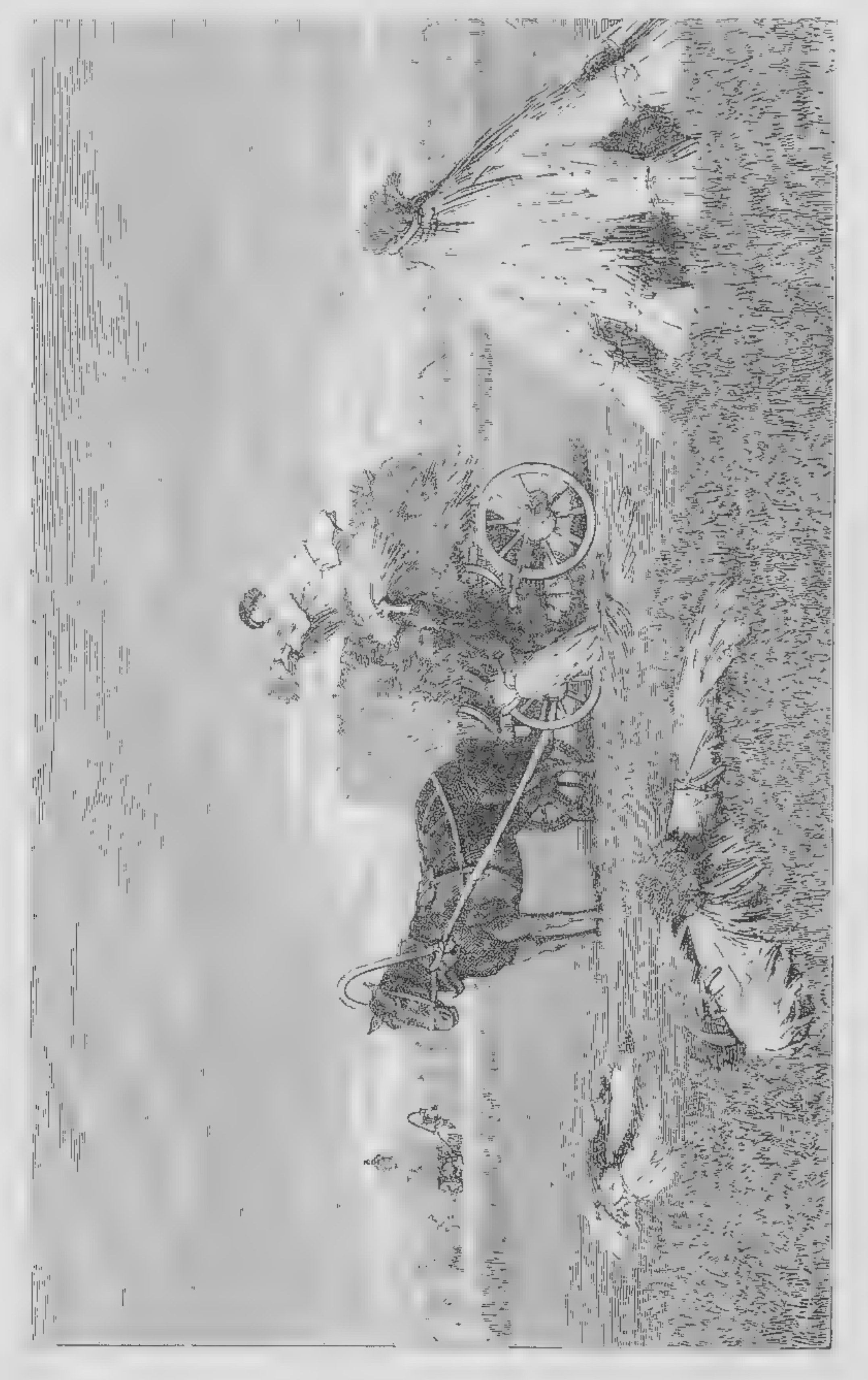
Вскорѣ послѣ сѣнокоса наступаетъ и страдное время—уборка хлѣба. Въ южной части района въ началѣ іюля, а въ сѣверной — къ концу этого мѣсяца начинаетъ поспѣвать рожь. Не успѣютъ убрать ее, какъ созрѣваетъ пшеница, которая воздѣлывается преимущественно на землевладѣльческихъ земляхъ. Надо только видѣть, какъ падаютъ, въ это время, подъ ударами мужицкихъ косъ, въ одинъ день нерѣдко цѣлыя сотни и даже тысячи десятинъ ржи и пшеницы. На время страдной уборки хлѣба крестьянинъ приберегаетъ лучшую пищу. Такъ, напримѣръ, гречневую крупу для каши замѣняетъ пшеномъ. Отдыхъ доведенъ до минимума. Въ это время напряженіе силъ крестьянина доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Въ большинствѣ случаевъ, въ теченіе дня, онъ скашиваетъ по цѣлой десятинѣ не только ржи, но даже и пшеницы, что наемный работникъ или батракъ дѣлаетъ въ два дня. Деревенская женщина въ это время тоже не уступаетъ въ напряженіи силъ крестьянину: въ жаркій лѣтній день, только-что подсохнетъ хлѣбъ, т.-е. съ завтрака или обѣда, крестьянка начинаетъ вязать его въ снопы и должна поспѣть перевязать хлѣбъ на десятинѣ въ слѣдъ за косцомъ, чтобы въ день совсѣмъ отдѣлаться съ десятиной, а на другой день перейти на другую для исполненія договоровъ, заключенныхъ съ земледѣльцами еще осенью или зимой. Въ ясную, теплую, лѣтнюю, лунную ночь зачастую можно слышать въ полѣ пѣніе. Что это такое? — Это женщины ночью довязываютъ скошенный хлѣбъ на своихъ полоскахъ, чтобы днемъ непремѣнно поспѣть на чужую работу, за деньги, забранныя еще осенью или зимою. И такая усиленная, напряженная работа продолжается около мѣсяца и болѣе.

Уборка хлѣба. — Рисунокъ А. Афанасьева.

Не забудьте при этомъ, что работа совершается подъ жаркимъ, палящимъ солнцемъ, когда температура въ тѣни не бываетъ ниже 25 — 30° R. Во время жатвы, всѣ въ полѣ — и малые, и большіе, — всѣ что-нибудь дѣлаютъ, какъ-нибудь помогаютъ работѣ. Ко времени

уборки хлѣба нерѣдко возвращаются въ деревню и тѣ члены семействъ, которые въ теченіе всего остальнаго времени года работали гдѣ-нибудь далеко на сторонѣ. Всякій обитатель деревни, будь онъ кустарь или ремесленникъ, чувствуетъ непреодолимое влеченіе въ поле, на

Уборка хлѣба.—Картина Н. Дмитріева-Оренбургскаго.

работу, чтобы принять участіе въ земной тягѣ,—въ обезпеченіи продовольствія. Какъ ни тяжела работа, но каждый вечеръ, бабы и мужчины, возвращаясь съ граблями и косами домой, заканчиваютъ рабочій день или начинаютъ новую рабочую ночь пѣснями.

Существуетъ еще родъ тяжелой женской работы—уборка хлѣба серпомъ. Она совершается почти также, какъ производится вязка хлѣба, но требуетъ значительно большаго напряженія

силъ, такъ какъ работать серпомъ приходится все время въ изогнутомъ положеніи. Въ день одна жница можетъ сжать пять—шесть копенъ; лучшая изъ работницъ не въ состояніи сжать болѣе восьми копенъ. Серпомъ убираютъ только наиболѣе дорогой хлѣбъ. Жатва копны хлѣба обходится въ 15—18 коп.; уборка серпомъ десятины хлѣба стоитъ отъ 3 до 7 рублей.

Хлѣбъ скошенъ, связанъ, составленъ въ крестцы по тринадцати сноповъ въ каждомъ; 4 крестца составляютъ великорусскую копну въ 52 снопа. Простоитъ хлѣбъ нѣсколько дней въ копнахъ,—нужно его возить на гумно. Эта работа полегче, но и она требуетъ довольно значительнаго напряженія силъ, потому что чѣмъ скорѣе хлѣбъ будетъ свезенъ съ поля и сложенъ въ скирды, тѣмъ болѣе онъ обезпеченъ отъ различныхъ невзгодъ. Свезенный хлѣбъ крестьяне почти всегда тотчасъ же начинаютъ молотить, чтобы попробовать новины, новаго хлѣба. Да и нельзя не молотить его, потому что у единичныхъ развѣ счастливцевъ остается къ этому времени старый хлѣбъ. Наконецъ, необходимы и сѣмена для посѣва озимей. По рѣдко крестьянину удается много намолотить хлѣба въ промежуткѣ между уборкой озимаго хлѣба и поспѣваніемъ ярового. Часто бываетъ такъ, что не успѣютъ еще свезти рожь или пшеницу, нужно уже убирать овесъ, а тамъ просо, гречиху. Опять та же лихорадочная работа по уборкѣ хлѣбовъ, усложняемая еще и тѣмъ, что нужно урывать время для молотьбы.

Настоящая молотьба начинается по окончаніи уже всей уборки, примѣрно, въ концѣ августа, или въ началѣ сентября. У крестьянъ хлѣбъ молотятъ цѣпами; только въ послѣднее время въ Рязанской губерніи крестьяне начали строить дву- и четырехконныя молотилки. Молотилки эти сильно распространились въ Тульской, Рязанской и Тамбовской губерніяхъ. Крестьяне пріобрѣтаютъ ихъ и, послѣ молотьбы своего хлѣба, ѣздятъ по экономіямъ и обмолачиваютъ землевладѣльческій хлѣбъ. Молотьба хлѣба цѣпами продолжается всю осень и захватываетъ часть зимы. На току, утрамбованномъ или на выровненномъ возлѣ гуменъ мѣстѣ, настилаютъ рядъ или „веревку" сноповъ. Смотря по числу молотильщиковъ, разстилаютъ одну, полторы или двѣ копны хлѣба, въ два ряда, колосьями въ средину, всего отъ 52 до 104 снопо въ за одинъ разъ. Молотятъ въ два или четыре цѣпа; самая лучшая молотьба въ шесть цѣповъ. Молотятъ иногда въ 12—15 цѣповъ, но послѣдняя молотьба считается хуже шестицѣповой. Въ молотьбѣ хлѣба принимаютъ участіе крестьяне и крестьянки. Вся задача этой работы заключается въ томъ, чтобы каждый цѣпъ ударялъ по хлѣбу поочередно и безпрерывно, пока не пройдутъ всю „веревку". По звуку цѣповъ, ударяющихся о хлѣбъ, сейчасъ слышно умѣлые или неумѣлые молотильщики участвуютъ въ работѣ. Если молотильщики опытные, то при молотьбѣ слышатся правильные удары, соблюдается тактъ, на подобіе игры на какомъ-нибудь соломенно-деревянномъ инструментѣ. Пройдутъ цѣпами по ряду сноповъ разъ,—снопы перевернутъ; пройдутъ другой разъ,—и перерѣзаютъ серпомъ перевясла, связывающія снопы. Затѣмъ, начинаютъ отбивать солому. Всѣ молотильщики, кромѣ двухъ, молотятъ въ томъ же порядкѣ, какъ и молотили; два же молотильщика ударяютъ цѣпомъ вкось по соломѣ, такъ чтобы она отлетала нѣсколько въ сторону. Послѣ этого солому сгребаютъ граблями, вытряхиваютъ и убираютъ; зерно сметаютъ и сдвигаютъ ближе къ серединѣ, въ такъ-называемый „боровъ" или „боровокъ"; „боровокъ" этотъ еще раза два перебьютъ цѣпами, чтобы разбить колосья, которые могли остаться необмолоченными при первой молотьбѣ. Далѣе настилаютъ новый рядъ или веревку сноповъ и продолжаютъ молотить. Обмолоченный хлѣбъ сгребаютъ въ кучу или „ворохъ", просѣиваютъ его лопатой на вѣтру — и хлѣбъ готовъ для употребленія или на продажу. Въ день обмолачиваетъ одинъ молотильщикъ отъ 1½ до 3 копенъ озимаго и отъ 2½ до 5 копенъ ярового хлѣба, получая отъ 15 до 20 к. за копну обмолоченнаго и отвѣяннаго хлѣба. Въ теченіе осени и зимы на молотьбѣ хлѣба у землевладѣльцевъ на молотилкахъ или цѣпами работница зарабатываетъ отъ 10 до 15 р

Всѣ работы по воздѣлыванію яровыхъ хлѣбовъ тождественны съ работами по воздѣлыванію озимыхъ, съ тою лишь разницею, что онѣ производятся менѣе тщательно. Какъ только

откроется весна и можно приступить къ полевымъ работамъ, начинается подъемъ поля подъ посѣвъ яровыхъ. Послѣ вспашки высѣваются сѣмена и запахиваютъ ихъ. Во многихъ мѣстностяхъ, какъ только у овса и проса начнутъ выходить ростки, ихъ „ломаютъ", т.-е. перепахиваютъ еще разъ. „Ломка" первыхъ всходовъ имѣетъ цѣлью обезопасить яровые посѣвы от[illegible]

соренія ихъ сорными травами, такъ какъ при этомъ уничтожаются всходы послѣднихъ. Болѣе заботливые хозяева, даже изъ крестьянъ, пашутъ подъ яровыя на „зябь", т.-е. съ осени, и тогда весною двоятъ, или прямо по осенней вспашкѣ высѣваютъ сѣмена. Но такихъ хозяевъ еще не много. Разница между началомъ полевыхъ работъ въ сѣверной и южной части района довольно значительная—отъ 30 до 40 дней. Если въ Воронежской и Тамбовской губерніи полевыя работы начинаются въ половинѣ марта, то въ сѣверной части они начинаются въ концѣ апрѣля.

Шесть губерній этого района производятъ громадное количество хлѣба, удовлетворяющее не только мѣстнымъ нуждамъ продовольствія, но и составляющее предметъ значительной отпускной торговли. По оффиціальному учету, ежегодная производительность хлѣба въ этомъ районѣ равняется 57.498,000; исключая изъ этого количества семена, получаемъ 43.623,000 четвертей разнаго хлѣба, значитъ на сѣмяна идетъ около четверти (24%) урожая. На самомъ же дѣлѣ, эта цифра урожая очень низка; для того чтобы получить дѣйствительную цифру урожая, нужно увеличить ее почти вдвое, такъ что количество собираемаго хлѣба, кромѣ сѣмянъ, составляетъ около 65.400,000 четвертей.

Озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ этотъ районъ производитъ почти поровну: первыхъ 49,2%, вторыхъ 50,8%. Изъ озимыхъ хлѣбовъ преобладаетъ рожь (42,8%); пшеницы производится только 6,4% всей массы хлѣба. Въ двухъ сѣверныхъ губерніяхъ, Рязанской и Тульской, производство пшеницы составляетъ только 1%; въ Орловской и Тамбовской производство ея увеличивается до 5%; Курская производитъ 10%; самое наибольшее производство пшеницы мы находимъ въ Воронежской губерніи, гдѣ пшеница составляетъ 16,9%, или 1/6 часть всего урожая хлѣба въ губерніи. Соотвѣтственно увеличенію размѣровъ воздѣлыванія пшеницы, уменьшается воздѣлываніе озимой ржи. Изъ яровыхъ хлѣбовъ первое мѣсто занимаетъ овесъ, его производится около 38%; на долю другихъ яровыхъ хлѣбовъ (гречихи, ячменя, проса, маку, льна, конопли, гороха и т. п.) падаетъ только 12,8% всей производительности хлѣба. Земледѣльческая промышленность этого района доставляетъ на каждаго жителя по 4 четверти различнаго хлѣба. Наименьшую производительность хлѣба, по отношенію къ населенію, мы находимъ въ Рязанской и Воронежской губерніяхъ, гдѣ приходится по 3 четверти; среднюю—въ Тульской, Орловской и Курской; наивысшую же—въ Тамбовской губерніи, гдѣ приходится по 5 четвертей хлѣба на каждаго жителя.

Въ южной части нестепного черноземнаго района, начиная съ Курской и Тамбовской губерній, существуетъ особенная культура тыквенныхъ растеній, которыя воздѣлываютъ на такъ называемыхъ бакчахъ. Чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ болѣе она развивается. Въ то, еще сравнительно недавнее, прошлое, когда и въ этой части Россіи много было не тронутыхъ цѣлинныхъ земель, бакчи преимущественно разводили на такой землѣ. Въ настоящее время подъ бакчи распахиваютъ старые выгоны, вновь очищенную изъ подъ лѣса землю и т. п. Земля подъ бакчи обыкновенно арендуется мѣщанами или отставными солдатами, которые платятъ отъ 30 до 50 и болѣе рублей за наемъ десятины. На бакчахъ воздѣлываютъ главнымъ образомъ: огурцы, дыни и арбузы. Какъ украшающія растенія, на нихъ сѣютъ подсолнечникъ, кукурузу и др. Кромѣ того, на бакчахъ воздѣлываютъ огородныя растенія: свеклу, рѣдьку и т. п. Если подъ бакчу можно раздѣлать нѣсколько десятинъ, то часть ее обыкновенно занимаютъ просомъ. Просо на бакчахъ даетъ громадный урожай, отъ 25 до 30 четвертей съ десятины. Всѣ бакчевыя растенія требуютъ хорошаго солнечнаго освѣщенія и много влаги, а потому особенно хорошо удаются въ такіе года, когда жаркіе солнечные дни смѣняются грозами и сильными дождями. Особенно хорошо для бакчей, когда такая погода стоитъ въ іюлѣ и августѣ. Подъ бакчи весною землю пашутъ непремѣнно плугомъ, для чего нанимаютъ преимущественно малороссовъ. По вспаханной бакчѣ сѣмена огурцовъ, дынь и арбузовъ разбрасываютъ руками и заволакиваютъ боронами. Боронятъ весьма тщательно, по одному и тому же мѣсту проходятъ 6—8 разъ бороною. Послѣ всхода растеній весь уходъ за бакчей ограничивается двумя или тремя мотыженіями ручными мотыками, съ цѣлью уничтоженія сорныхъ травъ. Бакчевыя растенія созрѣваютъ въ разное время. Прежде всего, въ половинѣ іюня, поспѣваютъ огурцы. Если они посѣяны въ нѣсколько сроковъ, то сборъ ихъ можетъ продолжаться до конца августа или начала сентября. Дыни поспѣваютъ къ концу іюня, арбузы въ августѣ. Урожаи этихъ растеній бываютъ весьма обильны: съ десятины, засѣянной огурцами, можно получить 400,000 и болѣе огурцовъ, арбузовъ и дынь собираютъ отъ 4 до 5,000 съ десятины.

Кто не знаетъ, какъ необходимъ соленый огурецъ нашему крестьянину, особенно въ про-

Молотьба.—Картина академика Н. Дмитріева Оренбургскаго, изъ коллекціи Вел. Кн. Михаила Николаевича.

должительные зимніе и весенніе посты. Лѣтомъ же хлѣбъ, составляющій преобладающую пищу крестьянина, съ дыней или арбузомъ переваривается гораздо легче. Этими продуктами крестьянинъ запасается на ближайшей бахчѣ, вымѣнивая ихъ на яйца куръ, хлѣбъ разныхъ сортовъ и т. д.

Во всей этой полосѣ, кромѣ воздѣлыванія хлѣбовъ, на особыхъ участкахъ, называемыхъ коноплянникамп, воздѣлываютъ коноплю, изъ сѣмянъ которой бьютъ постное масло, а изъ волоконъ приготовляютъ пряжу для тканья, нитки и веревки. Исключеніе изъ этого представляетъ Воронежская губернія, гдѣ особенно развито воздѣлываніе подсолнечника для приготовленія масла. Воронежская губернія можетъ быть названа центромъ культуры этого растенія; воздѣлываніе его особенно развито въ Острогожскомъ и Бирюческомъ уѣздахъ, гдѣ ежегодно подъ подсолнечникъ занимаютъ до 16,000 десят. Средній урожай подсолнечника съ десятины считаютъ въ 9, низшій—въ 5, а высшій—въ $15^1/_2$ четв. Изъ 18 четверт. нелущеныхъ сѣмянъ выходитъ до 7 четв. лущеныхъ. Четверть нелущеныхъ сѣмянъ, которая вѣситъ 5 — 6 пудовъ, даетъ $1 — 1^1/_2$ ведра, или отъ 27 до 41 фунта подсолнечнаго масла. За этимъ растеніемъ ухаживаютъ старательнѣе, чѣмъ за другими яровыми растеніями. Подъ подсолнечникъ

Корова Тульской губерніи.

два раза пашутъ землю, сѣютъ его или въ разбросъ или рядами, во время произрастанія два или три раза пропалываютъ и затѣмъ „пасынкуютъ“, т. е. обрываютъ на растеніи лишнія головки, оставляя на каждомъ растеніи не болѣе четырехъ. По созрѣваніи срѣзываютъ головки, а стебли убираютъ отдѣльно; первыя обмолачиваютъ, а послѣднія употребляютъ на топливо.

Изъ вымолоченныхъ и очищенныхъ сѣмянъ масло выбивается на мѣстныхъ крестьянскихъ заводахъ. Масло сбывается частью на мѣстѣ скупщикамъ, по цѣнѣ отъ 5 до 6 р. за пудъ. Скупщики развозятъ его по различнымъ мѣстамъ Имперіи и продаютъ партіями болѣе мелкимъ торговцамъ, такъ что, въ концѣ концовъ, оно достигаетъ потребителей въ цѣнѣ отъ 10 до 12 руб. за пудъ. Масло сбывается также въ Саратовъ, откуда оно идетъ въ Москву и Петербургъ. Подсолнечное масло справедливо предпочитается всѣмъ другимъ растительнымъ масламъ. Нѣкоторая часть подсолнечнаго масла идетъ въ Одессу, а оттуда отправляется въ

южную Францію чрезъ Марсель, гдѣ употребляется для подмѣшиванія къ оливковому—прованскому маслу

Въ послѣднее время сильно развилось на черноземѣ сѣверныхъ губерній воздѣлываніе картофеля. Кромѣ того, издавна воздѣлывается здѣсь крестьянами свекловица, живущими вблизи сахарныхъ заводовъ. Культура свекловицы у крестьянъ достигла уже значительнаго совершенства. Воздѣлываніе свекловицы требуетъ большой затраты труда на обработку почвы, полку, окучиваніе, прорѣживаніе и т. д., но за то, при условіи урожая, трудъ этотъ оплачивается лучше, чѣмъ воздѣлываніе зерновыхъ хлѣбовъ. При урожаѣ свекловицы въ 80 — 100 берковцевъ съ десятины и продажѣ ея на заводъ по 1 р. 25 коп. за берковецъ, крестьянинъ, въ среднемъ, получаетъ съ десятины до 112 руб. валового дохода. Изъ этой суммы онъ въ состояніи заплатить и хорошую арендную плату за землю, если у него нѣтъ своей земли для

Отлично-молочная корова Рязанской губерніи.

культуры этого растенія и очень выгодно оплатить потраченный трудъ. Но, къ сожалѣнію, культура свекловицы разбросана оазисами, потому что далѣе 25-верстнаго разстоянія отъ завода свекловица уже не выдерживаетъ расходовъ на перевозку. По приблизительному расчету, подъ культуру свекловицы уходитъ около 10,000 десят.

Воздѣлываніе картофеля сильно развилось только въ послѣднее время, когда, вслѣдствіе дороговизны хлѣба, стали требовать его въ довольно значительныхъ размѣрахъ на винокуренные заводы для перекура на вино. Съ увеличеніемъ воздѣлыванія картофеля, онъ сталъ входить въ большее и большее употребленіе и въ пищу у крестьянъ. Во всѣхъ шести губерніяхъ засѣваютъ картофелемъ до 264,000 десятинъ, что составляетъ 1,60% всей пахатной земли этого района. При урожаѣ только въ 60 четвертей на десятинѣ, долженъ получиться сборъ 15.840,000 четвертей. Урожай же картофеля, при хорошемъ удобреніи и уходѣ, можно довести до 80—100 четверт. съ десятины. Тогда производительность почвы, занятой картофе-

лемъ, должна подняться на 20—40%. Обработка почвы и уходъ за картофелемъ почти тождественны съ обработкою и уходомъ за свекловицею, только требуютъ менѣе глубокой пашни и меньшихъ заботъ во время произрастанія.

Преимущество воздѣлыванія картофеля для винокуренныхъ заводовъ предъ воздѣлываніемъ сахарной свекловицы заключается еще въ томъ, что картофеля нѣтъ надобности сбывать на заводъ непремѣнно осенью, тотчасъ послѣ его выборки, какъ это обязательно для свекловицы, но его можно отвозить на заводъ и зимою, по санной дорогѣ, потому что его принимаютъ даже слегка подмерзлымъ. Кромѣ того, разведеніе картофеля вызвало развитіе и другихъ производствъ, какъ-то: крахмальнаго и крахмальнопаточнаго.

Сахароваренные и винокуренные заводы имѣютъ громадное вліяніе на заработки населенія тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они дѣйствуютъ, потому что зимою, на мѣстѣ, доставляютъ заработокъ сельскому населенію. Какъ-бы ни былъ незначителенъ этотъ заработокъ, но если онъ получается дома, на мѣстѣ, то, въ концѣ-концовъ, онъ всегда будетъ выгоднѣе даже и наиболѣе высокаго отхожаго промысла, потому что значительная часть заработка уходитъ на расходы по передвиженію изъ одной мѣстности въ другую, нерѣдко весьма отдаленную, гдѣ разсчитываютъ найти заработокъ. Затѣмъ винокуренные заводы даютъ остатокъ отъ гонки спирта—барду, а сахароваренные заводы—свекловичныя выжимки, составляющія прекрасный кормъ для скота, который особенно важенъ въ виду недостатка во всей полосѣ естественныхъ кормовыхъ средствахъ для скота.

Выше указано было, въ теченіе какого времени можетъ быть удобрена вся полевая земля этой полосы Россіи. Если прослѣдить измѣненіе количества скота въ теченіе хотя бы 10 лѣтъ, получается довольно значительная убыль скота. Высокая цѣна за наемъ выгоновъ не оправдала расчетовъ сельскаго населенія, и оно сократило скотоводство. Чрезвычайно затруднительно дать общую характеристику современнаго положенія скотоводства въ разсматриваемомъ нами районѣ. Начиная съ южной части Курской губерніи, встрѣчается болѣе или менѣе типичный, сѣрый малорослый скотъ, носящій названіе „Бѣлгородскаго отродья сѣраго скота“. Въ Воронежской и южной части Тамбовской губерній, гдѣ для земледѣльческихъ работъ употребляютъ лошадей и воловъ, находимъ болѣе или менѣе чистую, крупную, степную черкасскую породу скота. Во всей же остальной части района мы находимъ только помѣси различныхъ иностранныхъ породъ съ мелкимъ мѣстнымъ скотомъ. Въ пятидесятыхъ годахъ существовала мода на такъ-называемый красный тирольскій скотъ, который землевладѣльцы во время крѣпостного права выписывали въ довольно значительныхъ количествахъ. Отъ помѣси тирольскаго скота съ мѣстнымъ произошла прекрасная порода, существующая во многихъ мѣстахъ еще и до сихъ поръ. Не боясь ошибиться, можно сказать, что почти весь порядочный скотъ, существующій здѣсь въ настоящее время, произошелъ отъ этого скрещиванія, и кое-гдѣ отъ него образовались самостоятельныя подпороды, какъ, напр., Пашковская порода рогатаго скота въ Тамбовской губерніи. Въ послѣднее время для этой цѣли стали вывозить изъ за границы другія породы скота. Что же касается до собственно мѣстной породы рогатаго скота, то такой породы, въ сущности, и нѣтъ: скотъ мелкій, худой, съ ничтожнымъ вѣсомъ въ 6—7 пудовъ, какъ результатъ недостатка приволья и хорошаго корма для скота. Въ большинствѣ случаевъ скотъ содержится только для навоза, а потому онъ и мало производителенъ. Достать скотъ на племя весьма затруднительно, потому что здѣсь рѣдко можно найти хорошій продажный племенной скотъ. Въ этой полосѣ, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, нельзя найти и хорошей переработки молочныхъ продуктовъ. Скотъ же иностранныхъ породъ и мѣстный улучшенный содержится, вообще, для удовлетворенія только потребностей хозяйствъ.

Тонкорунное, болѣе или менѣе значительное овцеводство существуетъ въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ; въ остальныхъ же губерніяхъ содержатся только простыя овцы, преимущественно сельскимъ населеніемъ, которому овцы доставляютъ шерсть для деревенскаго

сукна, овчину для полушубковъ и тулуповъ и въ рѣдкихъ случаяхъ, если не продается, мясо для продовольствія

Въ отношеніи лошадей наблюдается то-же явленіе, какъ и во всѣхъ другихъ родахъ скота—сокращеніе ихъ количества. Тѣмъ не менѣе этотъ районъ все-таки особенно замѣчателенъ своимъ коннозаводскимъ искусствомъ. Онъ далъ намъ такихъ прекрасныхъ лошадей, какъ орловскіе рысаки, которыми Россія и до сихъ поръ еще соперничаетъ со всѣми лошадьми земного шара. Помимо чистокровныхъ казенныхъ разсадниковъ рысистой породы, мы здѣсь находимъ многочисленные заводы частныхъ владѣльцевъ, производящихъ прекрасныхъ рысаковъ. Въ послѣднее время рѣзко различаются два типа рысаковъ: высокіе, плотные, широкіе вороные рысаки, и—нѣсколько меньшаго роста, но прекрасно сложенные сѣрые рысаки, которые и считаются представителями настоящей рысистой породы. Кромѣ рысаковъ, этотъ же районъ выпускаетъ прекрасныхъ верховыхъ лошадей. Частные заводы Тамбовской, Орловской и Воронежской губерній до сихъ поръ еще доставляютъ прекрасныхъ ремонтныхъ лошадей чуть не для всей русской кавалеріи.

Находя въ этомъ районѣ прекрасныхъ лошадей для бѣговъ и городской ѣзды, составляющихъ, такъ сказать, предметъ роскоши, мы не видимъ, къ сожалѣнію, стремленія мѣстныхъ коннозаводчиковъ къ воспитанію хорошей рабочей лошади, которой у насъ почти совсѣмъ нѣтъ, между тѣмъ какъ она намъ крайне необходима. Только въ Воронежской губерніи, по теченію р. Битюга и въ другихъ мѣстностяхъ этой и сосѣдней Тамбовской губерніи мы встрѣчаемся съ извѣстною крестьянскою дѣятельностью на поприщѣ коннозаводства, воспитывающей великолѣпныхъ рабочихъ лошадей или тяжеловозовъ-битюговъ. На конскихъ выставкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ крестьянскія битюгскія матки продавались по 500 руб., а жеребцы по 800 и 1000 руб. Посредственные представители этой породы, цѣною отъ 250 до 400 руб. за лошадь, тоже хорошо извѣстны у насъ, какъ лучшіе ломовыя лошади, употребляемыя во всѣхъ большихъ городахъ для перевозки тяжестей. Къ сожалѣнію, и эта отрасль коневодства въ послѣднее время значительно сократилась, частью отъ тѣхъ же причинъ, отъ которыхъ уменьшилось и остальное скотоводство, частью отъ того, что барышники, ѣздящіе по деревнямъ и скупающіе лошадей, набили громадныя цѣны, по которымъ они скупили всѣхъ лучшихъ лошадей и вывезли ихъ, вслѣдствіе чего на мѣстѣ остались не особенно доброкачественныя лошади. И до сихъ поръ вся торговля лошадьми находится въ рукахъ барышниковъ, которые ѣздятъ въ крытыхъ фургонахъ по деревнямъ и скупаютъ лошадей поодиночкѣ и затѣмъ распродаютъ ихъ.

Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, если бы мы ничего не сказали еще объ одной отрасли хозяйства, хоть и не особенно видной, но приносящей не малые барыши обитателямъ поля,—пчеловодствѣ. Гдѣ есть по какой-нибудь балочкѣ лѣсокъ, прудъ или ручеекъ, тамъ навѣрное найдете и пасѣку. Иногда пасѣки ставятся въ садахъ или для нихъ заботливые хозяева нарочно разводятъ сады.

Хорошо въ жаркій лѣтній день забрести на уединенную пасѣку. Въ ней всегда можно найти тѣнистый, прохладный, уютный уголокъ подъ деревьями или въ шалашѣ пасѣчника; отъ протекающаго вблизи ключевого ручья, воздухъ свѣжѣе и мягче.

Незначительный трудъ, необходимый для ухода за пчелами, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ дѣлаетъ доступнымъ занятіе пчеловодствомъ старымъ и малымъ членамъ крестьянской семьи, которые безъ этого совсѣмъ не нашли бы для себя работы. Есть среди пчеловодовъ и любители-землевладѣльцы, которые пчелами составили себѣ состояніе, занимаясь ими болѣе раціонально, чѣмъ крестьяне. Но такихъ пчеловодовъ немного. Пчеловодство почти всецѣло сосредоточено въ рукахъ крестьянъ. О размѣрѣ дохода отъ пчеловодства можно судить по тому, что одна Курская губернія продаетъ ежегодно меду и воску на сумму до 2.000,000 р. Это доказываетъ, что пчеловодство составляетъ значительную поддержку въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Таково, въ общихъ чертахъ, современное состояніе хозяйства обитателей поля. Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе то обстоятельство, что населеніе, не находя заработковъ на мѣстѣ, должно постоянно отлучаться на сторону въ поискахъ работы При общинномъ владѣніи землей, у крестьянъ пропадаетъ даромъ масса времени на переѣзды къ небольшимъ клочкамъ земли, разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ.

Было время, говорятъ изслѣдователи древне-русской жизни, когда нашъ крестьянинъ благоденствовалъ, но это время было въ XIII столѣтіи и еще ранѣе, когда большая половина разсмотрѣннаго района была занята лѣсомъ. Съ того времени населеніе этой полосы совершило колоссальную работу: вырубило лѣса, выкорчевало пни, приготовило великолѣпную почву и стало производителемъ ржаного и пшеничнаго хлѣба, который приготовляется не только для собственнаго продовольствія, но имъ прокармливается также и значительная часть другихъ губерній.

В. М. Борисовъ.

Скотъ на водопоѣ.

ОЧЕРКЪ III.

БЫТЪ СЕЛЬСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ВЕЛИКОРУССКАГО ПЛЕМЕНИ ВНУТРЕННИХЪ ГУБЕРНІЙ.

[illegible]

Мнѣ знакомы эти родныя поля
Гдѣ мой взоръ теряется въ просторѣ,
Гдѣ волны, синія точно море,
Съ небомъ чуднымъ вся сливается земля
Знакома мнѣ и ты, рабочая пора,
И ты, плугъ, плугъ [illegible]
Пусть Богъ благословитъ твои труды [illegible]

Пусть не страшитъ тебя пол[illegible]

[illegible]

МОЩНАЯ черноземная сила!—восклицаетъ иногда невольно прохожій, при видѣ роскошныхъ колосьевъ, покрывающихъ собою черноземныя пространства центральныхъ губерній. Эта неизсякаемая сила, составляя одну изъ присущихъ Россіи особенностей, одно изъ многочисленныхъ естественныхъ ея богатствъ, занимаетъ собою до девяноста милліоновъ десятинъ, или около 20% всего пространства Европейской Россіи.

Обладая такою, богатою почвою какъ черноземъ, населеніе черноземной полосы въ центральныхъ губерніяхъ съ давнихъ временъ главнѣйше занималось обработкою земли и разведеніемъ хлѣбовъ. До распашки новороссійскихъ степей, заволжскихъ, самарскихъ и саратовскихъ новинъ, центральная черноземная сила была житницею Россіи, откуда доставлялись жизненные припасы въ города нашего тогдашняго государства. И донынѣ земледѣліе составляетъ коренной промыселъ крестьянскаго населенія Тульской, Орловской, Курской, Тамбовской, Воронежской, отчасти Рязанской и Калужской губерній. Но такъ какъ и среди главныхъ черноземныхъ губерній попадаются мѣстности или не надѣленныя черноземомъ

момъ, или такимъ, составъ котораго удаляется отъ тончнаго, тучнаго, то въ селеніяхъ подобной полосы необходимо дополнять свой заработокъ другими промыслами, мѣстными и отхожими. Наружный видъ деревень и селъ безъ всякихъ объясненій, а также внѣшность избъ въ каждомъ населенномъ пунктѣ служитъ уже указаніемъ на довольство или на бѣдность обитателей этихъ жилыхъ помѣщеній. Трудъ и трезвость создаютъ въ крестьянскомъ быту зажиточныхъ хозяевъ, у которыхъ и лошади есть, и коровы съ овцами и свиньями водятся, и хлѣба хватаетъ своего отъ одного урожая до другого. Въ такомъ домѣ и семья ходитъ не въ лохмотьяхъ. Отецъ, продавъ произведенія своего труда въ городѣ, возвращается домой съ подарками своимъ дѣтямъ. А для него находится къ услугамъ самоваръ, въ настоящее время а непремѣнная принадлежность всякаго зажиточнаго крестьянскаго дома въ черноземной полосѣ.

Раздѣлъ семьи, неурожаи, а чаще всего пьянство ведутъ за собою обѣдненіе, разореніе

Проводы новобранца

и нищету. Покривившаяся изба, развалившійся заборъ или плетень, окна, забитыя тряпьемъ вмѣсто разбитыхъ стеколъ, пустой скотный дворъ, кляча въ хлѣву, если только хозяинъ такой избы не сдѣлался уже вовсе безъ лошадушекъ, пустые закромы, пьяный отецъ на лавкѣ, успѣвшій разбить и безъ того ничтожную домашнюю утварь, жена съ груднымъ ребенкомъ въ лохмотьяхъ и сынъ, выглядывающій со смѣхомъ изъ-за печки на продѣлки отца — вотъ картина изъ крестьянскаго быта, противоположная предыдущей.

Общій видъ крестьянскихъ великорусскихъ построекъ удерживается всюду. Только въ большихъ, богатыхъ селахъ онѣ получаютъ бо́льшіе размѣры и болѣе разукрашены по лицевому фасаду. Въ Тульской губерніи крестьянскія семьи имѣютъ по большей части по двѣ избы, или обѣ деревянныя (дубовыя), или одну изъ кирпича (иногда изъ дикаго камня), а другую изъ дерева. Если въ семьѣ имѣется каменная изба, то въ ней крестьяне живутъ только лѣтомъ, а на зиму переходятъ въ деревянную, потому что даже при небольшихъ морозахъ

стѣны каменной избы сильно прозябаютъ и въ ней бываетъ очень угарно. Всѣ избы наружнымъ своимъ фасадомъ выходитъ на улицу, въ линію, но между каждыми двумя дворами по большей части оставляется промежутокъ не менѣе восьми саженъ. Наружное строеніе каж-

Возвращеніе отца изъ города.—Картина А. П. Корзухина.

даго отдѣльнаго дома занимаетъ около десяти саженъ, на которомъ пространствѣ ставятся двѣ избы въ восемнадцать аршинъ, а между ними сѣни въ семь или восемь аршинъ. Остальное пространство отходитъ подъ въѣздъ на дворъ. Внутреннее украшеніе избы составляютъ два красныя окна на улицу и одно волоковое (маленькое) на дворъ, нѣсколько полокъ и лавокъ. Каждая изба внутри раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ обращенная къ улицѣ

бываетъ съ землянымъ поломъ. Въ переднемъ углу этой части избы, на небольшой полкѣ ставятся иконы. Отъ самой двери располагаются лавки, на три четверти отъ пола и продолжаются до самой печи. Въ другой половинѣ избы, обращенной на дворъ, находится печь и имѣется деревянный полъ, выше земляного на двѣ четверти. На деревянномъ полу также устанавливаются лавки отъ двери до печи. Половина избы, обращенная на дворъ, исключительно занимается дѣтьми, а въ зимнее время и женщинами, особенно послѣ родовъ, потому что въ этой части жилье бываетъ гораздо теплѣе, чѣмъ въ остальной. Надворное строеніе крестьянскаго двора занимаетъ въ длину отъ пятнадцати до двадцати саженъ. Это пространство раздѣляется на двѣ половины, и въ ближайшей къ домовому строенію одна сторона застраивается деревянными клѣтьми, которыхъ бываетъ столько, сколько въ семьѣ женатыхъ лицъ. Другая половина раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ хлѣвовъ, въ которые загоняютъ рогатый скотъ, овецъ, свиней; устраивается также конюшня для лошадей. Остальное покры-

Семейный раздѣлъ. Картина В. М. Максимова

тое пространство служитъ мѣстомъ для сбереженія телѣгъ, саней, сохъ, боронъ, кадокъ и другой домашней утвари. За надворнымъ строеніемъ, въ двадцати саженяхъ отъ него, вдоль по усадьбѣ, ставится такъ-называемый задворокъ изъ плетня для сѣна и мелкаго корма, съ бревенчатымъ амбаромъ для храненія и ссыпки зерноваго хлѣба и муки. Затѣмъ, въ отдаленіи пятнадцати или двадцати саженъ, овинъ или рига (послѣдняя рѣже) для молотьбы хлѣба, который складывается въ снопахъ при концѣ усадьбы и обгораживается плетнемъ или соломеннымъ валомъ.

Въ Воронежской губерніи жилище крестьянина-великорусса состоитъ обыкновенно изъ трехъ главныхъ частей, двухъ не одинаковаго размѣра избъ, соединенныхъ между собою сѣнями, при чемъ въ каждой избѣ имѣется дверь въ сѣни. Большая изба, расположенная главнымъ фасадомъ почти всегда на улицу, предназначается собственно для жилья. Меньшая изба называется „обѣдникомъ“ или „свѣтелкою“. Въ свѣтелкѣ хранится все лучшее достояніе дома; въ теплое время года въ ней спятъ, а также принимаютъ и угощаютъ гостей. Обѣ избы соединяются между собою сѣнями, которыя бываютъ изъ рубленаго лѣса или плетеныя.

Дворъ крестьянскій со всѣхъ сторонъ обносится плетневыми сараями и навѣсами подъ одною общею соломенною крышею; на дворѣ устраивается амбаръ, а у нѣкоторыхъ крестьянъ и ледникъ.

Дворы въ селеніяхъ Воронежской губерніи расположены по большей части на обѣ стороны улицы; главный фасадъ избъ обращенъ обыкновенно на улицу, но въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ селеніяхъ избы расположены внутри домовъ, и тогда улица съ обѣихъ сторонъ бываетъ ограничена сплошными заборами, что придаетъ селенію мрачный и унылый видъ.

Въ Калужской губерніи жилья крестьянъ устроены такимъ образомъ, что вдоль передняго фасада двора стелется изба съ сѣнями и чуланомъ, ворота и плетенникъ ея подъ одну соломенную крышу. Среди этихъ построекъ находится квадратный дворъ, три остальные края котораго покрыты такою же соломенною крышею, какъ и изба, такъ что одна общая крыша представляетъ четырехугольникъ, внутри котораго находится открытое пространство. Сверхъ омшенника, внутри двора находится свиная закута и иногда конюшня. За дворомъ располо-

У колодца (Съ фотографіи Г. Гаррика).

жены садъ, огородъ, конопляникъ и пасѣка; въ этомъ же пространствѣ устраивается сарай для складки сѣна и соломы, погребица и клѣть. У богатыхъ крестьянъ бываетъ по двѣ клѣти. Всѣ эти постройки покрываются соломенными крышами, называемыми въ Калужской губерніи „пеледою". Бани находятся не у всѣхъ дворовъ; въ иныхъ деревняхъ на двадцать дворовъ бываетъ не болѣе 6 бань. Полы въ избахъ деревянные, но никогда не моются. Внутри избы одинъ уголъ занятъ печью; уголъ противъ нея загораживается и называется „чуланомъ"; отъ печи до другого угла устраивается „примостъ" или постель и на него настилается солома для спанья. Въ курныхъ избахъ печное оконко, назначенное для выхода дыма изъ избы, прорубается въ стѣнѣ, близъ печи, въ видѣ щели; но есть избы, въ которыхъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, отверстіе для дыма дѣлается въ потолкѣ и оно затыкается снизу. Число курныхъ избъ въ Калужской губерніи уменьшается съ каждымъ годомъ. Послѣ пожаровъ, погорѣвшіе выстраиваютъ себѣ бѣлыя избы, при раздѣлѣ также. Устройство избъ въ Калужской губерніи сходно съ постройкою крестьянскихъ жилищъ въ Тульской губерніи и въ большей части Рязанской.

Утварь у крестьянъ въ ихъ избахъ бываетъ преимущественно глиняная или деревянная; желѣзной менѣе, а стеклянная встрѣчается очень рѣдко. Для молока, кваса, для собиранія ягодъ употребляется разнообразная посуда, глиняныя крынки, деревянные жбаны, берестяные бураки; у калужскихъ крестьянъ вся эта посуда замѣняется кувшиномъ. Дойники и рукомойники у нихъ также глиняные, правильныя же чашки и ложки привозятся съ нижегородской ярмарки. Чугунныя ступы, желѣзные ковши и уполовники, желѣзныя дверныя скобы у большинства крестьянъ еще не сдѣлались непремѣнною принадлежностью ихъ хозяйства. Всѣ эти вещи, равно какъ и столовыя чашки, по большей части выдолблены изъ дерева.

Изба освѣщается зимою ночникомъ, иногда древесною лучиною или вымоченнымъ чернобыльникомъ и толстою коноплею. Въ послѣднее время крестьяне во многихъ мѣстахъ Россіи стали употреблять для освѣщенія своихъ жилищъ керосинъ. Около печи обыкновенно стоитъ „дежа" для печенія хлѣбовъ, а подъ лавками кадочка съ квасомъ и плетушки для сажанія птицъ на яйца.

Крестьянская изба Тамб. губ. (Съ фотографіи Г. Гаррика).

Одежда крестьянъ въ большинствѣ бываетъ домашняго приготовленія. По буднямъ мужчины и женщины носятъ толстое посконное бѣлье. По праздникамъ крестьяне надѣваютъ льняныя рубашки съ цвѣтными ластовицами съ строчеными „паиками" (оплечьями) и воротниками, или рубашки изъ александрійки, а порты набойчатые или китайчатые. Женщины носятъ рубашки съ миткалевыми или коленкоровыми станками, а которыя побѣднѣе—съ льняными станками и съ цвѣтными ситцевыми рукавами или же съ цѣлымъ пестрымъ ситцевымъ станкомъ и шитымъ подоломъ. Верхняя одежда крестьянокъ состоитъ лѣтомъ по буднямъ изъ старыхъ бѣлыхъ овчинныхъ зипуновъ, а по праздникамъ—изъ новыхъ сѣрыхъ и черныхъ кафтановъ. Женщины въ будни въ нѣкоторыхъ селеніяхъ носятъ юбки изъ волосяни, крашеныя мореною или червецомъ, а въ другихъ—клѣтчатыя паневы, также сдѣланныя изъ волосяни. Въ праздники женщины надѣваютъ лучшія суконныя юбки или паневы, вышитыя гарусомъ или шелкомъ и обшитыя бахромою. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ въ обыкновеніи болѣе носить ситцевыя юбки. Женскіе кафтаны въ разныхъ селахъ бываютъ разнаго покроя: въ иныхъ мѣстахъ шьются обыкновенные длинные халаты изъ сѣраго или бѣлаго сукна, окрашеннаго

синею краскою; въ другихъ селеніяхъ кафтаны эти имѣютъ особый покрой, похожій на мужское пальто и называются „шугаями" и „шушпанами". Края бортика, полъ и подола обшиваются бумажною или шерсяною тесьмою. Зимою крестьяне и крестьянки носятъ овчинные тулупы и полушубки. Лѣтомъ въ будни крестьяне носятъ старыя шляпы и шапки и иногда дѣлаютъ себѣ картузы и шляпы изъ ржаной соломы или изъ бѣлаго войлока съ чернымъ околышемъ. Лѣтомъ въ праздники они носятъ поярковыя шляпы, которыя они убираютъ павлиньими перьями, бархатками со стальными пряжками и мишурнымъ золотомъ, а зимою высокія шапки, называемыя „кабардинками". Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ женщины въ будни повязываютъ головы льняными косынками, а по праздникамъ пестрыми кашемировыми или пунсовыми драдедамовыми платками. Въ другихъ селеніяхъ женщины носятъ простыя кички, а по праздникамъ кички, шитыя спереди золотомъ и унизанныя разноцвѣтнымъ бисеромъ, причемъ на затылокъ спускаются нитки стекляруса, а на самой макушкѣ родъ шапочки, называемой со-

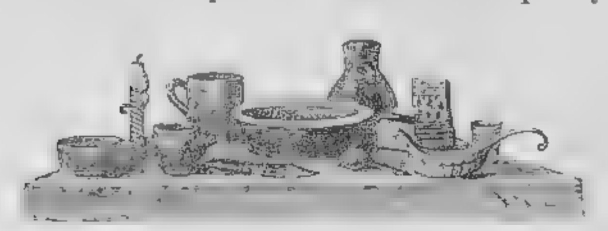

Деревня Тамбовской губ. (съ фотографіи Г. Гаррика).

рокою. Поверхъ кички на голову набрасывается покрывало изъ кисеи или сарпинки. Кички начинаютъ выходить изъ всеобщаго употребленія, но прежде онѣ стоили каждая отъ 30 до 40 рублей и переходили въ наслѣдство отъ матери къ дочери. Дѣвицы носятъ синіе или клѣтчатые сарафаны, а на головахъ вѣночки изъ позумента или шитые золотомъ, съ лентами назади и съ гарусными кисточками на затылкѣ, а въ косу заплетается нѣсколько лентъ. Юбки онѣ носятъ цвѣтныя ситцевыя. Мужская обувь въ будни состоитъ изъ лаптей съ онучами, а въ праздники сапоги или коты съ толстыми чулками. Женщины въ будни носятъ также лапти, а въ праздники иныя черевики, а другія коты и суконные чулки или онучи. У нѣкоторыхъ женщинъ Нижнедѣвицкаго уѣзда считается щегольствомъ надѣть четыре пары чулокъ, изъ которыхъ самые верхніе не подвязываются, а спускаются небрежно по ногамъ. Это дѣлается для того, чтобы икры казались полнѣе, что почитается непремѣнною принадлежностью женской красоты въ тамошнемъ крестьянскомъ быту. Въ иныхъ селахъ женщины подпоясываются очень низко, при чемъ весь животъ у нихъ выставляется впередъ, а рубашка на животѣ съ цѣлью выдергивается изъ подъ паневы и напускается широкими складками. Это

называется „пазухою". На шею замужнія женщины и дѣвицы надѣваютъ монисты изъ разноцвѣтнаго бисера, а также мѣдный крестъ или образокъ на шелковомъ или шерстяномъ шнуркѣ, называемомъ „гайтаномъ". Крестъ онѣ перекидываютъ черезъ плечо на правую сторону.

Пища крестьянъ состоитъ преимущественно изъ хлѣба, гречневой каши и молока. Самый зажиточный крестьянинъ только къ праздникамъ, именно лѣтомъ въ Петровъ, въ Ильинъ день, рѣжетъ для себя барана. Впрочемъ, осенью, послѣ убоя скота и птицы, мясо чаще появляется за крестьянскимъ столомъ, чѣмъ лѣтомъ. Въ петровскій постъ пища у крестьянъ становится еще скуднѣе и состоитъ изъ толченаго лука съ квасомъ и гречневой или ячной каши тоже съ квасомъ. Такъ какъ рѣдко кто изъ крестьянъ занимается рыбною ловлею, то рыба мало употребляется въ пищу. Обыкновенный лѣтній обѣдъ крестьянина состоитъ изъ щей съ капустою и съ кусочками свиного сала и гречневой каши съ молокомъ. Та-же пища подается за полудникомъ и за ужиномъ. Подобный порядокъ измѣняется только по праздникамъ, когда прибавляется ужникъ, т.-е. супъ изъ мяса съ крупою, чрезвычайно густой или что-нибудь другое. Такое однообразіе крестьянскаго стола свойственно всякому чисто земледѣльческому хозяйству. Грибы, подобно многимъ дикимъ растеніямъ, входятъ также въ пищу крестьянина. Когда грибы появляются, то они въ большомъ количествѣ употребляются крестьянами, жареные и вареные. Изъ другихъ дикихъ растеній, щавель и сныть въ молодомъ ихъ возрастѣ кладутся въ щи бѣдными крестьянами вмѣсто капусты. Многія дикорастущія ягоды также служатъ лѣтомъ подспорьемъ въ скудной пищѣ крестьянина.

Утварь крестьянъ центральныхъ губ.—Рис. Панова.

Во время обѣда и ужина мужчины сидятъ за столомъ, а женщины ѣдятъ стоя, очередная же приспѣшница, или, по мѣстному названію, „денщица", обыкновенно вмѣстѣ съ другими не обѣдаетъ, но особо, одна. Въ большихъ семьяхъ между женщинами соблюдается очередь въ приготовленіи пищи, печеніи хлѣба и дѣланіи кваса.

Крестьянинъ Калужской губ. (Фотографія Г. Гаррика).

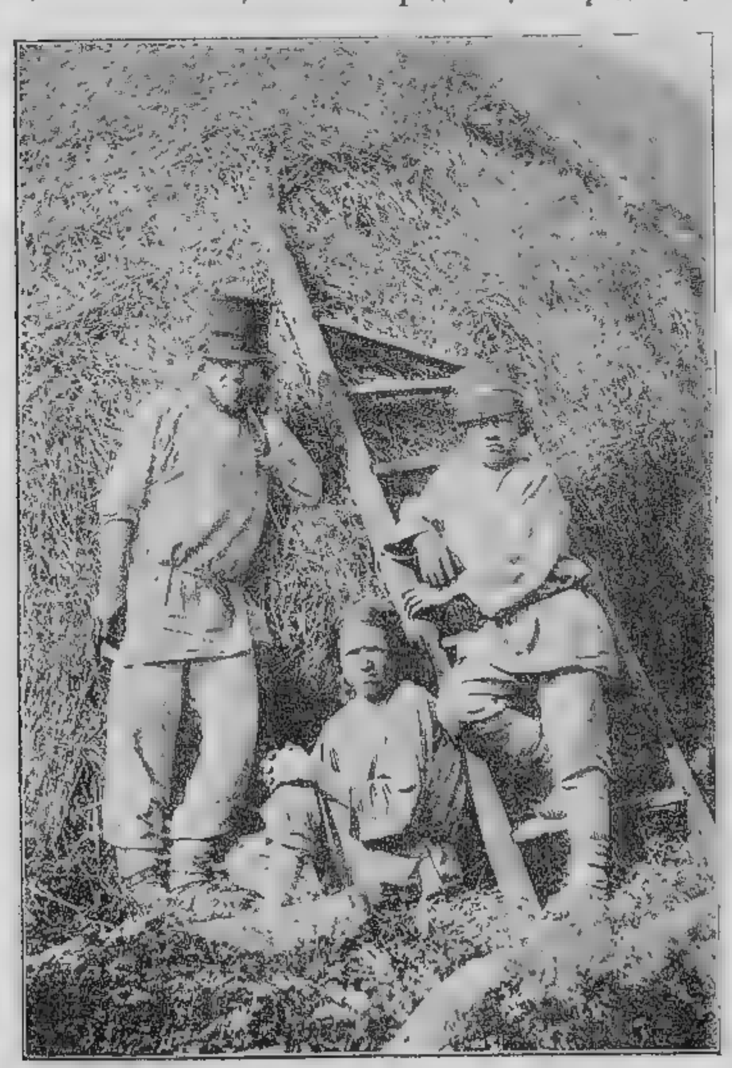
Молитвою начинается день у крестьянина. Еще до разсвѣта осенью и зимою поднимается большуха (хозяйка), молится, затопляетъ печь, возится съ посудою, мѣситъ и катаетъ хлѣбы. Просыпается хозяинъ, шепчетъ молитвы, стоя передъ святымъ угломъ, гдѣ на полкѣ хранятся иконы и принимается за какое-нибудь домашнее мастерство, дающее ему заработокъ, или за другую работу. Молодыя женщины и дѣвушки также, какъ только встали и помолились, такъ и принялись или за прялку, или за тканье, или за вязанье, и также не остаются сложа руки. Однимъ дѣтямъ даютъ спать въ волю: ихъ никто не торопитъ вставать. Старики и старухи балуютъ ихъ; при возможности одаряютъ подарками. И такъ проходитъ время,

день за днемъ. Потому крестьянамъ и не скучно жить въ деревнѣ, потому что каждый день есть для него и для всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи какое-нибудь занятіе, какая-либо работа. Весною и лѣтомъ съ восходомъ солнца крестьянинъ уже на полѣ; пашетъ, боронитъ, сѣетъ, коситъ сѣно, убираетъ его, жнетъ хлѣбъ, возитъ его, сушитъ, молотитъ, смотря потому, какъ одна полевая работа чередуется другою. Время самой трудной работы называется страдою или страдною порою. Въ это время села и деревни пустѣютъ: все взрослое населеніе, мужчины и женщины, парни и дѣвушки, находится въ полѣ и въ селеніяхъ остаются одни дѣти да старики и старухи, обезсиленные трудами и годами. Дѣти постарше няньчаютъ своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, а остальныя играютъ на улицѣ между избами.

Типъ крестьянина Калужской губ. (Съ фот. Г. Гаррика

До начала еще жатвы, крестьяне дѣлаютъ свои замѣчанія о дороговизнѣ и дешевизнѣ хлѣба по наливающимся колосьямъ. Если рожь цвѣтетъ снизу колоса, то утверждаютъ, что будетъ низкая цѣна на хлѣбъ, если съ средины, то средняя, если сверху колоса, то дорогая. У многихъ крестьянскихъ семей существуетъ обыкновеніе, что свекровь зажинаетъ молодую сноху, поступившую въ ея семейство, только въ первый годъ жатвы. Для того свекровь накрываетъ снопъ полотенцемъ и даетъ своей снохѣ вязать его; тогда сноха будетъ работящая. Жатва, какъ и сѣнокосъ, сопровождаются обыкновенно дружною работою и пѣніемъ веселыхъ пѣсенъ, особенно когда уродились хлѣбъ, или трава и когда погода благопріятствуетъ ихъ уборкѣ. Во время сѣнокоса во многихъ мѣстахъ на полѣ вѣнаютъ вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ; головы дѣвушекъ украшаются цвѣтами; онѣ составляютъ хороводы, къ которымъ присоединяются мужчины и женщины. При возвращеніи съ сѣнокоса или жатвы устраиваются привалы, на которыхъ мѣстный гудочникъ потѣшаетъ всѣхъ собравшихся своею музыкою, при чемъ устраиваются пляски, пѣніе и все населеніе деревни возвращается домой съ пѣснями, въ радости, что сѣнокосъ или жатва окончились благополучно.

Типы крестьянъ Калужской губ. (Съ фот. Г. Гаррика).

Типъ крестьянки Орловской губ. (Съ фот. Г. Гаррика).

Въ разныхъ полосахъ Великороссіи въ августѣ происходитъ сельское торжество, называемое „помочи“, именно когда остается у нѣкоторыхъ хозяевъ на поляхъ хлѣбъ, недожатый по какой-либо причинѣ, то они созываютъ сосѣдей помочь имъ. На дворѣ ставятся столы съ хлѣбомъ-солью, пирогами, виномъ. Угощенные сосѣди отправляются въ поле и тамъ снимаютъ хлѣбъ. Къ стариннымъ обычаямъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ донынѣ, принадлежитъ празднество при созрѣніи хлѣба. Еще и въ настоящее время приносятъ въ церковь для освященія первые снопы хлѣба и печеный хлѣбъ отъ перваго умолота, первые соты меда и первые созрѣлые плоды. Когда поспѣваетъ жатва, то многіе служатъ молебствія и потомъ окропляютъ поля и жнецовъ святою водою. Хозяинъ, старшій по лѣтамъ, или священникъ, беретъ серпъ и дѣлаетъ начатокъ, первые снятые колосья.

Въ праздникъ перваго Спаса, или Спаса медоваго, 1-го августа, бываетъ обыкновенно крестный ходъ на воду и гдѣ она освящается, туда пригоняютъ со всего прихода на ближайшій лугъ лошадей. По окончаніи молебствія и освященія воды, священникъ, проходя по рядамъ лошадей, кропитъ ихъ святою водою, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣка, лошадей прогоняютъ вплавь сквозь ея освященныя воды. Въ этотъ день пчеловоды приносятъ первые соты въ церковь для освященія, какъ въ праздникъ Преображенія Господня садоводы выносятъ для того же яблоки. Поэтому въ народѣ день 1-го августа называется также Спасомъ медовымъ, а день 6-го августа Спасомъ яблочнымъ.

Женщины, съ окончаніемъ лѣтнихъ полевыхъ работъ, принимаются въ это время за собственныя свои занятія: мочатъ коноплю и ленъ, сушатъ, треплятъ ихъ, нитки прядутъ и снуютъ холстъ, вьютъ веревки и проч.; съ перемѣны въ Россіи лѣтосчисленія, это время называлось у насъ „Симеономъ лѣтопроводцемъ“. Съ этого дня до Петра Великаго начинался въ Россіи новый годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи подъ Семеновъ день въ деревняхъ га-

Крестьянки Рязанской губ. (Съ фот. Г. Гаррика).

сятъ вечеромъ огонь въ избахъ и не держатъ его въ ночь съ 31-го августа на 1-ое сентября. На утро новый огонь раздуваютъ знахари и знахарки съ особыми приговорами. Если дѣвушка затыкаетъ красна въ Семеновъ день, то она замѣчаетъ, какъ ложатся у нея нитки: если прямо, то у нея будетъ хорошій мужъ, если неровно, то негодный. На женскія работы стекаются молодые парни, чтобы имъ помочь, и помогаютъ преимущественно молодкамъ и дѣвушкамъ. Въ вечеру начинаются посидѣлки, на которыхъ просиживаютъ за работами до первыхъ пѣтуховъ. Пряхи, сидя за мочкою, толкуютъ про домашнія дѣла, смѣются надъ парнями и поютъ:

Пряди, моя пряха,
Пряди, не лѣнися.
Я рада-бы прясть,
Меня въ гости звали.

Крестьяне (Тульской губерніи) за обѣдомъ. (Фотографія съ натуры).

Къ сосѣду во бесѣду,
На пиръ пировати:
Пива, меду, пити,
Вина зеленого.
А я молоденька
Не пью никакого,
Окромѣ простого.
Зеленая роща,
Всю ночь прошумѣла
А я, Сѣдная Дуняша,
Всю ночь просидѣла,
Въ себѣ мила друга ждала.
Пріѣхали трое
На вороныхъ коняхъ;
Шапка со углами,
Головка съ кудрями.

Съ начала вечера до ужина, всѣ присутствующіе на посидѣлкахъ занимаются усердно, чтобы въ ужинъ показать своей матери, какъ много наработано. Но часа черезъ два послѣ ужина, пропадаетъ вся охота къ работѣ:

Сядемъ прясть,
Донце хрясть,
Мочки хлопками летятъ!

При этихъ словахъ всѣ бросаютъ работу и начинаются игры, а между тѣмъ появляются парни съ камышевыми дудками, балалайками, гармониками, начинаются подъ ихъ музыку

Семейный обѣдъ.

пляски. Часто до начала игръ и плясокъ поютъ пѣсни, какія придутъ въ голову, унылыя и плясовыя и протяжныя. Среди пѣсней грустныхъ, вдругъ начинается плясовая и открывается пляска. Когда пляшутъ подъ пѣсни, тогда женщины и дѣвушки, ставъ въ кружокъ, поютъ; изъ круга между тѣмъ отдѣляется одна пара, иногда и двѣ: онѣ вмѣстѣ поютъ и пляшутъ, подъ тактъ пѣсни

Воскресеніе женъ Міроносицъ называется въ Рязанской губерніи бабьимъ праздникомъ, потому что въ этотъ день бабы служатъ молебны и въ складчину устраиваютъ пирушку. Въ это же время мѣстами устраиваются крестьянскія свадьбы, которыя вообще преимущественно совершаются въ храмовые праздники, во избѣжаніе расходовъ. По большей части родители находятъ жениха невѣстѣ, или невѣсту жениху, по своему выбору, не представляя его моло-

дымъ людямъ. При этомъ выборѣ всякая семья старается пріобрѣсти въ домъ бабу, которая была бы способна исправлять работы въ полѣ и по хозяйству въ домѣ и обладала бы здоровьемъ, ручающимся за будущее поколѣніе. Высокій ростъ, крѣпкое сложеніе, здоровье, свѣжесть лица цѣнятся въ рязанскомъ крестьянствѣ болѣе всего. Поэтому многіе родители не довѣряютъ свахамъ и сами осматриваютъ невѣстъ, причемъ иногда заставляютъ даже пройтись, чтобы убѣдится, твердо ли она держится на ногахъ и не короче ли одна нога другой. Молодая живетъ въ семьѣ цѣлый годъ спокойно, причемъ ее не заставляютъ работать, если только она сама не пожелаетъ, но, по прошествіи года, большая часть трудовъ по хозяйству ложится на молодую женщину.

Наканунѣ Рождества въ крестьянскомъ быту обыкновенно ничего не ѣдятъ до появленія первой звѣзды. Въ этотъ день въ избахъ съ утра начинаютъ печь блины, а молодыя бабы и

Рожь. Картина И. И. Шишкина.

дѣвки гурьбою ходятъ по улицѣ и „кличутъ коледу“. Подойдя къ какой-нибудь избѣ, онѣ начинаютъ пѣть протяжнымъ и заунывнымъ голосомъ:

Коледа, подай блина,—коледа,
Не подадите блина,—коледа,
Корову за рога,—коледа,
Подадите блина, прочь пойдемъ,—коледа.

Подъ звуки этой пѣсни окно отворяется и щедрая рука надѣляетъ пѣвицъ горячими блинами, послѣ чего онѣ идутъ далѣе. На третій день праздника начинаются дни наряжанья, гаданья, такъ-называемыя святки. Подъ новый годъ собирается толпа молодежи, ходятъ подъ окнами и кличутъ „авсень“ или „усень“, и подобно какъ въ коледу выпрашиваютъ себѣ съѣстныхъ подачекъ. Вечеръ подъ новый годъ исключительно посвящается гаданьямъ. Въ день Богоявленія Господня, 6-го января, по окончаніи обряда погруженія креста въ воду, нѣкоторые крестьяне раздѣваются, бросаются въ Іордань и окунувшись разъ бѣгутъ къ себѣ въ избу прямо на печку. Съ Іордани каждый возвращается домой съ кувшиномъ освященной воды, которую сохраняютъ въ теченіе года, употребляя ее отъ падучей и другихъ болѣзней.

Эту же воду выставляютъ въ полѣ, если видятъ приближеніе градовыхъ тучъ. Масленица въ Рязанской губерніи празднуется такъ-же, какъ и въ остальной Россіи, причемъ все населеніе деревни предается ѣдѣ до пресыщенія, гульбѣ и праздности. Наѣвшись блиновъ, ходятъ другъ къ другу съ поздравленіями: женщины къ женщинамъ, дѣвушки къ дѣвушкамъ, старики къ старикамъ, а молодые парни къ тѣмъ и другимъ. Всѣ одѣваются въ праздничныя платья, особенно взрослыя невѣсты. На улицѣ, подъ окнами избъ собираются дѣвушки въ праздничныхъ сарафанахъ и паневахъ и бѣлыхъ суконныхъ шушунахъ. Головы повязаны красными шерстяными платками, а шушуны такими же поясами. Молодухи показываются въ кокошникахъ, кичкахъ, повойникахъ, также въ теплой одеждѣ. Въ губерніяхъ Рязанской и Тамбовской дѣвушки въ дни масленицы надѣваютъ повойники и кички, крытыя позументомъ и вышитыя золотомъ. Появляются сани, и начинается катанье, причемъ въ иныя сани усаживается до

Типы крестьянскихъ дѣтей Тамбовской губ. (Фотографія съ натуры).

15 человѣкъ и они съ пѣснями разъѣзжаютъ по своему селенію и по ближнимъ деревнямъ. Вся масленица проводится обыкновенно въ ѣдѣ и въ катаньѣ.

Въ понедѣльникъ первой недѣли поста, хозяйка-баба замѣчаетъ какого пола будетъ то лицо, которое первое войдетъ къ ней въ избу. Если это будетъ мужчина, то овцы будутъ болѣе котать баранчиковъ, а если женщина, то ярокъ будетъ болѣе.

Великіе дни страданій Спасителя, воспоминаемые, по уставу Православной Церкви, особо-торжественными и продолжительными Богослуженіями, на деревенской Руси отмѣчены особыми повѣрьями и обычаями. Съ каждымъ днемъ Страстной,—или, какъ говорятъ обыкновенно въ народѣ, „Страшной", — недѣли связана своя, только къ нему одному относящаяся, примѣта.

Съ понедѣльника на Страстной недѣлѣ начинаетъ вся Русь крещеная мыться-чиститься, ко встрѣчѣ Свѣтлаго Праздника сряжаться-готовиться. „Страшной понедѣльникъ на дворъ идетъ — всю дорогу вербой мететъ", „Съ Великаго понедѣльника до Великаго Дня (Пасхи) цѣлая недѣля, по горло бабамъ дѣла"—говоритъ деревня, только-что встрѣтившая съ вербами (ваіями) въ рукахъ Вербное Воскресенье, съ которымъ у дѣтворы связана память о словахъ

Автотипія Т-ва М. О. Вольфъ

СПАСОВЪ ДЕНЬ.—Картина И. Прянишникова.

„Верба хлестъ—бей до слезъ". Вторникъ является днемъ, въ который, по старому обычаю, положено дѣлать „сóченое молоко". Для этого рано по-утру, еще до разсвѣта, сметаютъ по

Молотьба. (Фотографія Г. Гаррика).

закромамъ конопляное и льняное сѣмя, перемѣшиваютъ, толкутъ въ ступахъ и разводятъ водою. Для охраны домашней животины отъ всякихъ болѣстей хорошо, по словамъ знающихъ людей, поить ее этимъ „молокомъ". По этому молоку старые люди распознаютъ еще, будетъ-ли прокъ изъ скота: не пьетъ животина его—быть худу, стало-быть, какимъ-нибудь злымъ человѣкомъ на него порча напущена, — и на него, и на весь приплодъ даже! Въ „Страшную середу" принято, изъ предосторожности, обливать водою всю животину на дворѣ,—но не простой водою, а натаеиной изъ снѣга, собраннаго по оврагамъ, да посоленнаго прошлогодней „четверговою" солью. Эта вода предохраняетъ скотину отъ всякаго „напуска" на цѣлый годъ. Въ четвергъ—новая забота старикамъ да старухамъ, „соблюдающимъ старину": пережигать соль въ печи. Эта соль является, по ихъ мнѣнію, цѣлебною; ее тщательно сохраняютъ въ божницѣ, за иконами.

Передъ посѣвомъ.—Картина Н. В. Орлова.

Всюду въ обычаѣ—приходить въ этотъ день домой отъ всенощной съ горящими свѣчами. Крестьяне, еще и теперь, выжигаютъ принесенною ,,отъ двѣнадцати Евангелій" свѣчою кресты на дверяхъ и потолкахъ, думая отогнать этимъ злую нечистую силу отъ своего крова. Если эту свѣчу зажечь въ грозу, то можно не бояться громовыхъ ударовъ: всѣ они отгремятъ, не причинивъ богобоязненному дому никакого вреда. Совѣтуютъ деревенскія лѣкарки-знахарки давать зажженную эту ,,страстную" свѣчу въ руки трудно-больнымъ, а также и мучающимся родильницамъ. Такова ея цѣлебная сила, по словамъ умудренныхъ опытомъ людей.

Въ ,,Стоглавѣ" записано преданіе о томъ, что въ великій четвергъ встарину утромъ палили солому и ,,кликали" при этомъ мертвыхъ. Съ этого дня, изъ опасенія ,,засорить глаза лежащему во гробѣ Христу", не принято мести избы вплоть до Свѣтлаго Праздника. Страстная пятница — одна изъ особо чтимыхъ въ народѣ пятницъ, хотя и меньше Благовѣщенской и ,,десятой". Въ великую субботу, передъ сумерками, заклинаютъ утренники-морозы, просятъ ихъ не губить яровыхъ хлѣбовъ, льна и конопли. А тамъ наступаетъ и Святая, ,,великоден-

Страдная пора.—Картина Г. Г. Мясоѣдова.

ская", ,,славная" и ,,красная" недѣля, на которую умильными голосами выводятъ, у церковныхъ папертей сидючи, свой стихъ воскресный сохранившіеся пережиткомъ пѣсенной старины ,,калѣки перехожіе":

„Се нынѣ радость,
Духовная сладость,
Веселятся небеса
И радуется земля
Вкупѣ съ человѣки,
Съ безплотными лики.
Взыграй днесь, Адаме,
И радуйся, Ева... и т. д.

Въ день св. Георгія, 23-го апрѣля, впервые въ поле выгоняется скотъ. Во многихъ деревняхъ въ этотъ день служатъ молебенъ съ водосвятіемъ, для чего все стадо сгоняютъ къ часовнѣ или къ церкви. Хозяйки сгоняютъ свою скотину вербами, которыя сохраняютъ для того отъ заутрени Вербнаго Воскресенья. По освященіи воды, все стадо прогоняется мимо священника, который окропляетъ его. Первая гроза считается признакомъ для начала сѣва. Въ этотъ день всѣ бѣгутъ купаться, а кто боится, тотъ умывается чрезъ обручальное кольцо или

изъ подойника, въ которое положено яйцо, чтобы хозяйка была здорова, корова давала бы болѣе молока и чтобы куры неслись. При посѣвѣ овса существуетъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ обычай приносить въ поле младенцевъ, которые не начинаютъ долго ходить. Такихъ младенцевъ ставятъ на пашню и обсѣваютъ кругомъ овсомъ, въ томъ убѣжденіи, что это средство укрѣпляетъ ноги младенцевъ. Горохъ стараются засѣвать близъ проѣзжихъ дорогъ, чтобы имъ могли пользоваться прохожіе и проѣзжіе, такъ какъ среди крестьянъ существуетъ повѣрье, что Богъ вознаградитъ за то хорошимъ урожаемъ.

Съ вечера, наканунѣ праздника Св. Троицы, каждый хозяинъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ запасается свѣжими вѣтвями деревьевъ и кустарникомъ. Иные привозятъ ихъ по цѣлому возу и разставляютъ ихъ около иконъ, дверей и воротъ своего дома. Церковь также украшается

На окраинѣ сосноваго бора.—Картина И. И. Шишкина.

крестьянами красивыми вѣтвями и пахучими травами. По окончаніи Богослуженія, крестьяне поспѣшно собираютъ траву съ полу церкви, только кому придется захватить. Нѣкоторыя крестьянки вьютъ вѣнки изъ листьевъ вѣтвей, поставленныхъ въ церкви. Эти вѣнки и кладутъ на горшокъ при разсаживаніи капусты. Траву, принесенную изъ церкви, крестьяне берегутъ, какъ драгоцѣнность, приписывая ей цѣлительныя свойства и употребляя ее на лѣкарства. Они примѣшиваютъ эту траву къ сѣну, даютъ скоту, кипятятъ съ него воду и пьютъ ее. По выходѣ изъ церкви всѣ расходятся по домамъ и чрезъ нѣкоторое время всѣ молодыя женщины и дѣвицы, не обѣдая, отправляются въ лѣсъ или въ мелкій кустарникъ завивать вѣнки. Придя на избранное мѣсто, онѣ начинаютъ пѣть пѣсни, гуляютъ, играютъ и пляшутъ и затѣмъ обѣдаютъ на травѣ. Затѣмъ онѣ начинаютъ завивать вѣнки изъ вѣтвей и листьевъ какого-нибудь куста, не отламывая отъ него ни вѣтвей, ни листьевъ. Тѣ дѣвушки или замужнія женщины, которыя на праздникъ Вознесенія вмѣстѣ крестили кукушекъ, вмѣстѣ завиваютъ и вѣнки. Онѣ

подходятъ парами къ сдѣланному вѣнку, вѣшаютъ на него снятые съ шеи свои кресты, цѣлуютъ ихъ, затѣмъ сами цѣлуются, кладутъ поклоны, снова цѣлуются и размѣниваются крестами, которые онѣ отдали другъ другу въ день Вознесенья. Этимъ обрядомъ окончательно закрѣпляется за ними то особаго рода родство, въ силу котораго онѣ называютъ одна другую кумами. Домой женщины возвращаются съ вѣнками, нѣжно сплетенными и украшенными цвѣтами. Во время цѣлованія и обмѣна крестами, кумы поютъ:

Березнякъ, березнякъ,
Зеленый, кудреватый,
Частый, кустоватый.
Что же ты, березничекъ,
Не веселъ стоишь?
Какъ же мнѣ березничку,
Веселу стоять?
Старыя старухи
Вѣнки завивали,
Мнѣ макушки поломали.

Крестьяне Калужской губерніи. (Фотографія съ натуры).

Отправляясь въ первый разъ сѣять, крестьянинъ молится, но передъ молитвою всѣ домашніе садятся за столъ, который покрывается скатертью и на него ставятся хлѣбъ и соль. При этомъ никто изъ домашнихъ не садится до молитвы возлѣ печи, такъ какъ при соблюденіи этого условія крестьяне надѣются избѣжать засухи. По окончаніи посѣва происходятъ „отсѣвки", на которыхъ особенностью бываетъ у хозяина самый лучшій обѣдъ, потому что хозяинъ желаетъ имѣть на своемъ полѣ такой же обильный урожай, какимъ у него въ этотъ день оказывается обѣдъ. При молотьбѣ хлѣба крестьянинъ солому первыхъ сноповъ бросаетъ, какъ онъ выражается, „дѣдушкѣ на ребра", подъ которымъ понимается особенное существо, среднее между злымъ и добрымъ, въ видѣ приношенія, ему подаютъ нѣкоторое количество соломы на крышу риги. Когда крестьянинъ везетъ хлѣбное зерно на мельницу, то мѣшки съ нимъ кладетъ на телѣгу непремѣнно завязанными концами назадъ.

Почти во всѣхъ селеніяхъ черноземнаго пространства центральныхъ губерній празднуется семикъ, который приходится въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, почему и получилъ свое названіе. Нынѣ это собственно дѣвичій праздникъ, но начало свое онъ ведетъ со временъ

идолопоклонства, когда въ это время происходили разныя весеннія забавы. Лѣтъ пять, десять, тому назадъ передъ Троицынымъ днемъ, въ великорусскихъ и малороссійскихъ городахъ и селеніяхъ толпы людей, мужчинъ и женщинъ, съ зелеными вѣтвями въ рукахъ, отправлялись

Крестьяне Тульской губерніи. (Фотографія съ натуры).

въ ближній лѣсъ, откуда возвращались въ предшествіи плясуновъ и плясуній, которые скакали передъ толпой, а она пѣла. Въ семикъ производились въ прежніе годы гаданія при рѣкѣ и колодцѣ; умывали глаза водою, чтобы они не болѣли и бросали въ воду мелкую монету. Первые проповѣдники христіанства, желая уничтожить идолопоклонническіе обряды, вкоренившіеся въ народѣ, должны были сообразоваться съ его обычаями и установили потому крестныя хожденія въ семикъ еще въ IV вѣкѣ, въ царствованіе Константина Великаго. Нынѣ дѣвушки ходятъ въ ближайшій лѣсъ, или кустарникъ, играютъ тамъ въ разныя игры, пляшутъ вокругъ березки, которую держитъ одна изъ нихъ. Березка бываетъ украшена лентами, иногда же плетками. Дворы, дома въ этотъ день устанавливаются молодыми березками, липками, кленами, смотря по обилію того или другого лѣса въ данной мѣстности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи вся седьмая недѣля послѣ Пасхи называется „семицкою“. Ношеніе деревьевъ существовало въ древности въ городахъ Греціи, гдѣ въ честь

Праздникъ въ деревнѣ.—Картина Н. М. Пряничникова.

богини Прозерпины носили зеленыя деревья и масличныя вѣтви. Рощи и дубравы служили завѣтными мѣстами для совершенія обрядовъ у грековъ, римлянъ, германцевъ, друидовъ, славянъ.

Въ деревняхъ семикъ составляетъ веселое хороводное гуляніе, на которомъ присутствуетъ и участвуетъ все населеніе, въ праздничныхъ нарядахъ, на которомъ подъ музыку съ пѣснями ведутъ хороводы. Въ Тульской губерніи поютъ на семикѣ:

Благослови, Троица,
Богородица!
Намъ вѣнки завить,
Вѣнокъ сплести.
Ай, дидъ, ой, ладо!
Намъ вѣнки завивать,
И цвѣты сорывать.
Ай, дидъ, ой, ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ,
И цвѣтовъ нарвемъ;
Мы цвѣтовъ нарвемъ,
И вѣнокъ совьемъ.
Ай, дидъ, ой, ладо!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-матушкѣ;
Свекру-батюшкѣ—малиновой;
Свекрови-матушкѣ—калиновой.
Ай, дидъ, ой, ладо!
Пойду-ли пѣшкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ;
Сломлю-ль съ сыра-дуба вѣточку,
Брошу на быструю рѣченьку.
Ай, дидъ, ой, ладо!
Не тонетъ, не плыветъ,
Съ сыра-дуба вѣточка,
Не тужитъ по мнѣ
Свекоръ-батюшка,
Свекровь-матушка,
Ай, дидъ, ой, ладо

Въ другихъ мѣстахъ парни и дѣвушки, открывая семикъ хороводомъ, ходятъ вокругъ березки, избранной для того и извитой лентами и поютъ:

Не дождикъ березку обмываетъ,
Здѣсь въ рощѣ дѣвокъ прибываетъ.
Скачите, пляшите, красны дѣвки,
А вы, холостые, поглядите.
Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взяти!
А взять ли, не взять ли съ доброй воли
По батюшкиному повелѣнію,
По матушкиному благословенью,
По невѣстину рукодѣлью.

По окончаніи пѣсни ставятъ въ середину хоровода дѣвушку и мужчину и всѣ продолжаютъ пѣть:

Ай, въ полѣ липенька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла;
Подъ липою бѣлъ шатеръ,
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,
За тѣмъ сидитъ красная,
Шьетъ ширинку золотомъ,
Нижетъ узду жемчугомъ.
Ѣхалъ мимо молодецъ:
Богъ на помощь, дѣвица!
Богъ на помощь, красная!
Ширинку шить золотомъ,
Низать узду жемчугомъ.

Парни послѣ того поютъ:

Не мнѣ ли ширинку?
Не моему ли коню уздечку?

А дѣвушки имъ отвѣчаютъ:

Не по молодцѣ ширинка,
Не по твоемъ конѣ уздечка.

Съ семика обыкновенно начинаются по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ хороводы въ деревняхъ и селахъ и продолжаются до конца лѣта. Иные раздѣляютъ хороводы на весенніе и лѣтніе. Хороводы—главное удовольствіе деревенскихъ красавицъ. Всѣ дѣвушки стараются выказать въ нихъ свою ловкость, свое умѣнье пѣть, свои голосовыя средства. Онѣ поютъ, бѣгаютъ, вертятся попарно и вѣнцомъ, кружатся и раскланиваются. Главное содержаніе хороводныхъ пѣсенъ составляетъ семейная жизнь, съ колкими иногда замѣчаніями на семейный бытъ. Время сочиненія хороводныхъ пѣсенъ — неизвѣстно, но нѣкоторыя изъ нихъ

Группа крестьянъ, играющихъ въ яйца на Свѣтлой недѣлѣ. (Фотографія съ натуры).

вѣроятно принадлежатъ еще XVI вѣку. Въ большихъ селахъ хороводы собираются не въ одномъ мѣстѣ, а на обоихъ концахъ главной улицы, причемъ одинъ хороводъ идетъ со своего конца на встрѣчу другому, приближающемуся со своей стороны и оба они поютъ:

Возлѣ тыну хожу,
Я коперъ траву сажу
Не быть капру
Съ тыномъ ровну;

Игры и пѣсни мѣняются отъ произвола и выбора хоровода. Когда „садятъ хрѣнъ", то одна дѣвушка становится въ кругу, а другая насупротивъ ея за кругомъ. Взявшись за руки, онѣ поднимаютъ и опускаютъ ихъ на голову каждой изъ дѣвушекъ, обходя вокругъ всѣхъ до трехъ разъ. „Алая заря" состоитъ въ томъ, что въ серединѣ круга сидитъ горюющая дѣвушка и тужитъ о томъ, что ее не пускаютъ веселиться. „Вѣночки или женихъ, ищущій невѣсту",—выводятъ одну изъ дѣвушекъ, которая ходитъ въ хороводномъ кругѣ и представляетъ собою жениха, ищущаго невѣсту. При игрѣ „выборъ невѣстъ" образуются два ряда играющихъ и въ одномъ изъ нихъ находятся невѣсты, называемыя царевы, а въ другомъ женихи,

называемые бояре, которые на извѣстномъ разстояніи то сходятся, то отступаютъ одинъ отъ другого. Въ игрѣ „при долинѣ соловей" въ кругу стоятъ парень и дѣвушка и оба они горюютъ; парень посматриваетъ на свою дѣвушку, а та отворачивается отъ него. Если дѣвушка скрывается изъ круга, парень плачетъ по ней. Когда играютъ „утеня", то дѣвушки, взявшись за руку, ходятъ кругомъ то въ одну, то въ другую сторону, причемъ измѣненіе ихъ движеній зависитъ отъ содержанія пѣсни. Такихъ игръ при хороводахъ много и при каждой поется своя пѣсня, соотвѣтствующая содержаніемъ игрѣ.

Въ семикъ принято обычаемъ наряжать березу. Женщины, одѣтыя въ лучшіе свои наряды, и молодые парни, украсивъ молодую срубленную березу бумажными и шелковыми платками, съ пѣснями несутъ ее въ ближайшую рощу и тамъ водружаютъ ее на луговинѣ. Потомъ,

Крестный ходъ.—Картина П. Прянишникова

разсыпавшись по березнику, они ломаютъ вѣтви и плетутъ вѣнки, которыми украшаютъ свои головы. Иныя женщины, не отламывая вѣтвей, свиваютъ на сучьяхъ кольца въ родѣ вѣнковъ. Въ эти кольца, противъ средины, привѣшиваютъ снятый съ шеи крестъ, причемъ баба и дѣвка кумятся, т.-е. цѣлуютъ этотъ крестъ, одна съ одной стороны, а другая съ другой. Послѣ того онѣ имъ размѣниваются и между ними на вѣки утверждается дружба, такъ что для такихъ покумившихся браниться и сориться между собою считается съ этого времени величайшимъ грѣхомъ. Послѣ завивки вѣнковъ, всѣ присутствующіе садятся кругомъ березки и ѣдятъ яичницу, а потомъ уже начинаютъ хороводы. Когда солнце закатилось, то одинъ парень, удалѣе остальныхъ, подымаетъ березу и несетъ въ деревню, сопровождаемый пѣснями веселой толпы. Затѣмъ всѣ участвовавшіе въ завиваніи вѣнковъ идутъ къ рѣкѣ или къ пруду и, снявъ съ себя вѣнки, кладутъ ихъ въ воду около берега и умываются, почерпнувъ воды сквозь вѣнокъ, а потомъ, взявъ вновь вѣнокъ, бросаютъ его далеко въ воду. Если вѣнокъ потонетъ, то бросавшій умретъ въ томъ же году, а если не потонетъ, то останется живымъ. Такой же обычай пов-

рается въ Рязанской губерніи и въ Троицынъ день, съ тою только разницею, что въ семикъ завиваютъ вѣнки, а въ Троицынъ день ихъ развиваютъ. Въ Духовъ день во многихъ деревняхъ существуетъ обычай обходить поля съ иконами, которыя поднимаютъ въ поля и тогда, когда долгое время стоитъ сухая погода безъ дождей, вслѣдствіе чего останавливается ростъ хлѣбовъ. Для поднятія иконъ по преимуществу избирается праздничный день. Отслушавъ утреню, крестьяне берутъ иконы, особенно же образъ Св. Ильи Пророка, и, предшествуемые священникомъ, при пѣніи причта, направляются въ деревню, гдѣ подлѣ часовни служатъ молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и водоосвященіемъ о ниспосланіи дождя, а потомъ обходятъ вокругъ своей дачи по генеральнымъ межамъ, причемъ священникъ кропитъ поля святою водою.

Въ праздникъ Вознесенья крестьяне въ Рязанской губерніи пекутъ лѣстницы, или продолговатыя лепешки изъ тѣста въ видѣ лѣсенки. Съ лѣстницами мужики, бабы и дѣвки идутъ въ свои поля, гдѣ каждый, помолясь на всѣ четыре стороны, бросаетъ лѣсенку вверхъ, приговаривая, „чтобы рожь моя выросла также высоко“, послѣ чего лѣстницы съѣдаются.

Отпускъ невѣсты (Рязан. губ.)—Картина В. Я. Тишина.

Осенью, послѣ окончанія полевыхъ работъ и уборки хлѣба, а также зимою, наступаетъ преимущественно и свободное время въ крестьянскомъ быту, время болѣе удобное для браковъ. Въ это же время обыкновенно призывается молодежь къ исполненію воинской повинности. Крестьянскія свадьбы совершаются не только не одинаково въ разныхъ губерніяхъ черноземной полосы, но и въ каждой губерніи брачные обряды одного уѣзда не походятъ часто на установленные обычаемъ въ сосѣднемъ съ нимъ уѣздѣ. Образъ жизни, мѣстныя привычки вліяютъ на эти обычаи и обряды. Поэтому и самыя пѣсни, которыя поются при сватаньи, сговорахъ, прощаніи съ родителями и проч., не походятъ однѣ на другія въ разныхъ мѣстностяхъ.

Для сосватанія жениха избираются бойкія свахи, которыя должны знать все про домъ невѣсты. Имъ всегда отводится въ домѣ крестьянъ почетное мѣсто. Когда вмѣсто свахъ посылаются сваты, тогда и они пользуются подобнымъ же почетомъ. Если отцы просватываютъ своихъ дочерей или сыновей безъ посредничества постороннихъ, то, давъ обѣщаніе другъ другу сыграть свадьбу, они бьютъ по рукамъ и начинаютъ пить вино, отъ чего такое сватовство въ народѣ называется пропоемъ: „такой-то пропилъ дочь, а такой-то сына“. По деревнямъ не всегда бываетъ дѣвичникъ. Только въ день, назначенный для вѣнчанія, дружка отправляется съ родственниками къ священнику съ хлѣбомъ и солью, который состоитъ изъ курника, кренделей и вина. При этомъ договариваются о платежѣ за свадьбу и потомъ запиваютъ со всѣмъ причтомъ. Передъ поѣздомъ молодыхъ въ церковь, каждаго изъ нихъ благословляютъ въ его домѣ родные и посаженые родители. Посаженый отецъ наливаетъ притомъ воды въ чашу, прилѣпливаетъ къ ней восковую свѣчу и зажигаетъ ее, или затепливаетъ

лампаду у образа, молится вмѣстѣ съ молодымъ, послѣ чего уже въ повозку садятся [illegible] отецъ посаженый, подпняжникъ (поддружье) и поручитель по женихѣ. Съ невѣстою же садится сваха, и невѣста закрывается прозрачною фатою. Гривы и хвосты у лошадей молодыхъ обвиваютъ лентами, а на шею и подъ уши навѣшиваютъ колокольчики и бубенчики.. На дугу навязываютъ даже нѣсколько колокольчиковъ Въ продолженіе всей дороги до церкви молодые обязаны креститься какъ можно болѣе, чтобы колдуны не испортили ихъ; особенно они должны креститься при входѣ въ церковь. По совершеніи вѣнчанія, на молодую, на церковной еще паперти, надѣваютъ повойникъ женскій и шлыкъ, котораго края обложены позументомъ. Въ Боровскѣ надѣваютъ жемчужный кокошникъ съ глазками, т.-е. блестящими камешками. Изъ церкви новобрачные отправляются домой уже въ одной повозкѣ. Никто изъ молодыхъ не долженъ ѣсть до вѣнчанія. Родные въ домѣ встрѣчаютъ новобрачныхъ съ благо-

Невѣсту отпускаютъ къ вѣнцу.—Рисунокъ В. Рыбинскаго.

словеніемъ и осыпаютъ ихъ хлѣбнымъ зерномъ; потомъ сажаютъ ихъ за столъ и угощаютъ. У богатыхъ и состоятельныхъ крестьянъ свадебныя пиршества продолжаются нѣсколько дней.

Къ характернымъ типамъ русской деревни относятся нищіе-погорѣлые, которые послѣ каждаго пожара въ деревняхъ иногда цѣлымъ деревенскимъ населеніемъ отправляются искать средствъ для возобновленія новаго жилья на пепелищѣ. „Христа ради на погорѣлыхъ"—слышится отъ подобныхъ семей. А пожары ежегодно на милліоны истребляютъ „деревянную" Русь; истребляютъ безпощадно съ жильемъ и все хозяйство крестьянина. Послѣ пожара возможно возстановленіе хотя нѣкоторой прежней обстановки для трезваго, трудолюбиваго крестьянина, но мало-мальски слабые къ вину и охочіе къ лѣни поступаютъ въ то „нищее войско", которое бродитъ по нашему отечеству подъ различными наименованіями. Но пьянство, кабацкій и трактирный разгулъ еще сильнѣе разоряютъ крестьянское хозяйство, чѣмъ пожары, несмотря на то, что послѣдніе не щадятъ ни богатаго, ни бѣднаго.

Среди нищихъ, на сборныхъ мѣстахъ выдается очень часто пожилой человѣкъ, одѣтый въ синій или черный армякъ, круто запахнутый и высоко подпоясанный, протягивающій книж-

ку, обернутую преимущественно черною шерстяною матеріею, съ нашитымъ на нее позументомъ въ видѣ креста. Книга эта прошнурована и шнуръ припечатанъ казенною сургучною красною печатью, причемъ на послѣдней страничкѣ книжки приписано свидѣтельство консисторіи. Это „сборщикъ подаяній на церковь", „прошакъ", „запрощикъ", какъ ихъ прозвали въ народѣ. Ихъ не надобно смѣшивать съ монахами и монахинями, отправляемыми для сбора

У ДЕРЕВЕНСКОЙ ЦЕРКВИ.—Рисунокъ А. Ѳ. Афанасьева.

Сборщикъ подаяній на церкви. Рис. П. Панова.

подаяній отъ своихъ монастырей. Прошакъ, по усердію къ храму Божію, гдѣ его крестили, подлѣ котораго похоронили его родителей, по желанію обновить этотъ храмъ, украсить его, отправляется бороздить пѣшкомъ по Руси и собирать доброхотныя пожертвованія на церковь своей деревни или своего села. И въ честные, добросовѣстные сборщики такихъ подаяній православныхъ на церковь Божію, на храмъ такому-то угоднику его поступаютъ преимущественно мѣстные одинокіе прохожане, уже издавна радѣющіе о храмѣ, прислуживающіе въ немъ изъ усердія, примыкающіе къ причту въ большіе праздники для разной ему подмоги. Такіе прошаки честною сдачею собранныхъ пожертвованій соорудили на Руси не одну церковь, не одинъ храмъ изъ деревяннаго обратили въ каменный, не одну каменную увеличили колокольнею, украсили Божіимъ благолѣпіемъ внутри, обновленіемъ такого собора снаружи. И, по словамъ Некрасова,

Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіе
По лицу земли родной.

С. А. Максимовъ мастерски очертилъ, въ своей „Бродячей Руси", типъ честныхъ прошаковъ, посылаемыхъ сельскими священниками съ дозволенія епархіальнаго начальства для сбора на приходскіе храмы и избираемые изъ мѣстныхъ богобоязненныхъ жителей.

Находя повсюду въ селахъ пріютъ, ночлегъ, а на ѣду „чѣмъ Богъ послалъ", прошакъ колеситъ по Руси по всѣмъ направленіямъ и опытъ указываетъ ему, гдѣ можно собрать болѣе обильную лепту и гдѣ она оказывается до того скудною, что въ другой разъ и не завернетъ въ такую околицу.

Но когда обновленіе церкви, или сооруженіе новой совершилось, когда въ праздники, по окончаніи богослуженія, прихожане, выходя изъ церкви, въ сторонѣ отъ нищихъ и калѣкъ, видятъ смиренно стоящихъ сборщиковъ подаяній на монастыри и церкви, напоминающихъ имъ путь, какимъ достигнуто благолѣпіе ихъ собственнаго храма,—въ бываломъ прошакѣ, на-

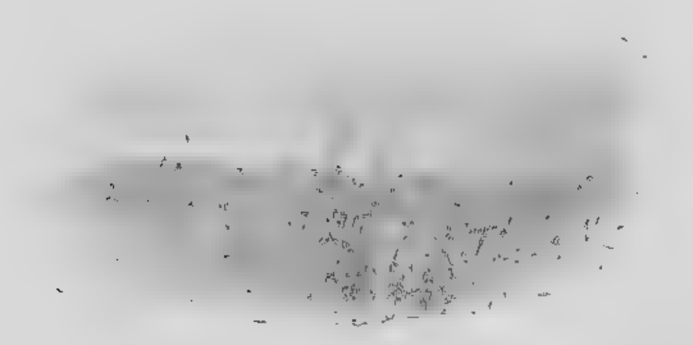

Нищій Калужской губерніи. (Фотографія съ натуры).

ходящемся среди прихожанъ, возобновляется воспоминаніе о его переходахъ по родной землѣ. Снуютъ въ его памяти воспоминанія о разнообразіи чужихъ мѣстъ, о невзгодахъ, перенесенныхъ отъ погоды и злыхъ людей, о пріютѣ и ласкѣ, оказанныхъ сердечнымъ и душевнымъ человѣкомъ и невольно увлекаютъ къ желанію вновь идти по свѣту „на нужду церковную". Было бы желаніе у сборщика подаяній, удовлетворившаго уже подобную „нужду церковную", а на него уже давно имѣются планы въ епархіи, гдѣ онъ уже прославился честною сдачею пожертвованныхъ приношеній. И отправляется такой пронакъ снова въ путь-дорогу и ходитъ такъ до истомленія своихъ силъ всю жизнь, обновляетъ не одинъ храмъ, содѣйствуетъ сооруженію не одной новой церкви, высящейся своимъ куполомъ надъ селомъ на далекое разстояніе въ окрестности.

И обилуетъ черноземная полоса сельскими церквами съ ихъ голубыми и зелеными куполами и монастырями съ явленными и чудотворными иконами, въ нихъ сохраняемыми, и привлекающими толпы богомольцевъ. Многіе изъ нихъ кормятся своимъ паломничествомъ; другіе обогащаютъ храмы и обители своими приношеніями, излишками и достатками отъ богатыхъ, трудовою копѣйкою отъ бѣдныхъ. Но если явленныя и чудотворныя иконы двигаютъ съ одного конца Россіи до другого тысячи богомольцевъ, то еще большею благодатью считается, когда подобное Божіе благословеніе приносится или привозится въ домъ какъ богатаго землевладѣльца, такъ и бѣднаго крестьянина. Въ большіе праздники и на Пасхѣ иконы, хотя на короткое время, приносятся въ каждую избу и пока не совершится подобный обносъ ихъ по селенію, до тѣхъ поръ мѣстное населеніе деревни или села не начинаетъ пѣсней, хороводовъ, игръ.

П. С. Усовъ.

ОЧЕРКЪ IV.

КРЕСТЬЯНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

Сельская община. Сельскій сходъ. Сельскій староста. Писарь. Волостной сходъ и старшина — волостное правленіе. [illegible]

«Въ новизнахъ твоего царствованія
Намъ слышна родная старина».

КАТКОВЪ.

СУЩЕСТВУЮЩЕЕ въ настоящее время распредѣленіе поземельной собственности въ Россіи и отношеніе земледѣльца къ землѣ сложилось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ того глубокаго переворота, который былъ вызванъ во всемъ русскомъ народномъ хозяйствѣ великою крестьянскою реформою. Въ нашемъ представленіи эта реформа связывается съ актомъ 19-го февраля 1861 года. Этимъ актомъ, или, какъ выражаются обыкновенно, ,,Положеніемъ 19-го февраля'' былъ положенъ конецъ неправдѣ крѣпостного права, царившей у насъ въ теченіе двухъ съ лишнимъ вѣковъ и провозглашенъ съ высоты престола принципъ самостоятельнаго свободнаго труда земледѣльца на собственной землѣ, какъ основа будущаго соціально-экономическаго строя Россіи.

Законодательный актъ, съ которымъ навсегда связано свѣтлое имя Царя-Освободителя, какъ извѣстно, касался только помѣщичьихъ крестьянъ въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, а ими далеко не исчерпывалось крестьянское населеніе Россіи. Не говоря о менѣе многочисленныхъ группахъ крестьянъ, была еще столь же обширная группа крестьянъ государственныхъ, крестьянъ удѣльныхъ и т. д. Такимъ образомъ, по силѣ вещей, крестьянская реформа не могла быть осуществлена однимъ ,,Положеніемъ 19-го февраля''. Потребовался цѣлый рядъ основныхъ ,,Положеній'' и десятки лѣтъ для распространенія на всѣхъ крестьянъ главныхъ основаній реформы и для послѣдовательнаго развитія ея принциповъ.

Тридцать восемь лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ 19-го февраля 1861 года. За это время не только русскій экономическій строй въ извѣстной мѣрѣ приспособился къ тѣмъ началамъ, которыя были положены въ основаніе освободительной реформы, но и самыя основанія въ зна-

чительной степени были развиты, или, лучше сказать, въ нашемъ аграрномъ законодательствѣ произошли важныя перемѣны, которыя уничтожили многія отступленія отъ коренныхъ началъ реформы, явившіяся какъ результатъ уступокъ и компромиссовъ между различными теченіями общественной мысли, вліявшими на участниковъ въ редакціонныхъ комитетахъ. Упомянемъ пониженіе, въ 1881 году, выкупныхъ платежей, введеніе, съ 1883 года, обязательнаго выкупа для временно-обязанныхъ крестьянъ и преобразованіе государственной оброчной подати въ выкупные платежи съ одновременною окончательною отмѣною подушной подати. Съ наступившими перемѣнами обнаружились и многія темныя явленія экономическаго строя крестьянской жизни, отчасти вытекавшія изъ прежнихъ недосмотровъ крестьянскихъ положеній, отчасти явившіяся послѣдствіями новаго склада жизни, результатомъ экономической самостоятельности крестьянъ и ихъ матеріальной необезпеченности, малограмотности и т. п.

Уничтоживъ крѣпостную зависимость и объявивъ помѣщичьихъ крестьянъ лично свободными, Положеніе 19-го февраля признало за помѣщиками право собственности на усадебную осѣдлость и различныя земельныя угодья, которыми крестьяне пользовались до освобожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставило крестьянамъ право постояннаго пользованія усадьбою и отведенными надѣлами, за установленные законодательнымъ путемъ, въ пользу помѣщиковъ, повинности и платежи. По отношенію къ усадебной осѣдлости право помѣщиковъ было ограничено еще болѣе, такъ какъ крестьянамъ было предоставлено пріобрѣтать ее въ полную собственность за установленную закономъ цѣну, тогда какъ на пріобрѣтеніе въ собственность полевыхъ земель и другихъ земель требовалось согласіе помѣщика. Принявъ за исходную точку существовавшее фактически положеніе вещей, Положеніе вмѣстѣ съ тѣмъ стремилось устранить крайности, санкціонированіе которыхъ было бы сопряжено съ ущербомъ для той или другой стороны Основное начало крестьянской реформы, т.-е. обезпеченіе освобожденныхъ землею, не было распространено на двѣ категоріи крестьянъ: на дворовыхъ людей и на бывшихъ крѣпостныхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ. Что же касается самой системы пользованія землею, общинной или подворно-участковой, то составители Положенія 19 февраля не отдали предпочтенія ни той, ни другой, сохранивъ повсемѣстно ту систему, которая существовала въ моментъ освобожденія крестьянъ.

Напомнивъ основныя начала освободительной реформы, скажемъ теперь нѣсколько словъ объ административномъ и общественномъ устройствѣ крестьянъ, для того, чтобы перейти затѣмъ къ описанію крестьянскихъ учрежденій. По Положенію 19 февраля 1861 года, крестьяне, водворенные на землѣ одного помѣщика, составляютъ *сельское общество*, которое повсемѣстно является самоуправляющеюся и самооблагающеюся административною единицей; въ тѣхъ мѣстностяхъ же, гдѣ существуетъ общинное пользованіе землею, сельское общество является и хозяйственнымъ союзомъ, сосредоточивая въ своихъ рукахъ завѣдываніе общинными землями. Нѣсколько смежныхъ сельскихъ обществъ, состоящихъ въ одномъ уѣздѣ, образуютъ волость. Введенъ былъ также въ сферу крестьянскаго самоуправленія и судъ, но власть судебная, сосредоточенная въ рукахъ волостного суда, была отдѣлена отъ волости административной. На учрежденія, призванныя къ надзору за крестьянскимъ самоуправленіемъ, возложено было и посредничество при установленіи поземельныхъ отношеній между крестьянами и бывшими помѣщиками. Въ этихъ учрежденіяхъ должны были слиться оба сословныхъ элемента—помѣщичій и крестьянскій; мировые посредники должны были избираться крестьянами на 3 года изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, соединяющихъ въ себѣ извѣстныя условія личнаго и земельнаго ценза. Вторую инстанцію крестьянскихъ учрежденій должно было составлять постоянное присутствіе подъ предсѣдательствомъ одного изъ мировыхъ посредниковъ, но планъ этотъ впослѣдствіи былъ измѣненъ. Назначеніе мировыхъ посредниковъ было предоставлено губернаторамъ; второй инстанціей явились уѣздные мировые съѣзды, образованные подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ уѣзда и члена

отъ правительства, а надъ ними поставлены были губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, съ составомъ также дворянско-бюрократическимъ. Закономъ 27 іюня 1874 года, мировые посредники въ земскихъ губерніяхъ были замѣнены уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, при чемъ обязанности мировыхъ посредниковъ были распредѣлены между присутствіемъ, непремѣннымъ его членомъ, исправникомъ, судебнымъ и нотаріальнымъ учрежденіями. Надежды, возлагавшіяся на законъ 1874, года не оправдались и уже въ 1880 году правительство пришло къ сознанію неотложности коренныхъ реформъ, осуществленныхъ въ Положеніи 12 іюля 1889 года о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Наконецъ, законъ 1 іюня 1895 года освободилъ земство отъ расходовъ на содержаніе уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, принявъ ихъ на счетъ казны, съ тѣмъ, чтобы суммы, отпускавшіяся на эту статью обязательныхъ земскихъ расходовъ, были обращены прежде всего на улучшеніе дорожной части.

Переходя затѣмъ къ обзору крестьянскихъ учрежденій, мы остановимся прежде всего на сельской общинѣ.

Крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, составляютъ по дѣламъ хозяйственнымъ сельскія общества, а для ближайшаго управленія и суда соедины въ волости. Въ каждомъ сельскомъ обществѣ и въ каждой волости завѣдываніе общественными дѣлами предоставлено *міру* и его избраннымъ: въ сельскомъ обществѣ — сельскому сходу и сельскому старостѣ, въ волости—волостному сходу и волостному правленію, а всѣ эти крестьянскія выборныя власти дѣйствуютъ подъ надзоромъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Сельское общество составлено изъ крестьянъ, водворенныхъ на землѣ одного помѣщика, и организовано, главнымъ образомъ, съ цѣлью вѣдать хозяйственныя нужды и пользы крестьянъ. По смыслу дѣйствующаго закона, крестьяне, живущіе общинами, надѣлены землею съ цѣлью: 1) обезпеченія ихъ быта, 2) исполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ. Для достиженія этихъ цѣлей они и соединяются въ общины, матеріальной основой которыхъ является отведенная имъ земля. Они должны пользоваться, но не только для того, чтобы обезпечить себя въ матеріальномъ отношеніи, но и съ цѣлью уплачивать лежащія на нихъ повинности предъ государствомъ. Земля, которой они пользуются и которая есть собственность общины—не свободная, а тяглая земля. Чтобы нести эти тягости, крестьяне должны имѣть возможность распоряжаться этой землею сообща, раскладывать лежащія на нихъ повинности и заботиться о томъ, чтобы эти повинности поступали исправно. Такимъ образомъ, сельское общество является не только хозяйственной единицей, которая вѣдаетъ экономію въ своей землѣ, но и финансовой единицей. Этимъ назначеніемъ сельскаго общества и опредѣляется кругъ дѣятельности его черезъ два органа, черезъ сельскій сходъ и черезъ сельскаго старосту, а именно:

Сельская община есть прежде всего хозяйственная единица или поземельная единица, которая ведетъ свое хозяйство на принадлежащей ей землѣ. Отсюда вѣдѣнію сельскаго схода принадлежатъ: дѣла, относящіяся до общественнаго пользованія мірскою землею, какъ-то: передѣлъ земель, накладка и скидка тяголъ, окончательный раздѣлъ общественныхъ земель на постоянные участки и т. п.; при участковомъ или подворномъ (наслѣдственномъ) пользованіи землею — распоряженіе участками мірской земли, по какому-либо случаю остающимися праздными или не состоящими въ подворномъ пользованіи.

Сельская община является финансовой единицей, которая обладаетъ и извѣстною финансовою властью надъ своими членами. Отсюда сельскому сходу подлежатъ: раскладка всѣхъ лежащихъ на крестьянахъ податей, казенныхъ, земскихъ и мірскихъ денежныхъ сборовъ, равно какъ земскихъ и мірскихъ натуральныхъ повинностей и порядокъ веденія счета по означеннымъ сборамъ и податямъ; принятіе мѣръ къ предупрежденію и взысканію недоимокъ.

Сельская община является не только поземельной и финансовой единицей, но и органомъ самоуправленія, которому предоставлены извѣстныя административныя функціи, какъ-то: сов-

щанія и ходатайства объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотѣ; принесеніе, куда слѣдуетъ, жалобъ и просьбъ по дѣламъ общества черезъ особыхъ выборныхъ; назначеніе сборовъ на мірскіе расходы.

Сельскій сходъ состоитъ изъ крестьянъ домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества, и, кромѣ того, изъ всѣхъ назначенныхъ по выбору сельскихъ должностныхъ лицъ. Не воспрещается домохозяину въ случаѣ отлучки, болѣзни, или вообще невозможности явиться на сходъ, присылать вмѣсто себя кого-либо изъ членовъ своего семейства; съ дворовъ же многотягольныхъ дозволяется прислать на сходъ двухъ или болѣе крестьянъ, если это согласно съ мѣстнымъ обычаемъ. Такимъ образомъ, сельскій сходъ не является представительнымъ учрежденіемъ, составляющимся изъ выборныхъ представителей общины, а является

Мірская сходка. — Рис. П. Вочтомова.

формою непосредственнаго участія всѣхъ членовъ общества. Этими членами состоятъ всѣ тѣ, которые участвуютъ самостоятельно въ хозяйствѣ общины и несутъ лежащія на ней тяготы, т.-е. всѣ тѣ, которые надѣлены земельными участками. Всякій крестьянинъ, имѣющій надѣлъ, принимаетъ участіе въ сходѣ, если даже онъ не достигъ гражданскаго совершеннолѣтія. Первое мѣсто на сельскомъ сходѣ и охраненіе на немъ порядка принадлежитъ старостѣ и лишь въ немногихъ случаяхъ—волостному старшинѣ. Созывается сельскій сходъ по мѣрѣ надобности старостою преимущественно въ дни воскресные или праздничные. Всѣ дѣла въ сельскомъ сходѣ рѣшаются или съ общаго согласія или большинствомъ голосовъ. Только для дѣлъ наиболѣе важныхъ, какъ, напр., замѣна общиннаго пользованія наслѣдственнымъ или передѣлы мірской земли, требуется большинство двухъ третей голосовъ.

Кругъ дѣятельности сельскаго старосты вытекаетъ, во-первыхъ, изъ его отношеній къ сельскому сходу, во-вторыхъ, изъ значенія его, какъ исполнительнаго органа сельскаго обще-

ства, въ-третьихъ, изъ его положенія, какъ низшаго полицейскаго органа. Сельскій староста председательствуетъ на сходѣ, созываетъ и распускаетъ его, приводитъ въ исполненіе приговоры схода, наблюдаетъ за исправнымъ содержаніемъ дорогъ, мостовъ и перевозовъ, надзираетъ за порядкомъ въ училищахъ, больницахъ, богадѣльняхъ, наблюдаетъ за отбываніемъ податей и повинностей и принимаетъ необходимыя мѣры для охраненія благочинія. Если по дѣламъ, входящимъ въ компетенцію сельскаго схода, староста обязанъ подчиняться рѣшеніямъ этого схода и исполнять его распоряженія, то, какъ органъ полицейской власти, онъ обязанъ безусловно исполнять всѣ требованія мѣстной полиціи и судебнаго слѣдователя и всѣхъ установленныхъ властей по предметамъ ихъ вѣдомства. Наконецъ, староста, какъ мы сказали, является низшей судебной инстанціей, которой предоставлена извѣстная степень карательной власти. Такъ, напр., за маловажные проступки, совершенные лицами ему подвѣдомственными, староста можетъ подвергать виновныхъ назначенію на общественныя работы до 20 дней или денежному, въ пользу мірскихъ суммъ, взысканію до одного рубля, или аресту не долѣе двухъ дней.

Мы видѣли, что сельская община не только хозяйственная единица, но и союзъ, который обладаетъ и финансовою властью надъ своими членами и вооруженъ полицейскими функціями. Волость же не только административная единица, но и вѣдаетъ хозяйственными дѣлами. Что составляетъ дѣйствительное и наиболѣе характерное различіе между общиной и волостью это то, что община есть самобытное крестьянское учрежденіе, которымъ законодатель лишь воспользовался для организаціи крестьянской жизни, учрежденіе общественное для общественныхъ цѣлей, между тѣмъ какъ волость—созданіе чисто искусственное, которое вноситъ бюрократическій элементъ въ крестьянское общественное управленіе. Волость составляется изъ смежныхъ сельскихъ обществъ, состоящихъ въ одномъ уѣздѣ. Для волости полагается наименьшее число жителей въ 300 ревизскихъ мужского пола душъ, а наибольшее около 2000.

Органами волости являются волостной сходъ, волостной старшина, волостное правленіе.

Если сельскій сходъ является формою непосредственнаго участія всѣхъ членовъ сельскаго общества въ общественныхъ дѣлахъ, то волостной сходъ является установленіемъ, построеннымъ на представительныхъ началахъ. Онъ составляется: изъ крестьянъ, избираемыхъ отъ каждаго селенія и поселка, принадлежащихъ къ волости, по одному отъ каждыхъ 10 дворовъ; изъ должностныхъ лицъ какъ волости, такъ и сельскихъ обществъ, т.-е. изъ волостного старшины, сельскихъ старостъ, засѣдателей волостныхъ правленій, судей волостныхъ судовъ и т. д. Вѣдѣнію волостного схода подлежатъ мѣры общественнаго призрѣнія, учрежденіе волостныхъ училищъ, распоряженія по волостнымъ запаснымъ магазинамъ; онъ назначаетъ и раскладываетъ мірскіе сборы и повинности, относящіяся до цѣлой волости; выбираетъ должностныхъ лицъ волости, провѣряетъ ихъ дѣйствія, учитываетъ ихъ и приноситъ жалобы и просьбы по дѣламъ волости чрезъ особыхъ выборныхъ и выдаетъ довѣренности на хожденіе по дѣламъ волости.

Въ противуположность волостному сходу, служащему совѣщательнымъ учрежденіемъ, волостной старшина является органомъ исполнительнымъ и распорядительнымъ.

Кромѣ волостного схода и волостного старшины, у каждой волости есть свое постоянное учрежденіе, завѣдующее ея дѣлами—волостное правленіе. Оно составляется изъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія подъ предсѣдательствомъ старшины, т.-е. изъ всѣхъ сельскихъ старостъ или помощниковъ старшины (и изъ сборщиковъ податей тамъ, гдѣ есть особые сборщики).

Ознакомившись подробно съ *мірскими* органами и учрежденіями, мы можемъ теперь перейти къ сущности „общины" или „поземельной общины". Собственно въ народѣ слово „община" мало употребительно. Совокупность домохозяевъ, владѣющихъ сообща всѣми или

нѣкоторыми угодьями, народъ называетъ „міромъ“, а въ Малороссіи — „громадой“. Общиннымъ пользованіемъ землею законъ называетъ такое обычное пользованіе, при которомъ полевыя земли (пашни, покосы и другія угодья) по приговору міра опредѣляются или распредѣляются между крестьянами по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ, а повинности, положенныя за землю, отбываются круговою порукою. Изъ общаго количества крестьянскихъ земель въ 50 губерніяхъ Европ. Россіи, за исключеніемъ земель, принадлежащихъ казакамъ и нѣкоторымъ инородцамъ восточныхъ губерній, въ настоящее время въ общинномъ владѣніи находится 80$^{1}/_{2}$ мил. десятинъ, тогда какъ въ подворномъ всего 22$^{1}/_{4}$ мил. десятинъ. Если къ этому имѣть въ виду, что общинныя земли распредѣлены между 6$^{1}/_{2}$ мил. крестьянскихъ дворовъ, что на каждый дворъ, состоящій въ среднемъ изъ 3,6 душъ мужского пола, приходится около 12$^{1}/_{2}$ десятинъ, то станетъ понятнымъ, какое громадное значеніе въ народномъ хозяйствѣ Россіи имѣетъ общинное землевладѣніе, и въ частности тотъ видъ его, который извѣстенъ подъ названіемъ деревенской общины великороссійскаго типа, распространенной въ губерніяхъ коренной Россіи и Новороссіи. Объ общинѣ у насъ писали, пишутъ и вѣроятно еще будутъ писать очень много, но нельзя сказать, чтобы сущность ея и дѣйствительное значеніе были достаточно выяснены. Главной причиной такого непониманія одного изъ главенствующихъ факторовъ нашей экономической жизни являются тѣ схемы и направленія, съ которыми прежніе изслѣдователи подходили къ русской общинѣ. Начиная съ нѣмца Гакстгаузена, продолжая знаменитымъ споромъ Чернышевскаго съ Вернадскимъ и кончая нынѣшней полемикой между „народниками“ и „марксистами“, — община всегда находила себѣ ярыхъ поклонниковъ и негодующихъ отрицателей, но сравнительно мало трезвыхъ изслѣдователей. Только въ самое послѣднее время начинаютъ появляться изслѣдованія объ общинѣ безъ всякихъ предвзятыхъ желаній во что бы то ни стало доказать полезность и вредность общины, а просто сообщающія истинное положеніе дѣла. Новѣйшая литература устанавливаетъ три группы общинъ. *Простыми* называются такія общины, земли которыхъ сосредоточены въ одномъ селеніи. Затѣмъ слѣдуетъ группа *составныхъ* общинъ, т.-е. такихъ, земли которыхъ принадлежатъ нѣсколькимъ селеніямъ. Наконецъ, существуетъ еще группа *раздѣльныхъ* общинъ, въ составъ которыхъ входятъ земли, принадлежащія нѣсколькимъ „мірамъ“, живущимъ въ одномъ селеніи и образующимъ одно сельское общество. Первая изъ упомянутыхъ группъ количественно преобладаетъ надъ двумя другими, встрѣчающимися всего чаще въ сѣверной и сѣверовосточной частяхъ Россіи, отчасти въ южной. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ крупныя составныя общины владѣютъ сообща лишь сѣнокосными и лѣсными угодьями, пахатныя же поля находятся во владѣніи отдѣльныхъ селеній. Число селеній, принимающихъ участіе въ общемъ владѣніи, достигаетъ 30, а число лицъ, имѣющихъ право участвовать на сходахъ и установлять размѣры и порядокъ владѣнія каждаго участника — нѣсколькихъ тысячъ. Въ однихъ случаяхъ земля, принадлежащая нѣсколькимъ селеніямъ, дѣлится по числу всѣхъ ревизскихъ душъ, въ другихъ—селеніе выбираетъ нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ, которымъ поручаетъ произвести разверстку земли между отдѣльными общинниками. Наиболѣе характерные признаки современной сельской общины — это періодическіе передѣлы земель и круговая порука въ отбываніи податей и повинностей. Бываетъ не мало случаевъ, когда передѣламъ подвергаются и усадебныя земли, но всегда въ основаніе передѣловъ угодій принимается *душа*, подъ которой надо понимать не живого человѣка, а нѣкоторую площадь земли и соотвѣтствующую послѣдней сумму платежей. Такъ, крестьяне-общинники обыкновенно говорятъ: „на человѣка приходится одна, полторы, четверть души“. Эта система разверстки земель по ревизскимъ душамъ является господствующей, хотя въ послѣднее время, особенно въ черноземной полосѣ наблюдается уже борьба между разверстками по ревизскимъ и по наличнымъ мужскимъ душамъ. Въ нечерноземной же полосѣ Россіи болѣе распространена система, по которой землю получаетъ мужское населеніе, достигшее рабочаго возраста, при чемъ оклады исчисляются приблизительно такъ:

десятилѣтній мальчикъ несетъ $^1/_4$ окладной души, двѣнадцатилѣтій—$^1/_2$, четырнадцатилѣтній—$^3/_4$, пятнадцатилѣтій — $1^1/_2$. Въ возрастѣ отъ 20 до 55 лѣтъ общинникъ получаетъ землю на двѣ души; съ 55-лѣтняго возраста свалшвается половина надѣла, а 60-лѣтній освобождается какъ отъ надѣла, такъ и отъ платежей, на немъ лежащихъ. Кромѣ того, при передѣлахъ встрѣчается еще *смѣшанная* разверстка, при которой, на ряду съ количествомъ наличныхъ душъ, принимаются во вниманіе тѣ или иныя хозяйственныя условія, какъ, напр., количество скота, заработки на сторонѣ и м. проч. Къ *смѣшаннымъ* разверсткамъ относятся также разверстки „по согласію“ или „по милу“, какъ выражаются въ народѣ. Остающіеся послѣ передѣловъ земли отрѣзки выдѣляются особо и носятъ, смотря по мѣстностямъ, различныя названія: „клинья“, „замѣрки“, „ширинки“ и др. Участки же, на которые дѣлится само поле, называются „ярусами“, „столбами“, „подѣлами“, „листами“, „конами“, „пряслами“, „рѣзами“, „пряниками“ и т. д Всѣ эти дѣленія преслѣдуютъ одну главную цѣль—по возможности избѣгать чрезполосности и дробности полосъ, являющихся обычными спутниками современнаго общиннаго землевладѣнія.

Въ русскомъ соціально-экономическомъ строѣ земельная община представляетъ чрезвычайно важный институтъ, въ основѣ котораго лежитъ начало справедливости. Благодаря ей, нерѣдко сглаживается и смягчается неравномѣрное податное обложеніе. Можно поэтому желать тѣхъ или другихъ измѣненій въ способахъ пользованія и обработки общинныхъ земель, уничтоженія чрезполосицы и принудительной культуры, но беречь земельную общину тамъ, гдѣ она издавна пустила глубокіе корни, нужно, какъ одну изъ полезнѣйшихъ особенностей русской народной жизни. Въ настоящее время вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи у насъ земельной общины поставленъ, такъ сказать, ребромъ Не можемъ не привести поэтому относящіяся сюда глубокопродуманныя страницы изъ курса гражданскаго права К. П. Побѣдоносцева. Вотъ что говоритъ этотъ маститый государственный дѣятель:

„Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ только законъ сниметъ свои заставы и откроетъ все широкое поле владѣнія свободному дѣйствію личнаго начала, поле это скоро наполнится и всѣ формы быстро сольются въ одну. Но здорово ли будетъ это для государства, хорошо ли для будущихъ судебъ его—это еще весьма сомнительно. Есть государственные вопросы, которые опасно рѣшать исключительно на основаніи отвлеченныхъ началъ экономической свободы. Земля такой товаръ, который опасно бросить на вольный рынокъ подобно всякому другому товару Съ землею у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо связана будущность всего земледѣльческаго сословія, а въ Россіи оно имѣетъ такую важность, какой нигдѣ не имѣетъ“. И нѣсколько дальше: „Въ нынѣшнемъ ихъ состояніи (земледѣльцевъ) объявить для нихъ всякую землю вольнымъ товаромъ—значило бы, можетъ быть, оставить ихъ безъ всякихъ средствъ къ удержанію земли, къ поддержанію хозяйства, къ обезпеченію отъ нищеты и голода“. Переходя къ характеристикѣ особеннаго, „подвижного“ владѣнія, столь желательнаго противникамъ общины, К. П. Побѣдоносцевъ продолжаетъ:

„Особенное владѣніе, уединяя личность, усложняетъ ея юридическія отношенія къ другимъ владѣющимъ личностямъ и къ государству, и, возбуждая столкновенія, тѣмъ самымъ налагаетъ на владѣльца заботу о поддержаніи, защитѣ и опредѣленіи правъ, соединенныхъ съ владѣніемъ—заботу не только обременительную, но и дорого стоящую... Такой заботы не въ силахъ вынести въ большинствѣ массы нашъ крестьянинъ отдѣльно отъ общины, при нынѣшней своей скудости, при бѣдности капиталовъ и промысловъ и на нынѣшней степени гражданскаго своего развитія... Всѣ тягости личнаго владѣнія можетъ и долженъ выносить тотъ, кто, по экономическимъ разсчетамъ, въ интересѣ личной производительности или промысла, пріобрѣтаетъ землю на сторонѣ, въ особливое свое владѣніе — и такихъ находится много; но превращеніе массы общинныхъ владѣльцевъ съ прожиточными ихъ надѣлами, которые во многихъ случаяхъ не обезпечиваютъ имъ и насущнаго хлѣба, въ мелкихъ отдѣльныхъ

землевладѣльцевъ было бы, безъ сомнѣнія, пагубно для нихъ и вредно въ высшей степени для государства".

Послѣ законодательнаго акта 19 февраля 1861 года, величайшую реформу императора Александра II составляютъ земскія учрежденія, созданныя для завѣдыванія дѣлами о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ губерній и уѣздовъ. „Со смѣлостью, безпримѣрной въ лѣтописяхъ міра, —

На міру.—Картина К. А. Коровина.

писалъ въ концѣ 60-хъ годовъ князь А. И. Васильчиковъ,—мы выступили на поприще общественной жизни. Ни одному современному народу европейскаго континента не предоставлено такого широкаго участія во внутреннемъ управленіи, какъ русскому". И дѣйствительно, задачею реформы 1864 года было по возможности полное и послѣдовательное развитіе начала мѣстнаго самоуправленія. Между прочимъ, земскимъ учрежденіямъ предоставлено было участіе преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи въ попеченіи о народномъ образованіи. Главнымъ отличительнымъ признакомъ земскихъ учрежденій явился выборный ихъ составъ, обу-

словливаемый сознаніемъ, что въ мѣстномъ управленіи есть дѣла, которыя лучше могутъ быть выполнены непосредственно въ нихъ заинтересованными мѣстными людьми, чѣмъ назначенными чиновниками. Въ томъ видѣ, какъ они были созданы Положеніемъ 1-го января 1864 г., земскія учрежденія просуществовали до 12-го іюня 1890 года, когда появилось новое Положеніе, цѣль котораго—„дать земскимъ учрежденіямъ возможность, въ предоставленномъ имъ кругѣ дѣятельности и въ должномъ единеніи съ другими правительственными установленіями, съ вящшимъ успѣхомъ исполнять порученное имъ важное государственное дѣло, согласно видамъ и намѣреніямъ ихъ основателя".

Всѣ подвѣдомственныя земству дѣла можно раздѣлить на двѣ категоріи. Во-первыхъ, дѣла, которыми земство управляетъ самостоятельно, безъ вмѣшательства правительственныхъ органовъ, какъ, напр., дѣла по исполненію различныхъ повинностей предъ государствомъ, завѣдываніе капиталами и другими земскими имуществами, содержаніе въ исправности дорогъ и пр. Затѣмъ вторая категорія, именно тѣ дѣла, по которымъ дѣятельность земскихъ учрежденій совмѣщается съ дѣятельностью правительственныхъ органовъ. Сюда относятся: попеченіе о призрѣніи больныхъ и умалишенныхъ, сирыхъ и увѣчныхъ; участіе въ мѣропріятіяхъ по охраненію народнаго здравія, развитіе врачебной помощи населенію, попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія, извѣстное участіе въ завѣдываніи школами, содержимыми на счетъ земства, помощь мѣстному земледѣлію, торговлѣ и промышленности и пр.

Основаніемъ для принадлежности къ земству является владѣніе недвижимою собственностью, которая даетъ право на участіе въ земскихъ выборахъ. Но не всѣ принадлежащіе къ земству принимаютъ участіе въ земскихъ выборахъ въ одинаковой степени и одинаковымъ образомъ. Степень и форма участія зависятъ отъ размѣра имущественнаго ценза, отъ возраста и отъ пола. Одни участвуютъ въ земскихъ выборахъ непосредственно, другіе—черезъ повѣренныхъ, третьи—черезъ представителей

Непосредственно участвуютъ въ выборахъ гласныхъ русскіе подданные, достигшіе 25-лѣтняго возраста и владѣющіе обложенною сборами на земскія повинности землею въ высшемъ размѣрѣ, опредѣленномъ особо для каждаго уѣзда, или другимъ недвижимымъ имуществомъ (не исключая состоящаго въ городской чертѣ), оцѣненномъ для взиманія земскаго сбора не ниже пятнадцати тысячъ рублей. Высшій размѣръ земли, владѣніе которымъ необходимо для непосредственнаго участія въ земскихъ выборахъ, опредѣленъ различно въ различныхъ уѣздахъ. Въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ требуется всего 125 десятинъ.

Земство уѣзда, какъ совокупность избирателей, такимъ образомъ представляетъ собою безсословное общество: всѣ лица, удовлетворяющія имущественному цензу, къ какому бы сословію они ни принадлежали, имѣютъ одинаковое право на участіе въ земскихъ выборахъ. Тѣмъ не менѣе изъ этого круга избирателей исходитъ земское представительство, которое вовсе не походитъ на избравшее его безсословное общество. Оно, т.-е. это представительство, является по преимуществу дворянскимъ, удѣляющимъ остальнымъ элементамъ весьма скромное мѣсто. Достигается это извѣстной системой выборовъ. Система эта, съ одной стороны, привлекаетъ къ выборамъ всѣхъ собственниковъ безъ различія сословій, съ другой, разбиваетъ ихъ на сословныя группы, изъ которыхъ каждая избираетъ своихъ представителей не въ количествѣ, соотвѣтствующемъ численности группы, а по расписанію, разъ навсегда составленному и приложенному къ закону.

Законъ устанавливаетъ три группы избирателей. Къ первой принадлежатъ дворяне, какъ потомственные, такъ и личные; ко второй—лица остальныхъ сословій, за исключеніемъ крестьянъ, и, кромѣ того, представители благотворительныхъ, ученыхъ и учебныхъ учрежденій, торговыхъ и промышленныхъ обществъ, товариществъ и компаній; къ третьей группѣ принадлежатъ крестьяне. Дворянская группа избираетъ такое количество гласныхъ, что за ея представителями во всѣхъ земскихъ собраніяхъ обезпечено большинство, и гласные второй и

третьей группы образуютъ меньшинство. Въ 355 уѣздахъ 34-хъ губерній, въ которыхъ введены земскія учрежденія, всѣхъ уѣздныхъ гласныхъ 10,228, изъ нихъ 5629 избираются дворянами, 1426 второй группой и 3173 — сельскими обществами; дворяне выставляютъ 5629, остальныя сословія—всего 4599.

Выборы земскаго представительства начинаются съ созыва избирательныхъ съѣздовъ мелкихъ собственниковъ, при чемъ сами съѣзды созываются губернаторомъ по представленію земской управы. Изъ гласныхъ, выбираемыхъ съѣздами, составляются различныя земскія учрежденія для земскихъ дѣлъ каждаго изъ уѣздовъ и цѣлой губерніи Прежде всего изъ земскихъ гласныхъ уѣзда составляется уѣздное земское собраніе, въ которомъ председательствуетъ уѣздный предводитель дворянства. Губернское же земское собраніе составляется избираемыми уѣздными земскими собраніями на 3 года, но, кромѣ того, въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ участвуютъ: уѣздные предводители дворянства, мѣстные управляющіе государственными имуществами и удѣльной конторой и, наконецъ, депутатъ отъ духовнаго сословія. Предсѣдательствуетъ въ губернскомъ земскомъ собраніи губернскій предводитель дворянства, если Государь Императоръ не пожелаетъ назначить особаго предсѣдателя. Очередныя губернскія земскія собранія созываются одинъ разъ въ годъ не позднѣе декабря и продолжаются 20 дней. Собранія же чрезвычайныя назначаются или разрѣшаются министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Б. Павловъ.

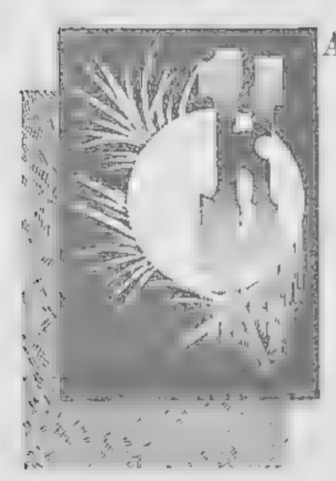
ОЧЕРКЪ V.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ЮЖНОЙ ПОЛОСѢ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССІИ.

[illegible] — Отъ Петра до Екатерины. — Главныя и малыя народныя [illegible] — Гимназіи, уѣздныя и приходскія училища — при [illegible] 1864 и 1874 годовъ [illegible]

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

Некрасовъ.

Какъ извѣстно, начало народному образованію, на ряду со многимъ другимъ, положено у насъ Петромъ Великимъ. Въ частности въ описываемомъ краѣ, т.-е. въ южной полосѣ центральной Россіи (губерніи — Рязанская, Тамбовская, Калужская, Курская, Орловская, Тульская и Воронежская), къ эпохѣ Петра относится основаніе первыхъ учебныхъ заведеній. До Петра эта область жила не столько спокойною, гражданскою жизнью, сколько бурною, военною, всего менѣе пригодною для насажденія просвѣщенія. Восточная и южная части этой области были постоянно въ страхѣ предъ нападеніями татаръ и нерѣдко подвергались имъ; юговосточная половина края не такъ давно вынесла ужасы продолжительной и упорной войны Москвы съ самозванцами, а затѣмъ и непосредственно съ Польшей. Кромѣ того, эта область, какъ пограничная, была постояннымъ пріютомъ лицъ, не могшихъ ужиться при московскихъ порядкахъ и отовсюду стекавшихся сюда на вольную жизнь. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ не зарождалось и мысли о правильной постановкѣ дѣла народнаго образованія въ области. Но вотъ ко времени Петра I границы московскаго государства далеко раздвинулись на востокъ, югъ и западъ и недавно порубежная описываемая область оказалась внутри государства и наслаждалась спокойною жизнью, развивая свои матеріальныя и интеллектуальныя силы. Съ этого времени оказалось возможнымъ устройство учебныхъ заведеній въ важнѣйшихъ городахъ области. Однако, устроенныя въ краѣ при Петрѣ I и его ближайшихъ преемникахъ учебныя заведенія служили не столько дѣлу народнаго образованія въ собственномъ смыслѣ этого слова, сколько для удовлетворенія различныхъ, чисто государственныхъ нуждъ и потребностей. Это были духовныя семинаріи, гарнизонныя и ариѳметическія школы. Духовныя семинаріи отличались крайнимъ схоластическимъ духомъ, служили спеціальной цѣли — приготовленія священниковъ и были доступны

лишь дѣтямъ духовенства. О характерѣ гарнизонныхъ школъ можно судить по тому, что въ нихъ преподавалась и занимала видное мѣсто въ общемъ курсѣ особая „барабанная" наука. Ариѳметическія школы были прототипами семинарій и впослѣдствіи превращались въ нихъ. Онѣ были также доступны лишь дѣтямъ духовенства и курсъ преподаванія въ нихъ отчасти напоминалъ курсъ нынѣшнихъ духовныхъ училищъ. Такимъ образомъ, общественное образованіе того времени было исключительно спеціальнымъ и было доступно лишь немногимъ—дѣтямъ духовенства и отчасти дворянства (гарнизонныя школы). Массѣ же населенія, желавшей грамоты, приходилось обращаться къ „самобытнымъ" учителямъ, которые появились еще въ первые вѣка существованія Руси и не перевелись у насъ еще доселѣ. Что это были за учителя, можно видѣть изъ того, что въ г. Тамбовѣ въ послѣдней четверти прошлаго вѣка, какъ сообщаетъ современникъ, самымъ замѣчательнымъ распространителемъ грамоты былъ престарѣлый заштатный пономарь Терентій Федоровъ, который вслѣдствіе паралича не владѣлъ правою рукою и потому могъ обучать только чтенію. Богачи (конечно, дворяне), впрочемъ, не довольствовались доморощенными учителями и выписывали изъ-за границы иностранцевъ. Само собою разумѣется, что эти выписные иностранцы были всего менѣе педагоги и часто попадали въ таковые прямо изъ кучеровъ. Фонъ-Визинъ въ своемъ „Недорослѣ" обезсмертилъ эти типы какъ доморощеннаго, такъ и иностраннаго педагоговъ того времени. Наконецъ, дѣти чиновниковъ и мелкихъ дворянъ учились грамотѣ во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Совершенно неграмотные и крайне юные, лѣтъ 13 или 14, эти молодые люди поступали на службу, получали даже жалованье по нѣсколько копѣекъ въ мѣсяцъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ учились читать и писать у разныхъ копіистовъ-подканцеляристовъ, окторые и сами въ свое время проходили точно такой же курсъ ученія.

Начало измѣненію такого положенія вещей положено со времени устройства главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ, что относится къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Къ этому времени Россія была подѣлена на намѣстничества и въ каждомъ намѣстничествѣ былъ открытъ приказъ общественнаго призрѣнія, на обязанность котораго было, между прочимъ, возложено устройство школъ и завѣдываніе ими. Школы, однако, устраивались очень медленно. Въ Тамбовѣ, напримѣръ, мысль объ устройствѣ училища явилась еще въ 1780 г., когда при открытіи приказа общественнаго призрѣнія Екатерина II пожертвовала ему 15 тысячъ рублей, между прочимъ съ тою цѣлью, чтобъ было основано какое-нибудь училище. Однако, въ Тамбовѣ, видимо, не чувствовали потребности разставаться съ старымъ порядкомъ вещей и никакого училища не было устроено. Черезъ три года Тамбовскій и Рязанскій генералъ-губернаторъ напомнилъ Тамбову о волѣ императрицы и предлагалъ „на первый разъ завести хоть самую простую школу, чтобы тамъ дворяне учились читать и писать, началамъ ариѳметики и катехизису, послѣ чего они могли бы поступать въ различныя канцеляріи для практическаго изученія гражданскаго порядка" По поводу этого обращенія генералъ-губернатора было созвано собраніе членовъ тамбовскаго приказа общественнаго призрѣнія и почетнѣйшихъ представителей дворянства и на этомъ чрезвычайномъ собраніи было постановлено отвѣчать генералъ-губернатору такъ: „въ полномъ собраніи членовъ приказа была предложена подписка на открытіе школы. Но всѣ отказались отъ оной подписки. Несмотря на то, приказъ чрезъ коменданта Булдакова уже пріискиваетъ домъ для училища, котораго (дома), однако, еще въ примѣтѣ нѣтъ". Дома для училища приказъ такъ и не могъ пріискать, а порѣшилъ черезъ годъ: „дѣтей бѣдныхъ дворянъ и сиротъ отдавать для изученія грамоты въ гарнизонную школу на счетъ приказа". Несмотря на такое упорство провинціальнаго чиновничества и дворянства и нежеланіе его заводить школы, благодаря энергіи намѣстниковъ, желавшихъ угодить императрицѣ, къ концу 80-хъ годовъ въ главныхъ городахъ 25 намѣстничествъ были устроены главныя, а во многихъ уѣздныхъ — малыя народныя училища. Училища эти находились въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія. Для непосредственнаго завѣдыванія училищами

были учреждены въ намѣстничествахъ особые училищные комитеты, начальники которыхъ, директора училищъ, зависѣли отъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Училища содержались на соединенныя средства приказовъ и городскихъ думъ (магистратовъ). Магистраты должны были также доставлять квартиры учителямъ. Кромѣ того, кое-гдѣ училищамъ оказывали нѣкоторую поддержку частныя лица. Такъ, при основаніи главнаго народнаго училища въ Калугѣ, богатые калужскіе мѣщане изъявили готовность освѣщать и отоплять училище и пожертвовали деньгами 200 рублей. Калужскій голова Борисовъ въ 1791 году пожертвовалъ 100 рублей, и вообще калужскіе купцы оказывали вспомоществованіе училищу, одѣвая на свой счетъ бѣднѣйшихъ учениковъ, снабжая ихъ книгами и т. п. Такое благоволеніе „именитыхъ обывателей" къ училищу вытекало, однако, не изъ сочувствія къ дѣлу народнаго образованія, а просто обусловливалось желаніемъ угодить начальству или даже прямо вызывалось начальническимъ настояніемъ.

Открытіе училищъ совершалось обыкновенно съ чрезвычайною помпою. Сзывались многочисленные представители всѣхъ сословій и предъ ними произносились самыя высокопарныя рѣчи, проникнутыя грубою лестью Екатеринѣ. Вотъ для образчика начало рѣчи, произнесенной при открытіи Моршанскаго народнаго училища учителемъ Данковскимъ. „Ваше именитое собраніе! Взошедъ я на мѣсто сіе прекраснѣйшее, въ сей торжественнѣйшій день, на мѣсто благополучнѣйшее, которое столь чуднымъ зрѣніемъ наслаждаетъ насъ, на мѣсто — которое предвѣчная премудрость опредѣлила для насажденія сада юными лозами, которыя съ сего времени никогда не оскудѣютъ, никогда не исчезнутъ, она (т.-е. Екатерина II) сіе мѣсто основала храмомъ благочестія, храмомъ святости своей. И вы, благочестивые слушатели, въ сіе народное училище исторгая изъ объятій матерей чадъ своихъ съ радостнымъ восторгомъ должны предавать ихъ, дабы насѣять на нивы сердецъ оныхъ сѣмена божественной добродѣтели, дабы разумъ ихъ оразить лучомъ божественнаго просвѣщенія, дабы вперить въ мысленное око ихъ подробное понятіе о естествѣ міра сего" Далѣе слѣдуетъ продолжительное и нескладно высокопарное восхваленіе наукъ и насадительницы ихъ, Екатерины II.

Въ полную противоположность этимъ высокопарнымъ рѣчамъ, дѣйствительное положеніе училищъ было крайне бѣдственное и они терпѣли недостатокъ во всемъ. Въ нѣкоторыхъ училищахъ ученіе началось много времени спустя послѣ торжественнаго открытія, вслѣдствіе недостатка аспидныхъ досокъ, грифилей, книгъ, столовъ, скамеекъ и т. п. Огромное большинство училищъ было помѣщено въ зданіяхъ, которыя не только не представляли собою „благополучнѣйшаго мѣста", могшаго „наслаждать чуднымъ зрѣніемъ" зрителей, но были просто жалки. Печи въ училищныхъ домахъ дымили и не грѣли, полы были гнилые, штукатурка обваливалась, двери въ классахъ плотно не затворялись, въ окнахъ не доставало стеколъ, крыши лѣтомъ протекали. Магистраты выдавали слѣдуемыя на содержаніе училищъ суммы неаккуратно и часто задерживали ихъ по годамъ. Учителя часто не получали жалованья и того, что имъ слѣдовало натурою, какъ дрова, квартира, сальныя свѣчи и проч. Между учительскимъ персоналомъ и мѣстными городскими властями происходили стычки, тяжело отзывавшіяся на положеніи учителей и училищъ. Такъ, въ 1791 году, Козловскій магистратъ пересталъ давать квартиры учителямъ козловскаго малаго народнаго училища и они были принуждены поселиться въ классныхъ комнатахъ. Можно себѣ представить, какъ шло преподаваніе въ козловскомъ училищѣ при такихъ условіяхъ! Но Козловскому городничему показалось недостаточнымъ такое стѣсненіе учителей и онъ нѣкоторыхъ учителей не велѣлъ пускать со двора и присылалъ каждую ночь унтеръ-офицера справляться, дома-ли они. Встрѣчая учителей на улицѣ, городничій безъ церемоніи ругалъ ихъ. Еще лучше велъ себя попечитель козловскаго училища, купецъ Баженовъ. Онъ громогласно проповѣдывалъ, что всѣ училища вредны и на этомъ основаніи являлся въ классы не иначе, какъ въ пьяномъ видѣ, при чемъ нещадно ругалъ учителей, а учениковъ билъ палкою. Однажды въ классы пожаловала даже жена Баженова и

начала обзывать учителей канальями. „Погодите,—кричала она на учителей,—вотъ мужъ пріѣдетъ, не миновать вамъ тогда палочья!"

Вообще училища на первый разъ далеко не вызвали сочувствія населенія. Дворяне почти не отдавали своихъ дѣтей въ новыя школы и если нѣкоторые изъ нихъ, желая угодить начальству, рѣшались на это, то дѣлали это съ болью въ сердцѣ и постоянно жаловались, что ихъ дѣтямъ въ училищахъ приходится сидѣть вмѣстѣ со „всякою дрянью" Большинство учащихся принадлежало къ мѣщанскому и однодворческому сословіямъ. Дѣти этихъ сословій попадали въ школы, однако, не потому, чтобы родители ихъ радѣли о просвѣщеніи, а просто забирались въ классы чрезъ полицію. Ежегодно два раза—зимою и лѣтомъ—полиція собирала мѣщанскихъ и однодворческихъ дѣтей и пригоняла ихъ въ школу. Это былъ своеобразный, едва-ли не намъ однимъ свойственный видъ обязательнаго обученія. Въ числѣ учениковъ народныхъ училищъ встрѣчались и дворовые; они отдавались въ обученіе богатыми помѣщиками, чтобы имѣть грамотныхъ конторщиковъ изъ своихъ крѣпостныхъ.

Отвращеніе, внушенное населенію народными училищами, въ значительной мѣрѣ обусловливалось положеніемъ дѣлъ въ этихъ училищахъ. Составъ преподавателей былъ крайне неудачный. Это были почти исключительно семинаристы, уволенные изъ семинаріи за „великовозрастіемъ и дубиноголовостью". Они любили попить, покутить, побуянить, занимались больше скандалами, чѣмъ преподаваніемъ и смотрѣли на педагогическое поприще лишь какъ на средство полученія даровой квартиры и жалованья. Иностранные языки преподавались въ главныхъ училищахъ иностранцами, иногда не умѣвшими писать на тѣхъ языкахъ, которые они преподавали. А когда, напримѣръ, въ Тамбовское главное училище пожелалъ поступить учителемъ иностранныхъ языковъ бывшій московскій профессоръ Геслингъ, хорошо знавшій французскій, нѣмецкій, голландскій, испанскій, норвежскій и нѣкоторые другіе языки, то тамбовскій приказъ положительно перепугался и поспѣшилъ отказать въ просьбѣ слишкомъ ученому профессору.

Какъ шло преподаваніе въ народныхъ училищахъ, можно составить понятіе по слѣдующей картинѣ, имѣвшей мѣсто въ главномъ Тамбовскомъ училищѣ и записанной современникомъ. Нѣкто Д. Исаевъ, учитель россійской грамматики, приходилъ въ классъ въ длинномъ домашнемъ балахонѣ и обыкновенно спрашивалъ: „Что у васъ, ребятки, сегодня за урокъ?"—„Пѣніе, господинъ учитель", — отвѣчали обыкновенно ученики — „Ну, пойте же", дозволялъ Исаевъ. Начиналось пѣніе, и воодушевившіеся ученики выбѣгали на средину классной комнаты и пускались въ плясъ. Классъ кончался тѣмъ, что ученики качали учителя на рукахъ. Иногда случалось, что учителя сами себѣ устраивали каникулы въ учебное время, разъѣзжали по своимъ дѣламъ, бросивъ училище, или просто разгоняли учениковъ и предавались кутежу. Немногія личности, отдававшіяся учительской дѣятельности по призванію, не выносили той ужасной обстановки, въ которую была заключена школьная жизнь, и искали себѣ иного дѣла.

Неудаченъ былъ также выборъ лицъ, которымъ было поручено завѣдываніе школами. Директорами училищъ назначались разные секунд-майоры, капитаны и тому подобныя лица, прошлое которыхъ едва-ли могло служить хорошимъ прецедентомъ для ихъ педагогической дѣятельности. И дѣйствительно, это большею частью были грубые бурбоны, вводившіе въ школу фрунтъ и военную дисциплину и ничего не понимавшіе въ учебномъ дѣлѣ. Высшее завѣдываніе учебнымъ дѣломъ принадлежало приказамъ общественнаго призрѣнія: но приказы занимались школами всего менѣе. Все вниманіе членовъ приказовъ поглощалось продажею игральныхъ картъ, составлявшею монополію приказовъ, и на лучшую организацію этого дѣла шли всѣ силы приказовъ. Изъ Москвы въ губернскіе города постоянно тянулись подводы съ картами. Для лучшаго ихъ распространенія приказы привлекали къ этому дѣлу учителей и такимъ образомъ при училищахъ были открыты конторы для продажи картъ. Сколько расхо-

дилось въ то время послѣднихъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта: въ 1809 году тамбовскій приказъ заплатилъ Московской карточной конторѣ за одинъ апрѣль мѣсяцъ 14,300 р.!...

Жалкое положеніе училищъ не мѣшало имъ, однако, цвѣсти и процвѣтать по оффиціальнымъ отчетамъ. Такъ, напр., сенаторы Трощинскій и кн. Щербатовъ, ревизовавшіе главную Тамбовскую школу, отозвались о ней такимъ образомъ: „главная школа въ Тамбовѣ въ надлежащемъ порядкѣ, учителя съ достаточными по своей части способностями и ученики при учиненномъ экзаменѣ достаточные въ наукахъ, имъ преподаваемыхъ, оказали успѣхи". Иногда объ училищныхъ экзаменахъ составлялись хвалебныя замѣтки, которыя и печатались въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Въ одной изъ такихъ замѣтокъ 1792 года мы читаемъ: „Во время испытанія удовольствіе зрителей изображалось на ихъ лицахъ, которое и не приминуло быть изъявлено по окончаніи испытанія знаками, изъявляющими благодарность виновницѣ такого учрежденія, а трудящіеся въ преподаваніи ученія осыпаны были благосклонными привѣтствіями". Насколько эти отзывы были заслужены, можно видѣть изъ того, что при упомянутой ревизіи Трощинскаго и Щербатова было найдено много учениковъ, сидѣвшихъ въ одномъ первомъ классѣ по 7 лѣтъ, а одинъ изъ нихъ, по фамиліи Ряшинцевъ, вышелъ изъ училища 33 лѣтъ!

Неудивительно, что горожане, у которыхъ полиція насильно отбирала дѣтей въ школы и которымъ приходилось содержать эти прекрасныя училища, крайне тяготились этою повинностью, и какъ только прекратились строгости по отношенію къ школьнымъ дѣламъ, они тотчасъ же прекратили посылку дѣтей въ школы и отказались отпускать на нихъ содержаніе. „Купецкихъ и мѣщанскихъ дѣтей, — писали городскіе магистраты намѣстникамъ,—въ школахъ не состоитъ, да и впредь къ изученію въ училища отдавать дѣтей мы не намѣрены. Того ради содержать училища желанія нашего не состоитъ и мы не видимъ для себя отъ оныхъ пользы". Такимъ образомъ, къ половинѣ 90-хъ годовъ было закрыто большинство малыхъ народныхъ училищъ въ уѣздныхъ городахъ. Такъ, въ Тамбовской губерніи были закрыты училища въ Лебедяни, Шацкѣ, Липецкѣ, Спасскѣ и Темниковѣ; остались только—главное въ Тамбовѣ и малыя—въ Козловѣ, Моршанскѣ и Елатьмѣ. Въ Калужской губерніи изъ четырехъ малыхъ народныхъ училищъ, открытыхъ первоначально, закрылось три и уцѣлѣло только одно, и т. д.

Такимъ образомъ, опытъ устройства общеобразовательныхъ школъ не удался, какъ по внутренней несостоятельности этихъ школъ, такъ и по равнодушію къ нимъ населенія. Населенію нужны были школы совсѣмъ другого рода. Дворянство желало имѣть учебныя заведенія, которыя давали бы доступъ въ военную службу и вообще открывали дорогу къ чинамъ; городскія и торговыя сословія нуждались въ школахъ, дававшихъ знаніе грамоты и умѣніе писать и считать,—потребности въ большемъ образованіи еще не ощущалось; наконецъ, крестьянской массѣ, задавленной подъ гнетомъ крѣпостного права и казеннаго управленія, пока было еще не до образованія. И вотъ мы видимъ, какъ потребности населенія начинаютъ брать свое и школы начинаютъ примѣняться къ вкусамъ и нуждамъ населенія. При главныхъ народныхъ училищахъ начинаютъ открываться особые пансіоны или корпусы, прототипы военныхъ корпусовъ или гимназій. Въ Рязани такой „благородный пансіонъ" открытъ былъ еще въ 1787 г.; въ Калугѣ въ 1793 году при главномъ училищѣ учреждены корпусъ для 72 солдатскихъ дѣтей и дворянскій корпусъ на 43 человѣка; въ Тамбовѣ въ 1802 году открытъ особый „дворянскій училищный корпусъ", и т. д. Въ этихъ корпусахъ преподавались тѣ же науки, что и въ главномъ народномъ училищѣ, т. е. языки русскій, французскій и нѣмецкій, исторія, географія, математика и физика; только въ тамбовскомъ дворянскомъ корпусѣ почему-то была прибавлена архитектура. Отличіе корпусовъ и пансіоновъ отъ училищъ состояло въ томъ, что въ свободное отъ учебныхъ часовъ время ученики занимались воинскими упражненіями и пріучались къ военной дисциплинѣ и артикуламъ. Содержались ученики этихъ пансіо-

новъ и корпусовъ на крайне разнообразныя средства: частью на счетъ казны и приказовъ общественнаго призрѣнія, частью на пожертвованія, и, наконецъ, дѣти богатыхъ родителей на свой собственный счетъ. Обученіе въ корпусахъ было крайне плохо. Преподавателями являлись по преимуществу разные воинскіе чины, вслѣдствіе ранъ, болѣзни или другихъ причинъ принужденные оставить строевую службу и, само собою разумѣется, нисколько не подготовленные къ своей новой дѣятельности. Содержались ученики въ корпусахъ чрезвычайно дурно. Вотъ что, напр., писалъ по этому поводу одинъ современникъ: „25 іюня (на каникулы) явился ко мнѣ мой пансіонеръ (изъ корпуса), Епихинъ, въ подобіе тощихъ класовъ или тельцовъ, видѣнныхъ Фараономъ въ сновидѣніи, при томъ и во гноищѣ, представляя подобіе Іова многострадальнаго, и не пріобрѣвшаго ничего въ наукахъ, но даже забывшаго все то, чему онъ наученъ былъ дома“. Тѣмъ не менѣе, корпуса и пансіоны эти пользовались популярностью

Сельская школа.—Картина Н. П. Комаровскаго.

среди дворянъ, такъ какъ ихъ ученики поступали въ кадетскіе корпуса безъ экзамена или въ полки унтеръ-офицерами. Впослѣдствіи эти пансіоны и корпуса или погибли, или превратились въ пансіоны при гимназіяхъ и военные корпуса.

Корпуса и пансіоны существовали только для дворянъ. Для остальной массы населенія начали устраиваться частныя школы. Школы эти устраивались частью съ разрѣшенія подлежащаго начальства—сперва приказовъ общественнаго призрѣнія, а потомъ университетовъ,—а частью безъ всякаго разрѣшенія и даже прямо вопреки волѣ начальства. Такъ, въ началѣ настоящаго столѣтія въ Тамбовѣ занимались обученіемъ дѣтей двѣ частныя учительницы—Филиппо и Бѣлокопытова. Но казанскій университетъ, *ревнуя* о народномъ просвѣщеніи, рѣшился изгнать ихъ изъ Тамбова. Филиппо, дѣйствительно, была изгнана, а Бѣлокопытова удержалась на мѣстѣ. Какъ бывшая воспитанница московскаго Екатерининскаго института, она обратилась за защитой прямо къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и тѣмъ спаслась. Частныя школы устраивались какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Такъ, въ Рязани еще въ 1800 году позволено было нѣкой поручицѣ Маріи Гаммель открыть пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ.

Частныя школы устраивались также въ селахъ; напр., въ 1793 г. было дозволено дьякону Афанасьеву открыть школу въ с. Любечи, Зарайскаго уѣзда; въ слѣдующемъ году подобное училище основано крестьяниномъ Винокуровымъ въ с. Ловцахъ, того-же уѣзда.

Понятное дѣло, что при такихъ недостаточныхъ средствахъ народнаго просвѣщенія, при такомъ жалкомъ состояніи—и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи—учебнаго дѣла, тогдашнее общество должно было представлять собою довольно непривлекательное зрѣлище. Умственная жизнь отсутствовала совсѣмъ. Тѣ немногія лица, которыхъ успѣло нѣсколько тронуть образованіе, шли на этомъ пути, однако, очень не далеко. Потребность въ чтеніи была очень слаба. Однако, какъ ни странно, край этотъ имѣлъ своихъ литераторовъ и свою литературу. Правда, мѣстныя литературныя произведенія были больше въ родѣ „Зеркала для всѣхъ, или забавной повѣсти о древнихъ Авдеранцахъ, въ которомъ всякъ знакомыхъ безъ колдовства увидѣть можетъ", „Разговора откупщика съ господиномъ о прямо-щастіи", „Изліянія сердца чтущаго благость единочалія и ужасающагося, взирая на пагубные плоды мечтанія равенства и буйной свободы", „Графини Деверж—повѣсти исторической, любовной и трагической" и т. п. Но были здѣсь и такія произведенія, какъ „Картина древности, или историческія любопытныя примѣчанія, содержащія въ себѣ различныя, относящіяся до наукъ и художествъ, сочиненія, объясняющія отдаленную глубокую древность и наипаче исторію міра, свойства странъ и народовъ, ихъ языки, ихъ сходства и несходства, ихъ взаимное между собою обращеніе, ихъ торговлю и промыслы, состоящія въ хлѣбѣ, въ винѣ, въ садахъ, въ рыбныхъ ловляхъ, въ соляныхъ варницахъ и проч., и проч., и проч.". Были также переводы въ родѣ „Севильскаго цырульника или безполезной предосторожности—комедіи въ 4-хъ дѣйствіяхъ господина Бомарше". Къ сожалѣнію, полное отсутствіе данныхъ не позволяетъ намъ опредѣлить, насколько расходились среди публики всѣ эти книги. Думается, однако, что мѣстныя изданія, равно какъ и попавшія въ эту глушь столичныя, дѣлались, главнымъ образомъ, достояніемъ мышей и плесени, такъ какъ по всему видно, что читателей въ то время въ провинціи было не особенно много. Нѣкоторый успѣхъ имѣли только разныя поэтическія издѣлія, состряпанныя по разнымъ торжественнымъ случаямъ, каковы пріѣздъ или отъѣздъ начальника. Издѣлія эти обязательно раскупались, а иногда, впрочемъ, и раздавались даромъ. Что это были за поэтическія произведенія, можно видѣть на примѣрѣ піесы „Обрадованныя Калуга и Тула", написаной по поводу пріѣзда новаго Калужскаго намѣстника Кашкина: нимфа р. Упы сидитъ на берегу и поетъ:

„Остались мы сиры!
Уже не слышно лиры,
Поющей радость намъ,
Начальника лишились.
Утѣхи съ нимъ сокрылись,
Лишь стонъ по симъ мѣстамъ".

Является Вулканъ и утѣшаетъ нимфу, говоря, что онъ видѣлъ молнію на сѣверѣ и слышалъ звуки: „Герой идетъ"! Затѣмъ появляется Меркурій съ крикомъ—„ликуйте",—и туляне и калужане начинаютъ ликовать и пѣть:

„Что намъ дано въ тебѣ, мы знаемъ!
Утрату нашу забываемъ;
Удобенъ ты къ сему одинъ.
Астрею къ намъ съ тобой послали!
Имѣемъ то, чего желали!
Живи, возлюбленный Кашкинъ!"

Состояніе этого общества, кричавшаго—„живи, возлюбленный секундъ-майоръ!"—было крайне грубо. Интриги, сплетни, пьянство, карты—вотъ и все, что наполняло жизнь. Нравы были крайне дики. Кулакъ—въ полномъ ходу. Подраться, хотя бы въ присутственномъ мѣстѣ,

было легче всего. Губернское общество состояло изъ дворянъ и чиновниковъ, первые грубѣли подъ вліяніемъ сценъ крѣпостного права и военной жизни, вторые вербовались преимущественно изъ выгнанныхъ семинаристовъ. Что это былъ за народъ, можно видѣть изъ прошеній, которыя они подавали при поступленіи на службу. Одинъ пишетъ: „по слабости моего здоровья и нѣкоторыхъ понятій исключенный изъ духовнаго училища, но теперь поправившись въ здоровьѣ, имѣю желаніе продолжать статскую службу въ канцеляріи губернскаго правленія"; другой заявляетъ, что „получивъ навсегда увольненіе отъ наукъ, преподаваемыхъ въ семинаріи", онъ „не находитъ себя болѣе способнымъ ни къ чему иному, кромѣ статской службы". Одинъ „недоросль" прямо заявилъ: „Россійской грамотѣ читать и писать умѣю, но дальнѣйшихъ наукъ не въ состояніи проходить и, *достигши въ совершенныя лѣта, уже не могу имѣть объ нихъ понятія*, и *потому* возымѣлъ ревностное желаніе служить". Какъ были подготовлены къ дѣлу всѣ эти „возымѣвшіе ревностное желаніе служить", можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго примѣра: Спасскій землемѣръ Вальцовъ, получивъ предписаніе межевать землю въ уѣздѣ, отозвался, что „въ наукѣ не обученъ и съ землемѣрными инструментами не знакомъ", и не только не былъ прогнанъ со службы, но былъ лишь за непослушаніе начальства переведенъ на должность землемѣра же въ г. Гороховецъ.

Не выше чиновничества по умственному развитію стояло и духовенство. Когда въ 1786 г. открывали въ Тамбовѣ главное народное училище, тогдашній тамбовскій намѣстникъ, Гавріилъ Романовичъ Державинъ, предложилъ тамбовскому епископу Ѳеодосію сочинить какое нибудь слово, приличное случаю. Преосв. Ѳеодосій *за болѣзнію* отказался отъ сочинительства. Тогда стали искать по всей епархіи какое-нибудь мало-мальски образованное духовное лицо и не нашли никого.

Таково было состояніе просвѣщенія въ описываемомъ краѣ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія.

Съ восшествіемъ Александра I дѣло общественнаго образованія получило значительный успѣхъ и ему былъ приданъ болѣе раціональный характеръ. Мѣсто прежней ходульной торжественности и оффиціальной лжи заняли практическая дѣловитость и истинныя заботы о насажденіи просвѣщенія. Имѣвшій сильное вліяніе на императора Лагарпъ настаивалъ на необходимости обращенія особеннаго вниманія правительства на дѣло народнаго образованія, и притомъ именно *народнаго*. Онъ предостерегалъ Александра отъ увлеченія внѣшнею, блестящею стороною дѣла и обращалъ его вниманіе именно на устройство школъ, наиболѣе пригодныхъ населенію. „Не допустите повториться тому, что произошло въ царствованіе вашей августѣйшей бабки,—обращался Лагарпъ къ Александру I,—запретите щеголять внѣшнимъ блескомъ!... Народное просвѣщеніе, распространенное повсюду, полезное, а не блестящее—вотъ краеугольный камень всего зданія". Подъ вліяніемъ Лагарпа, а также нѣкоторыхъ другихъ просвѣщенныхъ людей того времени, напр., Н. В. Каразина, былъ предпринятъ цѣлый рядъ реформъ въ учебно-образовательномъ дѣлѣ. Было учреждено министерство „народнаго просвѣщенія, воспитанія, юношества и распространенія наукъ". Открыты университеты—Харьковскій, Казанскій и, позднѣе, Кіевскій. Училища изъяты изъ вѣдѣнія приказовъ общественнаго призрѣнія и отданы въ завѣдываніе университетовъ. Такимъ образомъ школы описываемаго края были подчинены Московскому, Казанскому и Харьковскому университетамъ. На мѣстахъ для ближайшаго завѣдыванія учебнымъ дѣломъ были оставлены училищные комитеты и директора училищъ. Главныя народныя училища были преобразованы въ гимназіи, а малыя—въ уѣздныя училища. Кромѣ того, были открыты по городамъ приходскія училища. Такимъ образомъ къ концу второго десятилѣтія настоящаго вѣка во всѣхъ губернскихъ городахъ описываемаго края существовали гимназіи, а въ большей части уѣздныхъ—уѣздныя училища, которыя во многихъ мѣстахъ были открыты вновь, или, по крайней мѣрѣ, приходскія. Въ гимназіяхъ преподавались математика, естественная исторія, технологія, коммерческія науки, философія,

изящныя науки, политическая экономія, статистика, географія, исторія, языки латинскій, французскій и нѣмецкій и, наконецъ, рисованіе. На всю эту массу наукъ было лишь 8 учителей. Русскій языкъ въ гимназіяхъ не преподавался; предполагалось достаточнымъ то знаніе его, которое выносилось учащимися изъ уѣздныхъ училищъ. Въ гимназіяхъ было всего 4 класса. Принимались прошедшіе курсъ обученія въ уѣздныхъ училищахъ. Въ этихъ послѣднихъ было два класса и въ нихъ преподавались — законъ Божій, „должности человѣка и гражданина“, грамматика россійская и мѣстныхъ языковъ, чистописаніе, правописаніе, правила слога, ариѳметика, географія, россійская исторія, начальныя правила геометріи, сокращенныя естественная исторія и физика, начальныя правила технологіи и рисованіе. На преподаваніе всѣхъ этихъ наукъ полагалось всего два учителя. Въ приходскихъ училищахъ обучали чтенію и письму, главнымъ началамъ закона Божія, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики и „основнымъ началамъ нравоученія“. Содержаніе всѣ эти учебныя заведенія получали по преимуществу отъ казны, но не мало было также пожертвованій на учебное дѣло отъ сословій и частныхъ лицъ. Такъ для Рязанской гимназіи былъ выстроенъ прекрасный домъ на средства, собранныя добровольно дворянствомъ по раскладкѣ съ имѣній. При преобразованіи *боровского* малаго народнаго училища въ уѣздное, помѣщики и горожане пожертвовали 400 рублей; послѣдніе, кромѣ того, обязались, до построенія для училища дома, снабжать его всѣмъ необходимымъ. Мещавскъ, Жиздра и Мосальскъ открыли уѣздныя училища на свой счетъ. Въ Серпейскѣ, при открытіи малаго народнаго училища, разными лицами пожертвовано 175 руб. И т. д.

По мѣрѣ того, какъ оканчивали курсъ ученики гимназій, увеличивался контингентъ лицъ, изъ котораго можно было брать учителей для начальныхъ училищъ. Такимъ образомъ устранялось одно изъ препятствій развитію начальнаго образованія—недостатокъ учителей, и число уѣздныхъ и приходскихъ училищъ постоянно расло. Увеличеніе числа учениковъ, кончившихъ курсъ уѣздныхъ училищъ, заставляло увеличивать число вакансій въ гимназіяхъ. Для того, чтобы сдѣлать гимназическое образованіе доступнымъ и для бѣдныхъ, дѣтей послѣднихъ освобождали отъ всякой платы за обученіе. При нѣкоторыхъ гимназіяхъ, напр., Калужской, существовали пансіоны. Калужскій благородный пансіонъ, относительно управленія и средствъ содержанія, считался отдѣльнымъ отъ гимназіи; онъ состоялъ въ вѣдѣніи гражданскаго губернатора и губернскаго предводителя. Въ пансіонѣ содержались бѣдные воспитанники безвозмездно. Какъ учебныя пособія, при гимназіяхъ существовали библіотеки, иногда довольно значительныя для того времени, и естественно-историческіе кабинеты. Библіотека Калужской гимназіи имѣла до 2000 томовъ, купленныхъ и пожертвованныхъ, а кабинетъ состоялъ изъ 600 штуфовъ. При училищахъ никакихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій не было.

Учебныя заведенія, устроенныя въ царствованіе Александра I, однако, далеко не удовлетворили тѣхъ ожиданій, которыя возлагались на нихъ императоромъ и лучшими людьми того времени. Рутина скоро воцарилась въ преподаваніи и изгнала отсюда все живое. Учебники, употреблявшіеся въ гимназіяхъ и въ училищахъ, или такъ устарѣли, что не давали никакого понятія о дѣйствительномъ состояніи науки, или были просто нелѣпы. Лица, стоявшія во главѣ училищъ, были чиновниками и буквоѣдами и считали для себя даже унизительнымъ числиться принадлежащими къ учебному сословію; нерѣдко это были отставные военные, не имѣвшіе никакого понятія о дѣлѣ, за которое они брались. Учителя училищъ выходили большею частью изъ семинарій, откуда они выносили способность говорить такимъ витіеватымъ языкомъ, что ученики совершенно не понимали ихъ. Обращеніе учителей съ учениками было крайне грубо какъ въ училищахъ, такъ и въ гимназіяхъ. Учителя заставляли учениковъ учить все наизусть и строго порицали отвѣчавшихъ уроки собственными словами. Учителя страдали наклонностью къ пьянству и карточной игрѣ; къ дѣлу относились небрежно, пропускали уроки, опаздывали къ началу урока и отпускали учениковъ по домамъ раньше срока. Общество относилось къ учителямъ довольно пренебрежительно и питало къ нимъ меньше уваженія, чѣмъ

къ самымъ маленькимъ чиновникамъ. Частныя учебныя заведенія предпочитались казеннымъ всѣми, кто имѣлъ хоть какія-нибудь средства. Частныя школы не только успѣшно конкурировали съ казенными, но даже оставляли ихъ безъ учениковъ. Въ Воронежской, напр., губерніи въ 20-ыхъ годахъ было 50 частныхъ школъ съ 480 учащимися. Воронежскій директоръ училищъ предписывалъ смотрителямъ училищъ принуждать при посредствѣ полиціи частныхъ учителей закрыть свои школы и дать письменныя обязательства и на будущее время не заводить таковыхъ безъ дозволенія дирекціи. Однако, частныя школы не думали закрываться. Тогда директоръ обратился къ губернатору, прося его содѣйствія: „частныя школы,—писалъ онъ,—суть зло и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть добромъ, *потому что открыты безъ позволенія училищнаго начальства*: онѣ вредны для общества и противозаконны, а потому должны быть навсегда уничтожены". Губернаторъ предписалъ полиціи немедленно приступить къ закрытію частныхъ школъ, и полиція въ скорости представила массу подписокъ отъ учителей о прекращеніи ими своихъ учительскихъ занятій. Случалось, что ученики бѣжали изъ уѣздныхъ училищъ въ частныя. Вслѣдствіе этого, воронежскій директоръ предписалъ смотрителямъ, въ случаѣ надобности, требовать полицейскаго чиновника и закрывать школы, отбирая книги и тетради; но содержатели частныхъ школъ, съ своей стороны, чтобы предупредить внезапныя нападенія, наряжали изъ своихъ учениковъ дежурныхъ сторожей, которые, замѣтивъ приближеніе полиціи, извѣщали учителя объ опасности, и ученики спасались бѣгствомъ. Подобныя преслѣдованія, конечно, не вели ни къ чему, и число частныхъ школъ все увеличивалось, а значеніе ихъ учителей возвышалось. Дѣло дошло до того, что нѣкоторые смотрители жаловались на полную гибель ихъ училищъ отъ частныхъ школъ.

Какъ ни велики были недостатки гимназій и уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, все же громадною заслугою царствованія Александра I остается повсемѣстное устройство учебныхъ заведеній въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Какъ ни плохо шло тогдашнее преподаваніе, все же оно вносило нѣкоторый свѣтъ въ тогдашнюю общественную тьму, все же учебныя заведенія выпускали извѣстный контингентъ лицъ, по тогдашнему просвѣщенныхъ. Такимъ образомъ клалось основаніе для дальнѣйшаго насажденія просвѣщенія и подготовлялась для него почва. Но былъ въ тогдашней учебной системѣ одинъ недостатокъ, который лежитъ на ней неизгладимымъ пятномъ. Недостатокъ этотъ—полное забвеніе народа, вопреки настояніямъ Лагарпа, желавшаго доступности народу образованія. По уставу учебныхъ заведеній 5 ноября 1804 года, въ селахъ предполагалось открыть приходскія училища. Но въ помѣщичьихъ селахъ, какъ открытіе, такъ и содержаніе училищъ возлагалось на добрую волю помѣщиковъ. Въ казенныхъ селахъ училища должны были содержаться на счетъ прихожанъ и должны были находиться въ вѣдѣніи священника. Казна не давала на содержаніе сельскихъ училищъ ни гроша. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ въ селахъ училища могли возникать всего менѣе. И дѣйствительно, мы видимъ, что, напр., въ Калужской губерніи за все время царствованія Александра I было открыто лишь два сельскихъ приходскихъ училища: въ деревнѣ Кулешовкѣ, приписанной къ Тульскому оружейному заводу, и въ селѣ Людиновѣ. Въ Кулешовкѣ училище возникло благодаря тому, что староста деревни пожертвовалъ для этой цѣли 300 рублей, а другой крестьянинъ обязался выстроить на свой счетъ домъ для училища; въ Людиновѣ, принадлежавшемъ Демидову, училище учреждено владѣльцемъ. Въ Рязанской губерніи было учреждено лишь одно сельское училище въ с. Любичи (Зарайскаго уѣзда) на деньги (23 тыс.), пожертвованныя московскимъ купцомъ Ларинымъ, уроженцемъ помянутаго села. Въ такомъ же маломъ количествѣ и только при такихъ же исключительно счастливыхъ условіяхъ возникали сельскія училища и въ другихъ губерніяхъ описываемаго района. Кое-гдѣ были открыты школы священниками, но, просуществовавъ два, три года, и то лишь номинально, онѣ закрывались. Желающимъ учиться оставалось обращаться въ школы, устраиваемыя частными учителями, по преимуществу дьячками и пономарями. Но мы видѣли уже, что эти школы вся-

чески преслѣдовались и закрывались, и, такимъ образомъ, крестьяне лишались всякой возможности научиться грамотѣ.

При императорѣ Николаѣ учебныя заведенія получили сословный характеръ. Въ уставѣ 1828 г. прямо было сказано, что гимназіи предназначаются для дѣтей дворянъ и чиновниковъ, уѣздныя училища—для купцовъ и промышленниковъ и только приходскія училища—для низшихъ сословій. Съ цѣлью приданія сословнаго характера учебнымъ заведеніямъ были измѣнены ихъ курсы такъ, чтобы между курсами однихъ учебныхъ заведеній и курсами другихъ не было никакого соотвѣтствія и никакой связи. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтямъ дворовыхъ и крѣпостныхъ запрещено было поступать въ гимназіи; дѣтямъ солдатъ былъ прегражденъ доступъ также въ уѣздныя и даже приходскія училища. Дѣти мѣщанъ и купцовъ могли быть приняты въ гимназіи лишь по увольненіи ихъ изъ обществъ, къ которымъ они принадлежали. Была увеличена плата за слушаніе курса въ гимназіяхъ и университетахъ, и это дѣлалось, какъ было прямо объяснено въ указахъ, съ цѣлью затруднить доступъ въ учебныя заведенія дѣтямъ низшихъ сословій. Были приняты и многія другія мѣры въ томъ же направленіи.

Преграждая такимъ образомъ доступъ въ учебныя заведенія большей части населенія, правительство въ то же время нисколько не заботилось объ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній, кромѣ военныхъ, которыя пользовались особеннымъ покровительствомъ правительства и открывались въ значительномъ количествѣ. Въ описываемомъ районѣ, за все время царствованія Николая, было открыто всего лишь нѣсколько уѣздныхъ училищъ въ тѣхъ немногихъ городахъ, въ которыхъ ихъ еще не было, да нѣсколько приходскихъ училищъ при церквахъ. Что же касается собственно сельскихъ школъ, то въ первую половину царствованія Николая было сдѣлано въ этомъ отношеніи такъ же мало, какъ и въ предыдущее. Были только кое-гдѣ устроены церковныя школы. Но съ 1842 года, когда вышелъ Высочайшій указъ объ открытіи школъ въ казенныхъ селахъ, управленіе государственными имуществами учредило значительное число сельскихъ школъ. Подъ вліяніемъ этого примѣра начали устраивать школы и помѣщики въ своихъ имѣніяхъ. Учителями въ этихъ школахъ были мѣстные священники, дьяконы, причетники и семинаристы, не получившіе еще мѣста. Содержались школы въ государственныхъ селахъ на счетъ общественнаго сбора и завѣдывались мѣстными управленіями государственными имуществами; содержаніе школъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ доставлялось помѣщикомъ и ему же принадлежало ближайшее распоряженіе школою. По учебной части сельскія школы предполагались подчиненными директору училищъ, хотя на дѣлѣ этого и не было. Всѣ школы, однако, были крайне плохи: духовныя лица, занятыя исполненіемъ требъ, могли удѣлять преподаванію лишь небольшое время и притомъ урывками; что же касается учителей-семинаристовъ, то, будучи кандидатами на разныя духовныя должности, они смотрѣли на свои учительскія занятія лишь какъ на временную непріятную обузу, которую волею-неволею приходилось переносить до полученія мѣста. Понятно, что при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи объ успѣхахъ занятій въ сельскихъ школахъ, и ученики этихъ школъ рѣдко выносили изъ нихъ какія-либо знанія.

Со второй половины 40-хъ годовъ въ описываемыхъ губерніяхъ стали появляться женскія учебныя заведенія. Это были или пансіоны для благородныхъ дѣвицъ, устраиваемые частными лицами, или женскія приходскія училища. Общее число женскихъ учебныхъ заведеній было, однако, крайне незначительно.

Къ концу царствованія Николая въ каждой изъ описываемыхъ губерній было по гимназіи; во всѣхъ уѣздныхъ городахъ были уѣздныя и приходскія училища, при чемъ нѣкоторые города имѣли по нѣсколько приходскихъ училищъ; сельскихъ училищъ приходилось до полусотни на каждую губернію. Кромѣ того, въ каждой губерніи были духовныя семинаріи и духовныя училища, а въ Воронежѣ находились Михайловскій кадетскій корпусъ и военное училище. Женскихъ учебныхъ заведеній было по 5, въ среднемъ выводѣ, на губернію. Общее

число учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ равнялось отъ 5 до 7 тысячъ въ губерніи, при чемъ въ этомъ числѣ собственно сельскихъ сословій было около трети. Учащихся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ было всего отъ 150 до 200 на губернію.

Въ такомъ печальномъ положеніи стояло дѣло народнаго образованія въ описываемомъ краѣ предъ началомъ царствованія Александра II, и все, что въ этомъ отношеніи имѣетъ въ настоящее время этотъ край, сдѣлано именно въ это царствованіе.

Собственно говоря, первое десятилѣтіе царствованія Александра II отразилось въ учебномъ отношеніи на описываемомъ краѣ лишь измѣненіемъ программъ учебныхъ заведеній. Былъ увеличенъ курсъ гимназій, при чемъ число классовъ въ нихъ доведено до семи; курсу приданъ классическій характеръ, хотя классицизмъ еще не поглотилъ окончательно реальнаго характера преподаванія, и естествознаніе все еще занимало видное мѣсто въ программахъ. Объ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ въ это время совершенно забыли и для городскихъ жителей проектировали устройство прогимназій, а для сельчанъ предполагались особыя школы грамотности, о которыхъ, впрочемъ, только говорили, но которыхъ совсѣмъ нигдѣ не устраивали.

Собственно увеличеніе числа учебныхъ заведеній, болѣе широкое распространеніе ихъ и въ особенности организація *народнаго* образованія принадлежатъ слѣдующему періоду, начавшемуся съ 1864—1866 годовъ. Главная заслуга въ дѣлѣ доставленія образованія народу принадлежитъ земству.

Въ этотъ періодъ въ описываемомъ краѣ открыты классическія *гимназіи* въ Ельцѣ и Бѣлгородѣ и учреждены классическія *прогимназіи* въ Егорьевскѣ, Рязани, Касимовѣ, Лебедяни и Воронежѣ. Всѣ эти заведенія устроены на общегосударственный счетъ, кромѣ гимназіи въ Бѣлгородѣ, на которую земство и городъ тратятъ по 5000 рублей, и прогимназій — въ Лебедяни, на содержаніе которой мѣстное земство постановило отпускать 5000 рублей, а Лебедянская городская дума — 3000 рублей ежегодно, и Александровской въ Корочѣ, на содержаніе которой отпускается изъ мѣстныхъ земскихъ сборовъ до 10,772 рублей. Затѣмъ здѣсь открыты *реальныя училища* въ Зарайскѣ, Скопинѣ, Тулѣ, Калугѣ, Орловѣ, Ливнахъ, Курскѣ и Воронежѣ. Реальное образованіе встрѣтило гораздо болѣе сочувствія въ мѣстныхъ земствахъ и городахъ, и въ то время, когда только три классическія заведенія пользуются матеріальною поддержкою земства и городской думы, всѣ упомянутыя реальныя училища получаютъ значительныя субсидіи изъ земскихъ городскихъ суммъ. Именно Зарайское реальное училище получаетъ отъ города 4000 руб., Скопинское—9000 отъ города и 5000 отъ земства, Тульское—2500 и 3000, Калужское—7000 и 3000, Орловское 5000 отъ города, Ливенское—2000 и 3000 и Курское—7500 р. отъ земства. Всего при открытіи реальныхъ училищъ города обязались выдавать до 30,000 руб., а земства—около 22,000 руб. ежегодно. Впослѣдствіи эти ассигновки были значительно увеличены.

Изъ *женскихъ* учебныхъ заведеній въ описываемомъ краѣ къ 1866 году существовали такъ-называемыя училища 1-го разряда въ Тулѣ, Калугѣ, Орлѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ и Курскѣ и училища 2-го разряда—въ Мосальскѣ, Мещовскѣ, Карачевѣ, Ефремовѣ, Скопинѣ, Козловѣ, Липецкѣ, Бѣлгородѣ и Воронежѣ. Послѣ 1866 года всѣ училища 1-го разряда были преобразованы въ существующія нынѣ женскія гимназіи и, кромѣ того, вновь открыта женская гимназія въ Ельцѣ. Училища второго разряда преобразованы въ женскія прогимназіи и вновь открыты прогимназіи въ Касимовѣ, Сапожковѣ, Ливнахъ, Задонскѣ, Новохоперскѣ, Богучарѣ, Павловскѣ, Острогожкѣ, Бирючѣ и Валуйкахъ. Всѣ эти женскія учебныя заведенія существуютъ, главнымъ образомъ, на мѣстныя средства—субсидіи земствъ, городовъ и дворянствъ и на пожертвованія частныхъ лицъ, и только въ незначительныхъ размѣрахъ пользуются помощью государства. Кромѣ того, въ губернскихъ городахъ учреждены особыя женскія средне-учебныя заведенія для дѣвицъ духовнаго званія, такъ-называемыя епархіальныя училища, содержимыя на счетъ церквей.

Въ 1872 году послѣдовалъ указъ о преобразованіи уѣздныхъ училищъ въ *городскія*. Собственно говоря, курсъ вновь учреждаемыхъ городскихъ училищъ мало чѣмъ отличался отъ курса прежнихъ уѣздныхъ училищъ. Вся разница состоитъ лишь въ веденіи черченія и рисованія, да въ нѣкоторой перетасовкѣ предметовъ. Но отличительную черту городскихъ училищъ составляетъ то обстоятельство, что они были раздѣлены на четыре разряда: одноклассныя, двуклассныя, трехклассныя и четырехклассныя, при чемъ предполагалось устраивать училища того или другого разряда, сообразуясь съ важностью мѣстностей, въ которыхъ открываются училища. Въ четырехклассныя городскія училища первоначально были обращены лишь тѣ уѣздныя училища, которыя находились въ губернскихъ городахъ; остальныя получили устройство городскихъ училищъ низшихъ разрядовъ. Содержаніе городскія училища должны по закону получать отъ казны, городовъ и земствъ. Въ описываемомъ краѣ большая часть городскихъ училищъ существуетъ, главнымъ образомъ, именно на средства, отпускаемыя городами и земствами. Для приготовленія учителей городскихъ училищъ положено было устроить особые учительскіе институты, и въ нашемъ краѣ такой институтъ открытъ въ 1876 году въ Бѣлгородѣ, Курской губерніи.

Относительно *народныхъ училищъ* въ царствованіе Александра II былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, благодаря которымъ въ настоящее время сельскому населенію хоть отчасти сталъ доступенъ свѣтъ знанія. Еще въ проектъ устава *общеобразовательныхъ* учебныхъ заведеній, составлявшійся въ министерство А. С. Норова (1853—1858 гг.), было внесено и устройство народныхъ школъ. Затѣмъ, въ 1861 г. былъ составленъ особый комитетъ изъ членовъ отъ различныхъ вѣдомствъ, завѣдующихъ училищами разнаго именованія; комитетъ этотъ выработалъ „общій планъ устройства народныхъ училищъ“, который, однако, не получилъ законодательной санкціи. Наконецъ, іюля 14-го 1864 года было Высочайше утверждено „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ“, обязательное для всѣхъ элементарныхъ учебныхъ заведеній различныхъ вѣдомствъ и для воскресныхъ школъ. Этимъ „Положеніемъ“ совершенно измѣнялся характеръ какъ устройства сельскихъ школъ, такъ и завѣдыванія ими. Обязанности устраивать школы не возлагалось ни на кого, но всякому предоставлялось это какъ право. Земство, города, сельскія общества, разныя вѣдомства и отдѣльныя лица получили право свободнаго устройства начальныхъ школъ и право самостоятельнаго завѣдыванія экономическою стороною дѣла. Учить же въ этихъ школахъ могли только лица, получившія на то особое разрѣшеніе отъ уѣзднаго училищнаго совѣта, по представленіи удостовѣренія въ доброй нравственности и благонадежности. Для завѣдыванія учебною стороною школьнаго дѣла были учреждены уѣздные и губернскіе училищные совѣты. Уѣздные совѣты составились изъ членовъ отъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, отъ духовнаго вѣдомства, изъ двухъ представителей уѣзднаго земскаго собранія и, кромѣ того, изъ представителей тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя начальныя народныя училища, и изъ члена городского общества. Губернскіе совѣты составились изъ епархіальнаго архіерея, начальника губерніи, директора училищъ и двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія. На училищные совѣты были возложены обязанности — имѣть точныя свѣдѣнія о всѣхъ начальныхъ училищахъ уѣзда и губерніи, обозрѣвать училища, имѣть попеченіе объ открытіи новыхъ училищъ и объ улучшеніи существующихъ, разрѣшать открытіе новыхъ начальныхъ училищъ, входить съ представленіями о пособіяхъ училищамъ, о наградахъ учителямъ и т. п. Содержаніе училищъ возлагалось на то вѣдомство или лицо, которое открывало училище. Правительство брало на себя только такъ сказать поощреніе — снабженіе школъ учебными пособіями, награды учителямъ и т. п., на каковой предметъ, однако, для всей Россіи было назначено всего лишь 100,000 рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для приготовленія учителей народныхъ школъ, было рѣшено открывать особыя учительскія семинаріи, право устройства которыхъ было предоставлено и земствамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что „Положеніе" 1864 года имѣло очень серьезные недостатки. Можно многое сказать, напр., противъ введенія въ составъ училищныхъ совѣтовъ епархіальныхъ архіереевъ и начальниковъ губерній, какъ лицъ и безъ того обремененныхъ многочисленными обязанностями, что, конечно, не могло не отразиться на успѣшности дѣятельности совѣтовъ Точно также, несостоятельнымъ оказалось „Положеніе" и во многихъ другихъ отношеніяхъ Тѣмъ не менѣе, „Положеніе 1864 года" принесло громадную пользу, предоставивъ частнымъ лицамъ, сельскимъ обществамъ и, въ особенности, земствамъ возможность учреждать сельскі школы и даже побуждая ихъ тому И въ этомъ заключается громадная заслуга министра народнаго просвѣщенія того времени, А. В. Головнина, заслуга гораздо большая, чѣмъ та, которую онъ оказалъ введеніемъ университетскаго устава 1863 года.

Урокъ ариѳметики въ сельской школѣ.—Картина Н. П. Богданова-Бѣльскаго.

Дальнѣйшія законодательныя мѣропріятія въ значительной мѣрѣ измѣнили „Положеніе" 1864 года, пока въ 1874 году оно не было замѣнено новымъ „Положеніемъ", которое существуетъ доселѣ. Были учреждены должности инспекторовъ народныхъ училищъ, для наблюденія за школами и ходомъ преподаванія въ нихъ, сперва по одному на губернію, а потомъ по нѣскольку. Эти инспектора были сдѣланы непремѣнными членами училищныхъ совѣтовъ. Инспекторамъ были предоставлены широкія права, поставившія въ полную зависимость отъ нихъ народныхъ учителей и въ значительной мѣрѣ сузившія права обществъ, учрежденій и лицъ, открывавшихъ школы. Затѣмъ министерство начало открывать двухклассныя и образцовыя одноклассныя училища. „Положеніемъ" 1874 года открытіе земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами начальныхъ училищъ поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ и согласія уѣзднаго предводителя дворянства. Инспектору, по соглашенію съ предводителемъ дворянства, предоставлено право закрывать училища, въ случаѣ признанія вреднаго направленія въ преподаваніи училищъ. Предводителямъ дворянства предоставлено попеченіе о нравственномъ направленіи преподаванія въ училищахъ, а мѣстному архіерею—наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія вообще. Уѣздный предводитель и инспекторъ получили право устранять неблагонадежныхъ преподавателей отъ исполненія ихъ обязанностей. Составъ училищныхъ совѣтовъ также нѣсколько измѣненъ, при чемъ они отданы подъ предсѣ-

дательство предводителей дворянства. Совѣты собираются только по приглашенію предсѣдателей, по мѣрѣ надобности, опредѣленіе которой вполнѣ зависитъ отъ ихъ личнаго усмотрѣнія. Въ то время, когда нѣтъ засѣданій совѣта, инспектора и директора училищъ имѣютъ право постановлять рѣшенія единолично. Наконецъ, инструкціей 1875 года на инспекторовъ возложена обязанность недопускать въ училищныя библіотеки ни одной книги, предварительно не одобренной министерствомъ народнаго просвѣщенія или духовнымъ вѣдомствомъ.

Мы остановились сравнительно долго на обозрѣніи законоположеній царствованія Александра II относительно народныхъ школъ въ виду того, что это обозрѣніе въ значительной степени уясняетъ исторію развитія школьнаго дѣла за послѣднія 30 лѣтъ, а также и современное его состояніе.

Съ перваго же дня открытія земскихъ учрежденій, большинство земскихъ дѣятелей того времени смотрѣли на дѣло народнаго образованія какъ на одну изъ серьезнѣйшихъ обязанностей, лежащихъ на земствѣ. Тотчасъ послѣ паденія крѣпостного права, число сельскихъ школъ повсюду значительно увеличивалось, такъ какъ въ это время среди сельскаго духовенства началось было движеніе, поддерживаемое и высшею духовною властью, направленное къ открытію церковно-приходскихъ школъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, многіе помѣщики, повинуясь духу времени, начали учреждать школы для дѣтей бывшихъ своихъ крѣпостныхъ. Но всѣ эти школы, какъ вызванныя къ жизни временнымъ настроеніемъ основателей и учредителей, были недолговѣчны и гибли послѣ года-двухъ существованія. Такимъ образомъ, ко времени введенія земскихъ учрежденій, число сельскихъ школъ повсюду было не только не больше, но во многихъ мѣстахъ даже значительно меньше противъ временъ крѣпостного права. Земству предстояло много дѣла, и большинство земствъ горячо взялось за дѣятельность по народному образованію. На первыхъ же порахъ дѣятельности земства въ этомъ направленіи встрѣтилось серьезное препятствіе въ видѣ недостатка лицъ, достаточно подготовленныхъ къ учительской дѣятельности, и земства рѣшились бороться съ этимъ препятствіемъ. Въ виду подготовки контингента лицъ, способныхъ занять учительскія мѣста въ народныхъ школахъ, были предложены различныя мѣры. Такъ, въ воронежскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 1866 года было предложено устройство особаго педагогическаго отдѣленія при духовной семинаріи; въ другихъ мѣстахъ предлагалось устроить такія отдѣленія при свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Большинство земствъ остановилось на устройствѣ особыхъ учебныхъ заведеній для приготовленія учителей. Такія учебныя заведенія были открыты въ Рязани, подъ именемъ Александровскаго училища для приготовленія сельскихъ учителей, въ Курскѣ—земской учительской школы, и въ Тамбовѣ — Екатерининскаго учительскаго института. Въ то же время правительство учредило въ предѣлахъ описываемаго края три учительскихъ семинаріи — въ Воронежѣ, Карачевѣ и Бѣлгородѣ.

Учебныя заведенія, устроенныя земствами для приготовленія народныхъ учителей, сослужили большую службу дѣлу народнаго образованія. Каждое изъ этихъ учебныхъ заведеній стоило земству отъ 10,000 до 20,000 рублей ежегодно и эти деньги не были потрачены напрасно, такъ какъ этимъ путемъ ежегодно къ контингенту народныхъ учителей прибавлялось до 100 вполнѣ подготовленныхъ для своего дѣла лицъ. Къ сожалѣнію, эти полезныя учрежденія постигла печальная участь, которая всего лучше будетъ видна на исторіи рязанскаго земскаго училища для приготовленія сельскихъ учителей

Александровское земское училище для образованія сельскихъ учителей въ Рязани было открыто въ октябрѣ 1869 года. Первоначальный проектъ устава училища былъ представленъ земствомъ на разсмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія и былъ здѣсь значительно измѣненъ. Такъ, въ проектѣ устава было предположено, чтобы учителя Александровскаго училища избирались и назначались самимъ земствомъ, а удаляемы были бы не иначе, какъ по ревизіи школы особою комиссіею, назначенною губернскимъ собраніемъ, и по баллотировкѣ въ этомъ собраніи. Министерство народнаго просвѣщенія измѣнило эту статью устава такъ,

чтобы учителя избирались только изъ лицъ, имѣющихъ на то право, и по соглашенію съ директоромъ училищъ Рязанской губерніи, которому принадлежитъ и надзоръ за училищемъ, и который по этому не *приглашается* въ совѣщанія въ училищѣ по учебной и воспитательной части, какъ было сказано въ проектѣ устава, а имѣетъ право присутствовать на всѣхъ такихъ совѣщаніяхъ. Программы предметовъ преподаванія въ училищѣ, распредѣленіе уроковъ и проч. также исправлены въ министерствѣ. Такъ земство предполагало сообщать ученикамъ училища, будущимъ учителямъ, познанія изъ медицины и ветеринаріи и свѣдѣнія о законахъ и учрежденіяхъ, относящихся къ сельскому быту. Министерство-же нашло, что все это „будетъ только напрасной тратой времени и принесетъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, ибо отниметъ время отъ ближайшихъ, необходимыхъ для начальнаго учителя занятій". Были и другія измѣненія въ проектѣ устава, о характерѣ которыхъ можно судить по предыдущему. Какъ ни прискорбны были для земства эти измѣненія, оно приняло ихъ, чтобы только имѣть школу для подготовки учителей и училище было открыто, какъ уже сказано, въ 1869 году, въ объемѣ пока одного перваго класса, съ 35 учениками, преимущественно крестьянскаго происхожденія. Училище должно было быть трехкласснымъ, при чемъ въ третьемъ классѣ собственно на ученіе назначено 10 уроковъ въ недѣлю, а остальные 14 уроковъ посвящаются практическимъ занятіямъ воспитанниковъ въ приходской школѣ подъ руководствомъ наставника. Кромѣ занятій научныхъ, въ училищѣ предполагались также занятія нѣкоторыми ремеслами и садоводствомъ. Полный составъ школы состоитъ изъ 100 учениковъ, живущихъ на полномъ содержаніи отъ земства, 3-хъ учителей, законоучителя, эконома и нѣсколькихъ низшихъ служителей. На содержаніе училища земство постановило отпускать ежегодно 11,095 рублей, собираемыхъ въ видѣ особаго поземельнаго налога. Кромѣ того земствомъ затрачено единовременно около 30,000 рублей на постройку прекраснаго двухъэтажнаго каменнаго дома для помѣщенія училища. Ученикамъ, окончившимъ курсъ, выдавались аттестаты на званіе сельскихъ учителей, и они обязывались прослужить не менѣе 6-ти лѣтъ въ званіи сельскаго учителя въ Рязанской губерніи. Отъ этой обязательной службы желающимъ представлялось откупиться за 300 рублей или по расчету за недослуженные года.

Какъ видимъ, при учрежденіи Александровскаго училища для образованія сельскихъ учителей были допущены очень серьезные недостатки, а принципъ обязательности службы учениковъ училища и въ особенности введеніе *выкупа*, дававшаго особую привиллегію состоятельнымъ ученикамъ, заслуживаютъ самаго серьезнаго порицанія. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что дѣятельность Александровскаго училища была крайне полезна для Рязанской губерніи. Ежегодно выпуская десятки прекрасно подготовленныхъ учителей, училище въ значительной мѣрѣ обновило и улучшило составъ персонала сельскихъ педагоговъ. Къ сожалѣнію, полезной дѣятельности училища былъ нанесенъ ударъ съ той стороны, откуда ему слѣдовало идти всего менѣе. Александровское училище подверглось той же участи, которая постигла и всѣ земскія учительскія семинаріи,—сначала притязаніямъ и притѣсненіямъ со стороны мѣстной дирекціи училищъ, а потомъ давленію со стороны министерства. Послѣ долгой борьбы между земствомъ и учебнымъ начальствомъ, министерство прибѣгло къ рѣшительной мѣрѣ и въ очередномъ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 1877 года управа прочла докладъ, въ которомъ сообщала, что министерство народнаго просвѣщенія предложило губернскому земству, въ виду будто-бы неудовлетворительнаго хода дѣла въ Александровскомъ училищѣ, передать его въ полное вѣдѣніе министерства, съ оставленіемъ за земствомъ только хозяйственной части, и что въ случаѣ несогласія собранія на предлагаемое или уклоненія его отъ окончательнаго отвѣта, министерство вынуждено будетъ прибѣгнуть къ закрытію училища. Комиссія, разсматривавшая докладъ управы, предложила земскому собранію немедленно закрыть училище. Собраніе отклонило предложеніе о закрытіи училища, утвердило смѣту на содержаніе училища въ 1878 г. и избрало комиссію для пересмотра устава училища. А между

тѣмъ пріемъ учениковъ въ училище на 1877—78 учебный годъ уже былъ пріостановленъ. Понятное дѣло, что въ такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣло не могло быть оставлено и къ концу концовъ пришлось согласиться на предложеніе министерства и 4-го марта 1878 года учебно-воспитательная часть была передана управою въ вѣдѣніе министерства. Этимъ, однако, неопредѣленное положеніе училища мало измѣнилось, и рязанское губернское земское собраніе 1880 года снова принуждено было избрать комиссію для выработки устава училища, соотвѣтствующаго измѣнившимся обстоятельствамъ. Учениковъ въ училищѣ въ это время было всего 81, а содержаніе училища стоило земству уже болѣе 20 тысячъ рублей.

Какъ ни печальна эта исторія, утѣшеніемъ можетъ служить то обстоятельство, что во всякомъ случаѣ училище сохранено и доставляетъ извѣстное количество учителей для народныхъ школъ губерніи. Рязанское земство, однако, не ограничивается расходами на подготовленіе учителей въ александровскомъ училищѣ и въ 1878 году постановило содержать 12 стипендіатокъ въ женской учительской семинаріи госпожи Чепелевской въ Москвѣ.

Печальная исторія земскихъ учебныхъ заведеній для приготовленія учителей отразилась самымъ неблагопріятнымъ образомъ на дѣятельности земствъ въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ, когда въ 1876 году графъ Л. Н. Толстой предложилъ тульскому земству открыть педагогическіе курсы въ Ясной Полянѣ при такихъ выгодныхъ условіяхъ для земства, что ему содержаніе каждаго воспитанника въ теченіи 6 земскихъ мѣсяцевъ стоило-бы всего 24 рубля, и тульское земское губернское собраніе, принявши это предложеніе, обратилось чрезъ губернскую управу ко всѣмъ уѣзднымъ земскимъ управамъ и училищнымъ совѣтамъ съ предложеніемъ принять участіе въ задуманномъ дѣлѣ, большинство уѣздныхъ управъ и училищныхъ совѣтовъ обошло молчаніемъ сдѣланное губернскою управою приглашеніе и лишь отъ 5 уѣздовъ было заявлено желаніе прислать учениковъ, но всего 12 человѣкъ. При такихъ условіяхъ графу Толстому пришлось отказаться отъ задуманнаго имъ устройства педагогическихъ курсовъ.

Озабочиваясь подготовленіемъ достаточнаго количества лицъ для занятія учительскихъ мѣстъ въ народныхъ школахъ, земства вмѣстѣ съ тѣмъ заботились и о томъ, чтобы народные учителя не только не забывали вынесеннаго изъ учебнаго заведенія запаса знаній, но могли-бы также знакомиться со всѣми новѣйшими данными педагогической науки и обмѣниваться другъ съ другомъ пріобрѣтеніями личнаго опыта. Съ этою цѣлью земства устраивали учительскіе съѣзды. Здѣсь учителя обсуждали вопросы какъ педагогической теоріи, такъ и практики, вопросы, возникающіе изъ современнаго положенія школьнаго дѣла въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда являлись представители на съѣздъ. Нечего и говорить о той громадной пользѣ, которая была принесена учителямъ и школьному дѣлу предоставленіемъ возможности для учителей самостоятельной работы мысли въ области педагогическихъ вопросовъ и живого обмѣна мыслей и наблюденій.

Земства вполнѣ понимали пользу съѣздовъ и устраивали очень часто. Такъ, губернское рязанское земство устроило съѣзды учителей въ Рязани въ 1869, 1870, 1871, 1872 и 1874 гг. и было очень довольно блестательными результатами ихъ. Но въ 1875 г. были изданы особыя правила для устройства учительскихъ съѣздовъ, правила, которыми съѣзды были превращены во временные педагогическіе курсы, на которыхъ учителя уже не были самостоятельными членами, свободно обсуждающими возникающіе вопросы, а являлись просто учениками, выслушивающими лекціи особаго руководителя, обыкновенно мѣстнаго инспектора училищъ, и дающими уроки въ начальной школѣ по указаніямъ того-же руководителя. Въ этомъ видѣ съѣзды или курсы оказались крайне несимпатичными какъ учителямъ, такъ и земствамъ, и послѣднія перестали дѣлать ассигновки на ихъ устройство. Только въ послѣдніе годы снова стали кое-гдѣ устраиваться курсы, но они бываютъ уже крайне рѣдко и далеко не имѣютъ того значенія, которое имѣли прежніе съѣзды.

На сколько чувствовалась потребность въ школахъ, доказываетъ фактъ, что тѣмъ или другимъ способомъ устраиваемая школа никогда не оставалась пустою, а тотчасъ-же наполнялась учащимися. Но построить мало-мальски сносное зданіе для школы стоитъ значительную сумму. Въ сѣверной части описываемаго края, гдѣ мѣстность сравнительно изобилуетъ лѣсомъ, при строгомъ соблюденіи экономіи, постройка школьнаго зданія, разсчитаннаго на 50 учениковъ (10-ти аршинной избы), обходится около 350 руб. Въ южной полосѣ, лишенной лѣса, гдѣ строительный матеріалъ очень дорогъ, потому что доставляется изъ дальнихъ мѣстъ или на лошадяхъ, или на желѣзной дорогѣ, что сильно подымаетъ его цѣну, постройка деревяннаго зданія для школы обходится не менѣе, какъ въ 500 рублей. Каменныя-же зданія обходятся еще гораздо дороже. Понятное дѣло, что для большинства сельскихъ обществъ, при общей бѣдности крестьянъ, такіе единовременные расходы недоступны. Нѣкоторыя земства въ этихъ случаяхъ приходятъ на помощь крестьянамъ и строятъ на свой счетъ школьныя зданія, разъ крестьяне дадутъ обязательства содержать школу; но такихъ земствъ не много. Другія земства выдаютъ въ этихъ случаяхъ крестьянскимъ обществамъ ссуды, но это мало помогаетъ дѣлу. Къ тому-же самыя средства земствъ ограничены и ихъ всѣхъ не хватило-бы на устройство количества школъ, требуемаго числомъ дѣтей школьнаго возраста.

Понятное дѣло, что при ничтожныхъ средствахъ обстановка школы можетъ быть только нищенскою. Учителя получаютъ крайне ничтожное вознагражденіе, обыкновенно отъ 100 до 200 рублей въ годъ. Болѣе высокое вознагражденіе встрѣчается крайне рѣдко, тогда какъ часто годовое жалованье учителя опускается ниже ста рублей, иногда до двухъ десятковъ рублей. Но и это ничтожное жалованье учителя получаютъ часто несвоевременно, не получая его иногда по полугоду и болѣе. Происходитъ это отъ того, что въ земскихъ кассахъ часто бываетъ полнѣйшая пустота, и въ такомъ случаѣ прежде всего страдаютъ разныя мелкія лица, служащія въ земствѣ по найму, въ томъ числѣ и учителя.

Понятно, что при такихъ условіяхъ учительскому дѣлу отдается только ничтожное число лицъ по призванію. Большинство-же лицъ, идущихъ въ учителя, занимаютъ эту должность или потому, что имъ больше некуда дѣться, больше они ни къ чему не способны, или только на время, пока не встрѣтится болѣе выгодное мѣсто, хотя-бы полицейскаго урядника или артельщика на желѣзной дорогѣ. Въ средѣ учителей описываемаго края мы встрѣчаемъ крайнее разнообразіе лицъ: тутъ есть лица со спеціально-педагогическою подготовкою, вышедшія изъ учительскихъ семинарій и другихъ подобныхъ имъ учебныхъ заведеній; есть богословы-семинаристы, ожидающіе священническихъ мѣстъ; есть дѣвушки, учившіяся въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и епархіальныхъ училищахъ; есть лица, неизвѣстно гдѣ учившіяся, но получившія свидѣтельства на право преподаванія, и въ этой категоріи лицъ есть даже малограмотныя.

Не менѣе печально отражается на успѣхахъ школьнаго дѣла самая обстановка школъ, большею частью неудовлетворительная. Такъ, по свидѣтельству рязанскаго директора народныхъ училищъ, въ Рязанской губерніи въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ „многія школы находились въ церковныхъ сторожкахъ, темныхъ и сырыхъ, или въ плохихъ избахъ, иногда въ такихъ зданіяхъ, которыя имѣли спеціальное назначеніе для ссыпки хлѣба. Тоже можно сказать и о классной мебели, — вмѣсто стола — широкая доска на козлахъ, — да и такой мебели не много, такъ что ученикамъ приходится сидѣть скученными. И если это встрѣчается въ такихъ уѣздахъ, гдѣ земство отпускаетъ довольно значительныя суммы на народное образованіе, какъ, напр., въ Касимовскомъ или Данковскомъ, то что-же можно сказать объ уѣздахъ, отпускающихъ мало денегъ на народное образованіе?“ Тоже и въ другихъ губерніяхъ описываемаго района. Вотъ, напр., какъ описывала коротоякская (Воронежской губерніи) земская управа положеніе народныхъ школъ въ уѣздѣ: „Тѣснота, сырость, иногда холодъ, отсутствіе вентиляціи; недостатокъ классной мебели и учебныхъ принадлежностей—вотъ главные недо-

статки, которыми страдаетъ большинство школъ. Сырость и холодъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и угаръ, иногда положительно лишаютъ учителя возможности заниматься", и проч.

Понятно, къ какимъ результатамъ приводитъ такое положеніе дѣлъ. Съ одной стороны духота и испорченный воздухъ дѣйствуютъ вредно на здоровье учениковъ, утомляютъ и дѣлаютъ менѣе внимательными къ занятіямъ, а съ другой — учитель положительно не можетъ слѣдить за занятіями такой массы учениковъ и ученіе идетъ кое-какъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Рязанской губерніи, за невозможностью помѣстить всѣхъ учениковъ въ школьномъ зданіи единовременно, ихъ пробовали раздѣлять на двѣ смѣны и занятія идутъ съ одними до обѣда, а съ другими послѣ обѣда. Но такая двойная работа оказывается не подъ силу учителямъ, истомляетъ ихъ и принуждаетъ вести послѣобѣденныя занятія небрежно.

Къ этимъ причинамъ неуспѣшности школьныхъ занятій, обусловленнымъ самымъ положеніемъ дѣла и потому могущимъ назваться естественными, во многихъ мѣстахъ присоединяются еще причины искусственныя. Такъ, въ Рязанской губерніи долго практиковался, а, можетъ быть, практикуется и теперь, оригинальный способъ оцѣнки качества школы и трудовъ и способностей учителя количествомъ выдаваемыхъ свидѣтельствъ на льготу по воинской повинности и на основаніи этой оцѣнки учитель получалъ премін и вообще вознагражденіе за свой трудъ. Вслѣдствіе этого многіе учителя, въ теченіе короткаго учебнаго времени, отдаются исключительно избраннымъ 5 — 7 ученикамъ, готовящимся къ экзамену, и оставляютъ, почти безъ пособія, остальныхъ 30—50 человѣкъ, занимая ихъ лишь настолько, чтобы они не мѣшали его, будто-бы, главнымъ занятіямъ: въ результатѣ такого маневра получаются награды и еще болѣе располагаютъ учителя къ принятому образу дѣйствій. Добросовѣстные же учителя, принявшіеся за исправленіе школы съ младшихъ группъ, на первое время выставляютъ къ экзамену меньшее число учениковъ, чѣмъ первые, и послѣдствіемъ ихъ добросовѣстности является то, что они цѣнятся ниже первыхъ и поневолѣ начинаютъ подражать имъ.

Сказанное выше относится, однако, большею частью къ минувшимъ временамъ. Съ восьмидесятыхъ годовъ, къ которымъ относятся вышеприведенные отчеты, многое измѣнилось, многое перешло въ область историческихъ преданій.

Масса населенія, крестьянство, относилась къ новой народной школѣ съ сочувствіемъ, а теперь прямо уже ищетъ средствъ дать дѣтямъ начальное образованіе и при всякой возможности удовлетворяетъ это свое стремленіе. Вездѣ, гдѣ такъ или иначе устраивается школа, она никогда не остается пустою, а немедленно-же наполняется учащимися. Тамъ, гдѣ не существуетъ школъ, устроенныхъ земствомъ, и гдѣ у крестьянъ нѣтъ средствъ устроить такую школу, которая требуется разными „правилами", чтобы стать формальною „начальною школою", тамъ они устраиваютъ такъ-называемыя „свои" школы, получившія это названіе въ противоположность „земскимъ" и „министерскимъ". Эти „свои" школы представляютъ собою крайне оригинальное явленіе. Для примѣра возьмемъ школы, существующія возлѣ села Хотѣни, Козельскаго уѣзда, Калужской губерніи. Въ самомъ селѣ Хотѣни существуетъ одноклассное училище вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Въ училищѣ этомъ обучается болѣе 100 учениковъ и изъ нихъ большинство приходитъ изъ деревень, окружающихъ Хотѣни. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ министерское училище не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться, въ трехъ окрестныхъ деревняхъ, лежащихъ въ разстояніи отъ 2 до 6 верстъ отъ села Хотѣни, существуютъ три частныя школы, учрежденныя самими крестьянами. Школы эти помѣщаются въ обыкновенныхъ крестьянскихъ избахъ, безъ всякой классной обстановки; одна школа помѣщается въ домѣ учителя, другая — въ домѣ крестьянина, сынъ котораго безплатно учится и, наконецъ, третья — въ наемномъ домѣ, хозяинъ котораго получаетъ съ каждаго мальчика четверть сажени дровъ и по 75 копѣекъ въ зиму. Учителями въ первыхъ двухъ школахъ — мѣстные грамотные крестьяне, въ третьей мѣщанинъ изъ духовнаго званія, бывшій когда-то ученикъ 1-го класса Калужской духовной семинаріи. Плата за ученье учителю опредѣлена въ одной школѣ въ

размѣрѣ 1 рубля съ ученика, въ другой—2 руб. и въ третьей—75 копѣекъ за зиму. Принимая въ расчетъ, что въ первое училище ходило въ то время, къ которому относятся эти свѣдѣ-

Воскресное чтеніе въ сельской школѣ. Картина Н. П. Богданова-Бѣльскаго.

нія, 10 мальчиковъ, во второе — 20 и въ третье — 16, найдемъ, что содержаніе этихъ школъ (плата учителю и плата за помѣщеніе въ одной изъ школъ) стоитъ 10, 40 и 24 рубля, а общій бюджетъ всѣхъ трехъ школъ равенъ всего лишь 74 рублямъ. Несмотря на всю огра-

ничность расходовъ, требуемыхъ этими школами, онѣ далеко не оправдываютъ пословицы—„дешево да гнило“; по крайней мѣрѣ о двухъ изъ этихъ школъ, въ деревняхъ Жердевой и Клесовой, калужскій директоръ народныхъ училищъ, говоритъ, что онѣ, „по успѣшности учащихся, не уступаютъ многимъ изъ земскихъ училищъ поставленныхъ сравнительно на болѣе широкую ногу“. Такія своеобразныя школы встрѣчаются повсюду въ описываемомъ краѣ и иногда имѣютъ характеръ *подвижныхъ школъ*, такъ какъ учителя этихъ школъ перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, появляясь въ однихъ и тѣхъ же деревняхъ лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ. Нерѣдко крестьяне даже предпочитаютъ „свои“ школы земскимъ и министерскимъ, что нисколько неудивительно, если принять во вниманіе дешевизну этихъ школъ и приведенный выше отзывъ о нихъ директора калужскихъ народныхъ училищъ: дешевле купить тотъ же товаръ всегда выгоднѣе.

Тамъ, гдѣ ученикамъ приходится ходить въ школу издалека, за нѣсколько верстъ, иногда до 10 верстъ, крестьяне или устраиваютъ общежитія при школахъ, или устанавливаютъ особую дорожную повинность. Общежитія при школахъ существуютъ, напр., въ Рязанской губерніи. Обыкновенно они находятся въ томъ же зданіи, въ которомъ находится школа, а иногда и въ отдѣльномъ, гдѣ-нибудь по близости отъ школы. Содержаніе учениковъ, живущихъ вмѣстѣ, стоитъ очень дешево, не болѣе двухъ рублей за все учебное время, съ своимъ хлѣбомъ и матеріаломъ для приварка, которые каждый ученикъ привозитъ изъ дома отца. Варево приготавливаютъ ученики сами и только въ немногихъ случаяхъ для нихъ бываетъ нанята старуха-стряпуха. Что касается подводной повинности, то она практикуется въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ жители по бѣдности не могутъ имѣть для своихъ дѣтей квартиру въ другомъ селѣ, гдѣ есть школа: тогда они по очереди привозятъ каждый учебный день дѣтей въ школу и отвозятъ ихъ обратно. Такой оригинальный видъ подводной повинности, добровольно устанавливаемой крестьянами, можно наблюдать, напр., въ Новохоперскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ описываемаго края крестьянами еще въ восьмидесятыхъ годахъ установлено обязательное обученіе дѣтей, причемъ самыя формы этой обязательности крайне разнообразны. Въ Тульской губерніи крестьяне Сергіевской волости, Тульскаго уѣзда, ходатайствуя объ открытіи училища въ селѣ Лутовиновѣ, обязались посылать дѣтей въ училище въ теченіе четырехъ лѣтъ съ 8 или 9 до 12 или 13 лѣтъ и не брать ихъ изъ училища до окончанія ученія, кромѣ особенныхъ случаевъ. Приговоръ этотъ точно исполнялся. Въ Воронежской губерніи обязательное обученіе введено было въ трехъ училищахъ Коротоякскаго уѣзда, а именно въ селахъ Старо-Уколовѣ, Росковецкомъ и Реньевкѣ, по мірскимъ приговорамъ слѣдующаго содержанія: 1) каждый крестьянинъ, имѣющій только одного сына, можетъ по произволу посылать его въ училище или нѣтъ, но отецъ, имѣющій двухъ и болѣе сыновей, обязательно посылаетъ въ училище всѣхъ остальныхъ, кромѣ одного; 2) учебное время опредѣляется съ 1-го октября по 1 апрѣля, и курсъ ученія для дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ—4 года, а начиная съ четырнадцатилѣтняго возраста 3 года, въ обоихъ случаяхъ обязательно; 3) за каждый день непосѣщенія мальчикомъ школы, безъ особенно уважительныхъ къ тому причинъ, отецъ его подвергается штрафу по 6 коп. въ пользу школы; 4) контроль и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этихъ правилъ принадлежитъ мѣстной земской управѣ и мѣстному же училищному совѣту, и 5) въ случаѣ отмѣны или уничтоженія приговоровъ объ обязательномъ обученіи, сельское общество уплачиваетъ въ земскую управу на училищную часть сумму, равную годовому пособію, которое получается отъ земства въ пользу мѣстнаго училища, что должно быть выполнено въ теченіе того года, когда послѣдуетъ нарушеніе приговора. Приговоры эти составлены еще въ 1874 году и не прошли незамѣченными въ другихъ уѣздахъ Воронежской губерніи. Такъ, нижедѣвицкій училищный совѣтъ предложилъ тѣмъ обществамъ уѣзда, гдѣ уже открыты училища, ввести у себя такое правило, чтобы всякій,

отдавшій ребенка въ школу и непосылающій въ нее ежедневно безъ уважительныхъ причинъ, подвергался сельскимъ старостою штрафу въ размѣрѣ до 10 коп. въ пользу мірскихъ суммъ. Въ отвѣтъ на это предложеніе совѣта 13 сельскихъ обществъ изъявили согласіе на введеніе штрафа за неаккуратное посѣщеніе дѣтьми школы съ 1 ноября до Пасхи; два общества, не согласившись на штрафъ, приняли обязательство исправно посылать дѣтей въ училище съ 1 ноября до половины апрѣля и 6 обществъ постановили посылать своихъ дѣтей въ школу возможно исправнѣе, не опредѣляя ни штрафа, ни періода учебнаго времени.

Всѣ эти факты ясно показываютъ, что населеніе описываемаго края уже перестало относиться съ предубѣжденіемъ къ начальному образованію, стремится къ свѣту знанія и всѣми мѣрами старается удовлетворить это свое стремленіе. И если до сихъ поръ начальное образованіе недостаточно распространено среди населенія, то тому виною, во-первыхъ, тѣ неблагопріятныя условія, въ какія поставлено школьное дѣло и о которыхъ мы говорили выше, и, во-вторыхъ, жалкое экономическое положеніе массы населенія. Просматривая статистическія данныя, мы замѣчаемъ, что распространеніе грамотности въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ описываемаго края прямо пропорціонально степени благосостоянія населенія и оказывается прямо зависящимъ отъ степени обезпеченности населенія землею, этимъ главнымъ факторомъ экономическаго благосостоянія крестьянъ. Кромѣ того изъ этихъ данныхъ съ очевидностью вытекаетъ, что всякій разъ, когда крестьянинъ по своему экономическому положенію имѣетъ возможность дать своимъ дѣтямъ элементарное образованіе, онъ не пренебрегаетъ этою возможностью, а, напротивъ, старается воспользоваться ею.

Я. В. Абрамовъ.

ШКОЛЬНОЕ ДѢЛО—ВЪ ЦИФРАХЪ.

Успѣхъ [illegible] дѣла.—[illegible]—[illegible]—Число [illegible] въ [illegible].—Число учащихся и [illegible]

Едва-ли найдется другая отрасль народной и государственной жизни Россіи, въ которой, въ теченіе послѣдней четверти вѣка, произошло-бы столько перемѣнъ—какъ школьное дѣло, составляющее львиную долю всего народнаго образованія. Послѣдніе двадцать-тридцать лѣтъ можно въ исторіи школьнаго дѣла въ Россіи смѣло называть „гигантскими шагами". Въ теченіе этого періода возрасло число школъ, возрасло число учащихся, возрасли средства, ассигнуемыя земствами и сельскими обществами на устраиваемыя ими училища, многія школы стали впервые пользоваться помощью изъ государственнаго казначейства; сдѣланы попытки расширить программы учебныхъ заведеній, улучшить системы образованія въ нихъ, поставить учительскій персоналъ въ лучшія, чѣмъ прежде, условія, возбужденъ серьезно вопросъ о всеобщемъ образованіи и пр. и пр.

Сказанное относится ко всей Россіи, но въ особенности оно касается губерній центральной черноземной области, гдѣ статистическія данныя ясно доказываютъ несомнѣнный прогрессъ въ области школьнаго дѣла.

Заслуга этого прогресса принадлежитъ почти всецѣло земствамъ, которыя горячо приняли къ сердцу дѣло народнаго образованія и обнаруживаютъ о немъ особенныя заботы. Какъ про-

грессивно растутъ расходы земствъ на дѣло народнаго образованія, указываютъ, между прочимъ, данныя, касающіяся Калужской губ. Въ этой губерніи на народныя школы тратили земства въ 1868 г.—7 тыс., въ 1871 г.—29 тыс., въ 1881 г.—100 тыс., въ 1889 г.—127 т., а въ 1894 г.—131 тыс.! Подобный прогрессивный ростъ расходовъ на школы замѣчается и во всѣхъ другихъ губерніяхъ; въ этомъ отношеніи дѣятельность отдѣльныхъ земствъ описываемаго района представляетъ крайнее разнообразіе: въ то время какъ одни земства, сознавая, что главный плательщикъ земства—крестьянство, употребляютъ земскія суммы, главнымъ образомъ, на поддержку и распространеніе народныхъ школъ, другія земства считаютъ себя вправѣ тратить земскія деньги, главнымъ образомъ, на средне-учебныя заведенія, удѣляя дѣлу народнаго образованія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова лишь крохи, но есть и такія земства, которыя вообще скупятся на расходъ на школы. По счастью, такихъ земствъ немного и они являются просто анахронизмомъ.

Выше помѣщенъ историческій ходъ развитія дѣла народнаго образованія въ описываемомъ районѣ. Дополняя эти историческія данныя, постараемся указать въ какомъ видѣ представляется дѣло это въ настоящее время, насколько въ этомъ отношеніи даютъ намъ точныя свѣдѣнія далеко еще не разработанныя статистическія данныя.

Прежде всего необходимо указать, что народныя школы раздѣляются на слѣдующіе типы:

1. Начальныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2. Школы церковно-приходскія.

3. Прочія низшія правильно организованныя учебныя заведенія (городскія училища, частныя школы, пріюты и школы благотворительныхъ обществъ).

4. Школы грамотности, состоящія въ вѣдѣніи православнаго духовенства.

Кромѣ того въ губерніяхъ Воронежской и Тамбовской имѣются еще инородческія конфессіональныя училища.

Всѣхъ школъ къ 1 января 1893 года было: въ Орловской губ. 926, Тульской—885, Калужской—783, Рязанской—1,051, Воронежской—962, Курской—1,076, Тамбовской—1,488.

Число учащихся въ этихъ школахъ достигло въ томъ-же 1893 г.: въ Орловской губ. 47,180 мальч. и 6,668 дѣв., Тульской—37,957 мальч. и 7,051 дѣв., Калужской—33,439 мальч. и 6,900 дѣв., Рязанской—52,365 мальч. и 13,787 дѣв., Воронежской—53,687 м. и 9,427 дѣв., Курской—34,185 мальч. и 9,805 дѣв., Тамбовской—53,687 мальч. и 9,427 дѣв.

Изъ приведеннаго числа учащихся приходится на училища на разные типы школъ:

	Начальн. учил. вѣд. мин. нар. пр.	Школы церковно-приходскія.	Прочія низшія правильно организов. учеб. зав.	Школы грамотности въ вѣдомствѣ прав. дух.
Въ Орловской губ. . .	69,7	13,0	3,3	14,1
,, Тульской губ. . .	66,2	15,7	1,7	16,4
,, Калужской губ. . .	65,8	23,0	1,2	10,0
,, Рязанской губ. . .	67,9	20,2	1,8	10,1
,, Воронежской губ. .	71,4	17,1	1,9	9,7
,, Курской губ. . . .	66,7	15,7	2,3	15,3
,, Тамбовской губ. . .	57,7	20,8	0,9	20,0

Кромѣ того на инородскія конфессіональныя школы приходится еще въ Воронежской губерніи 0,1 и Тамбовской губерніи 0,8.

По оффиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ по начальному образованію, собранныхъ департаментомъ народнаго просвѣщенія въ 1896 году общее число училищъ въ губерніяхъ описываемаго района представляется въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Число училищъ.	Муж.	Жен.	Для обоего пола.	Содержаніе: Казною.	Земствомъ и общ. сосл.	Фабриками и завод.	Частными лицами.
Въ Орловской губ.	642	38	20	584	24	612	—	6
„ Тульской губ. . .	658	120	16	522	30	578	2	48
„ Калужской губ. .	479	27	30	422	26	453	—	—
„ Рязанской губ. .	618	55	41	522	34	573	5	6
„ Воронежск. губ. .	591	47	13	531	21	570	—	—
„ Курской губ. . .	654	70	33	551	(свѣдѣній не показано)			
„ Тамбовск. губ. .	704	80	20	604	11	691	2	—

Общее число учащихся по даннымъ министерства народнаго просвѣщенія въ 1896 г. выражается слѣдующими цифрами:

	Общее число.	Мужск. пола.	Женск. пола.
Въ Орловской губ. .	50,381	43,485	6,896
„ Тульской губ. . .	39,353	31,320	8,033
„ Калужской губ. .	33,026	26,452	6,574
„ Рязанской губ. .	49,588	40,193	9,395
„ Воронежск. губ. .	49,828	42,662	7,166
„ Курской губ. . .	48,197	40,426	7,951
„ Тамбовск. губ. .	55,012	47,202	7,810

Кромѣ того въ Тульской губ. имѣются 2 воскресныя школы съ 444 учащимися, въ Рязанской губ.—1 такая-же женская школа съ 114 учащимися, въ Воронежск. 3—съ 143, Тамбовской 1 съ 136 учащимися и Курской 2—238. Въ Курской-же губерніи имѣются 54 дополнительныхъ или повторительныхъ классовъ съ 1867 учащимися; въ Тамбовской-же губ.—34 дополн. класса съ 2272 учащимися.

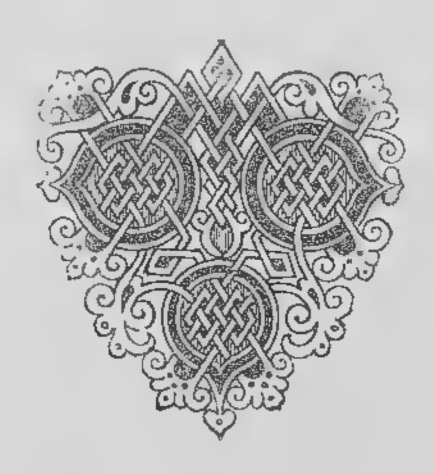
Вообще въ описываемомъ краѣ число начальныхъ школъ доходитъ до 4000. Средняя стоимость содержанія школы немного превышаетъ 300 рублей въ годъ. Понятное дѣло, что, располагая такими ограниченными средствами, большинство школъ не могутъ удовлетворять даже самымъ скромнымъ требованіямъ. Да и самое число школъ крайне недостаточно.

Напримѣръ, въ Воронежской губерніи дѣтей школьнаго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ) насчитывается 436,548; между тѣмъ во всѣхъ уѣздныхъ, образцовыхъ, городскихъ, приходскихъ, сельскихъ и частныхъ начальныхъ училищахъ губерніи состоитъ учащихся обоего пола 76,912. Если къ послѣдней цифрѣ прибавить дѣтей, учащихся въ низшихъ классахъ мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, духовныхъ уѣздныхъ училищъ, епархіальнаго женскаго, пріютовъ и пансіоновъ, что въ совокупности составитъ около 6000, то окажется, что изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста Воронежской губерніи посѣщаютъ школы всего около 83 тысячъ, т.-е. немного болѣе 18%. Если къ числу учащихся дѣтей прибавить и такихъ, которыя уже посѣщали школы и научились здѣсь читать и писать, а такихъ въ Воронежской губерніи около 62 тысячъ, то найдемъ, что здѣсь около 90 тысячъ или $^2/_3$ общаго числа дѣтей лишены возможности получить хотя-бы первоначальное образованіе, ограничивающееся умѣніемъ читать и писать. Такой-же процентъ дѣтей остается безъ образованія и въ Тульской губерніи. Въ Орловской губерніи число дѣтей, посѣщающихъ и посѣщавшихъ школы, составляютъ 38% всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, и, наконецъ, въ Тамбовской число посѣщающихъ школы составляетъ всего лишь $24^1/_2$% общаго числа дѣтей, а 76% остаются безъ образованія. Печальные выводы, которые получаются при разсмотрѣніи цифръ учащихся, будутъ еще печальнѣе, если брать данныя по уѣздамъ или по отдѣльнымъ селамъ. Есть мѣстности, совершенно

лишенныя школъ. Въ другихъ, если и существуютъ школы, число учащихся составляетъ $^1/_{15}$, и даже лишь $^1/_{20}$ всего числа дѣтей. Въ особенности ничтоженъ процентъ учащихся въ мѣстностяхъ, лежащихъ вблизи съ фабриками и заводами, такъ какъ дѣти поступаютъ сюда на работы еще въ началѣ школьнаго возраста, а фабриканты и заводчики очень мало заботятся о томъ, чтобы предоставлять своимъ малолѣтнимъ рабочимъ возможность получить начальное образованіе. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ извѣстный заводчикъ Мальцевъ, устроившій начальныя школы въ Жиздренскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи.

Но если вообще ничтожно число учащихся въ начальныхъ школахъ описываемаго края, то въ частности число учащихся дѣвочекъ еще ничтожнѣе. Такъ, въ Рязанской губерніи въ 1896 г. изъ общаго числа учащихся дѣтей на долю мальчиковъ приходится 74,425 человѣкъ, а на долю дѣвочекъ всего 14,496, т.-е. дѣвочекъ учится въ *пять* разъ меньше, чѣмъ мальчиковъ. Изъ общаго числа дѣвочекъ школьнаго возраста посѣщаетъ начальныя школы всего $^1/_{19}$ часть и, такимъ образомъ, почти 95% дѣвочекъ лишены возможности получить образованіе. Это печальное обстоятельство объясняется съ одной стороны тѣмъ, что дѣвочка нужнѣе бываетъ для домашняго хозяйства крестьянина, а съ другой тѣмъ, что, при недостаткѣ школъ, онѣ переполняются одними мальчиками, учить которыхъ крестьянамъ кажется болѣе важнымъ, и, такимъ образомъ, дѣвочкамъ не остается мѣста. По крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ помѣщеніе школъ позволяетъ принимать кромѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, онѣ поступаютъ безъ всякихъ затрудненій. Этимъ объясняется успѣхъ спеціально-женскихъ школъ, которыя, будучи устроены кое-гдѣ, въ селахъ, тотчасъ же наполнялись учащимися. При этомъ нельзя не упомянуть объ одной оригинальной школѣ, устроенной въ имѣніи князя Барятинскаго (Груновская школа, Суджанскаго уѣзда, Курской губерніи): дѣвочки, окончившія курсъ въ этой школѣ, при выходѣ ихъ въ замужество, получаютъ денежное пособіе. Благодаря этому обстоятельству число дѣвочекъ, учащихся въ Груновской школѣ, всегда превышаетъ число мальчиковъ.

Ѳ. И. Кочетовъ.

ОЧЕРКЪ VI.

СРЕДИННАЯ СТРАНА.

[illegible]

О, стонати русской земли,
Помянувши первую годи[illegible],
И первыхъ князей!
Того стараго Владимира,
Нельзѣ бѣ пр[illegible]дити
Къ горамъ Кіев[illegible]

(слово о полку игоревомъ).

ЕЗОСТАНОВОЧНО и быстро плыли легкіе струги и насады по большому водному пути изъ Варягъ въ Греки, но не одни произведенія дальнихъ и неизвѣданныхъ странъ получали Греки по этому пути; часто по быстрымъ волнамъ Днѣпра и потомъ по древнему Понту Эвксинскому (Черному морю) плыли грозныя суда жителей сѣвера—Варяговъ и Руси, и разоряли богатую Византію, и затѣмъ, нагруженныя золотомъ, винами, дорогими поволоками и разными узорами, тяжело гребли назадъ. Нѣсколько другого характера, но тоже постоянное движеніе происходило по восточному пути изъ того же Варяжскаго (Балтійскаго моря) въ Хвалынское (Каспійское). Здѣсь передвигались одни товары и произведенія приpѣчныхъ странъ. По рѣкамъ, озерамъ и волокамъ они достигали многоводной Волги и отсюда, мимо столицы Булгарскаго царства, шли внизъ по теченію рѣки. Часть изъ нихъ по волоку перевозилась въ синій Донъ для того, чтобы достигнуть Сурожскаго моря (Азовскаго), а другая шла далѣе, въ хозарскую столицу Итиль или Баносіаръ у устьевъ Волги въ Хвалынское море. По этому пути перевозился пушной товаръ, медъ, кожи и пр. съ прибрежья рѣкъ, составляющихъ бассейнъ Волги и особенно изъ страны, орошаемой Окою. Верховья помянутыхъ рѣкъ: Волги, Дона и Днѣпра терялись въ первобытныхъ лѣсахъ. Затѣмъ, теченія ихъ, направляясь къ южнымъ морямъ, проходили поперекъ обширнаго степного пространства. Эта степь, идущая изъ самой глубины Азіатскаго материка, вступала въ Европу между Хвалынскимъ моремъ и Уральскими горами широкою равниной и, уходя окраиной южныхъ морей, наконецъ, упиралась въ Угорскія или Карпатскія горы. Эта привольная степь издавна служила широкимъ путемъ для народовъ кочевниковъ, орды которыхъ наводили долго паническій страхъ на обитателей юго-западныхъ странъ

Европы. Въ срединѣ очерченныхъ нами границъ лежитъ та страна, историческими судьбами которой мы интересуемся теперь. Не представляетъ она ни горъ, ни особо живописныхъ долинъ, ни орошается ни одною изъ большихъ рѣкъ съ постояннымъ движеніемъ большого торговаго пути. Это—равнина, и лишь на самомъ сѣверо-восточномъ углу ея чуть вздымаются послѣдніе отпрыски Авидской возвышенности. Здѣсь, въ этой равнинѣ берутъ свое начало Ока, Донъ, Сеймъ и Десна, которыя со множествомъ болѣе мелкихъ рѣчекъ несутъ массу воды въ большія рѣки, а Донъ въ Суражское море. Весь сѣверъ этой страны, по среднему теченію Оки, былъ покрытъ дремучими, непроглядными лѣсами. Разрѣзывая ихъ, Ока замѣтно составляла границу преобладанія однихъ лѣсныхъ породъ надъ другими. Тамъ, за Окой, на сѣверъ высились пасмурныя ели и сосны, а тутъ на югѣ—покрытые зеленою листвой дубы, липы и другія породы лиственнаго лѣса. Привольно въ нихъ было ютиться всякому звѣрю, а вверху въ чащѣ зеленаго шатра не умолкала стоголосая птичья жизнь; внизу же, тамъ, гдѣ не очень глушили землю цѣлые костры валежника, стлался зеленый коверъ травы, часто обманчивый для ногъ путника, ибо прикрывалъ собою зыбу или топкое болото. Изрѣдка только, пробираясь сквозь валежникъ и сплетшіяся вѣтки деревьевъ, появлялся въ этой глуши полудикарь-туземецъ, выслѣживая какого-нибудь звѣря. Но чѣмъ далѣе подвигалась эта страна къ югу, тѣмъ чаще и чаще появлялись въ лѣсу поляны и прогалины, а тамъ еще южнѣе шли перелѣски, затѣмъ опушки и наконецъ первобытный могучій лѣсъ уступалъ уходящей въ даль и ширь неоглядной, будто безграничной степи, не останавливаемой многоводными рѣками и уступающей развѣ вѣчно плещущей волнѣ Чернаго моря—предмету стремленія и думъ всѣхъ верховниковъ русской земли, начиная съ сѣдой старины и кончая Екатериной, твердо ставшей впервые на сѣверномъ берегу этого русскаго моря.

Постепенное измѣненіе страны, переходъ отъ лѣса въ степь, отчасти можно наблюдать и въ настоящее время: губернія Калужская и сѣверныя части Тульской и Рязанской, по характеру мѣстности, нисколько не походятъ на южныя части тѣхъ же губерній, а въ особенности на Орловскую, Курскую, Воронежскую и Тамбовскую губерніи. На сѣверѣ встрѣчаются остатки лѣсной растительности несравненно чаще; однообразныя породы лѣса на сѣверѣ къ югу значительно разнообразятся и достигаютъ болѣе значительнаго развитія. Описанная страна была населена различными народностями, сошедшимися къ общему рубежу. Лѣсъ давалъ убѣжище славянскимъ и гудскимъ племенамъ, а степь тюркскому, пока полукочевому—Хозарамъ. Такъ какъ мы знаемъ о существованіи у нихъ городовъ: Сарнела или Бѣлой Вежи на Дону и Итиля у устьевъ Волги, но все-таки это были кочевники, хотя болѣе покойные и менѣе хищные, чѣмъ Печенѣги, въ особенности Половцы, ибо, по сказанію лѣтописца, довольствовались съ покоренныхъ ими славянскихъ племенъ разъ опредѣленной данью „по бѣлицѣ съ дыма". Хотя исторія уже не застала самый процессъ положенія этой дани, но принимая въ соображеніе ту первобытную простоту, ту сговорчивость и отсутствіе всякаго сопротивленія, при покореніи первыми кіевскими князьями этихъ племенъ, можно думать, что и Хозарамъ не особенно было трудно наложить на нихъ дань Изъ описанія быта Хозаръ, мы знаемъ, что зиму они жили въ городахъ, а лѣтомъ выѣзжали въ степь, занимались торговлею и исповѣдывали магометанскую вѣру Кромѣ вѣры у нихъ было мало общаго съ занявшими впослѣдствіи ихъ мѣсто на югѣ Печенѣгами и Половцами

Теперь посмотримъ, какъ жили Славянскія и Гудскія племена. Житель высокихъ, удобныхъ для пашни мѣстъ, хотя и звѣроловъ пока, но способный къ дальнѣйшей культурѣ—славянинъ, осѣлъ на правомъ берегу Дона. Житель влажныхъ низменностей, постоянно отступающій предъ славяниномъ и впослѣдствіи принявшій бытъ и вѣрованіе его—Мещерянъ и Мордовецъ, удержалъ мѣсто по сѣверовосточную сторону Дона вплоть до Волги. Само собой разумѣется, строгихъ границъ или рубежей между племенами не было. Черта, разграничивающая эти двѣ народности, существовала главнымъ образомъ въ языкѣ, да отчасти въ бытовомъ отношеніи.

Бытъ славянскихъ племенъ, населявшихъ западъ описываемой страны, Радимичей и Вятичей, не многимъ отличался отъ быта сопредѣльныхъ съ ними гудскихъ племенъ. Правда, славяне имѣли жилища болѣе удобно устроенныя, но все же это было жилище, которое безъ особаго сожалѣнія покидалъ тогдашній славянинъ, въ случаѣ нападенія враждебной семьи или непріятеля цѣлаго племени. Ему, этому жителю невзрачной хаты, легко было уйти изъ одной ея многочисленныхъ лазеекъ, которыя онъ такъ предусмотрительно устраивалъ. Чѣмъ особенно отличались славянскія племена въ устройствѣ своихъ жилищъ, это непремѣннымъ имѣніемъ очага въ каждой хатѣ. Въ религіи различіе между Славянскими и Гудскими племенами было не особенно замѣтно. Можно по этому поводу сказать только одно, что у Гудскихъ племенъ было болѣе развито волшебство, ученіе о злыхъ духахъ, и о сообщеніи человѣка съ ними. Долго еще послѣ введенія христіанства, волхвы, самые ярые противники его, появляются съ сѣверо-востока для соблазна народа и на борьбу съ новою религіей.

По сказанію перваго лѣтописца Нестора, племена славянскія—Радимичи и Вятичи—произошли отъ двухъ братьевъ ляховъ: Радима и Вятко. Первый съ своимъ родомъ пришелъ и сѣлъ по берегамъ рѣки Сожи, притокѣ Днѣпра; происшедшее отъ него племя назвалось Радимичами. Второй съ своимъ родомъ осѣлъ на берегахъ Оки, притокѣ Волги, и племя его назвалось Вятичами. По преданіямъ, во времена до-историческія было какое-то движеніе славянъ съ запада на востокъ, совершенно обратное общему потоку народовъ на западъ. Вотъ, во время этого-то движенія славянъ, Гудскія племена, населявшія до того всю описываемую нами страну, отодвинулись за Донъ. Вѣроятно ляхи, Радимъ и Вятко, были передовыми въ этомъ движеніи и заняли мѣста до Дона. При этомъ легко допустить, что тутъ не было ничего подобнаго завоеванію страны и Гудскія племена не смотрѣли на пришедшихъ ляховъ, какъ на завоевателей, да и въ самомъ дѣлѣ, чего могли лишать ихъ, этихъ аборигеновъ страны, Радимъ и Вятко?

Земли было въ волю, лѣса безъ конца, ни пройти, ни извѣдать его, на всѣхъ и на все хватало. О нравахъ и обычаяхъ Сѣверянъ и Вятичей лѣтописецъ отзывается въ весьма не лестныхъ выраженіяхъ. По его словамъ, они жили въ лѣсахъ, какъ дикіе звѣри, ѣли все нечистое, не имѣли стыденія предъ снохами, браковъ у нихъ не было, но были игрища между селами. Они сходились на эти игрища, плясали, пѣли бѣсовскія пѣсни и тутъ похищали себѣ дѣвицъ въ жены, кто съ какою заранѣе сговорился. Имѣли по двѣ или по три жены. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что нравы Радимичей и особливо Вятичей были во время Нестора грубѣе, чѣмъ у остальныхъ славянъ, поселившихся по пути изъ Варягъ въ Греки; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы могли безусловно руководствоваться взглядами лѣтописца. Инокъ, давшій обѣтъ презирать вся яже въ мірѣ суть, одинъ изъ первыхъ подвижникомъ земли русской, постриженникъ Кіево-Печерскаго монастыря, ревностный исполнитель всѣхъ постановленій новой религіи, вносящей въ жизнь высоконравственные идеалы, не могъ иначе смотрѣть на полуязыческія племена, и первобытные нравы ихъ, весьма естественно, могли казаться ему не только грубыми, но даже и омерзительными. Но если, откинувъ всякое предубѣжденіе, мы вспомнимъ, что передъ нами первобытный народъ и взглянемъ на его бытъ попристальнѣе, то намъ станетъ яснымъ очень многое, что поставитъ славянина IX вѣка выше многихъ современниковъ его, бывшихъ на томъ же уровнѣ понятій и развитія. Напримѣръ, что было естественнѣе осуждаемаго Несторомъ умыканья невѣстъ. Бытъ славянъ былъ чисто семейный. Семья кормила и ростила дѣвушку и потому смотрѣла на нее, какъ на свою неотъемлемую собственность. Для того, чтобы добыть себѣ жену, чужанинъ долженъ былъ отнять ее у семьи и онъ умыкалъ ее. Что это терпѣлось, видно изъ того, что сходбища для пляски и пѣсень между селами, кончающіяся умыканьемъ, не запрещались главами семей. Въ случаѣ похищенія, они довольствовались вѣномъ или выкупомъ. Слѣды этого обычая сохранились еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Женихъ или дружка его долженъ купить у брата

невѣсты мѣсто рядомъ съ нею. Что-же касается до отсутствія всякой обрядности на свадьбахъ, то это только указываетъ на первобытныя условія быта народа и примѣръ, приводимый Несторомъ у Полянъ, скорѣе относится къ городскому населенію, несомнѣнно стоявшему выше въ гражданскомъ отношеніи, чѣмъ жители лѣсовъ. Въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ лѣтописи есть одно обстоятельство, говорящее въ пользу этого древняго первобытнаго народа. Мы привыкли думать, что чѣмъ положеніе женщинъ выше, чѣмъ она самостоятельнѣе, тѣмъ самъ народъ, среди котораго наблюдается подобное явленіе, стоитъ выше. Положеніе женщины у славянъ указывается Несторомъ въ словахъ. „съ нею кто совѣщались". Изъ смысла этихъ словъ становится понятнымъ что чужанинъ могъ похитить не всякую, а только ту, съ которой уговорился. Значитъ тутъ имѣла мѣсто склонность, а слѣдовательно и самостоятельность выбора и это въ самомъ важномъ вопросѣ для женщины, въ бракѣ. Кромѣ того, дѣвушка въ славянскомъ мірѣ пользовалась большими преимуществами: ее баловали, она не несла тяжести даже домашнихъ работъ; отзвукъ этого безпечальнаго и веселаго положенія ея въ своей семьѣ до сихъ поръ слышится въ свадебныхъ пѣсняхъ народа Сжигая трупъ покойника, славяне предавали смерти и сжигали жену его, если она была на то согласна. Если умиралъ холостой, то за нимъ слѣдовала въ загробный міръ вызвавшаяся на этотъ подвигъ дѣвушка. Этотъ обычай былъ основанъ на вѣрованіи, что мужъ легче достигаетъ блаженства, если его сопровождаетъ женщина, и такъ, женщинѣ отводилось почетное мѣсто въ религіозныхъ понятіяхъ народа. Убѣжденіе въ высокомъ положеніи женщины въ славянскомъ мірѣ не можетъ поколебать и допущеніе многоженства, а слѣдовательно какъ-бы положеніе рабы по отношенію къ мужу. Юридическія права женщины на владѣніе имуществомъ въ наше время— остатокъ старины, такъ какъ и тогда женщина въ этомъ отношеніи пользовалась самостоятельностью. Наконецъ, правленіе Ольги, владѣніе ею на правахъ князя Вышгородомъ, особый посолъ ея, явившійся въ кругу другихъ заключать міръ въ Византіи послѣ похода Игоря, и при жизни его наименованіе ее вѣщей, то-есть мудрой, указываетъ на то, что женщина была подругой славянина, но никакъ не рабой. Въ одной русской пѣснѣ распредѣляются занятія между людьми такъ:

Старые люди о семъ судили,
А парубочки въ войску служили,
А панночки шитинки шили.

Въ разселеніи славянъ всегда имѣли большое значеніе рѣки съ ихъ притоками; берега ихъ заселялись прежде всего и уже затѣмъ поселки шли внутрь страны. Естественно, что племена по теченію рѣкъ приходили въ соприкосновеніе съ другими племенами, ибо по воднымъ путямъ шло тогда торговое и всякое другое сношеніе. Государственная жизнь началась на сѣверѣ, въ Новѣгородѣ, отсюда она пошла въ Кіевъ, на югъ, по большому днѣпровскому пути. Изъ Кіева она распространилась по всему днѣпровскому бассейну Всѣ страны, лежащія въ предѣлахъ этого бассейна, ранѣе другихъ вступили на путь гражданскаго устройства. По воднымъ путямъ шло и христіанство, только съ однимъ измѣненіемъ: появившись впервые въ Кіевѣ, оно пошло на сѣверъ въ Новгородъ. Первыми изъ восточныхъ славянъ, принявшими гражданское устройство, а затѣмъ и христіанство, были Сѣверяне, жители побережья Десны, притока Днѣпра, затѣмъ Радимичи, сидѣвшіе по Деснѣ и Сожи, послѣдними-же тутъ являются Вятичи и именно потому, что они жители Окскаго бассейна, неимѣющаго ничего общаго съ Днѣпровскимъ. Какъ и при какихъ условіяхъ крестились Сѣверяне, мы не знаемъ, но что касается до Радимичей и Вятичей, то спустя долгое время послѣ введенія христіанства на Руси инокъ Кіево-Печерскаго монастыря Пр. Кукша и ученикъ его Никонъ жизнью своею поплатились за смѣлость евангельской проповѣди этимъ дикарямъ.

Характеристика быта восточныхъ славянскихъ племенъ, изображенная въ Несторовой лѣтописи, едва ли относится къ Сѣверянамъ, хотя они и упоминаются въ ней. Что они ранѣе

Сжиганіе трупа Славянскаго князя въ X вѣкѣ.—Картина Г. Семирадскаго.

Радимичей и Вятичей вступили на путь гражданскаго общежитія, видно изъ того, что въ странѣ ихъ уже въ глубокой древности упоминаются города и ихъ торговое значеніе. Такъ, изъ житія преподобнаго Ѳеодосія, основателя Кіево-Печерскаго монастыря, мы узнаемъ о существованіи еще въ XI вѣкѣ Курска и другого города, названіе котораго не дошло до насъ, затѣмъ видимъ, что между Курскомъ и Кіевомъ происходила транзитная торговля, такъ какъ „бѣша идуще коупцы на возѣхъ съ бремены тяжки", наконецъ, ранѣе другихъ городовъ упоминаются Путивль и Рыльскъ.

Олегъ по пути изъ Новгорода въ Кіевъ покоряетъ Смоленскъ, городъ Кривичей, потомъ Любечь у Сѣверянъ, остальная-же область этого племени, называемая Посемьемъ, какъ не лежащая на пути, остается еще неподвластною кіевскому князю. Покореніе ее относится уже къ 884 году, когда тотъ-же Олегъ предпринялъ особый походъ для завоеванія Сѣверской области и Радимичей. Особаго сопротивленія, какъ видно, онъ не встрѣтилъ: на вопросъ, кому платите дань, эти племена отвѣчали „Хозарамъ". Тогда князь велѣлъ имъ сказать отъ своего имени: „Не давайте Хозарамъ, но мнѣ давайте" и они стали давать Олегу ту-же бѣлицу и веверицу съ дыма, что и Хозарамъ. Спора отъ Хозаръ тутъ не было, вѣроятно вслѣдствіе того, что за Волгой имъ въ это время приходилось выдерживать упорную борьбу съ двинувшимися на западъ Печенѣгами. Въ 944 г. мы узнаемъ, что въ походѣ Игоря на Византію участвуютъ Сѣверяне, а также, какъ союзники князя, и Печенѣги. Такимъ образомъ, одни только Вятичи остаются племенемъ, не вошедшимъ въ составъ Руси, вплоть до Святослава. Первымъ подвигомъ этого князя-дружинника былъ походъ на Вятичей; по своему обыкновенію онъ послалъ имъ сказать: „хочу на васъ идти" и пошелъ на Оку и на Волгу. Здѣсь мы опять слышимъ тотъ-же вопросъ: „кому дань даете?" Вятичи, еще вѣрные Хозарамъ, отвѣчали: Хозарамъ „по шелягу на рало"; вѣроятно на это послѣдовали тѣ же слова: „не давайте Хозарамъ, но мнѣ давайте". Только тутъ уже мы имѣемъ дѣло съ княземъ, который, „аки пардусъ, бросался на завоеванія". Онъ прямо пошелъ на Хозаръ и долго слава его подвиговъ жила между обитателями побережій Хвалынскаго и Русскаго (Чернаго) морей. По пути въ Хозарію онъ покорилъ Буртасовъ, народъ Чудскаго племени Мордвы, жившихъ въ сѣверной части нынѣшней Тамбовской губерніи.

Вятичи, такъ легко покорившіеся Святославу, однако перестали платить дань Владиміру, уже христіанину и онъ долженъ былъ предпринимать противъ нихъ два похода въ 981 и 982 годахъ. Вѣроятно, къ этому времени относится построеніе первыхъ городовъ и твердынь въ этой до сихъ поръ дикой странѣ: Брыни или Брянска на р. Болвѣ, притокѣ Десны и на самой Деснѣ—Трубчевска.

И вотъ, раздался въ этихъ дремучихъ лѣсахъ, можетъ быть, первый стукъ топора, первый говоръ людей. Закачались вѣковые гиганты лѣса и подсѣченные пали къ ногамъ человѣка. Разлетѣлись съ крикомъ пернатыя и въ глубь лѣсовъ, подалѣе отъ опасныхъ мѣстъ отъ рѣки, ушелъ испуганный звѣрь. Плывя по тихой Болвѣ въ своей однодеревкѣ, услыхалъ издали этотъ шумъ туземецъ и съ изумленіемъ опустилъ весла. Да!... то не дятелъ, обычный житель лѣсовъ, то стукъ топора. Вотъ затрещало что-то, заколебались вершины деревьевъ и съ шумомъ скрылась внизъ одна изъ нихъ. Вотъ, по вѣтру доносится смѣшанный говоръ голосовъ, и это оттуда, гдѣ звучалъ только однообразный крикъ кукушки... Смѣлый туземецъ гребетъ ближе, чтобы увидать то, что возмущаетъ извѣчный покой дремучихъ лѣсовъ. Подплываетъ къ берегу... глядитъ сквозь сѣтку зелени и передъ нимъ земляная насыпь, а вверху ея высокій тынъ. Пораженный невиданнымъ, онъ выходитъ изъ лодки и направляется къ этой насыпи. Вотъ мостъ, перекинутый черезъ ровъ и узкія ворота. Онъ заглядываетъ въ нихъ, взглядъ его упадаетъ на широкую площадку, нѣсколько деревянныхъ избъ и среди нихъ высокій срубъ съ остроконечною кровлею, увѣнчанною крестомъ... Это зерно будущаго города.

Такъ зачинались они, эти нынѣ богатые и обширные города земли русской. Построеніемъ городовъ открывалась и борьба человѣка на сѣверѣ съ первобытнымъ лѣсомъ. Изъ вѣка въ вѣкъ шла она и обращала лѣсную глушь въ однообразныя нивы. Не эта-ли борьба служитъ причиною какого-то враждебнаго отношенія русскаго человѣка къ лѣсамъ и ко всякой древесной растительности вообще? Не малаго труда стоило Владиміру сдерживать набѣги Печенѣговъ, то внезапно появлявшихся подъ самымъ Кіевомъ, то проносившихся, подобно урагану, по городамъ, селамъ и нивамъ тогдашней Руси. Желая обезопасить границы земли, онъ построилъ много городовъ, названіе которыхъ не дошло до насъ, и окопалъ степныя границы глубокимъ валомъ. Далеко тянулся пограничный валъ отъ кургана до кургана, памятниковъ былой скиѳской жизни. Мѣстами этотъ валъ обрывался, оставляя широкія ворота въ степь, охраняемыя стражей, а далѣе... продолжался опять этотъ, казалось, безконечный валъ. На открытыхъ мѣстахъ, на высокихъ курганахъ, стояли сторожевые посты, день и ночь наблюдавшіе степную равнину, по которой развѣ вѣтеръ иногда пробѣгалъ, волнуя ковыль. Но не всегда была тиха эта степь — порой оживала она: топотъ, ржанье коней и дикій бранный крикъ оглашали ее, не доброе тогда чуялось пограничному жителю. Такъ, мало-по-малу, началась сторожевая служба сѣверной украйны.

Еще при жизни своей Владиміръ роздалъ области своимъ сыновьямъ, при чемъ Муромъ достался Глѣбу. Рязанскія-же земли зависѣли отъ дальняго Тмутараканскаго стола, на которомъ сѣлъ Мстиславъ, по прозванію Черный. На первое время Сѣверская область не участвуетъ въ усобицахъ, поднятыхъ злодѣйствомъ Святополка Окаяннаго и окончившихся побѣдами Ярослава. При слухѣ объ успѣхахъ одного Владиміровича, другой Мстиславъ не могъ по характеру своему оставаться покойнымъ. Съ войскомъ изъ русскихъ и кочевниковъ онъ явился подъ стѣнами Кіева, и такъ какъ Кіевляне его не приняли, то пошелъ къ Чернигову и завладѣлъ имъ. Объ этомъ дошла вѣсть къ Ярославу въ Новгородъ и онъ съ сѣверными дружинами и вызванными изъ-за моря Варягами поспѣшилъ къ Чернигову, далъ битву Мстиславу и былъ на-голову разбитъ имъ, послѣ чего бѣжалъ опять въ Новгородъ. Мстиславъ не особенно однако добивался Кіевскаго стола, признавъ старшинство Ярослава, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому вся восточная страна отъ Днѣпра осталась во владѣніи Мстислава, а западная съ стольнымъ Кіевомъ досталась на долю Ярослава. Возстановившееся согласіе между братьями продолжалось до самой смерти Мстислава, послѣдовавшей въ 1036 году, послѣ чего Ярославъ остался единымъ княземъ всей земли. Къ началу его княженія относится и послѣдній набѣгъ Печенѣговъ на Кіевъ. Ярославъ жестоко разбилъ ихъ, много пало этихъ обитателей степи въ битвѣ, но еще болѣе потонуло въ Сѣтомлѣ и близлежащихъ рѣчкахъ.

Послѣ смерти Ярослава, отчасти въ силу сдѣланнаго имъ между сыновьями распредѣленія удѣловъ, а отчасти захватомъ, Святославу Ярославичу достался Черниговъ, Сѣверская область, страна Вятичей, Рязань, Муромъ и Тмутаракань. Всеволоду Ярославичу Переяславль съ землями Ростовской, Суздальской и Бѣлоозерскою. Изяславу-же Ярославичу, какъ старшему, Кіевскій столъ и всѣ земли на западъ отъ Днѣпра. На первое время, братья жили мирно, но это продолжалось не долго. При жизни ихъ уже нашлись обдѣленные и недовольные, а послѣ смерти открывались свободные столы, произошло перемѣщеніе князей и близости къ старшему столу Кіевскому всякій добивался, при этомъ разумѣется являлись обиды, неоправдываемыя ничѣмъ домогательства, а иногда и злодѣянія. Возставала одна часть рода на другую, потомъ дружились и все это обращалось на остальныя части тѣхъ-же родовъ и начались усобицы князей. Не менѣе бѣдствій приходило и изъ степи. На смѣну Печенѣгамъ явились еще болѣе свирѣпые и хищные Половцы или Куманы. Грабежъ, убійство, безпощадное насиліе было стихіею этихъ истыхъ кочевниковъ. Сырое мясо, часто даже трупы служили имъ пищею, а кровь животныхъ и кумысъ питьемъ. Таковы свидѣтельства современниковъ. Но грустнѣе всего то, что орды этихъ страшныхъ дикарей нападали на Русь, не только по почину своихъ

хановъ, но и приглашались самими князьями, какъ союзники въ рѣшеніи своихъ правъ на занятіе какого-нибудь стола. Мало этого, князья даже роднились съ ними посредствомъ браковъ своихъ дѣтей. Въ 1068 г. всѣ три Ярославича соединились противъ Половцевъ и дали имъ битву на берегахъ Альты, но были жестоко разбиты и разбѣжались по своимъ удѣламъ, а великій князь Изяславъ бѣжалъ изъ Кіева въ Польшу къ Болеславу. Земля была отдана на волю Половцевъ... Можно себѣ вообразить, что чинилось въ ней. Одинъ только Святославъ, собравъ дружину, вышелъ противъ нихъ изъ Чернигова. Его 3000 отрядъ былъ окруженъ 12000 хищниковъ. Увидавъ это, Святославъ крикнулъ дружинѣ: „Уже намъ некуда дѣваться, потягнемъ!", ударилъ на Половцевъ и разбилъ ихъ; этимъ онъ спасъ землю и оставилъ въ ней по себѣ добрую память. Ему-же приписываютъ укрѣпленіе восточныхъ границъ своихъ рязанскихъ земель. Въ сборникѣ, носящемъ имя этого князя, сохранился рисунокъ, изображающій его съ семьею. Самъ Святославъ одѣтъ въ зеленый кафтанъ, накинутое сверху синее корзно (плащъ) съ краснымъ подбоемъ и обшитое золотомъ застегнуто на правомъ плечѣ золотою запонкою. Шапка желтаго цвѣта съ синими наушниками и темнокоричневою опушкою, на ногахъ зеленые сапоги. Маленькій Ярославъ, впослѣдствіи князь Рязанскій, въ малиновомъ кафтанѣ съ золотыми нашивками, сапоги красные, шапка темносиняя. На княгинѣ одежда краснаго цвѣта съ широкими рукавами, обшитая по подолу желтою полосой; золотой поясъ, а изъ подъ широкихъ рукавовъ виднѣются узкіе, съ золотыми поручами; на ногахъ—башмаки золотые

В. К. Святославъ Ярославичъ и его семейство.—Снимокъ съ заглавнаго листа харатейнаго сборника 1073 г.

Одинъ изъ сыновей Святослава, Олегъ, былъ типомъ безпокойныхъ князей Рюрикова потомства. Слово о Полку Игоревомъ называетъ его Гориславичемъ.

Послѣ смерти отца своего Святослава, Олегъ сѣлъ на столъ Владиміръ-Волынскій, но дяди его, сговорившись, лишили его этого княженія, и вотъ причина его безпрестанныхъ походовъ, предпринимаемыхъ имъ въ продолженіе 19 лѣтъ, изъ которыхъ нужно исключить два года, проведенныхъ имъ въ плѣну у грековъ на островѣ Родосѣ и 10 лѣтъ, прожитыхъ покойно въ Тмутараканѣ. Кровавыя сѣчи, пораженія, измѣны и всѣ дѣянія этого князя клонились лишь къ тому, чтобы не лишиться земли на югѣ близъ Кіева. Любецкій съѣздъ, наконецъ, покончилъ предпріятія Гориславича, давъ ему Новгородъ-Сѣверскій столъ. Отсюда Олегъ ходилъ въ союзѣ съ другими князьями на Давида Игоревича, ослѣпившаго Василька, но никогда не предпринималъ ничего враждебнаго противъ своихъ излюбленныхъ союзниковъ Половцевъ.

Послѣ смерти Олега Гориславича, сыну его Святославу пришлось занять Новгородъ-Сѣ-

верскій столъ, но двоюродные братья его Давидовичи въ союзѣ съ Мономаховичемъ, Изяславомъ Мстиславичемъ Кіевскимъ задумали лишить его наслѣдственнаго удѣла. Для этого Давидовичи заратились, пошли на Новгородъ-Сѣверскій и осадили тамъ Святослава. Однако, имъ было не подъ силу взять городъ, видно граждане любили своего князя; тогда они принялись грабить волость. Много селеній тутъ было пожжено, много людей побито, и много пограблено; скотъ, запасы хлѣба и другое добро истреблены. Такъ платилась страна за то, что Давидовичамъ хотѣлось завладѣть ею. На рѣчкѣ Рахнѣ, недалеко отъ Новгорода захвачены были княжескіе табуны въ 1000 коней и до 3000 кобылицъ. Въ волости было село, принадлежащее Игорю Олеговичу, брату Святослава; тамъ въ погребахъ хранились большіе запасы меда и вина, а въ кладовыхъ много мѣдной и желѣзной утвари. Давидовичи наклали на воза все, что можно было увезти, а остальное, пируя въ честь побѣды надъ безоружными волостями, подожгли. Церковь, домъ княжій и гумно съ 900 стогами обратились въ пепелъ. Оказавъ такую доблесть, Давидовичи осадили Путивль, но тутъ уже дѣло было посерьезнѣе для нихъ: „не вдашась имъ Путивльчи". Видя, что осажденные крѣпко бьются, Давидовичи закричали имъ: „не бейтеся, цѣлуемъ къ вамъ Святую Богородицу на томъ, что не дадимъ васъ на полонъ, они-же недашась имъ, „ибо нисколько не вѣрили обѣщаніямъ ихъ" и пріиде Изяславъ Мстиславичъ и поклонишась ему и тако рекоша: „тебѣ есмы ждали, княже, а цѣлуй къ намъ крестъ" и тогда отворили ворота предъ нимъ. Здѣсь въ Путивлѣ во дворѣ Святослава князья нашли 700 человѣкъ княжей челяди и не мало добра: въ погребахъ 500 берковцевъ меду и 80 корчагъ вина, не пощадили они и самаго храма Вознесенія. Онъ поплатился князьямъ серебряными сосудами, золотыми покровами, кадилами, книгами и даже колоколами. Такимъ образомъ расправлялись тогда даже и съ храмами.

Во время этихъ междоусобій, Курскъ и другіе посеймскіе города нѣсколько разъ переходили то къ Мономаховичамъ, то къ Олеговичамъ. Въ 1147 г. въ Курскѣ сидѣлъ Мономаховичъ Мстиславъ Изяславичъ. Свѣдавъ о походѣ противъ него Глѣба Юрьевича, тоже Мономаховича и Святослава Олеговича, онъ обратился къ Курянамъ, прося о помощи; на это Куряне отвѣчали: „Противъ Олеговича рады биться за тебя и съ дѣтьми, но на Володимірово племя, на Юрьича не можемъ поднять рукъ" и Мстиславъ выѣхалъ изъ Курска, граждане-же послали просить посадника себѣ у Глѣба Юрьича.

Въ послѣдующей борьбѣ Всеволода Юрьевича съ Рязанскими князьями на требованіе перваго, обращенное къ Рязанцамъ, выдать ему Ярополка Ростиславича, или въ противномъ случаѣ, какъ сказали послы отъ имени князя „иду на васъ", Рязанцы сдумавше поѣхали въ Воронежъ за Ярополкомъ и выдали его. Такъ говорила иногда свое вѣское слово земля, такъ рѣшала поставленные князьями ей вопросы. Не участвуя въ усобицахъ, страна рѣдко отдыхала въ этихъ чуждыхъ для нея родовыхъ счетахъ призваннаго рода. Въ большинствѣ-же случаевъ ей приходилось не мало выносить бѣдствій. Вспоминая усобицы князей, пѣвецъ „Слова о Полку Игоревомъ" говоритъ: „Въ княжескихъ крамолахъ жизнь человѣческая сократилась". Рѣдко былъ слышенъ на поляхъ голосъ пахаря и только раздавалось карканье вороновъ, дѣлящихъ трупы павшихъ въ битвахъ, да крики галокъ, сзывающихъ другъ друга на пиръ смерти. Князья-же спорили между собою, говоря—это мое и то тоже мое, изъ малаго поднимали великій споръ и сами на себѣ крамолу ковали. Часто князья насиловали волю народа и плохо ему приходилось тогда. Въ лѣтопись занесены весьма характеристическія слова Кіевскаго вѣча князьямъ: „Господа князья наши! не погубите насъ до конца; отцы наши, братья и сыновья, одни избиты въ сраженіи, другіе взяты, а теперь непріятели придутъ и насъ заберутъ въ полонъ. Поѣзжайте лучше въ свои волости". Такую рѣчь могла сказать князьямъ вся русская земля. Вынося неурядицы по милости споровъ князей, народъ иногда сносилъ не мало бѣдствій и отъ грабительства тіуновъ или судей княжескихъ. Все это было внутри страны. Извнѣ было тоже не легче. Олегъ Гориславичъ предпринималъ свои многочисленные походы

съ помощью Половцевъ и это далеко не единственный князь, пользовавшійся помощью кочевниковъ. Многіе тогда смотрѣли на степь, какъ на неизсякаемый источникъ, откуда они могли почерпать постоянно готовыя силы для борьбы съ своимъ соперникомъ. Если-же при этомъ припомнимъ, какъ доставалось землѣ отъ Давидовичей съ ихъ русскою дружиной, то чего-же можно было ожидать отъ такихъ союзниковъ, какъ Половцы?

Во время Владиміра Мономаха степь поутихла. Этотъ князь успѣвалъ прекращать усобицы, мирить младшихъ князей, соединять ихъ подъ свою хоругвь и наносить страшныя пораженія ордамъ кочевниковъ. Но послѣ его смерти, хищники опять подняли голову, пользуясь частыми случаями; Половцы вторгались въ Русь и начинали, по обычаю, жечь, грабить, а жителей уводить въ плѣнъ для выкупа, или продажи въ рабство. Лѣтопись смотритъ на Половцевъ, какъ на кару, посланную Богомъ на Русь за крамолы и усобицы. Рѣдко князья, забывая свои распри, соединяются и идутъ въ глубь половецкихъ степей, выказываютъ чудеса храбрости, половецкія вѣжи горятъ и цѣлыя полчища злыхъ половцевъ гибнутъ, а томившіеся въ плѣну узники получаютъ свободу. Но не проходитъ года, какъ эти дикари, пользуясь враждой между князьями, являются на Русь и опять взлетаетъ дымъ къ небу отъ горящихъ селъ, слышатся стоны изувѣченныхъ, и цѣлый караванъ полону и воза, нагруженные всякимъ добромъ, уходятъ въ безконечную степь.

До насъ дошло описаніе подвиговъ князей и мести Половцевъ, воспѣтыхъ повидимому очевидцемъ. Это замѣчательное произведеніе, изъ котораго мы не разъ уже заимствовали выраженія въ нашемъ разсказѣ, описываетъ походъ Игоря Святославича Сѣверскаго. „Въ Словѣ о Полку Игоревѣ“ отражается тогдашнее состояніе Руси, ея вѣрованія и взгляды на все совершающееся въ природѣ, такъ близкой въ то время къ человѣку. Взаимныя отношенія князей, ихъ усобицы и, наконецъ, рисуются такіе, исполненные поэзіи и лихой удали, живые образы, что невольно поддаешься очарованію и какъ-бы живешь среди людей того времени и дѣлаешься очевидцемъ описанныхъ событій. Начиная свое слово, пѣвецъ говоритъ, что онъ будетъ пѣть о походѣ Игоря Святославича по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ Бояновымъ, ибо вѣщій Боянъ если хотѣлъ кого воспѣть, то растекался мыслію по лѣсамъ, рыскалъ сѣрымъ волкомъ по землѣ, парилъ орломъ подъ облаками. Вспоминая времена первыхъ усобицъ, онъ пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей и которую первый соколъ настигалъ, та и начинала пѣсню: про стараго Ярослава, про храбраго Мстислава, зарѣзавшаго Редедю, про краснаго Романа Святославича. Боянъ-же вѣщій не 10 соколовъ пускалъ на стадо лебедей, но свои персты клалъ на живыя струны и они сами князьямъ славу рокотали. Начнемъ-же эту повѣсть, восклицаетъ пѣвецъ, объ Игорѣ, который, поостря сердце свое мужествомъ и наполнився ратнаго духа, повелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую. Вотъ взглянулъ онъ на свѣтлое солнце и увидѣлъ, что оно тьмою прикрыло его войско. И сказалъ Игорь своей дружинѣ: „братья и дружина, лучше быть убиту, чѣмъ взятымъ въ плѣнъ, а сядемъ, братья, на своихъ борзыхъ коней, да поглядимъ на Синій Донъ“. Желаніе увидѣть этотъ Донъ затмило въ немъ память о роковомъ предзнаменованіи. Ржатъ кони за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы звучатъ въ Новѣгородѣ (Сѣверскомъ), стоятъ стяги въ Путивлѣ. Игорь ждетъ милаго брата Всеволода, и сказалъ ему буй туръ Всеволодъ: „одинъ братъ, свѣтъ-свѣтлый, ты Игорь, оба мы Святославичи. Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, впереди, осѣдланы стоятъ у Курска. Мои же Куряне, лихіе наѣздники, подъ трубами они повиты, подъ шеломами взлелѣяны, съ конца копья вскормлены, дороги имъ вѣдомы и знаемы имъ овраги, покрытые кустарниками, луки у нихъ натянуты, тулы (колчаны) открыты, сабли навострены, сами-жъ они скачутъ какъ сѣрые волки, ища себѣ чести, а князю славы“. Вотъ начало Слова... Но мы должны изложить исторію этого похода сколько возможно кратко и затѣмъ перейти къ послѣдующимъ событіямъ края. Къ Игорю Святославичу, внуку Олега Гориславича, присоединились для этого похода сынъ его

Владиміръ Путивльскій и племянникъ Святославъ Олеговичъ, а потомъ братъ Всеволодъ Курскій и Трубчевскій, да Ярославъ Черниговскій прислалъ въ его распоряженіе полкъ Коуевъ. Въ предпринятомъ прежде этого походѣ князья, упоминаемые здѣсь, не участвовали, такъ какъ не поспѣли во время къ сборному мѣсту. Теперь-же задумали идти въ степь, не спросясь старшаго въ родѣ великаго князя Святослава. Несмотря на предупрежденія языковъ или лазутчиковъ, что время выбрано неудачно, князья все-таки выѣхали въ степь за пограничный валъ. „О, Русь, уже за шеломянемъ еси!" Въ пятницу, въ обѣденное время, Русичи встрѣтились съ Половецкими ордами. Половцы, отодвинувъ вѣжи свои назадъ, вышли на встрѣчу имъ, завязалась битва. Половцы не выдержали натиска передовыхъ дружинъ и побѣжали. Тогда Русь погналась за ними, овладѣла вѣжами и тутъ взяла въ полонъ много дѣвъ Половецкихъ, а съ ними золото, шелковыя ткани. Разныхъ одеждъ и кожуховъ половецкихъ досталось столько побѣдителямъ, что, по словамъ пѣвца, ими можно было мосты мостить по рѣкамъ и гати строить по болотамъ и грязливымъ мѣстамъ. „Князья расположились здѣсь въ половецкихъ вѣжахъ на отдыхъ". „Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо, далеко залетѣло!" Игорь хотѣлъ послѣ этой побѣды вернуться обратно, но не могъ, за утомленіемъ конной дружины Святослава Олеговича, далеко гнавшагося за бѣжавшими Половцами. На другой день, князья увидали, что противъ нихъ всѣ Половецкіе ханы, окружившіе дружины храбрыхъ Русичей. Битва началась, но ни отчаянная отвага буй туръ Всеволода, посвѣчивающаго своимъ золотымъ шеломомъ, ни стойкость русскихъ дружинъ, ничто не могло противустать числу. „Тутъ кроваваго вина не хватило!"—говоритъ пѣвецъ. „Тутъ пиръ окончили храбрые Русичи. Сватовъ напоили, сами полегли за землю Русскую". Никнетъ трава жалѣючи, а деревья отъ туги къ землѣ приклонились. Игорь былъ взятъ въ плѣнъ, а съ нимъ и всѣ остальные князья. Ханы половецкіе подѣлили ихъ между собою. Узнавъ объ этомъ, возстонала русская земля, всплакались жены русскія, говоря: „Ужь намъ не видать своихъ милыхъ ладъ, ни мыслію не смыслить, ни думою не сдумать ихъ, да и ни золотомъ и серебромъ половецкимъ намъ не побрякивать". А тамъ въ Путивлѣ съ городской стѣны слышится печальный голосъ Ефросиньи Ярославны, жены Игоря Святославича. „Полечу", говоритъ, „я кукушкою по Дунаю, омочу бобровый рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ и утру князю кровавыя раны на страдающемъ его тѣлѣ". Ропщетъ княгиня на вѣтеръ вольный, что онъ навѣваетъ ханскія стрѣлы на войско лады мужа ея и что онъ развѣвалъ по степному ковылю веселіе ея. Обращается она къ славному Днѣпру съ мольбою, принести на своихъ волнахъ ея милаго ладу, чтобы не слать къ нему каждое утро горькихъ слезъ. „Свѣтлое, тресвѣтлое солнце", говоритъ она наконецъ, „всѣмъ ты тепло и всѣхъ ты радуешь, зачѣмъ-же горячимъ лучомъ ты сожгло воевъ лады моего въ безводной степи? Ты жаждою имъ луки свело и горемъ имъ тулы (колчаны) заткало". Ликующіе Половцы, пользуясь своею побѣдою, явились въ русскую землю. Но къ счастью, у нихъ возникло разногласіе — Кончакъ звалъ на Кіевъ, а Гзанъ уговаривалъ идти на Сеймъ, говоря, что теперь имъ легка будетъ добыча и полону вдоволь, такъ какъ князья у нихъ въ плѣну, а дружины избиты. Такимъ образомъ хищники разошлись. Гзакъ подошелъ къ Путивлю, по обычаю грабя и сжигая все на пути, но города взять не могъ, сжегъ острогъ или передовыя укрѣпленія и ушелъ въ степь.

Наконецъ, „Игорю Святославичу Богъ путь показалъ изъ земли половецкой въ землю русскую". Съ помощью одного половчанина, по имени Янгура, онъ бѣжалъ изъ плѣна. Любопытенъ разговоръ между двумя половецкими ханами, Кончакомъ и Гзаномъ, приводимый въ Словѣ. Среди ночной тишины, гонятся они по слѣдамъ бѣжавшаго Игоря и молвитъ Гзакъ Кончаку: „Если соколъ въ гнѣздо улетитъ, то соколенка мы растрѣляемъ золочеными стрѣлами". Ему въ отвѣтъ Кончакъ: „Если соколъ улетитъ въ гнѣздо, то соколенка опутаемъ красною дѣвицей". На это Гзакъ замѣтилъ: „Если мы соколенка опутаемъ красною дѣвицею, не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы". Дѣйствительно, спустя два года, князь

Владиміръ Игоревичъ былъ отпущенъ Половцами и привезъ съ собою дочь Кончака, съ которою и обвѣнчался. Въ то-же время и остальные князья были выпущены изъ плѣна.

Въ удѣльной безурядицѣ, господствовавшей такъ долго на Руси, по времени стало замѣтно одно явленіе, имѣвшее вліяніе на будущую судьбу земли. Мы видимъ въ началѣ, что цѣлыя обширныя области принадлежатъ Мстиславу, брату Ярослава, потомъ Святославу Черниговскому, но уже размножившееся потомство послѣдняго должно было подѣлить тѣ области на болѣе мелкія княжества съ княземъ изъ рода Олеговичей въ каждомъ, и такъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе дѣлилась земля. Но при этомъ Олеговичи и Мономаховичи владѣютъ отдѣльными областями какъ принадлежностію каждаго изъ сказанныхъ родовъ. Сѣверскія княжества, Муромское и Рязанскія земли принадлежатъ постоянно роду Олеговичей.

Рязань и Муромъ, во время борьбы Гориславича съ Мономаховичами, принадлежали младшему брату Олега Ярославу, какъ думаютъ, тождественному съ св. княземъ Константиномъ. Если это одно и то-же лицо, то характеръ его достаточно опредѣляется какъ добраго христіанина, устроителя своихъ волостей и человѣка лишеннаго честолюбія быть завоевателемъ. Мы знаемъ, что Пронскъ и Переяславль (нынѣшняя Рязань) ему обязаны своимъ началомъ. Послѣ смерти Ярослава, дѣти и внуки его на небольшомъ сравнительно пространствѣ Рязанскаго княжества повторяютъ тѣ-же усобицы, которыя мы видѣли на югѣ. Даже старшій между этими князьями, занимающій Рязанскій столъ, называется великимъ княземъ. Извнѣ, съ сѣвера, Рязани приходилось бороться съ сильными Владимірскими князьями, съ востока воевать иногда съ Камскими болгарами. Съ юга-же къ Рязанской области примыкала степь и слѣдовательно жители испытывали ту-же тревогу, какъ и въ сѣверской украйнѣ. Правда, Половцы показывались только иногда на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ южными частями Воронежской и Тамбовской губерніи. Вполнѣ континентальный климатъ этихъ мѣстъ съ суровою зимою гналъ Половцевъ съ ихъ кочевьями далѣе на югъ, но за то лѣтомъ имъ нисколько не страшенъ былъ зной этой мѣстности; укрываясь отъ него подъ листвой лѣсныхъ опушекъ, они располагали свои становища въ извѣстныхъ, разъ опредѣленныхъ, мѣстахъ. Дѣлали они это по примѣру Хозаръ, кочевавшихъ тутъ и оставившихъ даже свое имя городищу, гдѣ теперь стоитъ Акотовъ монастырь.

Замѣчательна борьба Рязани съ Всеволодомъ III Владимірскимъ, начавшаяся по извѣту Рязанскихъ Ярославичей, Глѣба и Олега, на своихъ родичей. Пригласивъ оклеветанныхъ князей въ свой станъ на пиръ, Всеволодъ приказалъ схватить шестерыхъ изъ нихъ. Такъ впервые сталъ практиковаться Владимірскими князьями способъ избавляться отъ опасныхъ сосѣдей. Впослѣдствіи у Московскихъ князей онъ даже вошелъ въ систему для дарового пріобрѣтенія удѣловъ. Затѣмъ Всеволодъ пошелъ по Рязанской землѣ, убивая и пожигая все на пути къ Пронску. Заслышавъ объ этомъ походѣ, сидѣвшій въ немъ князь Михаилъ бѣжалъ изъ города. Тогда жители Пронска взяли себѣ другого князя Изяслава и затворились отъ Всеволода. Лѣтописи говорятъ, что, на предложеніе городу сдаться, Всеволодъ получилъ отъ нихъ „буюю рѣчь", но въ чемъ состояла эта буяя рѣчь мы не знаемъ, а потому полагаемъ, что граждане Пронска просто отказались сдаться и упрекнули князя въ вѣроломномъ захватѣ своихъ князей. Извѣстно, что лѣтописцы сильно благоволятъ къ Владимірскимъ, а впослѣдствіи и къ Московскимъ князьямъ. Получивъ отказъ въ сдачѣ города, Всеволодъ осадилъ его, и въ продолженіе почти трехъ недѣль получалъ стойкій отпоръ. Осажденные дѣлали отчаянныя вылазки—одна изъ нихъ была такова, что судовая рать Владимірцевъ, стоявшая близъ острова на Окѣ, противъ города Ожска, едва не погибла. Ее спасъ случайно попавшій сюда для добычи съѣстныхъ припасовъ Олегъ съ своимъ отрядомъ. Наконецъ, выговоривъ право не быть сожженнымъ и разграбленнымъ, Пронскъ, только по недостатку воды, сдался Всеволоду. Отсюда Владимірцы направились къ Рязани. Боясь за свой городъ, Рязанцы выслали пословъ къ князю; съ ними явился въ станъ и печальникъ земли епископъ Арсеній съ словомъ мольбы и увѣща-

нія: „господинъ великій князь, ты христіанинъ, не проливай-же крови христіанской, не опустошай честныхъ мѣстъ, не жги святыхъ церквей, въ которыхъ приносится жертва Богу и молитва за тебя; мы готовы исполнить твою волю". На этотъ разъ Всеволодъ удовольствовался выдачею Рязанцами князей; въ Рязани-же былъ посаженъ имъ сынъ Ярославъ. Не далѣе какъ чрезъ годъ Рязанцы, выведенные изъ терпѣнія своеволіемъ и насиліемъ дружинниковъ этого Ярослава, возмутились. Всеволодъ съ войскомъ явился подъ Рязанью. Здѣсь опять читаемъ про „буюю рѣчь по своему обычаю и непокорству" пословъ Рязани. Вѣроятно, это были жалобы на самоуправства дружины, но не отказъ въ повиновеніи, ибо видимъ затѣмъ, что Рязанцы, по повелѣнію Всеволода, выходятъ изъ города для того, чтобы отдать его въ жертву пламени по волѣ того-же Всеволода, который между тѣмъ примѣнилъ надъ несчастными Рязанцами свои колонизаторскія способности, выселивъ много ихъ въ свою Суздальскую землю. Епископъ Арсеній былъ уведенъ во Владиміръ. Такое униженіе Рязани мы видимъ вплоть до смерти Всеволода III. Послѣ этого въ Рязанской области опять продолжались смуты, настроенія, завершившіяся коварнымъ убійствомъ шести князей, погибшихъ отъ двухъ злодѣевъ Глѣба и Константина Владиміровичей. При этомъ спасся только Ингварь Игоревичъ, который и отомстилъ убійцамъ. Ко времени этого князя относится построеніе Олегова монастыря, воздвигнутаго имъ можетъ быть въ благодарность Богу за избавленіе отъ рукъ злодѣевъ. Обитель эта въ 12 верстахъ отъ Переяславля или теперешней Рязани, видъ ея помѣщенъ ниже. Самый древній монастырь рязанской земли расположенъ на крутомъ, обрывистомъ берегу Оки и устьевъ рѣчки Гусевки, текущей по дну глубокаго оврага; этотъ оврагъ въ старину отдѣлялъ монастырь отъ города Олегова, слѣды котораго видны только въ земляныхъ насыпяхъ. Окруженный съ трехъ сторонъ зеленью лѣсовъ, стоитъ этотъ древній пріютъ благочестія былыхъ людей русской земли надъ самой Окой. Внизу подъ нимъ, по рѣкѣ, особенно весной, кипитъ торговое движеніе, а тамъ въ вышинѣ, въ стѣнахъ монастыря, у храмовъ и келій царитъ безмятежная тишина. Но когда-то въ стародавнія времена и тутъ было шумно, и тутъ все двигалось. Тогда князь Рязанскій Ингварь Игоревичъ съ братьями, окруженный 300 бояръ и 600 дружинниковъ, благочестиво праздновалъ заложеніе перваго храма этой обители, въ честь Успенія Богородицы. Ингварь на первое время далъ обители девять бортныхъ участковъ и пять погостовъ со всѣми угодьями.

Олеговъ монастырь.

Исторія Рязанской области, сохраненная для насъ лѣтописями, показываетъ, что князья этой земли были истыми Олеговичами. Междоусобіями и войнами полны сказанія о нихъ, но имъ нельзя отказать въ суровой энергіи, съ какою они добивались разъ намѣченной цѣли, а земля, между тѣмъ, любила ихъ и развѣ только по крайности выдавала врагамъ. Причина этого явленія всего вѣроятнѣе крылась въ характерѣ населенія. Народъ любилъ въ своихъ князьяхъ беззавѣтную удаль, молодечество, потому что самъ, по свидѣтельству Герберштейна, даже въ XVI вѣкѣ отличался смѣлостью и воинственностью. Не даромъ изъ рязанской земли

выходили витязи богатыри, какъ, напримѣръ, Добрыня Золотой Поясъ, Александръ Поповичъ и Нефедій Дикунъ, полегшіе на берегахъ Калки за русскую землю.

Въ 1224 году по всему Приднѣпровью, а затѣмъ и въ Сѣверскихъ княжествахъ прошелъ слухъ, что на южныхъ оконечностяхъ степи, тамъ, за былою Тмутараканью явился откуда-то новый народъ кочевникъ, передъ которыми бѣжали Половцы. Взволновалась Русь и выслала свои дружины противъ невѣдомыхъ пришельцевъ. Вѣсть о Калкской битвѣ еще болѣе смутила жителей Сѣверской украйны. Но на этотъ разъ никакихъ послѣдствій этой страшной битвы не разразилось надъ Русью. Непобѣдимая орда скрылась въ синевѣ степей за Волгу. Но кто же былъ онъ, этотъ невѣдомый народъ? откуда приходилъ и куда, по какой причинѣ скрылся? Вотъ вопросы, которые задавалъ всякій, но отвѣта на нихъ не было. „Премудріи мужи вѣдятъ я добрѣ, кто книги разумѣетъ, мы же не вѣмы кто суть". А между тѣмъ современники этого событія видѣли недобрыя предзнаменованія въ появленіи звѣзды величествомъ паче иныхъ звѣздъ, блиставшей въ продолженіе 11 дней, въ засухѣ и лѣсныхъ пожарахъ, отъ которыхъ въ воздухѣ стоялъ такой дымъ, что птицы во время полета задыхались и падали мертвыми на землю. Народъ со страхомъ ждалъ чего-то недобраго, замирало сердце у всякаго и не даромъ... близокъ былъ часъ бѣды, разразившейся надъ Русью и надолго остановившей развитіе ея силъ и значенія.

Прошло нѣсколько лѣтъ. То-же солнце сіяло на Руси, тѣ-же порядки и та-же жизнь съ горемъ пополамъ шли себѣ да шли, тѣмъ-же протореннымъ путемъ. Наступила осень памятнаго 1237 года. До Рязанской земли начали доходить смутныя вѣсти о разореніи кѣмъ-то Болгарскаго царства на Волгѣ. Вдругъ передъ князьями въ Рязани явилось странное посольство, жена-чародѣйка съ двумя мужами, одѣтыми въ верблюжьи шкуры. Лица у нихъ были желтоватаго цвѣта, скулы выдавшіяся, а злые глаза смотрѣли точно въ двѣ прорѣзанныя узкія щели. Это посольство объявило князьямъ, что оно прислано ханомъ Батыемъ съ требованіемъ покорности и выдачи десятой части всего: изъ числа князей, людей и коней. „Пока живы, ничего не дадимъ, когда-же побѣдите, то все достанется вамъ", отвѣчали князья. Съ такимъ отвѣтомъ посольство удалилось на сѣверъ къ Владимірскому князю. Слишкомъ свѣжа еще была въ памяти князей битва на берегахъ Калки, поэтому великій князь Рязанскій Юрій Игоревичъ послалъ брата своего Романа звать на помощь Юрія Владимірскаго, а въ Черниговъ былъ отправленъ Ингварь. Къ татарамъ-же поѣхалъ для переговоровъ князь Ѳеодоръ Юрьичъ.

Татары расположились станомъ на берегу Узы, притокѣ Суры. Путь туда лежалъ Мордовскими лѣсами. Черезъ нѣсколько дней подъ вечеръ, до князя Ѳеодора и спутниковъ его сталъ доходить сначала невнятный шумъ, потомъ по мѣрѣ приближенія они могли различить говоръ безчисленныхъ голосовъ, ржанье коней и ревъ верблюдовъ. Подвигаясь далѣе, путники увидали огни татарскаго стана. Выѣхавъ на опушку, они остановились пораженные: предъ ними за лугомъ и за рѣкой на всемъ пространствѣ, что могъ обнять взоръ, раскинулся пестрый станъ. Тѣсно стояли въ немъ полосатые шатры, озаренные багровымъ пламенемъ безчисленныхъ костровъ. Все въ этомъ становищѣ двигалось, говорило и кричало, кто былъ одѣтъ въ просмоленную дырявую гуню, кто въ панцырѣ, а кто и просто закутался въ верблюжью кожу. Одни сновали по стану, другіе лежали близъ костровъ, а вотъ одинъ даже доилъ кобылицу. Тамъ, близъ костра собрались въ кружокъ и что-то пьютъ ковшомъ, имъ весело, валяются со смѣха, словно пьяные. Но вдругъ кони у всадниковъ шарахнулись въ сторону и словно изъ земли явились люди. Это была татарская стража. Взявъ коней подъ уздцы, они повели князя и свиту его черезъ самый станъ. Долго шли они среди шатровъ и огней и наконецъ остановились передъ обширною палаткою съ натянутою вокругъ золоченаго столба багряною тканью. Передъ этою палаткою толпилось много воиновъ въ кольчугахъ и въ шлемахъ, надъ которыми развѣвался степной ковыль. Спустя нѣкоторое время передъ Рязанцами открылся пологъ па-

латки и Θеодоръ Юрьичъ предсталъ предъ грознымъ повелителемъ безчисленной орды. Ханъ сидѣлъ на коврѣ, поджавъ ноги, на немъ былъ пестрый распашень и на темени парчевая скуфейка. Князь ударилъ челомъ Батыю и выложилъ предъ нимъ поминки (подарки), затѣмъ началъ молить его, чтобы онъ отвратилъ свой гнѣвъ, не воевалъ-бы земли Рязанской, тѣмъ болѣе, что она бѣдна и покорыствоваться въ ней не чѣмъ. Батый ласково обошелся съ княземъ и принялъ дары. Но при этомъ сказалъ, что ему нужно только дочерей и сестеръ княжескихъ, тогда кто-то изъ измѣнниковъ бояръ Рязанскихъ передалъ хану, что у Θеодора жена неописанная красавица. Услыхавъ это, Батый сказалъ князю: „Дай мнѣ, князь, увидать красоту жены твоей". Θеодоръ, улыбнувшись, молвилъ: „Не подобаетъ намъ христіанамъ къ тебѣ нечестивому приводить своихъ женъ, когда одолѣешь и ими будешь владѣть". Лютая злоба блеснула въ маленькихъ глазкахъ хана и онъ приказалъ убить Θеодора; съ нимъ полегли вѣрные Рязанцы — одному только, Ополоницѣ по имени, удалось бѣжать изъ татарскаго стана.

Среди вѣкового бора, на обрывистомъ правомъ берегу Осетра, у излучины, ютился близъ храма во имя Николы Корсунскаго теремъ князя Θеодора Юрьича. Точно отданный на береженье дремучему бору, высматривалъ онъ изъ подъ голыхъ, покрытыхъ инеемъ вѣтвей, могучихъ деревьевъ съ вершины обрыва на рѣку и на долину. Привѣтливо выглянуло солнце на него и разсыпалось лучами по золотымъ маковкамъ Николы Корсунскаго. Чу... колоколъ ударилъ къ ранней... Быстро вскочила съ своей пуховой постели красавица-княгиня, накинула шубку, опушенную бобромъ, взяла изъ колыбельки своего маленькаго птенчика, поглядѣла на него съ такою любовью и бережно поцѣловала. Потомъ поднялась по ступенчатой лѣсенкѣ и вышла на теремную вышку съ солнцемъ поздороваться, на Божій міръ поглядѣть. Въ воздухѣ стояла тишь, только, точно блестящія искорки, играла на солнцѣ морозная пыль. Будто бѣлой бранной скатертью была покрыта земля, тамъ вдали, за рѣкой, чернѣлся лѣсъ, а тутъ внизу обрыва стояла застылая, словно онѣмѣвшая рѣка. Засмотрѣлась княгиня на уходящую вдаль дорогу — заботная дума покрыла ея пригожій ликъ, а на глазахъ заблистали слезинки, но съ досадой отерла ихъ Евпраксія—только глаза застилаютъ, не даютъ смотрѣть. Чего-же глядитъ она туда? Охъ! какъ хотѣлось-бы ей увидать на той дорогѣ желаннаго, да нѣтъ, не ѣдетъ, даже вѣсти не шлетъ. Но вотъ зоркій глазъ княгини замѣтилъ чуть видную черную точку. Все вниманіе устремила она на нее, не дрогнетъ соболиная бровь, не моргнутъ вѣки. Ждетъ бѣдная, томится, вся перевѣсилась черезъ узорныя балясины. То—всадникъ!... Вотъ ближе, ближе, не скачетъ, а летитъ. Конь по снѣгу словно стелется, а изъ подъ копытъ снѣжная пыль такъ и поднимается... Это Ополоница! — прошептала чуть слышно княгиня и замерла.. только сердце одно въ груди бьется слышнѣй прежняго. Прилетѣлъ Ополоница прямо на княжій широкій дворъ, увидалъ княгиню на вышкѣ и осадилъ коня. „Гдѣ-же князь?" крикнула княгиня. „Не спрашивала-бы, не было-бы сказано. Благовѣрный твой Θеодоръ Юрьичъ красоты ради твоей неописанной убіенъ отъ нечестиваго царя Батыя", проговорилъ стремянной. На минуту обомлѣла княгиня, побѣлѣли алыя щеки, сдѣлались страшны недвижныя очи, къ сердцу прижала малютку Ивана и ринулась съ высокаго терема внизъ на землю. Такъ *заразилась* или, по нынѣшнему, убилась княгиня Евпраксія. Съ той поры и то мѣсто прозвалось заразскимъ. Это — преданіе и въ городѣ Зарайскѣ мы имѣемъ памятникъ этого событія. Надежда Юрія Ивановича на помощь не оправдалась. Юрій Владимірскій, вѣроятно думая, что самъ будетъ въ состояніи дать отпоръ врагу и что для Владиміра не будетъ особой печали, если Рязанскія княжества поплатятся разореніемъ, медлилъ присылкою рати. Князья Рязанскіе не рѣшились дать въ полѣ битву татарамъ и, отступая передъ ними, вошли въ Рязань. Между тѣмъ Батый шелъ и по дорогѣ все уничтожалъ: Пронскъ, Переяславецъ и Бѣлгородъ какъ не бывали. Изъ населенія страны, кому было въ мочь, тотъ убѣгалъ въ чащу лѣсовъ и скитался тамъ, словно дикій звѣрь. 16 декабря татары обступили Рязань

и огородили ее кругомъ тыномъ. Пять дней, безъ устали бились Рязанцы со стѣнъ, безъ смѣны и отдыха. Батый-же посылалъ на смѣну все новыя, свѣжія силы. На шестой день, видя, что осажденные начали изнемогать, татары бросились на приступъ со всѣхъ сторонъ, а между тѣмъ огонь летѣлъ на деревянныя кровли домовъ города. Стѣны трещали подъ страшными ударами стѣнобитныхъ орудій и даже просто бревенъ. Наконецъ, по лѣстницамъ, приставленнымъ къ стѣнамъ и чрезъ проломы сквозь дымъ и пламя, татары ворвались въ городъ. Завязалась ожесточенная сѣча на улицахъ съ оставшимися въ живыхъ князьями и ихъ дружинами, а мѣстами началась просто рѣзня безоружныхъ. Неистовству не было предѣловъ. По военнымъ уставамъ Чингисъ-хана въ завоеванной странѣ, всякій отдавался на произволъ каждаго татарина. При такомъ порядкѣ на улицахъ города, залитыхъ кровью, заваленныхъ трупами и окруженныхъ огненной полосой горящихъ строеній, дѣлалось то, надъ чѣмъ нельзя не опустить завѣсы... Великая княгиня, другія княгини и многія боярыни заперлись въ соборномъ храмѣ св. Бориса и Глѣба. Тутъ, у гробовъ почившихъ князей Рязанскихъ, онѣ искали спасенія. Плачъ и стонъ стоялъ въ мѣстѣ молитвы. Но двери съ трескомъ разлетѣлись и ворвались злые хищники... надругались они надъ молодостью, не пощадили старости и мечъ безжалостно скосилъ все живое. Святыни храма, дорогіе оклады иконъ, богатыя одежды почившихъ князей—все было взято. Разбивали даже самыя гробницы въ чаяніи найти тамъ драгоцѣнности. Наконецъ, вылетѣло пламя изъ оконъ, показались огненные языки и задымился древній Рязанскій соборъ. Въ городѣ все было сожжено, что могло горѣть, все было убито, что жило, некому было плакать, некому стонать, все уснуло сномъ смерти. Такъ погибли жители несчастнаго города, такъ полегли храбрыя дружины—узорочье и воспитаніе Рязанское. Кончился страшный пиръ и гостямъ оставалось только съѣхать со двора. Все награбленное было положено на воза и хищная орда двинулась далѣе.

На пути Батыя, на правомъ берегу Оки, въ лѣсахъ стояла обитель, основаніемъ современная Олегову монастырю, о которомъ мы говорили выше. Не была эта обитель твердыней, не стояли близъ нея дружины; однимъ словомъ, ничего не было въ ней, что могло-бы привлечь Батыя. Это былъ монастырь, въ которомъ Рязанская земля чтила память св. апостола Іоанна Богослова. Но вѣрные себѣ хищники ничего не пропускали. Уже Батый былъ близко отъ уединенной обители, уже передніе полчища злой татарвы обступили ограду ея... вдругъ, пораженный ужасомъ, остановился безбожный ханъ. Мы не знаемъ подробностей этого событія, но тѣмъ не менѣе видимъ, что орда, привыкшая считать своимъ достояніемъ весь міръ, стала предъ убогою обителью смиренныхъ иноковъ и могущественный повелитель, вмѣсто разоренія, оказалъ почтеніе къ чуждой ему святынѣ и въ знакъ этого почтенія повѣсилъ свою золотую печать къ мѣстной иконѣ св. Богослова.

Уничтоживъ въ полномъ значеніи этого слова Рязанскія княжества, татары пошли къ Коломнѣ. Рязанское сказаніе о нашествіи Батыя повѣствуетъ, что одинъ бояринъ, по имени Евпатій Коловратъ, возвратившись изъ Чернигова и увидавъ разореніе своей родины, задумалъ по возможности отомстить татарамъ. Собравъ едва 1700 человѣкъ, онъ кинулся за ордой. Нагнавъ ее, онъ налетѣлъ на задніе отряды. Отчаянный натискъ поставилъ эту горсть храбрецовъ, подъ предводительствомъ крѣпкорусскаго и дерзкосердаго богатыря, въ самую средину татарскихъ полчищъ. Точно высокая, частая трава, подъ косами дружныхъ удалыхъ косцовъ, ложились отъ мечей дружины Коловрата бритыя головы татарвы, а кругомъ, оторопѣлые, словно безумные, ордынцы смотрѣли на эту косьбу и не знали что подумать. Однако, суевѣріе, столь сильное у татаръ, одержало верхъ. Не убитые-ли Рязанцы встали, чтобы отомстить за землю, думалось имъ. Наконецъ, татарамъ удалось взять пятерыхъ въ плѣнъ. „Вы какой земли, какой вѣры и за что наносили мнѣ вредъ?“ спросилъ ихъ Батый и получилъ въ отвѣтъ: „Мы христіане, дружинники князя Юрія Рязанскаго, полку Евпатія Коловрата, посланы тебя, сильнаго царя, почтить и проводить какъ слѣдуетъ“. Между тѣмъ, Евпатій въ битвѣ раз-

сѣкъ сильнаго татарина, *шурина* Батыева и не было уже никого, кто осмѣлился-бы помѣриться силою съ удалыми рязанцами. Батый велѣлъ направить на Евпатія и дружину его камнеметательные снаряды и отъ нихъ-то было суждено погибнуть русскимъ богатырямъ. Пораженный безпримѣрною храбростью этой горсти людей, Батый отпустилъ даже на свободу оставшихся въ живыхъ. Послѣ этого, татары выступили изъ предѣловъ нашего района на сѣверъ въ Владимірское княжество. Какъ извѣстно, не дойдя до Новгорода, Батый повернулъ на югъ. Въ глухихъ лѣсахъ на берегу рѣки Жиздры стоялъ малоизвѣстный городокъ Козельскъ и въ немъ сидѣлъ еще малолѣтній князь Василій, изъ рода князей Черниговскихъ. Татары осадили Козельскъ, въ надеждѣ тотчасъ-же и овладѣть имъ. Но, къ удивленію, городокъ не сдавался, жители рѣшились во чтобы то не стало защищать своего малолѣтняго князя. „Положимъ за нашего князя жизнь нашу,—говорили они,—и прославимся въ этомъ мірѣ, а въ будущемъ сподобимся вѣнцовъ небесныхъ“. Семь недѣль бились татары и не могли взять городка. Густыя толпы ихъ окружали ничтожный городокъ, какъ волнующееся море малое судно, и онъ стоялъ, благодаря отчаянной храбрости жителей. Наконецъ, когда уже стѣны были разбиты и татары влѣзли на валы, осаждаемые бросились на нихъ и начали рѣзаться ножами, потомъ пробились до самой средины полчищъ, изрубили много стѣнобитныхъ машинъ и только тогда, осиленные, полегли всѣ до единаго. Младенецъ Василій, князь этихъ героевъ, по преданію, утонулъ въ крови. Даже въ монастырскихъ памятникахъ того времени записана защита Козельска, а также и то, что онъ заслужилъ отъ Батыя названіе злого города.

Послѣ разгрома Козельска, орда направилась въ степи, къ Дону. Вѣроятно, въ это время былъ сравненъ съ землею Курскъ, ибо въ немъ буквально не осталось камня на камнѣ. По преданію, на мѣстѣ теперешней Коренной пустыни, послѣ татарскаго погрома, была найдена икона знаменія Божіей Матери. Слава чудесъ отъ этой иконы достигла Москвы и царь Өеодоръ Ивановичъ въ 1597 году велѣлъ привезти ее къ себѣ. Потомъ, спустя нѣкоторое время, она была возвращена на мѣсто, а воеводѣ Ивану Полеву приказано выстроить вновь Курскъ на прежнемъ мѣстѣ и населить его выходцами изъ Орла и Мценска. Полевъ, прибывъ на мѣсто, нашелъ все пространство нѣкогда богатаго и обширнаго города съ прилежащими поселеніями занятымъ вѣковымъ, едва проходимымъ лѣсомъ, въ коемъ охотились даже за дикими звѣрями. Такъ умѣли разорять страну татары. Это хорошо узналъ и одинъ оставшійся въ живыхъ изъ Рязанскихъ князей Ингварь Игоревичъ, возвратившійся въ родную сторону изъ Чернигова, послѣ прохода татаръ. Дикою пустыней показалась ему его область, всюду по дорогамъ виднѣлись изъ снѣга, обезображенные лѣсными звѣрями, трупы убитыхъ. Страна встрѣчала князя гробовымъ молчаніемъ. Но еще ужаснѣе картина предстала князю впереди. Подъѣзжая къ старшему стольному городу земли своей, онъ увидалъ издали обгорѣлые остовы нѣкогда богатаго соборнаго храма и высокаго каменнаго терема Рязанскихъ князей, а отъ самаго города остались только торчащіе изъ снѣга обгорѣлые столбы, да развалины печей. Ни одного живого человѣческаго существа не было видно среди пожарища, только вороны, поднявшись въ высь, своимъ зловѣщимъ карканьемъ будили окрестность, да, подобіе татарина, хищный волкъ, пробираясь изъ развалинъ въ лѣсъ, влачилъ по землѣ ногу или руку мертвеца. Князь, въѣхавъ въ городъ, зарыдалъ, упалъ на землю и лишился чувствъ. Такъ подѣйствовалъ на очевидца этотъ видъ громадной открытой могилы. За княземъ прибылъ вскорѣ и епископъ Евфимій. Съ помощью дружины и вышедшихъ изъ лѣсовъ людей, князь началъ погребать трупы убитыхъ. Нашелъ онъ среди нихъ тѣла князей и княгинь, поѣхалъ въ Пронскъ, собралъ тамъ разсѣченные члены князя Олега Краснаго и привезъ въ Рязань. Всѣ эти останки князей были погребены въ возобновленномъ отчасти храмѣ св. Бориса и Глѣба. Тотъ-же Ингварь послалъ на Воронежъ взять останки Өеодора Юрьича и принести ихъ въ удѣлъ покойнаго. Въ Зарайскѣ, у Николы Корсунскаго, были погребены въ одномъ мѣстѣ Өеодоръ съ женою Евпраксіей и сыномъ Иваномъ; на этихъ могилахъ были поставлены три каменныхъ креста,

а впослѣдствіи храмъ во имя св. Іоанна Предтечи. Ингварь Игоревичъ всю послѣдующую свою жизнь заботился о возобновленіи городовъ во внутреннемъ устройствѣ княжества. Вѣроятно, къ этому времени относится перенесеніе столицы изъ старой Рязани въ Переяславль-Рязанскій, названный впослѣдствіи просто Рязанью. Но исправить все, залѣчить раны земли, нанесенныя татарами, не было возможности. Прошли сотни лѣтъ и о страшныхъ временахъ говорили людямъ могилы городовъ, имена которыхъ едва дошли до насъ.

Послѣ татаръ всѣ области Руси, исключая Новгородской, остались въ такомъ-же положеніи, какъ Рязанская, но, вслѣдствіе непосредственнаго сосѣдства съ страшною ордою, Рязанская и Сѣверская земли долго не могли оправиться отъ погрома. Съ этого времени украйна съ своею сторожевой службою поднялась къ сѣверу внутрь страны Вятичей, а прежняя пограничная линія осталась во владѣніи кочевниковъ.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ большему дѣленію подвергались роды князей, а за ними и земля; наконецъ, дошло до того, что каждый городъ на окраинахъ юга Руси хотѣлъ своего князя, такъ, напримѣръ: Брянскъ, Новосиль, Козельскъ имѣли отдѣльныхъ князей изъ рода Черниговскихъ. Такого рода княжества не могли быть самостоятельными и вскорѣ подпали вліянію сильныхъ сосѣдей: на западѣ—Литвы, на востокѣ—Рязани, а на сѣверѣ—Москвы. Единственно самостоятельными княжествами на Руси явились: Московское, Тверское и Рязанское По Тверское находилось на западной окраинѣ Руси къ Литвѣ, а Рязанское на юговостокъ къ ордѣ, одна только Москва была далеко отъ границъ и сильна особымъ развитіемъ княжеской власти.

По времени, лучшіе люди земли, тогдашніе патріоты, стоявшіе выше мелкихъ удѣльныхъ интересовъ, начали видѣть въ Москвѣ центръ, около котораго могла собраться вся Русь, для защиты противъ внѣшнихъ враговъ. Къ числу такихъ лучшихъ людей принадлежали безспорно митрополиты: Петръ, Алексѣй и преподобный Сергій Радонежскій.

Мысль объ объединеніи государства, по всему вѣроятію, явилась позднѣе времени Даніила Александровича, сдѣлавшаго Москву столицею своего княжества. Въ началѣ вопросъ былъ поставленъ проще и задача ограничивалась только расширеніемъ предѣловъ Московскаго удѣла Личность Ивана Калиты привлекла къ себѣ митрополита Петра и онъ фактически, подъ конецъ своей жизни, сталъ Московскимъ святителемъ, продолжая быть въ одно и то-же время митрополитомъ всея Руси. Для Москвы это было особымъ счастіемъ. Она сдѣлалась средоточіемъ духовнаго управленія всей земли, а для тогдашняго времени это было чуть-ли не все Такое положеніе Москвы, до того времени незначительнаго города, могло легко дать мысль умному Калитѣ сдѣлать изъ своей столицы средоточіе и свѣтскаго правительства. Пастыри церкви не могли не сочувствовать всѣмъ сердцемъ такой задачѣ, ибо видѣли, что, достигнувъ осуществленія ея, земля избавится отъ ига невѣрныхъ. Такимъ образомъ становится яснымъ постоянное радѣніе святителей о Москвѣ и ея интересахъ, до того, что остальная Русь какъ будто не существовала для нихъ и князья другихъ областей неоднократно обращались съ жалобами къ Константинопольскимъ патріархамъ на то, что, считаясь митрополитами всей Руси, святители живутъ въ Москвѣ и не радѣютъ объ остальныхъ русскихъ областяхъ. Такимъ-же взглядомъ на Москву и объединеніе Руси объясняется поступокъ и св. Сергія, закрывшаго храмы Нижняго-Новгорода, за ослушаніе Москвѣ князя Бориса Дмитріевича. Пользуясь большимъ значеніемъ въ Москвѣ, какъ человѣкъ высокой нравственности и какъ первосвятитель земли, митрополитъ Алексѣй имѣлъ большое вліяніе въ дѣлахъ правленія, въ особенности во время княженія малоспособнаго Ивана Ивановича и малолѣтства наслѣдника его Димитрія.

Еще при Иванѣ Ивановичѣ Московскомъ, столъ Рязанскій достался 12-лѣтнему Олегу Александровичу. Все время правленія этого князя было самое безпокойное въ исторіи этой страны. Войны съ Москвой чередовались съ вторженіемъ татаръ. Бывали случаи, что на столѣ Рязани являлся какой-нибудь клевретъ Москвы, но это было не надолго. Возвращался

Олегъ, изгонялъ сторонника Москвы и вновь водворялся въ Рязани. Нельзя не сказать объ одномъ вторженіи татаръ въ Рязанскую область, когда Москва сыграла довольно неблаговидную роль по отношенію къ Олегу и можетъ быть подобный поступокъ ея былъ причиною дальнѣйшихъ дѣйствій Рязанскаго князя. Въ 1373 году въ Рязанскую землю явились татары и напомнили ей времена Батыя; напрасно Олегъ ждалъ тогдашнихъ союзниковъ своихъ Москвитянъ, они явились только тогда, когда татары начали угрожать Московскимъ границамъ. Для того, чтобы обезопасить княжество, Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій сталъ на берегу Оки. Такъ Олегъ получилъ первый урокъ не разсчитывать на помощь Москвы противъ орды. Чрезъ пять лѣтъ Рязанская земля опять вынесла вторженіе царевича Арапши, опустошившаго Переяславль, а вскорѣ среди той-же Рязанской земли, недалеко отъ того-же города послѣдовала знаменитая Вожская битва, въ которой Московскія войска разбили на-голову мурзу Бегича, посланнаго на Москву. За это въ слѣдующемъ году Рязанская область поплатилась сильнѣйшимъ погромомъ.

Наконецъ, орда задумала напомнить всей Руси свою силу и власть. Давно уже Москва не испытывала ужасовъ татарскаго нашествія. Она забыла, что, несмотря на внутреннія несогласія въ ордѣ, страшная сила ея еще жила, а слѣдовательно имѣла и мощь наказать осмѣливающихся прекословить или ослушаться могущественнымъ ханамъ. Доказать это мечомъ и огнемъ взялся бывшій темникъ (начальникъ 10.000 отряда), а нынѣ посредствомъ цѣлаго ряда злодѣяній ханъ Кипчакской орды Мамай. Для того, чтобы походъ былъ болѣе обезпеченъ успѣхомъ, несмотря на гибель лучшихъ и молодыхъ силъ орды въ Вожской битвѣ, Мамай собралъ не только татаръ и Половцевъ изъ Поволжскихъ и Подонскихъ степей, но нанялъ Армянъ, Генуезцевъ, Черкасъ и Ясовъ. Кромѣ того вошелъ въ союзъ съ Ягеломъ Литовскимъ. Вся эта сборная, но громадная масса двинулась на Русь.

Что-же Москва? въ какомъ положеніи были ея дѣла? Благодаря дѣятельности первосвятителя Алексѣя, уже скончавшагося до похода, мы видимъ ее ко времени вторженія Мамая сильною, успѣвшую такъ или иначе объединить всѣ сѣверныя области подъ своимъ главенствомъ. По мѣрѣ успѣховъ внутри, московскія отношенія къ ордѣ дѣлались все независимѣе, а это дѣлало Москву все болѣе и болѣе популярною среди самаго народа. Вслѣдствіе этого войнѣ съ ордой всѣ были рады и если-бы Димитрій Ивановичъ вздумалъ-бы помириться на неравныхъ правахъ съ ханомъ, то даже простой смердъ осудилъ-бы его. Такимъ образомъ, благодаря разумному и смиренному архипастырю Москвы, Димитрій Ивановичъ увидалъ подъ своимъ стягомъ (знаменскія) рати: Владимірскую, Суздальскую, Ростовскую, Нижегородскую, Бѣлоозерскую, Муромскую, Псковскую и Брянскую. Только не было Тверичанъ, Рязанцевъ, Новгородцевъ и Смольнянъ. Все чаяло, все молилось на Руси объ успѣхѣ похода.

Лѣтописцы, пересчитывая рати и князей, бывшихъ съ Димитріемъ Ивановичемъ и описывая этотъ походъ, постоянно называютъ измѣнникомъ Олега Рязанскаго. Такъ-ли это? Измѣнникъ-ли онъ съ точки зрѣнія современника и по обстоятельствамъ окружавшимъ его. Сначала укажемъ на тѣ немногіе факты, упоминаемые въ лѣтописяхъ, не смущаясь ручательствами и витіеватыми оборотами повѣствованій, не забывая въ то-же время, что обо многихъ отношеніяхъ различныхъ дѣйствующихъ лицъ умолчено, ибо событія записаны подъ вліяніемъ первой побѣды надъ татарами и лѣтописцами завѣдомо сочувствующими Москвѣ. Свѣдавъ о сборахъ Мамая и о союзѣ послѣдняго съ Ягеломъ, Олегъ началъ вести съ ними тайные переговоры, чрезъ своего боярина Епифана Кореева и, наконецъ, вступилъ въ союзъ съ ними, но вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ предупредить Димитрія объ угрожающей ему опасности, утаивая разумѣется о своихъ переговорахъ, и только въ Коломнѣ Димитрій узналъ о нихъ. Вслѣдствіе этого, опасаясь вѣроятно идти непріятельской страной, Димитрій повелъ свое ополченіе границей Рязанскаго княжества. Между тѣмъ Олегъ, какъ во время этого похода, такъ и послѣ, оставался въ совершенномъ спокойствіи. Для обвиненія въ измѣнѣ необходимы факты съ большимъ зна-

ченіемъ, недостаточно пересылки съ врагами и вовсе не нужны увѣдомленія о движеніи этихъ враговъ, а главное должно ожидать непосредственнаго участія въ битвѣ и матерьяльную помощь врагу. Несмотря на то, что Мамай три недѣли ждалъ союзниковъ въ предѣлахъ Рязанской области, Олегъ не привелъ своей рати въ татарскій станъ. Вотъ факты. Затѣмъ, если мы вспомнимъ чего стоили Рязани союзы Олега съ Димитріемъ и какъ доставалось ей отъ татаръ за нихъ, постоянное возвышеніе Москвы, все болѣе и болѣе поглощающей самостоятельность близлежащихъ княжествъ, невѣроятность побѣды надъ ордой, считавшейся для Руси непобѣдимой, то намъ станетъ понятнымъ, что Олегъ желалъ только простого нейтралитета для себя и безопасности для своей страны отъ татарскаго разоренія. Да, наконецъ, если назвать Олега измѣнникомъ, почему-же не назвать также Димитрія и Владиміра, не помогшихъ, какъ мы видѣли ранѣе, тому же Олегу противъ татаръ? Почему лѣтописцы не называютъ измѣнниками Смольнянъ и Тверичей, не участвовавшихъ тоже въ походѣ? Отдавъ должное памяти князя Рязанскаго, радѣтеля о своей землѣ, мы перейдемъ теперь къ дальнѣйшему повѣствованію.

26 августа 1380 года громадная, почти 200.000 рать выступила изъ Московскаго княжества, переправившись чрезъ Оку у Лопасни, Серпухова и Коломны. Вступая на окраину Рязанскаго княжества, войско получило строгій наказъ „да никто-же коснется единому власу Рязанской страны“. Переступивъ черезъ Оку, Димитрій Ивановичъ пошелъ по нынѣшнему Каширскому уѣзду, Тульской губерніи, мимо Венева, черезъ городъ Березуй, въ городъ Дороженъ и 6 сентября дружины князей достигли Дона, а 7 стали станомъ на лѣвомъ притокѣ по р. Сабинкѣ. Тутъ къ Димитрію Ивановичу явился посланный отъ игумена Троицкаго монастыря преподобнаго Сергія съ словомъ ободренія и съ благословеніемъ на предпринятый ратный подвигъ. Это посольство представляется какъ-бы понужденіемъ довершить начатое, ибо ранѣе еще до похода, Димитрій получилъ лично благословеніе святого старца съ обѣщаніемъ побѣды. Между прочимъ, возвратившіеся развѣдочные отряды увѣдомили, что за р. Дономъ на Гусиномъ бродѣ стоитъ татарскій станъ въ разстояніи одного перехода отъ русскихъ. Дать время подоспѣть литовцамъ и рязанцамъ было опасно и русскіе князья съ воеводами рѣшили поспѣшить битвою, а для того, чтобы сдержать робкихъ, въ случаѣ бѣгства, сочли необходимымъ переправиться черезъ Донъ въ мѣстѣ, называемомъ Татинскіе броды, и вечеромъ того-же дня приказали наводить мосты.

Всякій въ станѣ русскомъ понималъ всю важность завтрашняго дня. Продолжавшееся уже 170 лѣтъ татарское иго научило русскихъ многому и убило вѣру въ возможность побѣды надъ татарами. Понятно, что каждый чувствовалъ, что, исполняя свой долгъ, идя противъ орды, онъ можетъ и долженъ только лечь костьми за родную землю. Правда, такъ недавно еще была Вожская битва, въ которой татары были на-голову разбиты русскими. Но тамъ былъ мурза Бегичъ съ частію орды, теперь-же передъ русскимъ станомъ былъ Мамай со всею ордой, увеличенной наемными полчищами. Въ такомъ настроеніи ратникъ, сидя у костра, могъ находить утѣшеніе только въ религіозномъ чувствѣ и врядъ-ли въ цѣломъ станѣ былъ такой, который-бы не помолился отъ всего сердца въ этотъ можетъ быть послѣдній вечеръ своей жизни Тому, Кто тамъ въ темной вышинѣ Одинъ зналъ исходъ завтрашняго рокового дня.

Совсѣмъ иное было, верстъ за 8 отъ русскаго стана, у татаръ. Безчисленныя полчища Мамая привольно раскинулись на обширной лѣсной полянѣ, по лощинѣ у верховьевъ рѣчки Смолки. Шатры этой дикой, сборной орды, протянулись по всей ширинѣ, такъ-называемаго, Куликовскаго поля. Шумъ и гамъ этого табора несся далеко и оглашалъ окрестность. Сильные увѣренностію въ своемъ превосходствѣ передъ русскими, ордынцы, зная свою многочисленность, смѣло ждали побѣды и беззаботно пировали. Заранѣе распалялись глаза хищника-татарина при мысли о томъ, чѣмъ можно будетъ поживиться въ богатой Москвѣ. Темная пелена ночи окутала окрестность. Только по тихому, едва слышному говору волны можно было рас-

познать Донъ. Въ воздухѣ стояла тишина, точно замерло все, въ ожиданіи рокового дня. Но вотъ послышался сильный всплескъ воды и со стороны рѣки съ Татинскаго брода показались темныя очертанія пяти всадниковъ. Тихо ступали кони по мягкой травѣ, неслышно побѣжали рысью черезъ долину, къ верховью малаго оврага, идущаго къ р. Непрядвѣ и остановились. „Слушай, господине княже“, раздался голосъ знаменитаго воеводы Волынца Боброка. Тогда одинъ изъ всадниковъ, великій князь Московскій Димитрій Ивановичъ, поворотилъ коня по направленію, указываемому Бобракомъ къ татарскому стану. Вотъ дошло до его слуха: „стукъ и крикъ, будто торги снимаются, города строятся, трубы гремятъ, а тамъ далѣе, гдѣ-то послышался грозный вой волковъ и клектъ орловъ, направо оттуда зловѣще каркали вороны и кричали галки“. Напротивъ-же татарскаго стана на Непрядвѣ лебеди, гуси и дикія утки крыльями плескали по водѣ, пророча великую грозу. „Теперь, господине княже, обратись на русскій станъ“, князь повернулъ коня налѣво къ Дону и ничего не услыхалъ въ тишинѣ ночи и на вопросъ Волынца отвѣчалъ: „Ничего, брате, не слыхалъ, только видѣлъ, что какъ будто заря занимается отъ множества огней“. На это Волынецъ сказалъ: „Княже господине, примѣты хорошія. Призывай Бога на помощь и не оскудѣвай вѣрою“. Потомъ сошелъ съ коня, легъ на траву и, приложивъ правое ухо къ землѣ, долго прислушивался. Затѣмъ всталъ, поникъ головой и задумался. Долго Димитрій заставлялъ его сказать, что онъ слышалъ, наконецъ, получилъ въ отвѣтъ: „одно тебѣ на пользу, другое-же на горе. Я слышалъ землю, плачущую на двое: въ одной сторонѣ будто мать оплакивала своихъ дѣтей, въ другой—будто дѣвица, какъ свирѣль, одинъ разъ прозвучала скорбнымъ голосомъ. Я много разъ испытывалъ такія примѣты. Я жду побѣды надъ погаными, но много падетъ христіанъ. Тебѣ, государь, нельзя говорить объ этомъ никому“. Послѣ этихъ словъ, всѣ пять всадниковъ повернули коней опять къ Дону. Ночь близилась къ концу, вдали, на небѣ, начали темнѣть очертанія лѣса. Чуть занялась заря, какъ по низинамъ Дона, Непрядвы и овраговъ поползли клубы сѣдого тумана. Поднимаясь все выше и выше и покрывая долину, они окутали опушки лѣсовъ и повисли на вѣтвяхъ деревьевъ. Вдаль ничего не стало видно, все одѣлъ непроницаемый туманъ. Еще при первомъ свѣтѣ зари, русскіе полки начали переправляться черезъ Донъ и отходить на берегъ Непрядвы. Между тѣмъ поднявшееся солнце разогнало туманъ и весело заиграло на вооруженіи и знаменахъ рати. Четыре русскихъ полка стали на берегу Непрядвы, спиною къ ней; впереди ихъ занялъ мѣсто передовой полкъ, а шестой засадной, подъ предводительствомъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго, скрылся въ близлежащей дубравѣ. День Рождества Богородицы, 8 сентября, былъ начатъ молебствіемъ, совершеннымъ духовенствомъ и священновитязями Троицкаго монастыря Пересвѣтомъ и Ослябею, въ виду всего войска. По окончаніи молебствія, Димитрій Ивановичъ въѣхалъ на холмъ и обозрѣлъ всѣ рати. Давно уже не видали такого ополченія русской земли. Стройные полки протянулись далеко по берегу Непрядвы; словно стелящееся по землѣ пламя, волновались красныя еловицы (султаны), то тамъ, то здѣсь посвѣчивали на солнце ясные шеломы, а надъ всѣмъ этимъ тихо развѣвались по вѣтру пестрые стяги. Димитрій сошелъ съ коня и началъ молиться въ сторону своего большого полка. Тамъ, надъ этимъ полкомъ, едва колебалось большое черное великокняжеское знамя съ Нерукотвореннымъ ликомъ Спасителя. Увидавъ молящагося князя, полки единодушно воскликнули: „Боже, даруй побѣду нашему князю!“ Димитрій сѣлъ на коня и поѣхалъ по полкамъ, говоря: „Братья! Сегодня великій праздникъ Рождества Богородицы! станемъ за нашу землю. Умершіе сегодня оживутъ въ жизнь вѣчную!“ На это воодушевленное войско отвѣчало: „Готовы головы свои сложить за Христа, за землю нашу и за тебя, великій княже!“ Окончивъ устройство полковъ къ бою, воевода Волынецъ-Боброкъ послалъ сказать объ этомъ Димитрію Ивановичу, а самъ скрылся къ засадному полку. Великій князь, свѣдавъ, что все уже готово, подозвалъ друга своего, боярина Михаила Александровича Бренка, и, надѣвъ на него великокняжеское вооруженіе, поставилъ на свое мѣсто подъ большимъ стягомъ, самъ-же помчался

въ передовой полкъ, не слушая представленій князей и бояръ. Татары съ изумленіемъ узнали, что русскіе осмѣливаются идти на нихъ и первые хотятъ начать битву. Ордынцы, недообѣдавъ, побросали котлы и выступили изъ стана. Подъ звуки трубъ мѣрно сходились войска. Вотъ уже передовой полкъ помѣнялся съ татарами цѣлою тучею стрѣлъ и битва завязалась... Въ началѣ князь Московскій встрѣтился съ племянникомъ Мамая, ханомъ Тулунъ Бегомъ, и убилъ его; затѣмъ, когда битва сдѣлалась общею, удалился въ средину войска. На пространствѣ почти десяти верстъ разрослась злая сѣча. По мѣрѣ того, какъ она становилась общею, правильные ряды все болѣе разстроивались: гдѣ русскіе врѣзались въ татарскіе полки, гдѣ татары ушли впередъ и выдвинулись въ среду русскихъ. Мѣстами преобладала общая свалка, мѣстами одиночные бои. По сказанію современниковъ, отъ тяжелыхъ ударовъ, долы и холмы стонали, трескались сулицы (копья), звенѣли доспѣхи, стучали щиты, разили сѣкиры и блестѣли сабли. Свирѣпый бой длился уже около 3 часовъ. Ожесточеніе было общимъ, сотни людей падали убитыми или ранеными и лежали подъ ногами ратниковъ и коней. Груды павшихъ затрудняли наступленіе и отступленіе. Въ одномъ мѣстѣ московская молодежь, далеко оттѣсненная татарами, думая, что все проиграно, оборотила тылъ и открыла широкій путь къ великокняжескому знамени. Враги бросились къ нему и только крайнее усиліе всѣхъ московскихъ полковъ отстояло свою хоругвь. Въ это время былъ убитъ бояринъ Бренокъ въ великокняжескихъ доспѣхахъ.

За татарскимъ станомъ, съ Краснаго холма, наблюдалъ за битвой Мамай. Не вѣрилъ онъ собственнымъ глазамъ, видя, что русскіе храбро бьются, не уступаютъ пяди земли татарамъ, но зная, что численность войска на его сторонѣ, почти былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Прошелъ часъ, другой, а сѣча все не унималась, русскіе не уступали. Могучій ханъ началъ выказывать нетерпѣнье и бродилъ взорами по окраинамъ поля. Вдругъ изъ дальней дубравы показалось что-то, глаза хана различили цѣлый полкъ, мчавшійся съ быстротой мысли на боковыя отряды татаръ. Вотъ онъ ударилъ, смялъ и погналъ ордынцевъ. Бившіеся ранѣе этого русскіе ободрились и съ новою силою устремились на враговъ. Татары смѣшались, дрогнули и побѣжали. Злобою исказилось лицо хана, конь его, испуганный гнѣвнымъ и судорожнымъ движеніемъ сѣдока и чувствуя боль отъ удилъ, поднялся на дыбы и прянулъ въ сторону, Мамай стиснулъ бока его и осадилъ назадъ. Между тѣмъ отступившіе къ Красному холму татары не выдержали и здѣсь натиска рати. Все ближе и ближе придвигался черный стягъ съ ликомъ Спасителя. Съ ужасомъ взглянулъ Мамай на этотъ ликъ, потомъ съ тоской обвелъ взоромъ все поле—и опять началъ смотрѣть на страшный стягъ. „Великъ Богъ христіанъ!" воскликнулъ, наконецъ, онъ и, повернувъ коня, помчался въ степь, къ берегамъ Красной Мечи. Немногимъ татарамъ удалось переправиться съ своимъ ханомъ черезъ эту рѣку; остальные полегли отъ преслѣдованія Волынца Боброка. Такъ кончилась битва, оставившая славное воспоминаніе въ исторіи Руси.

Съ чувствомъ исполненнаго долга, сіяя радостнымъ взоромъ, храбрый Владиміръ Андреевичъ подъѣхалъ къ великокняжескому стягу и велѣлъ трубить сборъ. Съ разныхъ сторонъ обширнаго Куликовскаго поля подъѣхали оставшіеся въ живыхъ. Но Димитрія не было между ними. Съ тревогой оборачивался Владиміръ во всѣ стороны, ища глазами его, наконецъ спросилъ: „Гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?" Но отвѣта не послѣдовало. Воеводы и князья съ недоумѣніемъ и ужасомъ смотрѣли вдаль, ожидая прибытія великаго князя, но не дождавшись поѣхали искать его. По показаніямъ нѣкоторыхъ, видѣли его бьющимся противъ четырехъ татаръ. Князь-же Новосильскій говорилъ, что видѣлъ его сбитымъ съ коня и что онъ едва шелъ по полю, но помощи ему князь не могъ оказать, ибо самъ защищался отъ татаръ. Обошли чуть не все поле, но князя найти не могли. Наконецъ, двое молодыхъ дворянъ, Сабуровъ и Хлопищевъ, увѣдомили, что нашли князя въ сторонѣ отъ битвы, близъ верховьевъ ручья Березоваго, притока р. Смолки и что онъ лежитъ безъ чувствъ, подъ срублен-

нымъ деревомъ. Всѣ вожди поскакали въ указанное мѣсто. Лѣтописцы разсказываютъ, что Димитрій Ивановичъ, оглушенный въ битвѣ ударомъ, упалъ съ коня, обезпамятѣлъ до того, что казался мертвымъ. Въ этомъ-то видѣ онъ явился глазамъ прискакавшихъ вождей. Сойдя съ коней, они окружили его и воскликнули: „Государь, ты побѣдилъ враговъ!“ Великій князь открылъ глаза, посмотрѣлъ на нихъ, перекрестился, всталъ и началъ обнимать брата, князей, воеводъ и даже простыхъ ратниковъ, потомъ сѣлъ на коня и поѣхалъ по замолкшему полю битвы. Раненъ князь не былъ, но весь доспѣхъ на немъ былъ сильно помятъ. Все обширное поле было усѣяно останками людей, прежде жившихъ и дѣйствовавшихъ. Сюда, на это поле пришли они одни, защищая свою землю отъ чуждаго ига, другіе—для грабежа и поживы, и всѣ ровно полегли. Въ пыли, распростертые на землѣ, лежали обезображенные трупы, кровь, окрашивая траву, уже не впитывалась землею и ручьями медленно стекала въ лощину Смолки и далѣе въ Донъ, гдѣ блѣдно-красныя волны шли далеко вѣстниками страшной битвы. Сломанные щиты, разрубленные шлемы, смятыя кольчуги, изломанные мечи, все это было перемѣшано съ тѣлами. Много пало въ этой битвѣ и храбрыхъ вождей. Вотъ весь въ черномъ, съ знаменемъ креста на схимѣ, бывшій бояринъ Брянской земли и давно уже схимонахъ Пересвѣтъ, а вотъ и собратъ ему по отреченію отъ міра и по оружію Ослябя—витязи, посланные противъ невѣрныхъ своимъ игумномъ Сергіемъ. Вотъ князья Бѣлоозерскіе, Тарусскіе, Дорогобужскіе, бояре и воеводы: Монастыревъ, Семенъ Михайловичъ, сынъ тысяцкаго, Николай Васильевичъ, Брянокъ и другіе. Всѣ они пали тутъ за Русь, за свободу ея, за избавленія ея отъ долгаго униженія и за отмѣны тяготы земли. Вѣсть о Куликовской побѣдѣ облетѣла вскорѣ Русь и оживила надежды на возможность избавленія отъ ненавистнаго ига. Исполнилась надежда Первосвятителя Алексѣя, увѣнчались его труды успѣхомъ—Русь побѣдила. Яркая слава этого дня отразилась и на князѣ Димитріи. Земля, благодарная ему за окончаніе начатаго дѣла, назвала его Донскимъ.

Ягелло литовскій, недойдя 30 верстъ до мѣста битвы, услыхалъ о побѣдѣ русскихъ и тотчасъ-же воротился, такъ что развѣдочные отряды князей уже не видали его войскъ. Димитрій, воздавъ на берегу Непрядвы должную честь погребеніемъ павшимъ героямъ, отдалъ приказъ войскамъ возвратиться обратно, тихо, не разоряя волостей Рязанскихъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что одинъ отрядъ на обратномъ пути былъ ограбленъ Олегомъ, приказавшимъ даже разорить мосты по дорогѣ. Но врядъ-ли это было такъ. Князь небольшой области не могъ осмѣлиться напасть на часть войска, едва-ли не всей Руси, да еще возвращающуюся послѣ побѣды. Скорѣе всего приходитъ въ голову догадка, что побѣдители, увѣнчанные своимъ успѣхомъ, возвращаясь по странѣ, казавшейся имъ непріятельской, вопреки приказанія князя, позволили себѣ насиліе надъ жителями; Рязанцы-же никогда не были особенно уступчивы и въ отместку ограбили бояръ. Эту догадку подтверждаетъ еще и то обстоятельство, что Олегъ, свѣдавъ о сборахъ Димитрія противъ него, бѣжалъ изъ Рязани, слѣдовательно не считалъ себя въ силахъ сопротивляться Москвѣ и дѣлать ей непріятности. Въ томъ-же году Олегъ, возвратившійся въ Рязань, заключаетъ договоръ съ Димитріемъ, уступая Москвѣ нѣсколько Рязанскихъ волостей и обѣщаясь быть заодно съ Димитріемъ противъ его недруговъ.

Между тѣмъ во главѣ татаръ явился Тохтамышъ, который, не видя къ себѣ рабскаго униженія отъ русскихъ князей, собралъ орды и въ 1382 году пошелъ на Москву. Но тамъ заняты были затрудненіями по замѣщенію митрополіи. По этому дѣлу Димитрій выказывалъ полнѣйшій произволъ и нисколько не заботился о защитѣ земли противъ татаръ. Внезапно на границахъ рязанскаго княжества явилась страшная орда. Олегъ поспѣшилъ на встрѣчу, явился къ хану, обѣщалъ ему дань и взялся проводить татаръ въ предѣлы Московскаго княжества, что исполнилъ, проведя ордынцевъ по границѣ своей земли. Объ этомъ лѣтописцы говорятъ просто: „хотяше бо добро не намъ, но своему княженію помогаше“. Свѣдавъ о приближеніи татаръ, Димитрій малодушно бѣжалъ сначала въ Переяславль Залѣсскій, потомъ

въ Ростовъ, а когда и тутъ показалось ему опаснымъ, „вборзѣ въ Кострому“. Москва, оставленная на произволъ своимъ княземъ, затворилась, но татары взяли ее хитростію и разорили до тла, потомъ разсыпались по княжеству, производя грабежъ и убійства. На обратномъ пути и рязанская земля поплатилась опустошеніемъ, несмотря на хитрость Олега.

Когда Тохтамышъ ушелъ черезъ рязанскую землю, Димитрій возвратился изъ Костромы и нашелъ въ себѣ достаточно храбрости, чтобы наказать Олега за измѣну. Олегъ, не ожидая грозы съ этой стороны, былъ не готовъ встрѣтить Московскіе полки и съ малой дружиной бѣжалъ изъ Рязани. Несчастной Рязанской землѣ досталось, по словамъ лѣтописей, гораздо больше отъ христіанской Московской рати князя Димитрія, чѣмъ отъ дикой татарской орды хана Тохтамыша. Послѣ этого Олегъ, затая месть, цѣлыхъ три года приготовлялся нанести Москвѣ ударъ за разореніе волостей своей отчины и наконецъ 25 марта, въ день Благовѣщенія, полки Рязанскіе внезапно напали на богатую Коломну и жестоко разорили ее. Противъ этого неожиданнаго нападенія Димитрій выслалъ многочисленную рать подъ предводительствомъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго и подручныхъ князей Михаила Полоцкаго, Романа Новосильскаго и князей Тарусскихъ; но войско Московское было на-голову разбито Олегомъ, причемъ погибло много бояръ и лучшихъ людей. Этимъ Олегъ не думалъ удовольствоваться и собирался идти на Москву. Димитрію ничего не оставалось какъ только просить мира; но всѣ старанія ни къ чему не привели, Рязанцы продолжали готовиться. Тогда было употреблено противъ Олега оружіе, которымъ Москва всегда пользовалась, когда ни сила, ни просьбы не достигали цѣли. Осенью 1386 г. въ Троицкій монастырь близъ Переяславля Рязанскаго прибыли путешественники. Широко предъ ними распахнулись святыя врата обители. Настоятель съ ликомъ иноковъ вышелъ на встрѣчу прибывшимъ. Кого-же встрѣчала такъ обитель? Кого чествовала? Можетъ быть то были князья, или воеводы, знаменитые подвигами ратными, богатые славою минувшихъ битвъ? Нѣтъ, въ врата монастыря входилъ не златоносецъ, а въ бѣдной и убогой рясѣ изможденный долгими трудами старецъ. Этотъ смиренный инокъ, въ то богатое бѣдами время, былъ выразителемъ всего добраго и хорошаго на Руси. Къ нему ходилъ князь за совѣтомъ, къ нему приходилъ и простой смердъ за словомъ утѣшенія. Предстатель и богомоленъ земли, онъ былъ одинаково внимателенъ и къ богатымъ и къ бѣднымъ Зачѣмъ-же прибылъ святой старецъ изъ своей знаменитой его подвигами Троицкой обители въ землю рязанскую? Для чего-же, какъ не для дѣла, достойнаго всей жизни этого подвижника. Миръ звалъ его на подвигъ и онъ явился, какъ добрый ратникъ, на звукъ трубы военачальника. Рано утромъ, на другой день, преподобный Сергій входилъ въ теремъ Олега. Долго бесѣдовалъ онъ съ нимъ, долго говорилъ ему о мирѣ и любви христіанской и по мѣрѣ того, какъ тихая рѣчь старца входила въ суровое сердце рязанца, оно становилось все мягче и мягче. Обида Москвы казалось уменьшилась и нашлась возможность простить ее... Тронутый до глубины души словами преподобнаго, Олегъ искренно согласился на миръ съ Димитріемъ, миръ вѣчный, ненарушимый и свято исполнилъ свое рѣшеніе во всю послѣдующую жизнь. Миръ былъ скрѣпленъ договоромъ, къ сожалѣнію недошедшимъ до насъ. Чрезъ нѣсколько времени князья породнились: сынъ Олега Ѳеодоръ женился на дочери Димитрія—Софьѣ.

Въ 1390 году случилось Олегу съ женой своею Евфросиньей быть въ глуши дремучихъ лѣсовъ на лѣвомъ берегу Оки, близъ рѣчки Солотчи. Здѣсь онъ встрѣтилъ двухъ отшельниковъ—Василія и Ефимія. Между тѣмъ свѣжа еще была въ памяти князя бесѣда съ преподобнымъ Сергіемъ, все это вмѣстѣ подало мысль Олегу выстроить на этомъ уединенномъ мѣстѣ обитель. Заложенъ былъ храмъ Покрова Пресвятыя Богородицы, построены кельи, воздвигнута ограда и монастырь населился иноками. Говорятъ, что тогда-же, не оставляя своего сана, Олегъ постригся подъ именемъ Іоакима. Въ эту обитель, изображенную на рисункѣ, достигло къ Олегу на исходѣ его дней извѣстіе о несчастной Любутской битвѣ Рязанскихъ дружинъ подъ предводительствомъ сына его Родослава съ Витовтомъ литовскимъ. Старецъ, удрученный

ранами и болѣзнями, не вынесъ этой вѣсти, тѣмъ болѣе, что сынъ его былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ тѣсное заключеніе. Мысль о сынѣ, а важнѣе всего сознаніе, что за проигранной битвой теряется надежда обуздать Витовта въ его постоянномъ стремленіи поживиться на счетъ Рязани, сразила Олега и онъ, посхимившись, подъ именемъ Іоны, скончался 5 іюня 1402 г. Жена его Евфросинья окончила свои дни въ недалекомъ отъ Солотчи, въ Зачатейскомъ монастырѣ. Князь и княгиня положены были вмѣстѣ въ каменномъ гробѣ въ Покровскомъ храмѣ обители. Въ 1770 г. храмъ этотъ угрожалъ паденіемъ отъ обвала земли подъ нимъ и гробница была перенесена въ другую церковь Рождества Богородицы, видную нынѣ изъ монастырской ограды. Она о 5-ти главахъ и фасадомъ весьма схожа съ храмомъ Спаса на Бору въ Московскомъ кремлѣ. По лѣвую сторону храма была поставлена гробница и о мѣстѣ упокоенія князя и княгини говоритъ надпись и ихъ изображеніе на стѣнѣ. Тутъ-же виситъ кольчуга или рубашка Олега, состоящая изъ мелкихъ желѣзныхъ колецъ.

Ни лѣтописи, ни критическіе выводы ученыхъ изъ этихъ памятниковъ, ни что не можетъ показать намъ въ настоящемъ свѣтѣ князей минувшаго времени. Есть только одинъ безпристрастный и неумолимый судья дѣйствій ихъ, и что всего страннѣе, судья этотъ является произнести приговоръ въ своемъ-же дѣлѣ; но мы должны ему вѣрить, ибо онъ самъ на своихъ плечахъ вынесъ всѣ послѣдствія правленія того или другого князя. Мы говоримъ о народѣ, о землѣ. И земля сказала свое правдивое слово объ Олегѣ. Весь предыдущій рядъ князей до Олега и весь послѣдующій не существуетъ въ памяти Рязанской земли. Одинъ могучій, любимый и свято чтимый образъ Олега затмилъ всѣхъ князей въ памяти народной. Правленіе этого князя, такъ часто помрачаемое несчастьями и всеобщимъ разореніемъ то отъ орды, то отъ Москвы, то отъ Литвы, оставило одно хорошее воспоминаніе. Мало того, земля возвела своего князя на высшую ступень почитанія и признала въ немъ человѣка, угодившаго Богу. Не даромъ ходитъ и теперь крестьянинъ къ гробницѣ, гдѣ почиваютъ кости Олега и Евфросиніи, чтобы отслужить панихиду; не даромъ онъ надѣваетъ панцырь князя, чтобъ исцѣлиться отъ какого-нибудь недуга. По нашему мнѣнію, мы не можемъ произнести сужденіе о князѣ, не согласнаго съ приговоромъ народа.

Мы уже говорили, что всѣ югозападныя княжества, образовавшіяся отъ раздѣленія болѣе крупныхъ, подпали подъ власть Литвы. Князья и народъ сначала весьма охотно подчинялись ей, такъ какъ домъ литовскихъ князей состоялъ въ родствѣ съ русскими князьями, а главное населеніе Литвы было единовѣрно съ Русью. Придонскія княжества подчинились Рязани, волости которой подымались къ сѣверу до Оки. За Окой земли принадлежали Московскому княжеству. Всѣ послѣдующіе великіе князья Московскіе строго держались политики объединенія удѣловъ подъ своею властію. Василій Димитріевичъ и Василій Васильевичъ Темный успѣли подготовить это дѣло. Наслѣднику ихъ Ивану III оставалось докончить начатое. При этомъ-же князѣ окончилось Монгольское иго надъ Русью, походомъ хана Ахмата. Послѣдующія появленія татаръ въ русскихъ предѣлахъ носятъ характеръ простыхъ, болѣе или менѣе крупныхъ набѣговъ.

Въ чемъ-же сказалось вліяніе азіатскихъ выходцевъ, свирѣпыхъ кочевниковъ на Русь? Пройдя темной полосой въ жизни древней Руси, татарское иго оставило много слѣдовъ своего вліянія какъ на политическій строй, такъ и на нравственную сторону русскихъ. Соединеніе удѣловъ въ одно Московское государство, несомнѣнно, произошло подъ вліяніемъ Монгольскаго ига. По времени, вѣроятно и безъ татаръ, это было-бы конечнымъ результатомъ политической жизни Руси; но тутъ объединеніе произошло при другихъ условіяхъ и отразилось неблагопріятно въ смыслѣ отношеній власти къ владѣемымъ. Князья, призванные народомъ для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ и для суда, въ качествѣ всегдашнихъ третейскихъ судей для вершенья споровъ, явились властью, наложившею руку на народъ, такъ какъ налагали ее побѣдители на побѣжденныхъ. Князья Московскіе, какъ выразители своего времени, вре-

менъ ига, уже перестаютъ терпѣть рядомъ съ собою избранниковъ и представителей народа (напримѣръ, тысяцкіе были уничтожены Димитріемъ Донскимъ). Звукъ вѣчевыхъ колоколовъ умолкаетъ на Руси въ это время, за исключеніемъ Новгорода и Пскова, гдѣ народъ говорилъ еще свободно свою волю, а служилые князья повиновались ей, торговая казнь, дотолѣ неизвѣстная на Руси, появилась вмѣстѣ съ самовластіемъ Московскихъ князей и началась при Димитріи Донскомъ. Постоянно подвергаемый грабежамъ ханскихъ баскаковъ въ началѣ ига, народъ началъ платить почти невыносимыя подати князьямъ, для удовлетворенія хановъ не только данью, но и подарками для ханскихъ женъ и разныхъ милостивцевъ въ ордѣ, чисто ради личныхъ цѣлей тѣхъ-же князей. Качеству и количеству подарковъ Московскіе князья были обязаны своимъ возвышеніемъ, а также и тѣмъ, что ни одна голова князя Московскаго не была спасена въ ордѣ, тогда какъ много князей Рязанскихъ, Тверскихъ и другихъ были замучены тамъ, иногда даже по навѣтамъ Московскихъ князей. Переставъ платить дань ордѣ, Московскіе князья начали собирать ее въ свою пользу, нисколько не уменьшая податей народа. Средства стали необходимы имъ на поддержаніе пышности двора и на подкупы въ ихъ подчасъ недобросовѣстной политикѣ по пріобрѣтенію удѣловъ. Окруживъ себя богатствами и блескомъ, отдаливъ отъ себя не только народъ, но и бояръ, князья утратили доблесть воинскую и уже не ходили „на поганыхъ" во главѣ рати, а начали бѣгать и иногда „ни кѣмъ-же гонимы", такъ что временами слышится громкій ропотъ народа и сильное обличительное слово духовенства на недостойное поведеніе князей. Въ битвахъ начали возлагать надежду не на личную отвагу, какъ было прежде, а на массу войскъ и потому появилось раздѣленіе на полки и различныя ихъ названія: большой, правой руки, лѣвой руки и передовой. Чисто народная поэзія, съ ея богатствомъ фантазіи, свѣжестью и глубиною чувства, примѣръ которыхъ мы видѣли въ словѣ о полку Игоревѣ, умолкла. Образованность того времени заключалась въ тѣсныя ограды монастырей и тамъ приняла совершенно особыя формы духовнаго витійства. Народъ, видя кругомъ себя мало такого, что могло-бы радовать въ жизни, обратилъ свои взоры въ обители, ища у святыхъ подвижниковъ молитвы и облегченія въ тяжелой долѣ. Домашняя жизнь сдѣлалась болѣе замкнутой. Женщина затворилась въ своемъ теремѣ, боясь показаться на глаза злому татарину. Торговля, чрезмѣрно обложенная податями за все это время, почти остановилась. На народный характеръ татары тоже не мало повліяли. Прежняя честность и правдивость замѣнилась скрытностью, лукавствомъ и обманомъ. Достаточно сопоставить клятву Руси, данную при Игорѣ, въ исполненіи договора съ Греками, выражавшуюся въ простыхъ словахъ „да будетъ мнѣ стыдно", или Новгородца, даже времени Монгольскаго ига, ставившаго такъ высоко Новгородскую честь съ поступками Московскихъ князей съ удѣльными, или отзывы Псковской лѣтописи, по поводу покоренія этого города, о правдѣ Московской, тождественной съ полнѣйшею кривдой.

По мѣрѣ того, какъ крѣпла Москва, присоединяя удѣлы и слабѣлъ Крымъ съ своими ханами, заступившими мѣсто Сарайскихъ, границы русскихъ владѣній начали опять двигаться на югъ и западъ; въ первомъ направленіи Русь отбирала землю у татаръ, во второмъ—у Литвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ на службѣ Московскихъ князей, на ряду съ удѣльными, появляются татарскіе царевичи, ордынскіе выходцы. Великіе князья давали имъ на прокормленіе города, при чемъ всегда принималась во вниманіе степень благонадежности кормленника. Такъ, напримѣръ, ордынскій царевичъ Касимъ получилъ въ Мещерской странѣ Новый Низовый городокъ, названный съ того времени Касимовымъ. Такіе царевичи поселялись съ своими татарами на окраинахъ государства для береженья границъ, другіе, менѣе благонадежные въ смыслѣ политическомъ, получали города внутри государства.

Естественною пограничною линіею для Московскаго княжества служила Ока, берега которой и были укрѣплены городами, какъ прежде существовавшими, а теперь возобновленными, такъ и новыми, построенными для этой цѣли. По теченію этой рѣки стояли: Лихвинъ, Пере-

мышль, Калуга, Алексинъ, Таруса, Серпуховъ, Кашира, Коломна, Рязань, Спасскъ, Касимовъ и др. Это была пограничная линія Москвы, но страна и далѣе къ югу имѣла тоже своего рода укрѣпленія. При Василіи Ивановичѣ, отцѣ Грознаго, главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ второй линіи стала Тула, отъ нея тянулась въ обѣ стороны линія такъ-называемыхъ засѣкъ, т.-е. сваленныхъ въ валъ срубленныхъ деревьевъ. Гдѣ-же не было лѣса, тамъ шли земляные валы, а по дорогамъ были сдѣланы ворота съ башнями, оберегаемыя сторожевыми отрядами. При томъ-же князѣ, Тула была укрѣплена каменными стѣнами. За этой границею, къ югу, страна принадлежала Московскому государству; она была весьма мало населена, такъ какъ каждый селился въ ней на собственный свой рискъ, потому что поселенія были совершенно беззащитны. Въ этой странѣ находились передовые сторожевые посты.

Въ пограничныхъ лѣсахъ, въ глуши, куда проникнуть могъ только знакомый съ мѣстностью, на возвышенной полянѣ ютился русскій сторожевой постъ. Нѣсколько рубленныхъ хатъ, окопанныхъ земляным валомъ, глубокій колодезь съ журавлемъ и посреди всего этого высокій шестъ съ пучкомъ хвороста, вотъ все, что можно было найти на такомъ уединенномъ посту. Этому, затерянному среди лѣсовъ, поселку не разъ города, села и нивы тогдашней Руси были обязаны избавленіемъ отъ разоренія. Подобный постъ служилъ недреманнымъ окомъ землѣ. На верхушкѣ высокаго дерева, день и ночь сидѣлъ сторожъ, наблюдавшій даль на югъ. Отсюда, изъ этого поста выѣзжали конники и, прячась въ яругахъ, въ прибрежныхъ тростникахъ и въ опушкахъ, переѣзжая отъ дерева къ дереву, уходили далеко въ степь, выслѣживая, не таитъ-ли она въ себѣ чего-либо опаснаго для русской земли. Заслышавъ что и поразвѣдавъ, быстро мчались они къ сторожевому посту и сообщали имъ замѣченное; вслѣдъ за этимъ раздавался зловѣщій крикъ съ дерева: „Орда идетъ!“ Вспыхивалъ пукъ хвороста на высокомъ шестѣ и тонкой струйкой вѣстовой дымъ поднимался къ небу. За нимъ, вдали къ сѣверу поднимался другой, третій дымокъ и такъ вплоть до Москвы, откуда уже дѣлалось распоряженіе и двигались рати на встрѣчу ордынцамъ. Пограничная служба требовала всегдашней готовности; лишенная мирныхъ занятій, она была богата опасностями, тревогой и приключеніями. Такого рода служба выработала и особый типъ людей бездомныхъ, лихихъ наѣздниковъ, получившихъ названіе казаковъ. Удаленность отъ правительственныхъ центровъ, постоянная опасность, которую приходилось побѣждать общими силами, заставляла этихъ людей соединяться въ одно общество и подчиняться одному избранному лицу. Такъ какъ границы оберегались не только со стороны Московскаго государства, но также и Литвою, то казачество облегло съ сѣвера и запада степь и протянулось по Днѣпру. Постоянная борьба съ невѣрными дѣлала этихъ пограничныхъ людей, исконныхъ православныхъ, безпощадными и неутомимыми врагами татаръ. Дальновидная Московская политика цѣнила этихъ людей, поощряла ихъ службу и покровительствовала имъ. Служа интересамъ Руси на окраинахъ ея, пользуясь свободой, казачество привлекало къ себѣ изъ средины страны всѣхъ искавшихъ этой свободы. Къ казакамъ приходили люди недовольные, гонимые, бѣжавшіе отъ кары закона или произвола начальствующихъ лицъ, а при Борисѣ Годуновѣ сюда стекались бѣглые холопы и крестьяне, недовольные прикрѣпленіемъ къ землѣ. Удалая вольница, въ большинствѣ бездомная голытьба, не только защищала Русь отъ татаръ, истребляя ихъ безпощадно, но была не прочь иногда поживиться и на счетъ ближняго. Правительство Московское при Борисѣ Годуновѣ начало обуздывать вольницу и вызвало этимъ неудовольствіе ея. Къ тому-же, покидавшіе свои земли и давнія жилища крестьяне, бѣжавшіе отъ крѣпости, приносили на Украйну крайнее раздраженіе противъ Московскаго царя. Наконецъ голодъ, продолжавшійся къ ряду два года (1601—1602 г.), выслалъ на Украйну людей тоже крайне опасныхъ. Владѣльцы холопей, не имѣя возможности прокормить свою челядь, въ голодные года отпустили ее на всѣ четыре стороны. Очутившись въ безпомощномъ положеніи безъ куска хлѣба, холопи, понятно, предпочли голоду внутри государства свободную казачью жизнь, гдѣ грабежемъ и насиліемъ можно было

съ избыткомъ прожить. Все это сдѣлало Украйну весьма опасною силою на границахъ Московскаго государства; для него самого недоставало только повода, чтобы сила эта сказалась. Но за этимъ дѣло не стало. Крамола Московскихъ бояръ сыскала поводъ, по которому Украйна вспыхнула пожаромъ мятежа, обхватившимъ всю Русь на долго.

Въ 1604 г. у воротъ Спасскаго монастыря, близъ Новгорода-Сѣверскаго, явилось нѣсколько чернецовъ-странниковъ, прося пріюта. Добродушный архимандритъ обители принялъ путниковъ и обласкалъ ихъ, а одного дьякона, Григорія Отрепьева, даже поселилъ въ своей кельѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 30, малаго роста, широкаго склада, смуглое лицо его было не красиво, съ приплюснутымъ носомъ, волоса у него были русые. На словахъ Отрепьевъ показалъ себя отцу архимандриту человѣкомъ бывалымъ и смышленнымъ. Было о чемъ его послушать: живалъ онъ на Москвѣ, зналъ доподлинно всѣ тамошніе порядки, видалъ самого царя и патріарха, у котораго даже и въ кельѣ бывалъ, объ именитыхъ боярахъ ужъ говорить нечего, всѣхъ вотъ такъ поименно и перебираетъ. Долго добродушный старецъ слушалъ въ сласть велерѣчиваго странника и казалось все было мало, все еще хотѣлось послушать. Прошло такимъ образомъ нѣсколько дней; Григорій началъ просить архимандрита позволить ему съ его спутниками съѣздить на время въ Путивль проповѣдать своихъ свойственниковъ. Разумѣется, отказа не было и гостепріимный архимандритъ далъ даже лошадь съ провожатымъ, могущимъ указать дорогу въ Путивль. Въ тотъ-же день, къ вечеру, провожатый прибѣжалъ пѣшкомъ въ монастырь и прямо кинулся въ настоятельскія кельи и донесъ отцу архимандриту, что странники не поѣхали въ Путивль, а повернули по Кіевской дорогѣ, несмотря на то, что имъ была указана настоящая дорога, а его, провожатаго, они прогнали отъ себя. Старецъ очень огорчился скрытностью и грубостью бывшихъ своихъ гостей. Погоревавъ вдоволь, онъ уже направился было на покой къ своему ложу, какъ вдругъ увидалъ на изголовьѣ записку, развернулъ ее и прочелъ: „Я царевичъ Димитрій, сынъ царя Іоанна и какъ буду на престолѣ въ Москвѣ, то пожалую тебя за покой въ твоей обители". Широко открылъ старецъ свои очи на эти строки, ужаснулся и заплакалъ. Но о запискѣ никому не сказалъ. Такъ объявился впервые человѣкъ, поднявшій всю Украйну, наведшій на Русь, Литву и Польшу однимъ словомъ и причинившій много зла Московскому государству. Между тѣмъ, по темнымъ слухамъ объ опасности, Борисъ приказалъ удвоить пограничные караулы въ Литвѣ, которые были сверхъ того протянуты отъ Смоленскаго рубежа даже до Брянска. Вскорѣ заволновалась сѣверская украйна, узнавъ, что въ западной Руси у пана Вишневецкаго объявился спасенный отъ убійства въ Угличѣ сынъ царя Ивана, царевичъ Димитрій. Появились подложныя письма, въ которыхъ увѣщевался народъ оставить Бориса и признать законнаго царя; вслѣдствіе этого Донскіе казаки отрядили къ мнимому царевичу атамана Корелу съ другими поднести ему дары и просить идти скорѣе на царство.

21 октября 1604 года, перейдя границу, Лжедимитрій вступилъ въ Моравскъ, первый русскій городъ. Этимъ поднялась смута въ Русскомъ царствѣ, затѣянная крамольными боярами изъ личныхъ честолюбивыхъ цѣлей и по ненависти къ Борису, поддерживаемая Польско-Литовской землею ради давнишней непріязни къ Руси, благословляемая іезуитами, чаявшими присоединить Московское государство къ Римской церкви и, наконецъ, питаемая украйной ради поживы, грабежа и насилія. А землѣ предстоялъ новый подвигъ, новыя великія страданія въ ея и такъ невеселой жизни.

Успѣхъ Самозванца за все время его медленнаго движенія къ Москвѣ съ частыми остановками былъ обезпеченъ измѣнами бояръ и ратныхъ людей Годунову. Не остановилась крамола пораженіемъ Самозванца подъ Добрыничами, ибо воеводы Московскіе не думали воспользоваться битвою. Ратные люди, послѣ неудачной битвы, бѣжали не въ Москву или другой сборный пунктъ, а преспокойно покинули самое дѣло и разошлись по домамъ. Послѣ смерти царя, послѣдовавшей внезапно 13 апрѣля, явившійся въ станъ Московскихъ войскъ подъ Кро-

мами Басмановъ, хотя и привелъ къ присягѣ ратныхъ людей Θеодору Годунову и матери его Марьѣ Григорьевнѣ, но вскорѣ онъ, Голицынъ и Салтыковъ объявили, что они признаютъ Самозванца Димитріемъ. Ихъ пагубному примѣру послѣдовали боярскія дѣти изъ Рязани, Тулы, Каширы и Алексина. Лжедимитрію, такимъ образомъ, открывался свободный путь къ Москвѣ, и онъ съ двухтысячнымъ отрядомъ пошелъ туда на Орелъ. Отсюда были посланы въ Москву Плещеевъ и Пушкинъ съ подметными грамотами, а въ Тулу пришли отъ нихъ радостныя вѣсти о бунтѣ народа и о заключеніи подъ стражу семейства Годунова. Чтобы покончить съ этими несчастными, Самозванецъ изъ Тулы-же послалъ надежныхъ для этого дѣла людей князей Голицына и Рубца Мосальскаго. Послѣ отъѣзда этихъ злодѣевъ, къ Самозванцу явились съ повинною Воротынскій, Телятевскій и нѣкоторые Донскіе казаки. Послѣдніе были приняты благосклонно и даже были жалованы къ рукѣ. Московскимъ-же боярамъ была выказана полнѣйшая немилость, ихъ даже ругали, а Телятевскаго едва не убили. Теперь непобѣдимому цезарю и Божіей Милостію Самодержцу всея Руси Димитрію Ивановичу, а прежде бывшему чернецу Чудова монастыря, Григорію Отрепьеву, оставалось только занять праздный престолъ всея Руси.

Чрезъ 11 мѣсяцевъ Москва, руководимая Василіемъ Шуйскимъ и другими боярами, свергнувъ и убивъ Лжедимитрія, самовольно, безъ спроса земли, посадила на престолъ того-же Василія Шуйскаго. Такимъ образомъ, человѣкъ, лишенный симпатій, перешелъ дорогу другимъ боярамъ, считавшимъ царство Русское своимъ достояніемъ; вотъ причина неудовольствія крамольниковъ. Незаконное-же избраніе на престолъ послужило основаніемъ къ отпаденію многихъ городовъ. При такомъ порядкѣ вещей, спокойствіе не могло водвориться и едва только воцарился Шуйскій, какъ въ народѣ началъ ходить слухъ о томъ, что въ Москвѣ былъ убитъ неизвѣстный нѣмецъ, а не Димитрій, который успѣлъ будто-бы скрыться черезъ Украйну въ Польшу. Первый, поднявшій бунтъ, былъ воевода Путивля, князь Григорій Шаховской. Онъ громко объявилъ, что царь Димитрій Ивановичъ живъ и скрывается въ Польшѣ. Тотчасъ-же Путивльцы, а за ними вся Украйна до Ельца возмутилась и плохо пришлось въ ней недовѣрявшимъ нелѣпому слуху. Мирныя средства, посылка изъ Москвы въ Елецъ Θеодора Нагова и въ Сѣверскую Украйну митрополита Крутицкаго—не привели ни къ чему, а посланные послѣ этого Воротынскій и Трубецкой съ войскомъ, по обыкновенію всѣхъ Московскихъ воеводъ этого времени, ничего не предпринимали рѣшительно, осаждая для виду Кромы, а между тѣмъ все шире разросталось непстовое волненіе, поднятое Шаховскимъ и Телятевскимъ во имя отсутствующаго лица. Новое дѣло вызвало и новыхъ дѣятелей. Воеводою сталъ бывшій холопъ Телятевскаго Иванъ Исаевъ Болотниковъ, человѣкъ бывалый, смѣтливый и въ высшей степени пронырливый. Онъ съ своею многочисленною шайкою явился подъ Кромами и разбилъ Московскихъ воеводъ. Послѣ этого пораженія, люди царской рати по обыкновенію не дошли до Москвы и разбрелись по домамъ. Тула, Мценскъ, Орелъ, Калуга, Веневъ и вся Рязанская земля передались имени Самозванца и выбрали себѣ предводителей. Между Рязанскими выборными впервые упоминается Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, игравшій впослѣдствіи столь видную роль. Присоединился онъ къ мятежникамъ не надолго. Всѣ побѣды бунтовщиковъ, вся пролитая кровь людей, измѣны и клятвопреступленія дѣлались во имя будто спасшагося въ Москвѣ Димитрія. Наступило время, когда одинъ звукъ этого имени не могъ служить достаточнымъ поводомъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, нуженъ былъ Димитрій, самъ лично, чтобы придать дѣлу успѣхъ и Шаховской и Телятевскій давно и усердно искали повсюду, но всѣ поиски ихъ пока были напрасны. Сидѣвшій въ Самборѣ у Мнишковъ Молчановъ, убійца Θеодора Годунова, былъ лицомъ слишкомъ извѣстнымъ на Руси, чтобы можно было даже и въ то легковѣрное время сдѣлать успѣшный подлогъ и назвать его Димитріемъ. Между тѣмъ, всякій день промедленія влекъ за собою охлажденіе массъ къ дѣлу Самозванца. Послѣдствія не замедлили сказаться не только на рядовыхъ приверженцахъ мятежа, но также и на такихъ

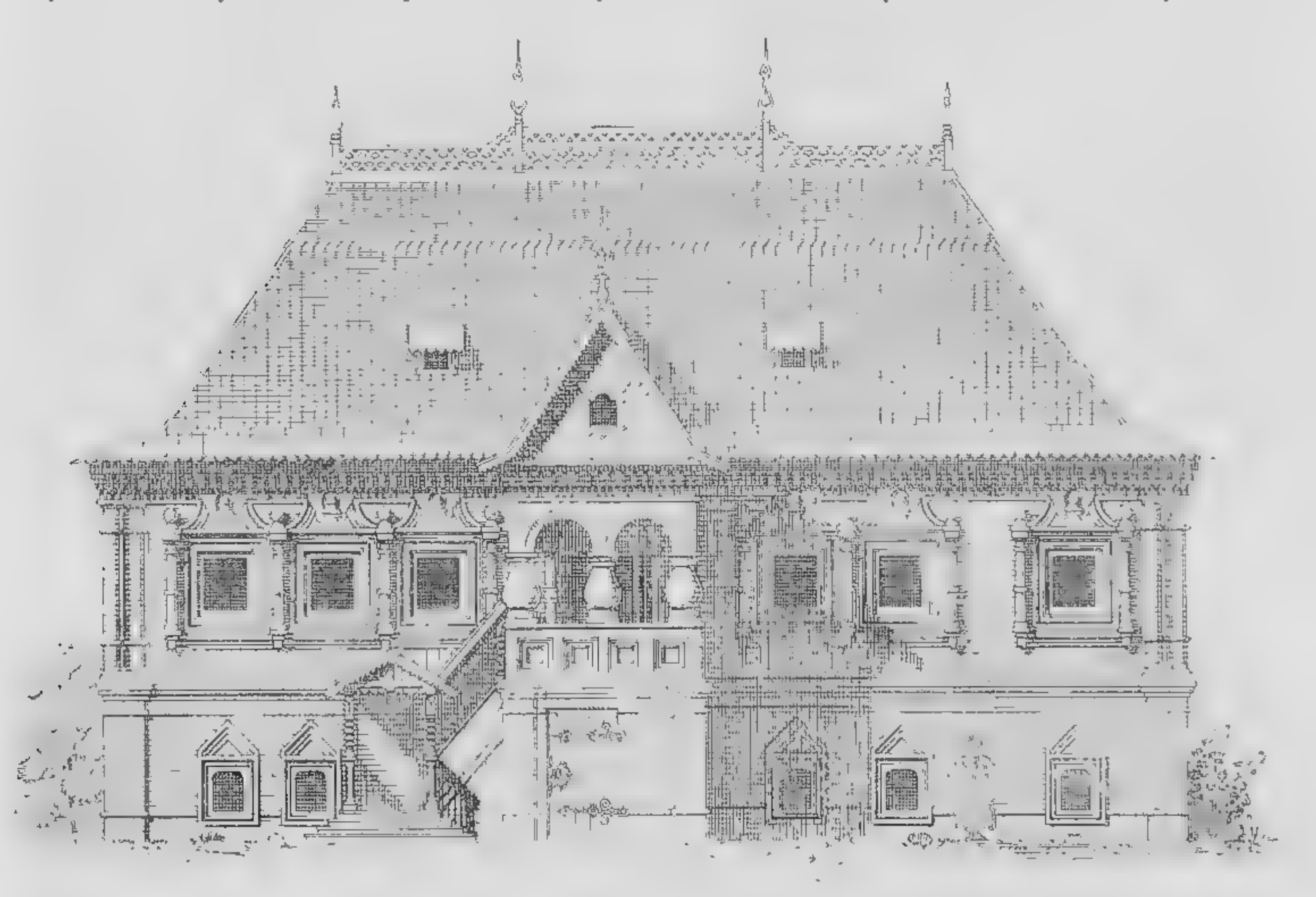
лицахъ, какъ Ляпуновъ и Сумбуловъ, явившихся вскорѣ съ повинною въ Москву... Взявъ подъ свое покровительство бродягу Илейку, назвавшагося Петромъ, сыномъ царя Ѳеодора Ивановича, Шаховской съ Телятевскимъ, Долгорукимъ и Мосальскимъ спѣшно двинулся на сѣверъ, чтобы выручить Болотникова, засѣвшаго въ Калугѣ. Въ непродолжительное время послѣдовало нѣсколько жаркихъ битвъ, но Московское правительство отъ нихъ ничего не выиграло. Самъ Илейка съ запорожцами пошелъ къ Тулѣ, а Телятевскій двинулся къ Калугѣ, чтобы подать помощь Болотникову. Но, наконецъ, нужно-же было принять энергическія мѣры къ подавленію мятежа и Василій, оставивъ въ Москвѣ брата своего Димитрія, двинулся самъ изъ столицы съ войскомъ къ Тулѣ, куда собрались между тѣмъ всѣ начальные люди мятежа. Такимъ образомъ, взятіе Тулы представлялось для Василія весьма важнымъ дѣломъ. Но осада этого города, благодаря упорной защитѣ, протянулась до осени. Станъ царскій подъ Тулой былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: князь Голицынъ съ Каширскимъ полкомъ сталъ на Красной горѣ, по Каширской дорогѣ, у рѣчки Тулки (Тулицы). Главное войско съ передовымъ полкомъ помѣстилось по Крапивенской дорогѣ. Главный нарядъ расположился за Турами, отъ той-же Крапивенской дороги ближе къ рѣкѣ Упѣ. Возлѣ Каширскаго полка вдоль берега Тулицы стали Мурзы-казаки, городовъ и пригородовъ ея, съ множествомъ татаръ, Чувашъ и Черемисъ, подъ начальствомъ воеводы князя Петра Араслановича Урусова. Засѣвшіе въ городѣ дѣлали безпрестанныя вылазки и били въ мелкихъ стычкахъ Москвитянъ, но за то большія пушки съ обѣихъ сторонъ разили городъ и причиняли не мало ущерба людямъ.

Отчаянно защищаясь, Шаховской и Болотниковъ хорошо видѣли, что подчиненные ихъ не были довольны отсутствіемъ лица, за которое велось все дѣло. Дрожа за вѣрность осажденныхъ, вожаки замыслили отправить къ Мнишкамъ кого-нибудь, чтобы побудить ихъ отыскать лицо, могущее замѣнить Димитрія. Посланцемъ взялся быть атаманъ днѣпровскихъ казаковъ Иванъ Заруцкій. Взявъ грамоту, онъ ночью удачно прошелъ черезъ Московскій станъ, но, достигнувъ Стародуба, остался тамъ. Въ грамотѣ, унесенной Заруцкимъ, Шаховской, увѣдомляя о своихъ успѣхахъ, предлагалъ Полякамъ за уничтоженіе Шуйскаго всѣ города, принадлежащіе имени Самозванца. Прошло уже достаточное время, а помощи не было. Шаховской и Болотниковъ послали другого гонца. На этотъ разъ Мнишки получили извѣщеніе и начали хлопотать о пріисканіи Димитрія. Однако, подставное лицо явилось помимо ихъ, въ томъ-же непокойномъ углу юго-запада Руси, въ Стародубѣ. Въ Московскій станъ подъ Тулою явился нежданно боярскій сынъ изъ Стародуба, посланникомъ отъ новаго Лжедимитрія и, представъ предъ царемъ, дерзко требовалъ, чтобы онъ уступилъ престолъ Димитрію, при чемъ говорилъ Василію: „Ты прямой измѣнникъ, подыскался царства подъ нашимъ государемъ". Его схватили, запытали до смерти, но ничего не узнали.

Уже осенью, одинъ Муромецъ, Сушинъ Кровковъ, предложилъ Василію взять Тулу особымъ способомъ, а именно: сдѣлать плотину ниже города па Упѣ и, запрудивъ ее, затопить укрѣпленія. Предпріятіе это было приведено въ исполненіе и осажденные, безъ того одолѣваемые сильнымъ голодомъ, съ ужасомъ увидали, какъ стала подниматься вода, затопляя улицы. Дошло до того, что только на лодкѣ можно было переѣхать изъ дома въ домъ. Побѣжденные этой выдумкой, Шаховской, Болотниковъ и Телятевскій послали въ Московскій станъ предложеніе сдать городъ, но съ тѣмъ однако, чтобы помилованіе ихъ было удостовѣрено царскимъ словомъ, иначе-же, говорили они, прежде съѣдятъ другъ друга, чѣмъ сдадутся. Пощада имъ была обѣщана и 10 октября отворились ворота города. Болотниковъ выѣхалъ передъ царскій шатеръ, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, палъ ницъ и сказалъ: „Я исполнилъ обѣщаніе, служилъ вѣрно Димитрію, что въ Самборѣ. Обманщикъ-ли онъ, царь-ли, не вѣдаю. Знаю только одно, что онъ видалъ меня. Теперь я въ твоей власти, захочешь лишить меня жизни, вотъ сабля, если-же я останусь живъ, то умру твоимъ вѣрнымъ рабомъ". Въ то время

его пощадили, но потомъ въ ссылкѣ, въ Каргополѣ, утопили. Илейку повѣсили въ Москвѣ. Шаховского сослали въ Каменную пустынь на Кубенское озеро. Одинъ только Телятевскій ничѣмъ не поплатился изъ уваженія къ его родству и знатному имени. Къ Самозванцу въ Стародубѣ начали являться польскіе отряды и шайки казаковъ; благодаря только лицамъ, окружавшимъ его, дѣло это не было окончательно проиграно, ибо самъ онъ былъ лишенъ отваги и смѣлости, необходимой для того, чтобы играть взятую на себя роль. Наконецъ, пройдя Украйну послѣ кровопролитныхъ битвъ, Самозванецъ черезъ Калугу вышелъ изъ нашего района, чтобы остановиться передъ Москвою въ Тушинѣ.

Около этого-же времени, Рязанскіе воеводы, князь Иванъ Хованскій и думный дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, ходили къ измѣнившему Пронску, сожгли посадъ, но города не взяли, при чемъ Ляпуновъ былъ раненъ въ ногу изъ пищали. Возвратившись, воеводы услыхали,

Домъ Марины Мнишекъ въ Калугѣ.

что Лисовскій взялъ Зарайскъ, противъ него были отправлены Арзамасцы съ братомъ Ляпунова, Захаромъ. Не радѣя о службѣ, люди явились подъ Зарайскъ пьяными и были сильно побиты Лисовскимъ. Болѣе 300 Арзамасцевъ поплатились жизнію и были погребены въ одной могилѣ. Лисовскій, въ память о себѣ, велѣлъ надъ этой могилой насыпать высокій холмъ, сохранившійся и до нашихъ дней, на одной изъ улицъ этого города.

Происшествія въ Тушинѣ, прибытіе туда Марины Мнишекъ, не подлежатъ нашему разсказу, и мы должны прямо перейти къ бѣгству Самозванца изъ Тушинскаго стана.

Встревоженный переговорами Рожинскаго съ королемъ Сигизмундомъ и видя волненія въ Тушинскомъ станѣ, Самозванецъ задумалъ бѣжать оттуда, и 27 декабря 1610 г., послѣ того какъ протрубили вечернюю зарю, въ сопровожденіи только шута своего Кошелева, перерядившись крестьяниномъ, онъ на повозныхъ саняхъ уѣхалъ въ Калугу. Избѣжавъ погони, царекъ доѣхалъ до предмѣстій города и остановился въ одномъ подгородномъ монастырѣ. На

другой день въ городъ было послано нѣсколько монаховъ; черезъ нихъ Самозванецъ велѣлъ сказать Калужанамъ о причинахъ своего прибытія, и затѣмъ обращался за помощью къ жителямъ и бранилъ поляковъ и Сигизмунда. Калужане явились въ монастырь съ хлѣбомъ и солью, проводили съ почетомъ царька въ городъ и водворили его въ домѣ воеводы своего Скотницкаго (домъ этотъ нынѣ принадлежитъ мѣщанину Коробову). Водворясь въ Калугѣ, царекъ прежде всего велѣлъ утопить Скотницкаго въ Окѣ, подозрѣвая его въ сношеніяхъ съ Тушинскими поляками. Калужане исполнили это приказаніе самымъ варварскимъ образомъ. Послѣ этого не проходило дня, чтобы царекъ не потѣшался казнями поляковъ, имѣвшихъ неосторожность попасться въ плѣнъ къ казакамъ. Спустя полтора мѣсяца, къ воротамъ дома, занимаемаго царькомъ, прискакали всадники, и главный изъ нихъ, еще очень молодой, въ красномъ бархатномъ кунтушѣ, съ пистолетами за поясомъ и саблей на боку, послалъ сказать царьку, что пріѣхалъ коморникъ (спальникъ) Димитрій и имѣетъ сообщить нѣчто очень важное самому царю. Самозванецъ тотчасъ-же догадался и велѣлъ казакамъ отворить ворота. Путники въѣхали на дворъ, коморникъ сошелъ съ коня, и всѣ узнали въ немъ Марину. Калужане очень обрадовались прибытію ея. Воеводскій домъ въ Калугѣ сталъ дворцомъ, а городъ—столицей Самозванца, окружившаго себя царскою пышностью. Марина составила свой придворный штатъ изъ нѣмокъ, къ которымъ, впрочемъ, мало благоволила. Сюда явились къ царьку донскіе казаки съ княземъ Шаховскимъ и поляками изъ Тушинскаго стана; съ ними въ наличности оказалось въ распоряженіи Самозванца до 1200 человѣкъ. Съ этимъ отрядомъ онъ двинулся къ Москвѣ, переславшись предварительно съ Сапѣгою, но, разбитый у рѣки Поры, повернулъ къ Пафнутію-Боровскому монастырю. Младшіе бояре отряда Московскихъ войскъ, засѣвшихъ тамъ, измѣнили и сдали монастырь царьку, но старшій—Волконскій—долго защищался съ вѣрными людьми въ храмѣ; наконецъ, обезсиленный отъ ранъ, палъ мертвымъ у лѣваго клироса. Пафнутьевъ монастырь былъ разоренъ, и царекъ направился отсюда на Угрѣшу, а оттуда, когда отъ него многіе перебѣжали къ Жолкевскому, вернулся въ Калугу. Здѣсь онъ жилъ въ свое удовольствіе, занимаясь то охотой, то злодѣйскими убійствами подозрѣваемыхъ въ недоброжелательствѣ ему. Долго такой порядокъ вещей не могъ продолжаться, и 11 декабря Калужскій царекъ былъ убитъ изъ мести крещенымъ татариномъ Урусовымъ. По этому поводу въ Калугѣ произошелъ большой переполохъ. Загудѣлъ набатъ со всѣхъ колоколенъ города, и народъ высыпалъ на улицы. Марина, полунагая, съ зажженнымъ факеломъ, бѣгала по городу, рыдая и требуя мести. Горожане бросились на татаръ и перерѣзали ихъ. Трупъ Самозванца съ честью былъ отнесенъ въ соборный храмъ и тамъ преданъ землѣ. Послѣ этого Калужане присягнули, согласно указанію бояръ, правителей Московскихъ, королевичу Владиславу, Марину-же взяли подъ стражу. Вскорѣ къ городу подошелъ Сапѣга и началъ переговоры съ жителями. Марина, воспользовавшись этимъ, писала къ нему, умоляя спасти ее, ибо ей угрожали казнью. Но Сапѣга, простоявъ еще день подъ городомъ, ушелъ. Опасное положеніе Марины миновалось только тогда, когда у нея родился сынъ, котораго она окрестила по обряду Православной церкви и назвала Иваномъ. Калужане были очень рады появленію на свѣтъ потомства своего царька и готовы были опять поднять угасшую смуту. Спустя нѣкоторое время, въ Калугу явился къ Маринѣ новый покровитель; то былъ атаманъ днѣпровскихъ казаковъ Иванъ Мартыновъ Заруцкій.

Мало-по-малу стало проявляться среди земскихъ элементовъ русской земли броженіе въ пользу самостоятельнаго и независимаго избранія на царство Государя по волѣ и по сердцу всей земли. Видимымъ поводомъ къ этому послужило неисполненіе поляками условій, при которыхъ согласились Москвичи допустить королевича Владислава на престолъ и насильственное занятіе столицы Жолкевскимъ, буйство, грабежи и убійства, совершаемыя его отрядомъ въ городѣ, затѣмъ уклончивость Сигизмунда дать обѣщаніе въ томъ, что Владиславъ приметъ греческій законъ, тогда какъ становилось все болѣе яснымъ желаніе самого Сигизмунда быть

царемъ. Починъ въ дѣлѣ освобожденія Руси отъ смуты принадлежитъ Прокопію Ляпунову въ Рязани. Онъ первый началъ пересылаться съ Нижнимъ-Новгородомъ, но попытка эта окончилась подъ Москвой коварной клеветой на Ляпунова, и этотъ лучшій человѣкъ земли погибъ по козням Тушинца Трубецкого и разбойничьяго атамана Заруцкаго. Это былъ только первый просвѣтъ зари. Вскорѣ показалась она, ясная, озарившая надеждою всѣхъ русскихъ людей, истинно любившихъ свою землю и истомившихся отъ крамолъ, измѣнъ и всѣхъ ужасовъ того времени. Эта отрадная заря Русской земли взошла на сѣверо-востокѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Простой земскій человѣкъ—мясникъ Козьма Мининъ Сухорукъ—обратился съ теплымъ словомъ убѣжденія къ народу; таившаяся въ немъ здоровая земская сила возстала на защиту страдалицы Русской земли. Все, что было лучшаго, въ комъ еще таилась искра земскаго

Цейхгаузъ Петра Великаго въ Воронежѣ.

смысла, кто хотѣлъ порядка, спокойствія и устроенія пошелъ подъ Нижегородскія знамена, и ополченіе, осѣненное благословеніемъ уже почившаго Патріарха-мученика *), двинулось къ Москвѣ, подъ предводительствомъ Димитрія Михайловича Пожарскаго. Между тѣмъ, въ самомъ гнѣздѣ смуты, на крайнемъ юго-западѣ Руси, были получены Нижегородскія граматы и вѣроятно не остались безъ дѣйствія, ибо Украйна перестала высылать новыя толпы грабителей. Какъ наступающій день гонитъ мракъ ночи, такъ и движеніе союзнаго ополченія къ Москвѣ прогнало злодѣя Заруцкаго съ его казаками. Онъ бѣжалъ въ Коломну, гдѣ у него жила Марина съ своимъ сыномъ, разграбилъ городъ, надѣлалъ много зла Рязанской землѣ и пошелъ въ Михайловъ. Оттуда явился подъ Переяславлемъ, желая взять его, но былъ совершенно разбитъ воеводою Бутурлинымъ и бѣжалъ на Воронежъ; когда-же и тамъ былъ разбитъ, ушелъ въ Астрахань.

*) Гермогена.

Въ 1613 г., въ январѣ, изъ всѣхъ русскихъ городовъ пошли къ Москвѣ выборныя земли на земскій соборъ для избранія верховника всея Руси. Въ концѣ февраля и въ началѣ марта стало извѣстнымъ, что выборъ палъ на 16-лѣтняго Михаила Θеодоровича Романова, сына Филарета Никитича. Но и послѣ этого земля долго не могла успокоиться. Долго свирѣпствовали въ сѣверо-западномъ углу нашей страны, въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи, казаки, татары, Лисовскій, Чаплинскій, посланный Владиславомъ, и, наконецъ, атаманъ Сагайдачный съ своими запорожцами. Царскіе воеводы и простые ратные люди подчасъ вели себя не лучше упомянутыхъ пришельцевъ. Честь боярская оскудѣла отъ постояннаго шатанія изъ личныхъ выгодъ отъ одного лжецаря къ другому. Служилое сословіе, живя въ помѣстьяхъ и уклоняясь отъ службы, думало только о себѣ и о своихъ интересахъ. Мирный трудъ не существовалъ. Торговля, вслѣдствіе небезопасности путей, почти прекратилась. Крестьянство, лишенное домовъ и урожаевъ, не было въ силахъ уплачивать чрезмѣрные поборы и бродило по странѣ. Въ судахъ все было подкупно. Сборщики, собирая для правительства деньги, не забывали себя и обогащались непомѣрно. Однимъ словомъ, люди „измалодушествовались" и земля опустѣла. Не лучше было и въ верху земли. Молодого царя окружили льстецы и корыстолюбцы, но всѣхъ недостойнѣе были Салтыковы, родственники матери Михаила. Тѣ-же, которые порадѣли о странѣ, спасли ее отъ окончательной гибели и были достойны высокой чести, остались въ тѣни, зауряд съ другими. Пожарскій былъ выданъ головою Салтыкову за то, что не хотѣлъ объявить этому недостойному любимцу о пожалованіи въ боярскій санъ. Единственная и самая важная заслуга царствованія Михаила Θеодоровича заключалась въ томъ, что онъ часто обращался къ землѣ и выслушивалъ выборныхъ на земскихъ соборахъ. Ни въ одно время, ни при одномъ царѣ не бывало столько соборовъ; послѣ Михаила Θеодоровича желанія земли не стали доходить до царей этимъ открытымъ и законнымъ путемъ.

Медленно водворялся порядокъ на мѣсто безурядья въ нашей странѣ. Были возобновлены прежнія пограничныя линіи. Тула опять стала ключомъ этихъ укрѣпленій и служила береженіемъ для Москвы. Свѣдавъ о предполагаемомъ вторженіи крымцевъ, правительство въ 1638 г. послало для обозрѣнія и укрѣпленія Тульской, за-упской, Малиновой засѣки воеводу Семена Васильевича Волынскаго и стрѣлецкаго голову Степана Карцева. Въ наказѣ имъ поручалось осмотрѣть всѣ пограничныя укрѣпленія и сдѣлать на 23 верстахъ завалъ изъ лѣса въ 25 саженъ ширины, затѣмъ воспользоваться для укрѣпленія линіи болотами и озерами, не дѣлая на этихъ мѣстахъ ни заваловъ, ни земляныхъ насыпей. Близъ Рязани, Козлова и Тамбова были насыпаны тоже пограничныя валы, ограждавшіе государство отъ внезапныхъ вторженій татаръ. На всѣхъ этихъ укрѣпленныхъ линіяхъ стояли постоянные сторожевые полки, подъ начальствомъ особыхъ воеводъ и стрѣлецкихъ головъ.

Огнестрѣльное оружіе начало употребляться въ Россіи еще при послѣднихъ великихъ князьяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первый видъ его, извѣстный подъ названіемъ самопаловъ, привозился къ намъ изъ-за границы. Въ царствованіе Θеодора Іоанновича, въ 1595 г., по распоряженію правителя Годунова, были отведены за Упою близъ Тулы участки земли 30 семействамъ самопальныхъ мастеровъ, съ платою во Владимірскій приказъ за каждый участокъ по 10 р. (теперешнихъ 50). Это было основаніемъ первой Кузнецкой слободы въ Тулѣ. При Михаилѣ Θеодоровичѣ число семей возрасло до 48, и онѣ уже имѣли своего старосту. Въ то-же царствованіе, голландскій торговый гость Виніусъ, съ дозволенія правительства, устроилъ на р. Тулицѣ, близъ села Торхова (Тульскаго уѣзда), первый оружейный заводъ. При этомъ въ грамотѣ, данной Виніусу, сказано: людей государевыхъ ему, Виніусу, всякому желѣзному дѣлу научить и никакія ремесла отъ нихъ не скрывать. Нѣсколько позднѣе этого завода возникъ близъ деревни Коптевой (Алексинскаго уѣзда), при р. Вырейкѣ, первый пушечный заводъ, устроенный иностранцемъ Петромъ Марселіусомъ. Причиною возникновенія близъ Тулы заводовъ для удовлетворенія потребности государственной въ огнестрѣльномъ оружіи по-

служило близкое мѣстонахожденіе желѣзной руды. Она добывалась въ то время въ 5 верстахъ отъ села Дѣдлова, прежняго города Дѣдославля (Тульской губерніи, Богородицкаго уѣзда).

Самопальное мастерство постепенно росло въ Тулѣ и при Алексѣѣ Михайловичѣ уже 121 самопальника доставляютъ правительству въ годъ 242 пищали. При Петрѣ I, въ 1704 году, въ Кузнецкой слободѣ было уже 300 дворовъ и 749 ружейныхъ мастеровъ, доставлявшихъ въ Москву ежегодно по 8,000 фузей; за каждую фузею изъ казны выдавалось по 22 алтына и 2 деньги, что составляетъ на наши деньги 67 к. Если фузея при пробѣ оказывалась неудовлетворительною и ее разрывало, то мастера, дѣлавшаго такую фузею, приказано было „бить батоги на мірскомъ дворѣ, чтобы впредь всѣмъ не повадно было". Путешествуя въ Воронежъ, гдѣ въ то время строились корабли, Петръ I проѣзжалъ не разъ Тулу и тутъ узналъ оружейнаго мастера Никиту Демидова. Покровительствуя всякому способному человѣку, царь оказывалъ ему постоянное вниманіе, и въ 1696 г. дозволилъ этому честному и искустному мастеру выстроить свой собственный заводъ съ плотиною по примѣру Торховскаго. Мѣсто подъ этотъ заводъ было отведено при впаденіи Тулицы въ Упу; для добыванія-же руды, Демидову была пожалована земля въ Малиновой засѣкѣ. Эта земля, на проселочной Крапивенской дорогѣ, и селеніе, стоящее теперь на этомъ мѣстѣ, называются „Рвы". Кромѣ того самъ царь задумалъ построить казенный заводъ, и въ 1712 г. поручено было указомъ сенатору князю Волконскому произвести постройку на старомъ Тульскомъ городищѣ, и черезъ 2 года заводъ былъ уже въ ходу. Водяные проводы на этомъ заводѣ обтачивали и сверлили стволы, всѣ-же мелкія ручныя работы производились мастерами у себя на дому и по мѣрѣ изготовленія доставлялись на заводъ. Съ разными частными измѣненіями и новыми приспособленіями заводъ этотъ просуществовалъ до 1870 года, когда правительство задумало капитальную перестройку его, что и было окончено въ слѣдующемъ году.

Памятникъ Петра Великаго въ Воронежѣ. (Фотографія Серебрина).

Желаніе утвердиться на Черномъ морѣ заставило царя Петра добиваться овладѣть Азовомъ, для чего необходимъ былъ флотъ. Петръ, желая создать его, заложилъ верфь для постройки судовъ въ Воронежѣ. Мѣсто это было выбрано хорошо, такъ какъ было удалено отъ непріятелей, а корабли могли легко по р. Воронежу спускаться въ Донъ и оттуда въ Азовское море. Закипѣла работа на Воронежской верфи, и въ 1699 г. подъ Азовъ явилось 66 судовъ съ 2,546 орудіями. Помощникомъ Петра въ этомъ дѣлѣ явился Воронежскій святитель Митрофанъ, пожертвовавшій въ два раза до 9,000 р. серебряными копѣйками.

Бывая часто въ Воронежѣ, царь лучше узналъ святого мужа и любилъ бесѣдовать съ нимъ. [illegible] верфи Петру захотѣлось видѣть святителя, и онъ послалъ за нимъ, Митрофанъ по-

шелъ туда, но, увидя при входѣ статуи миѳологическихъ божествъ, вернулся. Извѣстясь объ этомъ, Петръ послалъ сказать ему, чтобы онъ тотчасъ-же явился, подъ опасеніемъ заслужить казнь. Митрофанъ отвѣчалъ, что онъ скорѣе умретъ, чѣмъ допустить соблазнъ простому въ вѣрѣ, младенчествующему народу, и затѣмъ велѣлъ благовѣстить ко всенощной, и на вопросъ посланнаго отъ царя относительно благовѣста, сказалъ: „Мнѣ, какъ преступнику, объявлена царемъ смертная казнь, и потому я приготовляюсь къ смерти, соборнѣ молясь объ отпущеніи мнѣ грѣховъ. Послѣ этого отвѣта Петръ смирился. Къ сожалѣнію, не много было подобныхъ случаевъ, когда Петръ, ломая безъ разбора все русское, получалъ надлежащій урокъ. Въ Воронежѣ при жизни святителя Митрофана вѣроятно уже не было попытокъ со стороны царя водворить не совсѣмъ скромные порядки московской Нѣмецкой слободы. Впослѣдствіи Петръ удостоился смежить очи отшедшаго святителя, и самъ несъ его останки до мѣста упокоенія. По Провидѣнію угодно было явить мощи усопшаго пастыря Воронежской церкви въ Благовѣщенскомъ Соборномъ храмѣ для чествованія всей Русской земли. До пожара 1748 г. въ Воронежѣ было много зданій, принадлежащихъ эпохѣ Петра I. Всѣ постройки верфи, дворецъ царя, домъ Меншикова, все это погибло въ пламени, и теперь говоритъ о быломъ значеніи этого города только изображенный здѣсь цейхгаузъ, построенный когда-то царемъ.

Толшевскій монастырь. Воронежской губерніи.

Многострадательная украйна Московскаго государства еще разъ была взыскана другимъ нравственнымъ утѣшеніемъ. Однимъ изъ наслѣдниковъ святителя Митрофана по управленію Воронежской паствой явился наслѣдникъ его по духу и благодати епископъ Тихонъ. Бывъ рукоположенъ въ молодыхъ годахъ, св. Тихонъ много потрудился по устроенію Воронежской церкви въ продолженіе своего 6-лѣтняго управленія. Не пользуясь здоровьемъ, онъ принужденъ былъ ходатайствовать о позволеніи удалиться на покой. Получивъ разрѣшеніе и желая болѣе всего уединенія, онъ поселился въ Толшевской обители, основанной еще въ 1641 г. однимъ пчелинцемъ, по имени Константиномъ. Само названіе этого монастыря показываетъ, что онъ стоялъ среди высокаго, толстаго лѣса (толше или толщей). Какъ видно изъ помѣщеннаго здѣсь рисунка, обитель эта очень не богата и по своему уединенному положенію и была избрана святителемъ Тихономъ. По болотистыя мѣста по рѣчкѣ Усмани, съ ихъ вредными испареніями и непроглядные лѣса, задерживающіе свободное движеніе воздуха, неблагопріятно отозвались на здоровьѣ его и онъ долженъ былъ переселиться въ Задонскій Богородицкій монастырь, стоящій на высокомъ косогорѣ берега Дона. По преданію, монастырь этотъ былъ основанъ двумя старцами Кирилломъ и Героммомъ, пришедшими изъ Московскаго Срѣтенскаго монастыря. Въ этой обители, среди трудовъ, посвященныхъ Богу и ближнимъ, окончилъ св. Тихонъ свою жизнь, не обильную внѣшними событіями, но за то богатую внутреннимъ содержаніемъ. Подобно святителю Митрофану, Тихонъ былъ прославленъ открытіемъ его мощей. Служа землѣ наставленіями, примѣрами и заботясь о благѣ ея при жизни своей, покойные іерархи и по отшествіи своемъ не оставляютъ ее своимъ предстательствомъ передъ Богомъ.

Въ концѣ XIV столѣтія на поляхъ нашей страны, бывшей тогда украйной, Русь погребла безчисленныя и грозныя силы Мамая и впервые узнала, что татары побѣдимы. Въ началѣ нашего столѣтія на поляхъ той-же страны, но ставшей уже срединной, Русь побѣдила перваго полководца XIX вѣка и впервыя извѣдала свою силу.

Не предусматривая ужаснаго конца, Наполеонъ шелъ по большой Смоленской дорогѣ, опустошая все на пути. Надежды его на новыя побѣды не оправдывались, русская армія уходила отъ него все далѣе и далѣе въ глубь страны и, наконецъ, предъ Наполеономъ была опустѣлая Москва. Тутъ только онъ понялъ тактику Кутузова, — голодъ и нужда грозили громадной арміи, а между тѣмъ надежды на міръ рушились. Оставалось только одно—выбраться какъ-нибудь изъ этой негостепріимной и холодной страны и потому, послѣ того какъ Мюратъ, командовавшій авангардомъ, былъ разбитъ такъ, что только быстрое отступленіе спасло его 25,000 корпусъ, Наполеонъ вышелъ изъ Москвы и направился къ Калугѣ, желая такимъ образомъ проложить себѣ путь на Витебскъ и Вильну, гдѣ были сосредоточены у русскихъ большіе продовольственные запасы. Пройдя Боровскъ, великая армія увидала передъ собою у Малоярославца Кутузова, съ его арміей, заслонившей намѣченный путь и прикрывшей Калугу. Завязался бой; въ него вступали корпуса по мѣрѣ ихъ прибытія на мѣсто. Начали битву корпуса Дохтурова и принца Евгенія, къ нимъ подошли съ одной стороны Раевскій, а съ другой Даву и такъ постепенно битва становилась общею. Малоярославецъ шесть разъ переходилъ отъ русскихъ къ французамъ, въ самомъ городѣ кипѣлъ ярый бой, не переставая ни на минуту, и только темная ночь положила предѣлъ битвѣ. Кутузовъ отошелъ отъ Малоярославца за нѣсколько верстъ, чтобы занять крѣпкую позицію. Но Наполеонъ послѣ этой битвы не рѣшился пробиваться далѣе и черезъ Боровскъ и Борисовъ возвратился на ту-же Смоленскую дорогу, по которой пришелъ—это было гибелью для его войска.

Передъ нами прошли историческія событія нашей страны: мы видѣли, какъ изъ нея, покрытой на сѣверѣ дремучими лѣсами, а на югѣ носившей признаки перехода въ степь, постепенно выдѣлялись особые центры для культурной и государственной жизни, видѣли, какъ эта страна подвергалась невзгодамъ въ кровавыхъ усобицахъ призванныхъ князей, во время набѣговъ кочевниковъ степи и, наконецъ, отъ татарскаго погрома. Передъ нами были ея страданія въ тяжкую годину Самозванщины и междуцарствія. Все время своего историческаго существованія она была окрайной Руси, но послѣ замиренія и водворенія порядка эта многострадальная окраина стала срединной страной обширной имперіи. Съ тѣхъ поръ какъ часть одного цѣлаго, страна эта живетъ одною общею жизнью со всѣмъ русскимъ государствомъ, страдаетъ его болѣзнями, скорбитъ его горемъ и радуется его радости. Искупивъ кровавыми страданіями свое право на лучшее будущее, она ожидаетъ его съ терпѣніемъ и вѣрою въ свои силы.

Д. Донудовской.

ОЧЕРКЪ VII.

СѢВЕРНЫЙ РАЙОНЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ.

[illegible] о Калужской губерніи. — [illegible] промышленность. — Естественныя [illegible]. — Города Калужской губерніи: Калуга, Малоярославецъ, [illegible], Таруса, Козельскъ. — Общія свѣдѣнія о Тульской губерніи. — Тула и ея достопримѣчательности: [illegible] — Оружейный заводъ въ Тулѣ. — Тульская промышленность. — [illegible] — Города: Алексинъ, Одоевъ, Богородицкъ, [illegible], [illegible] Ефремовъ, Крапивна. — Рязанская губернія. — Раздѣленіе ея въ хозяйственномъ отношеніи. — Городъ Рязань и его [illegible] [illegible] — [illegible] Егорьевскъ, Раненбургъ, [illegible] — Замѣчательные монастыри. — Города: [illegible] [illegible]

МѢСТНОСТЬ, составляющая сѣверный районъ центральной области, обнимаетъ три губерніи по бассейну рѣки Оки: Калужскую, Тульскую и Рязанскую.

Пространство Калужской губерніи равняется 27,142½ квадратнымъ верстамъ или до 2,827,343¼ десятинамъ, изъ которыхъ почти половина покрыта пахатью.

Преобладающая въ Калужской губерніи почва суглинникъ, супесокъ и песокъ; она занимаетъ собою до 70% всего пространства. На свое продовольствіе губернія добываетъ у себя лишь около четверти нужнаго ей зернового хлѣба, принимая при томъ въ расчетъ, что около 150,000 калужанъ ежегодно остаются на заработкахъ внѣ своей губерніи и до 650,000 пудовъ муки потребляется на мѣстныхъ винокуренныхъ заводахъ.

По сравненію съ прежними годами, земледѣльческая промышленность въ Калужской губерніи значительно ослабѣла. Запашка и нынѣ оказывается даже менѣе, чѣмъ за сто лѣтъ тому назадъ. Главною причиною ослабленія земледѣлія оказывается непроизводительность почвы. Оттого населеніе старается удовлетворить свои потребности отхожими промыслами въ находящемся вблизи центрѣ фабричной дѣятельности въ Московской губерніи, а также на

мѣстныхъ заводахъ и фабрикахъ. Этими условіями объясняется и то, что въ Калужской губерніи обработка земли почти повсемѣстно предоставляется женщинамъ. Сверхъ того кре-

Общій видъ г. Калуги изъ за рѣки.

стьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ, убѣдившись въ выгодѣ разведенія конопли, обратили преимущественно свое стараніе къ коноплянникамъ, на которые перевозятъ весь свой навозъ, оставляя хлѣбныя поля вовсе безъ удобренія. Конопля засѣвается всего болѣе въ уѣздахъ Козельскомъ, Перемышльскомъ, Жиздринскомъ и отчасти Мещевскомъ.

Г. Калуга. Церковь Св. Георгія.

Изъ крестьянъ обоего пола почти 5% занимаются на мѣстѣ разнаго рода промыслами, помимо земледѣлія и изготовленія полотенъ и суконъ для потребностей семьи. Число такихъ промысловъ доходитъ до 120. Къ нимъ принадлежатъ: выдѣлка бумажныхъ тканей и пряжи, коробокъ для спичекъ, колесъ и ободьевъ, бочекъ, телѣгъ и саней, горшечныхъ издѣлій, щепнаго товара, сапогъ, самопрялокъ, матъ, платья, войлоковъ, шляпъ, веревокъ, и растительнаго масла, разведеніе канареекъ (въ Полотняномъ заводѣ Медынскаго уѣзда), стружка соломы для спичекъ, приготовленіе рогожъ, сусальныхъ издѣлій, пуговицъ, пряжа шерсти и тканье сукна, распиловка лѣса, сгонка лѣса, добываніе руды, и проч. Къ промысламъ надо присоединить еще особыя занятія городского населенія. Такъ, въ Мещевскомъ уѣздѣ развитъ или скупъ по мелочамъ у крестьянъ разнаго рода продуктовъ сельскаго хозяйства или обмѣнъ ихъ, въ Калугѣ приготовляютъ веревки, въ Боровскѣ заготовляютъ грибы, въ Малоярославцѣ содержатъ вишневые сады.

На заработки внѣ своей губерніи ежегодно уходитъ около $27\frac{1}{4}\%$ всѣхъ мужчинъ и $2\frac{1}{2}\%$ всѣхъ женщинъ. Изъ городского населенія, мѣщанъ, занимаются отхожими промыслами болѣе 15% городского населенія губерніи.

Главное естественное богатство Калужской губерніи составляетъ лѣсъ, но его количество уменьшается съ каждымъ годомъ. Въ 1778 году, по генеральному межеванію, площадь лѣсовъ въ губерніи составляла 1,240,910 десятинъ; въ 1860 году 723,206 десятинъ, а въ 1880 году осталось 461,805 десятинъ или площадь ихъ уменьшилась почти на двѣ трети сравнительно съ тѣмъ, что было сто лѣтъ тому назадъ. Лѣсъ по рѣкамъ Вытебеди, Ресети, Жиздрѣ, Угрѣ и Протвѣ сплавляется въ Оку, а по Снопоту и Болвѣ въ Десну и Днѣпръ.

Г. Калуга. Церковь Св. Женъ Мироносицъ.

До открытія Ряжско-Вяземской желѣзной дороги, главнымъ центромъ лѣсной торговли была пристань близъ Калуги, около деревни Плетеновки, при впаденіи рѣки Угры въ рѣку Оку. Съ открытія же движенія по желѣзной дорогѣ, лѣсная торговля перешла въ Калугу и станцію Алексинъ, какъ въ удобный пунктъ для отправленія раздѣланнаго матеріала по желѣзной дорогѣ, въ безлѣсные уѣзды Тульской губерніи. Какъ въ Калугѣ, такъ и въ Алексинѣ существуютъ лѣсопильные заводы, распиливающіе лѣсъ на раздѣльный матеріалъ.

Ряжско-Вяземская желѣзная дорога, проходя, вопреки ея первоначальному проекту, не по правому, а по лѣвому берегу рѣки Оки отъ станціи Алексина, по небольшой части Калужской губерніи, и, не имѣя прямого соединенія съ Москвою, не могла вполнѣ оживить край и не получила возможности перевозить весь грузъ, который Калужская губернія могла бы доставить, при болѣе выгодномъ направленіи рельсоваго пути. Дорога непосредственно призвала къ дѣятельности только небольшой раойнъ, который при томъ по своему положенію не можетъ доставить большого количества грузовъ. Наиболѣе фабричные уѣзды губерніи, Лихвинскій, Жиздринскій, а равно и торговые ея центры очутились въ невозможности пользоваться Ряжско-Вяземскою дорогою, которая образовала новый центръ хлѣбной торговли на станціи Мятлево, куда и перешла изъ Калуги почти вся торговля этимъ товаромъ. Этому переходу способствовало удобное географическое положеніе Мятлева въ центрѣ, между городами Юхновымъ (Смоленской губ.), Медынью, Боровскомъ и Малоярославцемъ. На этотъ хлѣбный рынокъ привозится въ теченіе года, по желѣзной дорогѣ, изъ Ефремова, Ельца и другихъ мѣстъ до 580,000 пудовъ разнаго хлѣба и до 132,000 пудовъ сельдей и соли изъ Нижняго-Новгорода и Царицына. Московско-Курская и Орловско-Витебская желѣзныя дороги также доставляютъ для Калужской губерніи разные грузы, преимущественно хлѣбные товары. На Орловско-Витебской желѣзной дорогѣ, въ свою очередь, создался новый центръ хлѣбной торговли въ Жиздринскомъ уѣздѣ, въ селѣ Бутчинѣ, куда доставляется ежегодно до 100,000 пудовъ хлѣба. Соль получается на баркахъ по Окѣ въ Калугѣ и на другихъ пристаняхъ.

Г. Калуга. Каѳедральный Свято-Троицкій соборъ.

Г. Калуга. Московскія ворота.

Въ Калужской губерніи, сверхъ того, еще въ большомъ употребленіи гужевая перевозка большей части товаровъ изъ Москвы, а также хлѣбнаго товара изъ Орловской и Тульской губерній и руды изъ послѣдней. Изъ Калужской губерніи гужемъ вывозится въ другія губерніи чугунъ, сукно, спиртъ и другіе товары.

Промышленники Орловской и Тульской губерній гужемъ доставляютъ зимою хлѣбъ въ Калужскую губернію и вывозятъ отсюда къ себѣ.

Города Калужской губерніи, за исключеніемъ Жиздры и Сухиничъ, имѣютъ за собою богатое событіями прошлое. Исторія ихъ тѣсно связана съ исторіею нашего отечества, особенно въ первыя столѣтія его существованія и постепеннаго скрѣпленія, когда со всѣхъ сторонъ враги пытались остановить ростъ Московскаго государства. Въ этомъ отношеніи Калугѣ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Письменныхъ актовъ о времени основанія Калуги не сохранилось. Впервые имя Калуга упоминается въ завѣщаніи Дмитрія Донского въ 1389 году, въ которомъ онъ отдалъ этотъ городъ своему сыну Андрею. Существуетъ предположеніе, что городъ былъ основанъ Симеономъ Гордымъ для отраженія литовцевъ, которые стали тогда распространять свои завоеванія въ той части Калужской губерніи, гдѣ теперь расположенъ ея главный городъ. Въ первыя времена своего существованія Калуга была небольшою крѣпостью.

Г. Калуга. Никитская улица.

Самое названіе Калуга нѣкоторыми производится отъ церковно-славянскаго слова „халуга", означающее мѣсто, положенное тыномъ. Между мѣстными жителями сохранилось смутное преданіе, что встарину около нынѣшняго города существовали городища. Разные остатки въ окрестностяхъ нынѣшней Калуги подтверждаютъ это преданіе. Напримѣръ, на берегу Ячепки, близъ Пятницкаго кладбища, подлѣ самой Калуги, есть городище, представляющее правильную четыреугольную площадь, которая круто спускается къ Ячепкѣ и съ сѣверовосточной и югозападной сторонъ отдѣляется оврагами, глубиною до пяти саженъ. Съ юговосточной стороны площадь сливается съ мѣстностью, на которой расположенъ нынѣшній городъ, и отдѣляется отъ нея небольшимъ рвомъ и валомъ съ проходомъ по срединѣ. Академикъ Зуевъ, проѣзжавшій въ 1781 году чрезъ Калугу, сообщилъ въ своихъ запискахъ, что въ большіе курганы на правой сторонѣ рѣки Калужки зарыты тѣла умершихъ отъ страшной моровой язвы (1352 и 1363 г.), которая, по преданію, была причиною перенесенія города Калуги на другое мѣсто.

Московско-Ямская улица.

Городской садъ.

Дача графа Деликова

Управленіе Сызрано-Вяземской ж. д.

Вокзалъ Сызрано-Вяземско жй. д.

Монастырь въ честь Св. Креста Господня.

ВИДЫ Г. КАЛУГИ.

Перенос города Калуги на нынѣшнее его мѣсто произошелъ, какъ полагаютъ, постепенно съ 1512 года, при нападеніи крымскихъ татаръ, до 1605 года. Во времена самозванцевъ Калуга существовала уже на нынѣшнемъ мѣстѣ, въ углу, образуемомъ впаденіемъ въ Оку Березуйскаго ручья. Слѣды древней крѣпости еще въ первомъ десятилѣтіи XIX вѣка были замѣтны около нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ. По описи 1685 года, эта крѣпость была съ 12 деревянными башнями, имѣла въ окружности 734½ сажени и была обложена землянымъ валомъ, длиною въ одну версту и 230 саженъ. Троицкій соборъ, построенный въ 1686 году на мѣстѣ прежняго собора, въ которомъ былъ похороненъ второй самозванецъ, прозванный калужанами „калужскимъ царикомъ“,—находился внутри означенной крѣпости, гдѣ теперь возвышается каѳедральный соборъ. Въ Калугѣ указываютъ на домъ старинной архитектуры, за каменнымъ мостомъ, въ которомъ будто бы жилъ второй самозванецъ во время своего владычества въ Калугѣ.

Памятникъ 1812 г. въ Калугѣ.

Во времена самозванцевъ, въ Калугу стекались всякаго рода удальцы, искатели приключеній, такъ что населеніе города значительно увеличилось.

Въ 1734 году произведена была опись Калуги, которая въ то время раздѣлялась на девять частей, а именно замокъ или городъ и восемь слободъ. Улицъ и переулковъ перенменовано въ этой описи 63, въ томъ числѣ Большая Московская и Никитская. Въ 1742, 1754 и 1758 гг. пожары произвели въ Калугѣ страшныя опустошенія. Въ 1754 г. сгорѣла крѣпость или острогъ и уже не была возобновляема, а рвы постепенно засыпали навозомъ изъ обывательскихъ домовъ. Въ 1771 году въ Калугѣ была чума. Когда въ 1777 г. Калуга была сдѣлана главнымъ городомъ намѣстничества, въ ней было уже 25 церквей, 3,827 домовъ (въ томъ числѣ 219 каменныхъ) и 17,078 жителей. Передъ открытіемъ намѣстничества, императрица Екатерина II посѣтила Калугу въ 1775 г. Мѣстный женскій нарядъ до того понравился императрицѣ, что она приказала написать въ немъ свой портретъ. Въ томъ же костюмѣ императрица изображена на двухъ медаляхъ 1776 и 1779 годовъ. На послѣдней медали, съ лицевой стороны, Екатерина II изображена въ калужскомъ нарядѣ и надписью на оборотѣ: „Се како любитъ ю“. Съ назначеніемъ Калуги главнымъ городомъ намѣстничества, она быстро стала улучшаться во внутреннемъ своемъ устройствѣ. Сооружено было много новыхъ красивыхъ каменныхъ зданій; измѣнено направленіе улицъ, которыя сдѣлались широкими и прямыми. Московская улица проложена была вновь по тому направленію, по которому идетъ нынѣ и на концѣ ея были построены московскія ворота. Мясные ряды перевели въ березуйскій оврагъ. Старыя деревянныя лавки снесли на хлѣбную площадь, а вмѣсто нихъ выстроили каменный гостиный дворъ въ готическомъ стилѣ. Въ 1808 году противъ гостинаго двора устроили бассейнъ.

Въ описаніи Калужскаго намѣстничества 1785 года приведены многія статистическія данныя, говорящія въ пользу процвѣтанія Калуги въ то время. Изъ рядовъ Калуги расходилось продажею разныхъ товаровъ на 500,000 руб. Однихъ яблокъ въ продажѣ бывало болѣе, чѣмъ на 20,000 р. Нѣкоторые изъ купцовъ Калуги вели заграничный торгъ съ Берлиномъ, Бреславлемъ, Лейпцигомъ, Данцигомъ, куда доставляли мерлушки, воскъ, юфть, а сами привозили

оттуда мануфактурные товары, матеріи, галантерейныя вещи и фарфоровую посуду болѣе чѣмъ на 200,000 р. Въ Калугѣ приготовлялось въ то время съ особымъ искусствомъ гречневое тѣсто, котораго на мѣстѣ и въ Москвѣ расходилось на 6000 рублей. Фабрикъ и заводовъ въ Калугѣ было 125.

Въ 1796 году были уничтожены въ Россіи намѣстничества. Въ 1802 году въ Калугу, для производства слѣдствія по разнымъ дѣламъ, пріѣзжалъ Державинъ и по его представленію были преданы суду губернаторъ Лопухинъ и прокуроръ. Въ 1803 году въ Калугѣ былъ учрежденъ лѣсной институтъ, который въ 1813 году перевели въ Петербургъ. Въ 1804 году, въ Калугѣ издавался журналъ „Уранія".

Г. Калуга. Домъ Марины Мнишекъ, въ настоящее время Губернскій Историческій Музей.

Калуга неоднократно служила мѣстомъ заточенія или опредѣленнаго жительства для разныхъ лицъ, особенно изъ мусульманъ. Такъ, при Іоаннѣ Грозномъ въ Калугѣ провелъ 17 лѣтъ въ плѣну (1555 — 1572 г.) крымскій посолъ Янъ-Болдый. Въ 1786 году присланъ былъ, по повелѣнію Екатерины II, въ Калугу на житье послѣдній крымскій ханъ Шагинъ-Гирей, который получалъ отъ казны ежегоднаго содержанія до 200,000 рублей. Въ 1828 г. въ Калугу привезенъ былъ султанъ малой Киргизской орды Аргаза-Абдулъ-Газисъ, умершій въ 1833 г. Въ 1834 г. въ Калугѣ жила грузинская царевна Ѳекла Ираклiевна съ дѣтьми. Съ 1859 года нѣсколько лѣтъ прожилъ въ этомъ городѣ Османъ Шамиль, предводитель кавказскихъ горцевъ, со своимъ семействомъ.

Нынѣшняя *Калуга* расположена на высокомъ берегу Оки, между устьями Ячейки и Кіевки, впадающихъ въ нея. На планѣ городъ представляетъ фигуру, почти равнобедреннаго треугольника. Большая и притомъ главная часть города занимаетъ довольно ровную мѣстность,

пересѣченную небольшими лощинами и двумя глубокими оврагами, Березуйскимъ и Жировскимъ. Южная часть Калуги расположена по крутому косогору лѣваго берега Оки, который возвышается отъ 15 до 20 саженъ надъ уровнемъ воды.

Въ Калугѣ нынѣ около 126 улицъ и переулковъ. Московская улица до выѣзда къ Ямской слободѣ имѣетъ длину въ 940 саж., а Благовѣщенская, вмѣстѣ съ Шевыревскою и Масленниковскою 750 саж. Жителей въ настоящее время въ Калугѣ около 49,000 обоего пола. Церквей въ городѣ 37. Нынѣшній Троицкій соборъ заложенъ былъ въ 1786 году, оконченъ вчернѣ только въ 1811 году и освященъ по окончательной внутренней отдѣлкѣ въ 1819 году. Первый Троицкій соборъ, въ которомъ погребенъ былъ самозванецъ, сгорѣлъ въ 1619 г. Въ этомъ соборѣ хранятся одиннадцать знаменъ калужскаго ополченія, изъ которыхъ замѣчатель-

Г. Калуга. Монастырь Св. Праведнаго Лаврентія

нѣе другихъ знамя шестой стрѣлковой дружины, бывшее въ ополченіи 1812 года подъ Данцигомъ, а въ 1855—1856 году въ Крыму. Тамъ же хранится знамя Азовскаго пѣхотнаго полка, которое 1-го ноября 1866 г. изъ петербургскаго арсенала торжественно перенесено было въ соборъ, въ уваженіе геройскаго подвига калужскаго гражданина, унтеръ-офицера С. А. Старичкова, спасшаго это знамя во время сраженія подъ Аустерлицомъ. Воскресенская церковь, что на посадѣ, стоитъ, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ находился деревянный, впослѣдствіи сгорѣвшій храмъ во имя Архидіакона Стефана. По описи 1685 г., въ Калугѣ уже существовала нынѣшняя каменная церковь во имя Воскресенія Христова. По преданію, Воскресенская церковь самая древняя изъ существующихъ нынче въ Калугѣ церквей. Это доказывается тѣмъ, что самая церковь, алтарь и колокольня, цѣликомъ сложенная изъ камня съ готическимъ стилемъ—старинной постройки. Подъ церковью, по обѣимъ сторонамъ колокольни устроены подвалы старинной кладки съ остекливишимися отъ пожара кирпичами. Въ Казанской церкви подъ горой или Преображенско-казанской находится чудотворная икона Козельской Божіей Матери, принесенная въ Калугу въ 1627 году семействомъ Судовщиковъ

(мужемъ и женою) изъ города Вязниковъ, Владимірской губерніи. Въ 50 саж. отъ храма находится каменная часовня, гдѣ похоронены принесшіе чудотворную икону.

Въ одной верстѣ отъ крайнихъ домовъ Калуги находится третьеклассный Лаврентьевъ монастырь (архіерейскій домъ), на лѣвомъ берегу Яченки. Полагаютъ, что монастырь основанъ въ началѣ XVI вѣка св. Лаврентіемъ (ум. 1515 г.), Христа ради юродивымъ, калужскимъ чудотворцемъ. Мощи его покоятся подъ спудомъ въ монастырской церкви. На древнихъ сохранившихся иконахъ праведный Лаврентій изображается въ рубахѣ, портахъ и овчинѣ, съ топоромъ, насаженномъ на длинномъ топорищѣ. На мѣстѣ монастыря во время Лаврентія находилась Рождественская церковь, куда и любилъ онъ удаляться, для своихъ духовныхъ подвиговъ изъ загороднаго дома князя Симеона Іоанновича, въ которомъ онъ жилъ.

Г. Калуга. Часовня на мѣстѣ Татарскаго побоища. (Фотографія съ натуры).

Монастырь обнесенъ каменною оградою съ четырьмя башнями на углахъ. Внутри монастыря находится каменная двухъ этажная церковь съ четырехъярусною колокольнею, въ верхней части которой устроены боевые часы. Нижній этажъ храма сложенъ изъ дикаго плитнаго камня и въ постройкѣ его видны слѣды древней архитектуры, почему и полагаютъ, что этотъ этажъ существовалъ еще при князѣ Симеонѣ Іоанновичѣ. Сверхъ того въ монастырѣ находится каменный двухъ этажный домъ, въ которомъ лѣтомъ живетъ епархіальный архіерей. Къ Лаврентьеву монастырю издавна принадлежала въ ямской слободѣ небольшая каменная часовня, неизвѣстно кѣмъ построенная. Въ этой часовнѣ стоялъ большого размѣра деревянный крестъ съ рѣзнымъ изображеніемъ Спасителя. Полагаютъ, что часовня была устроена для поминовенія казненныхъ. Жители, особенно раскольники, почитали этотъ крестъ. Въ 1840 году, по случаю исцѣленія помѣщика Чебышева отъ тяжкой болѣзни, построенъ имъ на мѣстѣ часовни нынѣшній каменный храмъ во имя Воздвиженія креста.

На правомъ возвышенномъ берегу Лужи лежитъ городъ *Малоярославецъ*. Съ восточной стороны города, по обѣимъ сторонамъ шоссе, находятся земляныя насыпи бывшихъ укрѣпле-

ній, построенныхъ въ 1812 году для обороны города. Если подъѣзжать къ Малоярославцу по почтовой дорогѣ изъ Боровска, то онъ представляется построеннымъ какъ бы амфитеатромъ.

По мнѣнію Карамзина, Малоярославецъ основанъ въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ, назвавшимъ городъ въ честь своего сына Ярослава. До того на этомъ мѣстѣ было селеніе Лужа. По другимъ свѣдѣніямъ, городъ получилъ свое названіе отъ малой рѣчки (ручья) Ярославки. Въ 1485 г. Малоярославецъ присоединенъ къ великому княжеству Московскому и съ тѣхъ поръ московскіе государи распоряжались имъ самовластно. Такъ въ 1508 г. великій князь Василій Іоанновичъ отдалъ его въ кормленіе литовскому выходцу князю Михаилу Львовичу Глинскому, а въ 1526 г. такому же выходцу князю Ѳедору Михайловичу Мстиславскому. При учрежденіи опричины Іоаннъ Грозный объявилъ Малоярославецъ своею собственностью. Въ смутное время самозванцевъ, Малоярославецъ подвергался неоднократному разоренію. Въ 1708 году онъ былъ причисленъ къ Московской губерніи, въ 1776 году сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Калужскаго намѣстничества, въ 1796 году причисленъ заштатнымъ городомъ, а въ 1802 году вновь сдѣланъ уѣзднымъ. Въ 1812 году городъ подвергся сильному опустошенію, вслѣдствіе упорной битвы, происходившей при Малоярославцѣ между русскою и французскою арміями. Изъ 200 домовъ въ городѣ уцѣлѣло только 20. Неудачный для французовъ исходъ этого сраженія, 12-го октября, принудилъ императора Наполеона продолжать свое отступленіе по старой разоренной смоленской дорогѣ. Въ этомъ сраженіи пало съ обѣихъ сторонъ до десяти тысячъ человѣкъ, надъ могилами которыхъ насыпаны три кургана. Въ память этой битвы, на соборной площади, противъ присутственныхъ мѣстъ, воздвигнутъ, 29-го октября 1844 года, чугунный памятникъ, пирамида, увѣнчанная куполомъ, наподобіе церковной главы, съ позолоченнымъ крестомъ. Памятникъ украшенъ золотыми двуглавыми орлами и медалями въ память 1812 года и окруженъ рѣшеткою изъ небольшихъ чугунныхъ столбовъ съ цѣпями. На памятникѣ двѣ надписи: „Сраженіе при Маломъ Ярославцѣ 12-го октября 1812 года“ и „Предѣлъ нападенія, начало бѣгства и гибели враговъ“.

Церквей въ городѣ—одна соборная, двѣ приходскія, всѣ три каменныя и одна безъ прихода, кладбищенская, деревянная. Сверхъ того въ мужскомъ Николаевскомъ Черноостровскомъ монастырѣ третьяго класса находятся три церкви. У одной изъ нихъ каменная трехъярусная колокольня, со святыми подъ ней воротами, которыя сохраняютъ слѣды поврежденія въ 1812 году пулями, ядрами, картечью не погнувшагося изображеннаго на фронтонѣ лика Спасителя Нерукотвореннаго образа. Отъ этихъ св. вратъ началось 12-го октября отступленіе французовъ. Городской соборъ во имя Казанскія Божія Матери построенъ въ 1708 году на пожертвованіе помѣщика села Нѣмцева, ротмистра Радищева, а колокольня при соборѣ сооружена въ 1855 году уроженцемъ Малоярославца, петербургскимъ купцомъ Цѣлибѣевымъ. На западъ отъ собора, по шоссейной улицѣ, во второмъ переулкѣ съ лѣвой стороны, гдѣ лѣтъ сорокъ тому назадъ еще виденъ былъ погостъ, отъ котораго нынѣ не осталось и слѣдовъ, Успенская каменная церковь, построенная въ 1756 г. прихожанами. Въ ней хранится икона Богоматери „Утоли болѣзни“, особенно почитаемая мѣстными жителями. Каменная церковь во имя Іоанна Предтечи построена въ 1772 г. мосальскимъ купцомъ Терентіемъ Еліазаровичемъ Цѣлибѣевымъ. На западной сторонѣ города Малоярославца есть лѣсъ, подъ названіемъ „убогій домъ“, гдѣ въ трехъ могилахъ похоронены убіенные въ 1612 г. во время нашествія поляковъ и тамъ ежегодно, въ Троицкую поминовенную субботу, совершаются по нимъ панихиды.

Однимъ изъ выгодныхъ занятій жителей Малоярославца служитъ разведеніе фруктовыхъ садовъ, которыхъ (частныхъ) считается болѣе ста. Изъ нихъ ежегодно значительное количество вишенъ сбывается въ Москву и другіе города. Въ Малоярославцѣ, въ саду вдовы мѣщанки Хохловой, находится источникъ, имѣющій свойство исцѣлять золотушное воспаленіе

глазъ. Въ Малоярославецкомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Лыковѣ-Оврагѣ, въ 5 верстахъ отъ села Уготскій заводъ, находится колодезь, называемый „гниловодскій", въ которомъ вода чистая и прозрачная, но отзывается гнилью. Этими минеральными водами въ 1722 г. пользовался императоръ Петръ Великій, въ бытность свою на желѣзныхъ заводахъ Вернера-Миллера. Въ этой водѣ купаются донынѣ и пользуются ею отъ разныхъ болѣзней.

На обоихъ берегахъ рѣки Протвы, въ 79¾ верстахъ отъ Калуги, на старой почтовой дорогѣ расположенъ *Боровскъ*.

Городъ Боровскъ существовалъ уже въ XIII столѣтіи и получилъ свое названіе отъ окружающаго его бора, который отчасти сохранился донынѣ на сѣверозападной его сторонѣ. Послѣ второго нашествія татаръ, въ Боровскъ присланъ былъ сборщикомъ податей ордын-

Г. Малоярославецъ, Калуж. губ. Святыя ворота монастырскія; на воротахъ язвія отъ франц. ядръ, при взятіи Малоярославца 1812 г.

скій баскакъ, дѣдъ преподобнаго Пафнутія, который, послѣ смерти Батыя, принялъ христіанскую вѣру и жилъ въ трехъ верстахъ отъ города, въ селѣ Кудановѣ, гдѣ его внукъ основалъ въ 1444 г. Пафнутіевъ-Рождественскій монастырь. Городъ окруженъ былъ въ XVI столѣтіи валомъ и укрѣпленъ дубовымъ острогомъ съ двумя проѣзжими и четырьмя глухими башнями, находившимися тамъ, гдѣ нынѣ выстроенъ домъ присутственныхъ мѣстъ. Остатокъ тайника былъ еще недавно замѣтенъ въ обвалившемся рву на берегу Протвы, гдѣ видны развалины укрѣпленій. Разсказываютъ, что, при построеніи присутственныхъ мѣстъ, рабочіе, копавшіе рвы для бута, нашли каменное подземелье по направленію къ рѣкѣ и вырыли кувшинъ съ мелкою серебряною монетою.

Въ Боровскѣ замѣчателенъ Благовѣщенскій соборъ, неизвѣстно когда и кѣмъ построенный. Икона святителя Николая, рѣзная изъ дерева, величиною въ ростъ человѣка, представ-

ляетъ святителя держащимъ въ одной рукѣ церковь, а въ другой мечъ (ликъ темный отъ древности), почитается со времени Дмитрія Донского, и она составляетъ единственную святыню Боровска, пережившую разрушительныя нашествія татаръ, поляковъ и французовъ. Эта икона находилась въ деревянномъ храмѣ, устроенномъ во имя ея и приписанномъ къ собору. Когда въ 1812 году эта деревянная церковь сгорѣла, то икону нашли во рву около рѣки Протвы и перенесли въ соборъ. Въ 1850 г. на эту икону былъ возложенъ серебряновызолоченный крестикъ, содержащій въ себѣ часть гроба Господня, принесенный изъ Іерусалима тверскимъ мѣщаниномъ Жеребцовымъ, въ память избавленія его отъ утопанія на морѣ во время бури, когда ему представился святитель Николай въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ изображенъ на означенной иконѣ.

Въ 30 верстахъ отъ Боровска, въ его уѣздѣ, на старомъ калужскомъ трактѣ, расположено при рѣкѣ Норѣ большое село *Тарутино*, жителей въ которомъ до 1000 душъ обоего пола. До тридцатыхъ годовъ село это принадлежало графу С. П. Румянцеву и замѣчательно по достопамятному сраженію между русскими и французами въ 1812 г. Въ воспоминаніе этого событія, графъ Румянцевъ уволилъ 745 своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, жившихъ въ Тарутинѣ и въ сосѣднихъ пяти деревняхъ, со всею землею, съ обязательствомъ въ теченіе 21 года (съ 1829 г.) внести въ опекунскій совѣтъ бывшій на помѣщикѣ долгъ въ 60,000 р. ассиг. Сверхъ того крестьяне обязались поставить на свой счетъ памятникъ въ ознаменованіе событія отечественной войны, для чего внесли капиталъ въ 44,000 р. Открытіе памятника близъ старой большой дороги изъ Москвы въ Калугу послѣдовало въ 1834 году, но въ 1855 г. онъ былъ перестроенъ. Памятникъ состоитъ изъ трехъ частей: насыпи, обложенной дерномъ, бѣлаго фундамента изъ жернового крупнаго камня и четырехугольной чугунной колонны, вышиною въ шесть саженъ, вверху съ шаромъ, на которомъ помѣщенъ одноглавый орелъ съ распущенными крыльями. На памятникѣ находятся слѣдующія надписи: „На семъ мѣстѣ россійское воинство, подъ предводительствомъ фельдмаршала Кутузова, укрѣпясь, спасло Россію и Европу". Ниже: „Сей памятникъ воздвигнутъ на иждивеніе крестьянъ села Тарутина, получившихъ отъ графа С. П. Румянцева свободу".

Городъ *Таруса* лежитъ на возвышенномъ лѣвомъ берегу Оки, при впаденіи съ лѣвой стороны Тарусы, омывающей сѣверную часть города. Начиная отъ устья рѣки Тарусы, противъ самого города, Ока дѣлаетъ значительный дугообразный поворотъ на сѣверовостокъ. Чрезъ Тарусу, шир. въ 15 саж. и глубиною въ 16 футовъ, устроенъ мостъ на сваяхъ, на транспортной дорогѣ въ Боровскъ и Серпуховъ. Городъ расположенъ въ мѣстности, составляющей продолженіе отлогаго ската окружающихъ высотъ съ западной и южной сторонъ. Скатъ этотъ пересѣкается многими оврагами и рытвинами, особенно съ южной стороны и оканчивается обрывисто и круто къ Окѣ. Луговая долина этой рѣки противъ города расширяется до 300 саж. Таруса принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Россіи, хотя годъ основанія ея въ точности неизвѣстенъ. Еще въ 1246 году, по убіеніи монголами князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго, стала особымъ удѣломъ четвертаго его сына, Юрія Михайловича. Въ XVI столѣтіи Таруса по своему положенію на Окѣ, считавшеюся пограничною чертою съ крымскими и ногайскими татарами, получила важное стратегическое значеніе. Городъ былъ тщательно укрѣпленъ рвами и валами, которые сохранялись до 1760 г., когда были размыты разливами Оки, почему валъ остался лишь съ одной стороны. Въ 1654 году, во время моровой язвы, Таруса сдѣлана была охранительнымъ пунктомъ съ крѣпкими заставами, чрезъ которыя никого не пропускали въ Москву. Въ 1708 г. Таруса была причислена къ Московской губерніи, потомъ сдѣлана только пригородомъ въ серпуховскомъ уѣздѣ, а въ 1776 г. назначена уѣзднымъ городомъ во вновь образованномъ тогда Калужскомъ намѣстничествѣ. На гербѣ города изображенъ серебряный щитъ съ голубою полосою сверху внизъ, показывающею теченіе рѣки Тарусы, по имени которой и названъ самый городъ. Таруса

принадлежитъ къ числу незначительныхъ уѣздныхъ городовъ Россіи, безъ всякаго промышленнаго и торговаго значенія, при небольшомъ населеніи около двухъ тысячъ душъ обоего пола. Главный промыселъ жителей Тарусскаго уѣзда отхожій на московскія фабрики и заводы.

Козельскъ, по лѣтописямъ Козлескъ, отъ положенія своего среди дремучихъ лѣсовъ, принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ въ землѣ вятичей и входилъ въ составъ удѣла князей черниговскихъ. Въ лѣтописяхъ Козельскъ упоминается впервые подъ 1146 и 1154 годами.

Козельскъ расположенъ теперь на высокомъ и очень крутомъ берегу рѣки Жиздры, при впаденіи въ нея рѣчекъ Клютомы и Другусны (Драгунки). Мѣстность самого города почти ровная, но изрѣзанная крутыми оврагами. Памятниками прежняго положенія Козельска остались едва замѣтные слѣды земляного вала въ окружности до 450 саженъ. Внутри вала находился деревянный острогъ съ башнями, вооруженный тюфяками (особаго рода пушками) и пищалями. Кромѣ главной острожной осыпи, видны остатки еще другого вала. Со стороны литовской границы, городъ былъ защищенъ дремучею засѣкою, простиравшеюся на 30 верстъ. На Лысой горѣ, лежащей въ одной верстѣ отъ Козельска, видны еще остатки двухъ сторожевыхъ кургановъ, откуда можно было наблюдать за окрестностями на большое разстояніе. Въ царствованіе Екатерины Великой Козельску данъ былъ гербъ, которымъ напоминается геройскій подвигъ его жителей при нападеніи на нихъ татаръ при малолѣтнемъ князѣ Василіи.

Въ Козельскомъ уѣздѣ находится безуѣздный городъ *Сухиничи* (5453 жит.), переименованный изъ экономическаго села, указомъ 27-го марта 1840 года, вмѣстѣ съ прилегавшею къ нему деревнею Перновичемъ. Въ то время и до сооруженія желѣзнодорожной сѣти Сухиничи, какъ уже сообщено выше, былъ важнымъ торговымъ и перевалочнымъ пунктомъ для товаровъ, шедшихъ изъ черноземной полосы, изъ Украйны, Малороссіи, въ Ригу и Петербургъ. Теперь это значеніе умалилось.

Къ наиболѣе населеннымъ уѣзднымъ городамъ Калужской губерніи принадлежитъ *Жиздра*, хотя не имѣетъ историческаго значенія. Жиздра была сдѣлана городомъ изъ экономическаго села лишь въ 1777 г. Въ самомъ городѣ существуютъ фабрики и заводы, а въ уѣздѣ находится между прочимъ нѣсколько заводовъ Мальцевскаго товарищества. Городъ лежитъ на плоскомъ лѣвомъ берегу Жиздры; на правомъ ея берегу расположена слобода, называемая Старымъ городомъ и раздѣленная ручьемъ Броднею. Городъ съ прямыми улицами, изъ которыхъ главная, Кіевская, раздѣляетъ городъ почти на двѣ ровныя части. Церквей въ городѣ двѣ, изъ которыхъ одна деревянная.

На юговосточномъ хребтѣ Алаунской возвышенности расположена Тульская губернія. Изъ уѣздовъ губерніи считается плодороднѣйшимъ Ефремовскій. За Ефремовскимъ слѣдуютъ Новосильскій, Чернскій (исключая той его части, которая прилегаетъ къ Бѣлевскому); Епифанскій уѣздъ раздѣляется относительно плодородія на двѣ полосы: прилегающая къ Богородицкому уѣзду и пересѣкаемая рѣками Непрядвою и Дономъ не такъ производительна, какъ остальная часть уѣзда. Тульскій уѣздъ отличается иловатою, глинистою почвою съ топями, а потому не можетъ хорошо вознаграждать трудъ земледѣльца, хотя много попадается исключеній. Въ уѣздѣ есть живописныя мѣстности.

Всѣ эти уѣзды состоятъ преимущественно изъ равнинъ и степей и представляютъ собою низменную часть губерніи. Въ нихъ замѣчается скудость лѣсовъ, особенно въ Ефремовскомъ уѣздѣ, гдѣ дрова стали продавать уже не саженями, а на вѣсъ. Остальные уѣзды Тульской губерніи могутъ быть отнесены къ нагорной ея части. Изъ нихъ плодороднѣе другихъ Бѣлевскій уѣздъ. Одоевскій уѣздъ распадается на двѣ части: залежная съ Алексинскимъ имѣетъ глинистую иловатую почву, а степная, прилегающая къ Чернскому и Крапивенскому, отличается черноземомъ. Въ Каширскомъ уѣздѣ, для обезпеченія или увеличенія урожая, почва требуетъ удобренія. Восточная и южная части Крапивинскаго уѣзда хлѣбороднѣе западной и

сѣверной, прилегающихъ къ Тульскому и Одоевскому уѣздамъ Богородицкій принадлежитъ къ плодороднымъ, а Алексинскій къ скуднымъ

Въ древнія времена вся сѣверная часть Тульской губерніи была покрыта огромными лѣсами, преимущественно, какъ полагаютъ, дубовыми. Тула, Крапивна, Бѣлевъ и Одоевъ въ лѣтописяхъ называются городами „на бортнѣ", т.-е. основанными при бортныхъ лѣсахъ, и жители ихъ, занимаясь пчеловодствомъ, поставляли медъ въ казну. На существованіе въ прежнее время значительныхъ лѣсовъ въ Одоевскомъ уѣздѣ указываютъ названія многихъ его селеній, напримѣръ, Дубки, Толстая, Дуброва, Ясеновое, Березово, Березовское, Улюски, Старолѣсье. Городская пахатная земля Одоева, называемая „чернымъ боромъ", была покрыта прежде непроходимымъ дубовымъ лѣсомъ, остатки котораго сохранились до-нынѣ. Сѣверная часть нынѣшней Тульской губерніи за 500 лѣтъ была почти непроходима изъ-за лѣсовъ, такъ что существовали только три дороги къ Тулѣ: Кіевская (изъ Мценска), Дѣдиловская (изъ Ельца), Чулковская (изъ Пронска и старой Рязани). Сверхъ того къ Дѣдиловской дорогѣ пролегалъ извѣстный „муравскій" шляхъ, который шелъ отъ Перекола и былъ путемъ разбойничьихъ набѣговъ крымскихъ татаръ.

Тульская губернія принадлежитъ къ числу земледѣльческихъ областей по преимуществу, потому что 1,940,342 десятины или двѣ трети губерніи находятся подъ пашнями. Даже городскія дачи, отдаваемыя въ аренду, засѣваются по большей части хлѣбомъ. Огородничество въ болѣе значительныхъ размѣрахъ существуетъ подъ Тулою, въ селѣ Мясновѣ, въ городѣ Бѣлевѣ и по Окѣ въ Алексинскомъ уѣздѣ.

Въ городахъ Тульской губерніи бываетъ въ году 40 ярмарокъ. По оборотамъ, первое мѣсто принадлежитъ Никитской, 15-го сентября, въ городѣ Ефремовѣ, на которую привозилось товаровъ почти на полмилліона рублей, причемъ продавалось около половины. Всѣ эти ярмарки бываютъ однодневныя, за исключеніемъ Успенской въ Бѣлевѣ, и Георгіевской въ Каширѣ. Болѣе всего ярмарокъ бываетъ въ Одоевѣ, именно семь, но обороты ихъ очень незначительны На всѣ городскія ярмарки въ губерніи привозится товаровъ почти на милліонъ рублей, а продается менѣе половины. Замѣчательнѣе всего въ этомъ отношеніи базарные дни въ Бѣлевѣ, бывающіе по воскресеньямъ. Они многолюднѣе, чѣмъ во многихъ уѣздныхъ городскихъ ярмаркахъ. Въ селахъ бываетъ въ году 85 ярмарокъ, въ томъ числѣ 19 въ одномъ Чернскомъ. Менѣе всего ихъ (по пяти) въ Ефремовскомъ и Бѣлевскомъ уѣздахъ Самая значительная изъ сельскихъ ярмарокъ Сергіевская въ селѣ Сергіевскомъ (Крапивенскаго уѣзда), которое съ проведеніемъ Московско-Курской желѣзной дороги сдѣлалось значительнымъ хлѣбнымъ рынкомъ и своими оборотами далеко оставило за собою многіе уѣздные города

Въ Тульской губерніи находится много каменнаго угля. Впервые онъ былъ найденъ въ 1812 году въ уѣздахъ Тульскомъ и Крапивенскомъ, въ деревняхъ Спраховкѣ и Лисій Пріяръ. Затѣмъ съ 1814 по 1841 годъ уголь былъ открытъ въ уѣздахъ Веневскомъ, Богородицкомъ, Алексинскомъ, Одоевскомъ. Уголь изъ села Малевки, Богородицкаго уѣзда, употребляется на михайловскомъ сахарномъ заводѣ Добываемый близъ села Лапоткова, Крапивенскаго уѣзда, идетъ на отопленіе паровозовъ Московско-Курской желѣзной дороги. Въ селѣ Гурьевѣ, Веневскаго уѣзда, существуютъ копи цокольнаго бѣлаго камня, отличнаго качества. Лучшая горшечная глина добывается въ Одоевскомъ уѣздѣ, гдѣ нѣсколько деревень занимаются гончарнымъ дѣломъ, и подъ Тулою на рѣкѣ Упѣ. Эта глина называется также кафельною. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ добывается огнеупорная глина близъ деревни Виличны. Она употребляется на горшки для стеклянныхъ заводовъ, для плавленія хрусталя, и ее отправляютъ въ годъ на разные заводы болѣе 100,000 пудовъ. Подобнаго же рода глина найдена въ Веневскомъ и Богородицкомъ уѣздахъ Повсемѣстное нахожденіе въ губерніи желѣзной руды было поводомъ къ основанію въ Тулѣ оружейнаго завода. Первыя мѣстонахожденія этой руды открыли близъ Тулы и Дѣдилова. Въ Крапивенскомъ же уѣздѣ лѣсная руда добывается близъ села Колпина.

Все населеніе Тульской губерніи проживаетъ въ 3,979 обитаемыхъ мѣстахъ.

Тула (111,048 ж.), одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи, получила свое названіе отъ рѣки Тулицы, сліянія трехъ источниковъ въ 30 верстахъ выше города. Тулица протекала по дремучимъ лѣсамъ, какъ бы пряталась, „тулилась“, отъ чего будто бы и получила свое на-

Крестьянка Тульской губерніи.—Рисунокъ съ натуры Н. Н. Шаховского.

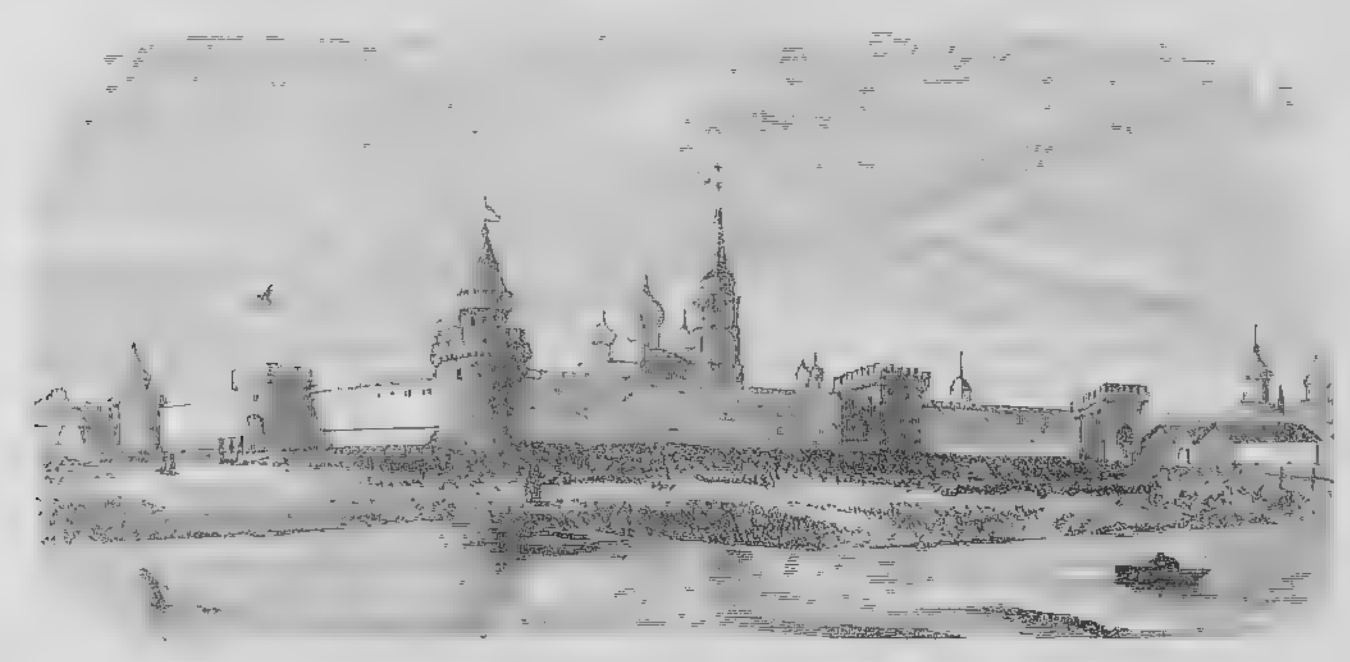
именованіе. Первоначальная дубовая крѣпость или „городище“ занимала ту мѣстность, гдѣ теперь находится оружейный заводъ.

Въ 1595 г. царь Ѳедоръ Іоанновичъ приказалъ 30 казеннымъ кузнецамъ устроиться особою слободою, лежащею теперь на правомъ берегу Упы, на которомъ находится и станція желѣзной дороги.

По первой переписи, 1722 года, считалось въ слободѣ 2,560 оружейниковъ, а въ 1809 г. было ихъ съ семьями 11,157 душъ, нынѣ же населеніе доходитъ до 22,000 человѣкъ.

Тулу окружаютъ теперь четыре слободы: Кузнечная, Ямская, Чулковская, Подъяченская. Первыя три находятся за рѣкою Упою къ московской сторонѣ, а послѣдняя на лѣвомъ берегу Упы. Чулковская слобода, находясь въ восточной сторонѣ города, представляетъ почти правильный четырехугольникъ и прилегаетъ на югѣ къ Упѣ, а съ западной стороны отдѣляется отъ Кузнечной слободы рѣчкою Тулицею. Въ Чулковской слободѣ болѣе 4000 жителей обоего пола въ 1400 домахъ, такъ что она населеннѣе многихъ уѣздныхъ городовъ. Чулковъ дѣлится собственно на Чулковскую и на Нарышкинскую слободы. Въ 1808 году, у оберъ-егермейстера Нарышкина были куплены 530 душъ изъ соломенныхъ заводовъ и поселены при Чулковской слободѣ. Чулково соединялось прежде съ оружейнымъ заводомъ висячимъ замѣчательнымъ чугуннымъ мостомъ, но въ 1872 году онъ былъ замѣненъ цѣпнымъ.

Въ Тулѣ всѣ почти церкви построены въ новомъ итальянскомъ стилѣ. Есть и исключенія. Къ великолѣпнѣйшимъ церквамъ Тулы принадлежитъ храмъ во имя Казанскія Божія Матери,

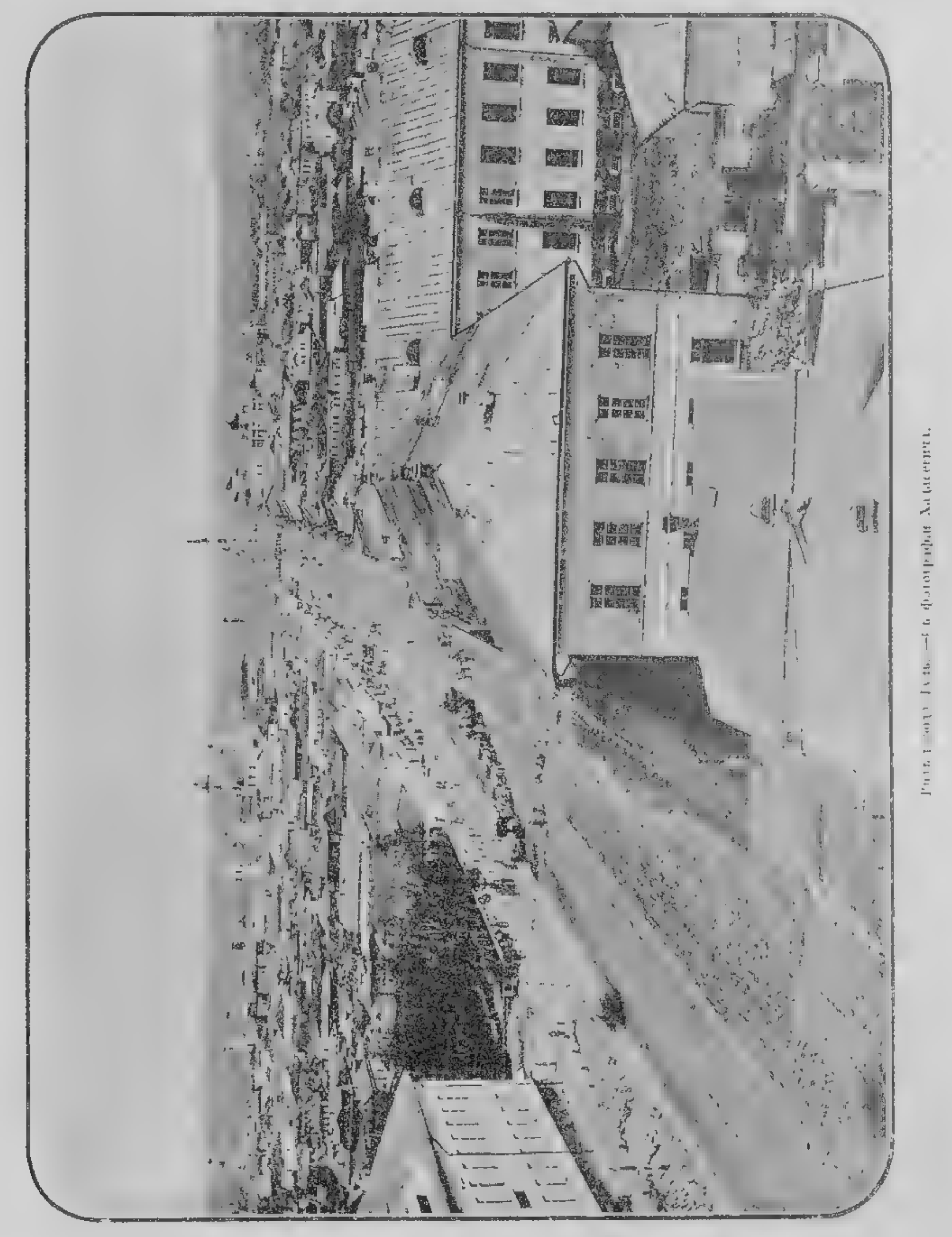

Видъ Кремля въ Тулѣ.

который начали строить послѣ пожара старинной церкви архистратига Михаила. Нынѣшній храмъ былъ освященъ 6-го іюля 1858 года. Онъ отличается необыкновенною изящностью рисунка, строгими очертаніями и легкимъ куполомъ, увѣнчаннымъ золотымъ крестомъ. Два портика его, южный и сѣверный, съ колоннами и обширными террасами, довершаютъ красоту зданія. Внутренность собора отличается великолѣпіемъ. Всѣ иконы и стѣнная живопись замѣчательны по превосходной работѣ. Къ замѣчательнымъ церквамъ Тулы принадлежитъ также церковь св. Параскевы Пятницы

Улицы города широкія; изъ нихъ Кіевская, названная по прежней Кіевской почтовой дорогѣ, принадлежитъ издавна къ многолюднѣйшимъ, лучшимъ торговымъ улицамъ Тулы. По преданіямъ, богатыя купеческія конторы въ Тулѣ имѣли издавна съ Кіевомъ постоянныя сношенія. На ней, кромѣ лучшихъ магазиновъ, расположены большое зданіе присутственныхъ мѣстъ и духовное училище. Насупротивъ этихъ зданій, въ видѣ двухъ квадратовъ, находятся два небольшіе бульвара. Саженяхъ въ восьми отъ красивой перспективы Кіевской улицы, въ сторонѣ находятся воспитательный домъ и городская больница, а рядомъ съ нею домъ инвалидовъ статской совѣтницы Прасковьи Петровны Баскаковой, учрежденный въ 1808 г. по духовному ея завѣщанію. На этой же улицѣ находятся: домъ тульской городской полиціи, съ неизб жи ю каланчею, пожарное депо и массивный домъ тульскаго дворянскаго благороднаго

собранія, заложенный въ 1849 г. Длина его по Кіевской улицѣ около 33 саженъ, а по Дворянской до 17 саженъ. Одинъ конецъ Кіевской улицы замыкается высокою стѣною древняго

Кремля и Успенскимъ каѳедральнымъ соборомъ. Этотъ соборъ, византійскаго стиля, по своей красотѣ единственный въ своемъ родѣ. По преданіямъ, Успенскій соборъ въ Тулѣ сооруженъ по образцу кіевскаго Успенскаго собора. Кто видѣлъ оба собора, тотъ признаетъ сходство между ними.

Кремль древняя крѣпость, построенная еще въ 1520 г. Въ 1552 г. она выдержала про

должительную осаду крымскаго хана Девлетъ-Гирея. Послѣ судбищенской битвы въ 1555 г., въ этомъ Кремлѣ останавливался Иванъ Грозный.

Пожаръ, бывшій въ Тулѣ 29 іюня 1834 г., нѣсколько измѣнилъ наружный видъ Кремля, разрушивъ вершины его башенъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожилъ ряды деревянныхъ лавокъ, тянувшіеся около Кремля. Послѣ пожара рѣшено было окаймить Кремль бульваромъ, который сдѣлался со временемъ любимымъ мѣстомъ тульскихъ жителей для прогулокъ. Со стороны рѣки Упы въ углу находится „Ивановская Тайницкая башня", названная такъ отчасти отъ того, что сооружена насупротивъ храма во имя св. Іоанна Предтечи, а отчасти отъ старинныхъ, устроенныхъ подъ башнями „тайниковъ" (подваловъ и погребовъ) съ каменными сводами, безъ лѣстницъ, куда спускались на веревкахъ. Изъ этихъ тайниковъ выходъ былъ всегда къ рѣкѣ. Отъ Тайницкой башни стѣна идетъ къ Глухой башнѣ, а затѣмъ къ „Башнѣ водяныхъ воротъ", чрезъ которыя, какъ въ прежнія, такъ и въ новѣйшія времена, выходили крестные ходы 1-го августа и 6-го января для обряда водоосвященія на рѣкѣ Упѣ. Затѣмъ кремлевская стѣна примыкаетъ къ другой угловой башнѣ, противъ которой, въ послѣдніе годы царствованія императора Николая I, была воздвигнута церковь Казанской Божіей Матери. Далѣе же видны нѣсколько церквей, Пятницкая (Покровская), церковь новаго Никиты (есть въ Тулѣ и церковь стараго Никиты) и Никольская (называемая тулянами Николая Богатаго) на правой сторонѣ рѣки Упы, въ бывшей Кузнецкой слободѣ. Представленный видъ Кремля снятъ съ сѣверной стороны, вмѣстѣ съ мостомъ чрезъ Упу, который неизвѣстно почему названъ „Кривымъ", хотя онъ совершенно прямой.

Г. Тула. Успенскій соборъ.

Отъ Кривого до Чугуннаго моста правый берегъ Упы обдѣланъ каменной набережной съ чугунною рѣшеткою. Собственно „Чугунный мостъ"—проходъ по плотинѣ, которою удерживается вся масса воды обширнаго водохранилища, омывающаго городъ и его ближайшія окрестности. Надъ деревянною перемычкою и виситъ чугунный мостъ, устроенный для однихъ пѣшеходовъ близъ слободы Чулкова. Площадь водохранилища равняется 75 десятинамъ, а окружность одиннадцати верстамъ. Водою, собранною въ этомъ резервуарѣ, приводится въ дѣйствіе большая часть механизмовъ тульскаго оружейнаго завода. Послѣ верхняго водополья, около двухъ мѣсяцевъ, пока не поднимутся щиты въ запрудѣ, всѣ работы вододѣйствующими снарядами на заводѣ прекращаются. Два центральныя и два крайнія устья Чугуннаго моста и контфорсы шлюза выведены изъ камня, которымъ обложены также примыкающіе берега. Площадь передъ мостомъ устроена въ 1846 г., вымощена только въ 1855 г. У самаго спуска съ моста находится приходская церковь Срѣтенія Господня, извѣстная у жителей подъ именемъ „новаго Никиты", такъ какъ въ ней есть придѣлъ во имя великомученика Никиты. Она воздвигнута въ 1773 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде существовала „Ильинская башня Проѣзжихъ воротъ" деревяннаго города (крѣпости), который былъ разобранъ въ 1730 г. Невдалекѣ отъ этой церкви находится церковь Казанской Божіей Матери, построенная по проекту В. Ѳ. Ѳедосѣева (на сооруженіе ея пожертвовали значительную сумму тульскіе купцы, братья Трухины), съ придѣлами преподобнаго Сергія Радо-

нежскаго и Архангела Михаила. Съ XVII вѣка, 8-го іюля, въ день явленія чудотворной иконы, бываетъ крестный ходъ изъ Успенскаго каѳедральнаго собора въ церковь Казанской Божіей Матери.

Оружейный заводъ въ Тулѣ былъ построенъ первоначально въ 1712 году на полосѣ земли, образующей высоту въ водѣ запруды, лежащей ниже обширнаго резервуара, между Упою и устьемъ рѣчки Тулицы съ каналомъ. Болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ эта возвышенность служила плотиною водяной мукомольной князя Гагарина мельницы. Тульскій оружейный заводъ былъ первоначально деревянный и совсѣмъ ветхій, сгорѣлъ въ 1834 г., послѣ чего начали строить каменныя строенія. Лучшій видъ на заводъ открывается съ противоположнаго берега Упы, особенно съ площади, на которой находится церковь Казанской Божіей Матери. Церковь Введенія во храмъ Пречистыя Богородицы вросла въ землю почти по самыя окна. Колокольня, соотвѣтственно старинному стилю, пристроена къ ней уже въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

Изобрѣтателями гармоники, впервые появившейся лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, считають тульскихъ жителей, Сизова и Шукаева. Этотъ музыкальный инструментъ, постепенно усовершенствованный, вошелъ въ такое употребленіе, что вытѣснилъ въ народѣ прежній его любимый инструментъ балалайку. На крестьянскихъ хороводахъ и свадьбахъ гармоника нынѣ преобладаетъ. Въ продажѣ гармоникъ нѣсколько сортовъ; самый низкій—это пятитонная гармоника, продававшаяся еще недавно по 10 к. за штуку. Затѣмъ по цѣнѣ идутъ: семитонная, сѣдкая, вторная и глухая, двухсторонняя, дѣтскій свистъ, другіе свисты, свистъ изъ краснаго дерева, трехвторная, десятитонная. Больше всѣхъ расходятся гармоники низкихъ сортовъ, доступнѣе по цѣнѣ народу. Въ Тулѣ нѣсколько мастеровъ занимаются изготовленіемъ гармоникъ. При производствѣ гармоникъ существуетъ дробное раздѣленіе труда, облегчающее и ускоряющее производство. Такъ, гармонику приготовляютъ не менѣе семи человѣкъ. Одинъ приготовляетъ лисоки, въ которые вкладывается желѣзная пластинка, другой—клапаны, третій—желѣзныя пластинки, четвертый—мѣха, пятый вставляетъ внутренность гармоники, шестой обклеиваетъ инструментъ разноцвѣтною бумагою, седьмой краситъ деревянную часть гармоники и покрываетъ лакомъ. Каждый изъ работниковъ получаетъ по одной копѣйкѣ со штуки. Изъ Тулы на нижегородскую ярмарку ежегодно доставляется около 2000 коробовъ, въ которыхъ въ каждомъ бываетъ по 120 гармоникъ и болѣе. Персіяне и армяне покупаютъ на этой ярмаркѣ гармоники въ большомъ количествѣ. Лучшія гармоники продаются по 7 рублей.

Г. Тула. Богоявленскій соборъ.

Самовары составляютъ важную промышленность города Тулы и его ближайшихъ окрестностей. Они приготовляются какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ деревняхъ, на пространствѣ сорока верстъ. Въ Тулѣ выдѣланные самовары сосредоточиваются въ рукахъ болѣе крупныхъ фабрикантовъ, потому что незначительное число отправляется со своимъ товаромъ на нижегородскую ярмарку, главное мѣсто сбыта, а большинство сбываетъ свое издѣліе въ самой Тулѣ. Но въ этотъ городъ пріѣзжаютъ за покупкою самоваровъ и другихъ металлическихъ издѣлій купцы изъ другихъ городовъ, которые также торгуютъ на нижегородской ярмаркѣ. Съ другой стороны, многіе изъ богатыхъ тульскихъ фабрикантовъ, имѣющихъ собственное

большое производство, вовсе не ѣздятъ на ярмарку. Изъ Тулы отправляется всего на нижегородскую ярмарку 6000 дюжинъ самоваровъ. Въ оптовой продажѣ принято считать самовары дюжинами, потому что въ ящикъ, который могутъ поднять двое, укладывается дюжина самоваровъ. Дюжина обыкновеннаго достоинства самоваровъ цѣною въ Тулѣ 90 руб. имѣетъ вѣсъ въ 4 пуда 20 фун. Такіе самовары бываютъ, какъ говорится, съ заливками, то-есть съ большимъ количествомъ свинца или другого дешеваго металла, чѣмъ сколько слѣдуетъ для одной полуды. Между тѣмъ эта заливка идетъ въ счетъ за настоящую мѣдь, при опредѣленіи вѣса самовара. Конечно, самовары безъ заливокъ цѣнятся дороже. Дюжина высшаго сорта самоваровъ, безъ заливки, продается дороже 100 руб. Самовары въ видѣ вазы, особенно если они сдѣланы изъ томпака, а не изъ латуни, продаются еще дороже. Цѣны на самовары, какъ въ Тулѣ, такъ и на нижегородской ярмаркѣ однѣ и тѣ же. При укладкѣ самоваровъ въ число дюжины изъ обыкновеннаго сорта въ ящикъ кладутъ: два самовара семнадцати вершковъ, два шестнадцати, три пятнадцати, три четырнадцати и два тринадцати вершковъ. Подобная дюжина еще недавно стоила 90 р. Такъ какъ отправка водою дешевле, чѣмъ по желѣзной

Г. Тула Арсеналъ.

дорогѣ, то изъ Тулы большая часть товаровъ для нижегородской ярмарки везется на лошадяхъ до Алексина, а оттуда сплавляется по Окѣ. Самовары при отправкѣ водою сохраняются лучше и менѣе мнутся. Отправка водою изъ Тулы начинается заблаговременно, но не ранѣе 25-го мая и оканчивается 10-го іюня.

Тула извѣстна также своими пряниками, которые также продаются на нижегородской ярмаркѣ. Тульскіе пряничники привозятъ съ собою на ярмарку трехъ или четырехъ хорошихъ пекарей каждый, нанимаютъ печи въ Кунавинѣ и продаютъ свой товаръ свѣжимъ. На ярмаркѣ ихъ приготовляютъ такимъ образомъ около 4000 пудовъ на сумму около 12,000 руб. Пудъ такихъ пряниковъ продается по 1 р. 50 к., 2 р. 50 к., 3 р. 70 к., 4 р. 50 к.

Тула славится также своимъ скобянымъ товаромъ, котораго насчитываютъ до тысячи различныхъ сортовъ. Тульскій товаръ цѣнится дороже изготовляемаго въ другихъ мѣстахъ, потому что отдѣлка какъ желѣзныхъ и стальныхъ, такъ и мѣдныхъ вещей бываетъ тщательнѣе. Сюда относятся всѣ принадлежности для оконныхъ рамъ и дверей: оконныя скобы, крючки, оконныя завертки, петли, замки, винты, циркули, скобы, щипцы для сальныхъ свѣчей (теперь ихъ изготовляютъ менѣе съ распространеніемъ въ народѣ керосиновыхъ лампъ), буравчики, сапожные и др. молотки, подпилки, машинки для колотья сахара и проч. Искус-

ство туляковъ выразилось въ пословицѣ, сложившейся въ народѣ, что „туляки блоху посадили на цѣпь". Къ разряду же тульскаго скобяного товара принадлежатъ желѣзныя складныя кровати. Каждый сортъ скобяного товара принято укладывать въ очень красивыя пачки, причемъ въ каждую идетъ точно опредѣленное количество вещей извѣстнаго сорта.

Въ Тулѣ ежегодно приготовляется отъ 100,000 до 150,000 жестяныхъ кружекъ, которыя покупаются богомольцами и богомолками, вмѣсто бураковъ, когда они отправляются въ Кіевъ. Въ оптовой продажѣ эти кружки продаются сотнями и тысячами, по 35 р. за тысячу низшаго сорта и по 50 до 60 р. высшаго. Особой формы кружекъ, цѣною отъ 55 до 70 р. тысяча, приготовляется не болѣе 10,000 штукъ. Въ коробъ укладывается 500 кружекъ. На 300 кружекъ низшаго сорта идетъ 95 листовъ желѣза, на 300 средняго сорта 120 листовъ, а на высшій сортъ особой формы 180 листовъ. Въ день такихъ кружекъ одинъ рабочій можетъ приготовить 150 штукъ. Бутылей для масла, вина и другихъ жидкостей ведерныхъ до полу-

Г. Тула. Императорскій оружейный заводъ.

осьмушечныхъ выдѣлывается въ Тулѣ ежегодно до 20,000 штукъ. Приготовляются также ливера, ведра, лейки, фонари. Однихъ мѣдныхъ фонарей изготовляется до 100,000 штукъ ежегодно.

До ограниченія извѣстными распоряженіями торговли огнестрѣльнымъ оружіемъ, оно изготовлялось въ Тулѣ для частной продажи въ значительномъ количествѣ. Ружья нѣкоторыхъ тульскихъ мастеровъ, шедшія въ то время въ частную продажу, удивляли своею дешевизною. Одноствольныя ружья, напримѣръ, продавались по 1 р. 20 к. и 2 р. 50 к. Извѣстно, что всѣ забракованныя на казенномъ заводѣ ружья поступали въ частную продажу. Частные тульскіе оружейники болѣе всего затрудняются приготовленіемъ ружейнаго ствола, потому что машина для сверленія ствола стоитъ по ихъ средствамъ очень дорого. Поэтому они употребляютъ преимущественно для своихъ работъ бракованные казенные стволы, или заказываютъ себѣ новые. Тульскія охотничьи ружья, привозимыя на нижегородскую ярмарку, продаются тамъ отъ 5 р. до 50 р. за двухствольныя и по 2 р. до 15 р. за одноствольныя. Въ Тулѣ приготовляются также пистолеты, одноствольные и двухствольные, отъ 1 р. до 10 р. и револьверы разныхъ

системъ, отъ 6 р. до 25 руб. за штуку. Приготовленіе ружья требуетъ особаго рода искусства и снаровки. Если надъ дурнымъ ружьемъ частный мастеръ просидитъ два дня, то ружье хорошей доброты, удовлетворяющее извѣстнымъ условіямъ вѣрнаго и мѣткаго прицѣла, онъ изготовитъ не ранѣе двухъ недѣль. Изъ Тулы на нижегородскую ярмарку отправляютъ до 600 коробовъ ружей, по 25 штукъ въ каждомъ, всего около 15,000 ружей. Тульскія ружья разбираются преимущественно въ восточныя губерніи, при чемъ замѣчено, что персіяне постоянно пріобрѣтаютъ двухствольныя ружья, чуваши и мордва также двухстволки, а въ русскія губерніи идутъ болѣе всего одноствольныя.

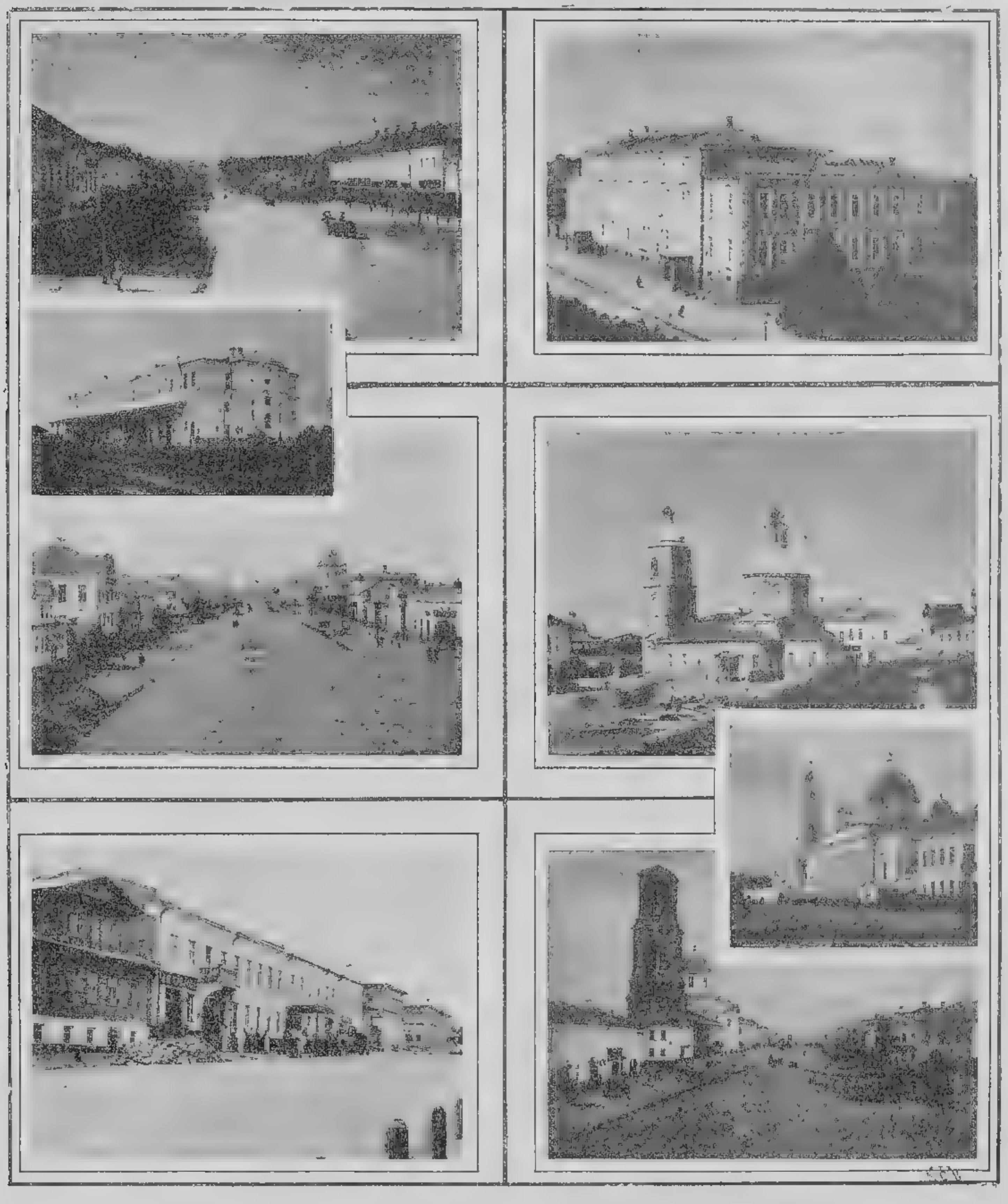
Для изготовленія металлическихъ произведеній туляки запасаются желѣзомъ на нижегородской ярмаркѣ, а мѣдью въ Петербургѣ и Москвѣ и притомъ заграничную, австрійскую и другую, которая, до послѣдняго измѣненія въ таможенномъ тарифѣ, стоила дешевле русской до 75 к. на пудъ. Желѣза на нижегородской ярмаркѣ покупается для Тулы разными торгов-

Г. Тула. Новые ряды.

цами болѣе 300,000 пудовъ, партіями по 100,000 и 50,000 пудовъ въ однѣ руки. Слѣдовательно прошло то время, когда тульскіе фабриканты и оружейники довольствовались желѣзомъ, добывавшимся изъ богатыхъ мѣсторожденій желѣзныхъ рудъ въ сѣверозападной части губерніи. Русской мѣди, безъ которой трудно обойтись, по высокой ея добротѣ, покупается на нижегородской ярмаркѣ для Тулы около 30,000 пудовъ. Цинкъ, который въ соединеніи съ красной мѣдью образуетъ латунь для самоваровъ, покупается въ Петербургѣ и Москвѣ. На одинъ пудъ мѣди идетъ обыкновенно полъ пуда цинка. Несмотря на проведеніе чрезъ Тулу желѣзной дороги, соединившей ее съ остальною рельсовою системою, и давшей возможность тульскимъ разнообразнымъ издѣліямъ расходиться на мѣстѣ въ большее, чѣмъ прежде, число рукъ, нижегородская ярмарка остается по прежнему главнымъ мѣстомъ сбыта для тульскихъ металлическихъ издѣлій, чему способствуетъ не мало дешевизна провоза туда водою по Окѣ, а также быстрота распродажи товара на нижегородской ярмаркѣ, вслѣдствіе значительнаго стеченія покупателей. Послѣднему обстоятельству благопріятствуетъ также постоянный сбытъ тульскихъ издѣлій въ восточную половину Россіи.

До построенія Московско-Курской желѣзной дороги, въ Тулѣ существовала одна розничная торговля хлѣбомъ, служившая для удовлетворенія потребности самого города и уѣзда.

Кіевская улица,
Московско-Курскій вокзалъ
Посольская улица.
Гостиница Тихонова.

ВИДЫ Г. ТУЛЫ.

Дворянское собраніе.
Церковь Воздвиженія.
Дѣвичій монастырь.
Воронежская улица.

Пріѣзжали также въ Тулу торговцы и крестьяне изъ Алексинскаго уѣзда для покупки хлѣба, такъ какъ собственнаго тамъ не бываетъ достаточно для продовольствія. Съ соединеніемъ

Москвы съ Тулою желѣзною дорогою, особенно же съ проведеніемъ чрезъ послѣднюю Ряжско-Вяземской дороги, въ ней развилась оптовая торговля хлѣбомъ. Въ Тулу стали возить пшеничную муку, пшеницу, рожь въ зернѣ и мукѣ, овесъ, гречиху изъ уѣздовъ Новосильскаго, Крапивенскаго, Богородицкаго, Ефремовскаго, Чернскаго, Епифаньевскаго. Гречиху принялись передѣлывать въ Тулѣ въ крупу. Тутъ возникли хлѣбные базары, на которые зимою въ иные дни съѣзжаются тысячи возовъ. Вообще желѣзныя дороги создали въ Тульской губерніи новые центры для хлѣбной торговли и уничтожили бывшіе до того при существованіи торговыхъ гужевыхъ путей.

Такимъ, напримѣръ, центромъ явилось село Сергіевское, верстахъ въ 60 отъ Тулы на желѣзной дорогѣ, въ южной части Крапивенскаго уѣзда, нынѣ представляющееся уже цвѣтущимъ городкомъ. Еще до открытія движенія по Московско-Курской дорогѣ на воскресные базары села Сергіевскаго стекалось много подводъ съ хлѣбомъ изъ ближайшихъ уѣздовъ, особенно южныхъ. Поселившіеся въ селѣ торговцы и мѣстные зажиточные крестьяне скупали привозимый хлѣбъ и отправляли его на продажу въ Калужскую губернію, Тулу, Серпуховъ. Привозился также въ это село лѣсъ и щепный товаръ изъ Калужской губерніи, для покупки котораго являлись крестьяне изъ сосѣднихъ уѣздовъ. Въ первые же годы послѣ открытія Московско-Курской и Орловско-Витебской желѣзныхъ дорогъ хлѣбная торговля въ Сергіевскомъ учетверилась. Весь хлѣбъ, который прежде изъ Ефремова шелъ на Каширу и далѣе, стали направлять на Сергіевское для перегрузки на тамошнюю станцію Московско-Курской дороги, отъ которой Ефремовъ находится въ 82 верстахъ. Съ привозомъ значительныхъ партій хлѣба въ Сергіевское, въ немъ поселилось болѣе хлѣбныхъ торговцевъ (прежде было только два значительные торговые дома) и коммиссіонеровъ и стали наѣзжать изъ Москвы и другихъ городовъ торговцы для покупки хлѣбовъ, вслѣдствіе чего въ Сергіевскомъ образовался значительный торговый пунктъ.

Съ другой стороны городъ Ефремовъ, до сооруженія желѣзныхъ дорогъ считавшійся первостепеннымъ хлѣбнымъ рынкомъ въ Тульской губерніи, совершенно утратилъ свое торговое значеніе. Шедшій чрезъ Ефремовъ торговый трактъ, на Епифань, Веневъ и Каширу къ Москвѣ, славился въ губерніи огромнымъ числомъ передвигавшихся по немъ обозовъ съ хлѣбомъ и другими произведеніями сельскаго хозяйства.

Во всѣхъ селеніяхъ по этому тракту находилось много обширныхъ постоялыхъ дворовъ, процвѣтавшихъ отъ этого товарнаго движенія. Каждый изъ содержателей такихъ дворовъ или „дворниковъ" ежегодно закупалъ отъ 500 до 1000 четвертей овса для продовольствія извозчичьихъ лошадей. Жители Венева лишились значительнаго дохода, еще задолго до сооруженія желѣзныхъ дорогъ, отъ этихъ извозчиковъ, когда они нашли возможнымъ обходить Веневъ, чтобы не подниматься съ грузомъ на высокую гору, на которой расположенъ этотъ городъ. Съ сооруженіемъ же желѣзныхъ дорогъ большая часть постоялыхъ дворовъ, между Ефремовымъ и Москвою, закрылись. Оставшіеся на трактѣ дворники съ трудомъ продавали въ зиму и весну по 100 четвертей овса. Въ такомъ же упадкѣ очутилась и хлѣбная торговля въ Ефремовѣ. Съ сооруженіемъ Орловско-Елецкой дороги значеніе хлѣбной торговли въ Ефремовѣ еще болѣе упало, такъ что многіе прежніе хлѣбные торговцы стали на свои капиталы покупать обширныя земли и обратились въ „посѣвщиковъ", производителей хлѣба въ большихъ размѣрахъ.

Хлѣбная торговля въ Веневѣ и Каширѣ весьма незначительна, потому что землевладѣльцы и крестьяне этихъ уѣздовъ, отправлявшіе свой избытокъ ржи и овса, до сооруженія желѣзныхъ дорогъ, прямо въ Москву, теперь стали свозить къ ближайшимъ станціямъ, и продаютъ торговцамъ для отправки въ эту столицу. Точно также новосильскіе землевладѣльцы и крестьяне, которые возили свой хлѣбъ прежде въ Орелъ и Мценскъ, съ постройки Московско-Курской дороги направляютъ его въ село Сергіевское.

Въ Богородицкомъ уѣздѣ, даже при посредственномъ урожаѣ, всегда бывалъ избытокъ хлѣба, который сбывался торговцамъ въ Богородицкѣ или въ Тулѣ для отправки гужемъ въ Москву, по сооруженіи желѣзной дороги сталъ отправляться туда по ней. Въ Богородицкѣ исключительно изъ его уѣзда собирается разнаго хлѣба на оптовую продажу до 100,000 четвертей и пеньки, отправляемой въ Бѣлевъ, до 25,000 пудовъ. Что касается до Епифани, то до реформы 1861 года хлѣбъ изъ уѣзда свозился въ этотъ городъ, но послѣ того многіе землевладѣльцы стали отправлять его прямо въ Москву. Съ этого времени въ Епифань стали везти хлѣба въ десять разъ менѣе. Съ постройки Московско-Курской дороги хлѣбъ изъ Епифани и ея уѣзда сталъ направляться въ Москву чрезъ Тулу. Въ Епифаньевскомъ уѣздѣ замѣчательна деревня Ракитино, въ пяти верстахъ отъ уѣзднаго города, тѣмъ, что всѣ ея жители занимаются въ обширныхъ размѣрахъ разведеніемъ, покупкою и сбытомъ въ Москву домашней птицы,

Г. Тула. Кремлевскій садъ.

куръ, утокъ, индѣекъ, гусей. Сами крестьяне деревни Ракитина разводятъ преимущественно гусей и утокъ, покупаютъ же всякую птицу не только въ своемъ уѣздѣ, но и въ Воронежской губерніи. Въ деревню за птицею пріѣзжаютъ перекупщики, которые въ трехъэтажныхъ клѣткахъ помѣщаютъ на телѣгѣ до 500 птицъ. Гусей гонятъ въ Москву въ сентябрѣ съ подрѣзанными крыльями.

На правомъ возвышенномъ, скалистомъ берегу Оки, по обѣ стороны впадающей въ нее рѣчки Мордовки расположенъ городъ Алексинъ (2,268 ж.). Мѣстоположеніе Алексина очень живописно. Мордовка, отдѣляющая часть города, которая называется Радбужею, лѣтомъ пересыхаетъ и превращается въ сухой оврагъ. Въ скалистомъ правомъ берегу Мордовки есть два ключа, которые отличаются обиліемъ и пріятнымъ вкусомъ своей воды. Она при Алексинѣ имѣетъ до сорока саженъ ширины, при одной сажени глубины. Вслѣдствіе положенія Алексина на возвышенномъ мѣстѣ, въ этомъ городѣ иногда улица проходитъ внизу, а дома находятся наверху и наоборотъ. Сжатый со всѣхъ сторонъ четырьмя слободами, Кестицкою, Стрѣлецкою, Пушкарскою, Рыбацкою, городъ тѣснится между оврагами. По названію слободъ

видно, въ чемъ заключались занятія жителей ихъ, когда они тамъ поселились. Рыбацкой слободѣ доставляетъ промыселъ Ока. Между рыбаками существуетъ преданіе, что св. Алексій, митрополитъ, до 1378 года владѣя Алексинымъ, прогнѣвался за что-то на рыбаковъ и обрекъ никому изъ рода ихъ не быть богатымъ, что и осуществляется, по ихъ словамъ, до нынѣ.

Алексинъ въ старину назывался Олексиномъ. Объ основаніи его существуетъ слѣдующее преданіе: сынъ Александра Невскаго, московскій удѣльный князь Даніилъ Александровичъ, обозрѣвая свои владѣнія, прибылъ къ Окѣ. Когда онъ перешелъ чрезъ эту рѣку, то къ нему прибылъ гонецъ съ извѣстіемъ, что супруга его родила сына Олексѣя. Князь заложилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ получилъ извѣстіе, новое городище съ тайникомъ въ рѣкѣ и назвалъ его Олексинымъ.

Общій видъ г. Каширы.

Древнее городище находилось на Окѣ на версту выше нынѣшняго города, гдѣ на высокомъ обрывистомъ берегу рѣки до нынѣ видны остатки древняго укрѣпленія. Мѣстность эта народомъ называется „Сторожекъ".

Въ XV вѣкѣ Алексинъ жестоко пострадалъ отъ нападенія татаръ, которые сожгли его. Жители, собравшіеся на разоренное мѣсто въ небольшомъ числѣ, въ 1474 году перенесли новый свой городъ на версту ниже, гдѣ онъ находится теперь и построили дубовую крѣпость съ башнями, а вмѣсто вала воспользовались каменнымъ утесомъ, образованнымъ скалистыми берегами Оки и Мордовки. Мѣсто этой крѣпости занято нынѣ Успенскимъ соборомъ и присутственными мѣстами.

Главный промыселъ жителей Алексина—торговля лѣсомъ, почему городъ отличается своею лѣсною пристанью. Изъ Алексина лѣсъ сплавляется по Окѣ въ Серпуховъ, Москву и Коломну. Сосна и ель приходятъ къ Алексину плотами изъ Смоленской и Калужской губерній. Весь берегъ Рыбацкой слободы бываетъ покрытъ бревнами, вытаскиваемыми изъ воды. Часть

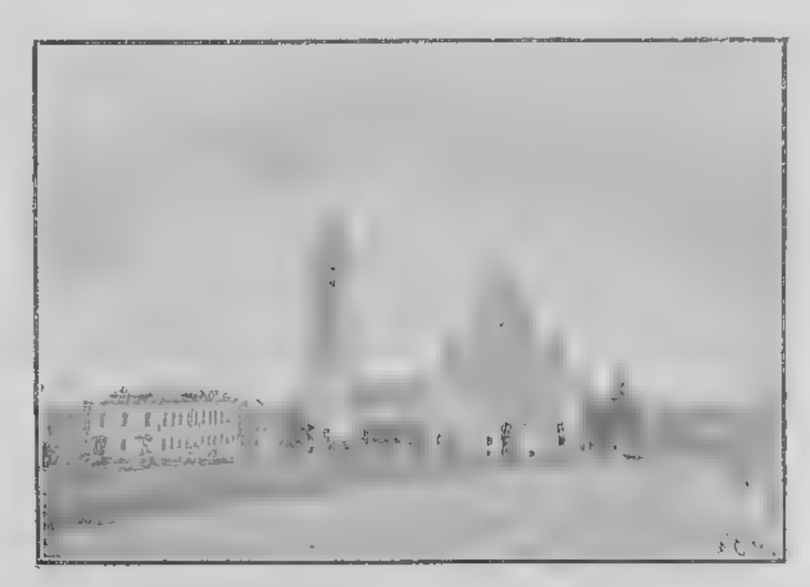
этого лѣса распиливается на доски въ Алексинѣ и оправляется сухимъ путемъ въ Богородицкій и Ефремовскій уѣзды.

Городъ состоитъ изъ четырехъ параллельныхъ улицъ, изъ которыхъ лучшими считаются Тульская и Московская. Съ 1868 года въ Алексинѣ существуетъ общественный городской банкъ съ основнымъ капиталомъ въ 10,000 руб. Церквей въ городѣ четыре. Съ 1802 года въ городѣ существуетъ каменная богадѣльня, устроенная мѣстнымъ купцомъ Масловымъ. Ярмарокъ въ году бываетъ четыре, съ оборотомъ на всѣхъ до 50,000 руб.

Недалекѣ отъ Алексина, близъ деревни Коровники, находится село Любутское, бывшій древній городъ Любутскъ. Тутъ еще видны остатки земляной крѣпостной насыпи.

Въ селѣ Ведменскихъ и Соломыковскихъ заводахъ на рѣчкѣ Скнигѣ, въ 1652 г., голландецъ Акема и нѣмецъ Марцеліусъ построили желѣзный и оружейный заводы и выписали для нихъ 600 иностранныхъ мастеровъ. Рабочіе тульскаго оружейнаго завода, бывшаго тогда еще въ младенчествѣ, ежемѣсячно посылались сюда для обученія выдѣлкѣ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія. Усовершенствованіе впослѣдствіи тульскаго оружейнаго завода прекратило выдѣлку оружія на означенномъ заводѣ.

Изъ села Павлинскаго, находящагося въ 30 верстахъ отъ Тулы, на Упѣ, на большой Калужской дорогѣ, перешелъ въ 1670 году въ Тулу кузнецъ Демидъ Григорьевъ Антюринъ съ сыномъ своимъ Никитою Демидовичемъ, знаменитымъ любимцемъ Петра Великаго. Отъ этого Никиты и произошелъ родъ Демидовыхъ.

Г. Кашира, Тульской губ. Успенскій соборъ.

Въ западной части Тульской губерніи лежитъ со своимъ уѣздомъ городъ *Одоевъ* (4,443 ж.). Одоевъ расположенъ на юго-западъ въ 81 верстѣ отъ Тулы и представляетъ неправильный четыреугольникъ, расширяющійся къ югу, и занимаетъ лѣвый высокій берегъ Упы и обѣ стороны рѣчки Сухой Хлевенки. Упа протекаетъ по Одоевскому уѣзду съ востока на западъ, параллельно казенной засѣки и раздѣляетъ его на сѣверную и южную части. Около шестидесяти лѣтъ тому назадъ Упа доставляла Одоеву большія выгоды, будучи тогда судоходною; по ней сплавлялись барки, подинмавшія до 5,000 пудовъ груза каждая. Теченіе въ рѣкѣ было до того быстро, что эти барки приплывали изъ Одоева въ Калугу на другія сутки. Но съ прекращеніемъ судоходства торговые и промышленные обороты города значительно уменьшились, тѣмъ болѣе, что онъ остался въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ. Нынѣшній Одоевъ расположенъ на высокой, сухой красивой мѣстности. Улицы города, числомъ 14, прямыя и широкія. Около такъ-называемой Красной площади находится бульваръ. Лѣтомъ Одоевъ съ тульской или калужской дороги представляется какъ-бы утонувшимъ въ зелени деревьевъ, изъ гущи которыхъ красиво возвышаются главы его церквей. Дѣло въ томъ, что Одоевъ извѣстенъ большимъ числомъ садовъ, которыхъ въ городѣ 250, между тѣмъ какъ домовъ въ немъ всего 22 каменныхъ и около 250 деревянныхъ. Постоянныхъ въ немъ жителей до 4000, и народонаселеніе въ немъ медленно, но постоянно возрастаетъ. Одоевъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Тульской губерніи. Съ извѣстною достовѣрностью можно предполагать, что онъ былъ основанъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, когда земли вятичей, по смерти Ярослава, достались князю Святославу Ярославичу Черниговскому. Въ древности онъ назывался „Одуевъ". Въ лѣтописяхъ о немъ писали: „Одуевъ на бортѣ", т.-е. городъ, лежащій при

ухожемъ бортномъ лѣсѣ. Бортъ значитъ древесное дупло, преимущественно дубовое. Жители Одоева промышляли медомъ въ лѣсу, нынѣшней казенной засѣкѣ, верстахъ въ 13 отъ города и доставляли этотъ продуктъ въ царскую казну.

Въ прежнія времена Одоевъ былъ укрѣпленнымъ городомъ. Для сооруженія крѣпости былъ выбранъ крутой, похожій на скалу, мысъ на лѣвомъ берегу Упы, образованной впаденіемъ въ нее рѣчки Сухой Хлевенки. На мѣстѣ древнихъ укрѣпленій нынѣ стоитъ Воскресенскій соборъ.

Изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ Тульской губерніи, Одоевъ описывается по преимуществу старообрядческимъ городомъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, старообрядчество, можно сказать, господствовало въ Одоевѣ почти во всѣхъ домахъ, въ видѣ старой вѣры, старыхъ семейныхъ обычаевъ, старыхъ костюмовъ. Нынѣ все это перемѣнилось.

Главными предметами торговли въ Одоевѣ, лежащемъ въ сорока верстахъ отъ Московско-Курской дороги, составляютъ хлѣбъ, пенька и кожа. Хлѣбъ идетъ на винокуренные заводы, пенька доставляется одоевскими торговцами въ количествѣ до 100,000 пудовъ ежегодно въ Бѣлевъ. Жители Одоева промышляютъ покупкою и другихъ товаровъ, меда, воска, щетины, скота и вообще отличаются прасольскою дѣятельностью.

Г. Кашира, Тульской губ. Московская улица.

Отъ города Одоева отдѣляется Костельцовымъ оврагомъ Богородице-Рождественскій Анастасовскій мужской монастырь, основанный въ первой половинѣ XVI столѣтія удѣльными князьями Воротынскими, Михаиломъ и Александромъ Ивановичами, и наименованнымъ Анастасовымъ въ память ихъ матери Анастасіи. Монастырь лежитъ на правомъ берегу Упы, который постепенно возвышается и представляется изъ города массивнымъ пятиглавымъ зданіемъ съ каменными столбами и крытою галлереею на толстыхъ подпорахъ со сводами. Пять главъ принадлежатъ храму Рождества Богородицы. Видъ изъ монастыря на городъ живописный.

На мѣстѣ нынѣшняго уѣзднаго города *Богородицка* (4,822) было первоначально укрѣпленіе, построенное въ царствованіе Алексѣя Михайловича. При укрѣпленіи поселили въ это время стрѣльцовъ и пушкарей. Ихъ слободы образовали впослѣдствіи Богородицкое село, которое въ 1777 году было переименовано въ уѣздный городъ. Онъ лежитъ въ 60 верстахъ къ югозападу отъ Тулы на лѣвомъ берегу Лѣсного Уперта. Въ Богородицкѣ торговля была довольно значительная, но она сократилась со времени проведенія воронежскаго шоссе на Ефремовъ. Желѣзныя дороги также оставили Богородицкъ въ сторонѣ. Богородицкій уѣздъ отличается тѣмъ, что въ немъ находятся самые многолюдные церковные приходы.

Въ 26 верстахъ отъ Богородицка находится слобода Дѣдилова или Дѣдиловская, гдѣ на горѣ видны остатки древняго городища. Эта слобода была прежде городомъ Дѣдиловскимъ. Въ этой слободѣ, лѣтъ тридцать назадъ, было четыре церкви и къ нимъ принадлежали четыре прихода, съ населеніемъ въ 5,832 души. Прежде Дѣдиловская слобода лежала при двухъ озерахъ, которыя, по народному преданію, образовались отъ проваловъ земли, но въ послѣднее время одно изъ этихъ озеръ изсякло.

Въ 48 верстахъ къ сѣверовостоку отъ Тулы расположенъ уѣздный городъ *Веневъ* (5,219 ж.), на высокомъ, крутомъ берегу рѣки Веневки, близъ впаденія ея въ Осетръ. На рѣкѣ Веневкѣ,

при самомъ городѣ, находятся ломки хорошаго известняка. Вообще Веневскій уѣздъ извѣстенъ своими ломками известняка, особенно по рѣкамъ Веневкѣ, Осетру, Осату, Дону, Бѣлоколодцу. Вся Тула и ея оружейный заводъ построены изъ веневскаго известняка. Добываніе его приносятъ большія выгоды жителямъ Веневскаго уѣзда. Каменный уголь, находящійся въ Веневскомъ уѣздѣ, принадлежитъ къ плохимъ сортамъ.

Изъ договора великаго княжества Московскаго съ великимъ княжествомъ Литовскимъ 1494 года оказывается, что Веневъ существовалъ уже въ XV столѣтіи, хотя время основанія его въ точности не опредѣлено.

На лѣвомъ возвышенномъ и мѣстами обрывистомъ берегу Оки лежитъ городъ *Бѣлевъ* (9,557 ж.). Съ запада на востокъ городъ пересѣкается двумя рѣчками, Бѣлевкою и Выркою, въ самомъ городѣ впадающими въ Оку. Истокъ Бѣлевки начинается въ самомъ городѣ двумя рукавами изъ сильныхъ ключей, впослѣдствіи изсякшихъ и засыпанныхъ. По этой рѣчкѣ Бѣлевъ получилъ свое названіе, потому что по правой сторонѣ ея, къ югу отъ крѣпости, началось поселеніе стараго Бѣлевскаго посада. Бѣлевка представляетъ теперь глубокое сухое русло, которое только весною наполняется въ обиліи водою. Рѣчка Вырка до 1640 года составляла границу между городомъ и нынѣшнею Завырскою слободою (Завырьемъ). Жители Завырья донынѣ въ шутку называются толочановцами. Завырье составляетъ четвертую часть нынѣшняго города Бѣлева. Огороды Попиковской слободы, населенной преимущественно нижними чинами, почти смежны съ дачами села Мишенскаго. Бѣлевъ вообще богатъ окружающими его со всѣхъ сторонъ слободами, а именно къ Болхову лежитъ Завырская, къ Козельску — Стрѣлецкая и Пушкарская, къ Калугѣ—Казачья, ниже крѣпости, къ Окѣ, опушка; между Завырскою и Пушкарскою—Подмонастырская слобода. Въ Завырской слободѣ изстари жили главные значительные торговцы Бѣлева, торгующіе съ петербургскимъ портомъ пенькою, конопляныиъ масломъ, хлѣбомъ, именно Прохоровъ, Игнатовъ, Улановъ.

Г. Бѣлевъ. Тульской губерніи.

Бѣлевъ отличается красивымъ мѣстоположеніемъ и съ большой одоевской дороги, верстъ за семнадцать, уже начинаетъ виднѣться въ туманной дали и открывается во всемъ своемъ великолѣпіи верстахъ въ четырехъ. Направо и налѣво видна огромная равнина лѣсовъ, съ разбросанными вдали рощами, деревнями и Жобынскимъ монастыремъ, между тѣмъ какъ впереди, на желто-глинистыхъ крутыхъ берегахъ Оки возвышается городъ съ церквями, садами и домами. Въ исторіи имя Бѣлева упоминается въ первый разъ въ 1407 году. Успенская церковь, окружная лѣчебница, земская управа съ мировымъ съѣздомъ и тюремный замокъ съ казармами находятся въ Бѣлевѣ на мѣстѣ существовавшей въ старину крѣпости, сгорѣвшей въ 1719 г.

Въ этомъ городѣ находятся два монастыря, мужской и женскій. Мужской Спасопреображенскій монастырь основанъ въ 1525 году удѣльнымъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде храмъ, въ которомъ будто бы молился Богу ханъ Улу-Маршетъ, преслѣдуемый Василіемъ Темнымъ. Монастырь былъ прежде деревянный и каменныя его постройки начаты были только съ 1674 года. Приходскихъ церквей въ Бѣлевѣ

тринадцать, изъ которыхъ одна единовѣрческая, существующая съ начала нынѣшняго столѣтія. Вдовій домъ учрежденъ въ Бѣлевѣ въ память кончины въ немъ, въ 1826 году 3 мая, императрицы Елизаветы Алексѣевны, супруги императора Александра Павловича, на обратномъ пути ея изъ Таганрога въ Петербургъ. Иконостасъ Елисаветинской церкви вдовьяго дома тотъ самый, работы профессора Шебуева, который составлялъ походную церковь императора Александра I. Внутренности усопшей императрицы похоронены въ саду при вдовьемъ домѣ подъ мраморнымъ памятникомъ съ бронзовою наверху короною.

Въ Бѣлевѣ есть городской общественный банкъ, основанный почетнымъ гражданиномъ А. И. Прохоровымъ съ первоначальнымъ капиталомъ въ 10,000 рублей. Въ 1859 году почитатели В. А. Жуковскаго и его родственники основали, на собранные ими 1,309 рублей, публичную библіотеку въ память покойнаго поэта. Въ одной изъ читальныхъ комнатъ виситъ портретъ В. А. Жуковскаго, писанный съ оригинала Брюллова.

На Ершовской улицѣ находится домъ Жуковскаго; онъ былъ устроенъ въ 1810 году поэтомъ В. А. Жуковскимъ для его матери, турчанки Сальхи, получившей при крещеніи имя Елизаветы Дементьевны († въ 1811 г.). Этотъ домъ, сохранившій и понынѣ прежній наружный фасадъ, деревянный, окрашенъ въ желтую краску, двухъэтажный, имѣетъ на улицу по три окна въ каждомъ этажѣ, изъ коихъ верхнее, среднее, полукруглое. У послѣдняго въ 1837 г. долго любовался открывающимся оттуда видомъ на Заочье Государь Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, совершавшій путешествіе по Россіи въ сопровожденіи своего наставника-поэта. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ М. Н. П. купило этотъ домъ и устроило при немъ двухклассное, имени поэта, училище. Послѣднее помѣщается въ двухъэтажномъ кирпичномъ зданіи, выстроенномъ рядомъ съ „историческимъ" домомъ, а въ самомъ домѣ устроены квартиры для смотрителя и двухъ преподавателей училища.

Г. Бѣлевъ, Тульской губ. Соборный храмъ.

Бѣлевъ извѣстенъ въ исторіи русскаго раскола своимъ попомъ Стефаномъ, оставшимся въ старообрядчествѣ при исправленіи церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ. Около 1570 г. онъ бѣжалъ со своимъ сыномъ въ Вѣтку, оставивъ послѣ себя въ городѣ многихъ приверженцевъ старой вѣры. Изъ Бѣлева старообрядчество проникло и въ Одоевъ, такъ какъ жители обоихъ городовъ находились между собою въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Городъ Бѣлевъ давно славился своими торговыми оборотами, преимущественно скупомъ и обработкою пеньки, конопляннаго масла, скота, хлѣба. Положеніе города на судоходной Окѣ всегда доставляло бѣлевскимъ торговцамъ возможность отправлять свои товары удобно и дешево въ Москву. Бѣлевъ принадлежитъ къ числу лучшихъ въ Тульской губерніи. Ярмарка бываетъ въ немъ однажды въ году, съ 6 по 16 сентября, но обороты ея незначительны.

Село Мишенское, родина поэта Жуковскаго, находится въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева. Мишенское расположено на возвышенности, съ которой открываются всѣ лучшіе зарѣчные виды, а именно на сѣверъ Жобынская пустынь, на востокъ Красная часовня, нѣсколько южнѣе село Темрянь. Внизу села, въ сторонѣ города, по Вырѣ, виднѣется холмистая живо-

писная луговая мѣстность, соединяющаяся съ лугами долины Оки. Западная сторона села заслонена возвышенностью, на которой стоитъ Бѣлевъ. Въ шести или семи верстахъ отъ Мишенскаго лежитъ, въ Лихвинскомъ уѣздѣ (Калужской губ.), село Любино, на верховьяхъ Выры, гдѣ жилъ И. В. Кирѣевскій, близкій родственникъ Жуковскаго. Село Мишенское изстари было достояніемъ рода Бунинныхъ. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія оно принадлежало богатому помѣщику Аѳанасію Ивановичу Бунину, у котораго былъ хорошій домъ съ оранжереями, паркомъ, садомъ, съ прудами. Послѣ его смерти наслѣдники, потерявшіе Мишенское по раздѣлу, не имѣли средствъ покойнаго поддерживать усадьбу и она постепенно разрушилась. Остались каменная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, ручеекъ (Гремучій), воспѣтый Жуковскимъ, роща и холмъ, сохранившій названіе „Греева элегія", потому что на немъ Жуковскій перевелъ свое первое стихотвореніе „Сельское кладбище" Грея. Внучка Бунина, извѣстная писательница Анна Петровна Зонтагъ, жила въ небольшомъ деревянномъ домикѣ,

Г. Бѣлевъ, Тульской губ. Главная улица.

отъ котораго къ церкви шла густая аллея. Прекрасная библіотека Зонтагъ долго сохранялась въ этомъ домѣ, но потомъ была разобрана. На сельскомъ кладбищѣ сооружена деревянная часовня, вмѣщающая въ себѣ прахъ Буниныхъ и другихъ родныхъ Аѳанасія Ивановича Бунина, отца Жуковскаго.

Городъ *Ефремовъ* (9,044 ж.) расположенъ на очень возвышенной красивой мѣстности, которая открывается въ особенности съ шоссейной дороги отъ Ельца. Съ западной стороны Ефремовъ окруженъ городскою рощею и садами частныхъ владѣльцевъ, что не мало придаетъ красы городу. Онъ лежитъ при рѣкѣ Красивой Мечи, берущей свое начало въ 35 верстахъ отъ Ефремова, близъ села Рождественскаго, въ Богородицкомъ уѣздѣ. Рѣка течетъ извилисто въ крутыхъ, песчанистыхъ берегахъ. На ней устроено много мукомольныхъ мельницъ. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ велики, что размалываютъ до 25,000 четвертей пшеницы. По преданію, рѣкѣ дано названіе Красивая Мечь вслѣдствіе того, что, при нашествіи татаръ, проѣзжавшій черезъ нее одинъ воинъ уронилъ въ воду свой красивый мечъ. Ефремовъ принадлежитъ къ не очень древнимъ городамъ Тульской губерніи, такъ какъ лежитъ въ юговосточной ея части, называемой Дономъ, которая дольше прочихъ мѣстъ оставалась незаселенною. При учре-

жденіи въ 1777 году Тульскаго намѣстничества, Ефремовъ былъ сдѣланъ его уѣзднымъ городомъ.

Церквей въ городѣ семь и изъ нихъ самая древняя Покровская, построенная въ 1777 г. Въ Ефремовѣ бываетъ шесть ярмарокъ и самая главная происходитъ 15-го сентября, на которую привозится много хлѣбнаго товара. Ефремовскій уѣздъ славится своимъ плодородіемъ, а потому торговля хлѣбомъ принадлежала къ главнымъ оборотамъ его города, которые сократились съ сооруженіемъ желѣзной дороги изъ Орла на Елецъ, изъ Рязани на Козловъ, но съ окончаніемъ Ряжско-Вяземской дороги, соединенной съ Ефремовымъ, хлѣбнымъ торговцамъ его вновь открылась возможность успѣшно конкуррировать съ другими хлѣбными центрами.

О времени основанія города *Крапивны* (6,797 ж.) письменныхъ документовъ не сохранилось, но она уже существовала въ половинѣ XV столѣтія. По преданіямъ, до нашествія татаръ, на мѣстѣ Крапивны былъ какой-то городъ, подвергшійся общей участи разоренія монголами Россіи. Жители этого населеннаго пункта, бѣжавшіе отъ татаръ, возвратились затѣмъ на свое старое пепелище, возобновили старый городъ и назвали его Крапивною, потому что все мѣсто поросло бурьяномъ и крапивою.

Г. Бѣлевъ, Тульской губ. Домъ Жуковскаго.

Въ 1802 году Крапивна была сдѣлана уѣзднымъ городомъ Тульской губерніи. Съ дороги отъ Тулы открывается живописный видъ на этотъ городъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ рѣки Плавы. Вообще издали Крапивна кажется красивѣе чѣмъ вблизи. Она состоитъ изъ пяти частей: собственно города на возвышенности и четырехъ слободъ, въ низменной мѣстности, именно Московской, Пушкарской, Житой, Казачей. Плава беретъ начало въ Чернскомъ уѣздѣ и, протекая съ сѣвера на югъ, орошаетъ западную часть Крапивенскаго уѣзда. На этой рѣкѣ, особенно въ ея верховьяхъ, много селъ и деревень и въ томъ числѣ село Сергіевское, сдѣлавшееся извѣстнымъ особенно въ послѣдніе годы своими хлѣбными оборотами, составляющими нынѣ ежегодно болѣе милліона рублей. Церквей въ городѣ пять. Климовская, построенная въ 1764 году на средства тульскаго купца Герасима Суткина, была византійскаго стиля съ 5 куполами, но при капитальной перестройкѣ въ 1822 году обезображена. Всѣ церкви въ Крапивнѣ находятся въ одномъ мѣстѣ, далеко отъ слободъ. Городской общественный садъ довольно великъ и хорошо распланированъ на высокомъ берегу Плавы. Городской общественный банкъ, основанный съ капиталомъ въ 10,000 рублей, удѣляетъ свою чистую прибыль на дѣла благотворенія и на призрѣніе бѣдныхъ въ богадѣльнѣ. Каменныхъ домовъ въ Крапивнѣ немного Въ Крапивенскомъ уѣздѣ добывается каменный уголь. Желѣзная дорога изъ Тулы въ Орелъ проходитъ по восточной части уѣзда на протяженіи 47 верстъ, не касаясь Крапивны. Въ уѣздѣ, вблизи села Курова и рѣки Улы, находится минеральный источникъ, образующійся изъ трехъ ключей,

текущихъ въ очень близкомъ разстояніи одинъ отъ другого. Этотъ источникъ вливается въ Улу ручьемъ, изобилующимъ водою. Въ этомъ минеральномъ источникѣ, сверхъ обыкновенныхъ составныхъ частей ключевыхъ водъ (углекислой, сѣрно-кислой извести, хлористаго натрія и магнія и кремнезема), открыто небольшое количество сѣрно-кислаго натрія и сѣроводороднаго газа. Вода этого источника не употребляется мѣстными жителями для питья, потому что имѣетъ сильное слабительное дѣйствіе.

Рязанскую губернію въ хозяйственномъ отношеніи можно раздѣлить на три полосы, южную, сѣверную и среднюю. Всѣ три полосы отличаются одна отъ другой почвою, бытомъ крестьянъ и промыслами. Южную полосу составляютъ уѣзды: Раненбургскій, Данковскій, Са-

Общій видъ г. Рязани.

пожковскій, принадлежащіе къ числу черноземныхъ. Они расположены на сѣверной оконечности огромнаго непрерывнаго пласта чернозема европейской Россіи. Съ этихъ уѣздовъ начинались такъ-называемыя прежде степи, хотя небольшія равнины показываются только въ концѣ уѣздовъ, ближе къ границамъ Тамбовской губерніи. Лѣтъ тридцать тому назадъ во многихъ мѣстахъ этихъ уѣздовъ встрѣчались даже рощи.

Изъ рѣкъ, протекающихъ по этимъ уѣздамъ, Донъ въ Данковскомъ—не судоходенъ, а Рига въ Раненбургскомъ и Пара въ Сапожковскомъ незначительны. Среднюю полосу Рязанской губерніи составляютъ уѣзды: Михайловскій, Ряжскій и Скопинскій, также на пластѣ чернозема, глубина и производительность котораго оказывается значительно меньше, чѣмъ въ уѣздахъ южной полосы. Эта средняя полоса составляетъ какъ бы переходъ отъ степного хозяйства къ сѣверному. По ней протекаетъ рѣка Проня, проходящая чрезъ городъ Михайловъ, по границѣ Ряжскаго и Спасскаго уѣздовъ и въ послѣднемъ впадаетъ въ Оку. Въ двадцати верстахъ

отъ своего устья, Проня становится судоходною и на этой ея части находится извѣстная хлѣбная пристань, село Перевлесъ. До сооруженія желѣзныхъ дорогъ, перерѣзавшихъ Рязанскую губернію по направленію къ Москвѣ, Скопинскій и Михайловскій уѣзды служили центрами, гдѣ накоплялся въ большомъ количествѣ хлѣбъ и затѣмъ гужемъ отправлялся въ Москву. Въ 31 верстѣ отъ Ряжска лежитъ село Ухоловъ, которое служило складочнымъ мѣстомъ для хлѣба, привозимаго изъ уѣздовъ Сапожковскаго, Ряжскаго, отчасти Раненбургскаго и Козловскаго (Тамбовской губерніи). Зимою Ухоловъ славился обширною торговлею хлѣбомъ, которая значительно ослабѣла съ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ. Изъ Ухолова весь хлѣбъ поступалъ прежде на Перевлесскую пристань для дальнѣйшаго его сплава по Пронѣ и Окѣ. Въ настоящее время значеніе Перевлесской пристани, какъ и многихъ другихъ хлѣбныхъ пристаней, сильно уменьшилось.

Г. Рязань. Церковь Бориса и Глѣба.

Сѣверную полосу Рязанской губерніи составляютъ уѣзды: Зарайскій, Рязанскій, Егорьевскій, Пронскій, Касимовскій и Спасскій. По этой полосѣ протекаетъ Ока. Мѣста, лежащія по правую сторону Оки, къ югу, имѣютъ еще большею частью черноземную почву на глинистой подпочвѣ, хотя толщина чернозема не превышаетъ двухъ до пяти вершковъ. Въ срединѣ сѣверной полосы, непосредственно за Окою къ сѣверу, почва оказывается повсюду песчаною. Во многихъ мѣстахъ здѣсь встрѣчаются даже сыпучіе пески. Далѣе, на сѣверъ, почва въ этой полосѣ боровая, оставшаяся послѣ бывшихъ здѣсь дремучихъ лѣсовъ съ болотами и мхами. Такимъ образомъ Ока въ Рязанской губерніи отдѣляетъ черноземный ея край отъ не черноземнаго. По обоимъ берегамъ Оки лежатъ роскошные сѣнокосы, ежегодно покрываемые водою рѣки, которая разливается въ стороны на 3—15 верстъ

Г. Рязань. Церковь Николы Долгомен.

По этому распредѣленію почвы въ Рязанской губерніи, въ южной ея полосѣ преобладаетъ земледѣліе, которое уже не составляетъ исключительнаго занятія населенія въ средней полосѣ, гдѣ для обезпеченія урожая требуется сильное удобреніе. Поэтому крестьяне занимаются тутъ и другими промыслами, бондарнымъ производствомъ, приготовленіемъ овчинъ, колесъ и проч. Въ сѣверной полосѣ, на песчаной и боровой почвѣ, крестьянинъ не въ состояніи прокормиться однимъ земледѣліемъ, а потому ищетъ себѣ подспоры въ разныхъ промыслахъ, чему много содѣйствуетъ ему близость московскаго и владимірскаго промышленныхъ районовъ.

До сооруженія Московско-Рязанской желѣзной дороги, въ Рязани существовали оптовые

склады хлѣба, который потомъ нагружался въ барки для отправки водою въ Москву. Хлѣбъ этотъ свозился въ Рязань отчасти изъ Рязанскаго уѣзда, но преимущественно изъ села Ухо-

Общій видъ города Рязани.

лова и изъ уѣздовъ Скопинскаго, Михайловскаго и Пронскаго и съ Перевлесской пристани. Главными хлѣбными товарами въ Рязани въ то время были рожь, ржаная мука, овесъ и гречневая крупа; пшеница привозилась только для мѣстнаго потребленія. Съ построеніемъ Московско-Рязанской дороги, значеніе Рязанской и Перевлесской пристаней въ хлѣбной торговлѣ

совершенно упало; большіе склады хлѣба въ Рязани уничтожились, потому что всѣ крупные оптовые торговцы обратились за покупкою хлѣба непосредственно въ Козловъ и Моршанскъ, откуда и стали отправлять хлѣбные товары по желѣзнымъ дорогамъ въ Москву и Петербургъ. Мелкіе хлѣбные торговцы, покупая небольшими партіями хлѣбный товаръ, подвозимый гужемъ и къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, стали въ складчину нанимать два—три вагона и отправлять ихъ въ Москву, гдѣ одинъ изъ компаніоновъ или ихъ довѣренный продаетъ съ платформы станціи Рязанской дороги въ Москвѣ мѣстнымъ жителямъ хлѣбъ въ розницу, но не менѣе одного куля. Такимъ способомъ установилась въ Москвѣ розничная продажа хлѣба непосредственно съ платформы станціи Рязанской дороги и этимъ путемъ москвичи могутъ пріобрѣтать хлѣбъ нѣсколько дешевле, чѣмъ изъ мѣстныхъ лабазовъ. Продавъ хлѣбъ въ Москвѣ, компаніонъ или довѣренный возвращается съ вырученными деньгами для новой подобной операціи. Такія же поѣздки съ однимъ или двумя вагонами дѣлаются изъ Рязанской губерніи не столько въ Москву, но и въ Петербургъ. При такомъ способѣ хлѣбной торговли со столицами, небольшіе капиталы мелкихъ оптовыхъ торговцевъ оборачиваются нѣсколько разъ въ годъ. Вслѣдствіе такой торговли поддерживается и гужевая доставка хлѣба въ Рязани, но не на ея пристань, а въ самый городъ и къ станціи желѣзной дороги. Сѣрые хлѣба, рожь, ржаная мука и овесъ, поступаютъ въ Рязань преимущественно гужевымъ путемъ, а бѣлые, пшеничная мука, крупа гречневая и пшено, по желѣзной дорогѣ. Всего въ Рязань собирается до милліона четвертей разнаго хлѣба, который идетъ на мѣстное потребленіе и вывозится въ Москву и въ Петербургъ, смотря по состоянію тамъ цѣнъ, и затѣмъ болѣе 1,000,000 четвертей преимущественно ржаной муки отправляется въ Мещерскую сторону (такъ называется часть Рязанской губерніи по лѣвому берегу Оки), гдѣ, за отсутствіемъ водяной силы, нѣтъ мельницъ для размола зерноваго хлѣба.

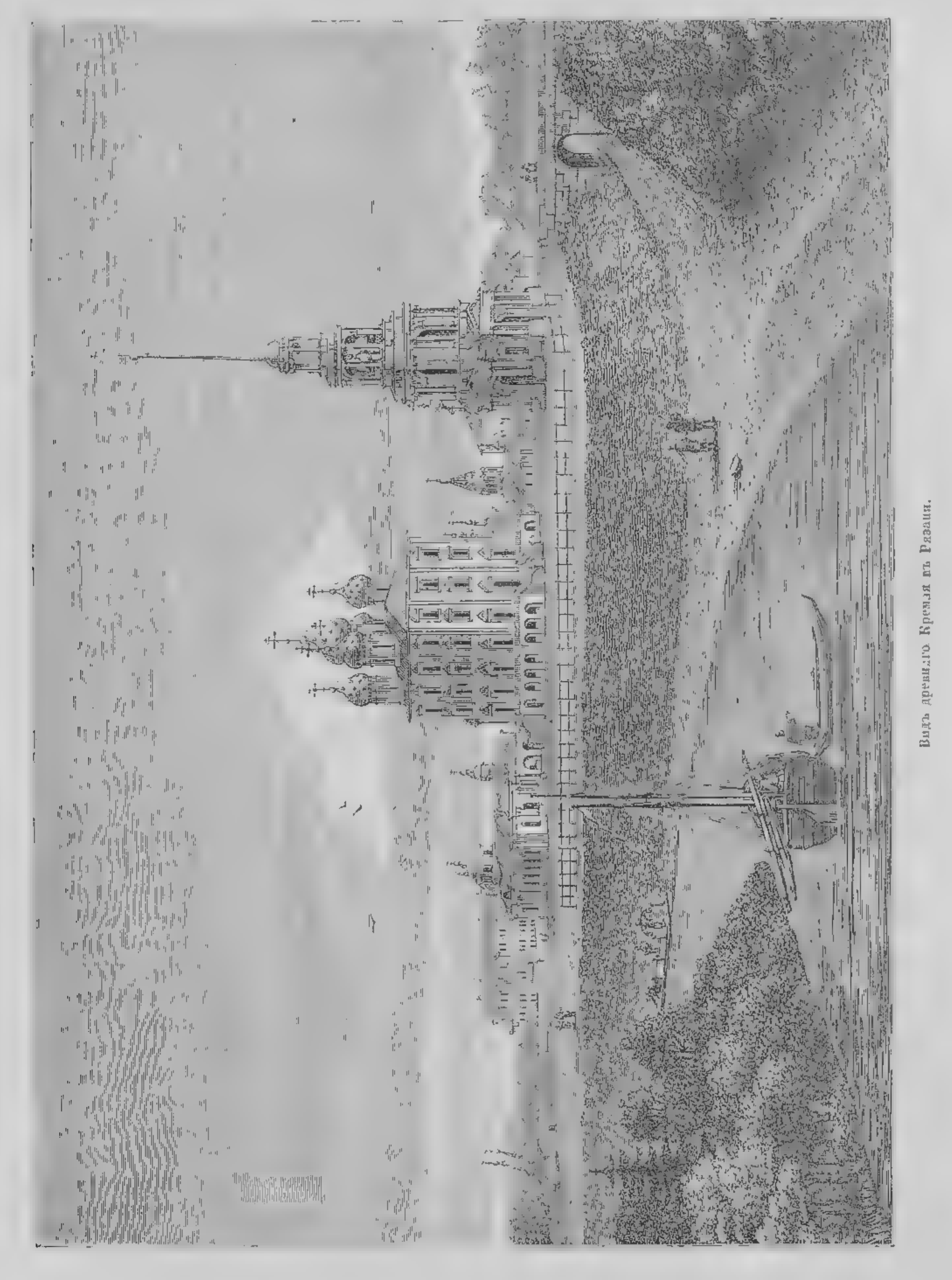

Г. Рязань. Рождественскій соборъ.

Егорьевскъ и его уѣздъ, по нахожденію въ городѣ многихъ фабрикъ и заводовъ, малоплодородности земли и недостатку пашней, сильно нуждаются для пропитанія своего населенія въ привозномъ хлѣбѣ. Ржаная мука, овесъ, гречневая крупа и пшено доставляются въ Егорьевскъ по желѣзной дорогѣ изъ Козлова, Моршанска, Ряжска и другихъ болѣе южныхъ мѣстъ. Но независимо отъ того хлѣбный товаръ подвозится гужемъ изъ уѣздовъ Михайловскаго, Скопинскаго, Зарайскаго и Веневскаго (Тульской губерніи). На зимнихъ базарахъ въ Егорьевскѣ бываетъ иногда до 300 и до 400 подводъ съ хлѣбомъ. Всего поступаетъ въ Перевлескъ болѣе 3,000,000 четвертей хлѣба, какъ для его продовольствія, такъ и для населенія его уѣзда. Изъ этого количества одна пятая часть продается егорьевскими хлѣбными торговцами на Мещерскую сторону и въ Богородскій уѣздъ. Въ привозномъ хлѣбѣ нуждается въ Рязанской губерніи также и Касимовскій уѣздъ. Хлѣбъ для него доставляется въ Касимовъ гужемъ зимою изъ Елатьмы, Пензы, Чембаръ, Тамбова, а лѣтомъ водою изъ Моршанска, съ Перевлесской и Шиловской пристаней (на рѣкѣ Окѣ въ Спасскомъ уѣздѣ). Кромѣ мѣстнаго потребленія въ городѣ и уѣздѣ, часть этого хлѣба продается меленковскимъ крестьянамъ, привозящимъ древесный уголь, необходимый касимовскимъ кузнецамъ.

Егорьевскій уѣздъ отличается разведеніемъ хмѣля, котораго собирается тамъ болѣе 35,000 пудовъ. Въ Рязанскомъ уѣздѣ хмѣль собирается въ семь разъ менѣе. Доброта его зависитъ главнѣйше отъ его высушиванія въ печахъ, при чемъ, если ихъ топятъ не дровами, а дре-

веснымъ углемъ, то хмѣль бываетъ зеленѣе и имѣетъ болѣе легкій запахъ. Егорьевскіе тор-

Видъ древняго Кремля въ Рязани.

говцы скупаютъ хмѣль по сельскимъ ярмаркамъ и отправляютъ въ города, гдѣ существуютъ пивоваренные заводы.

По словамъ лѣтописей, первые поселенцы, пришедшіе въ XI вѣкѣ въ земли рязанскія,

основались въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ на правомъ берегу Оки, между рѣками Пронею и Парою. Здѣсь была построена и столица рязанскаго княжества, *Рязань* (44,552 ж.), которая донынѣ существуетъ со своими древними остатками, подъ именемъ села Старая Рязань, на берегу Оки, насупротивъ города Спасска. Имя города Рязани встрѣчается въ первый разъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1096 годомъ. Разрушенная въ 1208 г. великимъ княземъ суздальскимъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, а въ 1237 г. Батыемъ, Рязань не могла уже оправиться. Между тѣмъ въ этой области увеличилось значеніе небольшого города Переславля въ 50 верстахъ выше Рязани. По однимъ сказаніямъ, Переславль былъ основанъ въ 1095 году около церкви Николы Стараго, по другимъ,—онъ былъ заложенъ въ 1198 году ямщикомъ Арсеніемъ. До 1294 года Переславль оставался незначительнымъ городомъ, но въ этомъ году ямщикъ Муромскій Василій, гонимый несправедливыми подозрѣніями и оклеветанный жителями Мурома, которые покушались даже на его жизнь, чудеснымъ образомъ на своей мантіи, приплылъ первоначально въ Рязань, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, въ Переславль, гдѣ окончательно утвердилъ мѣстопребываніе рязанскихъ и муромскихъ ямщиковъ. Къ концу XIV вѣка Переславль называется уже Старою Рязанью. Въ XVII столѣтіи городъ принялъ названіе Переславля-рязанскаго, въ отличіе отъ Малороссійскаго и Залѣсскаго, а въ 1708 году былъ сдѣланъ главнымъ городомъ учрежденной тогда Переславль-рязанской провинціи, входившей въ составъ Московской губерніи. При учрежденіи намѣстничествъ въ 1778 году, когда Рязанская губернія была сформирована въ предѣлахъ нынѣшняго своего состава, названіе Переславля исчезло изъ оффиціальныхъ актовъ, потому что главному городу рязанскаго намѣстничества повелѣно было просто именоваться Рязанью. Послѣ преобразованія намѣстничествъ въ губерніи, Рязань сдѣлана была губернскимъ городомъ.

Г. Рязань. Церковь Входъ Господа въ Iерусалимъ.

Въ Рязани сохранилось много древностей отъ прежней ея исторической жизни. Такъ, въ церкви во имя Архангела Михаила находятся гробницы восьми рязанскихъ архипастырей. На правомъ клиросѣ почиваетъ архіепископъ Михаилъ, убитый тамбовскою мордвою въ 1655 г. Надъ гробницею, въ стеклянномъ футлярѣ виситъ его мантія, на которой видны три прошибины стрѣлами и кровь, которая струилась сквозь нихъ и засохла. Въ преддверіи алтаря, погребенъ рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, бывшій экзархомъ патріаршаго престола и президентомъ святѣйшаго синода при Петрѣ Великомъ (┼ 1722 г.). Рядомъ съ гробницею Яворскаго въ преддверіи же алтаря, стоятъ на пьедесталѣ два ящика подъ стеклами. Разсказываютъ, что въ 1820 году, при возобновленіи храма Архангела Михаила, подъ поломъ найденъ былъ наглухо заколоченный гвоздями и запечатанный ящикъ. При его вскрытіи, по приказанію тогдашняго преосвященнаго Сергія, въ немъ найденъ былъ другой серебряный ящикъ и въ немъ мощи многихъ святыхъ и мучениковъ. Всѣ эти мощи находятся въ первомъ ящикѣ, а во второмъ слѣдующіе предметы: вѣтка несгораемой купины; часть дуба мамврійскаго; часть дерева, которое Богъ указалъ Моисею, чтобы усладить воды (мерры); ступень Ѳаворской горы (на которой преобразился Спаситель); камень, на которомъ стоялъ Христосъ съ учениками (на Ѳаворѣ); камень, на которомъ Христосъ постился сорокъ дней и сорокъ ночей и пр

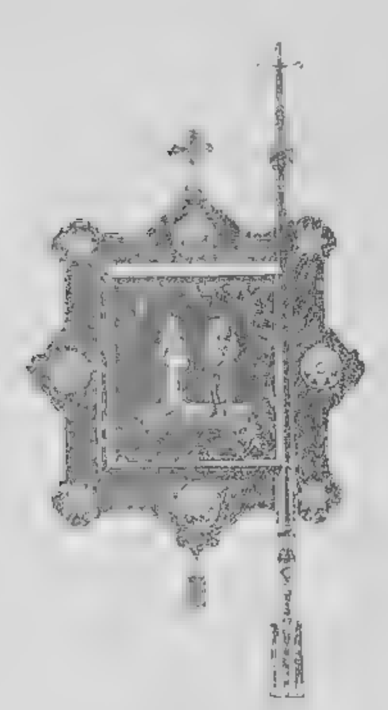
Соборная церковь во имя Рождества Христова въ древности была во имя Успенія Пресв. Богородицы и переименована по сооруженіи большого Успенскаго собора. Церковь была осно-

Духовная Семинарія. Памятникъ Василію Рязанскому. Почтовая улица.
Церковь при Духовной Семинаріи. Соборная улица.
Базарная площадь. Вокзалъ. Мужская гимназія.

ВИДЫ Г. РЯЗАНИ.

вана ранѣе 1485 года, потому что въ этомъ году былъ пожертвованъ великою княгинею рязанскою Анною Васильевною напрестольный воздухъ въ этотъ храмъ, какъ видно изъ надписи. Слѣдовъ древности церкви, перестроенной въ 1606 г., не осталось. Въ этомъ храмѣ хранятся мощи св. Василія I, епископа рязанскаго, скончавшагося въ 1294 году въ Переславлѣ рязанскомъ и находится чудотворная икона Ѳедотьевской Божіей Матери, обрѣтенная въ 1489 году близъ села Ѳедотьева, въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ. На правой сторонѣ Рождественскаго собора почиваютъ пять великихъ князей рязанскихъ. На лѣвой сторонѣ находятся гробницы трехъ великихъ княгинь рязанскихъ. Надъ всѣми восемью въ старину стояли каменныя гробницы, но онѣ были раздавлены обрушившимися сводами храма и болѣе не возобновлялись. Каѳедральный соборъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы стоитъ на самомъ берегу рѣки Трубежа въ крѣпости и по великолѣпію и красотѣ принадлежитъ къ замѣчательнымъ церквамъ Россіи. Архитектура его готическая.

Г. Егорьевскъ, Рязанской губ. Хоругвь въ память коронованія Е. И. В. Императора Николая II.

Древность другой церкви въ Рязани во имя Страстотерпцевъ Бориса и Глѣба доказывается тѣмъ, что при ней погребенъ св. Василій I, епископъ рязанскій († 1294 г.). Эта церковь была каѳедральнымъ соборомъ рязанскихъ архіереевъ съ самого учрежденія архіерейской каѳедры въ Переславлѣ рязанскомъ. На мѣстѣ погребенія св. Василія I издавна стояла часовня, первоначально деревянная, а впослѣдствіи каменная. Въ 1836 году былъ воздвигнутъ чугунный памятникъ подъ красивымъ катафалкомъ съ надписью, что онъ сооруженъ „на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ святитель Божій былъ погребенъ и гдѣ почивали св. его мощи".

Церковь во имя Владимірской Божіей Матери (въ духовной семинаріи) построена въ 1685 году. Въ этой церкви сохранился серебряный вызолоченный крестъ съ 152 святынями, что видно изъ надписей на оборотѣ креста. Въ числѣ святынь находятся камень Геѳсиманіи, древо креста Господня, часть жезла Моисеева, часть жезла Іоанна Богослова и частицы мощей 148 святыхъ. Въ семинарской церкви хранится также: евангеліе, напечатанное въ 1698 г., верхняя доска котораго, украшенная вызолоченнымъ серебромъ, замѣчательна по превосходному чекану святыхъ лицъ.

Г. Егорьевскъ, Ряз. губ. Никитская ярмарка. Щепная площадь.

Церковь Вознесенская долгомеянская (въ просторѣчіи Никола Долгомея) построена въ царствованіе Іоанна Грознаго. Въ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, сооруженной въ 1679 году, заслуживаетъ вниманія запрестольный деревянный осьмиконечный крестъ, представляющій выростокъ, какъ кажется, дикой яблони, правильно образовавшійся осьмиконечнымъ крестомъ. Въ длину крестъ имѣетъ 17 вершковъ, въ ширину, на мѣстѣ простиранія рукъ $10^1/_2$ вершк., а внизу, при подножіи $9^1/_3$ вершк. Церковь во имя Входа въ Іерусалимъ Господа нашего Іисуса Христа сооружена въ 1680 году. Троицкій монастырь принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ обителей въ Рязанской губерніи, но изъ памятниковъ древности монастыря

ничего не осталось. По преданію, въ 1385 году, преподобный Сергій, игуменъ радонежскій, приходившій въ Рязань для примиренія великаго князя рязанскаго, Олега Іоанновича, съ великимъ княземъ московскимъ, Дмитріемъ Донскимъ, имѣлъ ночлегъ въ этомъ монастырѣ, въ память чего, въ 1685 году, стольникъ Иванъ Ивановичъ Вердеревскій, соорудилъ при его церкви во имя Живоначальныя Троицы придѣлъ во имя преподобнаго Сергія Чудотворца. Затѣмъ въ монастырѣ была устроена особая церковь во имя преподобнаго Сергія.

Древній кремль составляетъ главнѣйшую достопримѣчательность Рязани. Въ настоящее время отъ него остался только съ западной стороны земляной валъ и предъ нимъ широкій ровъ. Башенъ и стѣнъ его болѣе не существуетъ, четырехугольная площадь бывшей крѣпости склоняется къ юговосточному углу, а съ прочихъ сторонъ ограничивается значительными крутизнами и обрывами. Эта площадь не возвышалась надъ мѣстностью, прилегающею

Общій видъ г. Егорьевска, Рязанской губ.

къ ней со стороны города. Внутренность кремля застроена различными зданіями. Бывшій княжескій дворецъ обращенъ нынѣ въ архіерейскій домъ, но, несмотря на неоднократныя перестройки, сохранилъ съ лицевой стороны готическую архитектуру.

Нынѣшняя Рязань по наружному своему виду принадлежитъ къ лучшимъ нашимъ губернскимъ городамъ и имѣетъ фигуру четыреугольника, сѣверная сторона котораго протянута по высокому берегу Трубежа. Мѣстность города вообще склоняется къ востоку и съ этой стороны ограничивается луговою долиною Оки, по которой протекаетъ незначительный ручей Дунаецъ. Съ прочихъ сторонъ къ городу прилегаютъ поля, а вдоль западной границы течетъ рѣчка Павловка, впадающая въ Трубежъ у Троицкаго моста. Ока находится въ двухъ верстахъ отъ Рязани, и это отдаленіе не позволяло въ прежнія времена, до сооруженія желѣзныхъ дорогъ, пользоваться судоходною рѣкою въ большихъ размѣрахъ, выгодныхъ для торговыхъ оборотовъ. Рязань отдѣляется отъ Оки луговою долиною, по самой окраинѣ которой, у подошвы высокаго нагорнаго берега, гдѣ расположенъ городъ, протекаетъ рѣка Трубежъ. Небольшой ручей Лыбедь, текущій въ узкой долинѣ, въ видѣ оврага, пересѣкаетъ городъ и

дѣлитъ его въ полицейскомъ отношеніи на двѣ части, Астраханскую и Московскую. Лыбедь впадаетъ въ Трубежъ съ восточной стороны. Рязань расположена правильно и хорошо обстроена. Прямыя и широкія улицы по большей части вымощены. Лучшими изъ нихъ считаются: Астраханская, Почтовая, Московская и Соборная. Ручей Лыбедь обдѣланъ въ видѣ канала со шлюзами. Изъ существующихъ зданій въ Рязани обращаютъ на себя вниманіе домъ присутственныхъ мѣстъ близъ соборовъ, семинарія, новая и старая гимназіи, тюремный замокъ, дома трудолюбія, умалишенныхъ и благороднаго собранія и гостиный дворъ на Астраханской улицѣ. Для прогулокъ жителей служитъ публичный садъ около новой гимназіи и Астраханской улицы, а для загородныхъ гуляній предпочитается роща за Скорбящинскимъ кладбищемъ въ двухъ верстахъ отъ города. Торговая и ремесленная дѣятельность сосредоточена на улицахъ Астраханской, Московской, Соборной и Почтовой. Старый базаръ, существовавшій еще въ XVII столѣтіи, находится около церкви Симеона столпника и прежде примыкалъ къ Кремлю. Новый базаръ помѣщается на площади, на концѣ Почтовой улицы, отъ въѣзда изъ Москвы.

Г. Егорьевскъ, Рязанской губ. Солдатская слободка.

Близъ границы Московской губерніи, лежитъ городъ *Егорьевскъ* (19,241 ж.) на песчаномъ берегу рѣчки Гусленки, которая впадаетъ въ рѣчку Нерскую, притокъ Москвы-рѣки. Городъ окруженъ холмистою мѣстностью съ безплодною почвою. Дремучіе хвойные лѣса, окружавшіе въ старину городъ, теперь остались въ видѣ разбросанныхъ небольшихъ рощицъ сосенъ и елей. Жители прежде терпѣли крайнюю бѣдность, добывая себѣ средства къ существованію хмѣлеводствомъ и разными лѣсными промыслами. Рѣзкая перемѣна произошла съ попытки крестьянина Карѣева положить въ городѣ начало хлопчатобумажной промышленности. Попытка не только удалась, но Егорьевскъ сдѣлался своего рода центромъ этого фабричнаго дѣла, которое упрочилось съ устройствомъ въ немъ большой бумагопрядильни Хлудовыхъ. Нынѣ въ Егорьевскѣ разныхъ бумаготкацкихъ и бумагопрядильныхъ фабрикъ болѣе двадцати. Обороты всѣхъ фабрикъ Егорьевска превышаютъ четыре милліона рублей.

Г. Егорьевскъ, Ряз. губ. Видъ Земской управы и мужской прогимназіи.

Егорьевскъ не состоитъ въ числѣ древнихъ городовъ Рязанской губерніи. На его мѣстѣ издавна существовало село Высокое, которое вмѣстѣ съ окрестными деревнями по рѣкѣ Гусленкѣ составляло Гуслицкую волость, принадлежавшую знатному боярскому роду. Одинъ изъ членовъ этого дома, принявъ въ Чудовомъ монастырѣ схиму, принесъ монастырю въ даръ все свое состояніе. То былъ знаменитый митрополитъ Алексѣй, мощи котораго нынѣ покоятся въ

Чудовомъ монастырѣ. Когда въ селѣ Высокомъ былъ сооруженъ храмъ во имя св. Георгія, оно стало называться Егорье-Высокимъ и въ началѣ XVIII столѣтія сдѣлалось экономическимъ селомъ Коломенскаго уѣзда. Въ 1777 году, при учрежденіи рязанскаго намѣстничества, это село обращено въ уѣздный городъ подъ названіемъ Егорьевска. Планъ этого опрятнаго красиваго города имѣетъ фигуру прямоугольника, протянутую вдоль рѣчки Гусленки. Главная улица, Московская, пересѣкаетъ три площади, изъ которыхъ средняя восьмиугольная. На этой площади стоитъ огромный теплый соборъ, великолѣпнѣе котораго нѣтъ въ губерніи. На ней же находятся самыя значительныя лавки и бываютъ базары. Кромѣ собора замѣчательна деревянная церковь во имя св. Георгія, выкрашенная красною краскою и существующая около 180 лѣтъ. Хлудовская бумагопрядильня лежитъ противъ самаго города на другомъ берегу Гусленки, которая въ этомъ мѣстѣ сужена. Остальныя фабрики уступаютъ хлудовской мануфактурѣ своими размѣрами и устройствомъ, но онѣ поражаютъ своею многочисленностью въ такомъ маленькомъ уѣздномъ городѣ, каковъ Егорьевскъ. Хлопчатобумажное производство развило въ городѣ и другія отрасли промышленности, напр., приготовленіе бердъ, шпульныхъ веретенъ и проч. Городъ наполненъ рабочимъ народомъ, который спросомъ на разнаго рода товары увеличиваетъ торговые обороты Егорьевска.

Г. Егорьевскъ, Рязанской губ. Никитская ярмарка.

Къ новѣйшимъ заселеннымъ мѣстамъ Рязанской губерніи принадлежитъ также городъ *Раненбургъ* (15,347 ж.). Правильнѣе этотъ городъ слѣдовало бы называть Ораніенбургомъ. Народъ называетъ его Амбуромъ и Ранбуромъ. Онъ лежитъ при сліяніи рѣкъ Становой и Ягодной Рясъ. Раненбургъ лежитъ въ 158 верстахъ къ югу отъ Рязани по линіи Рязанско-Уральской желѣзной дороги. Къ городу примыкаютъ слободы: Зарѣчинская, Лучинская, Крючковская и село Кривополянье, въ которыхъ всѣхъ считается до 8,000 душъ жителей обоего пола.

Г. Егорьевскъ, Ряз. губ. Внутр. видъ старообрядческой молельни.

До 1702 года на мѣстѣ Раненбурга находилось большое село Слободское, приписанное къ городу Козлову и подаренное тогда императоромъ Петромъ I князю Александру Даниловичу Меньшикову. Императоръ, посѣщая Воронежъ и основанныя тамъ корабельныя верфи, часто останавливался у Меньшикова, который, желая угодить своему государю, построилъ на горѣ небольшую крѣпость и назвалъ ее Ораніенбургомъ. Земляные валы и рвы крѣпости осыпались, но сохранились до настоящаго времени. Нынѣ внутри укрѣпленія помѣщаются городскія и уѣздныя присутствія и

тюрьма. Когда при императорѣ Петрѣ II Меньшиковъ подвергся опалѣ, его сослали въ Раненбургъ, но вскорѣ перевели съ семействомъ на жительство въ Березовъ. Послѣ ссылки князя Меньшикова, Ораніенбургъ былъ взятъ въ казну и въ видѣ села приписанъ къ Козловскому уѣзду. При императрицѣ Елизаветѣ, въ Ораніенбургъ была сослана принцесса Анна Леопольдовна со своимъ семействомъ, въ томъ числѣ и сыномъ императоромъ Іоанномъ. Здѣсь она прожила до 1794 года, когда была препровождена въ Холмогоры. Въ 1733 году Ораніенбургъ былъ причисленъ къ конюшенному вѣдомству. При учрежденіи рязанскаго намѣстничества село Ораніенбургъ было сдѣлано уѣзднымъ городомъ и названо Раненбургомъ.

Раненбургъ имѣетъ фигуру треугольника, бока котораго упираются въ Становую и Ягодную Рясы. Внутри крѣпости находятся пять каменныхъ зданій, построенныхъ Меньшико-

Г. Егорьевскъ, Ряз. губ. Видъ на фабрики Бардыгина и бр. Хлудовыхъ.

вымъ и занятыхъ теперь городскою больницею, училищемъ, лазаретомъ для войскъ, тюрьмою и присутственными мѣстами. Эспланада крѣпости образуетъ обширную площадь, отъ которой улицы расходятся въ разныя стороны. Лучшая часть города расположена по скату праваго берега Становой Рясы, гдѣ находится торговая площадь, обстроенная гостинымъ рядомъ, лавками, каменными домами. Въ прочихъ частяхъ города преобладаютъ деревянныя постройки. Въ торговомъ отношеніи Раненбургъ занимаетъ видное мѣсто въ Рязанской губерніи и обороты его торговли превышаютъ два милліона рублей. Главные предметы торговли составляютъ хлѣбъ и скотъ. Болѣе всего славится гречиха, передѣлываемая на крупорушкахъ въ городѣ въ крупу, извѣстную подъ названіемъ „раненбургской". Скотъ закупается въ южныхъ губерніяхъ. Его бьютъ на мѣстныхъ скотобойняхъ или отправляютъ живыми по желѣзной дорогѣ въ Москву. Раненбургъ славился прежде мыловаренными заводами. Въ сороковыхъ годахъ мыло приготовлялось до 49,000 пудовъ, въ 1860 году на 4 заводахъ выдѣлывалось до

40,000 пудовъ, а нынѣ это производство сильно сократилось. Жители пригородныхъ слободъ занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ, содержаніемъ постоялыхъ дворовъ и перевозкою товаровъ.

Въ трехъ верстахъ отъ Раненбурга, при рѣкѣ Московской Рясѣ, среди прекрасной рощи, расположена Петропавловская мужская пустынь, основанная въ 1712 году княземъ Меньшиковымъ на свои средства. Въ пустыни, окруженной каменною оградою, находятся три церкви и въ томъ числѣ соборная, во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Въ самомъ городѣ Раненбургѣ пять каменныхъ церквей.

Городъ *Спасскъ* (4,760 ж.) образованъ въ 1777 г., изъ небольшого экономическаго села Спасскаго. Спасскъ на планѣ представляетъ фигуру продолговатаго прямоугольника, одинъ изъ длинныхъ боковъ котораго вытянутъ по самому краю высокаго, песчанаго берега озера Спасскаго, лежащаго въ двухъ верстахъ отъ города въ долинѣ рѣки Оки, съ которою онъ

Г. Егорьевскъ. Раз. губ. Видъ фабрики бр. Хлудовыхъ съ рѣки Гусленки.

соединяется притокомъ Старорѣчьемъ. Долина Оки вообще изобилуетъ подобными озерами, которыя обязаны рѣкѣ своимъ образованіемъ, представляя остатки отъ прежняго направленія Оки, когда она текла по болѣе широкому руслу. Длинное и глубокое озеро могло-бы служить прекрасною гаванью для рѣчныхъ судовъ. Мѣщане Спасска занимаются преимущественно земледѣліемъ и имъ, наравнѣ съ крестьянами села Гавриловскаго, расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ города, было предоставлено право пользоваться пахатными землями. Городъ очень похожъ на деревню. Немногіе его незначительные купцы торгуютъ рогатымъ скотомъ, хлѣбомъ, краснымъ товаромъ, а мѣщане образомъ жизни мало отличаются отъ крестьянъ.

Городъ Спасскъ разбитъ правильно, но дурно обстроенъ. На срединѣ площади возвышается соборъ съ пятью куполами и колокольнею, которая считается самымъ высокимъ зданіемъ въ губерніи ($32^1/_2$ сажени). Соборъ построенъ купцомъ Мелешкинымъ, имѣвшемъ въ городѣ зеркальную фабрику. Имъ же разведенъ былъ городской садъ на берегу озера Спасскаго, съ высокой террасы, котораго открывается превосходный видъ на противоположный берегъ Оки, вообще на ея долину, на Старую Рязань и другія села.

Вблизи описанныхъ нами городовъ Рязанской губерніи находится нѣсколько замѣчатель-

ныхъ монастырей и церквей. Въ пятидесяти верстахъ къ югу отъ Егорьевска, въ его уѣздѣ, расположенъ Николо-Радовицкій монастырь, окруженный съ сѣверной стороны Святымъ или Радовицкимъ озеромъ. Въ прежнія времена монастырь былъ окруженъ лѣсами и болотами. Нынѣ лѣса большею частью вырублены, а болота осушены. На озерѣ находится красивый островъ, верстахъ въ четырехъ отъ монастыря, съ которымъ онъ соединенъ большимъ деревяннымъ мостомъ. По преданію, въ древнія времена при Святомъ Радовицкомъ озерѣ жилъ монахъ Іона, по прозванію Рогожа. На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ сооруженъ монастырь, онъ обрѣлъ икону св. Николая Мирликійскаго. Послѣ перваго молитвеннаго восторга, монахъ перенесъ икону на другое мѣсто, на означенный островъ, но икона явилась вновь на прежнемъ мѣстѣ. Монахъ вторично перенесъ икону на избранное имъ мѣсто и вновь нашелъ ее тамъ, гдѣ она была обрѣтена имъ въ первый разъ. Тогда Іона построилъ на этомъ мѣстѣ церковь во имя Рождества Богородицы. Въ 1722 году, по указу св. синода, чудотворная икона св. Николая была взята въ Москву. Тогдашній архимандритъ Радовицкаго монастыря, Гедеонъ, управлявшій имъ съ 1721 по 1736 годъ, подавалъ въ 1722 году прошеніе императору о возвращеніи иконы въ монастырь, изъ котораго прошенія видно, что до означеннаго года отъ этой иконы было 240 разныхъ исцѣленій.

Г. Раненбургъ, Ряз. губ. Видъ крѣпости.

Въ 15 верстахъ отъ города Спасска, на лѣвой сторонѣ Оки, лежитъ вокругъ озера безъ названія село Дегтяное, получившее свое наименованіе отъ дегтяныхъ заводовъ, бывшихъ при этомъ селѣ у озера Развани. Въ луговыхъ дачахъ этого села, по правую сторону Оки, небольшой прибрежный участокъ называется Облачинками. Здѣсь находился въ прежнія времена мужской Успенскій монастырь (Наоблачинская пустынь). Въ немъ первоначально были три церкви и не мало монашествующихъ. За деревянною оградою, которою былъ обнесенъ монастырь, съ правой стороны находился большой лѣсъ. По двѣ церкви подмылись рѣкою, а третья существовала еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, охраняемая однимъ только сторожемъ. Наконецъ ее купили на сломъ. По народнымъ разсказамъ, въ Облачинской пустыни будто-бы было похоронено тѣло знаменитаго Прокопія Ляпунова. На мѣстѣ сломанной Облачинской церкви поставили деревянный крестъ, какъ единственный памятникъ существовавшаго тутъ монастыря.

Г. Раненбургъ, Ряз. губ. Видъ соборной торговой площади.

Солотчинскій мужской монастырь второго класса находится въ 18 верстахъ отъ Рязани. Великій князь Олегъ Іоанновичъ постригся въ этомъ монастырѣ въ схиму и здѣсь же былъ погребенъ вмѣстѣ съ своею супругою, Евфросиніею, также принявшею схиму. Олегъ скон-

Общій видъ г. Раненбурга, Рязанской губ.

чался въ 1402 году, а супруга его въ 1406 г. Они оба были погребены въ церкви Покрова Пресв. Богородицы, но когда, въ 1700 году, церковь эта обрушилась, гробница ихъ, по указу синода, была перенесена въ соборный храмъ Рождества Пресв. Богородицы. При гробницѣ хранится кольчуга Олега, состоящая изъ желѣзныхъ колецъ.

Г. Раненбургъ, Ряз. губ. Козловская улица съ Соборомъ.

Богословскій мужской монастырь третьяго класса, лежащій въ 25 верстахъ отъ Рязани, замѣчателенъ по чуду, совершенному надъ татарскимъ ханомъ Батыемъ апостоломъ и евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ. Во время нашествія татаръ на рязанское княжество, Батый, приблизившись къ Богословскому монастырю, хотѣлъ разорить его огнемъ и мечомъ, но былъ пораженъ ужасомъ отъ явившагося ему видѣнія и отступилъ. Объ этомъ событіи сказано въ патріаршей грамотѣ, жалованной этому монастырю въ 1692 году. На ручкѣ, сдѣланной и привѣшенной къ образу св. апостола и еванге-

листа Іоанна Богослова, 1700 года, сказано, что этотъ образъ писанъ въ Царьградѣ Гусаремъ, наученнымъ самимъ Іоанномъ Богословомъ и присланъ цареградскимъ патріархомъ въ даръ одному изъ великихъ князей рязанскихъ. Въ этой надписи также упомянуто о чудесномъ обращеніи Батыя отъ монастыря. Въ 17 верстахъ отъ Рязани лежитъ село Алешня, родина На-

Г. Раненбургъ, Ряз. губ. Видъ Петропавловской пустыни.

тальи Кирилловны Нарышкиной, матери Петра Великаго. Ея никогда не видали въ сельскихъ хороводахъ или другихъ играхъ. Бѣдная, прекрасная боярышня любила часто посѣщать Жолчинскую кладбищенскую церковь и молиться на прахѣ своихъ родителей и предковъ. Насмѣшливыя боярышни прозвали вслѣдствіе того Наталью Кирилловну „Жолчинскою черничихою". Когда она сдѣлалась супругою царя Алексѣя Михаиловича, въ селѣ Жолчинѣ соорудила каменную церковь, вмѣсто прежней деревянной, во имя святителя и Чудотворца Николая. Царица Наталья Кирилловна нерѣдко пріѣзжала въ Алешню.

Видъ г. Скопина, Ряз. губ., съ южной стороны.

По сооруженіи нынѣ оконченной сѣти желѣзныхъ дорогъ, уѣздный городъ Ряжскъ (12,993 ж.) сдѣлался узломъ группы рельсовыхъ путей. Находясь на Рязанско-Козловской дорогѣ, онъ соединенъ чрезъ Моршанскъ, Пензу, Рязань, Самару съ Оренбургомъ, а посредствомъ Ряжско-Вяземской дороги имѣетъ кратчайшее сообщеніе съ Ригою, такъ что изъ него составилось звено между двумя крайними пунктами Европейской Россіи, Оренбургомъ и Ригою. Положеніе Ряжска на большомъ пути и удачная мѣстность, на которой онъ построенъ, заставляютъ полагать, что онъ былъ въ числѣ стратегическихъ пунктовъ, ограждавшихъ южные предѣлы государства отъ татарскихъ вторженій. Въ 1779 году онъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ. Онъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Хупты, которая соединяется съ Окою посред-

Кремль въ Зарайскѣ.

Г. Зарайскъ, Ряз. губ. Видъ собора.

ствомъ рѣкъ Роновы и Прони. Мѣсто, на которомъ находится городъ, возвышенно и склоняется на юговостокъ къ берегу рѣки и къ глубокому обширному Малиновому оврагу, кото-

Общій видъ г. Касимова, Рязанской губерніи.

рый ограничиваетъ городъ съ южной стороны. При соединеніи этого оврага съ берегомъ рѣки находилась древняя ряжская крѣпость и мѣсто ея донынѣ обозначается остатками земляныхъ валовъ и глубокихъ природныхъ и искусственныхъ рвовъ. На площадкѣ бывшей крѣпости стоитъ теперь соборъ, окруженный небольшимъ городскимъ садомъ, устроеннымъ вдоль высокой террасы берега Хупты; остальное мѣсто занимаютъ каменныя зданія присутственныхъ мѣстъ, тюрьмы и магазины.

Г. Касимовъ, Рязанской губ. Татарская мечеть.

Малиновый оврагъ, по дну котораго, ровно по берегу Хупты, раскинуто между садами и огородами нѣсколько деревянныхъ домиковъ, лежитъ внизу города, а послѣдній расположенъ къ сѣверовостоку и занимаетъ небольшое пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ слободами.

Городъ Скопинъ (14,737 ж.) назывался въ старые годы Острожскомъ и составлялъ родовую вотчину боярина Никиты Ивановича Романова. По вступленіи на престолъ царя Ми-

хаила Ѳедоровича, эта вотчина перешла въ собственное владѣніе государя. Въ царствованіе Алексѣя Михаиловича Острожскъ сталъ называться Скопинскою слободою, которая переименована въ уѣздный городъ Скопинъ. Названіе свое слобода и городъ получили, по преданію, отъ водившейся въ окрестностяхъ ея птицы скопы. Скопинъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Верды и раскинутъ на довольно большомъ пространствѣ и высокой мѣстности, прилегающей съ западной стороны къ луговой долинѣ Верды, а съ южной къ лощинѣ съ рѣчкою Песочною Лучшая часть города находится вдоль берега Верды. Въ верстѣ отъ города, на высокомъ берегу Верды расположенъ скопинскій Духовъ монастырь (Троицкій), вблизи котораго, начиная со дня сошествія св. Духа, бываетъ въ теченіе недѣли главная изъ скопинскихъ ярмарокъ.

Г. Касимовъ, Рязанской губ. Главная улица.

Противъ монастыря, на лѣвой сторонѣ Верды находятся село Келецъ и строеніе бывшаго скопинскаго военно-конскаго завода, упраздненнаго въ 1830 году. Въ этомъ заводѣ помѣщалось въ свое время до 800 лошадей. До сооруженія желѣзныхъ дорогъ Скопинъ славился своею оптовою хлѣбною торговлею, а нынѣ онъ болѣе всего извѣстенъ своимъ городскимъ общественнымъ банкомъ, производящимъ въ небольшомъ уѣздномъ городѣ милліонные обороты.

По правому берегу рѣки Осетра и по обѣимъ сторонамъ рѣки Монастырки и глубокаго оврага Бубнова растянулся длинною лентою уѣздный городъ Зарайскъ. Основаніе этого города, носившаго въ древности названіе *Заразескъ*, относятъ къ XIII столѣтію.

Василій Іоанновичъ, для защиты отъ крымскихъ татаръ, построилъ здѣсь каменную крѣпость, отъ которой былъ отраженъ ханъ крымскій Саипъ-Гирей храбрымъ воеводою Назаромъ Глѣбовымъ. Въ смутный періодъ польскій полководецъ Лисовскій, укрѣпившись въ Зарайскѣ, производилъ грабежи и разбилъ при Зарайскѣ на-голову рязанскихъ воеводъ, князя Хованскаго

и Ляпунова. Въ историческомъ значеніи Зарайскъ еще достопамятенъ по пребыванію въ немъ зарайскаго вельможи, кн. Димитрія Михайловича Пожарскаго. При раздѣленіи Рязанской области, въ царствованіе Петра I, Зарайскъ былъ приписанъ уѣзднымъ городомъ къ Переславль-Рязанской провинціи, а въ 1778 году назначенъ уѣзднымъ городомъ Рязанскаго намѣстничества, снабженъ планомъ и гербомъ. Въ самомъ городѣ уцѣлѣла еще крѣпость, состоящая изъ четвероугольной каменной стѣны, съ зубцами и 4-мя башнями. За городскою стѣною нѣкогда былъ ровъ и земляная осыпь; позади ихъ другой ровъ, на которомъ стоялъ деревянный острогъ съ башнями. Теперь острога и башенъ давно уже нѣтъ, осыпь обвалилась и рвы засыпались.

Изъ церквей Зарайска заслуживаетъ вниманія соборъ во имя св. Николая, основанный

Общій видъ г. Касимова, Рязанской губ.

въ 1681 году. Въ немъ замѣчательна икона св. Николая, принесенная въ Рязанское княжество въ 1224 году. Передъ колокольнею собора находится склепъ, въ которомъ похоронены тѣла князя Ѳеодора Юрьевича, убитаго въ 1254 г. Батыемъ, супруги Ѳеодора — Евпраксіи и сына ихъ Іоанна, по преданію, бросившихся изъ высокаго терема, по полученіи извѣстія объ убіеніи князя. Въ самомъ соборѣ хранится чудотворная икона св. Николая, принесенная изъ Корсуни въ 1224 году и много другихъ древностей. Нѣкогда въ Зарайскѣ процвѣтала торговля, но теперь она въ сильномъ упадкѣ. Но все же Зарайскъ среди провинціальныхъ городовъ занимаетъ довольно видное мѣсто. Соединенный желѣзною дорогою со станціей Луховицы, Моск.-Каз. ж. д., городъ имѣетъ свое реальное училище, женскую прогимназію, духовное, уѣздное и приходское училище, женскую школу, городской общественный банкъ, три богадѣльни, благотворительное общество, клубъ.

На лѣвомъ, крутомъ берегу Оки, въ 135 верстахъ отъ Рязани, находится уѣздный городъ

Касимовъ, встарину называвшійся Городцемъ, основанный въ 1152 году Георгіемъ Долгорукимъ.

Здѣсь, въ 1236 г., скончался великій князь Александръ Ярославичъ Невскій, возвращаясь изъ Золотой Орды. Василій Васильевичъ Темный подарилъ Городецъ татарскому царевичу Касиму за оказанныя имъ услуги, и съ того времени этотъ городокъ называется Касимовымъ, ставъ вмѣстѣ съ тѣмъ столицею просуществовавшаго 200 лѣтъ „Касимовскаго царства". Василій образовалъ это царство съ цѣлью противодѣйствовать вполнѣ образовавшемуся тогда сильному ханству Казанскому. Въ Касимовѣ ханы назначались по выбору московскихъ государей, находились подъ строгимъ присмотромъ и являлись покорными слугами Москвы. Впослѣдствіи Касимовъ обратился въ мѣсто пріюта для мусульманскихъ выходцевъ, которые являлись служить русскому правительству. Правители Касимовскаго царства носили титулъ „царевичей" (султановъ), за исключеніемъ тѣхъ, которые до поставленія своего на Касимовское царство были ханами: послѣдніе сохраняли титулъ царя (хана).

Въ 1585 г. киргизскій царевичъ Уразъ-Махметъ, взятый русскими въ плѣнъ, жилъ въ Москвѣ и по восшествіи на престолъ Бориса Годунова (1598) пожалованъ въ цари касимовскіе; въ 1608 г. онъ присталъ къ партіи второго Лжедимитрія и черезъ два года былъ убитъ этимъ послѣднимъ. По вступленіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича, царемъ касимовскимъ былъ сдѣланъ Арасланъ Алеевичъ, котораго сынъ, вызванный въ 1653 г. въ Москву, получилъ св. крещеніе съ именемъ Василія Араслановича и жилъ при дворѣ въ почетѣ. Послѣдній изъ царевичей, Василій Ивановичъ, свойкъ царя Іоанна Алексѣевича, ум. въ 1715 г.

Изъ городскихъ зданій Касимова примѣчательнѣйшіе: Казанскій дѣвичій монастырь, соборъ и татарская мечеть. На здѣшнемъ кладбищѣ находится обширный мавзолей изъ кирпичныхъ сводовъ съ камнями, на которыхъ есть надписи; онъ служилъ для погребенія хановъ и ихъ семействъ, и построенъ въ 1520 году шахомъ Алеемъ, воевавшимъ съ царемъ Іоанномъ Грознымъ противъ Ордынцевъ. Близъ города находится подобный надгробный памятникъ изъ кирпичей, построенный въ 1616 г. касимовскимъ царемъ Арасланомъ.

Въ Вознесенскомъ соборѣ Касимова хранится Евангеліе, напечатанное въ 1644 году.

Между жителями Касимова теперь не много татаръ. Они уходятъ большею частью на заработки въ столицы. Изъ промышленныхъ заведеній Касимова довольно извѣстны касимовскіе кожевенные заводы. Кромѣ кожи, Касимовъ славится выдѣлкою колокольчиковъ, тулуповъ, ручной пряжи и т. д.

П. С. Усовъ.
П. М. Ольхинъ.

ОЧЕРКЪ VIII.

ЮЖНЫЙ РАЙОНЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ.

[illegible]

ГУБЕРНІЯ Орловская занимаетъ поверхность круглымъ числомъ въ 41.060 квадратныхъ верстъ, лежитъ на границѣ степныхъ южныхъ растеній и охраняетъ собою Курскую и Черниговскую губерніи отъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ. Степные: Елецкій, Ливинскій и Малоархангельскій уѣзды на востокѣ губерніи рѣзко отличаются отъ лѣсныхъ, западныхъ: Брянскаго, Трубчевскаго и Сѣвскаго. Возвышенности до 125 и даже 145 саженъ тянутся съ сѣвера отъ Одоева и Епифани на югъ къ Новосилю и Ельцу, наполняютъ Мценскій, Ливинскій и Малоархангельскій уѣзды, проходятъ по Дмитровскому и Кромскому, огибаютъ городъ Дмитровскъ и наконецъ направляются къ Курску.

Главные рѣчные притоки (Неруса, Навля, Усожъ, Сѣва) направлены на западъ въ Десну, между тѣмъ какъ менѣе развитые притоки Оки (Крома, Цонъ, Ицка, Лубня, Нугрь) спускаются къ ней круто.

Всѣ геологическія породы губерніи осадочныя и геологическую ея основу составляютъ отложенія девонской системы. Въ бассейнѣ рѣки Сосны и по берегамъ Оки около города Орла находятся плотные известковые пласты. Въ видѣ переслоевъ часто встрѣчаются мергель и глина. Надъ девонскими слоями находятся каменноугольныя отложенія, нигдѣ не выступая въ губерніи,

и встрѣчаются въ Брянскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Снопоту. Кромѣ того въ губерніи существуютъ мезозойскія, юрскія и мѣловыя отложенія. Очень толстые слои глины содержатъ фосфориты

Общій видъ города Орла съ сѣверной стороны.

и сферосидериты. Шпатовые желѣзняки содержатъ до 70% углекислаго желѣза. Такая глина распространена отъ рѣки Десны до рѣки Сосны и выступаетъ иногда очень высоко (особенно въ Карачевскомъ, Орловскомъ, Болховскомъ и Кромскомъ уѣздахъ). Обширнѣе отложенія глины мѣловой системы. Зеленые и бѣлые пески находятся въ Сѣвскомъ уѣздѣ.

Очень распространенъ лѣсъ. Изъ полезныхъ ископаемыхъ, кромѣ вышеуказанныхъ, въ Орловской губерніи находятся огнеупорная глина, мѣлъ, выжигаемый на извести и жерновой песчанникъ.

Почва въ Орловской губерніи весьма неодинакова, даже въ предѣлахъ одного уѣзда. Въ Елецкомъ и Ливинскомъ уѣздахъ почва почти вездѣ черноземная. Землю средняго качества имѣютъ: Орловскій, Кромскій, Мценскій, Малоархангельскій, Болховской и Дмитровскій уѣзды, а плохую: Трубчевскій и Брянскій. Общій этотъ характеръ почвы мѣстами значительно измѣняется подъ мѣстными вліяніями. Такимъ образомъ въ Брянскомъ и Карачевскомъ уѣздахъ различныя пространства усѣяны фосфоритомъ, а въ другихъ мѣстностяхъ существуютъ мергельныя и мѣловыя почвы, что имѣетъ существенное вліяніе на характеръ растительности. Сѣютъ въ губерніи рожь, пшеницу, гречиху, овесъ и просо и разводятъ картофель. Земледѣліе особенно развито въ Ливенскомъ, Елецкомъ, Малоархангельскомъ и Мценскомъ уѣздахъ, благодаря обилію тутъ чернозема

Общій видъ города Орла съ Маріинскаго моста.

Изъ различныхъ промысловъ губерніи особеннаго вниманія заслуживаютъ трепаніе льна, выдѣлка жерноповъ, ломка различнаго камня, въ томъ числѣ фосфорита, рубка лѣса, добываніе угля и смолы.

Густые, дремучіе лѣса тянулись въ древности чрезъ Орловскую губернію, вплоть до Карачева и Брянска. Восточная часть Орловской губерніи, степная сторона, также изобиловала въ древности непроходимыми лѣсами. Въ XVI и XVII вѣкахъ упоминаются большіе столѣтніе лѣса: Мокрецкій, Долгій, Радушкинъ, Богатый, Красный, Сосновый и Елювый, отъ котораго и получила свое названіе рѣка Сосна. Въ этой лѣсистой странѣ, жителями которой были вя-

тичи, уже съ XII вѣка стали извѣстны многіе города. Изъ нихъ Трубчевскъ по своему населенію принадлежалъ къ городамъ сѣверянъ, такъ что даже въ настоящее время населеніе уѣздовъ Брянскаго и Трубчевскаго значительно отличается отъ жителей прочихъ уѣздовъ Орловской губерніи, которые были заселены преимущественно вятичами.

Въ Орловской губерніи чрезвычайно многочисленны остатки мелкихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, городищъ или городковъ, а также курганы. Значительное число этихъ городищъ представляютъ мѣста различнаго очертанія, круглыя, треугольныя, четыреугольныя и т. д. и часто представляютъ пространство лишь въ 30 саженъ въ поперечникѣ. По сохранившимся остаткамъ видно, что они были окружены валами и ограждены рвами.

Г. Орелъ. Александровскій мостъ.

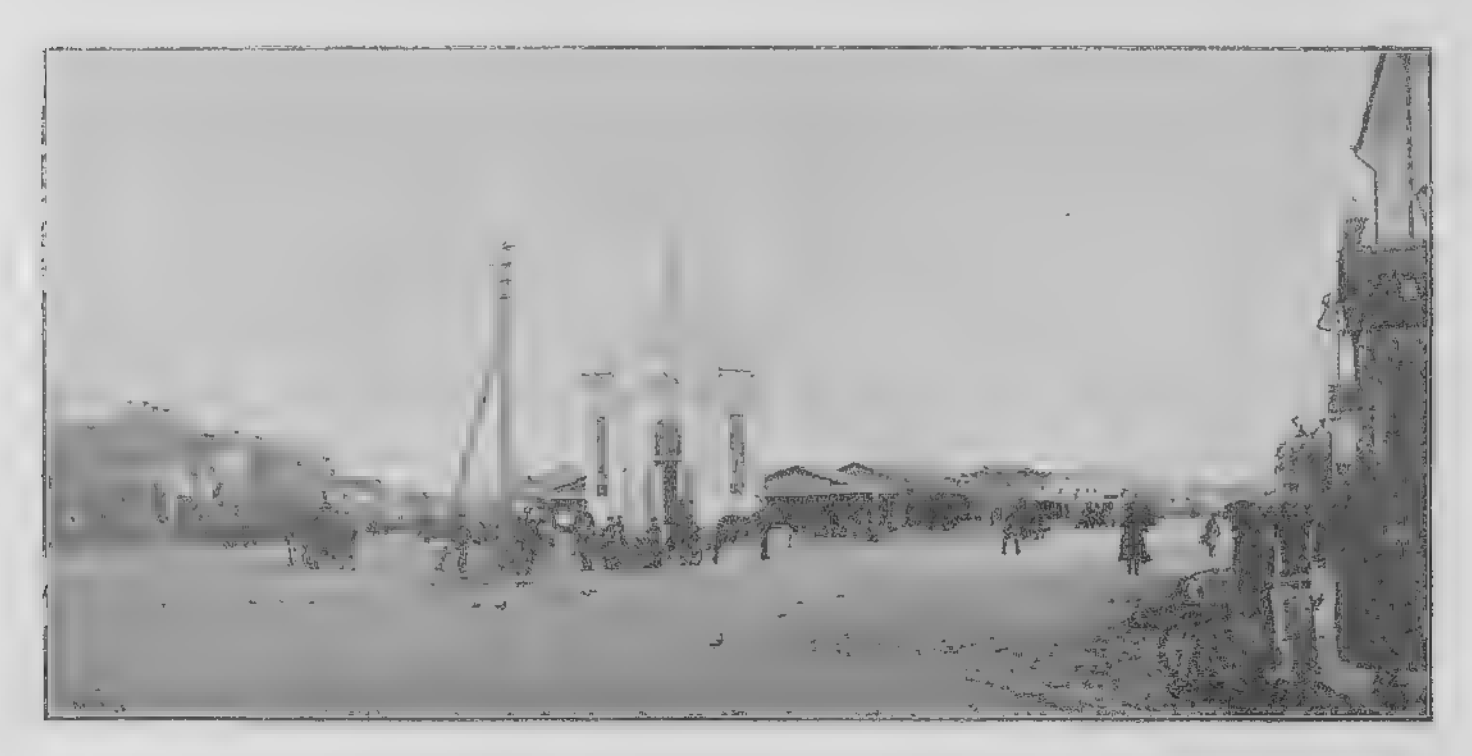
При различныхъ раскопкахъ, къ которымъ иногда побуждали преданія о похороненныхъ кладахъ, дѣлались лишь иногда маловажныя находки. Такъ, напр., въ одномъ городищѣ Болховского уѣзда найдены замки, топоръ, кинжалъ, кружка красной мѣди; близъ другого—серебряное блюдо, около одного кремневое орудіе, похожее на наконечникъ копья, въ другомъ—небольшая пушка.

Случилось также отрыть остатокъ церкви въ селѣ Вщижѣ, въ Брянскомъ уѣздѣ. Въ ней нашли нѣкоторыя церковныя принадлежности, а близъ жертвенника въ кирпичномъ склепѣ кости человѣка исполинскаго роста. Кирпичъ, служившій для постройки этой церкви, гораздо прочнѣе нынѣшняго и имѣетъ размѣры въ 6, $4^1/_2$ и 1 вершокъ. По словамъ Карамзина, въ Вщижѣ погребенъ князь Святославъ Владиміровичъ.

Курганами особенно богаты Брянскій (насчитывается до 300) и Елецкій (до 102) уѣзды.

Орловская, какъ и смежныя съ нею губерніи, въ теченіе вѣковъ терпѣла отъ междоусобій князей, набѣговъ литовцевъ и татарскаго ига. Когда Батый (1240 г.) разорилъ Черниговъ, тамошній епископъ переселился въ Брянскъ, гдѣ въ 1288 г. явилась чудотворная икона Божіей Матери; тогда былъ основанъ въ Брянскѣ мужской монастырь, существующій понынѣ. Въ 1415 г. явилась другая чудотворная икона св. Николая въ Мценскѣ и тогда тамъ были обращены въ христіанство послѣдніе жившіе въ этой мѣстности язычники.

Необходимость охраняться отъ набѣговъ татаръ дала въ XVI вѣкѣ поводъ къ основанію на рѣкѣ Орликѣ, при ея впаденіи въ Оку, города Орла. О происхожденіи названія этого города сохранилось слѣдующее преданіе, сообщенное авторомъ „Историческихъ очерковъ города Орла", Пясецкимъ. Онъ слышалъ отъ девяностолѣтняго старожила, Дмитрія Ивановича Басова, прадѣдъ котораго былъ въ числѣ первыхъ поселенцевъ Орла при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, что воевода, прибывшій основывать городъ Орелъ, указалъ на огромный дубъ, стоявшій у самаго берега, гдѣ Орликъ впадаетъ въ Оку. Когда послышался первый ударъ

Г. Орелъ. Уголъ Московской и Новосильевской улицъ.

топора, то надъ деревомъ взвился большой орелъ. Поэтому и городъ былъ названъ Орломъ. Гораздо однако вѣроятнѣе, что городъ получилъ свое названіе отъ рѣки Орлика, упоминаемой въ XVIII и даже XVI вѣкѣ. Первоначальный городъ Орелъ былъ расположенъ въ одной только нынѣшней первой его части и состоялъ изъ деревянной крѣпости.

Въ смутныя времена города Орловской губерніи примкнули къ Лжедимитрію и съ тѣхъ поръ сохранились въ народѣ не совсѣмъ лестныя названія, напримѣръ: „Орелъ да Кромы старинные воры (или,—Орелъ да Кромы первые воры); Ливны всѣмъ ворамъ дивны; Елецъ всѣмъ ворамъ отецъ, да и Карачевъ на подхачу".

При воцареніи Михаила Ѳеодоровича, въ 1613 году, городъ Орелъ представлялъ развалины, а жители или погибли въ бояхъ, или были побиты, или разбѣжались, или находились въ плѣну у поляковъ.

Въ Карачевѣ, послѣ неоднократныхъ его погромовъ, оставалось на посадѣ всего три человѣка жителей, да въ полуразвалившейся крѣпости 46 человѣкъ. Московскіе бояре рѣшили даже совершенно уничтожить Карачёвъ, а оставшихся въ немъ ратныхъ и посадныхъ людей перевести въ Болховъ, на сгорѣвшемъ посадѣ котораго жило всего пять человѣкъ. Городъ Кромы былъ выжженъ до основанія. Посадъ въ Брянскѣ запустѣлъ до того, что до 1619 года

въ немъ не было ни одного человѣка. Елецъ, послѣ опустошенія его Заруцкимъ, былъ взятъ и сожженъ казаками Сагайдачнаго въ 1618 году. Сѣвскъ былъ разграбленъ и опустошенъ русскими за его особенную приверженность самозванцамъ. Городъ Трубчевскъ былъ въ 1618 г. отданъ полякамъ и возвращенъ ими ранѣе 1644 года. Только одинъ Мценскъ, вслѣдствіе своей неприступной крѣпости, уцѣлѣлъ отъ литовскаго погрома и служилъ русскимъ долгое время обороною Орловскаго края отъ разнаго рода враговъ не только при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ, но и при его сынѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ.

Послѣ опустошенія въ смутное время самозванцевъ, городъ Орелъ оставался въ развалинахъ до 1636 г., когда повторительные набѣги татаръ побудили царя Михаила Өеодоровича приступить къ укрѣпленію его вновь. Около этого же времени многіе изъ малороссійскихъ казаковъ (черкассъ), спасаясь отъ наказаній на своей родинѣ, бѣжали въ предѣлы нынѣшней Орловской губерніи и заселили собою подгородныя слободы.

Орловская городская дума.

Въ царствованіе Петра Великаго, въ первое десятилѣтіе восемнадцатаго столѣтія, въ городѣ Орлѣ было всего около 700 дворовъ, которые были раскинуты тремя группами по обоимъ берегамъ Оки и Орлика. Всѣ зданія въ городѣ, за исключеніемъ церквей, были деревянныя. Улицы были кривыя, узкія, грязныя. На мѣстѣ нынѣшней Кромской площади было огромное болото, поросшее тростниками и травою, и въ которомъ водилась всякая птица.

На правомъ берегу Орлика находился мужской Богоявленскій монастырь, основанный въ 1642 году, но отъ него сохранилась донынѣ одна церковь Богоявленія Господня. Послѣ этой церкви лучшею въ первой части города считалась каменная церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, стоявшая на полверсты выше Богоявленскаго храма, на правомъ берегу Орлика. Въ 1801 году, вмѣсто нея заложенъ былъ новый великолѣпный соборъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы съ двумя придѣлами св. Архистратига Михаила и Іоанна Воина. Въ 1825 году въ немъ временно покоилось тѣло императора Александра I, при перевезеніи его изъ Таганрога въ Петербургъ. Устроенный для этого балдахинъ донынѣ покрываетъ главный престолъ собора.

Во второй части города, по лѣвую сторону нынѣшней Ильинской площади, при Петрѣ I

было лишь нѣсколько десятковъ домовъ. Правая сторона стала заселяться позже. Гдѣ теперь Воздвиженская церковь и площадь, тамъ были прядильни, которыми оканчивался городъ. За ними пролегала московская дорога, по обѣимъ сторонамъ которой стояли огромные дубы, остатки бывшаго дремучаго лѣса. Въ его лощинѣ, близъ нынѣшняго вокзала Московско-Курской желѣзной дороги, находился ключъ, изъ котораго вытекала рѣчка Перескопка, впадающая въ Оку и нынѣ наполняющаяся водою только весною и осенью и послѣ большихъ дождей.

Населеніе третьей части Орла при Петрѣ I простиралось по лѣвому берегу Орлика немного далѣе Георгіевской церкви, за которою тянулась дорога въ Болховъ. По одну ея сторону, гдѣ теперь Дворянская улица, былъ лѣсъ, а по другую, гдѣ находятся присутственныя мѣста, существовало монастырское засѣваемое поле. Мѣстность нынѣшняго городского сада лежала пустыремъ.

Въ 1750 г. была заложена церковь св. Василія Великаго, а въ 1767 г. построена Смоленская каменная церковь. Заложеніе Ильинской церкви послѣдовало въ 1775 году. Во второй части города Орла, распространявшейся до нынѣшнихъ прядиленъ, считалось въ 1755 году уже 529 дворовъ. Въ 1848 году, во время громаднаго пожара, уничтожившаго 1237 домовъ, много хлѣба и пеньки, всего на 3,245,000 руб. сер., сгорѣла и Покровская церковь, которая въ 1863 г. была вновь окончена сооруженіемъ, но въ томъ же году обрушились два ея купола, главный и боковой, а въ западной стѣнѣ появились трещины.

При учрежденіи губерній, для Орла былъ составленъ новый планъ, по которому городъ раздѣлялся на три части. Улицы по новому плану пролагались широкія и прямыя. Въ третьей части города всѣ дома и соборы обязательно должны были быть каменные, такъ какъ она была сдѣлана главною по возвышенному и открытому ея мѣстоположенію. Одновременно со старыми присутственными мѣстами, въ 1783 году, построенъ былъ двухъэтажный каменный домъ, противъ нынѣшняго городского сада, для жительства орловскихъ губернаторовъ. Этотъ домъ до-нынѣ извѣстенъ въ городѣ подъ именемъ „генеральскаго". Въ немъ постоянно имѣется главный штабъ и въ немъ всегда имѣли временную квартиру лица царской фамиліи, во время ихъ пребыванія въ Орлѣ. Далѣе за этимъ домомъ построены были солдатскія казармы съ манежемъ, а возвышающійся теперь противъ казармъ тюремный замокъ освященъ въ 1826 г. Губернская больница основана въ 1782 году, инвалидный домъ въ 1794 году. Въ 1831 году были построены нынѣшнія богоугодныя заведенія съ церковью во имя Пресвятыя Богородицы Всѣхъ Скорбящихъ Радости и на площади противъ ихъ главнаго корпуса разведенъ садъ.

До учрежденія губерній въ Орлѣ красные ряды находились въ первой части города, гдѣ теперь стоитъ бассейнъ, противъ думы; нынѣшняя же мѣстность гостинаго двора была застроена обывательскими домами. Гостиный дворъ сгорѣлъ въ 1847 году и на его мѣстѣ выстроили новый двухъэтажный корпусъ. Но гостиный дворъ не долго пользовался въ Орлѣ монополіею торговли. Соперницею ему выступила Болховская улица, подлѣ которой на Садовской и Дворянскихъ улицахъ расселилась вся орловская знать. Купцы начали покидать гостиный дворъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія и переходить со своими товарами на Болховскую улицу, гдѣ строились лучшіе магазины съ самыми модными и цѣнными товарами. Въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка улица эта была первая въ городѣ. Въ 1819 году, отъ угла Болховской улицы, гдѣ она принимаетъ направленіе къ Орличному мосту, насаждены были бульвары. До 1821 года третья часть города не соединялась со второю, какъ нынѣ, мостомъ и на мѣстѣ нынѣшняго съѣзда къ Банному мосту залегала крутая гора, по которой была проложена узенькая дорожка, а внизу, подъ горой, находились около десятка бѣдныхъ домиковъ. Въ 1821 году тутъ и устроили съѣздъ, который въ 1863 году передѣлали на новый, удобнѣе прежняго.

Пристань въ Орлѣ была заведена при Петрѣ I, въ 1710 году, отличалась большимъ ко-

Александровскій институтъ благородныхъ дѣвицъ.
Дворянское собраніе.
Вокзалъ.

Старо-Московскія ворота.

Гостиный рядъ на Московской улицѣ.
Городской театръ.
Канцелярія губернатора.

ВИДЫ ГОРОДА ОРЛА.

личествомъ хлѣбнаго товара, грузимаго при ней. Возведеніе Орла въ губернскій городъ содѣйствовало еще болѣе развитію торговой пристани. Судами всякаго размѣра была уставлена вся пристань отъ главнаго моста черезъ Оку до Сергіевской церкви. Для устраненія препятствій ходу судовъ мостомъ, на протяженіи Оки отъ Орла до впаденія въ нее Зуши устроено было десять водоотводныхъ плотинъ и по всему берегу бичевники. Повыше Орла по Окѣ и ея притокамъ частныхъ прудовъ было до 67, изъ которыхъ въ случаѣ надобности потомъ спускалась вода. Въ самомъ Орлѣ, на Окѣ была устроена двухъэтажная мельница, о 24 поставахъ, извѣстная подъ названіемъ „хвастливая" и существовавшая до двадцатыхъ годовъ XIX вѣка. На ея мѣстѣ устроили разборчатую плотину, называемую также „хвастливою" и представляющую водохранилище, откуда вода спускается въ Оку для поднятія ея уровня. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ къ Орлу, значеніе его пристани совершенно упало, а неожиданное вскрытіе Оки, въ январѣ 1868 года, окончательно ее уничтожило.

Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ къ Орлу, его населеніе увеличилось (по переписи 1897 г. оно составляетъ 69,858 человѣкъ) и онъ сталъ улучшаться съ каждымъ годомъ, особенно во второй своей части, гдѣ находятся станціи Орловско-Витебской и Орловско-Грязской желѣзныхъ дорогъ. На мѣстѣ нынѣшнихъ станцій былъ выгонъ для скота, который быстро застроился гостиницами и другими зданіями. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, въ Орлѣ, кромѣ отдѣленія государственнаго банка и городского общественнаго банка, существующаго съ 1861 года, учреждено было въ 1868 году взаимное общество кредита, а въ 1872 году орловскій коммерческій банкъ.

Для существовавшаго прежде училища при мужскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ 1796 г. былъ выстроенъ каменный домъ, въ которомъ нынѣ помѣщается гражданская гимназія. Въ 1808 году открыто въ Орлѣ первое уѣздное училище, Орловская Бахтина военная гимназія (нынѣ вновь корпусъ), на устройство которой брянскій помѣщикъ, полковникъ Михаилъ Павловичъ Бахтинъ, пожертвовалъ 1,500,000 руб. сер. и 2700 душъ крестьянъ. Въ 1827 году изъ Сѣвска, вслѣдъ за перенесеніемъ архіерейской каѳедры въ Орелъ, была переведена и находившаяся тамъ духовная семинарія. Въ 1860 году въ Орлѣ открыто было низшее женское училище, а въ 1863 году высшее, подъ именемъ „Женскаго Николаевскаго училища перваго разряда", которое въ 1870 году было переименовано въ женскую гимназію. Институтъ для благородныхъ дѣвицъ, учрежденный въ 1853 году, помѣщается въ оконченномъ въ 1865 году зданіи на площади, гдѣ до 1847 года находился деревянный театръ. Нынѣшній каменный театръ построенъ въ 1861 году и расширенъ пристройками въ 1872 и 1874 годахъ.

Къ значительнѣйшимъ торговымъ городамъ Орловской губерніи принадлежитъ городъ *Ливны* (20,574 ж.), расположенъ онъ при впаденіи рѣчки Ливенки въ рѣку Сосну. Возникновеніе Ливенъ относится къ XVI столѣтію.

Когда въ 1586 г. правительство рѣшило, для огражденія Россіи отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ, провести сторожевую линію изъ вала и рва, по Донцу и Осколу возникли Ливны и Воронежъ. Ливны были важнѣе другихъ сторожевыхъ городовъ, потому что къ нимъ съ трехъ сторонъ со степи сходились три дороги. Сверхъ того, въ 1594 году, близъ Ливенъ была устроена засѣка. Сверхъ сторожевой службы жители Ливенъ должны были встрѣчать, оберегать и провожать нашихъ гонцовъ и пословъ въ Крымъ и Турцію. Въ Ливнахъ строились въ то время струги и отправлялись къ Воронежу на Донъ; изъ Ливенъ посылались вспомогательные отряды въ Курскъ, Путивль, Рыльскъ.

Ливнамъ приходилось претерпѣвать страшныя опустошенія. Въ 1618 г. они были сожжены казаками Сагайдачнаго и вскорѣ послѣ этого разорены татарами. Въ смутное время Ливны, подобно другимъ городамъ, переходили изъ рукъ въ руки и каждый разъ подвергались опустошенію.

На мѣстѣ прежняго Кремля, въ Ливнахъ, на довольно крутомъ мѣстѣ, образуемомъ впаде

Соборная улица въ г. Ливнахъ.

Желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Сосну, въ 8 верстахъ отъ г. Ливенъ.

Сергіевская церковь въ г. Ливнахъ, построенная въ до-татарскій періодъ.

Желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Сосну, въ 8 верстахъ отъ г. Ливенъ, видъ съ боку.

Часовня близъ Сергіевской церкви въ г. Ливнахъ.

ніемъ Ливенки въ Сосну, теперь много частныхъ построекъ, торговая площадь, общественные сады. Изъ Кремля въ берегъ Ливенки существовалъ тайникъ, подземный ходъ къ ко-

лодцу, сохранившемуся донынѣ, изъ котораго брали воду во время осады крѣпости. Въ 1784 г., при устройствѣ города по новому плану, крѣпостные валы были срыты, а рвы засыпаны.

Общій видъ города Ливенъ

Соединеніе Ливенъ съ Орловско-Грязскою желѣзною дорогою посредствомъ узкоколейной ливенской дороги не дало упасть прежнимъ торговымъ оборотамъ города, какъ у многихъ

Никольская ул. и Георгіевская церковь въ г. Ливнахъ

Городской домъ въ г. Ливнахъ.

другихъ городовъ, которые главнымъ образомъ заключались въ покупкѣ хлѣба въ зернѣ и въ передѣлкѣ его насвоихъ мельницахъ въ муку. До сооруженія желѣзной дороги, въ Ливны свозился хлѣбъ изъ губерній: Курской, Тамбовской, Воронежской и даже Харьковской въ количествѣ 500,000—800,000 четвертей. Разной муки приготовлялось въ то время въ Ливнахъ болѣе, чѣмъ на

2,000,000 рублей, такъ что зимою ежедневно выѣзжало изъ города отъ 1000 до 1500 саней съ разнымъ хлѣбомъ. Въ Ливнахъ происходилъ также большой торгъ скотомъ и саломъ, для чего однѣхъ овецъ пригоняли въ городъ ежегодно отъ 15,000 до 20,000 головъ. Вообще это

Общій видъ г. Ельца съ горы Аргамачьей.

былъ и донынѣ остается значительнымъ рынкомъ для покупки произведеній сосѣднихъ губерній.

На рѣкѣ Соснѣ и ея притокахъ Лучкѣ и Ельчикѣ расположенъ городъ Елецъ. Названіе

Паровая вальцовая мельница Н. Я. Талдыкина подъ Ельцомъ.

Паровая вальцовая мельница Н. И. Черникина въ г. Ельцѣ.

Ельца встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ въ половинѣ XII столѣтія. Послѣ опустошеній и разореній татарами, въ 1415 и 1450 годахъ о Ельцѣ не упоминается, но онъ былъ возстановленъ одновременно съ основаніемъ Ливенъ въ 1591 г. и затѣмъ быстро началъ развиваться, особенно съ половины XVII столѣтія. Въ настоящее время по числу жителей, торговымъ и промышленнымъ оборотамъ, онъ превосходитъ многіе губернскіе города. Церквей въ немъ 16, въ томъ числѣ два собора. Въ старомъ соборѣ, во имя Божіей Матери, сохранились двѣ

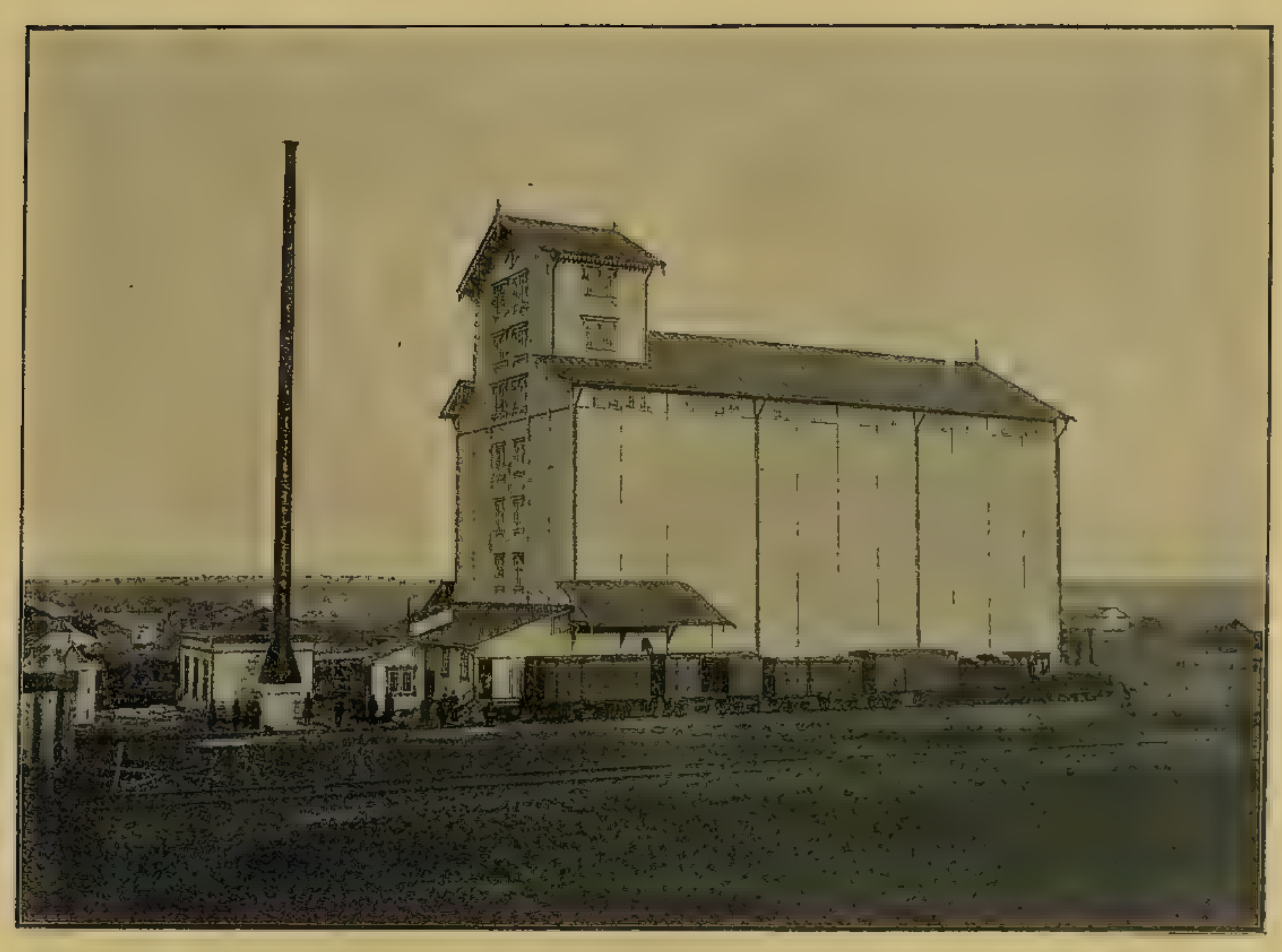
древнія иконы Богородицы, изъ которыхъ одна была перенесена изъ Талецкаго Острога въ 1395 году, а другая написана въ память нашествія Тамерлана и подновлена въ 1779 году. Елецъ славится своею крупчаткою, приготовляемою на мельницахъ, которыя находятся около города. Поэтому въ городѣ бываетъ ежегодно большая ссыпка пшеницы, которой одной озимой, до построенія желѣзной дороги чрезъ городъ, привозилось ежегодно до 300,000 четвертей. Въ городѣ существуетъ Александровское желѣзнодорожное училище, первое въ этомъ родѣ учебное заведеніе, основанное въ Россіи.

Г. Елецъ. Внутренній видъ собора.

На крутомъ правомъ берегу Десны при ея сліяніи съ Болвой, 25—30 саженъ надъ ея уровнемъ живописно расположенъ городъ Брянскъ. По городу въ оврагахъ протекаютъ ручьи, въ томъ числѣ Судокъ. Время основанія города точно неизвѣстно, но оно вѣроятно относится къ X вѣку. До конца XII онъ назывался Брынь, а позднѣе Дебрянскомъ, Добрянскомъ и Дьбрянскомъ. Первыя достовѣрныя свѣдѣнія о Брянскѣ относятся къ 1146 г. Петръ Великій заложилъ въ Брянскѣ верфь для гребныхъ судовъ и тѣмъ существенно содѣйствовалъ оживленію города. При малой производительности почвы въ Брянскомъ уѣздѣ, все-таки благодаря благопріятному положенію города и минеральнымъ богатствамъ, лѣсамъ, удобнымъ водянымъ путямъ, въ Брянскѣ развились промышленность и торговля, особенно послѣ проведенія Орловско-Витебской желѣзной дороги, открывшей товарамъ доступъ къ морю. Рѣка Десна сообщаетъ Брянскъ съ Кіевомъ и со всѣмъ югомъ, а Болва — съ Мальцовскимъ заводскимъ округомъ. Такимъ образомъ являются очень удобныя средства для перевозки лѣсныхъ матеріаловъ, древеснаго угля, чугуна, желѣза, стекла, фаянса, пеньки, канатовъ, смолы, конопляннаго масла и пр.

Г. Елецъ. Городской театръ.

Въ Брянскѣ находится арсеналъ, основанный въ 1783 г. съ литейною, слесарно-механическою и другими мастерскими, кладовыми и постройками для управленія.

Г. Елецъ. Элеваторъ для храненія и очистки хлѣба.

Городъ Елецъ. Вознесенскій соборъ.

Мостъ черезъ рѣку Сосну въ Ельцѣ.

Изъ многочисленныхъ Брянскихъ фабрикъ и заводовъ весьма замѣчателенъ принадлежащій акціонерному обществу, основанному въ 1874 г. Ф. Ф. Голубевымъ и П. І. Губонинымъ.

Г. Брянскъ. Соборная церковь.

Г. Брянскъ. Часовня-Колодезь возлѣ военнаго госпиталя.

Находясь близъ города Брянска, заводъ примыкаетъ къ Бѣжицкой станціи, Орловско-Витебской желѣзной дороги, съ которою соединенъ рельсовымъ путемъ. Первоначально заводъ былъ устроенъ для прокатки рельсовъ и желѣза, но предпріятіе быстро развилось, и заводъ сталъ

Г. Брянскъ. Соборъ и главная Московская улица.

Залъ и садъ Брянскаго Общественнаго собранія.

Г. Брянскъ. Арсеналъ и видъ за рѣкой.

выдѣлывать различные предметы, нужные для устройства и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, морского и военнаго дѣла, элеваторовъ и т. д. Дѣло на столько расширилось, что на заводѣ работаетъ 3000 человѣкъ, а все населеніе около завода возросло до 120,000 человѣкъ.

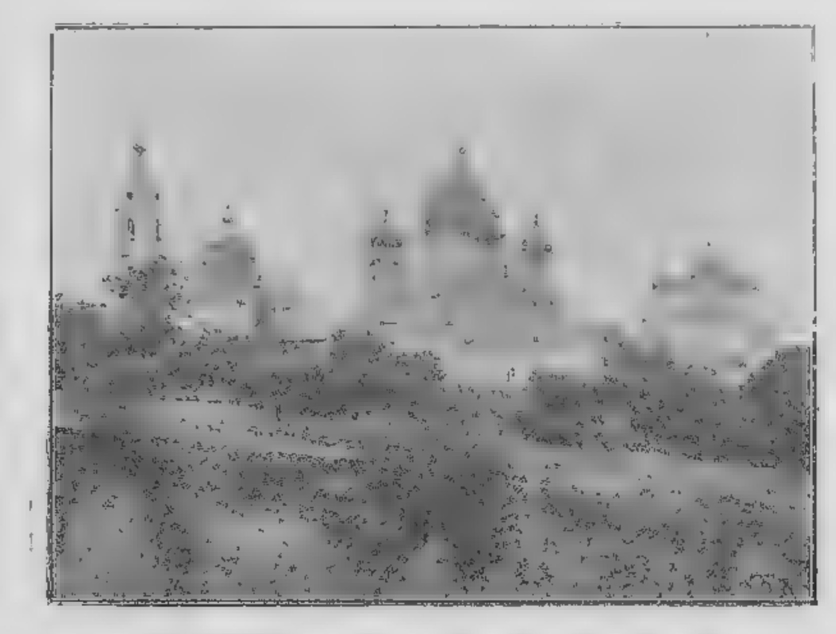
Болховскій женскій Всѣхсвятскій монастырь.

Болховъ (20,703 ж.), лежащій на лѣвомъ обрывистомъ берегу рѣки Нугри, имѣетъ на правомъ ея берегу Зарѣцкую слободу у впаденія рѣчки Болховки и впервые упоминается по однимъ источникамъ въ 1586 г., а по другимъ даже въ XIII вѣкѣ. Уже въ 1206 г. тутъ была

Общій видъ г. Болхова, Орловской губ.

каменная церковь во имя Рождества Христова съ придѣломъ Владимірской Божіей Матери. Самую древнюю часть города, называемую понынѣ городкомъ, напоминая о существованіи тутъ укрѣпленія, составляетъ площадь на горѣ съ юговосточной стороны, гдѣ сооружены Соборная и Троицкая церкви. Память о набѣгахъ, сопровождавшихся сожженіемъ города, сохранилась въ названіи (Польши и Литвы) западныхъ Никитскихъ улицъ.

Болховской мужской Троицкій монастырь.

Въ Болховѣ замѣчателенъ монастырь Оптина пустынь. Церквей въ городѣ 18, и всѣ онѣ каменныя.

Въ торговомъ отношеніи Болховъ отличается тѣмъ, что, при своемъ уединеніи отъ остальныхъ городовъ Орловской губерніи, онъ самостоятельно поддерживаетъ обширныя сношенія съ Москвою, Петербургомъ и Украйною. Главные предметы торговли Болхова составляютъ хлѣбъ, пенька, конопляное масло, соль и кожи. Торговля ведется тутъ столь дѣятельно, что она не упала даже послѣ того, какъ городъ былъ обойденъ желѣзною дорогою.

Одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Россіи *Карачевъ* (15,605 ж.), онъ упоминается уже въ 1146 г. Въ 1654 г. ему пришлось перенести ужасную моровую язву, отъ которой погибла половина населенія. Городъ расположенъ на высокомъ, плоскомъ берегу рѣки Снѣжети, близъ Орловско-Витебской желѣзной дороги и снабжается водою изъ ключа, находящагося на разстояніи 10 верстъ. Постройки въ городѣ преобладаютъ деревянныя. Церквей въ немъ 12. Предметы мѣстнаго промысла составляютъ ссыпка хлѣба, пенька, конопля, кожи, масла и лошади, но значительнаго торговаго значенія Карачевъ не имѣетъ.

Къ числу наиболѣе производительныхъ районовъ Россіи, удовлетворяющихъ не только потребности другихъ ея областей, но и доставляющихъ главное количество продуктовъ для вывоза за границу, принадлежитъ Курская губернія. До сооруженія Московско-Курской и Орловско-Витебской желѣзныхъ дорогъ, вся восточная часть Курской губерніи отправляла свои сельскія произведенія по направленію отъ шоссе изъ Орла въ Курскъ. Уѣзды: Щигровскій, отчасти Тимскій, Старо-Оскольскій, Новосольскій и Корочанскій направляли избытки своихъ произведеній къ востоку, въ Воронежскую губернію и отчасти на сѣверъ, къ Ефремову и Ливнамъ. Уѣзды Бѣлгородскій и Грайворонскій высылали свои произведенія къ югу, въ землю Войска Донского, въ Харьковскую губернію, въ Новороссійскій край. Изъ Бѣлгорода сало и мѣхъ шли на сѣверъ до Орловской пристани, а оттуда направлялись къ петербургскому порту, для отправки за границу. Съ построеніемъ желѣзной дороги отъ Москвы до Курска, а отъ послѣдняго города на Харьковъ къ азовскимъ портамъ и до Кіева, гужевые пути Курской губерніи лишились прежняго своего торговаго значенія и движеніе товаровъ приняло другія направленія. Курскъ сдѣлался главнымъ центромъ, куда стали стекаться сельско-хозяйственныя произведенія со всей почти средней и восточной полосъ губерніи, между тѣмъ какъ изъ Бѣлгорода, лежащаго на дорогѣ къ Азовскому морю, образовался самый сѣверный рынокъ, откуда различные продукты Курской губерніи получили возможность отправляться на югъ Россіи. Пшеница поступаетъ въ Курскъ изъ уѣздовъ Старооскольскаго, Корочанскаго, Обоянскаго и Льговскаго, значительное количество разныхъ сортовъ яровой пшеницы направляется къ Курску изъ Старобѣльска, гдѣ ежегодно сосредоточивается до 200,000 четвертей. Изъ этого количества до одной шестой части доставляется въ Курскъ для разсылки на муку съ извѣстной примѣсью къ мѣстной озимой пшеницѣ. Рожь привозится въ Курскъ изъ всѣхъ уѣздовъ средней и восточной полосы губерніи въ количествѣ до 400,000 четвертей и притомъ преимущественно (до трехъ четвертей всего количества) въ зернѣ, а остальная часть въ мукѣ. Изъ уѣздовъ Тимскаго, Щигровскаго, Корочанскаго, Льговскаго, Курскаго и Фатежскаго привозится въ Курскъ болѣе 500,000 четвертей овса и до 500,000 четвертей гречихи, которая на курскихъ крупорушкахъ передѣлывается въ гречневую крупу и уже въ этомъ видѣ поступаетъ въ продажу. До соединенія Курска желѣзными дорогами, въ немъ сосредоточивалось разнаго хлѣба не болѣе 500,000 четвертей, между тѣмъ какъ въ первые же годы открытія движенія по рельсовымъ путямъ это количество утроилось. Съ открытіемъ движенія по Орловско-Витебской желѣзной дорогѣ хлѣбные товары изъ Курска и вообще изъ Курской губерніи получили доступъ въ сѣверозападныя губерніи, часто нуждающіяся въ привозномъ хлѣбѣ, а также въ ржи для отправки за границу Вообще три желѣзныя дороги, прорѣзывающія нынѣ Курскую губернію, даютъ возможность сельскимъ произведеніямъ губерніи избирать себѣ мѣсто сбыта, гдѣ угоны представляютъ наибольшую выгоду.

Мѣстность Курской губерніи волниста, потому что пересѣчена въ разныхъ направленіяхъ долинами, оврагами, равнинами и крайне извилистыми руслами рѣкъ. Возвышенности находятся преимущественно по правымъ берегамъ главныхъ рѣкъ. Всего возвышеннѣе восточная половина губерніи, между верховьями сѣвернаго Донца, Псла и Ворсклы. Самое низкое мѣсто-

Курская мѣщанка.—Картина Г. С. Сѣдова.

положеніе въ губерніи имѣетъ Рыльскій уѣздъ, западная часть Дмитріевскаго и въ особенности Путивльскій уѣздъ. Почва губерніи черноземная, за исключеніемъ береговъ рѣкъ, вдоль которыхъ тянутся мѣстами песчаныя полосы. Мѣстами попадается суглинокъ и супесокъ. Мѣловые

холмы распространены по теченію рѣкъ Оскола, Донца, Пежеголи и Кореня. Губернія орошается въ юговосточной и восточной частяхъ донскою рѣчною системою, но меньше чѣмъ

Общій видъ города Курска. (Фотогр. [illegible].)

днѣпровскою на остальномъ пространствѣ. Къ днѣпровской системѣ принадлежитъ Сеймъ, текущій въ губерніи на протяженіи 479 верстъ, Воркла на протяженіи 97 верстъ и Псëлъ на протяженіи 155 верстъ. Къ донской системѣ принадлежитъ сѣверный Донецъ (около 90 верстъ въ губерніи), Осколъ (135 верстъ), Короча (70 верстъ).

Наиболѣе лѣсистыми уѣздами въ губерніи считаются западные: Суджанскій, Льговскій,

Рыльскій и Путивльскій, всего же бѣднѣе лѣсами сѣверовосточные—Фатежскій, Щигровскій, Тимскій. Большія лѣсныя дачи въ губерніи принадлежатъ казнѣ, частныя же всѣ истреблены.

Видъ города Курска. (С фотографіи)

Жителей въ губерніи считается около $2^1/_2$ милліоновъ душъ обоего пола. Поэтому Курская губернія принадлежитъ къ числу наиболѣе населенныхъ областей въ Россіи. Изъ уѣздовъ наиболѣе населенными оказываются: Курскій, Бѣлгородскій и Льговскій. Коренное преобладающее населеніе губерніи—великорусское, которое занимаетъ сплошь всю сѣверную часть губерніи и одну треть южной. Малороссы стали селиться въ Курской губерніи съ XVII вѣка и преиму-

Г. Курскъ. Казанскій соборъ, построенный по плану знаменитаго архитектора Растрелли.

щественно между лѣвымъ берегомъ Сейма и правымъ Оскола. Малороссовъ считается въ Курской губерніи около 500,000 душъ. Въ западныхъ уѣздахъ губерніи живутъ до 25,000 человѣкъ бѣлоруссовъ, изъ которыхъ болѣе половины приходится на Путивльскій уѣздъ. Они живутъ отдѣльно селеніями по правую сторону рѣки Сейма. Остальной народъ въ Курской губерніи называетъ ихъ горюнами. Большинство населенія православное, но въ сѣверныхъ уѣздахъ проживаютъ до 23,000 великоруссовъ старообрядцевъ и раскольниковъ поповщинскаго и безпоповщинскаго толковъ, а также немного хлыстовъ и скопцовъ. Многія селенія въ губерніи по числу жителей не уступаютъ даже городамъ.

Курская губернія принадлежитъ по преимуществу къ числу земледѣльческихъ, но въ ней не мало фабрикъ и заводовъ. Хлѣбопашество занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ остальныхъ промысловъ, чему содѣйствуютъ почва и климатъ. Уже во время генеральнаго межеванія въ губерніи считалось до $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ пахатной земли, т.-е. до 62% общей площади, но, съ умноженіемъ же населенія и истребленіемъ лѣсовъ, это количество значительно увеличилось. Степныхъ мѣстъ въ губерніи вообще немного. Въ Грайворонскомъ уѣздѣ, недалеко отъ заштатнаго города Котмыжска, имѣющаго нынѣ не болѣе 530 жителей обоего пола, находятся торфяныя болота, замѣчательныя по своей необыкновенной растительности.

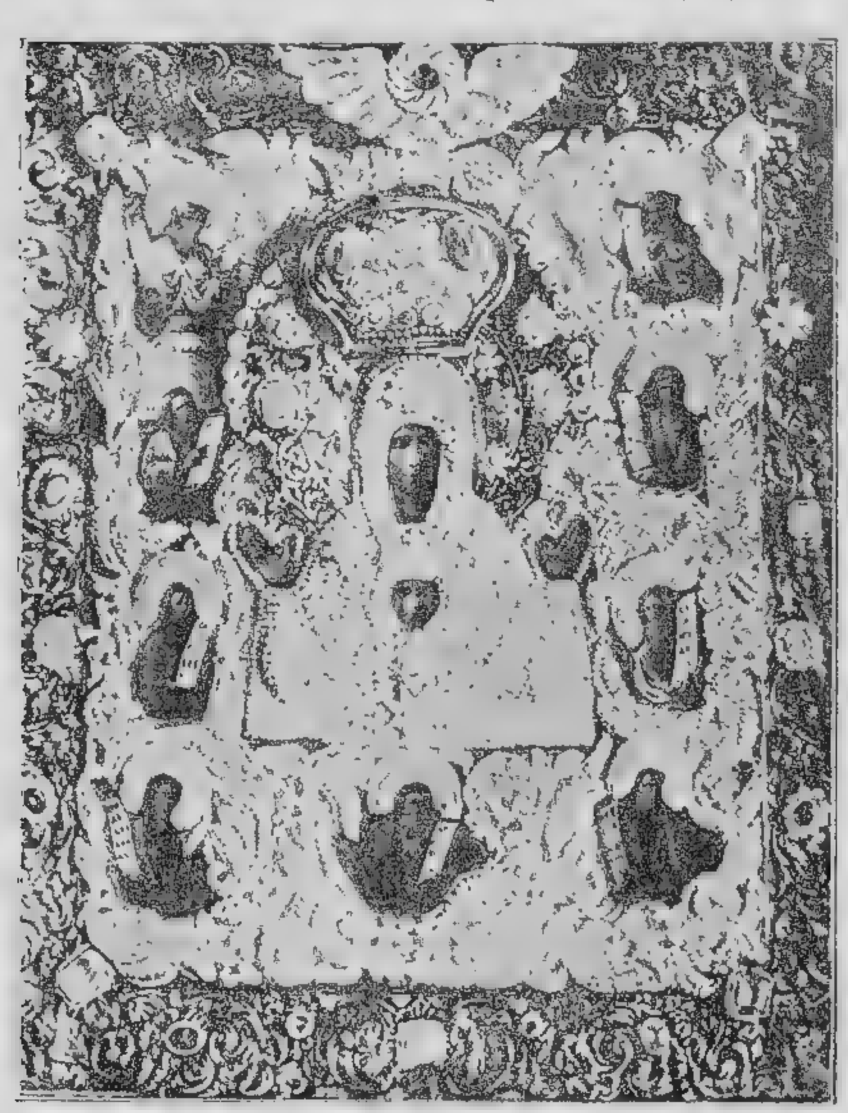
Г. Курскъ. Зданіе Дворянскаго собранія.

Болѣе всего въ губерніи воздѣлывается рожь, овесъ, пшеница и гречиха, а въ южныхъ уѣздахъ еще просо. Конопля засѣвается въ большихъ размѣрахъ, потому что конопляное масло и пенька находятся въ числѣ главныхъ предметовъ вывоза изъ губерніи. Табаководство сильно развито въ Суджанскомъ уѣздѣ, а разведеніе свекловицы въ Дмитріевскомъ, Рыльскомъ, Льговскомъ, Грайворонскомъ, Обоянскомъ и Бѣлгородскомъ

уѣздахъ. Въ селѣ Алексѣевкѣ, Новооскольскаго уѣзда, сѣютъ много аниса для продажи въ другія мѣста. Въ селѣ Бѣломѣстномъ, того же уѣзда, одинъ крестьянинъ вывезъ лозы изъ Крыма и ежегодно продаетъ въ Новосколѣ не вполнѣ зрѣлый виноградъ. Изрѣдка, въ жаркое и продолжительное лѣто, виноградъ у него созрѣваетъ. Въ селахъ Разумномъ (Бѣлгородскаго уѣзда), Стригуновѣ и слободѣ Борщовкѣ (Грайворонскаго уѣзда) овощами снабжаются не только города губерніи, но лукъ и чеснокъ отправляются въ Одессу, на Донъ и въ другія мѣстности. Бахчеводство также развито въ губерніи. Садоводствомъ, сверхъ землевладѣльцевъ, занимаются многіе крестьяне, особенно въ Курскомъ и южныхъ уѣздахъ губерніи. Изъ Курска снабжаютъ прививками не только сады своей, но и сосѣднихъ губерній. Короча славится своими вишнями, которыя сушатся въ прокъ въ значительномъ количествѣ. Въ рощахъ растетъ дикая груша, собираніе плодовъ которой и сушка составляетъ также одинъ изъ промысловъ жителей. Озимаго и ярового хлѣба собирается въ Курской губерніи до 11,600,000 четвертей, значительный излишекъ котораго отпускается на продажу въ другія мѣста. Пенька вывозится ежегодно изъ губерніи около 350,000 пудовъ. Лошадей въ губерніи считается 650,000 головъ, рогатаго скота до 400,000 головъ, овецъ до 100,000 штукъ, свиней до 400,000 штукъ. Болѣе всего свиней въ Обоянскомъ уѣздѣ, а самыя лучшія откармливаются въ Корочанскомъ, гдѣ разводится также очень много куръ и откуда отправляютъ значительныя партіи яицъ въ Москву. Для полевыхъ работъ малороссы въ губерніи употребляютъ воловъ, а великоруссы—лошадей.

Курскій Знаменскій соборъ, въ которомъ произведенъ взрывъ 8-го марта 1898 г.

Чудотворная икона Знаменской Божіей Матери, спасенная 8-го марта 1898 г. отъ взрыва въ Знаменскомъ соборѣ, въ Курскѣ.

Въ Курской губерніи, по свѣдѣніямъ 1894—95 гг., находилось 208 фабрикъ и заводовъ съ

10,398 рабочими, производившими на 16,474,990 р. (въ томъ числѣ 187,927 р. за выполненіе постороннихъ заказовъ). Самыми многочисленными были заводы и фабрики: мукомольные и крупяные, спиртные и винокуренные, маслобойные, сахароваренные, и заводы искусственныхъ минеральныхъ водъ.

Въ Курской губерніи залегаетъ замѣчательное природное богатство, такъ-называемый жителями „самородъ", т.-е. пласты, содержащіе въ себѣ до 29% фосфорной кислоты, что соотвѣтствуетъ 63% фосфорнокислой извести. Полоса фосфорита занимаетъ пространство болѣе 20,000 квадратныхъ верстъ въ средней Россіи. Фосфоритъ тянется широкою полосою отъ Рославля (Смоленской губерніи) чрезъ нѣкоторые уѣзды Орловской, Курской, Воронежской губерніи до Волги. Въ Курской губерніи фосфоритъ распространенъ въ уѣздахъ: Курскомъ,

Г. Курскъ. Херсонская улица.

Щигровскомъ, Фатежскомъ, Дмитріевскомъ и Тимскомъ, въ Орловской — въ Кромскомъ, Дмитровскомъ, Брянскомъ, въ Воронежскомъ, въ Нижнедѣвицкомъ и Слименскомъ, въ Тамбовской—въ Спасскомъ, Тамбовскомъ, Кирсановскомъ, Моршанскомъ. Самородъ залегаетъ въ слояхъ кварцеваго песка, а также и выше его лежащихъ мергелей, то въ видѣ сплошной каменной плиты (по мѣстному „доска"), то въ формѣ не связанныхъ или слабо сцѣпленныхъ въ общую массу желваковъ, кругляковъ, галекъ, иногда продолговатыхъ и имѣющихъ различную величину. Самые мелкіе изъ нихъ называются „жучками" Кругляки обыкновенно лежатъ выше и ниже плиты. Въ песчаныхъ мергеляхъ, лежащихъ подъ мѣломъ, отчасти же и въ нижнихъ частяхъ мѣла, встрѣчаются небольшіе, блестящіе на поверхности, кругляки самородa. Количество ихъ увеличивается по мѣрѣ увеличенія количества песку въ мергеляхъ. Цвѣтъ ихъ черный, темнозеленый и коричневый. Кругляки также, какъ и плита саморода, состоятъ изъ песку, сцѣпленнаго цементомъ изъ фосфорнокислой и углекислой извести, съ

содержаніемъ фосфорной кислоты нѣсколько большимъ противъ плиты. Въ курскихъ фосфоритахъ фосфорной кислоты вообще находится отъ 13,20% до 18,84%, а въ Котовцѣ (въ Курскомъ уѣздѣ) до 27,24%. Самыми же богатыми по содержанію фосфорной кислоты должны считаться фосфориты нижегородскіе (отъ 27,45 до 27,54%), смоленскіе (бываетъ до 29,26%) и изъ Любахны (Орловской губерніи) черные кругляки (28,65%). Самыми худшими фосфоритами оказываются воронежскіе. Такое богатое удобреніе для полей употребляется также какъ простой булыжникъ для мощенія улицъ и дорогъ и на фундаменты домовъ. Весь Курскъ вымощенъ фосфоритомъ, равно какъ онъ уже пошелъ на сооруженіе шоссе между Курскомъ и Кромами.

Г. Курскъ. Московская улица.

Въ первые годы существованія русскаго государства югозападная часть Курской губерніи была обитаема сѣверянами, по границѣ съ Орловскою губерніею вятичами, а юговосточная часть, носившая названіе „дикаго поля", оставалась незаселенною почти до половины XVI столѣтія.

Губернскій городъ *Курскъ* (52,896 ж.) лежитъ на крутомъ и высокомъ берегу Тускори, при впаденіи въ нее ручья Кура, раздѣляющаго городъ на двѣ части. Онъ былъ сдѣланъ губернскимъ городомъ въ 1779 году, а до того принадлежалъ къ составу Кіевской губерніи. Къ городу примыкаютъ четыре слободы: Ямская, Казацкая, Стрѣлецкая и Пушкарская. Въ Курскѣ находятся мужская и женская гимназіи, дѣтскій Маріинскій пріютъ, семинарія и другія низшія учебныя заведенія. Церквей въ городѣ 19 каменныхъ, изъ которыхъ соборъ во имя Воскресенія Іисуса Христа построенъ въ 1733 году, а соборъ преподобнаго Сергія въ 1762

году. Въ церкви Благовѣщенія, построенной въ 1751 году, находится серебряный крестъ, присланный въ Курскъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Монастырей въ городѣ два, мужской Знаменскій Богородицкій и женскій Троицкій. Изъ житія преподобнаго Θеодосія Печерскаго видно, что Курскъ уже существовалъ въ 1032 году.

Въ Курскѣ въ девятую пятницу послѣ Пасхи бываетъ ярмарка, продолжающаяся двѣ недѣли. До 1878 года эта ярмарка бывала въ Коренной мужской пустыни, въ 27 верстахъ отъ Курска, а съ этого года переведена въ городъ. Коренная ярмарка была въ старинные годы важнѣйшимъ мѣстомъ обмѣна товаровъ между московскимъ государствомъ и Украйною и соотвѣтствовала пограничнымъ мѣновымъ и складочнымъ ярмарочнымъ центрамъ въ Малороссіи, каковыми были: Кролевецъ, Ромны, Нѣжинъ. Сверхъ того коренная ярмарка была важнѣйшимъ мѣстомъ для иностранной европейской торговли Россіи (до открытія и пріобрѣтенія ею своихъ

Коренная пустынь близъ Курска.—Рисунокъ Б. Подбѣльскаго.

сѣверозападныхъ и южныхъ портовъ), когда она исключительно шла чрезъ Польшу и Украйну. Такое значеніе Курска и Коренной пустыни быстро измѣнилось политическими событіями конца XVIII и начала XIX столѣтій. Вмѣсто международнаго, всероссійскаго рынка ярмарка сдѣлалась обыкновеннымъ внутреннимъ торгомъ.

На оживленіе города существенное вліяніе имѣло проведеніе мимо него двухъ желѣзныхъ дорогъ, Московско-Курской и Кіево-Воронежской. Изъ мѣстныхъ промысловъ выдающееся значеніе имѣютъ ломка камня и плиты подъ Курскомъ, плодоводство, преимущественно разведеніе яблонь. На ежегодныхъ ярмаркахъ главные предметы сбыта составляютъ: лошади, рогатый скотъ, сырыя кожи, овчина, мерлушка, мѣхъ, пухъ, щетина, воскъ.

Къ числу древнѣйшихъ городовъ Россіи принадлежитъ городъ Рыльскъ. Въ народѣ сохранилась слѣдующая легенда о первыхъ временахъ Рыльска, сообщенная г. Мичемъ. Она относится къ очень далекимъ временамъ, когда берега рѣки Сейма покрыты были дремучими лѣсами и около Рыльска водились во множествѣ кабаны. Жилъ въ то время на

Сеймѣ Иванъ Жигалка, кормился рыболовствомъ и каждую ночь для того выѣзжалъ на рѣку въ челнокѣ съ острогою. Рыба въ то время въ рѣкѣ водилась крупная. Однажды гребетъ онъ весломъ, а челнокъ его остановился насупротивъ большого кургана, который торчалъ изъ воды въ видѣ горы. На ней въ то время проживалъ чортъ. Жигалка удивлялся, что, при всей своей силѣ, онъ не можетъ челнока сдвинуть съ мѣста. „Хотя-бы чортъ пособилъ мнѣ!" — воскликнулъ онъ, наконецъ, въ досадѣ послѣ неоднократныхъ усилій, оглянулся и увидалъ, что кто-то, косматый, тянетъ его челнокъ, а съ головы косматаго течетъ пѣна и глаза у него горятъ, какъ раскаленные угли. Жигалка былъ не трусливъ, приподнялъ весло и хотѣлъ имъ хватить косматаго, но онъ захохоталъ подобно лѣшему и сказалъ человѣческимъ голосомъ: „полно, Иванъ, не на такого напалъ: я похитрѣе тебя, не поддамся!" И затѣмъ нырнулъ въ воду, какъ утка. Жигалка принялся снова грести, проклиная нечистую

Общій видъ г. Путивля.

силу, но изъ воды раздался голосъ: „не уйдешь отъ меня: я похитрѣе тебя, и, если будешь разъѣзжать здѣсь около моего кургана и мутить мнѣ воду, то дорого поплатишься!"

„— Да кто ты, окаянный?"—спросилъ Иванъ,—„ужь не чортъ-ли и въ самомъ дѣлѣ!"

„— Можетъ-быть, онъ и есть",—высунувшись изъ воды, отвѣчалъ косматый".

Мужикъ хотѣлъ было перекреститься, но въ тѣ времена не умѣлъ еще порядочно и креста положить, да и рука его какъ-бы окаменѣла. Жигалка струхнулъ и поворотилъ челнокъ домой. Поставивъ по обыкновенію свои сѣти, онъ вышелъ на берегъ и никому не разсказывалъ о своемъ свиданіи съ чортомъ. Слѣдующею ночью Жигалка поѣхалъ на челнокѣ вынуть сѣти и выбрать изъ нихъ рыбу, но увидѣлъ, что сѣти перерваны, перепутаны. Видно было, что это шутки косматаго. „Постой-же,—сказалъ Жигалка,—пойду пожалуюсь нашему лыцарю-пустыннику; онъ имѣетъ силу и надъ нечистыми, онъ и мнѣ поможетъ!"

Этотъ рыцарь-пустынникъ жилъ невдалекѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Рыло впадаетъ въ рѣку Сеймъ. Откуда зашелъ сюда рыцарь-пустынникъ, было неизвѣстно, но онъ не былъ обыкновеннымъ пустынникомъ, а ходилъ съ мечомъ обоюдоострымъ, висѣвшимъ у него на

правомъ бедрѣ, отчего рыляне и прозвали его „лыцаремъ". За судомъ, расправою, по другимъ всякимъ дѣламъ, ходили къ этому „лыцарю". Когда стучали въ небольшое окно его пещеры, рыцарь немедленно выходилъ. Онъ не терпѣлъ ссоръ и дракъ, а требовалъ, чтобы всѣ рыляне жили мирно и не обманывали, а старшіе не притѣсняли младшихъ. Вотъ къ этому рыцарю явился Жигалка и сказалъ: „Я къ тебѣ съ жалобою на чорта; изъ-за него совсѣмъ обнищалъ; сѣти мои путаетъ; проѣзду не даетъ; помоги! избавь отъ него!"

„— Охъ, ужъ вы мнѣ съ этимъ чортомъ",—отвѣчалъ рыцарь.—„Ну, пожалуй, я готовъ уладить это дѣло; только тебѣ и чорту надо предо мною самимъ явиться; такъ иди и приведи чорта".

Поклонился Жигалка рыцарю до земли, пошелъ лѣсомъ и думаетъ: „какъ-бы ему уви-

Г. Путивль. Памятникъ, на мѣстѣ, гдѣ похороненъ князь Василій Ярославовичъ.

Путивльскій монастырь. Рѣзная фигура Спасителя, оставленная въ Путивлѣ католическимъ духовенствомъ, сопровождавшимъ самозванца.

дать чорта, и какъ-бы привести его къ рыцарю?" Чортъ легокъ на поминѣ. Оказалось, что онъ сидитъ на дубу и бросаетъ въ Ивана Жигалку жолудями. Взглянулъ наверхъ Жигалка и узналъ своего косматаго знакомаго. „Слѣзай!"—закричалъ ему Жигалка,—за тобой иду, пойдемъ на судъ, на расправу къ лыцарю-пустыннику".

„— Изволь!"—отвѣчалъ косматый,—„знаю, что ты успѣлъ пожаловаться".

Было уже поздно, когда они пришли къ пещерѣ рыцаря. Жигалка стукнулъ въ окошко.— „Кто тамъ?"—раздался голосъ, „уснуть не дадутъ!" „А!"—закричалъ, зѣвая, рыцарь, выходя изъ пещеры. „Это вы!" Мужикъ сталъ говорить въ свое оправданіе, а чортъ въ свое. Рыцарь разсердился; слушалъ ихъ, слушалъ и, недолго думая, выхватилъ изъ ноженъ мечъ и отсѣкъ обоимъ головы. Совершивъ такую расправу, рыцарь легъ и заснулъ. Вдругъ онъ слышитъ во снѣ, что ему какой-то голосъ говоритъ: „какъ ты смѣлъ такъ распорядиться! Смотри, чтобъ за это и тебѣ также не досталось; вставай и, не теряя времени, пока еще въ наказанныхъ тобою течетъ теплая кровь, приставь каждому свою голову!" Рыцарь вскочилъ

Мѣсто, гдѣ былъ дворецъ князя Игоря. Молчанскій монастырь. Главная Курская улица.

Видъ съ базарной площади. ВИДЫ ГОРОДА ПУТИВЛЯ. Козьмодемьянская улица.

въ страхѣ и трепетѣ и тотчасъ побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ теплыми еще лежали Жигалка и чортъ. Онъ приставилъ головы къ туловищамъ, и, сдѣлавъ, что ему приказано было, отправился къ себѣ въ пещеру. Но дѣло въ томъ, что второпяхъ онъ голову чорта приставилъ къ туловищу Жигалки, а голову Жигалки къ туловищу чорта. Вотъ почему и говорится въ народѣ, что „рылякъ и чорта проведетъ", что „хитрѣе рыльскаго мужика и на свѣтѣ нѣтъ".

Хотя весьма вѣроятно, что эта легенда принадлежитъ къ баснямъ новѣйшаго времени, однако Рыльскъ, дѣйствительно, принадлежитъ къ числу древнихъ городовъ Россіи. Есть основаніе предполагать, что онъ уже существовалъ въ періодъ образованія русскаго государства и былъ тогда главнымъ поселеніемъ Сѣверянъ. Разсѣянные по уѣзду городища и курганы представляютъ слѣды бывшаго заселенія этой мѣстности въ древнія времена. Въ лѣтописяхъ

Г. Новый Осколъ. Богоявленскій храмъ.

названіе Рыльска встрѣчается впервые въ 1152 году, когда онъ принадлежалъ къ составу Новгородъ-Сѣверскаго княжества.

Рыльскъ долгое время былъ важнымъ стратегическимъ городомъ, пока предѣлы Россіи не распространились и не укрѣпились еще болѣе въ южномъ направленіи. Въ 1720 году большая часть города сгорѣла при сильномъ пожарѣ. Въ самомъ городѣ не сохранилось остатковъ его прежнихъ укрѣпленій, но за рѣчкою Рыломъ есть мѣсто, извѣстное подъ именемъ городища, названнаго въ новѣйшее время Сіонскою горою. На мѣстѣ этой горы къ рѣкѣ Сейму, на высотѣ 10 саженъ, сохранилась окопанная пещера. На городищѣ стоялъ небольшой каменный скитъ, принадлежавшій рыльскому монастырю. За подмонастырною слободою, которая, какъ и монастырь, лежитъ на лѣвомъ берегу Рыла, въ дубовой рощѣ, и въ смежномъ монастырскомъ саду находятся 67 кургановъ, изъ которыхъ въ одной рощѣ 48. Нѣкоторые курганы были раскопаны и въ нихъ найдены сожженыя кости въ сосудахъ; слѣдовательно, эти курганы древнія могилы.

Городъ *Рыльскъ* (11,415 ж.) лежитъ въ двадцатипяти верстахъ отъ Курско-Кіевской желѣзной дороги при впаденіи рѣчки Рыла въ Сеймъ. Къ городу примыкаютъ двѣ пригородныя

Г. Новый Осколъ. Главная улица.

слободы, Подмонастырская и Николаевская (Соломенная). Послѣдняя изъ нихъ примыкаетъ почти къ самому городу. Въ городѣ 12 православныхъ церквей, въ томъ числѣ 8 каменныхъ и одна единовѣрческая. Соборъ во имя Рождества Пресвятыя Богородицы первоначально былъ

Общій видъ г. Новаго-Оскола.

построенъ удѣльнымъ княземъ Василіемъ Шемякою, въ благодарность за исцѣленіе отъ слѣпоты, поразившей его, чудотворною иконою Знаменія Богородицы, которая находится въ Знаменскомъ Курскомъ монастырѣ.

Рыльскъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для пшеницы, пеньки, конопляннаго масла, меда,

воска, сала, которые отправляются на продажу въ другія мѣста. Къ спеціальной торговлѣ нѣкоторыхъ рыльскихъ купцовъ долго принадлежала покупка въ Австріи штирійскихъ косъ и распродажа ихъ въ количествѣ одного милліона штукъ по разнымъ ярмаркамъ имперіи: Ирбитской, Коренной, Лебедянской, Одосунской; но въ послѣдніе года этою торговлею, дававшею прежде большіе барыши, стали заниматься и крестьяне.

Путивль принадлежалъ также къ древнимъ городамъ Россіи. Онъ, вѣроятно, существовалъ уже въ XI столѣтіи, потому что въ XII вѣкѣ онъ былъ такъ сильно укрѣпленъ, что могъ выдерживать продолжительныя осады, и въ немъ уже находился княжескій дворъ. Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ" воспѣтъ Игорь Святославичъ, погибшій въ XII вѣкѣ въ борьбѣ съ половцами.

Видъ г. Мирополья и рѣки Псла.

Городъ лежитъ на высокомъ берегу Сейма, при впаденіи въ него рѣчки Путивльки, въ 202 верстахъ къ югозападу отъ Курска. Мѣстное купечество ведетъ значительную торговлю хлѣбомъ, пенькою, конопляннымъ масломъ, холстомъ, рогатымъ скотомъ. Церквей въ городѣ находится одиннадцать, въ томъ числѣ 9 каменныхъ. Въ Путивлѣ существуютъ еще остатки древняго укрѣпленія, извѣстнаго подъ именемъ городка. Этимъ именемъ называется утесистый холмъ среди города, между Сеймомъ и Путивлькою, укрѣпленный съ лѣвой и южной сторонъ высокимъ валомъ и рвомъ. Въ древности въ Путивлѣ находился Спасскій монастырь, неизвѣстно когда основанный и когда уничтоженный; онъ существовалъ, однако, въ XIII столѣтіи въ крѣпости и въ немъ былъ похороненъ князь Путивльскій Василій Игоревичъ, сынъ князя Игоря Святославича. Надгробная плита его могилы видна до настоящаго времени. Сверхъ того около города существовалъ также Духовъ мужской монастырь съ двумя церквами, во имя Св. Духа и Преображенія Господня.

Нынѣ въ самомъ Путивлѣ находится мужской третьяго класса Молчанскій монастырь Пе-

черскій, основанный въ концѣ XVI или въ началѣ XVII столѣтія иноками Молчанской Софроніевой пустыни, переселившимися въ Путивль съ принадлежавшимъ пустынѣ въ его крѣпости двумъ церквамъ во имя Св. Софіи и во имя Пресвятой Богородицы. Въ 1603 году царь Борисъ Годуновъ наградилъ этотъ монастырь многими угодьями и панагіею, которая донынѣ хранится въ немъ. Названіе же Молчанскаго большого монастыря онъ получилъ отъ иконы Пресвятой Богородицы, явившейся на извѣстномъ болотѣ Молче, и перенесенной въ этотъ монастырь изъ Софроніевой пустыни. При занятіи самозванцами города Путивля, монастырь остался въ цѣлости. Донынѣ вблизи монастыря видны развалины крѣпости, а въ келіи архи-

Типы г. Мирополья, Курской губ.

мандрита показываютъ посѣтителямъ кресло перваго Лжедимитрія. Монастырь назывался также монастыремъ „Бѣлой Богородицы" отъ построенной въ немъ каменной выбѣленной церкви во имя Рождества Богородицы. Въ соборномъ храмѣ находятся икона Молчанской Божіей Матери (копія) и Чудотворной Путивльской Богородицы. Съ Молчанскимъ Печерскимъ монастыремъ находилась въ связи Молчанская Рождество-Богородицкая Софроніева мужская общежительная пустынь, отстоявшая отъ Путивля въ 20 верстахъ, отъ Курска въ 180 верстахъ. Пустынь находится на возвышенномъ мѣстѣ, окруженномъ съ сѣверозапада большими болотами, называемыми Молче. Основаніе ея относятъ къ 1405 году. Въ эпоху самозванцевъ пустынь была разорена и иноки были переведены въ основанный ихъ-же пустынею въ Путивлѣ Молчанскій-Печерскій монастырь. Около 1630 года на мѣстѣ бывшей пустыни была построена церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы и кельи, но онѣ не были обитаемы, и служба совершалась въ церкви только два раза въ годъ. Въ 1653 году тамъ устроилось постоянное жительство братіи и пустынь была поставлена въ зависимость отъ Путивль-

скаго Молчанскаго монастыря. Нынѣ въ ней четыре церкви, въ томъ числѣ соборъ во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Обитель окружена каменною стѣною, вышиною въ двѣ сажени. Къ югозападу отъ пустыни существуютъ пещеры, выкопанныя еще до основанія обители пустынниками, скрывавшимися отъ вражескихъ набѣговъ. Въ пещерахъ въ 1766 году была возобновлена церковь, прежде тамъ существовавшая. Пустынь славится своими садами, которыхъ всего десять, какъ въ оградѣ, такъ и внѣ ея.

Въ Путивльскомъ уѣздѣ, между рѣками Обесты и Клевяни, существуетъ еще мужская Глинская Богородицкая пустынь. Она была основана въ Крупецкой волости Путивльскимъ Молчанскимъ монастыремъ.

По числу своего населенія (5,367 ж.) *Льговъ* принадлежитъ къ незначительнымъ городамъ Курской губерніи, но время его основанія относится къ далекой древности русскаго государства. Полагаютъ, что Льговъ стоитъ на мѣстѣ древнѣйшаго города Ольгова, упоминаемаго въ лѣтописяхъ подъ 1152 годомъ. Торговые обороты Льгова не велики.

Въ 207 верстахъ къ юговостоку отъ Курска, при впаденіи въ рѣку Осколъ рѣчки Бѣлиньской (Бѣлый Колодезь) лежитъ уѣздный городъ *Новый Осколъ*, съ населеніемъ въ 2,762 человѣка, проживающихъ почти въ 150 домахъ. Большая часть купцовъ и мѣщанъ (ихъ болѣе 2000 человѣкъ) занимаются земледѣліемъ на собственныхъ или нанимаемыхъ въ уѣздѣ земляхъ. Торговые и промышленные обороты Новаго Оскола крайне незначительны. Въ XVII вѣкѣ до 1655 г. Новый Осколъ назывался Царь-Алексѣевъ или Новъ-Царевъ-Алексѣевъ въ честь царя Алексѣя Михайловича. Къ городу нынѣ примыкаютъ восемь слободъ: Ливенская, Покровская, Михайловская, Никольская, Стрѣлецкая, Дрогунская, Рождественская, Заолешинская.

Послѣ Курска главнымъ городомъ губерніи слѣдуетъ считать *Бѣлгородъ* (21,850 ж.). Онъ лежитъ на отлогомъ берегу Сѣвернаго Донца, при впаденіи въ него рѣки Везелки или Вяземицы, а также отчасти на высокой мѣловой горѣ, по цвѣту которой получилъ свое названіе и въ которой добывается ежегодно до 100,000 пудовъ мѣла. Время основанія Бѣлгорода въ точности не опредѣлено, но въ 1593 году князья Волконскій и Поздреватый посланы были построить Бѣлгородъ на Сѣверскомъ городищѣ, на татарской дорогѣ. Въ Бѣлгородѣ находятся два урочища, гдѣ видны слѣды укрѣпленій и гдѣ, по предположенію, былъ будто-бы древній городъ. Въ 1862 году въ Бѣлгородѣ былъ основанъ городской общественный банкъ съ капиталомъ въ 100,000 рублей, пожертвованный почетнымъ гражданиномъ Чумачевымъ. По своимъ оборотамъ этотъ банкъ принадлежитъ къ главнымъ кредитнымъ учрежденіямъ этого рода. Выгоды отъ оборотовъ этимъ капиталомъ идутъ на благотворительныя заведенія Бѣлгорода. Городъ отличается въ губерніи своими значительными оборотами. Это главный рынокъ Курской губерніи для сала, шерсти, меда, воска и прочихъ товаровъ, которые идутъ изъ него въ Харьковъ, Таганрогъ и вообще на югъ. Прежде Бѣлгородъ отправлялъ одного сала петербургскому порту до 500,000 пудовъ ежегодно. Въ послѣднее время онъ сдѣлался извѣстенъ также своими шерстомоечными заведеніями, для которыхъ шерсть покупается на харьковскихъ ярмаркахъ, а потомъ уже расходится по суконнымъ и шерстопрядильнымъ фабрикамъ Россіи. Восковыя свѣчи Бѣлгородскихъ заводовъ пользуются извѣстностью во всемъ государствѣ. Ярмарокъ въ городѣ бываетъ три и самая значительная по оборотамъ приходится въ десятую пятницу по Пасхѣ, а другія двѣ 29 іюня и 15 августа. Въ самомъ городѣ продается красныхъ и галантерейныхъ товаровъ почти на полмилліона ежегодно. Въ городѣ считается 17 церквей, въ томъ числѣ два собора, Троицкій и Успенскій, основанные въ XVI столѣтіи. Въ Троицкомъ соборѣ погребены тѣла бывшихъ архіереевъ бѣлгородской епархіи. Въ Бѣлгородѣ также два монастыря, Троицкій втораго класса мужской и Рождественскій третьяго класса женскій. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ находятся два многолюдныя селенія, Болховецъ съ 8,577 душами обоего пола и 910 дворами и Томаровка съ 8,847 жителями, въ которой болѣе 1,200 дворовъ. Бѣлгородскій уѣздъ принадлежитъ къ числу хлѣбороднѣйшихъ, хотя и малоземельныхъ. Огород-

ничество сильно развито въ селѣ Разумномъ, жители котораго снабжаютъ овощами почти все населеніе уѣзда. Пчеловодство составляетъ одно изъ любимѣйшихъ занятій жителей уѣзда. Село Томаровка промышляетъ скорняжничествомъ и въ немъ происходитъ ярмарка, замѣчательная по количеству пригоняемаго на нее на продажу рогатаго скота. Село Леонино извѣстно своимъ гончарнымъ производствомъ, село Чураево бондарнымъ, села Мемхово, Крутой Легъ, Шебейкино дѣланіемъ колесъ и повозокъ. Щепнымъ товаромъ главный торгъ происходитъ въ Бѣлгородѣ на ярмаркѣ.

Въ слободѣ Березовкѣ, имѣющей населеніе въ 16,500 душъ (Грайворонскаго уѣзда), существуетъ „домикъ Петра Великаго", которымъ называется небольшое деревянное зданіе на лѣвомъ берегу рѣки Ворсклы, обращенное фасадомъ на востокъ. Извѣстно, что Петръ Великій шелъ со своею арміею на Полтаву лѣвымъ берегомъ Ворсклы. Означенный домъ построенъ въ началѣ XVIII вѣка изъ толстаго дубоваго лѣса въ два этажа на подобіе стариннаго те-

Г. Мирополье. Видъ базарной площади.

ремка. Передъ Полтавскимъ походомъ Петръ Великій прожилъ въ немъ около шести недѣль. Каждый этажъ состоитъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ; нижній соединяется съ верхнимъ наружною лѣстницею, откуда на верху съ трехъ сторонъ идетъ небольшая галлерея вокругъ дома. Крыша на домѣ гонтовая, выкрашенная красною краскою. Мебель въ нижнемъ этажѣ состоитъ изъ одного стола и нѣсколькихъ скамеекъ старинной отдѣлки, которая, по увѣренію мѣстныхъ старожиловъ, современна постройкѣ дома. Надъ его входомъ сохраняется прежняя надпись „генеральная квартира", которая, однако, уже неоднократно подновлялась. При домикѣ Петра Великаго сохраняются восемь чугунныхъ орудій разнаго калибра (семь пушекъ и одинъ единорогъ), подаренныхъ, по преданію, императоромъ послѣ полтавской битвы фельдмаршалу графу Б. П. Шереметеву, вѣроятно, изъ числа взятыхъ у шведовъ, такъ какъ эти пушки сильно повреждены. Въ связи съ воспоминаніями о полтавской битвѣ фельдмаршалъ Шереметевъ основалъ въ Борщовкѣ, въ 1710 году, женскій Богородицко-Тихвинскій монастырь. Говорятъ, что Петръ Великій подарилъ въ Борщовкѣ графу Шереметеву всѣ земли,

которыя въ тамошней степной мѣстности виднѣлись по край горизонта съ одного высокаго холма, который показываютъ донынѣ: дѣйствительно, границы Борщовскаго имѣнія, сохранившагося донынѣ въ родѣ Шереметевыхъ, совпадаютъ съ окраинами горизонта.

Заштатный городъ Курской губерніи *Мирополье* (10,896 ж.) лежитъ при рѣкѣ Пслѣ, въ 26 верстахъ отъ Суджи въ уѣздѣ этого города. Городъ основанъ, какъ полагаютъ, въ половинѣ XVII столѣтія выходцами изъ мѣстечка Мирополья, Волынской губерніи, а затѣмъ на это-же мѣсто выселились жители изъ разныхъ малороссійскихъ городовъ. Около 1679 года городъ Мирополье былъ обнесенъ рвами, валомъ и деревянными башнями, снабженъ гарнизономъ въ 979 человѣкъ. Изъ этого видно, что Мирополье въ семнадцатомъ столѣтіи имѣлъ важное значеніе для охраненія южной границы русскаго государства.

Видъ Бѣлогорскаго монастыря въ 5 в. отъ г. Мирополья.

Къ городу примыкаютъ слободы Запселье, Пепянка и Студенокъ, которыя образовались въ первое столѣтіе существованія Мирополья, вслѣдствіе тѣсноты, которая заставляла жителей выселяться въ означенныя пригородныя слободы. Церквей въ городѣ одна, дома большею частью деревянные. Жители города почти исключительно занимаются хлѣбопашествомъ, а также приготовленіемъ сапогъ, которыхъ они продаютъ на сумму болѣе 30,000 рублей. Ярмарокъ въ Миропольѣ въ теченіе года бываетъ пять.

Къ числу черноземныхъ губерній, отличающихся своимъ плодородіемъ, принадлежитъ Тамбовская губернія; даже въ обыкновенные урожайные годы она отдѣляетъ для отпуска въ другія части Россіи и за границу до одного милліона четвертей разнаго хлѣба, за удовлетвореніемъ потребности въ немъ собственнаго населенія. Въ большей части губерніи почва черноземная. Менѣе плодородны сѣверные уѣзды, которые за то обилуютъ лѣсами. Въ Шацкомъ

и Спасскомъ уѣздахъ черноземъ постепенно замѣняется суглинкомъ и супескомъ, а въ Елатьемскомъ находится полосами песчаная почва, неспособная къ разведенію хлѣбовъ. Наиболѣе глубокою и плодородною черноземною почвою отличаются уѣзды Козловскій, Тамбовскій, Кирсановскій, Борисоглѣбскій, Усманскій и часть Липецкаго. Борисоглѣбскій и Усманскій уѣзды принадлежатъ уже скорѣе къ степнымъ мѣстностямъ. Западная часть Козловскаго уѣзда, восточная Лебедянскаго и средина Липецкаго, не имѣя сплошного чернозема, все-таки обилуютъ мѣстами, отличающимися превосходными урожаями пшеницы и не столь хорошими урожаями ржи.

Мѣстность Тамбовской губерніи волнистая, состоящая изъ нѣсколькихъ возвышенныхъ пологихъ равнинъ, прорѣзанныхъ рѣчными долинами. Наиболѣе возвышенныя части находятся въ Лебедянскомъ уѣздѣ, именно на правомъ берегу Вороны, на глубокихъ впадающихъ въ него оврагахъ, также по краямъ углубленныхъ долинъ Дона и рѣки Красивой Мечи. Возвышенная мѣстность тянется также по лѣвой сторонѣ рѣки Воронежа вдоль Липецкаго уѣзда и по южной границѣ Тамбовскаго уѣзда къ истокамъ Цны, Савальи и Битюга. Отъ параллели Моршанска поверхность Тамбовской губерніи замѣтно склоняется къ Окѣ, а также отъ истоковъ означенныхъ трехъ рѣкъ по направленію къ югу.

Лѣсная дача въ Тамбовской губерніи.

Тамбовская губернія отличается большимъ числомъ рѣкъ, поддерживающихъ плодородіе почвы; даже степи, удаленныя отъ рѣкъ, содержатъ въ себѣ воду по большей части на незначительной глубинѣ отъ поверхности земли. Эта подпочвенная вода мѣстами встрѣчается соленая, но очень полезная для скота.

Всѣ рѣки губерніи распредѣлены на два бассейна Дона и Оки. Къ значительнымъ судоходнымъ рѣкамъ губерніи принадлежатъ Мокша и Цна, изъ которыхъ послѣдняя беретъ свое

начало въ южной части губерніи на возвышенной равнинѣ изъ соединенія ручейковъ Бухаровки, Озиновки и Понзари. Цна очень извилисто течетъ по уѣздамъ: Тамбовскому, Моршанскому, Шацкому, Елатьемскому, въ которомъ впадаетъ въ Мокшу: вся длина ея составляетъ около 473 верстъ, между тѣмъ какъ по прямому направленію всего 240 верстъ отъ начала до истока. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка спрямлена каналами. На Цнѣ находится 16 пристаней, по семи въ Моршанскомъ и Шацкомъ уѣздахъ и двѣ въ Елатьемскомъ, на которыхъ въ прежніе годы грузилось до семи милліоновъ пудовъ разныхъ товаровъ. Цна судоходна только весною и осенью отъ города Моршанска на протяженіи 205 верстъ.

Рѣка Мокша входитъ въ Темниковскій уѣздъ изъ Пензенской губерніи, и, пройдя мимо Темникова и Кадома, входитъ въ Елатьемскій уѣздъ, гдѣ впадаетъ въ Оку. Въ Тамбовской губерніи Мокша протекаетъ извилисто на протяженіи 275 верстъ. На всемъ своемъ протяженіи она судоходна только весною и осенью. Въ Темниковскомъ уѣздѣ на Мокшѣ находятся шесть пристаней, а въ Елатьемскомъ одна, Котельничская, превосходящая всѣ остальныя вмѣстѣ взятыя количествомъ грузимыхъ на ней товаровъ.

Ока протекаетъ безъ пристаней по губерніи всего на протяженіи 85 верстъ по одному Елатьмскому уѣзду, въ который входитъ изъ Рязанской губерніи и уходитъ затѣмъ въ Владимірскую. Правый ея берегъ отъ устья Мокши высокъ, лѣсистъ и болотистъ.

Рѣка Донъ входитъ въ Тамбовскую губернію изъ Рязанской у Лебедяни, и прорѣзываетъ съ сѣвера на югъ только его уѣздъ на протяженіи 47 верстъ. Въ предѣлахъ Тамбовской губерніи по немъ не производится ни судоходства, ни сплава; онъ отличается въ ней каменистымъ грунтомъ, быстрымъ теченіемъ и большимъ числомъ построенныхъ на немъ водяныхъ мельницъ. Крутые известковые берега Дона имѣютъ въ губерніи мѣстами вышину до 49 саженъ. Сверхъ небольшихъ ручьевъ, Донъ принимаетъ, съ правой стороны, въ Лебедянскомъ уѣздѣ единственную значительную рѣку Красивую Мечь, а изъ лѣвыхъ притоковъ Дона по Тамбовской губерніи протекаютъ Воронежъ (27 верстъ), Битюгъ (78 в.) и Хоперъ (12 в.). Рѣка Воронежъ со своими притоками орошаетъ уѣзды: Козловскій, Липецкій, Усманскій, восточную часть Лебедянскаго и незначительныя части Моршанскаго и Тамбовскаго. Для сплавнаго судоходства возможенъ только одинъ Воронежъ отъ города Липецка, гдѣ погрузка бываетъ, однако, незначительная. Битюгъ со своими притоками орошаетъ восточную часть Усманскаго уѣзда. Рѣка Хоперъ протекаетъ по губерніи на незначительномъ протяженіи, но въ него входятъ суда съ рѣки Вороны, идущія къ азовскимъ портамъ.

Ворона принадлежитъ къ самымъ значительнымъ притокамъ Хопра, течетъ въ предѣлахъ Тамбовской губерніи на протяженіи 390 верстъ, орошаетъ Кирсановскій уѣздъ и восточную часть Борисоглѣбскаго и впадаетъ въ Хоперъ ниже города Борисоглѣбска. Она судоходна только отъ послѣдняго весною на протяженіи двухъ верстъ. На Воронѣ грузилось прежде около 1,900,000 пудовъ.

Вообще, до сооруженія желѣзныхъ дорогъ, въ предѣлахъ Тамбовской губерніи грузилось по рѣкамъ до 10 милліоновъ пудовъ. Рѣка Савала, притокъ Хопра, орошаетъ юговосточную часть Тамбовскаго уѣзда и средину Борисоглѣбскаго, а его-же притокъ Карачанъ принадлежитъ одному послѣднему уѣзду. По рѣкамъ Водѣ и Вошѣ, впадающимъ въ Мокшу, сплавляются весною лѣса, особенно изъ казенныхъ дачъ, корабельные.

По теченію рѣчекъ и рѣкъ въ Тамбовской губерніи расположены всѣ селенія, скрытыя въ долинахъ, между тѣмъ какъ плоскія необозримыя степи между рѣками не населены, но заняты полями, лугами и пастбищами. Рощи и лѣса находятся также въ долинахъ рѣкъ. По подобнымъ голымъ, черноземнымъ степямъ въ сухое время почтовыя и проселочныя дороги очень хороши, но во время дождей, или послѣ таянія снѣговъ, дѣлаются непроѣзжими, потому что черноземъ прилипаетъ къ колесамъ и до крайности затрудняетъ и замедляетъ передвиженіе. Поэтому до сооруженія въ губерніи желѣзныхъ дорогъ, при крайне плохомъ со-

стоянія воднаго сообщенія, произведенія сельскаго хозяйства цѣнились въ губерніи очень низко. Въ настоящее время желѣзныя дороги прорѣзали Тамбовскую губернію по всѣмъ направленіямъ на протяженіи 642 верстъ. Въ этомъ отношеніи она сильно опередила другія области Россіи, чему отчасти причиною ея центральное положеніе. На сѣверѣ ея проходитъ Ряжско-Моршанская дорога съ продолженіемъ на Пензу, Самару и Оренбургъ; на западѣ Рязанско-Козловская съ продолженіемъ на Воронежъ до Ростова и Грязе-Елецкая съ продолженіемъ въ одну сторону на Орелъ, а въ другую на Царицынъ; на югѣ Грязе-Борисоглѣбско-Царицынская и Козлово-Тамбовская, доходящая до Саратова. Такъ какъ наибольшее протяженіе губерніи отъ сѣвера къ югу равняется 393 верстамъ, а отъ востока къ западу 314 верстамъ, то желѣзнодорожная сѣть удовлетворила большей части губерніи въ доставленіи ей

Общій видъ города Тамбова

безпрерывнаго и скораго сообщенія. Изъ двѣнадцати уѣздныхъ городовъ, шесть соединены съ губернскимъ городомъ рельсовыми путями.

Сѣверная часть Тамбовской губерніи изобилуетъ на значительномъ пространствѣ лѣсами. По этому видно, что прежде большая часть губерніи была покрыта дремучими лѣсами. Городъ Темниковъ получилъ отчасти свое названіе отъ дремучихъ лѣсовъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ въ губерніи существовалъ лѣсъ на 1,698,000 десятинахъ, а лѣтъ двѣнадцать тому назадъ его осталось уже всего 500,000 десятинъ, нынѣ же это количество вѣроятно еще болѣе сократилось. Въ семидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія четыре сѣверные уѣзда Тамбовской губерніи въ такой еще степени изобиловали лѣсомъ, что изъ нихъ онъ вывозился въ другія мѣста въ большомъ количествѣ. Остальные восемь уѣздовъ губерніи нуждаются какъ въ дровахъ, такъ и въ строевомъ лѣсѣ, который туда привозится иногда съ сѣвера болѣе чѣмъ за сто верстъ. При недостаткѣ дровъ, южные черноземные уѣзды топятъ лузгою отъ гречихи, кострицею, кизякомъ, торфомъ и хворостомъ, преимущественно же соломою и притомъ не только

въ домашнихъ печахъ, но даже для обжиганія кирпича и извести. Изъ лѣсовъ Тамбовской губерніи четыре пятыхъ сосновые, въ томъ числѣ и корабельные. Лѣса сѣверной части губерніи, особенно мокшанскій, доставляютъ еще большой доходъ. Послѣдній лѣсъ, переходящій изъ сосѣдней Пензенской губерніи, принадлежитъ преимущественно казнѣ. Онъ кораблестроительный дубовый и доставляетъ жителямъ Темниковскаго уѣзда средства къ существованію производствомъ смолы, угля и разной деревянной посуды и утвари.

Цнинскіе лѣса, большею частью принадлежащіе частнымъ владѣльцамъ, сильно опустошены въ послѣдніе годы. Талерманскій казенный лѣсъ, лежащій на 13,851 десятинѣ по Хопру и Воронѣ, въ Борисоглѣбскомъ и Новохоперскомъ уѣздахъ, доставляетъ дубовый кораблестроительный лѣсъ для Чернаго моря и строевой лѣсъ, идущій въ южныя губерніи.

По обилію пахатной земли и по роду занятій жителей, Тамбовская губернія принадлежитъ

Г. Тамбовъ. Христорождественскій соборъ на Базарной площади

къ первостепеннымъ земледѣльческимъ областямъ, за исключеніемъ Елатьемскаго и Темниковскаго уѣздовъ и отчасти Спасскаго и Шацкаго. Въ губерніи двѣ трети всего количества земли, или около 3,600,000 десятинъ, заняты пашнями. Наибольшее количество пашней находится въ Козловскомъ и Шацкомъ уѣздахъ, т.-е. до 70% всей площади, а наименьшее въ Темниковскомъ (около 27%) и въ Спасскомъ (до 38%). По всей губерніи засѣвается преимущественно рожь; озимая пшеница разводится болѣе всего въ восьми южныхъ уѣздахъ на поляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, причемъ замѣчено, что нѣжные сорта пшеницы, гирка, бѣлотурка, перерождаются на второй или третій годъ; повсемѣстно засѣваются овесъ и гречиха, а просо въ южныхъ уѣздахъ даетъ очень изобильные урожаи; ячмень засѣвается мало; горохъ разводится только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; макъ, подсолнечникъ, горчица засѣваются въ небольшомъ размѣрѣ въ южныхъ уѣздахъ. Посѣвы льна стали обращать на себя вниманіе въ южныхъ и среднихъ уѣздахъ, а разведеніе конопли, для полученія пеньки, начатое нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ уѣздахъ, прилегающихъ къ рѣкамъ Окѣ, Мокшѣ и Цнѣ,

увеличивается съ каждымъ годомъ. Огородничество, въ видѣ промысла, развито лишь въ селеніяхъ, ближайшихъ къ городамъ. На поляхъ въ степныхъ уѣздахъ разводятъ дыни и арбузы. Садоводства, какъ особаго промысла, не существуетъ, но у каждаго достаточнаго землевладѣльца есть фруктовый садъ съ яблонями, грушами, вишнями и сливами. Табаководство развито преимущественно въ уѣздахъ: Козловскомъ, Лебедянскомъ, Шацкомъ; въ одномъ Козловскомъ подъ табакомъ занято болѣе ста десятинъ. Картофель разводится во всѣхъ уѣздахъ, преимущественно на песчаныхъ почвахъ, такъ какъ на черноземѣ онъ родится плохо. Всего хлѣба производится въ губерніи ежегодно болѣе 10,000,000 пудовъ.

При изобиліи луговъ, скотоводство должно было бы процвѣтать въ губерніи, чего на дѣлѣ не оказывается, потому что на одинъ дворъ приходится всего двѣ головы рогатаго скота.

Г. Тамбовъ. Дворянская улица (слѣва Реальное училище).

Въ южныхъ уѣздахъ скота на дворъ приходится значительно больше. Улучшенныхъ породъ мало, можетъ быть и потому, что скотъ часто заражается отъ прогоняемыхъ съ юга стадъ, по скотопрогоннымъ путямъ изъ Астрахани, Саратова, земли войска Донского и разныхъ южныхъ губерній. Большинство скота, принадлежащаго козловскимъ и липецкимъ торговцамъ, идетъ чрезъ Усманскій уѣздъ. У деревни Шахмани скотопрогонный трактъ раздѣляется. Одинъ путь идетъ чрезъ Козловъ на Москву, а другой туда же чрезъ Липецкъ. Жители, проживающіе по этимъ путямъ, запасаютъ на зиму большое количество корма, овса и сѣна для прогоняемаго скота, или отводятъ гуртамъ арендованные для того обширные степи и луга. На нѣкоторыхъ путяхъ, особенно предпочитаемыхъ гуртовщиками, имѣются даже обширные загоны для зимы и достаточное количество колодцевъ, чтобы скотъ могъ оставаться тамъ на извѣстное время, при значительномъ пониженіи цѣнъ на мясо въ столицахъ, или чтобы лучше откормить скотъ при дешевыхъ цѣнахъ на кормъ.

Овцеводство, особенно разведеніе тонкорунныхъ овецъ, составляетъ нынѣ важную отрасль сельскаго хозяйства въ Тамбовской губерніи. Шерсти много вывозится на ярмарку въ Харьковъ и Москву. Много шерсти мѣстной породы идетъ также на фабрики солдатскаго сукна, находящіяся въ губерніи. Крестьяне, послѣ реформы 1861 года, значительно увеличили свое овцеводство простыхъ овецъ, между тѣмъ какъ землевладѣльцы обратили вниманіе на увеличеніе тонкорунаго овцеводства, чему благопріятствуютъ условія Тамбовской губерніи.

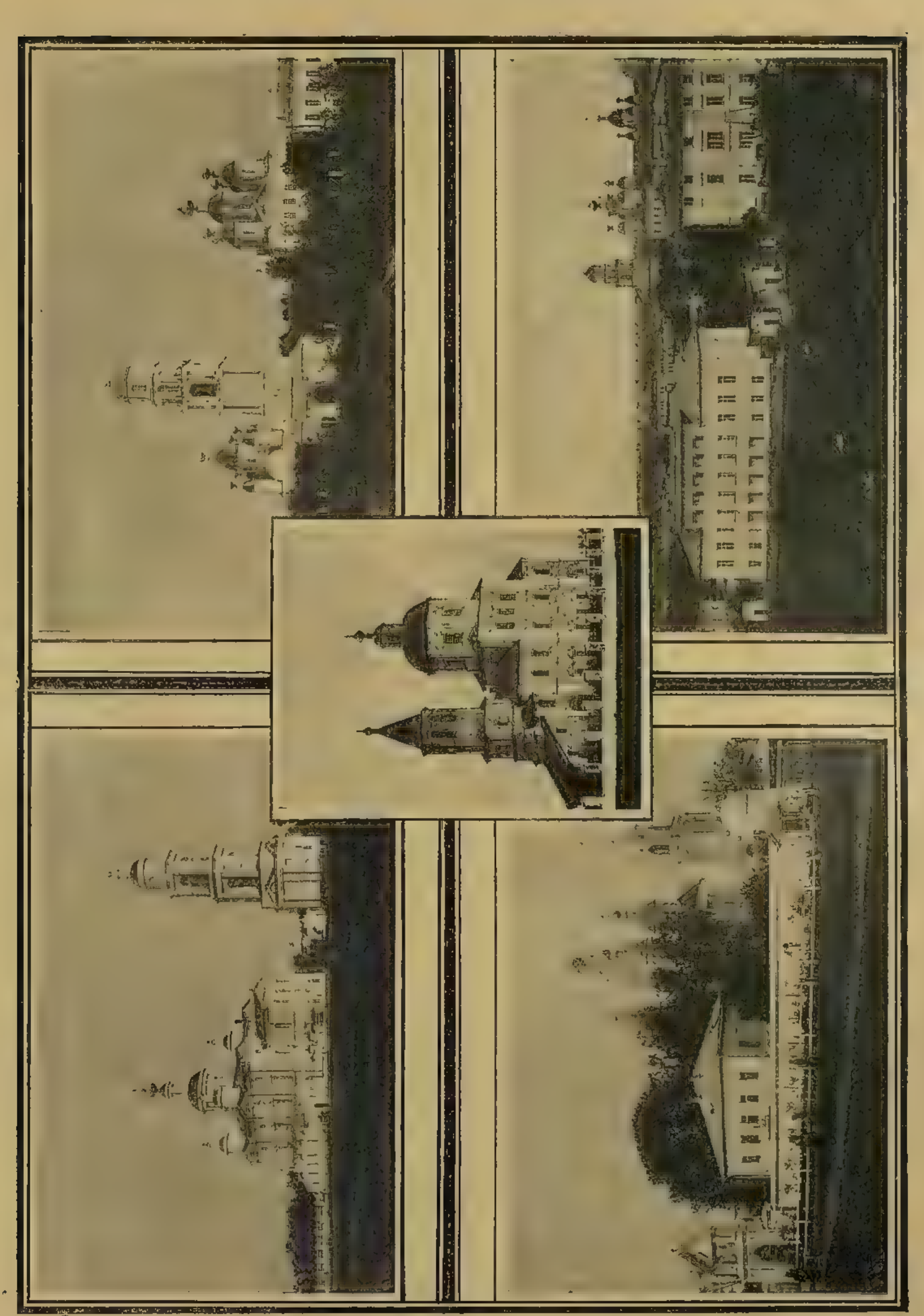
Коневодство принадлежитъ въ губерніи къ прочно установившемуся промыслу, при чемъ наибольшіе конскіе заводы можно найти и у крестьянъ. Правильныя пастбища въ губерніи и постоянный спросъ на лошадей для кавалеріи и артиллеріи въ столицу обусловливаютъ успѣхъ этого дѣла. Многіе изъ тамбовскихъ конскихъ заводовъ пріобрѣли даже извѣстность разводимыми въ нихъ лошадьми, преимущественно рысистыми и такъ-называемыми битюгами, получившими свое названіе отъ степей по рѣкѣ Битюгѣ въ югозападной части губерніи. Порода битюговъ отличается крѣпостью и выносливостью, но она стала вырождаться и подъ этимъ названіемъ стали продавать лошадей изъ сосѣднихъ губерній.

Пчеловодство было прежде сильно развито въ сѣверныхъ лѣсистыхъ уѣздахъ и доставляло значительный доходъ, но теперь оно уменьшилось съ истребленіемъ лѣсовъ, хотя изъ губерніи все еще вывозится не мало меду и воску.

Въ 1846 году жителей въ губерніи считалось 1,649,686 душъ обоего пола, а въ 1897 г. 2,715,453 душъ. Къ самымъ населеннымъ уѣздамъ принадлежатъ Козловскій и Липецкій, къ малолюднымъ же Спасскій и Темниковскій. Старовѣровъ и раскольниковъ считалось въ 1872 г. на жительствѣ въ губерніи 14,340 человѣкъ обоего пола, въ томъ числѣ въ городахъ 1,647, а магометанъ 16,749 душъ, въ томъ числѣ въ городахъ 155 душъ. Старовѣры и раскольники проживаютъ повсемѣстно въ губерніи, за исключеніемъ города Липецка и его уѣзда, но болѣе всего населяютъ уѣзды: Тамбовскій, Моршанскій и Спасскій. Магометане живутъ преимущественно въ уѣздахъ: Елатьемскомъ, Темниковскомъ, Спасскомъ и Тамбовскомъ. Уѣзды: Кирсановскій, Лебедянскій, Липецкій, Моршанскій и Усманскій могутъ быть названы вполнѣ великороссійскими; въ остальныхъ же уѣздахъ, вмѣстѣ съ великороссами въ большей или меньшей примѣси къ нимъ, живутъ мордва, мещера и татары. Мордва составляетъ около 4% всего населенія губерніи, татары около 1% и мещера 0,38%. Только въ Спасскомъ уѣздѣ (въ немъ мещера составляетъ 8,19% всего населенія) инородческое населеніе преобладаетъ надъ русскимъ, составляя 54,33% всего числа его жителей, потому что въ Темниковскомъ уѣздѣ оно составляетъ 30,33% всего населенія, въ Шацкомъ 12,24%, а въ Елатьемскомъ 3,94%. Мордва и мещера уже давно приняли христіанскую вѣру, между тѣмъ какъ татары все еще строго придерживаются магометанства и имѣютъ въ своемъ распоряженіи въ уѣздахъ 24 деревянныя мечети.

Всѣ города Тамбовской губерніи, кромѣ Елатьмы, имѣютъ болѣе 5,000 жителей обоего пола на жительствѣ. Существуютъ села съ населеніемъ болѣе 5,000 жителей; къ такимъ селамъ относятся: Сукмановка, Костинъ-Отдѣлецъ, Архангельское на Токаѣ, Уварово, Большая Грибановка, всѣ расположенныя въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ; село Сасово (сборный пунктъ для пеньки) въ Елатьемскомъ уѣздѣ; село Пересыпкино въ Кирсановскомъ, село Алгасово и Пигаево въ Моршанскомъ и село Демшинскъ въ Усманскомъ уѣздѣ.

До сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Тамбовской губерніи, главная торговля ея произведеніями—хлѣбомъ, пенькою, саломъ и проч.—сосредоточивалась въ городахъ Моршанскѣ и Борисоглѣбскѣ. Желѣзныя дороги совершенно измѣнили пути сбыта произведеній и возвысили цѣну имъ, потому что открыли для нихъ новые рынки, при чемъ увеличилась стоимость земли, которая до сооруженія сѣти рельсовыхъ путей продавалась отъ 30 до 40 р. за десятину лучшей степной почвы. Вмѣсто прежнихъ торговыхъ центровъ въ Козловѣ, Моршанскѣ и Борисоглѣбскѣ стали образовываться новыя мѣста для своза грузовъ по линіямъ желѣзныхъ

Спасо-Преображенскій каѳедральный соборъ. Старая Покровская церковь. Казанскій мужской монастырь.

Трегуляевъ мужской монастырь. Зданіе Духовной семинаріи.

ВИДЫ ГОРОДА ТАМБОВА

дорогъ. Къ торговымъ селеніямъ принадлежатъ село Разсказово, въ Тамбовскомъ уѣздѣ, Большія Алабухи, въ Борисоглѣбскомъ, Сасово, въ Елатьемскомъ, Доброе въ Лебедянскомъ, Большой Избердей, въ Липецкомъ, Демшинскъ и Архангельскъ въ Усманскомъ уѣздѣ. Фабрично-заводская промышленность сосредоточена преимущественно въ городахъ, которымъ принадлежитъ 82,2% всей суммы производства. Изъ городовъ главное мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Козлову, Тамбову и Моршанску.

По свѣдѣніямъ 1894—95 гг., въ Тамбовской губерніи находилось 247 фабрикъ и заводовъ съ 11,992 рабочими, которые вырабатывали произведеній на 14,241,978 р. (со включеніемъ платы въ 838,842 р. за обработку чужого матеріала).

Главный городъ губерніи *Тамбовъ* (48,134 ж.) расположенъ на возвышенномъ лѣвомъ берегу Цны, при впаденіи въ нее рѣчки Студенца. Названіе свое онъ получилъ отъ рѣки Тамбовки, которая въ 20 верстахъ отъ города вливается въ Цну. Основаніе Тамбова относится къ 1636 году, когда повелѣно было строить городъ Тамбовъ на полѣ, на рѣкѣ Цнѣ, на устьѣ рѣчки Липовицы. Но окончательно мѣсто для города выбрано 25 верстъ ниже на рѣкѣ Цнѣ.

Тамбовъ сталъ увеличиваться со времени возведенія его въ главный городъ губерніи въ концѣ XVIII вѣка, такъ что въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ немъ было 14 церквей, 2 монастыря, суконная и парусная фабрики, около 2,000 домовъ и до 12,000 жителей. Нынѣ Тамбовъ съ 48,134 ж. раскинулся на 4,582 десятинахъ, имѣетъ 11 верстъ въ окружности, 4 версты въ длину, одну версту въ ширину и на обширной долинѣ спускается съ возвышенности къ берегамъ Цны. На противоположномъ ея берегу виднѣются обширные луга, заливаемые весною водою, такъ что видъ города и его окрестностей не имѣетъ ничего особенно привлекательнаго. Только архіерейскій хуторъ и Трегуляевъ монастырь близъ города могутъ доставить лѣтомъ нѣкоторое удовольствіе для прогулки. Въ самомъ городѣ садовъ очень немного. Въ Тамбовѣ господствуютъ восточные вѣтры, послѣдствіемъ которыхъ бываетъ сильная жара, засуха и пыль, отчего цвѣты лѣтомъ пропадаютъ, тѣмъ болѣе что дожди бываютъ очень рѣдко. Частные дома по большей части деревянные и выстроены не изящно и оттого не способствуютъ къ украшенію города.

Въ Тамбовѣ находятся мужская и женская гимназіи, семинарія, Александринскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, Екатерининскій учительскій институтъ Нарышкина съ начальнымъ училищемъ, женское духовное училище, два уѣздныхъ духовныхъ училищъ, два мужскихъ уѣздныхъ училищъ и одно женское, медицинское общество, учрежденное для изученія губерніи въ санитарномъ отношеніи, отдѣленіе государственнаго банка, городской общественный банкъ, учрежденный въ 1864 г. съ основнымъ капиталомъ въ 30,000 руб., публичная библіотека и каменный театръ. До построенія желѣзныхъ дорогъ и до крестьянской реформы 1861 года, въ Тамбовъ на зиму съѣзжалось большинство помѣщиковъ губерніи и проживало тамъ до весны.

Въ семидесятыхъ годахъ въ Тамбовѣ сдѣлано было много перемѣнъ къ лучшему, именно распредѣлены лавки по роду ихъ торговли, выстроены для нихъ девять деревянныхъ корпусовъ, съ вымощенными вокругъ улицами, такъ что видъ базара совершенно измѣнился. Новый каменный корпусъ съ мясными лавками, а за нимъ два деревянныхъ для мелкой торговли мясомъ находятся на базарной площади, представлявшей болото съ разбросанными въ грязи и тинѣ лавками. Скотобойни также были выведены изъ центра гостинаго двора. Сверхъ того въ разныхъ мѣстахъ города устроены колодцы для правильнаго снабженія водою. При проведеніи желѣзной дороги чрезъ Тамбовъ явилась необходимость перенести на другое мѣсто ярмарку, которая бываетъ два раза въ годъ. Новые ярмарочные корпуса окончены къ 1870 г. Въ среднемъ корпусѣ помѣщены 48 лавокъ. Надъ входомъ возвышается башня въ три яруса съ часами. На двухъ площадяхъ, противъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и противъ

Большая улица. Носовская улица.
Мужская гимназія. Каѳедральный соборъ.
Большая улица. Зданіе присутственныхъ мѣстъ. Дворцовая улица. Домъ Губернатора.

ВИДЫ ГОРОДА ТАМБОВА.

Казанскаго монастыря устроены скверы, а вдоль набережной рѣки Цны бульваръ. На трехъ площадяхъ прежде лѣтомъ была страшная пыль, а осенью стояла вода. Теперь онѣ покрыты садами.

Послѣ губернскаго города, лучшимъ городомъ въ Тамбовской губерніи считается Липецкъ, извѣстный своими желѣзистыми минеральными водами, сходными съ водами Швальбаха, Спа и Пирмонта по содержанію желѣза. Липецкъ расположенъ на красивой мѣстности югозападной части этой губерніи и примыкаетъ къ степному пространству, которое начинается въ Усманскомъ и Борисоглѣбскомъ уѣздахъ. Эта мѣстность лежитъ на известнякѣ девонской формаціи, поднимается значительно выше сосѣдняго степного пространства и представляется волнистою равниною, изрѣдка перерѣзанною глубокими оврагами. Климатъ въ Липецкѣ очень здоровый, умѣренный: не бываетъ ни сильныхъ жаровъ лѣтомъ, какъ, напримѣръ, въ Тамбовѣ, ни особенныхъ холодовъ зимою, какъ въ сосѣднихъ степныхъ мѣстахъ. Липецкая равнина отличается также изобиліемъ родниковыхъ водъ, такъ что почти въ каждомъ логѣ или оврагѣ изъ-подъ скалъ выливается обильный источникъ. Самый городъ Липецкъ лежитъ на двухъ довольно высокихъ горахъ или, вѣрнѣе, возвышенныхъ террасахъ, раздѣленныхъ глубокимъ оврагомъ, въ которомъ течетъ рѣка Липовка. Въ составъ города входятъ двѣ части—Дворянская и Торговая, которыя соединены великолѣпнымъ съѣздомъ. На половинѣ этого съѣзда возвышается монументъ Петра Великаго, который первый призналъ значеніе минеральныхъ водъ въ Липецкѣ. Террасы, на которыхъ расположенъ городъ, оканчиваются довольно обрывисто. Внизу ихъ разстилается равнина, на которой извивается рѣка Воронежъ, и находится прудъ Петра Великаго, — огромное озеро Липецкое. Прудъ примыкаетъ къ самому городу и окаймленъ длинною каменною плотиною. За рѣкою и озеромъ съ террасъ видны вдали сосновый лѣсъ и заводскія зданія. Видъ съ террасъ живописный, а при прозрачности воздуха видна внизъ по теченію Воронежа церковь села Романова (бывшаго древняго города Романова), расположеннаго въ 12-ти верстахъ на возвышенномъ берегу Воронежа. Точно также изъ Романова виденъ бываетъ соборъ въ Липецкѣ. Улицы въ городѣ довольно правильныя, всѣ вымощенныя. Самая лучшая изъ нихъ—Дворянская, въ видѣ ровнаго, прямого проспекта, болѣе одной версты длиною, на которомъ почти всѣ дома какъ бы утопаютъ въ зелени. Дома въ городѣ, вслѣдствіе обилія каменнаго матеріала, преимущественно каменные, выбѣленные, съ каменными ступеньками на крыльцахъ, съ каменными же балконами, украшенными цвѣтами. Такая внѣшняя обстановка Липецка дѣлаетъ его какимъ-то исключеніемъ въ средѣ остальныхъ уѣздныхъ городовъ Россіи, не отличающихся довольствомъ и опрятностью.

Изобиліе воды и растительности способствуетъ освѣженію воздуха даже въ знойные дни лѣтомъ, а покатость террасъ къ юговостоку — причиною того, что почти до конца августа ночи въ Липецкѣ бываютъ теплыя, не очень влажныя, и вѣтровъ почти не бываетъ. Въ городѣ есть много мѣстъ для гулянья. Къ наиболѣе живописнымъ мѣстамъ принадлежитъ съѣздъ около собора съ видомъ на противоположную часть города и на равнину съ Воронежомъ и озерами. Подъ самою горою слѣва расположенъ нижній садъ минеральныхъ водъ, гдѣ изъ зелени возвышается посрединѣ зданіе минеральныхъ ваннъ. Фасадъ его напоминаетъ собою архитектуру царствованія императора Павла. Передъ зданіемъ разстилается обширный цвѣтникъ; немного правѣе, изъ-за деревъ, сквозь просѣки, виднѣются зданія вокзала и минеральнаго колодца. Верхній садъ минеральныхъ водъ (Дворянскій) представляетъ также красивую мѣстность. Здѣсь возвышается небольшая древняя церковь, отличающаяся своею архитектурой и составляющая остатокъ старинной Липецкой пустыни. На обрывѣ, между зеленью, видны камни бывшаго кладбища, а подъ горою, на берегу озера, бьютъ ключи съ особенною силою. Отсюда по берегу озера направляется дорога въ нижній садъ, который отстоитъ отъ верхняго въ четверти часа пути. Третья живописная мѣстность представляется въ совершенно другомъ родѣ, чѣмъ двѣ предшествовавшія. Эта мѣстность составляетъ продолженіе оврага, раздѣляю-

щаго обѣ части города и который называется „каменнымъ логомъ"—вверхъ по теченію рѣки Липовки и у ея источниковъ, лежащихъ почти въ верстѣ разстоянія отъ минеральныхъ водъ. „Каменный логъ" составляетъ ущелье между двумя крутыми горами, обнаженныя каменныя стѣны которыхъ мѣстами похожи на какія-то гигантскія развалины. Въ щеляхъ этихъ развалинъ бѣлѣются хижины съ проведенными къ нимъ крутыми тропинками. Внизъ изъ-подъ стѣнъ горы прорывается двумя десятками ключей рѣка Липовка. Видъ ущелья необыкновенно живописенъ. Отсюда влѣво устроенъ очень удобный въѣздъ на гору, по которой проходитъ дорога въ городъ Воронежъ, и тутъ же находится еще одно изъ липецкихъ гуляній, такъ

Общій видъ города Липецка.

называемый Воронежскій садъ, — роскошная дубовая роща, обдающая посѣтителя здоровымъ лѣснымъ воздухомъ. При поворотѣ изъ „Каменнаго лога" направо дорога огибаетъ кругомъ конусообразную гору, называемую городищемъ. По преданіямъ, на этой горѣ было въ прежнія времена укрѣпленіе и росла та сказочная липа, которая дала этой мѣстности названіе Липицы. Отъ Липицы произошли названія рѣки Липовки и города Липецка.

Изъ окрестностей Липецка заслуживаютъ вниманія слѣдующія мѣста: село Сокольскъ, бывшее въ древности городомъ, съ замѣчательнымъ мостомъ, сооруженнымъ для желѣзной дороги; лѣсная ферма, дорога къ которой пролегаетъ по сосновому лѣсу; вышеупомянутое село Романово съ живописными видами на Воронежъ и на его берега, и наконецъ село Студенки (въ двухстахъ шагахъ отъ заставы Дворянской улицы по дорогѣ въ Козловъ), гдѣ сооружена чрезъ Студенскій оврагъ громадная насыпь, по которой проходитъ желѣзная дорога.

Соборная церковь въ Липецкѣ, сооруженная въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, возвышается на горѣ краснымъ зданіемъ. Колокольня этой церкви видна со всѣхъ сторонъ

за 15 верстъ и болѣе. Монастырская церковь принадлежала къ Липецкой пустыни, которая закрыта въ 1705 году.

По словамъ Щекатова, „липецкіе минеральные источники найдены въ началѣ XVIII столѣтія. Въ старину была здѣсь Липецкая пустынь, стоявшая близъ города, въ горѣ надъ озеромъ. Въ 1705 году осталась отъ нея каменная церковь Живоноснаго источника (нынѣшняя вышеупомянутая монастырская церковь). При семъ монастырѣ былъ тотъ ключъ минеральныхъ цѣлебныхъ водъ, какимъ пользовался и государь Петръ Великій". Императоръ жилъ тутъ на основанномъ по его повелѣнію чугунно-литейномъ заводѣ, впослѣдствіи уничтоженномъ. Несмотря на пользованіе Петромъ Великимъ минеральнымъ ключомъ, липецкія воды оставлены были безъ вниманія и безъ научнаго изслѣдованія, потому что первыя ихъ описанія, Гмелина и Шторха, относятся къ концу XVIII столѣтія; первыя медицинскія наблюденія надъ ихъ дѣйствіемъ и первое офиціальное донесеніе о нихъ медицинской коллегіи докторомъ Вандеромъ состоялось только въ 1800 году. Самый источникъ обстроенъ былъ только въ 1802 году, а до того времени онъ находился въ болотѣ. Правительство постепенно занялось изслѣдованіемъ и устройствомъ минеральныхъ водъ, такъ что съ 1803 года уже начался съѣздъ на нихъ больныхъ и настоящее лѣченіе ими. Около того же времени появились анализы и описанія липецкихъ водъ провизора Пеле, докторовъ Пфеллера и Альбони. Такъ какъ выѣздъ на заграничныя минеральныя воды въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ затруднителенъ по политическимъ и экономическимъ обстоятельствамъ, то липецкія минеральныя воды, уже въ первое десятилѣтіе послѣ офиціальнаго ихъ открытія, сдѣлались мѣстомъ собранія для русскаго богатаго дворянства и для русской знати. Вслѣдствіе того не замедлили явиться постройки надъ колодцемъ, купальня и лѣтняя галлерея для танцевъ и собраній. Съ тѣмъ вмѣстѣ бывшій до того липецкій заводскій посадъ сталъ постепенно преобразовываться въ городъ, который въ 1805 году дѣйствительно былъ сдѣланъ уѣзднымъ въ Тамбовской губерніи. Но публика въ тѣ годы собиралась въ Липецкъ скорѣе для удовольствія, ради моды, чѣмъ для медицинскаго лѣченія водами.

Съ заключеніемъ мира послѣ войнъ съ Наполеономъ I, когда для русской знати открылся вновь доступъ на европейскія минеральныя воды, постепенно усовершенствованныя относительно наибольшаго привлеченія къ себѣ посѣтителей, Липецкія воды стали постепенно приходить въ упадокъ. Первоначально туда продолжали пріѣзжать, какъ бы по привычкѣ, ближніе помѣщики для баловъ и развлеченія и тѣ изъ сосѣднихъ больныхъ, которые не могли выносить дальняго пути, но затѣмъ и такого рода посѣтители забыли о существованіи Липецка. Такое запустѣніе его продолжалось до послѣдняго времени, причемъ заведеніе минеральныхъ водъ пришло въ крайній упадокъ, такъ что даже цѣлебность этихъ источниковъ стала предметомъ сомнѣнія и недовѣрія. Только съ весны 1865 года началось ихъ коренное преобразованіе, когда для этой цѣли образовалось акціонерное общество минеральныхъ водъ въ Липецкѣ, причемъ число посѣтителей для медицинскаго лѣченія стало увеличиваться съ каждымъ годомъ.

Чрезъ главныя ворота широкая шоссейная дорога ведетъ въ средину заведенія въ нижнемъ саду минеральныхъ водъ. На половинѣ этой дороги садовая дорожка направо упирается въ деревянный мостикъ, чрезъ который открывается перспектива на коридоръ, соединяющій колодецъ минеральныхъ водъ съ вокзаломъ. Колодецъ находится по правую сторону, а вокзалъ по лѣвую. Передъ самымъ мостикомъ находится тѣнистая красивая площадка, называемая „Подъ березками". Этотъ мостикъ чрезъ Липовку довольно длиненъ и высокъ. Направо отъ него видны развалины мельничной плотины и городской мостъ, а налѣво главныя аллеи сада и теченіе рѣки Липовки. Въ первые годы процвѣтанія Липецка, собиравшаяся въ него лучшая часть русскаго общества, по тогдашнему своему романтическому настроенію, назвала этотъ мостъ pont des soupirs (мостъ вздоховъ), а другой мостикъ, вблизи заведенія ваннъ — pont des

amours (мостикъ любви). Въ разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ „моста вздоховъ" находится главный минеральный источникъ, постройка котораго красива, проста, изящна. Она представляется круглымъ зданіемъ, имѣющимъ въ поперечникѣ пять саженъ, окруженнымъ четырьмя портиками, опирающимися каждый на десять колоннъ. Зданіе покрыто сферическимъ куполомъ съ двухъэтажною башенкою, шпилемъ и съ громоотводами и построено болѣе сорока лѣтъ тому назадъ на средства богатой больной, получившей въ Липецкѣ выздоровленіе отъ своего недуга. Внутренній водоемъ состоитъ изъ четырехугольной цистерны, сдѣланной изъ шлифованнаго известняка и окруженной чугунною, бронзированною рѣшеткою. Изъ боковыхъ стѣнъ цистерны, изъ львиныхъ пастей, вытекаютъ въ нее два ключа минеральной воды: съ

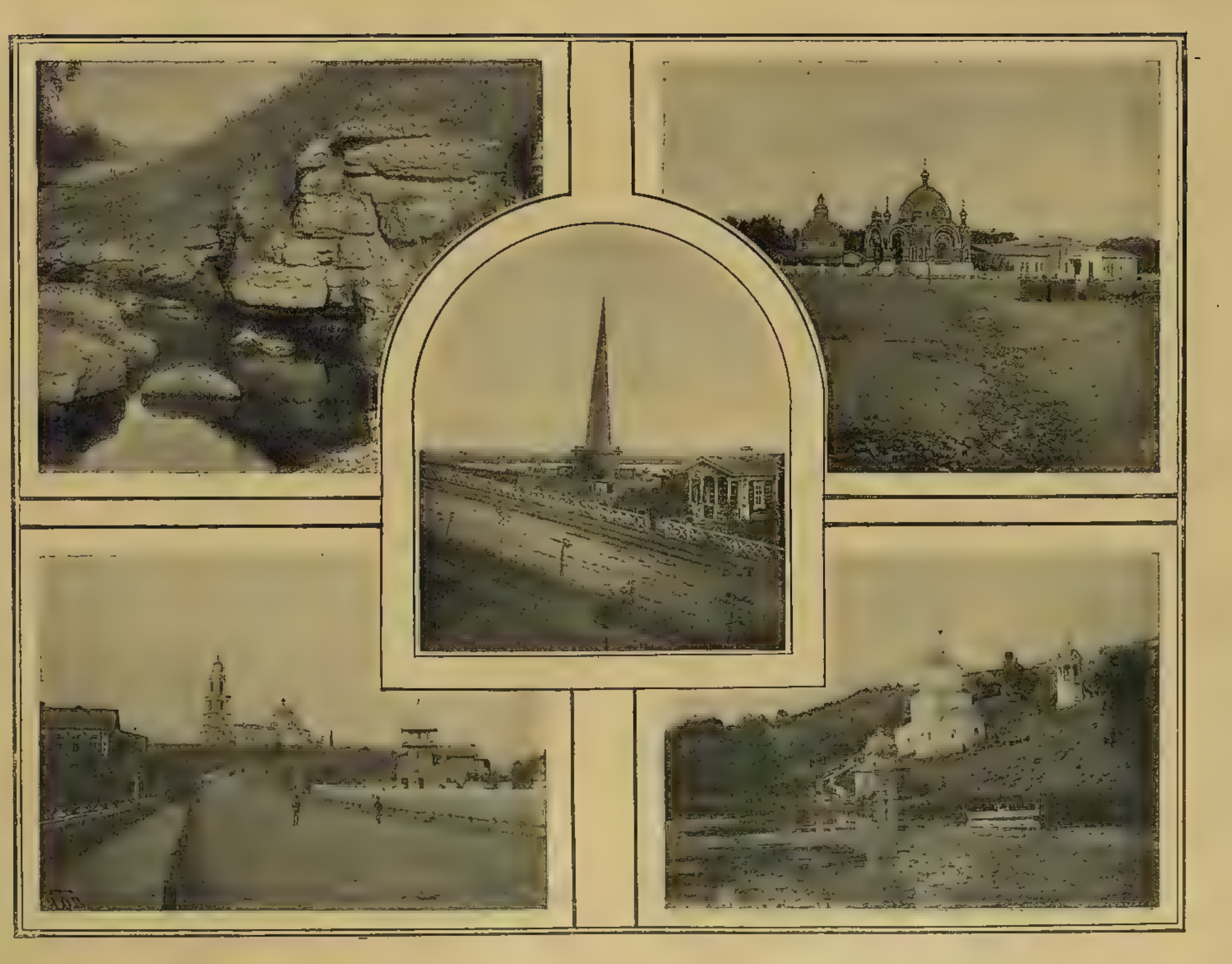
Общій видъ г. Липецка. Торговая часть.

юга источникъ Петра Великаго, а съ сѣвера источникъ Альбони. Вода третьяго источника, Пфеллерова, проведена въ наружный колодецъ, находящійся съ сѣверной стороны ротонды и служащій вмѣстѣ съ тѣмъ сточнымъ колодцемъ для всѣхъ ключей. Вблизи колодца есть калитка, ведущая на площадь. Противъ этой калитки находится домъ Петра Великаго По дорожкѣ, на которой выстроена калитка, императоръ ходилъ на заводы, находившіеся въ этой же мѣстности, вблизи рѣки Липовки. Отъ этого дома не осталось никакихъ слѣдовъ. Изъ колодца въ вокзалъ ведетъ крытый коридоръ, построенный для прохода посѣтителей въ ненастное время; кратчайшій-же путь въ вокзалъ идетъ по широкимъ каменнымъ ступенькамъ къ садовому крыльцу или, такъ-называемой, каменной террасѣ. На постройкѣ этой террасы находятся четыре длинныя чугунныя доски съ надписями 1707 и 1776 годовъ. Первый годъ означаетъ годъ основанія липецкихъ чугунныхъ заводовъ и открытія липецкихъ минеральныхъ водъ, а второй годъ—время перестройки этихъ заводовъ.

Съ террасы входятъ первоначально въ комнату, называемую „подъ аркою", гдѣ помѣщаются библіотека, архивъ и лѣтомъ лежатъ журналы и газеты. Самъ вокзалъ не отличается удобнымъ устройствомъ или изяществомъ: это длинная, большая зала безъ всякихъ украшеній, уставленная хорошею дубовою мебелью; средина залы двухъэтажная съ хорами для музыкантовъ и для публики. Каменное, довольно красивое зданіе вокзала минеральныхъ водъ построено около двадцати лѣтъ тому назадъ. Прежній-же вокзалъ, или, какъ онъ тогда назывался, галлерея, былъ деревянный, сгнилъ, проданъ былъ съ аукціона за 75 р. и находился на другой сторонѣ рѣчки Липовки между заведеніемъ минеральныхъ водъ и мѣстомъ „подъ березками" Прежній вокзалъ фасадомъ, какъ и ванны, былъ обращенъ къ соборной горѣ, а часть сада до ограды служила подъѣзднымъ дворомъ и нынѣ составляетъ лучшую часть нижняго сада минеральныхъ водъ.

Изъ нынѣшняго вокзала каменная терраса ведетъ на небольшую площадку, обсаженную акаціями и замкнутую двумя павильонами, выстроенными одинъ для моднаго магазина и галантерейной лавки, а другой—для фотографіи; отъ этой площадки направо идетъ широкая аллея къ насыпной крутой горѣ, на которой стоитъ бесѣдка для музыкантовъ. Если обогнуть гору, то можно выйти на аллею, идущую въ глубь сада отъ главнаго минеральнаго колодца и приводящую къ круглой площади, обсаженной деревьями, уставленной скамейками и украшенной цвѣтами, гдѣ публика собирается слушать музыку. Южнѣе этой площади находится лабиринтъ дорожекъ, обсаженныхъ акатникомъ, и составлявшихъ прежде настоящій садъ минеральныхъ водъ. На сѣверъ отъ площадки течетъ Липовка съ красивымъ, каменнымъ мостикомъ, построеннымъ на мѣстѣ обветшалаго „моста любви", а прямо разстилается великолѣпная аллея, такъ-называемая „большая аллея" нижняго сада, гдѣ во всѣ часы знойнаго дня сохраняется тѣнь. Эта аллея проходитъ чрезъ весь паркъ до самаго озера, но устроена только до мостика, виднѣющагося въ концѣ ея. Этотъ мостикъ перекинутъ аркою черезъ рѣчку и отличается высотою и узкостью, такъ что на немъ можно пройти только одному человѣку. Онъ названъ въ соотвѣтствіе къ предшествующимъ ему двумъ мостамъ—pont de périls (опаснымъ мостомъ), потому что высокъ и ведетъ въ глушь. „Большая аллея" вырублена въ глухомъ ветловомъ лѣсу, такъ что „мостъ любви", бывшій прежде крайнимъ мѣстомъ сада, проведеніемъ большой аллеи и расчисткою лѣса для устройства огороднаго заведенія, сдѣлался центромъ сада и самымъ виднымъ его мѣстомъ. Огородное заведеніе позади лабиринта соединяется съ вокзаломъ большою дорогою, идущею вдоль южной ограды сада. При этой дорогѣ устроенъ паркъ.

Если пройти чрезъ каменный мостикъ на лѣвый берегъ Липовки, то по лѣвой рукѣ откроется длинная, широкая аллея, обсаженная бальзамическими тополями и ведущая „подъ березки". Направо отъ мостика находится зданіе минеральныхъ ваннъ, подъ среднимъ окномъ западной стѣны котораго находится длинная чугунная доска, вдѣланная въ стѣну и представляющая въ горельефѣ большую кисть руки и обыкновенный плотничій топоръ. Эта доска найдена была въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія неизвѣстно въ которомъ мѣстѣ Липецка и, по преданію, представляетъ оттискъ руки Петра Великаго и любимаго его инструмента. Извѣстно, что императоръ живалъ на липецкихъ заводахъ и работалъ на нихъ, свидѣтельствомъ чего могутъ служить желѣзная полоса, стянутая имъ собственноручно, съ надписью, а также шкапъ и точеная балюстрада, сгорѣвшіе вмѣстѣ съ дворцомъ Петра Великаго въ 1860 году. Доска съ рукой и топоромъ, равно какъ и доски съ надписями, лежали въ кучѣ „подъ березками" до 1805 года, когда, при перестройкѣ зданія ваннъ, были вдѣланы въ стѣну. Само зданіе ваннъ принадлежитъ къ старымъ постройкамъ и существуетъ болѣе шестидесяти лѣтъ. Первоначально оно было выстроено длиннымъ обыкновеннымъ корпусомъ съ полукруглыми окнами и высокою желѣзною крышею и тоже было обращено фасадомъ къ собору. Средина зданія безъ пола и потолка вмѣщала большую печь съ гигантскимъ котломъ,

Видъ ключей каменнаго лога. Городской соборъ. Памятникъ Петру I. Главный колодезь минеральныхъ водъ. Церковь времени Алексѣя Михайловича въ Монастырской слободѣ.

ВИДЫ ГОРОДА ЛИПЕЦКА.

въ которомъ нагрѣвали для ваннъ минеральную воду и откуда она проводилась чугунными трубами во всѣ части купальнаго заведенія. По обоимъ концамъ зданія было по десяти нумеровъ съ деревянными ваннами. До такого первобытнаго устройства купаленъ, больные, не имѣвшіе и его, сами строили себѣ у источниковъ палатки и, по словамъ Пфеллера, купались въ посудѣ, привезенной изъ дома. Больные, купаясь въ свѣжей водѣ, употребляли ее минеральною, между тѣмъ какъ при кипяченіи ея въ котлахъ она разлагалась, такъ что время купанья въ палаткахъ было временемъ славы Липецкихъ водъ въ 1801 — 1805 годахъ, а во время нагрѣванія воды больные принимали только обыкновенныя теплыя ванны. Въ 1865 году пользованіе для купанья минеральными водами было совершенно преобразовано, такъ что минеральная вода накачивается прямо изъ колодца въ ванну каждаго нумера, которая уже нагрѣвается по мѣрѣ надобности проведенною паровою трубкою. Съ тѣмъ вмѣстѣ деревянныя ванны были замѣнены кафельными и чугунными, внутри глазурованными. Мѣсто передъ зданіемъ ваннъ, бывшее прежде выгономъ, нынѣ обращено въ богатый цвѣтникъ, усаженный деревьями, а передъ самымъ подъѣздомъ ваннъ устроенъ фонтанъ для отвода лишней воды.

Въ самомъ началѣ открытія минеральныхъ водъ въ Липецкѣ были извѣстны уже три источника: главный, вытекающій въ подгорьѣ на правомъ берегу Липовки, который прежде всѣхъ обратилъ на себя вниманіе и былъ обстроенъ деревяннымъ срубомъ уже въ 1802 году, замѣненнымъ въ 1818 году каменною обстройкою и павильономъ, и два пониже его лежащіе, не столь обильные водою, но почти одинаковыхъ съ нимъ качествъ. Они употреблялись также и для ваннъ, но когда стало пріѣзжать много больныхъ, то необходимость заставила искать живоносныхъ ключей далѣе, и тогда въ 1809 году нашли на лѣвомъ берегу Липовки рѣчку минеральной воды до того обильную, что на ней можно было построить купальни, существующія до настоящаго времени. Затѣмъ, однако-же, этой воды оказалось недостаточно, и тогда устроили трубы отъ первыхъ источниковъ, чтобы и отъ нихъ проводить воду въ бассейнъ при ваннахъ. Весною 1866 года случайно былъ открытъ новый ключъ минеральной воды въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ваннъ и притомъ до того обильный, что онъ почти удвоилъ количество воды въ бассейнахъ. Этотъ источникъ названъ „счастливымъ", а старые источники при ваннахъ названы „Башмаковскими", въ память Сергѣя Дмитріевича Башмакова, содѣйствовавшаго образованію общества липецкихъ минеральныхъ водъ и, слѣдовательно, ихъ переустройству и обновленію.

Въ 1836 году петербургскій купецъ Павелъ Небученовъ заявилъ желаніе соорудить въ Липецкѣ на свои средства памятникъ императору Петру Великому близъ минеральнаго источника, въ воспоминаніе открытія его этимъ монархомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и учрежденія чугуноплавильнаго литейнаго завода и основанія города Липецка. На этомъ памятникѣ находится слѣдующая надпись: „Незабвенному вездѣ и во всемъ великому отцу отечества, императору Петру Первому, основателю нашего города, указавшему въ немъ новые цѣлебные источники и новыя средства богатства народнаго".

Полагаютъ, что нынѣшній Липецкъ возникъ на мѣстѣ болѣе древняго города, бывшаго резиденціею липецкихъ князей, о которыхъ упоминается въ лѣтописяхъ XIII вѣка. Въ концѣ XVII вѣка на мѣстѣ нынѣшняго города существовало село Липовка, окрестность котораго изобиловала желѣзными рудами. Императоръ Петръ, заводя флотъ на югѣ Россіи, обратилъ вниманіе на эти руды и вслѣдствіе того основалъ здѣсь чугунный заводъ, отливавшій военные снаряды и разныя принадлежности для флота. Петръ I, посѣщая заводъ, открылъ и цѣлебныя воды, при которыхъ выстроилъ для себя дворецъ, сгорѣвшій въ 1806 году. Въ 1755 году, липецкій заводъ вмѣстѣ съ другими заводами въ Тамбовской губерніи былъ подаренъ князю Рѣпнину, но въ 1769 году отобранъ былъ обратно въ казну. Этотъ заводъ былъ закрытъ съ основаніемъ Луганскаго завода въ Екатеринославской губерніи. Въ 1779 году село Липецкіе-Заводы обращено было въ уѣздный городъ Тамбовскаго намѣстничества.

Выдающееся мѣсто, какъ по своей населенности (40,347 ж.), такъ и по фабрично-заводской дѣятельности, особенно же по суммѣ торговыхъ оборотовъ занимаетъ въ Тамбовской губерніи г. *Козловъ*.

Въ послѣднемъ отношеніи Козловъ первенствуетъ въ губерніи.

Въ мѣстности нынѣшняго Козлова въ 1627 г. отшельникъ Іосифъ устроилъ на берегу Воронежа обитель для монаховъ, вскорѣ переименованную въ Троицкій монастырь, существующій понынѣ. При немъ въ 1636 году была построена деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы. Въ 1687 г. ее замѣнили каменною послѣ того, какъ въ 1672 г. при монастырѣ построили Успенскую церковь.

Заложеніе Козлова относится къ 1636 г., когда на мѣстѣ этого города по приказанію царя Михаила Θеодоровича возвели крѣпость для охраны отъ набѣговъ татаръ. Несмотря на опасное положеніе Козлова, въ немъ уже съ самаго начала заселенія развилась сравнительно значительная торговля, но увеличеніе числа жителей происходило до того медленно, что, по свѣдѣніямъ 1781 г., въ немъ было только 776 жителей. Самое могущественное вліяніе на процвѣтаніе Козлова имѣло проведеніе желѣзныхъ дорогъ, соединившихъ его со всѣми областями имперіи. Изъ Козлова отправляются по желѣзнымъ дорогамъ до 5,600,000 пудовъ хлѣбныхъ грузовъ, въ томъ числѣ значительное количество подсолнечнаго и конопляннаго сѣмени, болѣе 200,000 пудовъ мяса въ вагонахъ-ледникахъ, 256,000 куриныхъ яицъ, много рогатаго скота, свиней и лошадей, сала и т. д. По этому видно, что торговля въ Козловѣ преимущественно отпускная.

Чтобы облегчить торговлю хлѣбными товарами, въ Козловѣ съ 1891 г. открытъ элеваторъ, вмѣщающій 300,000 пудовъ зерна, а для споспѣшествованія торговымъ операціямъ въ городѣ находятся четыре кредитныя учрежденія: отдѣленіе государственнаго банка, общество взаимнаго кредита и коммисіонерства Русскаго торгово-промышленнаго и С.-Петербургско-Азовскаго банковъ.

Таковы мѣстныя условія производства, быта, торговли, которыя обусловливаютъ и обезпечиваютъ блестящее настоящее и еще болѣе блестящее торговое будущее Козлова. Онъ растетъ страшно быстро. За послѣднее десятилѣтіе населеніе его удвоилось. Это городъ въ полномъ смыслѣ этого слова—городъ купцовъ-мукомоловъ, купцовъ-прасоловъ и купцовъ—лошадиныхъ барышниковъ. То, что мы всѣ привыкли называть „интеллигенціей", тамъ совершенно не существуетъ, т.-е. процентъ ея до такой степени ничтоженъ, что его совсѣмъ и незамѣтно даже,—ея нѣтъ... Поразительнѣе всего отсутствіе сколько-нибудь развитой молодежи. Дѣти самыхъ крупныхъ мѣстныхъ купцовъ — такія-же точно полуграмотныя и даже совсѣмъ почти безграмотныя, какъ и ихъ отцы—старики-мильонеры. Они не соблазняются даже тѣмъ внѣшнимъ лоскомъ, до котораго такъ падко невѣжество: ни цилиндровъ, ни бобровъ, ни пестрыхъ пиджаковъ, ни головъ, завитыхъ „капулемъ" или „барашкомъ", — все это вовсе не встрѣчается. Это все люди — съ утра до ночи, отъ мала до велика, погруженные въ расчеты и соображенія о покупкѣ и продажѣ хлѣба, муки, масла, сала, лошадей, пшена и проч. Въ этомъ отношеніи я не видывалъ никогда ничего подобнаго. Молодые люди—совсѣмъ безъ развлеченій и безъ увлеченій,—молодые старики...

Козловъ расположенъ въ живописной мѣстности на берегу Воронежа и его притока Каменки и въ немъ болѣе 3,800 домовъ, въ томъ числѣ 14 православныхъ храмовъ и одинъ мужской монастырь.

Издали, такъ верстъ за пять, когда подъѣзжаешь къ нему, Козловъ кажется очень красивымъ городомъ. На горѣ много церквей, каменныхъ домовъ и все это бѣлаго цвѣта. Издали Козловъ съ своими бѣлыми церквами и домами кажется, вырисовавшись на чистомъ голубомъ небѣ, какой-то мраморной моделью какого-нибудь большого города, поставленной на высотѣ пьедестала. Такъ обманчивъ его видъ издали. Подъѣзжая же ближе или ужъ окончательно въѣхавъ въ него, васъ поражаетъ, напротивъ, невозможная грязь.

Дома всѣ выкрашены въ бѣлый цвѣтъ. Издали, какъ я сказалъ, это очень красиво; вблизи же отъ этого они кажутся еще грязнѣй, такъ какъ малѣйшая грязь на нихъ видна, разумѣется, еще скорѣй.

Передъ этими бѣлыми домами съ утра до вечера стоятъ сплошными рядами, цѣлыми вереницами подводы съ кулями муки, пшена, овса. Все—и лошади, и возницы, и телѣги, и земля подъ телѣгами, на которой онѣ стоятъ,—перепачкано мукой и тоже значитъ бѣлое.

Такой массы лавокъ и лабазовъ съ мукой и вообще съ хлѣбомъ вы не найдете нигдѣ, ни въ одномъ городѣ.

Къ сѣверо-западу отъ г. Козлова лежитъ г. *Лебедянь*. Съ основаніемъ этого города связаны преданія о разбойникахъ Кунамѣ, Русѣ, Тяпкѣ, Баѣ, Наянѣ, Тарасѣ и Кудоярѣ. По этому преданію, Кунамъ разбойничалъ на мѣстѣ нынѣшняго города Лебедяни. Онъ жилъ въ земляномъ городкѣ и имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ младшаго звали Руса, а старшаго Тяпка, потому что онъ былъ рубака, отличавшійся силою и ловкостью. Гора, находящаяся при въѣздѣ въ городъ съ восточной стороны, донынѣ называется Тяпкиною горою. Оба брата, подъ руководствомъ Кунама, вторгались для грабежей въ татарскіе предѣлы и одно имя ихъ возбуждало у татаръ страхъ и ужасъ, вслѣдствіе производимыхъ разбойниками опустошеній. Кунамъ, будучи уже въ преклонныхъ годахъ, былъ убитъ въ борьбѣ съ какимъ-то татарскимъ богатыремъ, и надъ останками его Тяпка и Руса насыпали высокій курганъ, въ десяти верстахъ отъ Лебедяни. Сыновья Кунама, по смерти отца, приняли иночество отъ пустынника, жившаго въ лѣсу на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Лебедянскій Троицкій монастырь, и поселились близъ его кельи. Съ тѣмъ вмѣстѣ свой городокъ они поручили защитѣ шайкѣ разбойниковъ, которые прекратили къ тому времени свои грабежи. Такимъ образомъ городокъ ихъ обратился въ сторожевой, изъ котораго наблюдали за движеніями татаръ въ предѣлахъ Россіи.

Что касается до разбойника Бая, то онъ сперва жилъ открыто въ 20 верстахъ къ востоку отъ нынѣшняго Липецка, на высокомъ берегу рѣчки, который донынѣ прозывается Баева Гора или Байгора, а рѣчка извѣстна подъ именемъ Бая. Когда край сталъ постепенно заселяться и новые люди захватывали въ свою собственность лучшія привольныя земли, Бай принужденъ былъ укрыться въ тогдашніе дремучіе лѣса, гдѣ вырылъ обширное подземелье со многими входами и выходами, отправлялся оттуда на преступный промыселъ съ шайкою, составленною изъ бѣглецовъ, спасшихся отъ плахи изъ рязанскаго и московскаго княжествъ. Обобравши пойманныхъ путниковъ, разбойники приводили ихъ къ Товолжанскимъ ключамъ, гдѣ была пропасть, ставили повозку съ людьми на крутомъ берегу пропасти, ударяли по лошадямъ и отправляли всѣхъ въ бездонный водоворотъ.

Наянъ и Тарасъ, проживали, по словамъ преданія, въ двухъ верстахъ отъ села Добраго, въ то время еще не существовавшаго. Про Тараса существуютъ разсказы, что онъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и колдунъ, потому что, разославъ свой кафтанъ на водѣ рѣки Лѣсного Воронежа, онъ садился на него и приплывалъ къ прибрежнымъ селеніямъ для сбора съѣстныхъ припасовъ и другихъ предметовъ. Войска, высланныя для поимки Тараса, могли подходить къ чародѣю только на ружейный выстрѣлъ, при чемъ ружья ихъ не наносили разбойнику никакого вреда. Только когда къ войскамъ присоединился какой-то священникъ, зарядившій пищаль пуговицами своей рясы, разбойникъ былъ ими убитъ.

Кудояръ, по словамъ народнаго преданія, разбойничалъ съ многочисленною шайкою близъ села Владимірскаго или Гудова и жилъ въ городкѣ, отъ котораго остались донынѣ два вала, длиною болѣе ста саженъ, вышиною около трехъ саженъ. По преданію, этимъ городкомъ овладѣли затѣмъ донскіе казаки и истребили всѣхъ разбойниковъ.

По другимъ болѣе достовѣрнымъ преданіямъ, первымъ поселенцемъ на мѣстѣ нынѣшняго города былъ отшельникъ Петръ, для котораго построена была церковь св. Иліи, положившей начало нынѣшнему монастырю, извѣстному въ XVII вѣкѣ подъ именемъ Яблоновой пустыни.

Вообще надо полагать, что городъ существовалъ уже въ XV столѣтіи, когда по Дону и его притокамъ стали строиться укрѣпленія для охраны отъ вражескихъ набѣговъ. Въ началѣ XVII столѣтія Лебедянь представляла собственно рубленый городъ, стѣны котораго были сооружены изъ корабельнаго лѣса, росшаго въ изобиліи по берегамъ Дона и по его притокамъ, но въ половинѣ XVII вѣка этотъ городъ сгорѣлъ и вмѣсто него въ 1654 году былъ построенъ новый деревянный на сухомъ и гористомъ мѣстѣ. Въ 1663 г. Лебедянь вновь подвергся сильному пожару, при чемъ сгорѣла и церковь Рождества Богородицы. Около 1678 г. Лебедянь былъ уже уѣзднымъ городомъ.

Лебедянь расположенъ на правомъ, крутомъ, высокомъ берегу Дона, въ 201 верстѣ къ западу отъ Тамбова, отличается красивымъ мѣстоположеніемъ и широкими, длинными улицами. Къ городу примыкаютъ слободы: Кузнецкая, Стрѣлецкая, Пушкарская, Покровская, Подмонастырская.

Въ городѣ находятся семь православныхъ церквей и Лебедянскій Троицкій мужской монастырь. Своею архитектурою и величиною отличается Казанскій новый соборъ, построенный на мѣстѣ двухъ деревянныхъ церквей, во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія и св. чудотворца Николая, которыя въ 1768 году совершенно обветшали.

Три каменныя церкви, во имя Рождества Іисуса Христа, Рождества Богородицы и Покрова Пресвятыя Богородицы, построенныя въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, замѣчательны своею древнею архитектурою. На мѣстѣ Лебедянскаго Троицкаго монастыря, по устнымъ преданіямъ, существовала небольшая двухъэтажная церковь во имя пророка Иліи, построенная атаманомъ Тяпкою со своими сообщниками для какого-то пустынника Петра, жившаго въ ея нижнемъ этажѣ, а въ верхнемъ отправлявшаго божественную службу. По смерти священника Петра, церковь обѣднѣла и кельи опустѣли. По прошествіи многихъ лѣтъ послѣ того, бояринъ Θедоръ Никитичъ Романовъ, скрываясь отъ гоненій Бориса Годунова, возобновилъ церковь пророка Иліи, въ продолженіе нѣкотораго времени жилъ подъ нею, принялъ иночество подъ именемъ Филарета, былъ взятъ и представленъ царю Борису Годунову. Увидя его монахомъ, царь повелѣлъ его отправить въ холмогорскій монастырь Антона Сійскаго подъ строгій надзоръ. Когда же инокъ Филаретъ сдѣлался патріархомъ московскимъ, тогда онъ благословилъ въ 1621 году монаха Савватія, искавшаго жизни въ пустыни, устроить при городѣ Лебедяни въ темномъ Романцевскомъ лѣсу обитель для иноковъ. Савватій первоначально соорудилъ каменную церковь во имя Успенія Божія Матери и соединилъ съ нею каменную колокольню въ три яруса съ пирамидальнымъ верхомъ, а затѣмъ выстроилъ всѣ службы и кельи, и всѣ зданія обнесъ оградою изъ крупнаго кирпича, съ амбразурами и бойницами, вышиною въ три сажени, а толщиною въ одну сажень. Въ 1764 году этотъ монастырь былъ упраздненъ послѣ пожара, оставившаго въ немъ только церковныя стѣны, службы, ограду, нѣсколько церковной утвари, ризницы и мѣстные образа. Въ 1768 году въ монастырь этотъ былъ перемѣщенъ Троицкій Елецкій монастырь, съ оставленіемъ за нимъ степени третьяго класса и наименованія Елецкій.

Г. Лебедянь. Дворянская улица.

Что касается до торговаго значенія Лебедяни, то около 1678 года въ немъ на Дону строились струги (барки) и запасался хлѣбъ для отправки на Донъ. Въ настоящее время тор-

говля города оживляется во время ярмарокъ, пріобрѣвшихъ значеніе вслѣдствіе положенія города на границѣ губерній: Тамбовской, Воронежской, Рязанской, Орловской и Тульской. Крещенская и покровская ярмарка продолжаются по мѣсяцу, а троицкая шесть дней. Прежде эти ярмарки, особенно до сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ, славились своимъ многолюдствомъ и своими оборотами, но и нынѣ привозъ товаровъ на всѣ три доходитъ до двухъ милліоновъ рублей, изъ которыхъ половина продается. Многіе изъ домовладѣльцевъ, особенно вблизи ярмарочной площади, жили только деньгами, получаемыми отъ отдачи своихъ помѣщеній пріѣзжавшимъ на ярмарки, отъ лошадей, пригоняемыхъ на ярмарки и для постоя которыхъ при гостиномъ дворѣ были постоялые конскіе дворы. По пригону огромнаго числа заводскихъ и табунныхъ казачьихъ и другихъ лошадей, лебедянскія ярмарки, особенно покровская, занимали первое мѣсто въ Россіи, да и теперь имѣютъ еще важное значеніе. Виднымъ товаромъ на этой ярмаркѣ бываетъ вороной битюгъ, съ сильнымъ, рѣшительнымъ ходомъ, крѣпкій, низкій, на мускулистыхъ ногахъ, съ густымъ хвостомъ и такою же гривою. Но и породы другихъ нашихъ лошадей имѣютъ своихъ представителей на лебедянскихъ конныхъ ярмаркахъ. Ремонтеры, землевладѣльцы, коннозаводчики, крестьяне, барышники, столичные содержатели извознаго промысла, цыгане, мелкіе сводчики, перекупщики кишатъ пестрою толпою на конныхъ ярмаркахъ, стараясь купить подешевле дорогого коня и продать дороже лошадь съ какимъ-нибудь порокомъ.

Г. Лебедянь. Казанскій соборъ.

Близъ впаденія рѣчки Пурсавки въ Ворону находится *Кирсановъ*. Городъ возникъ вслѣдствіе устройства въ началѣ XVIII вѣка Красинскаго желѣзнаго завода, уничтоженнаго въ 1733 г. Первымъ поселенцомъ тутъ былъ крестьянинъ Хрисанфъ, называвшійся въ просторѣчіи Кирсанъ Зубахинъ, по имени котораго названъ и поселокъ, который съ 1779 г. сдѣлался городомъ. Въ немъ 5 церквей. Торговля города преимущественно отпускная. Въ 1894 г. однихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній по желѣзной дорогѣ (изъ Тамбова въ Саратовъ) отправлено 2,800,000 пудовъ.

На судоходной рѣкѣ Мокшѣ расположенъ городъ *Темниковъ* (5,737 ж.) У монголовъ существовала должность „темниковъ" или десятитысячниковъ, а потому полагаютъ, что городъ получилъ свое названіе по этой должности. По другимъ догадкамъ, названіе города производятъ отъ дремучихъ лѣсовъ, окружавшихъ его. При бунтѣ Стеньки Разина, Темниковъ оказался на его сторонѣ.

Городъ торгуетъ преимущественно лѣсомъ, но не имѣетъ большого значенія въ торговомъ отношеніи, хотя и расположенъ на судоходной рѣкѣ.

Въ 8 верстахъ отъ нынѣшняго города лежитъ село Старое Городище или Старый городъ, при рѣкѣ Мокшѣ, которое, по догадкамъ, находится на мѣстѣ первоначальнаго Темникова, перенесеннаго на нынѣшнее въ 1536 г.; но въ этомъ селѣ не сохранились никакіе остатки древнихъ построекъ или укрѣпленій. Въ 37 верстахъ отъ Темникова, въ предѣлахъ его уѣзда, при сліяніи рѣки Саровки съ Сатисомъ, на горѣ, находится Саровская (Сатиро-Градо-Саровская) мужская пустынь. На мѣстѣ ея въ концѣ XIV вѣка находился татарскій городокъ Сараклычь, имѣвшій особаго владѣтеля, бывшаго въ зависимости отъ хановъ Золотой Орды. Съ паденіемъ послѣдней, городокъ былъ покинутъ. Въ концѣ XVII столѣтія окрестныя съ этимъ городи-

щемъ земли находились во владѣніи князя Даніила Ивановича Кугушева. На его пустынныхъ и необитаемыхъ земляхъ, стали селиться разные отшельники. Изъ Арзамаса, между прочимъ, явился схимонахъ Іоаннъ (Искапій), который испросилъ у князя Кугушева необходимое количество земли и началъ въ 1699 году постройку келіи, а въ горѣ выкопалъ пещеры. Въ это же время было начато сооруженіе церкви Живоноснаго Источника Божіей Матери. Пустынь принадлежитъ въ настоящее время къ первымъ въ епархіи. Въ монастырѣ находится 8 церквей, изъ которыхъ церковь во имя всѣхъ Кіево-печерскихъ чудотворцевъ основана въ пещерахъ, находящихся подъ самымъ монастыремъ со многими галлереями, длиною до 300 саженъ. Пещеры окончены были въ 1711 году, по ихъ сторонамъ устроены келіи, въ которыхъ прежде жили иноки. Успенскій соборъ, находящійся внутри монастыря, и построенный во второй

Г. Лебедянь. Видъ на Тяпкину гору.

половинѣ XVIII столѣтія, отличается изящною и величественною архитектурою. Церковь Живоноснаго Источника Божіей Матери существуетъ съ 1705 года, но въ 1844 г. была перестроена. Въ ней хранится чудотворная икона Пресвятой Богородицы съ изображеніемъ Ея явленія на живоносномъ источникѣ. Она была принесена въ монастырь его основателемъ Іоанномъ. Замѣчателенъ также древній, патріаршій іерусалимскій крестъ съ частицами мощей разныхъ святыхъ, присланный сюда фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ.

Бывшій городъ *Романовъ*, нынѣ село Липецкаго уѣзда, красиво расположенъ на высокомъ правомъ берегу рѣки Воронежа. Весь правый берегъ рѣки составляетъ безпрерывную цѣпь высокихъ утесистыхъ горъ, которыя образуютъ почти правильную дугу. На вершинахъ этихъ горъ расположены разныя селенія. При самой подошвѣ горъ извивается рѣка Воронежъ, лѣвый берегъ котораго составляетъ въ этой мѣстности низкую, ровную долину, окруженную горами. Рѣка образуетъ во многихъ мѣстахъ острова. Въ срединѣ Романова, за гребнемъ горы,

находятся два огромные кургана, почти равные съ горою. На поверхности кургановъ находятся небольшія площадки. По преданію, на этихъ курганахъ, насыпанныхъ основателями города, были сдѣланы укрѣпленія, а на одномъ былъ устроенъ монастырь, подъ названіемъ Красногорской пустыни. Нынѣ здѣсь находится кладбище съ небольшимъ деревяннымъ строеніемъ. Слѣды погребовъ и выходовъ монастырскихъ сохранились до настоящаго времени. Въ полуверстѣ отъ Романова, на возвышенномъ мѣстѣ, существовалъ въ древности бражскій теремъ, или, по народному, дворецъ. Теперь онъ совершенно разрушенъ; остался только колодецъ, изъ котораго жители пользуются лучшею водою. Надъ колодцемъ находится деревянная часовня съ ветхими образами, съ которыхъ сошли краски. По преданію, въ этомъ дворцѣ, выстроенномъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ, было пребываніе бояръ Романовыхъ. На этомъ мѣстѣ жители съ давняго времени находили въ землѣ разныя металлическія вещи. Противъ бывшей крѣпости, по обѣимъ сторонамъ рѣки Воронежа, видны еще признаки бывшей въ Романовѣ воеводской канцеляріи.

По народному преданію, въ XVI столѣтіи прибыли въ этотъ край два знаменитые боярина, братья Романовы. Одинъ изъ нихъ, старшій, построилъ городъ Ржавецъ, нынѣ село Воронежской губерніи, гдѣ и скончался, а младшій основалъ городъ Романовъ на рѣкѣ Воронежѣ. Основаніе Красногорской пустыни и боярскаго дворца приписывается патріарху Филарету Никитичу. Въ настоящее время въ селѣ болѣе 7000 жителей и около 700 домовъ.

Съ происхожденіемъ города *Кадома* (6,361 ж.) связана одна легенда, временъ Батыя. Около времени татарскаго нашествія, христіанская дѣвушка Васса находилась рабою въ плѣну у мордвы. Преслѣдуемая хозяйскимъ сыномъ, она бѣжала и, достигнувъ лѣваго берега Мокши, перекрестясь, бросилась въ рѣку съ намѣреніемъ утопиться, но была чудеснымъ образомъ спасена и выкинута на правый берегъ рѣки. Очнувшись, она пошла отъ берега по дремучему лѣсу, съ трудомъ взошла на гору, гдѣ теперь находится кладбищенская церковь Кадома, утолила голодъ, набравъ орѣховъ и наломавъ дягили (зори), а потомъ отыскала въ каменной горѣ разсѣлину, гдѣ и пріютилась. Наступившіе холода заставили ее укрыть и загородить свое убѣжище. Она постепенно обжилась съ лишеніями и рѣшилась посвятить себя пустынной жизни. Проведя много лѣтъ въ этомъ отшельничествѣ, она сдѣлалась извѣстною жителямъ окрестныхъ христіанскихъ селеній, принадлежавшихъ тогда къ рязанскому княжеству, которые приходили къ ней за благими совѣтами или для исцѣленія недуговъ. Васса прославилась также даромъ предсказаній. Приходившимъ съ разныхъ сторонъ къ Вассѣ поклонникамъ понравилась эта мѣстность и они стали на ней селиться. Послѣ кончины отшельницы, это новое поселеніе получило названіе „Какъ домъ", въ воспоминаніе ея пещеры, теплой „какъ домъ".

Въ шести верстахъ отъ города, вверхъ по Мокшѣ, на томъ же берегу, существуетъ село Старый Кадомъ; но это селеніе не считаютъ возможнымъ принимать за родоначальника города, по неимѣнію въ немъ ни малѣйшихъ признаковъ древнихъ каменныхъ построекъ; нѣтъ никакихъ оградъ и валовъ; церковь въ селѣ деревянная. Жители нынѣшняго Кадома жмутся со своими домами подлѣ горы, между тѣмъ какъ за двѣ версты отъ нынѣшняго города лежитъ городское предмѣстіе Бѣлое на берегу чистаго и глубокаго озера, на сухомъ, песчаномъ грунтѣ.

Усмань (9,843 ж.) основанъ въ 1646 г. на рѣкѣ Усмани. Это названіе татарское и значитъ красавица. По преданію, такое названіе рѣки, протекавшей посреди дремучихъ лѣсовъ, имѣетъ романтическое происхожденіе. У начальника орды, расположившейся у береговъ рѣки, была дочь, отличавшаяся необыкновенною красотою. Различные татарскіе витязи, славившіеся своею храбростью и удальствомъ, тщетно старались покорить сердце красавицы: она всѣмъ отказывала. Отца ея особенно огорчило то, что дочь отказала также знатному князю, съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ. Отвергнутый же князь, никакъ не ожидавшій отказа, обидился, и дружба между нимъ и отцомъ красавицы охладѣла. Сожалѣя о такомъ разрывѣ и желая

возстановить прежнюю дружбу, отецъ всѣми средствами пытался склонить дочь дать свое согласіе. Однако, ни просьбы, ни угрозы не могли поколебать рѣшенія дѣвушки. Находя такое поведеніе дочери необъяснимымъ, отецъ сталъ внимательно присматривать за нею, и тогда скоро открылъ настоящую причину ея упорства. Оказалось, что она любила молодого татарина, служившаго у ея отца и пользовавшагося его благосклонностью, при чемъ молодые люди часто имѣли случай видѣться, такъ какъ молодая дѣвушка, наперекоръ мусульманскимъ обычаямъ, была съ отцомъ почти неразлучна и не оставалась взаперти, какъ это водится съ женщинами у татаръ.

Однажды отецъ засталъ свою дочь съ ея возлюбленнымъ въ лѣсу, на берегу рѣки. Раз-

Видъ города Борисоглѣбска, Тамбовской губ. (Фотографія съ натуры).

гнѣванный, онъ закалываетъ своего слугу за злоупотребленіе оказаннымъ ему довѣріемъ, а пораженная горемъ и отчаяніемъ дѣвушка, запечатлѣвъ бездыханному возлюбленному послѣдній поцѣлуй, такъ стремительно побѣжала къ рѣкѣ, что никто не успѣлъ остановить ее. Несчастная бросилась въ воду и съ той поры рѣка называется Усманью.

Въ Усмани четыре церкви: Соборная, Пятницкая, Косьмодаміанская и Покровская. Кромѣ того существуетъ Дѣвичій монастырь. Противъ собора находится городская управа и общественный банкъ, а на площади въ центрѣ города больницы и земская управа. Преобладающее занятіе усманцевъ составляетъ мелочной торгъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Усмани желѣзная дорога проведена между двумя стѣнами, которыя верстахъ въ двухъ отъ города теряются въ поляхъ. Онѣ представляютъ остатки земляныхъ стѣнъ толщиною въ 1—3 сажени, тянувшихся на протяженіи между Усманью мимо Тамбова до Козлова и составлявшихъ знаменитую Тамбовскую черту. Это сооруженіе имѣло

черезъ 300—400 саженъ бастіонные выступы. Черта имѣла во времена татарскихъ набѣговъ большое значеніе. Когда разставленные по ней сторожа замѣчали приближеніе враговъ, они зажигали вѣстовые огни, и тогда царскіе ратные люди спѣшили къ угрожаемому мѣсту.

На лѣвомъ берегу рѣки Вороны, въ 5 верстахъ отъ ея впаденія въ Хоперъ, расположенъ *Борисоглѣбскъ* (22,370 ж.), у Грязе-Царицынской желѣзной дороги. Городъ былъ построенъ въ 1645—1650 гг. для защиты отъ набѣговъ татаръ. Когда Петръ Великій намѣревался покорить Азовъ, онъ избралъ Борисоглѣбскъ мѣстомъ для заготовки лѣса для постройки каботажныхъ судовъ, что и послужило росту населенія города и развитію въ немъ промышленности. Положеніе города довольно выгодное, потому что рѣка Ворона соединяетъ его съ портами Азовскаго и Чернаго морей. Оттого къ нему привлекались произведенія не только всего уѣзда, но и всей южной половины Тамбовской губерніи. Въ Борисоглѣбскѣ су-

Видъ города Моршанска, Тамбовской губ.—Рисунокъ Б. Подбѣльскаго.

ществуетъ близъ Хопра пристань, называемая Хоперскою, на которой лѣтъ тридцать тому назадъ еще грузилось очень много хлѣба и муки, но по проведеніи желѣзной дороги Борисоглѣбскъ соединился съ Царицыномъ, Приволжскимъ краемъ и портами Балтійскаго моря, вслѣдствіе чего быстро сдѣлался однимъ изъ самыхъ бойкихъ торговыхъ мѣстъ черноземной области. Отсюда отправляются хлѣбъ, лѣсъ, керосинъ, рыба, икра, арбузы и соль. Важное мѣстное значеніе имѣетъ въ Борисоглѣбскѣ трехдневная Казанская ярмарка, начинающаяся 6 іюля.

Моршанскъ (27,756 ж.) расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Цны; на мѣстѣ, гдѣ въ XVII вѣкѣ находилось село Морша, мимо его проведена Сызрано-Вяземская желѣзная дорога. Въ городѣ, кромѣ 11 православныхъ храмовъ, находятся 4 раскольничьи молельни. Главное занятіе жителей составляетъ торговля сельско-хозяйственными произведеніями, хлѣбомъ, скотомъ, мясомъ и пр., которая до проведенія желѣзной дороги была значительнѣе. Для лѣсной торговли на Цнѣ существуютъ 7 пристаней. Въ городѣ существуютъ: отдѣленіе государственнаго банка, общество взаимнаго кредита и городской общественный банкъ.

Воронежская губернія, занимающая 57,902 квадр. верстъ съ 2,546,255 жителями, только въ 1824 году получила настоящій свой составъ изъ 12 уѣздовъ послѣ того, какъ она нѣсколько разъ измѣнялась въ своихъ границахъ. Губернія представляетъ въ общемъ своемъ очертаніи фигуру довольно правильнаго четыреугольника съ двумя выступами въ углахъ сѣверозападномъ и сѣверовосточномъ, образуемыми уѣздами Задонскимъ и Новохоперскимъ. Воронежская губернія разрѣзывается рѣкою Дономъ на двѣ части, почти равныя по пространству, но различныя по характеру мѣстности. Западная половина пересѣчена невысокими кряжами мѣловыхъ горъ и оврагами; восточная половина не столь возвышена и довольно ровна. Изъ двухъ главныхъ кряжей мѣловыхъ горъ одинъ тянется вдоль праваго берега рѣки Нижней Дѣвицы до Дона и потомъ сопровождаетъ теченіе Дона, гдѣ особенно возвышается у Дивногорскаго монастыря, при впаденіи Тихой Сосны. Замѣчателенъ курганъ при селѣ Льцки, въ формѣ шатра, называемый Шатрище. Другой мѣловой кряжъ, южнѣе перваго, входитъ въ Воронежскую губернію изъ Курской, пересѣкаетъ уѣзды: Бирюченскій, Павловскій и Богучарскій. Пространство между этими рѣками и двумя мѣловыми кряжами представляетъ довольно возвышенную долину, по которой текутъ притоки Дона. Восточная или лѣвая половина губерніи вообще ровна, но пространство между рѣками Воронежемъ и Дономъ, въ Задонскомъ уѣздѣ и въ сѣверной части Воронежскаго уѣзда возвышено и пересѣчено крутыми и глубокими оврагами. Самою возвышенною частью въ Воронежской губерніи считается Задонскій уѣздъ.

Почва въ западной половинѣ губерніи черноземная, въ восточной супесчаная, но между рѣками Устюгомъ и Битюгомъ находится широкая полоса чернозема. На лѣвыхъ сторонахъ рѣкъ: Дона, Вороны, Бирюча и Хопра есть мѣстности, покрытыя сыпучими песками. Близъ Воронежа и Задонска находится известковоглинистый плитнякъ. На югѣ распространена мѣловая система. Въ губерніи есть известнякъ, богатый раковинами, и песчаникъ. Первый употребляется на мостовую, а изъ послѣдняго высѣкаютъ жернова и цоколи. Немного гранита, очень похожаго на финляндскій, находится на правомъ берегу Дона въ слободѣ Ново-Каменкѣ. Въ губерніи много различной глины, сукновальной, горшечной, кирпичной и огнеупорной. Немного желѣзной руды найдено въ сѣверной части Задонскаго уѣзда, а также въ Острогожскомъ и Павловскомъ уѣздахъ. Изъ ископаемаго топлива есть мѣстами только торфъ.

Значительныхъ озеръ и болотъ въ губерніи нѣтъ. Маленькія озера, образованныя сильными весенними разливами Дона, сопровождаютъ его теченіе. Болота занимаютъ незначительныя пространства по Дону, Воронежу, Усмани, Битюгу и Хопру. Только три рѣки, протекающія по губерніи, именно Донъ, Воронежъ и Хоперъ, судоходны, да и то не всегда и не вездѣ, а лишь по части своего теченія. Менѣе значительныхъ рѣкъ и рѣчекъ насчитывается до 250. На судоходныхъ рѣкахъ плаваютъ барки длиною до 22 и шириною до 5 саженъ, плоскодонные дощаники длиною въ 5 и шириною въ 2 сажени и бѣляны (ходящія только по Дону) размѣрами больше барокъ. Суда эти строятъ у Новохоперской и Павловской пристаней.

Плодородная почва, умѣренный, материковый климатъ, со степными оттѣнками и изобиліе земель включили Воронежскую губернію въ число самыхъ хлѣбородныхъ. Пахатной земли считается около 4 милліоновъ десятинъ. За мѣстнымъ потребленіемъ остается много хлѣба, который идетъ отчасти на винокуреніе, отчасти вывозится въ другія губерніи Россіи и за границу. По количеству посѣва первое мѣсто принадлежитъ ржи, которая занимаетъ двѣ трети всего озимаго посѣва, а въ яровомъ хлѣбѣ половина принадлежитъ овсу, а остальная часть другимъ хлѣбамъ, преимущественно пшеницѣ. Озимая пшеница сѣется болѣе всего въ сѣверныхъ и восточныхъ частяхъ губерніи, а яровая, турка или гарновка и гирка— въ уѣздахъ Павловскомъ, Острогожскомъ и Валуйскомъ. Въ послѣдніе годы посѣвы пшеницы, какъ болѣе дорогого хлѣба, постоянно спрашиваемаго за границу чрезъ азовскіе порты, уси-

лились. Кромѣ того сажаютъ много картофеля и разводятъ анисъ, подсолнечникъ, табакъ, дыни, арбузы и свекловицу.

Еще Петръ Великій заботился о разведеніи винограда въ Воронежской губерніи и по его распоряженію много венгерскихъ и рейнскихъ лозъ было посажено въ садахъ Чижовки и города Павловска, но мѣры эти были скоро оставлены, и сады, перешедшіе въ частное владѣніе, пришли въ запустѣніе. Удачныя попытки разведенія винограда были въ воронежскомъ древесномъ питомникѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ половинѣ нынѣшняго столѣтія все ограничилось опытами, хотя они доказали, что виноградъ можетъ произрастать на открытомъ воздухѣ и въ воронежскомъ краѣ.

Въ Воронежской губерніи разводится въ большихъ размѣрахъ подсолнечникъ, изъ сѣмянъ котораго приготовляется тамъ же подсолнечное масло. Первый примѣръ посѣва подсолнечника въ большихъ размѣрахъ и устройства маслобоенъ для приготовленія изъ него масла данъ былъ около 1838 года въ слободѣ Алексѣевкѣ, Бирюченскаго уѣзда. Подсолнечное масло пошло большими транспортами въ Москву и Харьковъ, гдѣ оно было признано наилучшимъ изъ всѣхъ русскихъ постныхъ маслъ. Оно шло прежде не только въ пищу, но на фабрики для смазки машинъ и въ лампы для освѣщенія. Отъ торговли подсолнечнымъ масломъ многіе крестьяне Алексѣевки и сосѣднихъ селеній сдѣлались капиталистами. Затѣмъ разведеніе подсолнечника распространилось и по многимъ другимъ мѣстамъ, особенно въ сосѣднихъ уѣздахъ: Острогожскомъ, Валуйскомъ, Коротоякскомъ. Въ урожайный годъ съ десятины собирается около 14 четвертей подсолнечныхъ сѣмянъ (84 пуда), а изъ четверти сѣмянъ выбивается ведро масла. Промыселъ подсолнечнымъ масломъ обогащалъ Алексѣевку, которая, по разсказамъ старожиловъ, была основана въ 1691 году какимъ-то бояриномъ Ѳаддѣевымъ, который продалъ ее со всѣми обширными землями князю Алексѣю Черкасскому, а тотъ отдалъ ее въ приданое своей дочери Варварѣ, вышедшей за графа Бориса Шереметева, въ родѣ котораго она и осталась. Алексѣевка расположена по обоимъ берегамъ Тихой Сосны; въ ней около 1600 дворовъ и болѣе 15,000 душъ жителей обоего пола. Обширная ея базарная площадь окружена весьма хорошими каменными домами. Церквей въ слободѣ четыре каменныхъ; изъ нихъ по величинѣ и красотѣ постройки, въ италіанскомъ вкусѣ, замѣчательна Крестовоздвиженская, трехпрестольная, построенная въ 1815 году на базарной площади. По зажиточности жителей и по постройкѣ домовъ Алексѣевка лучше многихъ уѣздныхъ городовъ.

Превосходные степные луга (въ Бобровскомъ, Новохоперскомъ, Острогожскомъ, Павловскомъ и Богучарскомъ уѣздахъ) благопріятствуютъ развитому тутъ коневодству и скотоводству Тутъ находится родина превосходныхъ ломовыхъ лошадей битюговъ. Лошади и скотъ въ Воронежской губерніи вообще отличаются высокимъ ростомъ и силою. Въ губерніи находится лучшій конскій заводъ, Хрѣновскій-Чесменскій (въ Бобровскомъ уѣздѣ). Хорошіе частные заводы находятся въ Бобровскомъ, Воронежскомъ и Землянскомъ уѣздахъ. Мѣстная битюгская порода отличается своею силою и крѣпостью. Лошадей въ губерніи считается около полумилліона головъ, рогатаго скота болѣе полумилліона и около того же количества свиней Лучшія овчарни находятся въ уѣздахъ: Бобровскомъ, Острогожскомъ, Богучарскомъ и Валуйскомъ. Тонкорунныя овцы были заведены впервые въ 1809 году Бирюченскимъ помѣщикомъ Гарденинымъ. Прежде Воронежская губернія славилась своими корабельными лѣсами, но нынѣ они истреблены повсюду, исключая уѣздовъ Новохоперскаго (Теллермановская на 13,850 десятинахъ), Павловскаго (корабельная роща Шипова на 21,345 десят.) и Воронежскаго (Усманская на 25,473 дес.). Всѣ эти три дачи казенныя

Отъ прежнихъ развитыхъ промысловъ, обрабатывающихъ дерево, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, сохранилось въ 50 деревняхъ и селахъ изготовленіе колесъ, телѣгъ, дугъ, бочекъ, посуды и т. п. Благодаря богатству глины, развиты гончарныя производства. Изъ кустарныхъ промысловъ слѣдуетъ упомянуть особенно о кожевенномъ, сапожномъ, рукавичномъ

и тулупномъ. О размѣрахъ фабрично-заводской дѣятельности даютъ понятія слѣдующія таблички.

Въ 1894 — 1895 гг. въ Воронежской губерніи находились 291 фабрика и заводъ при 4,748 рабочихъ, которые вырабатывали 7,952,404 р. (со включеніемъ заработка въ 578,272 р. за обработку чужого матеріала). Всѣхъ больше существовало слѣдующихъ фабрикъ и заводовъ: 146 мукомоленъ и крупяныхъ, 58 маслобоенъ, 25 винокуренъ.

По суммѣ производства наибольшее значеніе имѣли: 146 мукомоленъ и крупяныхъ, вырабатывавшихъ на 2,110,025 р., 25 винокуренъ, вырабатывавшихъ на 1,499,930 р., 58 маслобоенъ, вырабатывавшихъ на 1,360,895 р.

Наибольшее число рабочихъ имѣли слѣдующіе заводы и фабрики: 146 мукомоленъ и крупяныхъ—1,403 рабочихъ, 25 винокуренъ—1,146 рабочихъ.

До покоренія Крыма, въ 1783 году, Воронежская губернія не была вполнѣ обезпечена отъ вражескихъ вторженій и опустошеній, такъ что только прошло всего столѣтіе со времени включенія ея въ число собственно внутреннихъ областей Россіи. Пограничное положеніе этого края въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій обусловило тревожное состояніе мѣстнаго населенія, которое, вынося на себѣ покушенія враговъ на государственное и частное достояніе, должно было или оберегать то или другое, или искать себѣ спасенія въ бѣгствѣ. До появленія монголовъ, на пространствѣ между Днѣпромъ, Дономъ и восточными притоками послѣдняго кочевали половцы, около 1060 года оттѣснившіе печенѣговъ. Постоянныя сношенія половцевъ съ русскими были причиною поселенія послѣднихъ въ средѣ первыхъ. Несмотря на то, въ теченіе вѣковъ мѣстность, занимаемая Воронежскою губерніею, оставалась пустынною, какъ о томъ свидѣтельствуютъ послы Іоанна III и венеціанскіе, ѣздившіе въ Персію. Даже въ концѣ XV вѣка тутъ еще не было постояннаго населенія, а жили княжескіе звѣроловы, рыбаки и бортники.

Когда ослабленіе Золотой орды пробудило у ногайскихъ и крымскихъ татаръ надежду на успѣхъ нападенія на Московское государство, они при своихъ опустошительныхъ походахъ въ XVI вѣкѣ почти ежегодно разоряли и малочисленныхъ жителей мѣстности нынѣшней Воронежской губерніи и бились съ поселенными въ краѣ служилыми людьми. Для лучшаго отпора въ концѣ XVI вѣка охранительная линія была выдвинута болѣе къ югу, при чемъ построены: Воронежъ, Курскъ, Ливны, Валуйки, Осколъ.

Вслѣдствіе такихъ условій, первоначальное населеніе воронежскаго края, послѣ низверженія монгольскаго ига, по необходимости состояло изъ служилыхъ людей, исполнявшихъ разныя обязанности по крѣпостной и полевой службѣ. Къ служилымъ людямъ впослѣдствіи стали постепенно присоединяться посадскіе, крестьяне помѣщичьи и монастырскіе. Въ царствованіе Петра I служилые люди получили названіе однодворцевъ и подъ этимъ наименованіемъ существовали до послѣдняго времени, хотя уже въ концѣ XVIII столѣтія утратили тѣ особенности, которыми отличались отъ казенныхъ крестьянъ.

Самое большое число однодворцевъ, передъ крестьянскою реформою 1861 года, было въ западной части Воронежской губерніи, въ уѣздахъ: Задонскомъ, Воронежскомъ, Землянскомъ, Нижнедѣвицкомъ, Коротоякскомъ. Въ двухъ остальныхъ западныхъ уѣздахъ, Бирюченскомъ и Валуйскомъ, однодворческое населеніе также было значительно распространено, но только не повсюду.

Край по лѣвую сторону Усмани и Воронежа, заключающій въ себѣ часть уѣздовъ: Воронежскаго, Коротоякскаго, Валуйскаго, Бирюченскаго и уѣзды: Бобровскій, Новохоперскій, Острогожскій, Павловскій, Богучарскій, за немногими исключеніями, до конца XVII вѣка представлялъ пустую степь, которая стала заселяться въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія, когда съ одной стороны достигло полнаго развитія движеніе съ югозапада малороссійскаго населенія, а съ другой въ воронежскомъ краѣ появились новые русскіе пере-

селенцы, удѣльные и помѣщичьи крестьяне, не имѣвшіе ничего общаго съ однодворцами западныхъ уѣздовъ. Но и между восточными уѣздами замѣчается нѣкоторая разность относительно общаго состава населенія. Въ Бобровскомъ и Хоперскомъ уѣздахъ преобладаетъ русское населеніе, хотя и есть малороссійское, особенно въ первомъ. Такъ какъ Бобровскій уѣздъ сталъ населяться, когда опасность отъ татаръ тамъ почти миновала, то въ немъ вмѣстѣ съ однодворцами распространились въ значительномъ числѣ дворцовые крестьяне. Въ Хоперскомъ же уѣздѣ преобладали однодворцы. Донскіе казаки стали также селиться по Хопру, но отошли обратно въ предѣлы нынѣшней Донской области; тогда въ этомъ уѣздѣ на казенныхъ и помѣщичьихъ земляхъ стали селиться русскіе и малороссы. Въ Павловскомъ уѣздѣ малороссійское населеніе превышаетъ великорусское. Въ двухъ остальныхъ южныхъ уѣздахъ, Острогожскомъ и Богучарскомъ, почти вовсе не было однодворческаго населенія, да и вообще нѣтъ русскихъ.

Самый сѣверный уѣздъ въ Воронежской губерніи—Задонскій, по западной части котораго протекаетъ рѣка Донъ и отдѣляетъ его отъ Орловской губерніи и Землянскаго уѣзда. Юговосточная часть уѣзда орошается рѣкою Воронежемъ, отдѣляющимъ его отъ Тамбовской губерніи. На югъ отъ Задонскаго уѣзда лежитъ Воронежскій. Сѣверозападная его часть орошается Дономъ и Воронежемъ и ихъ притоками, а юговосточная Хворостиною съ притоками. Разстояніе между западною и восточною границами, а также между сѣверными и южными Воронежскаго уѣзда, рѣдко гдѣ превышаетъ сто верстъ. Западная часть уѣзда населилась ранѣе; позже другихъ юговосточная, которая отъ рѣки Воронежа до Икорца долго представляла голую степь. Русское населеніе на западѣ и югѣ отъ Воронежа сдѣлалось только тогда возможнымъ, когда возникли крѣпости Землянскъ, на западѣ при рѣкѣ Ольшанкѣ, Костенскъ, Урывъ и Коротоякъ.

Главный городъ губерніи, нынѣшній *Воронежъ* (81,146 ж.), основанъ въ видѣ крѣпости въ 1586 году, для охраны границъ государства отъ татаръ. Но такъ какъ въ граматахъ Акотова монастыря говорится, что вблизи нынѣшняго Воронежа находилось хозарское городище и такъ какъ въ пяти верстахъ отъ Воронежа, вверхъ по рѣкѣ, лежитъ обширная поляна, издавна называемая Хозарскимъ полемъ, существуетъ предположеніе, что прежде на мѣстѣ Воронежа былъ городъ, основанный хозарами, имѣвшими уже городища въ этомъ краѣ въ XI вѣкѣ. Въ началѣ XVII столѣтія Воронежъ считается важнымъ торговымъ и пограничнымъ городомъ. Въ это время онъ находится на возвышенной мѣстности праваго берега рѣки Воронежа, гдѣ въ настоящее время находится Митрофановскій Благовѣщенскій монастырь съ прилегающими къ нему улицами.

Въ концѣ XVII столѣтія въ Воронежѣ считалось уже 5000 человѣкъ населенія, цифра значительная для того времени. Удобство мѣстоположенія способствовало развитію значительной торговли. Но совсѣмъ другая жизнь закипѣла въ Воронежѣ, когда Петръ Великій, послѣ перваго неудачнаго похода подъ Азовъ, обратилъ вниманіе на Воронежъ, какъ на мѣсто, удобное для сооруженія флота, необходимаго для взятія Азова. Въ 1694 году онъ приказалъ построить верфь на одномъ изъ ближайшихъ къ городу острововъ и уже весною 1696 года отъ Воронежа на рѣку Донъ былъ спущенъ вновь построенный флотъ, изъ двухъ военныхъ кораблей, 23 галеръ, двухъ голеасовъ и четырехъ брандеровъ. Этотъ флотъ далъ Петру I возможность овладѣть Азовомъ. Въ 1698—1701 гг. онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Воронежъ, заботясь объ усиленіи своего флота. Сверхъ верфи въ Воронежѣ въ то время уже дѣйствовали литейный заводъ, для приготовленія пушекъ, мортиръ, якорей и разныхъ потребностей для флота и артиллеріи, канатные и смоляные заводы, а также разные другіе фабрики и заводы. Въ 1709 г. на рѣкѣ Воронежѣ стояли 12 кораблей сорока и восьмидесятипушечныхъ, а линейнаго размѣра и купеческихъ судовъ насчитывалось до сотни. Построеніе Петербурга и Балтійское море отвлекли вниманіе Петра I отъ Воронежа. Въ 1712 году повелѣно было

Общій видъ города Воронежа.

двѣ трети корабельныхъ мастеровъ и рабочихъ выслать оттуда въ Петербургъ. Неоднократные пожары въ Воронежѣ довершили тогда его упадокъ. Во время пожара 1748 года сгорѣло около 1000 домовъ, дворецъ императора, адмиралтейство, домъ Меньшикова и другихъ вельможъ, нѣмецкая слобода и присутственныя мѣста, а послѣ пожара 1773 года Воронежъ началъ строиться по новому плану. Изъ старинныхъ строеній сохранился цейхгаузъ, единственный уцѣлѣвшій памятникъ отъ верфи Петра Великаго.

Городъ расположенъ на правомъ берегу рѣки Воронежа на мѣстѣ ровномъ и возвышенномъ, исключая Акотовской его части, находящейся на скатѣ нагорнаго берега. Большая и лучшая часть города находится на возвышенной равнинѣ нагорнаго берега, а худшая раскинута по скату. Къ городу прилегаютъ слободы: съ юга Чижовка, за оврагомъ, на Чижовскихъ горахъ, съ запада Ямская слобода (гдѣ находится вокзалъ желѣзной дороги), съ сѣвера Троиц-

Г. Воронежъ. Общій видъ Митрофановскаго монастыря.

кая и за рѣкою Воронежемъ по лѣвому берегу—слободы Придача и Монастырская. Изъ города открывается превосходный видъ на противоположный отлогій берегъ рѣки верстъ на двадцать. Съ московской и нижнедѣвицкой дорогъ видны лучшія зданія города, между которыми возвышается церковь, а вдали, на возвышеніи, Благовѣщенскій Митрофановъ монастырь съ пятью золотыми куполами и высокою колокольнею. Воронежъ вообще хорошо отстроенъ. Самая большая улица Дворянская, на которой находятся присутственныя мѣста.

Къ болѣе замѣчательнымъ зданіямъ въ Воронежѣ принадлежитъ каменный трехъэтажный архіерейскій домъ при Митрофановскомъ монастырѣ, выстроенный въ 1789 году по плану архитектора Гваренги. Въ архіерейскихъ комнатахъ первый оригинальный образъ св. Митрофана, написанный въ 1839 г. Семинарія представляетъ трехъэтажный корпусъ съ церковью, оконченный постройкою въ 1822 году. Губернаторскій домъ, построенный въ 1780 году, былъ обновленъ въ пятидесятыхъ годахъ. Корпусъ присутственныхъ мѣстъ на большой Дворянской улицѣ былъ передѣланъ въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Мужская гимназія съ

Окружной судъ.
Рака Св. Митрофана.
Губернскія присутственныя. мѣста.

Городской театръ
Дворянское Собраніе
Дворянская улица.

ВИДЫ Г. ВОРОНЕЖА.

церковью окончена въ 1859 году. Въ сороковыхъ годахъ было построено нѣсколько зданій, принадлежащихъ нынѣ военной гимназіи (Михайловскому Воронежскому кадетскому корпусу), на сооруженіе которой воронежскій помѣщикъ, генералъ-майоръ Чертковъ, пожертвовалъ въ 1863 году 1,500,000 р. асс. и 1000 душъ крестьянъ. Въ концѣ малой Дворянской улицы находится домъ съ церковью, принадлежащій дворянству, который былъ купленъ въ 1822 году у г. Черткова за 80,000 рублей. Къ этому дому въ 1825 году была пристроена для дворянскихъ собраній зала, по своей величинѣ самая большая въ городѣ и стоившая дворянству 130,000 р. асс. Гостиный дворъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ Московской улицы въ двухъ полукружіяхъ въ одинъ этажъ. Въ 1860 году на Петровской площади былъ воздвигнутъ памятникъ императору Петру I. На пьедесталѣ стоитъ изображеніе въ ростъ Петра Великаго въ мундирѣ. Одною рукою онъ опирается на якорь, а другою указываетъ на городъ. На площади около памятника разведенъ Петровскій паркъ, служащій лѣтомъ для гулянія городскихъ жителей. Изъ парка, особенно при закатѣ солнца, открывается превосходный видъ на рѣку и степь. Для прогулокъ служатъ также Городской садъ, Кадетскій плацъ и бывшій Военный плацъ. Новомитрофановское кладбище около Чижовки замѣчательно тѣмъ, что тамъ похоронены два поэта, близкіе Воронежу, А. В Кольцовъ и И. С. Никитинъ.

Въ Воронежѣ находится Благовѣщенскій Митрофановъ монастырь, учрежденный императоромъ Николаемъ I въ 1836 г. До этого времени монастырь былъ городскимъ каѳедральнымъ соборомъ. Въ немъ покоятся мощи св. Митрофана, бывшаго первымъ воронежскимъ епископомъ. Онъ умеръ въ 1703 г Епископъ Митрофанъ пользовался особеннымъ расположеніемъ и вниманіемъ Петра Великаго, особенно за его пожертвованія на сооруженіе возникшаго тогда впервые русскаго флота. Въ два года (1700 и 1701 годахъ) онъ пожертвовалъ на это дѣло изъ своей домовой казны 7000 рублей, за что еще при жизни былъ пожалованъ похвальною царскою грамотою. Голиковъ сообщаетъ, что въ одинъ изъ пріѣздовъ Петра I въ Воронежъ, государь, находясь въ адмиралтействѣ, на островѣ рѣки Воронежа, пригласилъ къ себѣ епископа. Послѣдній подходилъ уже къ воротамъ адмиралтейства, но, увидѣвъ разставленныя тамъ скопища языческихъ боговъ, повернулся и ушелъ домой. На запросъ царя епископъ отвѣчалъ, что, „пока государь не прикажетъ свергнуть идоловъ, соблазняющихъ весь народъ, онъ не можетъ войти во дворецъ его“. Петру I нужно было видѣть епископа и онъ велѣлъ ему сказать, что „если онъ не придетъ, то подвергнется смертной казни“. „Въ жизни моей государь властенъ“,—отвѣчалъ епископъ посланному, „но неприлично православному государю ставить языческихъ болвановъ и тѣмъ соблазнять простыя сердца; и такъ, я охотнѣе приму смерть, чѣмъ подтвержу присутствіемъ своимъ эти языческія чтилища“. Послѣ этого епископъ Митрофанъ, считая свою участь рѣшенною, приказалъ начать благовѣстить въ большой колоколъ, съ цѣлью отслужить всенощную и приготовить себя къ смерти. Государь, узнавъ о такомъ намѣреніи епископа, отмѣнилъ свой приговоръ и даже приказалъ снять статуи. Тогда Митрофанъ явился къ нему и благодарилъ его не столько за свою жизнь, сколько за снятіе статуй. Получивъ извѣстіе о кончинѣ преосвященнаго, императоръ Петръ прибылъ въ Воронежъ и въ день погребенія, 4 декабря, явился въ церковь со всѣми лицами своей свиты. Когда нужно было поднять гробъ для отнесенія его въ усыпальницу, императоръ вмѣстѣ съ вельможами несъ его на своихъ плечахъ до самой могилы, вырытой въ предѣлѣ Благовѣщенскаго собора. По окончаніи всего обряда, императоръ сказалъ предъ всѣми: „не осталось у меня такого старца!“

Благовѣщенскій соборъ былъ основанъ епископомъ Митрофаномъ въ 1699 году, но оказался непрочнымъ и былъ разобранъ. Возобновленіе его начато было въ 1718 году и окончательно въ 1775 году. Храмъ построенъ въ готическомъ стилѣ и расположенъ крестообразно съ пятью большими вызолоченными главами. Когда въ 1831 году стали возобновлять этотъ храмъ, подъ разобраннымъ его поломъ обрѣли мощи святителя Митрофана. Днемъ открытія

мощей назначено было 6 августа 1832 года. На это открытіе собралось богомольцевъ и жителей Воронежа до 80,000 человѣкъ. Въ торжественномъ служеніи участвовало все городское духовенство, вышедшее крестными ходами изъ своихъ церквей и мощи были внесены въ Архангельскій соборъ, откуда, по окончаніи перестройки Благовѣщенскаго храма, были перенесены въ послѣдній 25 іюня 1833 года и поставлены были въ правой сторонѣ собора, близъ южной боковой двери, не далеко отъ иконостаса, въ великолѣпной серебряной ризѣ стоимостью въ 45,000 рублей асс., сооруженной воронежскимъ купечествомъ. На крышкѣ раки изображенъ образъ святителя Митрофана; по сторонамъ раки ангелы; на барельефѣ представленъ Петръ I, несущій съ вельможами гробъ Митрофана, а внизу надпись, заключающая въ себѣ слова, сказанныя Петромъ I при погребеніи св. Митрофана приближеннымъ: „стыдно намъ будетъ, если мы не засвидѣтельствуемъ нашей благодарности благодѣтельному сему пастырю

Г. Воронежъ. Петровскій дворецъ.

отданіемъ ему послѣдней чести. И такъ, вынесемъ его тѣло сами". Мощи покоятся подъ балдахиномъ, а надъ могилою, гдѣ опочивалъ св. Митрофанъ 114 лѣтъ, поставлена сооруженная имъ плащаница. Мѣсто это обгорожено рѣшеткою, а вверху повѣшенъ во весь ростъ образъ св. Митрофана. При монастырѣ находятся еще два храма: архангельскій зимній и церковь во имя св. Митрофана, основанная въ 1839 году. Открытіе его мощей и послужило поводомъ къ учрежденію Благовѣщенскаго Митрофановскаго монастыря въ Воронежѣ. Въ этомъ городѣ находятся еще два монастыря: Алексѣевскій Акотовъ монастырь, образованный изъ Успенскаго монастыря (построеннаго около 1600 года) въ Акотовой пустынѣ (основанная въ 1620 г.) и Покровскій дѣвичій монастырь, основанный въ 1623 году и нынѣ находящійся на краю города, близъ Терновой Поляны.

Съ Алексѣевскимъ Акотовымъ монастыремъ соединенъ Петромъ I въ 1700 году Успенскій монастырь, которому прежде принадлежала Успенская церковь. Императоръ сдѣлалъ эту церковь Успенія Пресвятыя Богородицы приходскою при своемъ адмиралтействѣ. Во время

пребыванія своего въ Воронежѣ императоръ неоднократно ходилъ молиться въ этотъ храмъ. Успенская церковь была первоначально деревянная, а нынѣшняя, каменная, съ пятью главами, выстроена около 1699 года. Противъ этой церкви на лѣвомъ берегу Воронежа находится цейхгаузъ времени Петра Великаго, который былъ первоначально трехъэтажный, при чемъ нижніе два этажа были каменные, а верхній деревянный. Въ одной комнатѣ, по преданіямъ, находился кабинетъ Петра I или такъ-называемая „рабочая палата". Въ 1812 году цейхгаузъ былъ проданъ съ аукціона на сломъ, но онъ не былъ разломанъ по прочности сооруженія. Теперь въ немъ помѣщается Петровскій яхтъ-клубъ, одно изъ любимыхъ лѣтнихъ увеселительныхъ мѣстъ жителей Воронежа.

Въ Воронежской губерніи есть еще городъ, куда также во множествѣ ежегодно стекаются богомольцы, хотя не въ такомъ числѣ, какъ въ Воронежъ, къ мощамъ св. Митрофанія, гдѣ ихъ въ годъ перебываетъ до 20.000 человѣкъ. Въ Задонскѣ, въ тамошнемъ монастырѣ погребенъ бывшій епископъ воронежскій, преосвященный Тихонъ I, въ 1861 году причисленный къ лику святыхъ, съ открытіемъ его мощей 13-го августа того же года. Началомъ Задонскаго монастыря послужила деревянная церковь во имя Срѣтенія владимірской иконы Пресвятой Богородицы, построенная въ 1627 году двумя старцами московскаго Срѣтенскаго монастыря при впаденіи Талевки въ Донъ. Современно основанію монастыря близъ него возникала слобода монастырскихъ крестьянъ — Тешевка. Въ 1765 году при учрежденіи монастырскихъ штатовъ, слобода была взята въ казну, а въ 1779 году, при образованіи воронежскаго намѣстничества, она была переименована въ уѣздный городъ Задонскъ (8,313 ж.). Рѣчка Тешевка раздѣляетъ городъ на двѣ части. Правая, лучшая часть, называется Дворянскою, гдѣ расположенъ монастырь, а лѣвая сторона города называется Мѣщанскою. Задонскъ со стороны Орловской губерніи виденъ верстъ за десять, потому что лежитъ на высокомъ берегу въ живописной мѣстности. Стекающіеся въ городъ богомольцы доставляютъ жителямъ города довольно значительные доходы.

По лѣвую сторону рѣки Воронежа, при заливѣ, въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ 16 верстахъ отъ губернскаго города лежитъ село Тавровъ, бывшій городъ и крѣпость съ корабельною верфью. Онъ основанъ въ 1700 году, когда Петръ I сталъ переводить сюда верфь изъ города Воронежа по случаю обмеленія въ немъ рѣки. Постройка въ Тавровѣ судовъ началась съ 1704 года и продолжалась до 1711 года, когда было найдено, что городъ Павловскъ представляетъ для этого болѣе удобствъ. Съ 1722 по 1725 годъ на верфи возобновились работы и была построена казною суконная фабрика. Во время войны съ Турціею въ 1736—1740 г. въ Тавровѣ вновь строили суда для Азовскаго моря. Въ 1744 году сгорѣли всѣ крѣпостныя строенія, дворецъ, до 500 дворовъ и модель корабля, сдѣланная руками Петра Великаго. Отъ крѣпости остались развалины казармъ и четверо воротъ. Бывшій городъ Орловъ, упраздненный въ 1779 году, построенный въ 1645—1646 годахъ, имѣлъ три крѣпости или городища, обведенныя валомъ и рвомъ. Въ одной изъ нихъ была устроена деревянная башня съ вѣстовымъ колоколомъ, звономъ котораго давали знать жителямъ, разсѣяннымъ по полямъ, о приближеніи татаръ. Колоколъ, хотя и разбитый, еще цѣлъ и хранится при церкви Богоявленія въ Орловѣ.

Городъ *Коротоякъ* (9,391 ж.) лежитъ на правой сторонѣ Дона ниже впаденія въ него Потудани. На югъ отъ него протекаетъ небольшая рѣчка Коротоячка, подъ самымъ городомъ впадающая въ Донъ. Начало населенію Коротояка положено было въ 1642 г., а городомъ онъ сдѣлался въ 1648 году, когда въ немъ построили церковь. Около города устроены были слободы для 450 человѣкъ служилыхъ людей, казаковъ, пушкарей, стрѣльцовъ, которыхъ перевели сюда изъ Воронежа, Ефремова, Талеца, Епифани, Лебедяни, Чернавска и Данкова. Въ 1737 году Коротоякъ выгорѣлъ, въ 1738 году возобновленъ, а послѣ новаго пожара въ 1789 году городъ выстроили уже по новому плану безъ крѣпости, такъ какъ въ то время

уже совершилось присоединенiе Крыма къ Турцiи. Въ Коротоякѣ проживаютъ преимущественно крестьяне, которые занимаются хлѣбопашествомъ и сельскими промыслами. Городъ не имѣетъ ни промышленнаго, ни торговаго значенiя. Въ немъ находятся Вознесенскiй мужской монастырь и четыре церкви, изъ которыхъ одна деревянная.

Въ Коротоякскомъ уѣздѣ сохранились въ нѣсколькихъ мѣстахъ слѣды бывшихъ укрѣпленiй или окоповъ. Такъ, въ недальнемъ разстоянiи отъ села Сторожевого, близъ Дона, на крутой мѣловой горѣ есть „городище", обрытое съ двухъ сторонъ глубокими рвами. Около села случайно выкапываютъ изъ земли золотыя, серебряныя и мѣдныя деньги. Также около села Аѳанасьевскаго, близъ урочища Долгой-Яруги, есть валъ, называемый городищемъ. Слѣды какого-то окопа замѣтны около села Заломнаго. Мѣсто кургановъ находится около села Старое-Уколово и Новое, въ 60 верстахъ отъ Коротояка, въ которыхъ прежде находили оружiе и разныя металлическiя вещи. Тутъ же на сѣверномъ берегу Потудани есть мѣсто, называемое

Общiй видъ г. Павловска.

„Каменный Плесъ". По преданiю, до занятiя края русскими, тамъ были татарскiя купальни, устроенныя изъ дикаго камня. Невдалекѣ отъ „Каменнаго Плеса" видны слѣды вала, называемаго городкомъ, гдѣ, по преданiю, была прежде татарская крѣпость. Подлѣ городка сохранились слѣды глубокаго рва. Древнiй городъ Урывъ нынѣ состоитъ селомъ въ Коротоякскомъ уѣздѣ, съ населенiемъ около 4000 душъ обоего пола.

На югъ отъ Коротоякскаго уѣзда лежитъ Бирюченскiй, большую половину протяженiя котораго съ запада на востокъ орошаетъ рѣка Тихая Сосна и западными своими притоками почти касается рѣки Оскола, протекающаго чрезъ уѣздъ верстахъ въ 15 отъ границы Курской губернiи. На югѣ Тихая Сосна соприкасается съ верховьями рѣки Валуя, а на юговостокѣ рѣки Черной Калитвы. Въ началѣ XVII столѣтiя, на пространствѣ отъ Тихой Сосны до устья Воронежа не было ни одного города, но по Соснѣ прежде всего стали возникать русскiя военныя поселенiя на мѣстахъ, ближайшихъ къ Старому Осколу и Валуйкамъ. Такимъ образомъ, на верховьяхъ Сосны въ 1637 году построены были городъ и крѣпость Верхососенскъ, а въ 1641 году, на востокъ отъ него, по правую сторону рѣки Большого Усерда, при впаденiи его въ Сосну,—городъ Усердъ. Когда же, между 1670 и 1686 годами, при впаденiи

рѣки Малаго Валуя въ Большой Валуй, построенъ былъ городъ Старый Палтовъ и возведенъ былъ валъ отъ него къ Усерду и далѣе на востокъ по сѣверному берегу Сосны, на которомъ еще ранѣе того возникли города: Ольшанскъ (1645 г.) и Острогожскъ (1652 г.). Въ первой половинѣ XVIII вѣка населеніе стало распространяться по окрестнымъ мѣстамъ Бирюченскаго уѣзда, не переходя, однако, на южный берегъ Сосны за Полотовскій валъ.

Указомъ же Петра Великаго, 8 марта 1705 года, дозволено было усердскому сотнику Ивану Медкову съ товарищами съ прежняго неудобнаго мѣста ихъ жительства близъ города Усерда на рѣкѣ Соснѣ переселиться на ихъ дачи въ урочище Бирючью Яругу. Въ 1765 г., когда введено было новое гражданское устройство въ управленіи слободскихъ жителей, переименованныхъ при этомъ изъ казаковъ въ государственныхъ городскихъ обывателей, городокъ Бирючій вошелъ въ составъ Острогожской провинціи, а въ 1779 году, при учрежденіи воронежскаго намѣстничества, былъ сдѣланъ уѣзднымъ его городомъ и названъ просто Бирючъ. Бирючъ (13,194 ж.) лежитъ на лѣвомъ берегу Тихой Сосны, по обѣ стороны впадающей въ нее рѣчки Бирючки. Большая часть города расположена на мѣстности ровной и возвышенной. Въ промышленномъ и торговомъ значеніи Бирючу принадлежитъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди остальныхъ уѣздныхъ городовъ губерніи.

Бывшіе города: Верхососенскъ, Ольшанскъ, Усердъ, Полатовъ, Ливенскъ (до 1802 года уѣздный) въ настоящее время состоятъ селами въ Бирюченскомъ уѣздѣ. Въ немъ находится также село Фощеватое, замѣчательное въ томъ отношеніи, что оно въ концѣ XVII вѣка стало населяться ссыльными изъ внутреннихъ обывателей, а также деревня Лазоренная, заселенная послѣ 1762 года старообрядцами, вышедшими изъ Литвы и изъ пограничныхъ областей.

Уѣздъ Валуйскій лежитъ на югозападной оконечности Воронежской губерніи. На востокъ отъ Воронежскаго и Коротоякскаго уѣздовъ лежитъ Бобровскій уѣздъ, который въ югозападной части орошается Дономъ, на небольшомъ пространствѣ. Въ Донъ въ этомъ уѣздѣ, сверхъ небольшихъ рѣчекъ, впадаетъ рѣка Икорецъ, которая начинается и оканчивается въ Бобровскомъ уѣздѣ. Но для послѣдняго имѣетъ особое значеніе рѣка Битюгъ (вытекающая изъ озера Лебяжьяго въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи), которая протекаетъ по Бобровскому уѣзду 140 верстъ, орошаетъ сѣверовосточный уголъ Павловскаго уѣзда и впадаетъ въ Донъ въ пятнадцати верстахъ выше Павловска. Почти въ продолженіе всего XVII вѣка Бобровскій уѣздъ не имѣлъ еще русскаго населенія, потому что по обоимъ берегамъ Битюга до Икорца, а, можетъ быть, и дальше на западъ, кочевали татары. Еще въ 1625 году не только по Хавалѣ, Усмани и Икорцу, но даже по Битюгу въ мѣстностяхъ разъѣзжали сторожевые пограничники для наблюденія за движеніями татаръ. Только въ концѣ XVII вѣка русскіе стали выходить въ Бобровскій уѣздъ на постоянное жительство. Первыми поселенцами были однодворцы, служилые люди, образовавшіе въ продолженіе 50 лѣтъ, начиная съ 1686 года, до 15 селеній по рѣкамъ Икорцу, Битюгу и ихъ притокамъ одновременно съ однодворцами. Бобровскій уѣздъ донынѣ вполнѣ не утратилъ степного характера, который принадлежалъ прежде всему Воронежскому краю.

Бобровъ (Бобровскъ) (3,891 ж.) лежитъ на правомъ возвышенномъ берегу Битюга. Подъ городомъ Битюгъ, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, образуетъ до 45 незначительныхъ низменныхъ острововъ. Окрестная мѣстность города совершенно ровная и открытая. Городъ былъ основанъ въ концѣ XVII вѣка въ мѣстности въ то время богатой бобрами. Первоначально это была дворцовая волость. Въ 1707 году въ Бобровскомъ селѣ былъ построенъ государевъ дворъ съ бойницами и тремя башнями, но въ 1708 году оно было разграблено сообщниками Булавина. Въ 1711 году, послѣ уступки Азова туркамъ, Бобровъ былъ сдѣланъ городкомъ, при чемъ часть жителей срытаго Азова была поселена въ Бобровѣ въ особой слободѣ, которая донынѣ называется Азовскою. Вскорѣ Бобровъ былъ обращенъ въ дворцовое село и только въ 1779 году, при учрежденіи воронежскаго намѣстничества, вторично сдѣлался городомъ.

Главное занятіе жителей Бобровскаго уѣзда—хлѣбопашество и скотоводство. Въ немъ есть отличные конскіе заводы и обширное овцеводство. Въ уѣздѣ находится, при рѣкѣ Осередѣ, слобода Бутурлиновка (Петровское), имѣющая населеніе въ 22,000 слишкомъ душъ обоего пола, исключительно малороссіянъ. Она тянется въ длину на четыре версты, имѣетъ 4 церкви, до 3000 дворовъ и около 40 лавокъ. Земля, находящаяся подъ слободою, въ началѣ XVIII вѣка принадлежала графу Бутурлину, который выселилъ на нее нѣсколько семей великоруссовъ. Вслѣдъ затѣмъ въ этомъ же мѣстѣ стали селиться выходцы изъ Малороссіи, которые, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, были прикрѣплены къ землѣ указомъ 1783 года и сдѣлались крѣпостными графа Бутурлина. Въ XIX столѣтіи жители откупились на волю и были переименованы въ государственныхъ крестьянъ. Слобода Бутурлиновка славится во всей губерніи не только своимъ многочисленнымъ населеніемъ, но и промышленностью своихъ жителей. Близъ слободы

Г. Павловскъ. Соборъ и домъ Духовнаго училища.

находится два минеральныхъ сѣрнистосольныхъ источника. Въ слободѣ бываетъ въ году пять ярмарокъ.

На югъ отъ Бобровскаго уѣзда, между уѣздами Богучарскимъ и Острогожскимъ, лежитъ Павловскій уѣздъ; его западные предѣлы орошаются Дономъ, принимающимъ въ себя въ уѣздѣ нѣсколько рѣкъ съ лѣвой своей стороны, въ томъ числѣ Осереду, которая, начавшись въ Бобровскомъ уѣздѣ, отдѣляетъ его отъ Павловскаго. Павловскій уѣздъ съ запада примыкаетъ къ Острогожскому, а съ востока и юга окруженъ Богучарскимъ уѣздомъ, въ которыхъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ пунктовъ, преобладаетъ малороссійское населеніе. Вліяніе этихъ двухъ уѣздовъ не могло отразиться и на составѣ жителей Павловскаго уѣзда. Въ немъ, послѣ однодворцевъ, явившихся въ уѣздѣ въ XVIII столѣтіи, стали селиться почти исключительно малороссы, такъ что русскихъ крестьянъ (бывшихъ помѣщичьими до 1861 года) очень мало.

Поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго города Павловска (7,221 ж.) возникало около 1650 года, когда тутъ были водворены на жительство черкасы (малороссійскіе казаки). Это незначительное селеніе обратило по своему мѣстоположенію вниманіе Петра Великаго, во время его про-

ѣзда и онъ рѣшился перенести сюда корабельную верфь изъ Воронежа. Но осада Азова и завладѣніе имъ, построеніе крѣпости св. Павла на устьѣ Міуса, а потомъ война со шведами остановили приведеніе въ исполненіе намѣренія Петра Великаго. Въ 1709 году императоръ, проѣзжая рѣкою Дономъ въ Азовъ, вновь осмотрѣлъ устье рѣки Осереды, приказалъ какъ можно дѣятельнѣе приступить къ построенію на этомъ мѣстѣ крѣпости, адмиралтейства и верфи и прислалъ для этихъ работъ 3000 плѣнныхъ шведовъ. Новопостроенная крѣпость прежде просто называлась „крѣпостью на Осередѣ" и городомъ Осередомъ, но, по уничтоженіи крѣпости св. Павла на рѣкѣ Міусѣ, названа Павловскою. Въ 1711 году большая часть жителей Азова и Таганрога, возвращенныхъ Турціи по прутскому договору, была населена при крѣпости на рѣкѣ Осередѣ. Въ то же время сюда были сведены посадскіе жители изъ разныхъ подмосковныхъ городовъ, но болѣе всего изъ Казани. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ Павловскъ сдѣлался не только сильною крѣпостью, гарнизонъ которой состоялъ изъ пяти полковъ и артиллерійской команды, но и многолюднымъ городомъ съ большими торговыми и промышленными оборотами. Когда укрѣпленіе и расширеніе русскаго государства на югѣ, на Азовскомъ и Черномъ моряхъ сдѣлали существованіе сильной крѣпости въ Павловскѣ ненужнымъ, подорвалось его благосостояніе. Къ этой причинѣ упадка Павловска присоединились разныя бѣдствія. Наводненіе въ 1728 году поглотило цѣлую слободу и на мѣстѣ ея образовалось озеро, называемое Тамбовскимъ; моровая язва въ 1738 году истребила половину его жителей; пожары 1754 и 1793 гг. опустошили почти весь городъ. Послѣ этого городъ былъ построенъ уже по новому плану.

Павловскъ (7,221 ж.) лежитъ на лѣвомъ берегу Дона, при впаденіи въ него рѣки Осереды. Лѣвый берегъ Дона подъ городомъ довольно высокъ, но лѣвый берегъ Осереды, на которомъ расположенъ Павловскъ, совершенно отлогъ, вслѣдствіе чего весною, отъ сильнаго напора воды изъ Дона, рѣка Осереда разливается на огромное пространство и иногда затопляетъ часть города. Въ длину городъ простирается на двѣ версты, въ ширину около одной версты. Вообще онъ порядочно отстроенъ, такъ что по внѣшнему виду считается лучшимъ городомъ въ губерніи послѣ Острогожска. Главный промыселъ павловскихъ мѣщанъ бакчеводство, составляющее самый важный источникъ ихъ доходовъ. Павловскіе арбузы считаются лучшими въ Воронежской губерніи и пріобрѣли извѣстность даже въ другихъ городахъ Россіи. Купцы Павловска преимущественно торгуютъ скотомъ и хлѣбомъ. Отъ бывшей крѣпости остался земляной редутъ, называемый Рай-городкомъ, а подъ самымъ устьемъ рѣки Осереды находится земляная крѣпость съ четырьмя бастіонами, называемая адмиралтейскою; земля же, на которой стояла собственно крѣпость, отдана подъ заселеніе и на ней построены мыловаренные и салотопенные заводы. Въ городѣ сохранилось нѣсколько деревьевъ, посаженныхъ руками императора Петра Великаго. Въ соборѣ во имя св. апостоловъ Петра и Павла, освященномъ въ 1785 году, находится иконостасъ, привезенный туда изъ азовскаго собора и икона Знаменія Пресвятой Богородицы, вырѣзанная на большой морской раковинѣ и найденная въ Азовѣ при раскапываніи крѣпостного вала.

Павловскій уѣздъ принадлежитъ къ числу земледѣльческихъ; почва въ немъ состоитъ преимущественно изъ плодороднаго глубокаго чернозема съ примѣсью песка и глины въ разныхъ количествахъ. Въ уѣздѣ 88 поселковъ, въ томъ числѣ 31 имѣетъ болѣе тысячи жителей, а 16— даже болѣе двухъ тысячъ.

Въ Новохоперскомъ уѣздѣ главная рѣка Хоперъ, протекающій отъ сѣверовостока на югозападъ съ многочисленными уклоненіями отъ прямой линіи. Поворачивая ниже Новохоперска на юговостокъ, въ 100 верстахъ отъ города, онъ впадаетъ въ Донъ. Хоперскій уѣздъ сталъ заселяться только въ началѣ XVIII вѣка преимущественно казаками и малороссами. Когда, при императрицѣ Екатеринѣ II, эти земли были пожалованы князю Потемкину, казаки выселились, а малороссы остались и были закрѣпощены.

О..ній видъ г. Богучара.

Городъ Новохоперскъ (6,088 ж.) лежитъ на правой сторонѣ Хопра, верстахъ въ пяти выше впаденія въ него рѣки Савалы. Городъ занимаетъ въ длину и въ ширину пространство болѣе одной версты. Въ окрестностяхъ нынѣшняго города, до его основанія, находились казачьи городки: Простанскій, Бѣляевскій и Григорьевскій, уничтоженные при усмиреніи булавинскаго бунта въ 1708 году. Между 1710—1716 годами на мѣстѣ этихъ городовъ была основана земляная крѣпость и первыми поселенцами были преступники, сосланные туда изъ разныхъ мѣстъ. Впослѣдствіи населеніе увеличилось посадскими охотниками, малороссійскими казаками, выходящими съ Дона изъ другихъ областей. Когда, въ концѣ прошлаго вѣка, городу дано было болѣе правильное устройство, однодворцевъ вывели изъ него и они образовали пригородную слободу Кочергу. По своему положенію при пересѣченіи многихъ трактовъ и на судоходной рѣкѣ, Новохоперскъ долженъ былъ бы имѣть большое торговое значеніе, но здѣшніе купцы или занимаются торговлею скотомъ, отгоняемымъ въ столицы, или посѣвомъ хлѣбовъ на принадлежащихъ или арендуемыхъ ими значительныхъ степныхъ пространствахъ.

Въ Новохоперскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Елани находится село Новоникольское, Артюшкино, которое, по нѣкоторымъ даннымъ, имѣло первыхъ поселенцевъ уже въ XVII вѣкѣ, потому

Земская управа Новый соборъ.

ВИДЫ Г. БОГУЧАРА.

что одна часть села донынѣ называется Ханскою. За рѣкою Токаемъ, при которомъ расположено село, лежитъ лѣсокъ, называемый городкомъ, который въ прежнія времена былъ обведенъ валомъ, слѣды котораго сохранились донынѣ.

Богучарскій уѣздъ, лежащій на югѣ отъ Павловскаго и Воронежскаго, населенъ преимущественно малороссами, составляющими 75% всѣхъ его жителей. Рѣка Богучаръ протекаетъ по уѣзду въ сѣверовосточномъ направленіи и южнѣе уѣзднаго города впадаетъ въ Донъ. Ширина и глубина рѣки незначительны; лѣтомъ она проходима въ бродъ на всемъ своемъ протяженіи. Берега рѣки довольно возвышенны. Долина рѣки съ хорошими сѣнокосами. Длина Богучарскаго уѣзда въ три раза болѣе ширины.

Богучаръ (6,853 ж.) лежитъ на лѣвомъ отлогомъ берегу рѣки того же имени и занимаетъ въ длину около двухъ верстъ, а въ ширину не болѣе 300 саженъ. Въ промышленномъ и торговомъ отношеніи городъ не имѣетъ почти никакого значенія. Въ Богучарскомъ уѣздѣ замѣчательна слобода Калачъ съ населеніемъ въ 13,000 душъ, замѣчательная по своимъ ярмаркамъ рогатаго скота.

Первыми поселенцами Острогожска (21,891 ж.) и его уѣзда, лежащаго къ югу отъ Бобровскаго, также были черкасы, такъ что и въ этомъ уѣздѣ малороссійское населеніе соста-

вляетъ 75% всѣхъ его жителей. Въ 1696 году въ Острогожскѣ происходило достопамятное свиданіе Петра I съ гетманомъ Мазепою, при чемъ государь, вызвавъ гетмана прямо изъ крымскихъ степей, благодарилъ лично за заслуги, оказанныя имъ царю при осадѣ Азова.

Острогожскимъ черкасамъ царскою граматою 1669 г. за вѣрную ихъ службу было предоставлено безпошлинно заниматься всякими промыслами, но нести за то полковую службу безъ жалованья. Такія права, данныя острогожскому казачьему полку, имѣли послѣдствіемъ, что Острогожскъ сталъ быстро развиваться въ торговомъ и промышленномъ значеніи почти съ первыхъ годовъ своего основанія. Переименованіе его въ провинціальный городъ, уничтоженіе въ немъ казачьяго полка, при сохраненіи прежнихъ правъ и привиллегій, еще болѣе способствовали развитію въ немъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ. Всему этому способствовало еще то обстоятельство, что, до учрежденія воронежскаго намѣстничества, въ окрестныхъ съ Острогожскомъ селеніяхъ не было ярмарокъ, а потому вся торговля мѣстнаго края сосредоточивалась въ этомъ городѣ. И донынѣ онъ во всей губерніи считается первымъ торговымъ и промышленнымъ городомъ послѣ Воронежа. Острогожскъ лежитъ на лѣвомъ отлогомъ берегу Тихой Сосны, занимая его въ длину на протяженіи двухъ верстъ, а въ ширину до полуторы версты. По своимъ строеніямъ и внѣшнему виду онъ считается первымъ уѣзднымъ городомъ въ Воронежской губерніи и имѣетъ 7 церквей.

Городская управа. Главный торговый рядъ.
ВИДЫ Г. БОГУЧАРА.

Острогожскій уѣздъ прорѣзывается рѣкою Черною Калитвою, вытекающею изъ Бирюченскаго уѣзда. Лѣтомъ рѣка почти повсюду проходима въ бродъ и послѣ медленнаго теченія на протяженіи 90 верстъ по песчаному грунту, между возвышенными берегами, она при селѣ Новой Калитвѣ впадаетъ въ Донъ. При ея устьѣ долина ея расширяется и образуетъ обширную равнину. По близости слободы Старой Калитвы, въ долинѣ рѣки Дона, находится Поганое озеро, одно изъ наибольшихъ озеръ губерніи, которыми она вообще не изобилуетъ; оно мелко, иловато и имѣетъ въ окружности до 8 верстъ.

Слобода Старая Калитва, населенная нынѣ около 6,500 душъ крестьянъ, живущихъ почти въ 1000 домахъ, переименована изъ бывшаго уѣзднаго, а потомъ (въ 1802 г.) заштатнаго города Калитвы. Поселеніе было основано въ 1702 году черкасами, переведенными сюда изъ городовъ Землянска, Тальца и села Ендовища.

Въ 18 верстахъ отъ Острогожска, при впаденіи рѣки Тихой Сосны въ Донъ, на косогорѣ мѣловыхъ горъ, лежитъ Дивногорскій Успенскій мужской монастырь. Мѣловые холмы около монастыря имѣютъ видъ многочисленныхъ правильныхъ пирамидъ, числомъ до двадцати,

отстоящихъ одна отъ другой въ двухъ и трехъ саженяхъ. По своей фигурѣ, бѣлизнѣ и красотѣ, эти горы прозваны дивными. Въ одной изъ такихъ пирамидъ высѣчена церковь во имя св. Іоанна Предтечи, освященная въ 1693 году. Въ другихъ пирамидахъ высѣчены кельи и колокольни, которыя впрочемъ уже разрушились отъ вліянія атмосферы. Монастырь былъ основанъ около 1640 года, но двацать лѣтъ спустя опустѣлъ отъ набѣговъ крымскихъ татаръ и только въ XVII столѣтіи снова въ немъ поселились монахи.

Въ Острогожскомъ уѣздѣ находится единственное во всей губерніи поселеніе нѣмецкихъ колонистовъ, именно имѣніе Рибенсдорфъ съ населеніемъ около 1,700 душъ обоего пола. Нѣмцы поселены были тутъ въ 1765 году въ числѣ 72 семей.

П. С. Усовъ.

П. М. Ольхинъ.

ОЧЕРКЪ IX.

ТОРГОВЛЯ РАЙОНА.

Торговля хлѣбомъ, пенькою, скотомъ и продуктами скотоводства. — Посредники въ торговлѣ. — [illegible] товъ полосы прежде и теперь. — Влiянiе проведенiя желѣзныхъ путей на измѣненiе направленiя [illegible] къ Москвѣ, и на западъ, къ Ригѣ. — Какiя изъ дорогъ принимаютъ главное участiе въ [illegible]

«Ужъ [illegible] проклятая! Хлѣбъ какъ-[illegible] отбила!»

[illegible]

АЗСМАТРИВАЕМЫЙ нами районъ принадлежитъ къ наиболѣе производительной части Великороссiи. Почва здѣсь, за немногими исключенiями, черноземная, лучше вознаграждающая труды земледѣльца, чѣмъ въ мануфактурно-промышленныхъ губернiяхъ. Весь районъ, за немногими исключенiями, причисляется къ числу мѣстностей, производящихъ хлѣбъ съ избыткомъ. Поэтому дѣятельность населенiя приняла здѣсь главнымъ образомъ сельскохозяйственное, земледѣльческое направленiе. Кустарная и фабрично-заводская промышленность не получила тутъ того развитiя, какое замѣчается въ болѣе бѣдномъ въ почвенномъ отношенiи центральномъ промышленномъ районѣ. Хотя въ послѣднiе годы нѣкоторыя отрасли мануфактурнаго производства успѣли привиться и тутъ, но онѣ не были обязаны своимъ возникновенiемъ предприимчивости мѣстнаго коренного населенiя, а были, такъ-сказать, привиты извнѣ, разными капиталистами. Въ то время, какъ въ промышленномъ районѣ многiя отрасли мануфактурной производительности возникли уже давно, благодаря иницiативѣ самого населенiя, и фабрично-заводская промышленность нашла уже, такъ сказать, для себя готовую почву, почему и приняла разнообразныя направленiя и развѣтвленiя, въ хлѣбородномъ районѣ долгое время исключительною формою народнаго труда являлась промышленность сельскохозяйственная, земледѣльческая. Да и въ настоящее время здѣсь главнымъ образомъ получили развитiе тѣ отрасли фабрично-заводской производительности, которыя находятся въ тѣсной связи съ земледѣлiемъ. Напримѣръ, въ Тамбовской губернiи при общей суммѣ производства ея фабрикъ и заводовъ въ 19.500,000 р. винокуренное равняется 14 м., въ Курской изъ общей суммы производства (18 м.) на винокуренное приходится почти 6 м., на свеклосахарное 3 м., на мукомольное почти столько же, въ Воронежской винокуренiе даетъ продукта на 15 м. (изъ общей суммы въ 20½ м.). Только въ Орловской и Рязанской губернiяхъ, изъ которыхъ въ

первой преобладаютъ машиностроительное и рельсовое производства, а во второй значительно хлопчатобумажное, только въ этихъ губерніяхъ отрасли, находящіяся въ связи съ земледѣліемъ, не представляютъ такого развитія.

Характеромъ производительности хлѣбороднаго района опредѣлялась и опредѣляется его торговля. Отсюда отпускаются главнымъ образомъ сырыя произведенія сельскаго хозяйства—хлѣбъ, пенька, мясо, сало и т. п. продукты, а взамѣнъ ихъ получаются предметы мануфактурнаго производства. Но между всѣми предметами мѣстной торговли главное мѣсто, конечно, занимаетъ хлѣбъ. На немъ мы и должны остановиться прежде всего.

Всякая отрасль торговли не обходится безъ посредниковъ. Можно сказать, что наиболѣе выгоднымъ является то отношеніе, когда производитель продукта сбываетъ его непосредственно самому потребителю. Всякое посредствующее лицо должно уже являться въ нѣкоторомъ родѣ паразитомъ, живущимъ и на счетъ производителя и на счетъ потребителя. Если ни одна отрасль торговли не обходится, къ сожалѣнію, безъ такихъ посредниковъ, то торговля хлѣбная, въ частности, представляетъ уже высшую степень развитія этого посредничества со всѣми его невыгодами. Такими посредниками являются прасола, шебаи и др. коммиссіонеры по части закупки хлѣба, дѣйствующіе или отъ своего лица, или по порученію крупныхъ хлѣботорговцевъ. Весь расчетъ такихъ посредниковъ состоитъ въ томъ, чтобъ пріобрѣсти хлѣбъ у производителя какъ можно выгоднѣе, такъ какъ барышъ обращается въ ихъ пользу. Но если крестьяне держатся извѣстной цѣны, не спуская ее, то посредники стараются выгадать обмѣромъ и обвѣсомъ. Это практикуется вездѣ, даже въ такихъ крупныхъ центрахъ хлѣбной торговли, какъ извѣстный Елецъ. Въ этомъ городѣ, какъ только открывается осенній подвозъ крестьянскихъ хлѣбовъ, начинается настоящій грабежъ крестьянъ разными „кулаками". Такіе кулаки обыкновенно снимаютъ амбары или сараи при дворахъ тѣхъ улицъ, по которымъ крестьяне ввозятъ въ городъ свой хлѣбъ. Такимъ образомъ крестьянинъ никоимъ образомъ не можетъ миновать устроенной для него ловушки. Чтобы вѣрнѣе залучить въ нее крестьянина, кулаки прибѣгаютъ къ повышенію цѣны, надбавляя на четверть копѣекъ по 15—25. Само собою разумѣется, что надбавка не обходится крестьянамъ даромъ. Увеличивая плату, кулаки при этомъ обвѣшиваютъ крестьянъ фунтовъ на 20—30 въ каждой четверти.

Крупные хлѣботорговцы производятъ закупки хлѣба или чрезъ упомянутыхъ посредниковъ, или чрезъ своихъ приказчиковъ, которыхъ бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ шире и крупнѣе дѣла ихъ патрона. Приказчики въ сущности являются весьма жалкимъ людомъ. Судьба ихъ всецѣло зависитъ отъ хозяевъ, которые во всякое время могутъ прогнать ихъ отъ себя, что и бываетъ, когда получается плохой урожай и крупныхъ дѣлъ не предвидится. Во время послѣдняго неурожая хлѣботорговцы въ Ельцѣ „разочли" больше 500 своихъ приказчиковъ, которые остались, такимъ образомъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни. Въ слѣдующемъ году, когда видъ полей сталъ подавать надежды на улучшеніе дѣлъ, мѣстные хлѣботорговцы стали снова принимать къ себѣ „ребятъ". Но такъ какъ число нуждавшихся было гораздо больше того, сколько требовалось, то со стороны хлѣбныхъ торговцевъ начались прижимки, пониженіе платы и т. п.

Независимо отъ того, что на хлѣбной торговлѣ отражается очень невыгодно существованіе многочисленныхъ посредниковъ, она страдаетъ сильно и отъ другихъ причинъ, главнымъ образомъ, отъ сильно ограниченнаго подтоварнаго кредита для хлѣба, не предназначеннаго для отправки за границу. Такое отсутствіе кредита является громаднымъ зломъ для хлѣбной торговли. Оно заставляетъ производителя сбывать хлѣбъ съ рукъ, лишь бы только получить деньги, необходимыя для удовлетворенія неотложныхъ нуждъ, вслѣдствіе чего хлѣбные рынки наводняются продуктомъ свыше существующаго на него спроса и цѣны падаютъ. Громадная масса хлѣба, поступающаго на внутренніе рынки, отправляется, поэтому, немедленно за-границу. Остается въ мѣстныхъ запасахъ лишь тотъ хлѣбъ и въ такомъ количествѣ, какой, по условіямъ мѣстной обработывающей промышленности, необходимъ для переработки. Остальной хлѣбъ немедленно

по поступленіи на рынокъ отправляется къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. Иныхъ способовъ къ выручкѣ денегъ изъ хлѣба нѣтъ, а хлѣбъ въ нашей земледѣльческой мѣстности представляетъ собою почти единственный продажный предметъ какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ сельскихъ хозяйствахъ.

И такъ, хлѣбопромышленники волей-не-волей принуждены сбывать свой хлѣбъ за-границу. Но тутъ хлѣбная торговля встрѣчается съ новымъ неудобствомъ. Усиленный отпускъ хлѣба при помощи желѣзныхъ дорогъ требуетъ достаточно подвижнаго состава и необходимыхъ для храненія хлѣба защитъ на станціяхъ. Но наши желѣзныя дороги не удовлетворяютъ этимъ требованіямъ. Такъ, напримѣръ, на станціяхъ Грязе-Царицынской, Ряжско-Вяземской и др. желѣзныхъ дорогъ скопляется очень часто масса хлѣба, ожидающаго дальнѣйшей отправки.

Хлѣбъ, которымъ ведетъ торговлю хлѣбородный край, принадлежитъ къ слѣдующимъ родамъ: рожь, овесъ, пшеница, просо, греча; сюда обыкновенно причисляютъ и горохъ, хотя онъ и не принадлежитъ къ хлѣбнымъ злакамъ.

Другимъ весьма важнымъ предметомъ торговли района служитъ пенька, находящая себѣ значительный сбытъ какъ внутри страны, такъ и за-границу. Районъ производства и отпуска этого продукта хотя и гораздо ограниченнѣе, нежели хлѣба, тѣмъ не менѣе довольно значителенъ. Нужно сказать, что сѣверная половина Курской губерніи, губернія Орловская, за исключеніемъ уѣздовъ Ливенскаго и Елецкаго и югозападная часть Тульской принадлежатъ къ числу мѣстностей, издавна славившихся своимъ пеньководствомъ. Послѣднее получило особенное распространеніе въ хозяйствѣ крестьянъ западной части Орловской губерніи, гдѣ почва не благопріятствуетъ успѣшному произрастанію хлѣбовъ. Потребность въ мѣшкахъ для насыпки хлѣба создала здѣсь въ обширныхъ размѣрахъ изготовленіе пряжи и мѣшечнаго холста. Но, кромѣ удовлетворенія этихъ мѣстныхъ потребностей, масса пеньки служитъ для вывоза за предѣлы края—на пенькопрядильныя, веревочныя и канатныя фабрики въ другихъ губерніяхъ, а также и за-границу, преимущественно черезъ Ригу.

Главными пеньковыми рынками въ разсматриваемомъ районѣ долгое время, до проведенія желѣзныхъ дорогъ, считались: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Курскъ. Съ устройствомъ Орловско-Витебской и Московско-Курской желѣзной дорогъ, значеніе многихъ указанныхъ крупныхъ рынковъ сильно понизилось, въ особенности Болхова и Бѣлева, оставшихся внѣ линій желѣзныхъ дорогъ: отпускъ этихъ пунктовъ раздробился, — говоритъ г. Раевскій,— по ближайшимъ къ мѣсту покупокъ станціямъ желѣзныхъ дорогъ путей. Но Орлу и Карачеву въ пеньковой торговлѣ удалось даже пріобрѣсти болѣе важную, чѣмъ прежде, роль.

Въ торговлѣ различается пенька двухъ родовъ: 1) *сѣчка* (когда головки со стеблями отсѣкаются предварительно, сушатъ и молотятъ потомъ уже одни колосья) и 2) *молочка* (когда зерно молотится вмѣстѣ съ колосомъ). Лучшею изъ сѣчекъ считается сѣчка Трубчевскаго и Брянскаго уѣздовъ, гдѣ почва особенно благопріятна для пеньки, а лучшею изъ молочекъ признается пенька центральныхъ уѣздовъ Орловской и юговосточной части Калужской губерній. Впрочемъ, очень нерѣдко случается, что въ мѣстностяхъ, находящихся въ очень близкомъ разстояніи одна отъ другой, всего въ какихъ-нибудь 10 верстахъ, пенька получается разнаго качества.

Пеньковою торговлею орудуютъ особые спеціалисты, наживающіеся на счетъ крестьянъ не хуже кулаковъ-хлѣботорговцевъ. Этимъ скупщикамъ крестьяне продаютъ пеньку или у себя дома, или на ярмаркахъ и базарахъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одинаково не избѣгаетъ надувательства кулаковъ. На вѣсахъ или на безмѣнѣ у кулака пеньки оказывается постоянно меньше, чѣмъ сколько выходитъ по счету мужика. Интересно производство пеньковой торговли на ярмаркахъ и базарахъ: на нихъ кулаки сторожатъ крестьянъ при въѣздѣ и буквально бросаются, какъ только крестьяне покажутся. Не успѣетъ крестьянинъ опомниться, какъ пенька уже очутилась на вѣсахъ у кулака. Чтобы утянуть нѣсколько лиш-

нихъ фунтовъ пеньки, кулакъ нажимаетъ вѣсы, висящіе у него чрезъ плечо, ногою. Организованное нападеніе вызвало и организованную защиту: крестьяне иной разъ прорываются чрезъ непріятельскіе аванпосты и попадаютъ на самый торгъ. Отъ мелкихъ скупщиковъ пенька поступаетъ къ болѣе крупнымъ, а отъ нихъ уже къ оптовымъ портовымъ „пеньковикамъ".

Говоря о торговлѣ пенькою, нельзя не упомянуть интереснаго факта, сообщаемаго Раевскимъ въ его трудѣ „Западный районъ экспедиціи по изученію хлѣбной торговли", относительно практикуемой бабами утайки пеньки. Всѣ бабы, т.-е. жены, невѣстки, дочери хозяевъ, утягиваютъ всегда въ свою пользу сколько-нибудь пеньки. Одинъ богатый крестьянинъ сообщалъ г. Раевскому, что у него пудовъ на 30 пеньки бабы стащатъ пуда 2; крестьянинъ этотъ передъ мятьемъ дѣлалъ уговоръ съ бабами, что купитъ у нихъ взятую тайкомъ пеньку по той цѣнѣ, какую дастъ прасолъ за остальной товаръ.

То же самое растеніе, которое даетъ такой цѣнный матеріалъ какъ пенька, доставляетъ и другой продуктъ, находящій себѣ довольно значительный сбытъ. Продуктъ этотъ—конопляное масло. Впрочемъ, масло это находится въ рукахъ гораздо меньшаго числа производителей и торговцевъ вслѣдствіе самыхъ условій производства: выгодно бить масло на продажу только владѣльцамъ маслобоенъ, потому что остальнымъ надо лишиться выжимокъ („макухи"), составляющихъ главный доходъ при выбивкѣ и служащихъ отличнымъ кормомъ для скота. Многіе крестьяне, занимающіеся маслобойнымъ производствомъ, играютъ сами роль кулаковъ, скупая сѣмя у бѣдныхъ или собирая его за денежный долгъ. Они, по сбыту выдѣланнаго масла, имѣютъ уже дѣло непосредственно съ крупными торговцами.

Главными рынками торговли конопляннымъ масломъ считаются Сухиничи и Орелъ.

Воронежская губернія въ большомъ количествѣ производитъ и сбываетъ подсолнечное масло.

Послѣ торговли произведеніями земледѣлія важное значеніе въ хлѣбородной полосѣ имѣетъ торговля скотомъ и продуктами скотоводства—какъ-то: мясомъ, саломъ, кожами.

Торговля скотомъ находится въ рукахъ, такъ-называемыхъ, шибаевъ—мелкихъ торговцевъ, промышляющихъ барышничествомъ по части закупки и сбыта. Шибаи бываютъ изъ крестьянъ и ведутъ свои дѣла или въ одиночку, или въ компаніи. И тѣ и другіе орудуютъ преимущественно на ярмаркахъ. Шибаи-одиночки обыкновенно шныряютъ по ярмаркѣ между крестьянами, продающими скотъ, приторговываютъ изъ первыхъ рукъ одну или двѣ коровы, одного или двухъ быковъ и, заплативъ наличными, тотчасъ перепродаютъ купцамъ съ барышемъ отъ 1 до 3 руб. за голову. Шибаи, ведущіе свои дѣла компаніей, дѣйствуютъ иначе. Человѣкъ 6 и болѣе дѣлаютъ складчину рублей по 100 съ души и условливаются вести торговлю на общій капиталъ съ одинаковымъ участіемъ каждаго изъ нихъ въ прибыляхъ и убыткахъ. Затѣмъ покупается на общій же счетъ тарантасъ, лошадь, казанъ (котелъ) для варева, кошма или войлокъ отъ непогоды, и вся экспедиція пускается въ странствіе. Выѣзжаютъ обыкновенно весною, а возвращаются позднею осенью. Въ теченіе этого времени они объѣзжаютъ деревни и хутора, закупая поштучно быковъ, коровъ, молодыхъ бычковъ и кожи съ палаго скота. Набравъ партію въ 5, 10, 20 и даже 50 головъ, шибаи гонятъ ее на ближайшую ярмарку, гдѣ и сбываютъ. Возвративъ капиталъ съ барышами, большая часть шибаевъ прокучиваетъ деньги по трактирамъ и кабакамъ, и когда отъ нихъ ничего не останется, кромѣ голаго капитала, котораго по уговору касаться нельзя, они снова начинаютъ свои операціи по части закупки и продажи скота. Такъ какъ ярмарки чередуются очень часто, то шибаи всегда находятъ для себя дѣло. Главное зло шибайской торговли, независимо отъ неизбѣжныхъ при ней надувательствъ крестьянъ, состоитъ въ томъ, что шибаи скупаютъ скотъ, не обращая вниманія на его здоровье. Зачастую вмѣстѣ со здоровымъ они покупаютъ скотъ зараженный чумою. Купивъ скотъ въ зачумленныхъ деревняхъ, шибай увѣренъ, что еслибъ онъ и былъ уже зараженъ, то въ теченіе нѣсколькихъ дней будетъ казаться еще вполнѣ здоровымъ и

поступитъ въ продажу внѣ всякихъ подозрѣній со стороны покупателя. Фактъ, что шибаи, торгующіе мелкими шайками, рыскаютъ по зачумленнымъ мѣстностямъ и въ нихъ закупаютъ свой товаръ,—одинаково утверждается какъ крестьянами, такъ и крупными прасолами и всѣми мѣстными властями. Всѣ соглашаются, что шибаи — самый вредный, самый опасный народъ. Шибаи до того размножились, что помимо ихъ не проходитъ почти ни одна пара крестьянскихъ воловъ. Зная ихъ манеру торговать скотомъ подозрительнымъ и зараженнымъ, рядомъ съ здоровымъ, купцы не любятъ шибаевъ и боятся имѣть съ ними дѣло, но способъ разводить и распродавать скотъ парами парализуетъ всякую осторожность и нерѣдко бываетъ причиною заноса въ гурты „чумы въ инкубаціонномъ ея періодѣ".

За шибаями слѣдуютъ уже болѣе крупные—прасолы, занимающіеся формировкою гуртовъ, головъ въ 100—200. Формируемые гурты составляются изъ скота, покупаемаго въ розницу на ярмаркахъ, по деревнямъ, у помѣщиковъ. Набравъ партію, они выпасываютъ ее въ теченіе извѣстнаго времени на участкахъ, обыкновенно арендуемыхъ въ Донской области, куда пригоняютъ для выкорма гурты даже изъ Екатеринославской губерніи. Затѣмъ скотъ перепродается крупнымъ скотопромышленникамъ, ведущимъ непосредственныя сношенія со столицами, являющимися главными потребительницами мяса.

Говоря о посредникахъ въ торговлѣ скотомъ, нельзя не упомянуть объ особой категоріи ихъ—„бѣгунахъ". Бѣгуны эти являются весьма полезными комиссіонерами по составленію гуртовъ. Скотъ, пригоняемый, положимъ, на ярмарки, очень часто представляетъ большое разнообразіе: у одного продавца онъ худъ, невыкормленъ, у другого старъ, у третьяго крупенъ, у четвертаго мелокъ и т. п. Еслибъ гуртовщикъ сталъ покупать скотъ въ розницу, то и покупка шла бы медленно и сортировка заняла бы много времени. Вотъ тутъ и являются на помощь „бѣгуны". Передъ открытіемъ ярмарки купцы объявляютъ имъ какой масти, возраста, вѣса, величины и т. п. требуется скотъ. „Бѣгуны", сообразуясь съ этими требованіями, и высматриваютъ скотъ у продавцовъ. За каждую купленную пару „бѣгунъ" получаетъ бумажный ярлыкъ, который и представляетъ вечеромъ купцу для расчета. По каждому ярлыку выплачивается 10—20 коп.

Торговля мясомъ, кожами, саломъ и шерстью производится въ томъ лишь случаѣ, когда скотъ убивается на мѣстѣ. При значительномъ распространеніи повальныхъ скотскихъ падежей весьма часто кожи снимались и снимаются съ палаго скота. Г. Кравцовъ, описывая одну скотскую ярмарку, указывалъ на то, что крестьяне продавали сырыя шкуры, которыя были сняты съ палаго скота.

Перечисленными предметами и исчерпывается отпускная торговля края. Если, кромѣ нихъ, и вывозятся кое-какіе другіе, то отпускъ ихъ уже не имѣетъ большого вліянія на экономическую его жизнь.

Мѣстные продукты идутъ или на сѣверъ — въ Москву и Петербургъ, или на западъ—за-границу. Проложеніе рельсовыхъ путей обнаружило большое вліяніе какъ на усиленіе отпуска, такъ и на направленіе грузовъ. До проведенія желѣзныхъ дорогъ для сбыта и доставленія товаровъ служили естественные пути — судоходныя рѣки и грунтовыя дороги. Рѣки, орошающія край, связываютъ его съ бассейнами морей. Такъ Ока, съ своими притоками, изъ которыхъ главный Цна, протекающая по Тамбовской губерніи, соединяетъ его съ Волгою, Воронежъ и Хоперъ—съ Дономъ. Направленіемъ этихъ путей обусловливалось и движеніе грузовъ. Наибольшимъ значеніемъ изъ нихъ пользовалась Цна, идущая вдоль почти всей Тамбовской губерніи съ юга на сѣверъ. Количество проходившихъ Цною грузовъ, между которыми главными предметами были хлѣбъ и спиртъ, опредѣлялось въ 7.000,000 п. Погрузка производилась въ различныхъ пристаняхъ, расположенныхъ по теченію рѣки, но важнѣйшею изъ нихъ была—г. Моршанскъ, куда хлѣбъ подвозился не только изъ южныхъ уѣздовъ губерніи, но даже изъ Пензенской и Саратовской, а сало доставлялось и изъ Воронежской. Судоходству

ставило большія препятствія: мелководье Цны, хотя для водоснабженія во время движенія по ней были устроены запруды на мельницахъ числомъ до 230. Между владѣльцами и арендаторами мельницъ и депутаціею цнинскаго судоходства были нерѣдки пререканія по поводу спуска воды. Первые даже обращались къ тамбовскому губернатору съ жалобою на депутацію, что она „дѣлаетъ распоряженія о спускѣ водъ несвоевременно, въ неустановленномъ количествѣ, или совершенно до чиста, причемъ иногда совершенно напрасно". Въ этихъ распоряженіяхъ владѣльцы мельницъ видѣли стѣсненіе не только для себя, но и для производителей хлѣба, терявшихъ удобное время для обработки его на мельницахъ. По причинѣ мелководья рѣки, судоходство по ней производилось преимущественно во время весенняго половодья; въ лѣтнее же время ходили только мелкія суда, да и то въ незначительномъ количествѣ; осенью же возводились вверхъ по рѣкѣ бичевою пустыя суда съ рр. Мокши и Оки, такъ какъ собственнаго судостроенія на Цнѣ не производилось.

Другимъ естественнымъ путемъ движенія грузовъ на сѣверъ служила Ока съ Зушею Судоходная съ г. Орла, Ока принимала грузы съ этого пункта. Но такъ какъ и за Орломъ рѣка была довольно мелководна, то вдоль ея береговъ были устроены искусственныя приспособленія для облегченія судодвиженія. Принявъ въ себя Зушу, при которой находилась другая немаловажная пристань, Мценскъ, Ока становилась болѣе удобною для движенія судовъ.

Донъ, а главнымъ образомъ его притокъ Хоперъ являлись естественными путями направленія торговаго движенія на югъ, къ портамъ Азовскаго моря. Хотя самъ Донъ, беря начало въ Рязанской губерніи, протекаетъ въ юго-западной части Тамбовской и орошаетъ Воронежскую, но болѣе значенія для торговаго движенія, по крайней мѣрѣ, въ Тамбовской губерніи имѣлъ его притокъ Хоперъ Находящаяся на этомъ притокѣ Борисоглѣбская пристань играла роль въ сплавѣ грузовъ черезъ Донскую область къ азовскимъ портамъ.

Рѣки Десна и Сеймъ, связывающія край съ Днѣпромъ, не имѣли въ его предѣлахъ важнаго значенія въ торговомъ отношеніи, а про вторую можно сказать, что для товарнаго движенія она оставалась какъ бы вовсе несуществующею. Десна, дѣлаясь сплавною уже въ Смоленской губерніи, служила для сплава изъ нея въ Орловскую незначительнаго количества лѣсныхъ матеріаловъ. Судоходная часть начиналась уже у Брянска, Орловской губерніи, но судоходству препятствовали въ лѣтнее время отмели, такъ что движеніе происходило главнымъ образомъ весною, да и то не въ обширныхъ размѣрахъ. Еще менѣе благопріятныя условія для судоходства представляла р Сеймъ. Хотя она прорѣзываетъ собою почти всю Курскую губернію, но глубина ея очень измѣнчива, въ ней очень много мѣстъ, гдѣ образуются мели. Лѣтъ 60 назадъ, возникла мысль о приведеніи Сейма въ судоходное положеніе съ цѣлью сбыта произведеній Курской губерніи къ черноморскимъ портамъ и доставки въ нее соли и лѣсныхъ матеріаловъ. По рѣкѣ устроено было 12 шлюзовъ и въ 1838 г. начался даже сплавъ барокъ, но это вызвало неудовольствіе среди занимавшагося извозомъ населенія и владѣльцевъ расположенныхъ по рѣкѣ мельницъ. Въ 1850 г. судоходство по Сейму должно было совершенно прекратиться.

Изъ этого краткаго очерка водяныхъ путей края видно, что они не могли приносить особенной пользы товарному движенію. Они не приводили въ связь съ остальными мѣстностями Россіи всѣхъ его частей и ни одинъ изъ нихъ не представлялъ безусловныхъ удобствъ для сообщенія.

Поэтому гораздо болѣе, чѣмъ по естественнымъ путямъ, двигалось грузовъ по грунтовымъ дорогамъ, гужомъ. Еслибъ не эта гужевая перевозка, многіе центры, занявшіе важное мѣсто хлѣбной торговли, не получили бы того развитія, какого достигли. Таковы, напр. были города Орловской губерніи: Елецъ и Ливны и Тамбовской — Козловъ. Въ первый изъ этихъ пунктовъ, получившій извѣстность главнымъ образомъ по торговлѣ пшеницей, привозилось хлѣба до 6.300 тыс. пуд., во второй—до 8.600 тыс. пуд. До открытія желѣзныхъ дорогъ

Обозъ зимою.—Рисунокъ Н. Каразина.

города одной восточной полосы Орловской губ. выпускали сухимъ путемъ различныхъ товаровъ, состоявшихъ изъ сельскохозяйственныхъ произведеній (хлѣба въ зернѣ, мукѣ и крупѣ, пеньки, конопляннаго масла, сала, сырыхъ кожъ и т. п.) до 21.000 тыс. пуд. Для перевозки этого количества грузовъ требовалось не менѣе 840 тыс. подводъ. Въ другихъ губерніяхъ края гужевая перевозка грузовъ была развита также весьма сильно. Тамъ, гдѣ, кромѣ великороссовъ, живутъ малороссы, перевозкою грузовъ на ряду съ первыми занимались чумаки. Послѣдніе перевозили клади лѣтомъ на волахъ, тогда какъ русскіе главнымъ образомъ зимою и частью осенью.

Отсюда видно, какое сильное развитіе долженъ былъ получить до проведенія желѣзныхъ путей извозный промыселъ. Дѣйствительно, имъ занимались десятки тысячъ народа. Съ окончаніемъ главныхъ полевыхъ работъ, въ половинѣ августа, начиналось уже движеніе крестьянскихъ подводъ съ новымъ хлѣбомъ и сѣномъ къ близлежащимъ городамъ. Дальше этихъ городовъ движенія подводъ съ хлѣбомъ въ такую пору не было, такъ какъ на поляхъ оставались еще греча, картофель, конопля. Крестьянамъ предстояло убрать ихъ и обсѣменить поля озимями. Поэтому они ограничивались только привозкою своихъ сельскихъ продуктовъ въ ближайшіе центры, чтобъ выручить нѣкоторую сумму денегъ для неотложимыхъ нуждъ. Только въ сентябрѣ движеніе по дорогамъ усиливалось. Но скоро начинались дожди, дороги портились, и движеніе пріостанавливалось до наступленія зимы и открытія саннаго пути. Въ зимнее время извозничество принимало самые широкіе размѣры и продолжалось до весеннихъ оттепелей. Въ это время крестьяне перевозили уже не свой хлѣбъ, а чужой—по найму хлѣботорговцевъ. Кромѣ того, множество крестьянъ подряжалось артелями для перевозки другихъ товаровъ.

Оба разсмотрѣнные способа передвиженія грузовъ, какъ водяной, такъ и сухопутный, гужевой, представляли много неудобствъ для правильнаго хода торговли. Главное ихъ неудобство заключалось въ томъ, что ими можно было пользоваться не тогда, когда требовалось, а тогда, когда позволяло время года; другими словами, доставка находилась въ зависимости отъ времени года. Водяными сообщеніями можно было, напр., пользоваться только въ нѣкоторые мѣсяцы и притомъ не весь періодъ, въ который рѣки бываютъ свободны ото льда, а преимущественно въ весеннее половодье. Сухопутныя сообщенія, напротивъ, могли служить для перевозки товаровъ главнымъ образомъ зимою. Къ этому нужно прибавить еще долговременность перевозки. Случалось, что товаръ проведетъ въ дорогѣ нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ достигнетъ мѣстаназначенія. Все это отражалось крайне невыгоднымъ образомъ на торговыхъ операціяхъ. Прежде всего не представлялось возможности удовлетворять требованія на извѣстные товары во всякое время года и въ назначенные сроки. Продавецъ даже, при всемъ своемъ желаніи, не могъ поручиться въ томъ, что требуемый отъ него товаръ будетъ доставленъ въ опредѣленное время. Затѣмъ, въ зависимости отъ этого, купцы не могли сообразоваться съ цѣнами на тотъ или иной товаръ, существовавшими на рынкахъ. Бывало, пока хлѣбные грузы или другіе продукты, которыми богата черноземная полоса, успѣвали достичь къ мѣстамъ сбыта, цѣны на нихъ значительно понижались, такъ что мѣстные торговцы несли большіе убытки, будучи поставлены въ невозможность сбыть продукты даже по своимъ цѣнамъ. Правда, иной разъ случалось и противоположное, т.-е. въ мѣстахъ сбыта цѣны на товары ко времени ихъ доставки поднимались, но это обстоятельство мало не благопріятствовали успѣшности торговыхъ операцій. То, что купецъ наживалъ, благодаря возвышенію цѣнъ въ мѣстахъ сбыта, онъ терялъ въ то время, когда цѣны падали. Такимъ образомъ, онъ то поправлялъ свои дѣла, то разстраивалъ ихъ, и никогда не могъ вести ихъ съ вѣрнымъ расчетомъ. Отъ такого порядка вещей несли ущербы и производители—крестьяне, помѣщики, заводчики.

Желѣзныя дороги въ значительной степени содѣйствовали устраненію этихъ неудобствъ.

Мы говоримъ „въ значительной" потому, что наши желѣзныя дороги далеки отъ того, чтобъ служить въ полной степени удовлетворенію нуждъ торговли. И на нихъ товаръ не застрахованъ отъ задержекъ въ пути. Случающіеся въ зимнее время заносы путей снѣгомъ останавливаютъ нерѣдко грузы не на одинъ день. Еще чаще задержки происходятъ отъ злоупотребленій нашихъ желѣзнодорожныхъ администрацій, какъ будто бы продолжающихъ держаться взглядовъ, что не желѣзныя дороги существуютъ для интересовъ населенія, а, наоборотъ, населеніе существуетъ для желѣзныхъ дорогъ. Но при всемъ томъ желѣзныя дороги способствовали установленію у насъ болѣе правильнаго торговаго движенія и товарнаго обмѣна.

Вторымъ слѣдствіемъ проложенія желѣзныхъ путей было образованіе новыхъ промышленно-торговыхъ центровъ вмѣсто прежде существовавшихъ. Желѣзныя дороги стали притягивать къ себѣ грузы такихъ мѣстностей, которыя отправляли свои произведенія или водяными путями или гужомъ. Поэтому на каждой желѣзнодорожной линіи можно указать нѣсколько станцій, отправляющихъ или получающихъ сотни тысячъ или даже милліонъ путей различныхъ грузовъ. Прежніе центры, игравшіе роль при водяномъ или гужевомъ способахъ перевозки, должны были уступить свое значеніе этимъ вновь возникшимъ желѣзнодорожнымъ пунктамъ. Значеніе могли удержать только тѣ изъ нихъ, которыхъ коснулись рельсовые пути. Но направленіе грузовъ измѣнилось и въ нихъ. Такъ города, сплавлявшіе грузы водяными путями, стали отправлять ихъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Наконецъ, желѣзныя дороги очень сильно подорвали ярмарочную торговлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ желѣзныя дороги повели къ упадку судоходства, судостроенія, бурлачества и извознаго промысла. Эта сторона вліянія рельсовыхъ путей въ хлѣбородной полосѣ обнаружилась непосредственно за ихъ проведеніемъ. Такъ, напр., по р. Цнѣ въ періодъ 1865—69 гг. ходило среднимъ числомъ 570 судовъ, а цѣнность грузовъ опредѣлялась въ 4,865 тыс, рубл., въ періодъ же 1870—74 гг. число судовъ понизилось до 362, а цѣнность грузовъ—до 3,082 т. То же самое произошло на р. Воронѣ, служившей для сплава товаровъ къ Азовскому морю. Здѣсь въ періодъ 1865—69 гг. ходило до 80 судовъ съ грузомъ на 726 т. р., а въ слѣдующее пятилѣтіе число судовъ упало до 30, стоимость же грузовъ до 200 т. р. Пришло въ упадокъ и судостроеніе. Въ Моршанскомъ уѣздѣ оно, напр., вовсе прекратилось, а въ г. Борисоглѣбскѣ, при р. Воронѣ, оно уменьшилось почти вдесятеро. Все это вызвало упадокъ бурлацкаго промысла. На Цнѣ въ періодъ 1865—69 гг. дѣйствовало рабочихъ 21,755 человѣкъ, а въ 1870—74 гг. 12,161. Въ послѣдующіе же годы произошла, такъ сказать, почти полная ликвидація судоходства, судостроенія и бурлачества. Въ отношеніи извозничества вліяніе рельсовыхъ путей не было столь рѣзкимъ, потому что безъ гужевой доставки хлѣба обойтись нельзя, но все-таки проведеніе этихъ путей повело къ сильному его сокращенію.

Выяснивъ въ общихъ чертахъ вліяніе устройства желѣзныхъ дорогъ на торговое движеніе края, посмотримъ теперь, какое участіе въ этомъ движеніи принимаетъ каждая изъ прорѣзывающихъ его желѣзныхъ дорогъ; познакомимся также съ расположенными по нимъ наиболѣе важными торговыми центрами.

При взглядѣ на карту Европейской Россіи нельзя не замѣтить, что хлѣбородная полоса центральной ея части прорѣзывается рельсовыми путями съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ, такъ что пути эти пересѣкаютъ другъ друга. Въ западной части полосы идутъ съ юга на сѣверъ линіи Курско-Харьково-Азовская и Московско-Курская, а въ восточной — Козлово-Воронежско-Ростовская, Рязанско Козловская и Московско-Рязанская. Эти линіи пересѣкаются направляющимися съ востока на западъ дорогами Грязе-Царицынскою, Орловско-Грязскою и Орловско-Витебскою, затѣмъ Ряжско-Моршанскою и Ряжско-Вяземскою. Такимъ образомъ въ отношеніи развитія желѣзнодорожной сѣти центральная хлѣбородная полоса находится въ положеніи довольно счастливомъ. По крайней мѣрѣ, отношеніе этой сѣти къ общей

площади губерній является здѣсь болѣе благопріятнымъ, нежели во многихъ другихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. Положеніемъ этой сѣти въ срединѣ всей страны опредѣляется ея значеніе. Она, съ одной стороны, имѣетъ значеніе самостоятельное, потому что связываетъ полосу, которая сама по себѣ отличается производительностью хлѣба, съ бѣдными губерніями сѣвера и запада Россіи, а также съ портовыми городами, съ другой же—служитъ для транзита грузовъ, идущихъ съ Поволжья и частью изъ Малороссіи и Донского края Прослѣдить поэтому движеніе грузовъ, не впадая въ „утомительныя подробности", нѣтъ никакой возможности. Въ общихъ чертахъ движеніе грузовъ можно представить себѣ въ видѣ постепеннаго ихъ увеличенія, такъ-сказать нарастанія по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ и портовымъ городамъ—Петербургу и Ригѣ. На промежуточныхъ станціяхъ хлѣбныхъ грузовъ остается вообще менѣе, нежели сколько слѣдуетъ далѣе. Наиболѣе видные пункты хлѣбной торговли въ хлѣбородной полосѣ, расположенные по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, имѣютъ значеніе именно какъ центры вывозной торговли. Въ ряду же всѣхъ хлѣбныхъ рынковъ вообще первое мѣсто занимаетъ Москва, а за нею слѣдуетъ Петербургъ. Москва, съ своимъ обширнымъ населеніемъ, находясь на пути къ Петербургу, является въ хлѣбной торговлѣ первостепеннымъ центромъ. Независимо отъ того, что огромное количество хлѣба необходимо для продовольствія мѣстнаго населенія, масса его требуется для Петербурга. Нигдѣ поэтому не сосредоточивается такого множества крупныхъ хлѣбопромышленниковъ, какъ именно въ Москвѣ. Въ отношеніи хлѣбной торговли Москва находится въ тѣсной связи съ Петербургомъ, куда московскіе купцы пріѣзжаютъ сами для сдѣлокъ, гдѣ имѣютъ свои лабазы и конторы на Калашниковой пристани. Большія партіи хлѣба, заготовляемыя за Москвою, они продаютъ петербургскимъ экспортерамъ.

Послѣ этого станетъ понятною та роль, какою пользуется въ движеніи хлѣбныхъ грузовъ Москва. Она привлекаетъ къ себѣ эти грузы какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для передачи Петербургу и нѣкоторымъ Балтійскимъ портамъ.

Изъ средней хлѣбородной полосы хлѣбъ идетъ въ Москву при помощи двухъ линій—Московско-Рязанской и Московско-Курской. Первая изъ этихъ линій въ отношеніи движенія хлѣбныхъ грузовъ имѣетъ значенія гораздо болѣе, чѣмъ вторая.

Кромѣ хлѣба, по Московско-Рязанской дорогѣ идетъ большое количество другихъ сельскохозяйственныхъ произведеній, напр., льняного сѣмени, гороха, листового табаку и т. п. Почти все льняное сѣмя и $^2/_3$ гороха направляются на Николаевскую дорогу. Что касается продуктовъ животноводства, то по Московско-Рязанской дорогѣ слѣдуетъ большое количество мяса, сала и жира, шерсти и невыдѣланныхъ кожъ.

Къ сожалѣнію, для огромнаго количества всѣхъ приведенныхъ грузовъ Рязанская дорога служитъ лишь транзитнымъ путемъ. На линіи самой Рязанской дороги едва-ли можно указать, за исключеніемъ развѣ одной лишь Рязани, сколько-нибудь выдающійся пунктъ отпуска сельскохозяйственныхъ произведеній вообще и хлѣба въ частности. Тяготѣніе грузовъ къ Рязанской дорогѣ начинается далеко на востокѣ и югѣ Россіи — съ Поволжья и Донского края. Съ Поволжья грузы направляются къ Рязани по дорогамъ Моршанско-Сызранской, Ряжско-Моршанской, Тамбовско-Саратовской и Тамбово-Козловской, съ Донского же края при помощи дороги Козлово-Воронежско-Ростовской. Грузы этихъ трехъ линій передаются Московско-Рязанской дорогѣ чрезъ Рязанско-Козловскую. Не входя въ разсмотрѣніе участія въ отпускѣ грузовъ даже наиболѣе значительныхъ станцій на пяти упомянутыхъ дорогахъ *внѣ* описываемаго района, мы находимъ необходимымъ остановиться на роли главныхъ центровъ этихъ дорогъ въ его предѣлахъ.

На Моршанско-Сызранскую дорогу наибольшая масса грузовъ поступаетъ въ Пензенской губерніи, потому что дорога эта принадлежитъ преимущественно послѣдней. Въ Тамбовской и Рязанской губерніяхъ дорога эта захватываетъ менѣе значительныя пространства, и выдаю-

щихся по отправкѣ хлѣба и другихъ товаровъ пунктовъ здѣсь очень мало. Первое мѣсто между ними принадлежитъ знаменитому нѣкогда въ хлѣботорговыхъ лѣтописяхъ *Моршанску*, у котораго сходятся двѣ линіи (Моршанско-Сызранская и Ряжско-Моршанская). Значеніе этого пункта съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ значительно убавилось. Періодомъ его процвѣтанія было время, когда онъ отсылалъ громадные караваны судовъ по р. Цнѣ. Еще г. Чаславскій, описывая его въ началѣ 70-хъ годовъ, указывалъ на то, что это одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ въ черноземной мѣстности средней Россіи. „Также, какъ Елецъ и Козловъ, онъ совершенно выходитъ изъ общаго уровня нашихъ уѣздныхъ городовъ и поражаетъ своими каменными домами, рядами, мостовыми, своимъ относительнымъ движеніемъ. Дѣйствительно, Моршанскъ оживленъ гораздо болѣе другихъ уѣздныхъ городовъ, особенно зимою, когда къ пристанямъ его подвозятся огромныя массы хлѣба, которыя складываются вереницею вдоль береговъ Цны, и когда наѣзжаютъ съ разныхъ сторонъ хлѣбопромышленники для торговыхъ сдѣлокъ. Теперь это движеніе не ограничивается одною пристанью,—оно перешло и въ противоположную сторону города, гдѣ стоитъ станція желѣзной дороги, съ которой отправляется много хлѣба“ Такъ было еще въ началѣ 70-хъ годовъ. Съ того времени отправка хлѣбныхъ грузовъ упала очень сильно, желѣзная же дорога не могла возмѣстить ущерба, нанесеннаго городу этимъ упадкомъ. Если бы грузъ, отпускавшійся прежде изъ Моршанска по р. Цнѣ, былъ отвлеченъ Моршанскою станціею, то, разумѣется, городъ не потерпѣлъ бы отъ этого большого ущерба. Но дѣло-то въ томъ, что немалое количество грузовъ, по частямъ, было отвлечено разными станціями. Моршанскъ, если теперь и имѣетъ значеніе въ хлѣбной торговлѣ, то не такое самостоятельное, какъ прежде—онъ сдѣлался преимущественно передаточною станціею, такъ что хлѣбъ проходитъ мимо. Въ былое время закупленный хлѣбъ свозился на берегъ р. Цны, потомъ грузился на барки, которыхъ отсюда отправлялось по 700 слишкомъ въ одну весеннюю навигацію. Такъ какъ въ каждой баркѣ вмѣщалось до 4,000 четвертей, то можно себѣ представить, какъ обширна была хлѣбная торговля Моршанска. Теперь отправка водою не превосходитъ 60—80 барокъ по 400—700 четвертей. Упало и процвѣтавшее нѣкогда мукомольное производство. Прежде здѣсь существовало множество „вѣтрянокъ“ и, кромѣ того, работала знаменитая по своимъ размѣрамъ мельница Кутайсова о 16-ти поставахъ. Въ настоящее время все это почти бездѣйствуетъ. Съ упадкомъ самостоятельнаго торговаго значенія Моршанска упала и его общественная жизнь. Въ городѣ прежде существовалъ хорошенькій театръ, а теперь его зданіе обращено въ торговыя бани. Таковы „превратности судьбы!“

По желѣзной дорогѣ (Ряжско-Моршанской) Моршанскъ отправляетъ теперь хлѣба и крупъ до 2 милліоновъ пуд., сѣмени разнаго 150 т., мяса до 120 т.

Изъ другихъ пунктовъ по Ряжско-Моршанской дорогѣ выдѣляются станціи Верда и Ухолово, находящіяся уже въ Рязанской губерніи. Ст. *Верда* отправляетъ хлѣба свыше 1 м. п., а *Ухолово* болѣе 1,500 т. п.

Послѣдняя изъ станцій Ряжско-Моршанской дороги—г. *Ряжскъ*. Городъ этотъ расположенъ въ узлѣ желѣзныхъ дорогъ—Ряжско-Моршанской, Ряжско-Вяземской и Рязанско-Козловской. Поэтому грузы, проходящіе чрезъ Ряжскъ и отправляемые имъ, направляются въ разныя стороны, но болѣе на сѣверъ (на Рязань — Москву). Особеннаго значенія въ торговлѣ городъ этотъ прежде не имѣлъ, но теперь отпускаетъ до 2 милл. пуд. хлѣба.

Параллельно Моршанско-Сызранской и Ряжско-Моршанской дорогамъ, но южнѣе ихъ идутъ дороги Тамбово-Саратовская и Козлово-Тамбовская. Послѣднія также служатъ для передачи Московско-Рязанской линіи грузовъ, приходящихъ съ востока.

Тамбово-Саратовская дорога входитъ въ описываемый районъ при станціи Уметъ, на границѣ съ Саратовскою губерніею. Изъ пунктовъ наиболѣе значительной отправки грузовъ на этой линіи нужно упомянуть гор. *Кирсановъ* и ст. *Платоновку*. Изъ Платоновки значительнѣе всего отпускъ ржи.

Тамбово-Саратовская дорога у самаго Тамбова соединяется съ Тамбово-Козловскою, служащею какъ бы ея продолженіемъ. Какъ центръ хлѣбной торговли, *Тамбовъ* не лишенъ извѣстнаго значенія. Прежде онъ игралъ роль очень незначительную. Хотя онъ считался однимъ изъ хлѣбныхъ рынковъ, но удаленный отъ сплавныхъ рѣкъ и главнаго гужевого пути, онъ не могъ сравняться въ торговомъ отношеніи со своими уѣздными городами — Козловомъ и Моршанскомъ. Поэтому онъ не имѣлъ возможности занять самостоятельнаго положенія и служилъ посредствующимъ и складочнымъ мѣстомъ для закупки хлѣба на другіе рынки. Послѣ проведенія Тамбово-Саратовской и Тамбово-Козловской дорогъ положеніе, занимаемое Тамбовомъ въ хлѣбной торговлѣ, измѣнилось. Отправка хлѣба въ Моршанскъ и Борисоглѣбскъ, которые отошли къ другимъ линіямъ, прекратилась. Хлѣбъ, поступающій на тамбовскій рынокъ, сталъ идти уже въ одномъ направленіи—къ Козлову для дальнѣйшаго движенія по Рязанско-Козловской дорогѣ на Рязань — Москву. Изъ Тамбова отправляется по Козлово-Тамбовской дорогѣ хлѣбныхъ грузовъ до 1 м. пуд.

Козловъ, другой пунктъ на Козлово-Тамбовской дорогѣ, пользуется еще большимъ значеніемъ въ хлѣбной торговлѣ. Это понятно. Кромѣ грузовъ, непосредственно поступающихъ въ городъ и получаемыхъ имъ съ Тамбово-Саратовской и Тамбово-Козловской дорогъ, сюда стягивается и часть грузовъ съ дороги Козлово-Воронежско-Ростовской, при помощи которой, какъ уже замѣчено выше, направляются къ Москвѣ продукты съ юга Россіи. Козловъ, впрочемъ, не принадлежитъ къ числу тѣхъ торговыхъ пунктовъ, которые своимъ развитіемъ обязаны всецѣло желѣзнымъ дорогамъ. Онъ давно уже пользовался репутаціею одного изъ главнѣйшихъ хлѣбныхъ рынковъ юговосточной части центральнаго района. Вмѣстѣ съ Моршанскомъ и Ельцомъ онъ еще въ старину производилъ огромную торговлю хлѣбомъ, стягивая къ себѣ избытки хлѣба не только изъ южной половины Тамбовской, но и прилегающихъ къ ней уѣздовъ Саратовской и Воронежской губерній. Хлѣбъ, шедшій въ Козловъ, направлялся затѣмъ гужомъ въ Москву, и именно съ Козлова начинался тотъ большой гужевой путь, который велъ изстари изъ Рязани въ Москву. Вліяніе проведенія желѣзныхъ дорогъ отразилось на Козловѣ не только въ томъ, что онъ сталъ притягивать къ себѣ хлѣбные грузы, но и въ томъ, что районъ торговой дѣятельности козловскихъ хлѣбопромышленниковъ расширился, охвативъ болѣе значительное противъ прежняго пространство.

Козлово-Воронежско-Ростовская дорога, служа для доставленія продуктовъ съ юга, прорѣзываетъ Воронежскую губернію, проходя по ней въ направленіи къ сѣверу и оканчивается у Козлова въ Тамбовской. Наиболѣе значительные пункты торговаго движенія по этой дорогѣ Воронежъ и Усмань (въ Тамбовской губерніи). Оба эти пункта заслуживаютъ вниманія не только по отправкѣ хлѣба, но и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, напримѣръ, мяса, шерсти.

Грузы, идущіе по линіямъ Моршанско-Сызранской, Ряжско-Моршанской, Тамбово-Саратовской, Козлово-Тамбовской и Козлово-Воронежско-Ростовской, по направленію на Рязань и Москву, прежде чѣмъ попасть на Московско-Рязанскую дорогу, поступаютъ на дорогу Рязанско-Козловскую. Послѣдняя, такимъ образомъ, служитъ для передачи Московско-Рязанской линіи грузовъ съ нѣсколькихъ другихъ. Къ этимъ грузамъ на самой Рязанско-Козловской дорогѣ присоединяется не мало новыхъ. Кромѣ упомянутыхъ уже выше Козлова и Ряжска, по размѣрамъ отпуска такихъ грузовъ, выдѣляются Богоявленскъ и Раненбургъ.

Конечно, было бы странно думать, что все количество грузовъ, слѣдующихъ по разсмотрѣннымъ дорогамъ, поступаетъ цѣликомъ на Московско-Рязанскую. Нѣкоторая доля ихъ принимаетъ совершенно другое направленіе. Но въ Москву идетъ главная ихъ масса.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію движенія хлѣба къ Москвѣ съ юга при помощи Московско-Курской дороги. Подобно Московско-Рязанской дорогѣ, Московско-Курская отправляетъ хлѣбъ, частью поступающій непосредственно на станціи этой дороги, частью же получаемый

съ другихъ дорогъ, напримѣръ, Курско-Харьково-Азовской, Орловско-Грязской и Ряжско-Вяземской. Изъ центровъ хлѣбной торговли, находящихся на Московско-Курской дорогѣ, слѣдуетъ прежде всего упомянуть *Курскъ*. До проведенія желѣзной дороги Курскъ не пользовался значеніемъ большого хлѣбнаго рынка. Близость Ливенъ и Ельца парализовали его роль. Съ проведеніемъ Московско-Курской дороги положеніе вещей сильно измѣнилось. Значительная часть хлѣба, шедшая въ два упомянутые города, стала поступать въ Курскъ или расположенныя къ сѣверу отъ него станціи. Теперь изъ одного Курска отправляется грузовъ свыше 6 м. пуд. и главный между ними рожь. По причинѣ усиленія хлѣбной торговли въ Курскѣ и около него сильно развилось мукомольное производство.

За Курскомъ, по направленію къ сѣверу, расположенъ рядъ станцій, имѣющихъ болѣе или менѣе видное значеніе по отправкѣ хлѣба. Таковы: *Будановка*, *Малоархангельскъ*, *Змѣевка* (послѣднія двѣ уже въ Орловской губерніи). Но гораздо болѣе этихъ станцій важенъ *Орелъ*. Находясь на Окѣ, Орелъ отпускалъ въ прежнюю пору хлѣбъ водою, на сѣверъ—къ Москвѣ. Этимъ путемъ хлѣба шло среднимъ числомъ до полутора милліоновъ пудовъ въ годъ. Кромѣ того, значительныя массы хлѣба направлялись гужомъ какъ къ Москвѣ, такъ и въ Калужскую губернію. Послѣ открытія рельсовыхъ путей отправка грузовъ водою на сѣверъ совершенно упала. Очутясь въ узлѣ желѣзныхъ дорогъ (на перекресткѣ Московско-Курской, Орловско-Грязской и Орловско-Витебской), Орелъ сдѣлался пунктомъ, откуда стали опредѣляться два направленія движенія хлѣба — одно на сѣверъ, другое — на западъ. Но, какъ указалъ еще Чаславскій, Орелъ болѣе тяготѣетъ къ западу. Со ст. Орелъ по Московско-Курской дорогѣ въ 1881 было на сѣверъ отправлено всего 700 т. пуд. разнаго рода хлѣбныхъ грузовъ, а на западъ около $2^1/_2$ милл. пуд.

Другой городъ Орловской губерніи, *Мценскъ*, испыталъ на себѣ менѣе счастливое вліяніе рельсового пути. Онъ принималъ въ прежнюю пору весьма дѣятельное участіе въ движеніи хлѣбныхъ каравановъ по Окѣ на сѣверъ, такъ какъ расположенъ на притокѣ этой рѣки, Зушѣ. Желѣзная дорога, подорвавъ водяную отправку грузовъ Мценска, не возмѣстила этого ущерба. Съ одной стороны близость Орла, оттягивающаго часть грузовъ на западъ, съ другой — конкурренція хлѣботорговцевъ обширнаго торговаго села Сергіевскаго, которые, благодаря близости къ Москвѣ, имѣютъ болѣе возможности, въ случаѣ запроса, доставлять товаръ ранѣе, парализуютъ роль Мценска въ хлѣбной торговлѣ. Уже г. Чаславскій въ своемъ извѣстномъ трудѣ о торговлѣ въ центральномъ районѣ набросалъ печальную картину упадка и запустѣнія Мценска. Хлѣбные амбары, занимающіе огромную квадратную площадь, стояли пустыми. Площадь близъ амбаровъ, служившая прежде для базаровъ, опустѣла и заросла травой... Впрочемъ, и теперь еще отсюда значительна отправка овса, муки ржаной и пеклеванной. Кромѣ этихъ продуктовъ, Мценскъ отпускаетъ пеньку и паклю и масло растительное.

За то село *Сергіевское* (Тульской губерніи), благодаря проведенію желѣзной дороги, достигло замѣчательной степени процвѣтанія. Правда, и прежде Сергіевское выдѣлялось изъ числа заурядныхъ селъ, но своимъ нынѣшнимъ развитіемъ оно обязано исключительно желѣзной дорогѣ. Хлѣбное дѣло, по словамъ мѣстныхъ купцовъ, возрасло здѣсь противъ прежняго въ 10 разъ. Развилось и мукомольное производство. Въ селѣ бываетъ много базаровъ, куда крестьяне доставляютъ значительное количество разныхъ деревянныхъ издѣлій. Такому развитію села много помогло и его счастливое положеніе на сѣверозападной окраинѣ хлѣбородной, черноземной полосы и центральной промышленной и отчасти лѣсной области. Изъ села Сергіевскаго идетъ больше всего овса, затѣмъ, по количеству, слѣдуетъ мука ржаная и пеклеванная, мука пшеничная. Ржи отпускается мало.

За Сергіевскимъ наиболѣе значительнымъ центромъ хлѣботорговли является г. *Тула*, лежащій, подобно Орлу, въ узлѣ желѣзныхъ дорогъ (на пересѣченія Московско-Курской и Рязанско-Вяземской). Въ Тулѣ къ массѣ грузовъ, идущихъ съ юга, присоединяется значитель-

ное количество грузовъ съ Рижско-Вяземской линіи. Но самъ по себѣ городъ этотъ играетъ въ хлѣбной торговлѣ болѣе, чѣмъ скромную роль. За то на Рижско-Вяземской дорогѣ расположены весьма видные по размѣрамъ хлѣбной торговли пункты. Изъ пунктовъ этихъ наиболѣе замѣчательны: Елецъ, Ефремовъ и Скопинъ. Елецъ находится собственно на Орловско-Грязской дорогѣ, но онъ связывается съ главною линіею Ряжско-Вяземской дороги, идущей съ востока на западъ, вѣтвью съ юга. Такое положеніе Ельца при двухъ дорогахъ служитъ причиною того, что онъ отправляетъ свои грузы и на западъ, по Орловско-Грязской дорогѣ, и на сѣверъ, къ своей главной линіи. Но елецкій хлѣбъ идетъ болѣе всего въ этомъ, сѣверномъ направленіи, почему мы здѣсь о *Ельцѣ* и говоримъ.

Слѣдуя на сѣверъ, елецкій хлѣбъ встрѣчается съ отправляемымъ изъ *Ефремова*, получившаго съ устройствомъ рельсоваго пути также немаловажное значеніе въ хлѣбной торговлѣ. Онъ отпускаетъ болѣе всего овса и затѣмъ много муки—ржаной и пеклеванной.

Пройдя чрезъ *Богородицкъ*, гдѣ, къ идущему на сѣверъ хлѣбу, присоединяется новый, (главнымъ образомъ тоже овесъ), весь грузъ у станціи Узловой входитъ въ главную линію Ряжско-Вяземской дороги, на которой центромъ хлѣбнаго отпуска является *Скопинъ*, отсылающій около $^1/_2$ мил. пуд. овса.

Главная линія Ряжско-Вяземской дороги, проходя черезъ Тулу на Вязьму, служитъ частью для доставленія хлѣба на западъ въ Калужскую и Смоленскую губерніи, но преимущественно хлѣбъ сворачиваетъ съ нея къ сѣверу и входитъ въ общую массу грузовъ Московско-Курской линіи. Такъ, въ 1896 году большая часть грузовъ предназначалась на Московско-Курскую дорогу и значительно меньшая для отправки на западъ. Нужно замѣтить, что самый характеръ хлѣбнаго товара, въ зависимости отъ мѣста назначенія, различается весьма сильно. На Московско-Курскую дорогу, напр., идетъ почти вся масса овса (больше 7 м. пуд.), значительная часть ржи, ржаной и пеклеванной муки (около $1^1/_2$ м. пуд.) и только въ незначительномъ количествѣ пшеница и пшеничная мука. При этомъ большая часть овса предназначается для передачи дорогамъ—Николаевской и Балтійской. На западъ отправляется рожь (около 2 м. п.), пшеница и пшеничная мука (2 м. п.), гречневая крупа (335 м. п.) и очень мало ржи.

Необходимо замѣтить, что съ Московско-Курской дороги нѣкоторое количество хлѣба отдѣляется въ Орлѣ для движенія къ западной границѣ, такъ что дорога служитъ хотя главнымъ, но и не исключительнымъ путемъ для доставки грузовъ на сѣверъ.

Теперь намъ слѣдуетъ выяснить направленіе хлѣбныхъ грузовъ къ западной границѣ и главнымъ образомъ къ Ригѣ. Въ движеніи грузовъ по этому направленію принимаютъ участіе рельсовые пути, проходящіе по хлѣбородному району съ востока на западъ. Таковы дороги: Орловско-Грязская (съ Ливенскою узкоколейною), Орловско-Витебская и Ряжско-Вяземская. Первая изъ этихъ дорогъ привлекаетъ грузы съ Грязе-Царицынской дороги, непосредственнымъ продолженіемъ которой она служитъ, но, кромѣ нихъ, она отсылаетъ значительное количество и своихъ собственныхъ. По этому намъ прежде всего слѣдуетъ выяснить ту роль, какую играетъ въ отправкѣ хлѣбныхъ грузовъ по Орловско-Грязской дорогѣ Грязе-Царицынская линія.

Грязе-Царицынская дорога, начинаясь у самой Волги, проходитъ по губерніи Саратовской, Донской области, и губерніямъ—Воронежской и Тамбовской. Благодаря своему положенію, она не только привлекаетъ къ себѣ хлѣбъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ идетъ, но и часть грузовъ волжскихъ, конкуррируя съ дорогою Тамбово-Саратовскою, идущею съ нею къ Волгѣ почти въ параллельномъ направленіи. Соперничая съ Тамбово-Саратовскою, Царицынская дорога оказываетъ всѣ льготы волжскимъ грузамъ въ ущербъ грузамъ остальныхъ промежуточныхъ станцій своего обширнаго хлѣбороднаго района. Всѣ грузы, поступающіе съ Волги на конечную станцію „Царицынъ", безъ задержки грузятся въ тотъ же день. Совсѣмъ

иного рода отношеніе замѣчается къ грузамъ на дальнѣйшихъ станціяхъ. Такъ какъ конкуренціи Тамбово-Саратовской дороги здѣсь быть уже не можетъ, то Царицынская дорога въ отношеніи поступающихъ на нее грузовъ дѣйствуетъ весьма безцеремоннымъ образомъ. Хлѣбъ, прежде чѣмъ быть отправленнымъ, остается лежать болѣе или менѣе продолжительное время подъ открытомъ небомъ, безъ всякой защиты. Мѣшки съ хлѣбомъ сваливаются прямо на грунтъ, а кровлей имъ служитъ широкій кровъ чистаго неба. Все это наноситъ громадный ущербъ хлѣбной торговлѣ. Своевременной же отправкѣ грузовъ препятствуетъ недостатокъ подвижного состава.

Разсматриваемый нами центральный хлѣборордный районъ начинаетъ принимать участіе въ отправкѣ хлѣбныхъ грузовъ съ *Борисоглѣбска*, Тамбовской губерніи. Городъ этотъ, послѣ Моршанска, служитъ другимъ рельефнымъ примѣромъ того измѣненія въ движеніи грузовъ, какое обнаружили желѣзные пути. Считаясь издавна важнымъ хлѣботорговымъ городомъ въ губерніи частью какъ самостоятельный рынокъ, частью какъ складочное мѣсто, съ котораго болѣе близкіе къ Москвѣ и болѣе сильные центры (Козловъ и Моршанскъ) могли получать хлѣбные запасы, и занимая положеніе на р. Воронѣ, притокѣ р. Хопра, впадающаго въ Донъ, Борисоглѣбскъ отсылалъ значительное количество хлѣбныхъ грузовъ къ азовскимъ портамъ. Такъ, въ теченіе 60-хъ годовъ къ этимъ портамъ шло хлѣба отъ 1,093 тыс. до 1,726 т. п., исключая 1862 и 1866 гг., когда сплавъ былъ очень незначителенъ и 1864 г., когда онъ, за мелководіемъ, вовсе не производился. Но уже въ 1870 г., съ открытіемъ желѣзной дороги, отправка хлѣба водою вдругъ упала до 500 т. пуд., а въ 1875 г. хлѣба въ зернѣ съ Борисоглѣбской пристани, какъ видно изъ свѣдѣній, опубликованныхъ „Журналомъ Министерства путей сообщенія“, отпущено было всего 33,560 пуд. Такой упадокъ отправки хлѣба водою, на югъ, былъ естественнымъ слѣдствіемъ отвлеченія его на сѣверъ и на западъ желѣзными дорогами.

Изъ прочихъ станцій Грязе-Царицынской дороги въ предѣлы Тамбовской губерніи, по размѣрамъ хлѣбнаго отпуска, заслуживаютъ вниманія: *Волконская, Буршкъ, Токаревка, Мороово* и *Добринка*.

Главная масса ржи и овса, идущихъ чрезъ Борисоглѣбскъ съ присоединеніемъ грузовъ этого рода, поступающихъ на слѣдующихъ станціяхъ Грязе-Царицынской дороги, направляется на Динабурго-Витебскую линію. Посредницею въ передачѣ этой ржи служитъ дорога Орловско-Грязская. Съ Козлово-Воронежско-Ростовской дороги хлѣба на послѣднюю поступаетъ значительно менѣе.

На самой линіи Орловско-Грязской дороги, хотя пунктовъ, выдающихся количествомъ хлѣбнаго отпуска весьма не много, но за то нѣкоторые ведутъ дѣла въ громадныхъ размѣрахъ. Таковы: Елецъ, Ливны, Орелъ. Первый изъ этихъ городовъ, впрочемъ, отсылаетъ свои грузы, какъ уже сказано выше, преимущественно на сѣверъ, благодаря тому, что онъ связывается при помощи особой вѣтви съ Ряжско-Вяземскою дорогою. За то Ливны весь свой грузъ отправляютъ на западъ по направленію къ Орлу. Грузъ этотъ поступаетъ на Орловско-Грязскую дорогу при помощи Ливенской узкоколейной, сходящейся съ нею у станціи Верховье. По размѣрамъ своихъ хлѣбныхъ операцій, Ливны въ прежнюю пору во всемъ центральномъ районѣ не имѣли себѣ соперника ни въ одномъ изъ хлѣботорговыхъ центровъ. Въ этомъ городѣ ежегодно передѣлывалось въ муку до 2,000 тыс. пуд. пшеницы, приготовлялось до 450 т. четв. муки пеклеванной и до 200 т. четв. ржаной. Кромѣ того, здѣсь выдѣлывалось до 720 т. п. гречневой крупы. Размѣръ ежегоднаго отпуска изъ Ливенъ разнаго рода хлѣбовъ доходилъ до 8.600 т. п. Роль этого хлѣбнаго рынка значительно уменьшилась, такъ какъ часть хлѣба, которая шла прежде въ Ливны, оттянулъ къ себѣ Курскъ и другія станціи. Утраченнаго Ливнами значенія не помогло возстановить и соединеніе этого города особою вѣтвью съ Орловско-Грязскою дорогою При всемъ томъ количество хлѣбнаго отпуска изъ Ливенъ все

еще весьма значительно, судя по тому, сколько отправляется хлѣбныхъ грузовъ со ст. Верховье.

Послѣ Ливенъ важнымъ пунктомъ хлѣбной торговли по линіи Орловско-Грязской дороги является г. Орелъ. Участіе этого города въ торговомъ движеніи на сѣверъ мы уже видѣли; положеніемъ его на линіи Орловско-Грязской опредѣляется его роль въ торговлѣ съ западомъ. Если сопоставить количество грузовъ, отсылаемыхъ Орломъ на сѣверъ, съ тѣмъ, какое онъ отсылаетъ на западъ, то нельзя будетъ не замѣтить, что значеніе его въ торговлѣ съ западомъ гораздо выше, чѣмъ съ сѣверомъ. Такъ, въ 1897 году на сѣверъ, по Московско-Курской дорогѣ, Орелъ отправилъ хлѣбныхъ грузовъ всего 700 т. пуд., а на западъ около $2^1/_2$ милл. пудовъ. Между послѣдними грузами первое мѣсто занималъ овесъ (1.182,$_7$ тыс. п.), рожь (528,$_3$ т. п.), ржаная мука (504,$_8$ т. п.). Пшеницы и пшеничной муки отсюда отправляется мало.

Весь хлѣбъ, какъ поступившій на линію съ собственныхъ ея станцій, такъ и принятый съ Грязе-Царицынской линіи, а частью съ дорогъ: Курской и Козлово-Воронежско-Ростовской, направляется главнымъ образомъ къ портамъ Балтійскаго моря. Наибольшее количество этого хлѣба, преимущественно овесъ и рожь, поступаетъ на Риго-Двинабургскую, а также на Либавскую (гораздо меньше) линіи, для отправки за границу; часть же, а именно мука ржаная и пшеничная расходятся по градамъ и весямъ обдѣленнаго хлѣбомъ Бѣлорусскаго края. Мука начинаетъ выгружаться по станціямъ самой Орловско-Витебской дороги съ Карачева.

Между тѣмъ какъ почти всѣ желѣзныя дороги имѣютъ болѣе или менѣе важное значеніе въ отправкѣ и движеніи грузовъ хлѣба, въ отношеніи движенія другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства роль ихъ гораздо уже. Это понятно. Большая часть прочихъ продуктовъ сельскохозяйственной промышленности имѣетъ и гораздо болѣе ограниченный районъ производства и значительно меньшій сбытъ, нежели хлѣбъ. Это, напр., можно сказать про пеньку, конопляное масло, разныя масличныя сѣмена, мясо, шерсть, сало. Оттого-то по однимъ дорогамъ идетъ одинъ товаръ, по другимъ другой; однѣ дороги важны по движенію, положимъ, пеньки, другія — мяса, шерсти и т. п. Такъ Орловско-Витебская дорога имѣетъ большое значеніе въ отношеніи торговли пенькою. Въ 1897 году по этой дорогѣ пеньки и пакли перевезено было около 4000 т. пуд. Самое большое количество пеньки было отправлено изъ *Карачева*, *Орла* и *Брянска*. Все почти количество пеньки предназначалось для Риги. За Орловско-Витебскою дорогою, по размѣрамъ отпуска пеньки, слѣдуетъ Московско-Курская, отправляющая, однако, этого продукта несравненно менѣе (въ 1897 году его перевезено было по этой дорогѣ около 1000 т. п.). Наиболѣе значительныя отправки сдѣланы были Малоархангельскомъ, Орломъ, Мценскомъ и Серпуховомъ. Что касается другихъ желѣзныхъ дорогъ, то, въ отношеніи движенія пеньки, онѣ не представляютъ значенія. Главная масса идущей по Московско-Курской дорогѣ пеньки предназначается на Николаевскую.

За пенькою слѣдуютъ растительныя сѣмена—льняное, подсолнечное, конопляное, находящія большой спросъ за границею. Сѣмя льняное и подсолнечное идетъ преимущественно съ юговостока—изъ воронежскаго и тамбовскаго края. Значительное количество его отправляется со станцій Грязе-Царицынской и Тамбово-Саратовской дорогъ. На первой изъ этихъ линій однимъ Борисоглѣбскомъ отпускается 613,$_6$ т. п. подсолн. и 160 т. п. льняного сѣмени. Не малое количество этого продукта отправляется и съ другихъ станцій названной дороги въ предѣлахъ Тамбовской губерніи. Вообще эта губернія отправляетъ по Грязе-Царицынской дорогѣ до 750 т. п. сѣмени подсолнечнаго и до 450 льняного. Значительно менѣе идетъ сѣмени по Тамбово-Саратовской и Козлово-Тамбовской дорогамъ. Здѣсь наиболѣе значительный пунктъ отпуска—г. Кирсановъ.

Большая часть льняного сѣмени направляется чрезъ Москву на Николаевскую дорогу. Другая часть сѣмени принимаетъ иное направленіе—на западъ, къ Ригѣ.

Конопляное сѣмя идетъ по дорогамъ—Орловско-Витебской и Московско-Курской, такъ какъ онѣ прорѣзываютъ мѣстности, дающія въ изобиліи этотъ продуктъ.

Кромѣ самыхъ масляничныхъ сѣмянъ, отправляется не малое количество растительнаго масла. Наиболѣе всего отпущено было этого продукта Орломъ, затѣмъ Мценскомъ.

Скотъ и его продукты (мясо, сало, кожи, шерсть) идутъ преимущественно съ востока и юговостока — съ Поволжья и Придонского края. Поэтому желѣзныя дороги, проходящія по описываемому нами району, представляютъ значеніе главнымъ образомъ транзитное. Это замѣчаніе имѣетъ значеніе особенно относительно торговли живымъ скотомъ. Изъ всѣхъ губерній описываемаго района только одна еще Воронежская отправляетъ скотъ, да и то въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ; большая же часть гуртовъ формируется въ степяхъ Ставропольской губерніи и Донской области и только переправляется чрезъ губерніи описываемаго района въ главные центры потребленія, какъ Москва и Петербургъ. До послѣдняго времени гурты скота доставлялись на главные рынки прогономъ по особымъ трактатамъ (скотопрогоннымъ). Таковы были донскіе тракты (одинъ съ вост. части Донской обл. на Тамбовъ, Рязань, Москву, Тверь, Новгородъ, Петербургъ, а другой съ западной—на Воронежъ, Тулу, Москву и т. д.) и старорусскій (изъ Харьковской губерніи чрезъ Курскъ, Калужскую, Смоленскую и Тверскую губерніи на Старую Руссу и далѣе въ Петербургъ). Но передвиженіе скота по трактамъ найдено было неудобнымъ, во 1-хъ, по весьма продолжительному пребыванію скота на открытомъ воздухѣ, несмотря ни на какія неблагопріятныя условія погоды, во 2-хъ, по недостатку корма и водопоевъ, въ 3-хъ, въ неравномѣрной скорости передвиженія гуртовъ и въ отсутствіи всякаго почти отдыха для животныхъ, въ 4-хъ, въ небрежности приказчиковъ и погонщиковъ въ заготовленіи корма, водопоевъ и обхожденіи со скотомъ; въ 5-хъ, въ занесеніи разныхъ скотскихъ болѣзней въ мѣстности, гдѣ движутся гурты и въ 6-хъ, въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ и пререканіяхъ между приказчиками и погонщиками гуртовъ, съ одной стороны, и мѣстными обывателями, живущими по скотопрогоннымъ трактамъ, съ другой. По этому предположено было замѣнить прогонъ скота обязательно перевозкою его по желѣзнымъ дорогамъ. Но перевозка эта представляетъ свои весьма крупныя невыгоды. Скотъ, изъ котораго формируются гурты, бываетъ (весною, за весьма немногими исключеніями) тощъ, худъ и нуждается въ болѣе или менѣе продолжительномъ откармливаніи. Такой худой, тощій скотъ перевозить по желѣзнымъ дорогамъ нельзя, во 1-хъ, потому, что онъ легокъ, а на рынкѣ имѣетъ цѣну лишь скотъ выкормленный, а во 2-хъ, потому, что перевозка скота по желѣзнымъ дорогамъ обнаруживаетъ на него очень дурное вліяніе: разъ побывавъ въ вагонахъ, онъ теряетъ способность къ скорому и хорошему откармливанію. Кромѣ того, весь убойный скотъ бываетъ такъ разнокачественъ, что часть его „поспѣваетъ“ къ убою послѣ мѣсячнаго корма на травахъ, а часть лишь спустя 2 — 3 мѣсяца. Однако уже и до сихъ поръ по желѣзнымъ дорогамъ перевозилось весьма значительное количество скота.

Что касается продуктовъ скотоводства—мяса, сала, кожъ, шерсти, то предметы эти также, какъ и живой скотъ, проходятъ чрезъ нашъ районъ главнымъ образомъ транзитомъ. Мѣстные центры торговли отпускаютъ весьма ограниченное число этихъ произведеній. Изъ нихъ можно указать только на Борисоглѣбскъ на Грязе-Царицынской дорогѣ (отправляетъ 260 т. п. мяса и 95 т. п. сала), Кирсановъ на Тамбово-Саратовской и Козловъ — въ узлѣ Козлово-Тамбовской, Рязанско-Козловской и Козлово-Воронежско-Ростовской линій. На сколько же значительно количество проходящихъ транзитомъ продуктовъ скотоводства, можно видѣть уже изъ того, что по Московско-Рязанской дорогѣ въ 1891 году прошло на Москву мяса 2.329 т. п. (въ томъ числѣ собственно для Москвы 1.347 т. п. и на Николаевскую дорогу 865 т. п.), шерсти 547 т. п., сала и жира 670 т. п., невыдѣланныхъ кожъ 104 т. п. По Московско-Курской дорогѣ всѣхъ этихъ продуктовъ идетъ несравненно меньше.

Вотъ главные результаты проведенія желѣзныхъ дорогъ. Вліяніе ихъ могло бы быть еще значительнѣе, еслибъ онѣ выполняли свое назначеніе должнымъ образомъ. Теперь движеніе по нимъ сильно страдаетъ отъ небрежности, неисправности, съ какою желѣзнодорожныя администраціи относятся къ интересамъ товароотправителей. Товары принуждены залеживаться на станціяхъ по нѣсколько мѣсяцевъ за недостаткомъ подвижного состава.

Задерживая товары по нѣсколько недѣль, а иной разъ мѣсяцевъ, наши дороги между тѣмъ не принимаютъ почти никакихъ мѣръ къ тому, чтобъ оградить товары отъ порчи — дождя, снѣга и вообще непогоды. Въ Курскѣ, напр., имѣется только одна платформа на 50 вагоновъ, что для мѣстныхъ потребностей недостаточно; пакгаузовъ также не хватаетъ. Въ Орлѣ тоже самое: крытыхъ платформъ и пакгаузовъ весьма недостаточно, изъ существующихъ же нѣкоторые, по своей ветхости, почти негодны къ употребленію: хлѣбъ не защищается отъ воды ни сверху, ни снизу. Брезентовъ недостаетъ даже для необходимыхъ случаевъ. На Грязе-Царицынской дорогѣ „по обѣимъ сторонамъ миніатюрныхъ товарныхъ платформъ, параллельно рельсовому пути, навалены бунты зернового хлѣба. Никакихъ приспособленій для храненія этого хлѣба нѣтъ: нѣтъ не только брезентовъ для крыши, но въ большинствѣ случаевъ нѣтъ даже и подкладокъ. Мѣшки съ хлѣбомъ прямо сваливаются на грунтъ, а кровлей служитъ широкій кровъ чистаго неба. Впрочемъ, въ послѣднее время для крыши хлѣбныхъ бунтовъ на промежуточныя станціи высланы *рогожи*. Рогожная крыша можетъ служить защитой лишь отъ стыда, а отнюдь не отъ дождей, или отъ сырой перемѣнчивой осенней атмосферы, а потому верхушки хлѣбныхъ бунтовъ дали мѣстами роскошные зеленѣющіе всходы“... Не лучше, если даже не хуже, порядки на Ряжско-Вяземской линіи: „на всѣхъ станціяхъ Ряжско-Вяземской желѣзной дороги приспособленій для храненія грузовъ нѣтъ, и эти грузы въ случаѣ наступленія періода дождей ожидаетъ полнѣйшая гибель“.

Къ довершенію всѣхъ неблагопріятныхъ условій, вредящихъ товарному движенію, наши грунтовыя дороги, по которымъ хлѣбъ и др. грузы изъ мѣстъ его производства доставляются на станціи, находятся большею частью въ первобытномъ состояніи. Вся прелесть этихъ путей обнаруживается во время осенней и весенней распутицы. Лучшее время для движенія по нимъ—зима, когда снѣжный покровъ устанавливаетъ санный путь. Отсутствіе удобопроѣзжихъ дорогъ даетъ себя знать не только гдѣ-нибудь въ уѣздахъ, но даже въ городахъ, и не только городахъ заурядныхъ, но и въ торговомъ отношеніи выходящихъ вонъ изъ ряда—даже первоклассныхъ.

Мы указали вліяніе, обнаруженное рельсовыми путями на измѣненіе направленія грузовъ, упадокъ судоходства, созданіе новыхъ торговыхъ центровъ, очертили движеніе грузовъ по существующимъ уже путямъ, но не коснулись вопроса о томъ дѣйствіи, какое имѣло проведеніе этихъ путей на ярмарочную торговлю. При первобытномъ состояніи путей сообщенія даже между главными центрами до проведенія желѣзныхъ дорогъ ярмарки являлись необходимостью. Только при помощи ярмарокъ обитатели провинціи могли получать нужные имъ предметы, потому что правильныхъ, постоянныхъ сношеній съ центрами производства, возможности получать потребные продукты мануфактурной промышленности тогда не существовало. Можно было такіе продукты пріобрѣтать лишь на ярмаркахъ, куда въ опредѣленное время года купцы съѣзжались съ разнообразными мануфактурными произведеніями. Можно себѣ представить, какой переворотъ долженъ былъ произойти, какъ только проложены были рельсовые пути. Съ проведеніемъ этихъ путей значеніе ярмарокъ неизбѣжно должно было пасть, такъ какъ не только лавки и магазины, но и сами потребители получили возможность выписывать товары во всякое время, по мѣрѣ возникновенія въ нихъ потребности.

Упадокъ ярмарочной торговли усиливался по мѣрѣ расширенія желѣзнодорожной сѣти въ средней Россіи. Но еще въ исходѣ 60-хъ годовъ она была довольно значительна.

Мы должны, однакоже, съ сожалѣніемъ оговориться, что послѣ извѣстнаго труда г. Аксакова ярмарочная торговля южной Россіи не подвергалась изученію, какого бы заслуживала, и

свѣдѣнія о ней отличаются неполнотою, разбросанностью. О вліяніи на ярмарочную торговлю проложенія рельсовыхъ путей встрѣчаются лишь отдѣльныя, разрозненныя указанія. Общихъ статистическихъ свѣдѣній о ходѣ ярмарочной торговли въ вышеоименованныхъ губерніяхъ за рядъ лѣтъ послѣ 1878 г.,—свѣдѣній, которыя давали бы возможность опредѣлить цифрами упадокъ этой торговли въ зависимости отъ развитія желѣзнодорожной сѣти, не имѣется. По нѣкоторымъ же частнымъ даннымъ, напр., по Воронежской губерніи, кажется, можно вывесть заключеніе, что въ упадокъ пришли не столько мелкія сельскія, сколько крупныя, городскія ярмарки. Такъ, въ 1868 г. на всѣ ярмарки Воронежской губерніи привезено было товаровъ на сумму 18.043,000 р. с., а продано на 9.805,000 р. Спустя 10 лѣтъ, въ 1877 г. въ привозѣ на всѣ ярмарки губерніи было товаровъ на 12.991,000 р., изъ нихъ продано на 5.270,000 р. Привозъ, такимъ образомъ, уменьшился на 5.052,000 р., а продажа на 4.535,000 р. Но это уменьшеніе произошло главнѣйше на счетъ торговли въ городахъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всей суммы, на какую въ 1877 году привезено было товаровъ на ярмарки губерніи, на сельскія ярмарки приходилось 11.600,000 р., на городскія же только 1.390,000 р., тогда какъ въ 1878 г. привозъ на ярмарки одного Новохоперска превосходилъ 7 м. руб.

Не располагая свѣдѣніями о ходѣ ярмарочной торговли описываемаго района вообще, мы имѣемъ, впрочемъ, не лишенныя интереса данныя о ходѣ ея на главнѣйшихъ ярмаркахъ.

Наиболѣе значительными по своимъ оборотамъ были ярмарки: Коренная, въ 27 верстахъ отъ Курска, Богоявленская въ Новохоперскѣ, Воронежской губ. и Свѣнская, въ 5 верстахъ отъ Брянска, переведенная въ 1868 г. въ послѣдній. На нихъ мы и остановимся.

Коренная ярмарка, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ Россіи. Возникновеніе ея относятъ къ исходу XIII столѣтія, когда близъ рѣчки Тускори найденъ былъ *на корени* образъ Знаменія Божіей Матери. Въ концѣ XVI вѣка, съ заселеніемъ Курской области подъ охраною укрѣпленныхъ городовъ, возведенныхъ для защиты ея отъ набѣговъ ордынцевъ, на мѣстѣ обрѣтенія образа основанъ былъ монастырь, куда стали стекаться богомольцы, а для удовлетворенія ихъ нуждъ начали съѣзжаться и торговцы разными товарами. Въ смутное время, по волѣ Лже-Димитрія, образъ былъ перенесенъ сперва въ Путивль, а потомъ въ Москву, гдѣ и оставался до 1615 г., когда царь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ возвратить его въ Курскъ. Около того времени установился обычай переносить образъ въ 9 пятницу по Пасхѣ (въ началѣ Петрова поста) въ Коренную пустынь и оставлять его тамъ на 3 недѣли (позже этотъ срокъ продленъ былъ до сентября мѣсяца). Торжественное перенесеніе образа стало привлекать народа еще болѣе и окончательно упрочило значеніе мѣстной ярмарки. При Екатеринѣ II, вслѣдствіе ходатайства курскихъ гражданъ, для ярмарочной торговли отведено было мѣсто подъ постройку гостинаго двора, причемъ доходы съ помѣщающихся въ немъ лавокъ предоставлены были въ пользу народа (позже, въ нынѣшнемъ столѣтіи постановлено было доходы эти дѣлить между городомъ и казной). Нѣкоторые изъ участвовавшихъ на ярмаркѣ торговцевъ стали и сами устраивать помѣщенія для склада товаровъ. Время наибольшаго процвѣтанія торговли на Коренной ярмаркѣ наступило съ расширеніемъ отечественной фабричнозаводской производительности, наступившимъ въ 20-хъ годахъ. Подъ вліяніемъ строгаго тарифа 1822 г. все, что располагало капиталами, обратилось къ устройству фабрикъ и заводовъ. Послѣдніе стали расти какъ грибы, и хотя вырабатываемыя издѣлія далеко не всегда отличались доброкачественностью, но тѣмъ не менѣе находили сбытъ у неприхотливыхъ и неизбалованныхъ во вкусахъ потребителей. Южная Россія, не имѣвшая вовсе мануфактуръ, явилась тогда однимъ изъ главныхъ рынковъ для сбыта продуктовъ московсковладимірской фабрикаціи. Торговля „краснымъ товаромъ" сдѣлалась характеристическою особенностью Коренной ярмарки. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ усиленія торговли на Харьковскихъ ярмаркахъ, операціи казенной ярмарки значительно понизились, но еще въ 60-хъ годахъ онѣ были довольно значительны. Въ 1863 году было привезено на эту ярмарку товаровъ на

5.283,000 р., а въ 1868 г. на 5.920,000. Главныя статьи привоза и продажи составляли издѣлія бумажныя, полубумажныя, шерстяныя и шелковыя, галантерейныя и мелкія металлическія вещи, кожи и кожевенныя издѣлія, колоніальные и бакалейные товары.

Въ послѣдніе годы Коренная ярмарка испытала на себѣ невыгодное дѣйствіе желѣзныхъ дорогъ. Вліяніе послѣднихъ на ярмарочную торговлю бываетъ особенно неблагопріятно, когда ярмарки находятся въ центрахъ, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ желѣзнодорожныхъ линій. Такова именно Коренная. Коренная пустынь, какъ уже замѣчено выше, находится въ 27 верстахъ отъ Курска, отъ ближайшей же станціи Московско-Курской дороги въ 12 верстахъ. Такимъ образомъ товары, придя по желѣзной дорогѣ до этой станціи, должны были слѣдовать далѣе гужомъ. Такія неудобства, особенно ощутительныя для купцовъ удаленныхъ городовъ (Москвы, Харькова, Кіева, Полтавы), были причиною значительнаго сокращенія количества привозимыхъ на Коренную ярмарку товаровъ. Такъ въ 1870 г. привезено было на нее товаровъ на 5.340,560 р., продано на 2.670,820 р., въ 1877 г. привезено всего на 2.022,400 р., продано-же на 1.600,400 р. Сильное сокращеніе оборотовъ Коренной ярмарки вызвало мысль о переводѣ ея въ Курскъ. Мысль эта хотя и была осуществлена, но не возродила ея къ жизни. Условія торговли на столько измѣнились, что дальнѣйшее существованіе ярмарки не могло быть поддержано переводомъ ея въ Курскъ.

Не менѣе печальная участь, судя по имѣющимся у насъ статистическимъ свѣдѣніямъ, постигла и Новохоперскую ярмарку въ Воронежской губерніи. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что если цифровыя данныя о ярмарочной торговлѣ считаются вообще далеко не точными, то данныя о Новохоперской ярмаркѣ покрыты довольно таинственнымъ мракомъ. Въ оффиціальномъ трудѣ „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Европейской Россіи въ 1861—62“ (Спб., 1863) сказано, что въ Новохоперскѣ ярмарокъ три въ году: Петропавловская 29 іюня, Крестовоздвиженская 17 сентября и Никольская 6 декабря. Торговые обороты ихъ не представляютъ значительности и цѣнность привоза не превышаетъ суммы отъ 60 до 70 тыс. р. Въ „Географическо-статистическомъ словарѣ Россійской имперіи“ (т. III) въ статьѣ „Новохоперскъ“ поименованы тѣ же ярмарки, причемъ указано, что на первыя двѣ въ 1863 г. привезено было товаровъ на 97 тыс. р., продано на 46 тыс. р. Судя по этимъ даннымъ, обороты Новохоперскихъ ярмарокъ въ началѣ 60-хъ годовъ были совершенно ничтожны. Въ „Военно-статистическомъ Сборникѣ“ (т. IV) за 1863 г. даже провоза на новохоперскія ярмарки вовсе не показано, но въ 1868 г. вдругъ появляется сумма привоза товаровъ въ 7,667,000 р. Въ виду такихъ свѣдѣній остается только предположить, что ярмарочная торговля въ Новохоперскѣ развилась во второй половинѣ 60-хъ годахъ. Послѣ 1868 г. въ имѣющихся у насъ свѣдѣніяхъ по ярмарочной торговлѣ въ Воронежской губерніи вообще и въ Новохоперскѣ въ частности слѣдуетъ 10-лѣтній перерывъ. По свѣдѣніямъ же за 1877 г. оказывается, что въ Новохоперскѣ въ этомъ году было всего 2 ярмарки и на обѣ эти ярмарки привезено было товаровъ всего на 208,800 р., а продано на 129,500 р. Если всѣ приведенныя цифры представляютъ хотя приблизительную вѣрность, то прямой выводъ изъ нихъ будетъ тотъ, что послѣ кратковременнаго развитія ярмарочной торговли въ Новохоперскѣ послѣдовалъ положительный упадокъ ея.

Свѣнская (въ просторѣчіи „Свинская“) ярмарка, происходившая при Свѣнскомъ монастырѣ въ 5-ти верстахъ отъ Брянска, Орловской губерніи, съ 4 октября по 1 ноября имѣла большое значеніе, главнымъ образомъ въ отношеніи пеньковой торговли, потому что на ней заключались крупныя торговыя сдѣлки по продажѣ пеньки, пеньковой пряжи, а также конопляннаго масла и частью конопли и сала, т.-е. тѣхъ продуктовъ, которыми болѣе всего отличалась западная полоса губерніи. Сумма этихъ сдѣлокъ превышала 2.000,000 р. Сюда съѣзжались всѣ пеньковики, торговавшіе пенькою въ портовыхъ городахъ, а также крупные прасолы. Пеньки закупалось здѣсь отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ всего ея вывоза за границу; кромѣ того, производилась закупка

этого товара для канатныхъ заводовъ. Самый товаръ на ярмарку не привозился, такъ что всѣ заключаемыя на ней сдѣлки имѣли характеръ биржевыхъ. Товаръ шелъ къ Петербургу и Ригѣ. Когда устроена была Николаевская дорога и проложена дорога отъ Орла на Ригу, значеніе свѣнской ярмарки пало. Первая изъ этихъ дорогъ облегчила доставку пеньки въ Петербургъ, сдѣлавъ ее возможною въ теченіе цѣлаго года. Поэтому необходимость производить закупки этого продукта сразу, на ярмаркѣ, устранилась. Точно такое же вліяніе обнаружило и проложеніе желѣзнаго пути въ Ригу. Вслѣдствіе этого ярмарка пришла въ упадокъ. Въ 1868 г. ее перевели въ самый Брянскъ, но переводъ этотъ не могъ поднять ея значенія.

Своеобразнымъ во многихъ отношеніяхъ характеромъ отличались и отличаются ярмарки скотныя и конскія. Ярмарки этого рода обнаружили болѣе жизненности.

Перваго рода ярмарки распространены всего болѣе въ губерніи Воронежской.

Сроки, установленные вообще для ярмарокъ, не соблюдаются въ отношеніи ярмарокъ скотныхъ. Желая поскорѣе расторговаться и возвратиться домой, говоритъ г. Кравцовъ, крестьяне окрестныхъ деревень начинаютъ сгонять скотъ гораздо ранѣе установленнаго времени. Мѣстныя власти пытаются сдерживать ярмарочный людъ тѣмъ, что разстанавливаютъ на большихъ дорогахъ десятскихъ и строго наказываютъ имъ—пропускать на ярмарку только товаръ и людей на подводахъ, но отнюдь не скотъ. Въ первый и второй дни съѣзда ярмарки десятскимъ еще удается сладить съ массою напирающаго со всѣхъ сторонъ скота; но когда послѣдняго собирается много, весь онъ разомъ и неудержимою волною устремляется къ ярмарочному центру... Благодаря такому порядку, ярмарочные сроки, установленные администраціею, утратили свое значеніе: они изъ года въ годъ мѣняются, для большинства посѣтителей ярмарокъ являются неожиданными и многихъ сбиваютъ съ толку. Слѣдствіемъ этого бываетъ общее замѣшательство: то живой товаръ собирается раньше времени, и купцы запаздываютъ, то купцы собираются ранѣе и ждутъ открытія ярмарки нѣсколько дней въ томительномъ бездѣйствіи. Неурядица въ ярмарочныхъ срокахъ, по замѣчанію г. Кравцова, имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что всѣ весеннія ярмарки, начавшись въ февралѣ, тянутся до конца мая непрерывно и слѣдуютъ въ разныхъ пунктахъ съ такою быстротою, что едва остается времени на переѣзды изъ одного села въ другое. Вообще, офиціальные сроки скотныхъ ярмарокъ служатъ только приблизительными указаніями на сроки дѣйствительные.

По числу скотныхъ ярмарокъ выдѣляется Богучарскій уѣздъ, Воронежской губерніи. Наиболѣе значительныя ярмарки бываютъ въ слободѣ Старой Кріушѣ (12 февр.), куда собирается до 7,000 головъ, слободѣ Талы (на 3 нед. вел. поста) собирается до 12,000 гол., старой Мѣловой (9 марта)—собирается до 10,000 гол., слободѣ Ширяевой-Никольской (въ маѣ) собирается до 15,000, въ слободѣ Красноженовой (Яковская, въ апрѣлѣ), собирается 6,000 гол. Но самая крупная ярмарка бываетъ въ слободѣ Калачъ. Калачъ—очень значительное селеніе, превосходящее числомъ жителей многихъ изъ уѣздныхъ городовъ губерніи. Прежде, лѣтъ 15 тому назадъ, онъ игралъ особенно важную роль въ мѣстной торговопромышленной жизни. Въ немъ находилось до 20 конторъ богатѣйшихъ таганрогскихъ и ростовскихъ торговцевъ зерновымъ хлѣбомъ. Собиравшіяся въ Калачъ изъ уѣздовъ: Богучарскаго, Павловскаго, Бобровскаго, Новохоперскаго, а также изъ Усть-медвѣдецкаго округа Донской области, большія партіи хлѣба въ теченіе лѣта и осени перевозились гужомъ на Подколодновскую пристань по р. Дону, а весною сплавлялись на баркахъ въ городъ Ростовъ. Въ эту пору Калачъ щеголялъ высокими каменными домами, богатыми магазинами, вообще велъ жизнь широкую. Но съ проведеніемъ Грязе-Царицынской и Воронежско-Ростовской дорогъ, по непонятной причинѣ, оставившихъ въ сторонѣ этой важный центръ, весь хлѣбъ, шедшій въ Калачъ, потянулся по вновь возникшимъ торговымъ пунктамъ при станціяхъ этихъ дорогъ. Значеніе Калача, какъ виднаго пункта хлѣбной торговли, пало, но онъ играетъ еще роль въ качествѣ скотнаго рынка. Главная калачевская ярмарка—25 іюля. На эту ярмарку въ былые годы собиралось до 35,000 головъ гур-

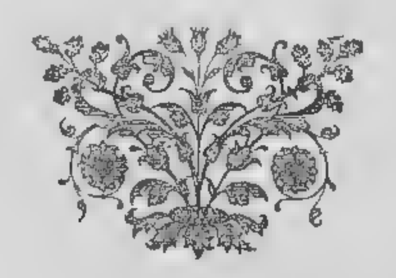
товаго скота и до 5,000 мѣстнаго. Теперь количество пригоняемаго на ярмарку скота значительно убавилось, такъ что количество скота, поступающаго на всѣ ярмарки слободы, не превышаетъ 40,000. Гуртовый скотъ, пригоняемый на Калачевскую ярмарку, принадлежитъ къ породамъ красныхъ донскихъ и сѣрыхъ кубанскихъ быковъ.

Изъ ярмарокъ, имѣющихъ преимущественно мѣстное значеніе, заслуживаетъ вниманіе Яковская Красноженовская. Она оффиціальнымъ образомъ открывается 30 апрѣля, но обыкновенно торговля на ней начинается днями пятью ранѣе. На этой ярмаркѣ главнымъ образомъ крестьяне продаютъ и покупаютъ коровъ. Въ народѣ существуетъ суевѣрное убѣжденіе, что всѣ молодыя семьи, обзаводящіяся отдѣльнымъ хозяйствомъ, должны непремѣнно пріобрѣтать дойныхъ коровъ съ телкомъ на Яковской ярмаркѣ, такъ какъ купленный на Якова скотъ долженъ быть долговѣченъ, прибыленъ и плодливъ.

Организація торговли на скотныхъ ярмаркахъ въ общемъ вездѣ одинакова. Неизбѣжную принадлежность этихъ ярмарокъ составляютъ разные шибаи, скупщики, прасола, бѣгуны, дѣятельность которыхъ мы очертили выше. Мѣсто, гдѣ происходитъ главный торгъ быками, называется „воловодьемъ" или „тычкомъ"; въ особомъ мѣстѣ происходитъ торговля коровами. Дворы, прилегающіе къ воловодью, обыкновенно занимаются пріѣзжими купцами, желающими закупить скотъ. При этихъ дворахъ находятся „базы" или „загоны". Въ эти базы и загоняется покупаемый по-одиночкѣ скотъ, такъ что образуются гурты, которые потомъ гонятся въ степи для откармливанія.

Торговля лошадьми производится или вмѣстѣ съ торговлею скотомъ или на спеціальныхъ конскихъ ярмаркахъ. Изъ числа таковыхъ особою извѣстностью пользуются ярмарки Лебедянскія, Тамбовской губерніи. Лошади приводятся на эту ярмарку изъ губерній, Тамбовской, Рязанской, Воронежской и Орловской—кровныя, верховой рысистой породы и упряжной—русской, лучшаго средняго сорта. Въ Лебедяни бываетъ ежегодно три конскихъ ярмарки, но изъ всѣхъ трехъ, по размѣрамъ торговыхъ оборотовъ и вообще по оживленному ходу торговыхъ дѣлъ, первое мѣсто занимаетъ зимняя, Богоявленская.

В. Н. Майновъ.

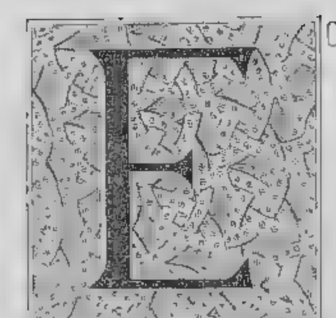
ОЧЕРКЪ X.

ЛѢСНАЯ ОКРАИНА ВНУТРЕННЕЙ ОБЛАСТИ.

[illegible]

За рѣчкою огонь горитъ,
А все чернобылье,
Ой, ладо, ладо,
Ой, ладотеньки,
А все чернобылье.
Да куютъ тамо кузнечики,
А все [illegible].
Ой, ладо, ладо...

(Народная пѣсня).

ЕСТЕСТВЕННЫЯ богатства Россіи безспорно очень обширны, и въ ряду ихъ лѣсъ играетъ чрезвычайно важную роль.

На самомъ выѣздѣ за южные предѣлы Московской губерніи, тотчасъ по переправѣ за Оку, сразу чувствуется вступленіе въ новую естественную область, обнимающую большую часть окскаго бассейна. Послѣдніе, отлогіе склоны Валдайской возвышенности мало-по-малу таютъ, сглаживаются — и ширь небосклона замыкаетъ почти ровную, исчерченную лишь оврагами, да кое-гдѣ холмистую мѣстность, можно бы сказать степную, но куда ни кинешь взглядъ—всюду зубчатой щетиной встаютъ лѣса, тянутся зеленымъ частоколомъ въ перемѣшку съ пахотою и заливными лугами, синѣютъ на самой чертѣ горизонта... Эти сплошныя, почти непрерывныя лѣсныя пространства какъ бы широкимъ поясомъ перехватили срединную Русь, отдѣляя рельефъ груди ея съ сердцемъ—Москвою—отъ гладкаго чрева хлѣбородныхъ равнинъ. Съ самой Калуги, чрезъ Мещевскъ, Козельскъ, Жиздру и Брянскъ тянутся эти лѣса, доходя до Бѣловѣжской пущи, съ одной стороны, съ другой — послѣ короткаго и далеко не полнаго тульскаго перерыва—заполняютъ весь сѣверъ Рязанской губерніи.

Но лѣса эти уже не поражаютъ величавымъ безмолвіемъ и пустынностью сѣвернаго бора. Хвоя, преимущественно ель, мѣстами сосна, покрываетъ болѣе возвышенныя глинистыя и песчанныя мѣста; по низинамъ же раскидывается чернолѣсье—и лѣтомъ здѣсь кипучая жизнь. Стоймя стоитъ „зеленый шумъ густой листвы, взбудораживаемой при малѣйшемъ вѣтеркѣ, переливающейся всѣми оттѣнками зелени и блестками разноцвѣтнаго испода листьевъ. Весь лѣсъ точно движется, являя въ прорывахъ своихъ и пролѣсахъ чуждыя сѣверу картины, оживляемыя иными, невиданными на сѣверѣ птицами. Металлически блестятъ ярко зеленые съ синимъ крыломъ сиво-граки (сизоворонки), перепархивая на опушкѣ лѣсной поляны; а тамъ,

дальше, гдѣ въ сочныхъ, травянистыхъ берегахъ, переливаясь дремотными звуками, пробирается узенькая, темная рѣченка, осторожно притаился выпь, торчкомъ задравъ шилоносую голову. Истокомъ такой рѣчки часто служитъ едва примѣтный родничекъ, гдѣ-нибудь въ еловой чащѣ, на днѣ глубокаго, песчанаго оврага, до низу обставленнаго деревьями. Спуститься къ нему—и видишь потемнѣлый отъ времени, облѣпленный шелковистымъ мохомъ, ветхій срубъ, изъ подъ котораго сочится прозрачный студеный ключъ, называемый здѣсь *крыницею*. На краю сруба, или возлѣ, обыкновенно лежитъ черпакъ изъ бересты съ такою же нехитрою ручкой, сработанный какимъ-нибудь досужимъ пастухомъ для жаждущихъ прохожихъ.

Удивительное спокойствіе, чувство глубокаго уединенія охватываетъ васъ. Прямыя какъ мачта, высокія, тонкія ели стремятся къ небу по обѣимъ стѣнамъ оврага, изборожденнымъ ихъ корнями. Поглядѣть на верхушки—шапка валится; но все-жъ онѣ не достигаютъ верхнихъ краевъ рытвины. Сумеречно-свѣтло и прохладно кругомъ; крошечныя синички-гаечки беззвучно прыгаютъ съ прутка на прутокъ въ частой сѣткѣ ельника, а ручеекъ хрустальною лентою катится дальше въ отлогомъ песчаномъ ручьѣ, волнообразно сглаженномъ весенними разливами, извивается вмѣстѣ съ оврагомъ, котораго стѣны все низятся, раздаваясь вширь,—и вотъ уже звонко журчитъ на мелкомъ гравелѣ русла, и затѣмъ на концѣ лѣса переходитъ въ *логъ,* составляющій продолженіе оврага. Здѣсь ручей ужь буркочетъ рѣченкой въ глинистыхъ берегахъ, обросшихъ, словно естественная аллея, кустами и деревьями вербы. Цѣлые стаи дикихъ голубей (клиндуховъ) носятся по такимъ логамъ и оттуда на пашни, гдѣ въ бороздахъ бѣгаетъ пёголиловый удодъ, уморительно кивая хохлатой головкой, словно отвѣшивая поклоны... Бѣгаетъ, бѣгаетъ занятная птичка—и вдругъ распластается по землѣ, распустивъ крылья и хвостъ на подобіе пестрой тряпки... Это онъ ястреба увидѣлъ, а не то и орла, залетающаго сюда изъ южной полосы и плавно парящаго надъ лугами.

А рѣчонка давнымъ-давно потерялась въ мохнатомъ травяномъ коврѣ, изукрашенномъ алыми метелками цвѣтущей дремы, желтыми пирамидками дикой рябинки и всевозможными полевыми цвѣтами. Въ этихъ заливныхъ лугахъ, въ поллѣта еще потныхъ и даже трясинистыхъ, плодятся чибесы и всевозможная болотная дичь, особенно поближе къ *бочагамъ* (впадинамъ почвы, наполненнымъ съ весны водою и обросшимъ лозникомъ).

Побывавъ въ двухъ, трехъ болотинахъ и слившись съ одной или двумя себѣ подобными, рѣчонка окончательно развилась, оводнилась и вьется уже порядочной рѣчкою то въ глинистыхъ, то въ песчаныхъ берегахъ, мѣстами окрашиваясь желѣзной рудою въ красноватый цвѣтъ. Таково происхожденіе Болвы, Псурки и другихъ рѣкъ, въ дальнѣйшемъ теченіи поднимающихъ уже небольшіе рѣчные пароходики. Запруженныя раньше, чѣмъ станутъ судоходными, т.-е. въ верхнемъ теченіи, онѣ образуютъ небольшія озерки, на которыхъ, по ту сторону плотины, обыкновенно шумитъ и гомозится какой-нибудь заводъ; а за нимъ снова уже раскинулся бѣлоствольный березнякъ, перемѣшанный осиною, кленомъ и дубомъ, съ неразлучными спутницами его—томно стонущими горлинками...

Таковы лѣса эти лѣтомъ. Но придетъ осень, вспыхнетъ листва ихъ яркими красками, отъ золотисто-желтой до красно-алой, опадетъ шумящій уборъ до послѣдняго листочка, разлетится большинство пернатыхъ—и начинаетъ понемногу къ зимѣ объявляться звѣриное населеніе, гдѣ-то хоронившееся по крѣпямъ въ лѣсныхъ трущобахъ. Все чаще попадаются зайцы по озимямъ, и что дальше къ зимѣ, тѣмъ ближе жмутся къ жилью, забѣгая на самыя гумна. Голодуха выгоняетъ цѣлыя стаи волковъ къ деревнямъ. Жиздринскій и Брянскій уѣзды еще богаты лосями и такъ-называемыми въ просторѣчіи дикими козами (косули). Но вотъ и михайло Иванычъ залегъ въ свою берлогу. Унылыя хворостяныя метлы деревьевъ четко рисуются на сѣренькомъ небѣ, крупная лѣсная птица забивается въ чащу, а то и въ снѣжокъ, однѣ только вѣкши рѣзво скачутъ въ серебристой паутинѣ объиндѣвѣлыхъ вѣтокъ, да синицы звенятъ тоненькимъ колокольчикомъ, лишь усугубляя тишину замершаго чернолѣсья...

И въ историческомъ отношеніи лѣса эти носятъ иной характеръ сравнительно съ сѣверными. Межъ тѣмъ какъ на дальнемъ сѣверѣ человѣкъ былъ исключительно занятъ борьбой

съ непривѣтливо-скудною природой или спасеніемъ души въ лѣсныхъ скитахъ,—здѣсь частенько „пошаливали", вслѣдствіе легкой возможности избѣгнуть кары закона. Орелъ, Тула, Рязань, Мещера, Мценскъ, Карачевъ считались украинскими городами, откуда боярскіе дѣти и станичники ѣздили *въ-сторожа* (на сторожевую службу), подстерегая ратныхъ людей изъ Польши или

крымцевъ, разыскивая татарскій слѣдъ. Отсюда было рукой подать, съ одной стороны, въ Литву или на Запорожье, съ другой — на Донъ, гдѣ уже всякій напроказившій окончательно скрывался. Поэтому разбои были особенно часты въ этомъ краю во всѣ времена старой Руси и даже на памяти нынѣшнихъ старожиловъ. Здѣсь, по теченію рѣчки Брыни пролегали дремучими трущобами знаменитые Брынскіе лѣса, служившіе, со временъ Соловья-разбойника притономъ шаекъ и всякаго сброда. Народъ и теперь еще указываетъ въ лѣсныхъ урочищахъ остатки рвовъ, земляныхъ валовъ и другихъ укрѣпленій, называя ихъ „станами Кутаяра“. Это большею частью невысокія насыпи, огораживающія довольно обширныя пространства, преимущественно вблизи рѣчекъ.

Обиліе лѣсовъ съ вѣковѣчными деревьями (въ Брянскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ уцѣлѣли еще клейменныя рукой Петра Великаго) естественно вызвало и развитіе лѣсныхъ промысловъ въ мѣстномъ населеніи. Такъ, въ Калужской губерніи, гдѣ преобладающею почвою является супесь и тощій суглинокъ, а плугомъ и сохою подъемъ земли производится весьма не глубоко, вершка два съ половиною, рѣдко до четырехъ, вслѣдствіе совершеннаго неплодородія нижнихъ слоевъ,— земледѣліе находится далеко въ незавидномъ положеніи, мѣстами даже совсѣмъ отодвинуто на второй планъ. Жители *Полѣсья*, возвышенной, покрытой лѣсами песчаной равнины въ уѣздахъ: Жиздринскомъ, Козельскомъ и др., называемые *полѣхами* или *заворотнями*, занимаются лѣсными промыслами всѣхъ видовъ: изъ осины дѣлаютъ лопаты и корыта, изъ дуба — обручи, санныя вязья и полозья, ободья, и по рѣкамъ, текущимъ изъ Полѣсья, сплавляютъ свои издѣлія въ Орловскую и Курскую губерніи. Кромѣ того, „полѣха“ гонитъ деготь въ такъ-называемыхъ *майданахъ*—земляныхъ ямахъ съ грубо сложеннымъ очагомъ; приготовляетъ золу и уголь, занимается сдираніемъ лыкъ или гонкой плотовъ въ Оку и Десну.

Развитіе лѣсного промысла, въ связи съ потребленіемъ топлива, возрастающей фабричной промышленностью и желѣзными дорогами сильно убавили количество лѣсовъ, не говоря уже о частыхъ лѣсныхъ пожарахъ и возмутительныхъ злоупотребленіяхъ обиліемъ лѣса. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Калужской и смежныхъ губерній было, напримѣръ, въ ходу такъ-называемое *очерчиваніе*. Для расчистки земли подъ пахать на участкахъ, заросшихъ вѣковыми деревьями, съ этихъ исполиновъ лѣса сдирали кору и оставляли ихъ засыхать на солнышкѣ, а по кустамъ и мелкой поросли пускали краснаго пѣтуха, выжигая ихъ до чиста, и затѣмъ вспахивали участокъ, лелѣянный десятками лѣтъ. Но эти намѣренные палы ничто въ сравненіи съ естественными пожарами, которымъ здѣшніе лѣса періодически подвергаются волею судебъ.

Чрезвычайно интересны эти пожары чернолѣсья и борьба съ ними. Это какой-то огонь-невидимка, если можно такъ выразиться. Низко надъ землей, въ промежуткахъ частокола стволовъ стелется тонкая, волнующаяся пелена голубоватаго дыма, пахнетъ гарью, мѣстами въ лицо вѣетъ жаромъ, а пламени нѣтъ какъ нѣтъ... Вотъ, едва замѣтныя огненныя струйки пробираются въ корѣ стараго дерева—и нѣсколько человѣкъ разомъ глушатъ огонь свѣже-нарубленными вѣтвями съ листвой... Вотъ, горячо становится ногѣ, земля подъ вами пучится у длиннаго стелющагося древеснаго корня, трескается, бѣлый дымокъ вырывается наружу, подъ нимъ виденъ уже цѣлый ворохъ раскаленныхъ углей... Вонъ, трава корчится, дымится и, наконецъ, уже сухая, какъ трутъ, слабо вспыхиваетъ... Словомъ, горитъ земля, горитъ трава, горятъ деревья—а огня не видать, онъ идетъ по корнямъ въ подземныхъ траншеяхъ и вверхъ подъ корой по стволамъ; кое-гдѣ лишь запылаетъ сухая куча хвороста или валежника, да иногда яркими огненными языками вспыхнетъ дегтярный майданъ въ горномъ столбѣ дыма... Единственное спасеніе отъ такого пожара—пожертвовать ближайшими деревьями и рыть канавы вокругъ горящаго участка, для огражденія окрестныхъ.

Кромѣ лѣсныхъ промысловъ, какъ въ Калужской, такъ и въ особенности въ Орловской губерніи важное подспорье въ народномъ хозяйствѣ составляетъ пенька, почему и вниманіе хо-

зяевъ преимущественно обращено на конопляннники, которые своей темной зеленью придаютъ своеобразный видъ самымъ селеніямъ, особенно въ южныхъ уѣздахъ. Они разводятся частью на огородахъ, частью на поляхъ за околицей и съ весны ежегодно унавоживаются, троятся и засѣваются. Въ началѣ августа выбираютъ мужскую коноплю (*посконь*), идущую на выдѣлку веревокъ и канатовъ; въ сентябрѣ дергаютъ самую коноплю съ корнемъ. Эту послѣднюю операцію производятъ бабы руками, оглашая огороды звонкими пѣснями. Головки конопли отрѣзаются на особыхъ рогаткахъ, затѣмъ ихъ просушиваютъ въ овинахъ и вымолачиваютъ сѣмя.

Во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ есть обширныя, механическія маслобойни для выдѣлки конопляннаго масла. Самую пеньку мочатъ въ особо устроенныхъ сажалкахъ, такъ какъ мочка ея въ рѣкахъ запрещена закономъ, а въ прудахъ не дозволяютъ владѣльцы и сами крестьяне не рѣшаются портить водопоя и морить рыбу. Для этого на болотистыхъ мѣстахъ вырываются ямы въ 9—12 квадратныхъ аршинъ и до $1^1/_2$ аршина глубины, наполненныя водою. Пеньку кладутъ рядами, заваливаютъ жердями съ нагнеткой изъ дубовыхъ кряжей и даютъ ей вымокнуть. Послѣ мочки, пенька стоитъ до весны, когда ее начинаютъ мять въ *мялкахъ*, отбрасывая *мянье*, которое большею частью вываливается на гребли для улучшенія проѣзжей дороги. Нечесаная пенька продается мелкимъ торговцамъ, *прасоламъ* (большею частью изъ окрестныхъ мѣщанъ), которые скупаютъ ее на мѣстѣ и затѣмъ уже доставляютъ въ складочное мѣсто этого товара, безуѣздный городъ Сухиничи, откуда она поступаетъ въ руки крупныхъ торговцевъ, отправляющихъ ее къ Балтійскому порту и въ другія мѣста черезъ Зубцовскую и Гжатскую пристани. Сами же крестьяне обработываютъ пеньку въ незначительномъ количествѣ, но, какъ домашній промыселъ, обработка ея распространена по всему краю.

Брянскій уѣздъ, Орловской губерніи, нѣкогда славился обширнымъ пчеловодствомъ и поставлялъ медъ къ царскому столу; нынѣ этотъ промыселъ, какъ и повсемѣстно почти, въ упадкѣ. Крестьяне предпочитаютъ устраивать борти въ случайно попадающихся имъ на глаза старыхъ деревьяхъ; немногіе любители поддерживаютъ еще когда-то знаменитыя пасѣки въ липовыхъ лѣсахъ. Въ такихъ же условіяхъ относительно земледѣлія и лѣсныхъ промысловъ находится и сѣверная часть Рязанской губерніи, такъ-называемая Мещерская сторона, отдѣляемая отъ южной широкою долиною рѣки Оки. Порѣзанная хребтомъ возвышенности, наполняющей своими отрогами пространство между Окою и Клязьмою, она по крайней мѣрѣ на $^5/_8$ своей поверхности покрыта лѣсомъ, а остальныя $^3/_8$ представляютъ преимущественно песчаную почву, съ примѣсью глины, отличающуюся совершеннымъ безплодіемъ.

Единственнымъ краемъ, щедро вознаграждающимъ трудъ земледѣльца, является Тульская губернія, но здѣсь именно зародилась, развилась, сосредоточилась и отсюда распространилась та отрасль промышленности, которая составляетъ главнѣйшій источникъ заработковъ населенія въ сосѣднихъ малоплодородныхъ губерніяхъ,—промышленности, которая даетъ право назвать весь этотъ край „великорусскимъ Манчестеромъ“ и мотивировала самый эпиграфъ этого очерка. Мы говоримъ о горнозаводствѣ.

Съ давняго времени, въ мѣстечкѣ Дѣдиловкѣ, Тульской губерніи, добывалось и обработывалось желѣзо изъ *глыбовой* (болотной) руды. Изъ этого желѣза тульскіе кузнецы приготовляли самопалы. Многочисленному нынѣ сословію тульскихъ оружейниковъ положено начало еще при царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ, который 30 самопальныхъ кузнецовъ, по просьбѣ ихъ, приказалъ поселить на казенной оброчной землѣ, уволивъ ихъ почти отъ всѣхъ повинностей и податей. Но все же въ потребленіи первенствующую роль играло *свицкое* (шведское) желѣзо, привозимое голландскими купцами черезъ Архангельскій портъ. Дороговизна его подала мысль переселившемуся въ Россію голландскому купцу Андрею Денисовичу Виніусу построить въ окрестностяхъ самой Тулы вододѣйствующій заводъ для отливки чугунныхъ вещей и дѣланія желѣза по иностранному способу, о чемъ онъ и подалъ царю Михаилу Θеодоровичу челобит-

ную. 29 февраля 1632 года послѣдовала государева грамата, которою дозволялось ему, Виніусу, съ братомъ Авраамомъ и купцомъ Елисеемъ Юльевичемъ Вилькенсомъ, построить *„мельничные заводы“* для литья изъ чугуна пушекъ, ядеръ и котловъ, и для ковки изъ желѣза разныхъ досокъ и прутьевъ, „дабы впредь то желѣзное дѣло было государю прочно и государевой казнѣ прибыльно, а людей государевыхъ имъ всякому желѣзному дѣлу научать и никакого ремесла отъ нихъ не скрывать“. Въ пособіе отъ казны положено выдавать ежегодно 3,000 рублей, которые должны быть возвращаемы желѣзомъ и чугуннымъ литьемъ, оброка не брать 10 лѣтъ съ начатія заводскаго дѣйствія и до истеченія этого срока никому не позволять въ Россіи строить заводы.

Таково было начало „Русскаго Манчестера“. Виніусъ построилъ 4 завода на рѣчкѣ Тулицѣ, въ Тульскомъ уѣздѣ, въ 12 тогдашнихъ верстахъ отъ Тулы, т.-е. на разстояніи 18 верстъ; руда добывалась въ 5 верстахъ отъ Дѣдилова. Заводы названы Городищенскими; впослѣдствіи къ нимъ приписана Соломенская волость съ 347 душами крестьянъ, а по истеченіи срока, означеннаго въ царской граматѣ, заводы были взяты въ казну, но потомъ возвращены товарищамъ Виніуса: комиссару датскаго короля Петру Гавриловичу Марселіусу и голландскому гостю Филимону Филимоновичу Акемѣ. Эти послѣдніе построили на рѣкѣ Скнигѣ, въ нынѣшнемъ Алексинскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, молотовыя фабрики при четырехъ плотинахъ, а въ 1656 г. начали строить еще два завода въ нынѣшней Калужской губерніи, Протвинскій и Угодскій. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ этихъ заводовъ перешли къ Вахрамѣю Петровичу Миллеру, продолжавшему строить новые, въ томъ числѣ Истинскій въ Боровскомъ уѣздѣ въ 1660 г., на которомъ Петръ I собственноручно выковалъ 18 пудовъ желѣза и взялъ за него задѣльную плату.

По установленіи своего единодержавія въ 1696 г., великій преобразователь, между прочимъ, энергически взялся и за горное дѣло въ разныхъ мѣстахъ государства. Въ то время въ Тулѣ еще не было казеннаго оружейнаго завода, а жили только казенные оружейные мастера и кузнецы, обучавшіеся у иностранныхъ мастеровъ на Синижскихъ заводахъ и поставлявшіе ружья въ казну. Между ними особенно славился Никита Демидовъ Антуфьевъ—или Антуфеевъ. Петръ I, проѣзжая въ Воронежъ, остановился въ Тулѣ и приказалъ позвать кузнецовъ, которые знали дѣло бѣлаго оружія. Никто не посмѣлъ явиться, кромѣ Антуфьева. Государь, любуясь его ростомъ, стройностью и силою, сказалъ окружающимъ боярамъ: „вотъ молодецъ, годится и въ Преображенскій полкъ въ гренадеры“. Антуфьевъ падаетъ къ ногамъ государя и со слезами проситъ помиловать его хоть для престарѣлой матери, у которой онъ единственный сынъ. Государь смѣется: „я помилую тебя, если ты скуешь мнѣ триста алебардъ по сему образцу“. Антуфьевъ увѣрилъ государя, что скуетъ лучше и привезетъ ему въ Воронежъ черезъ мѣсяцъ, что и исполнилъ въ точности. На возвратномъ пути государь посѣтилъ Антуфьева, а когда тотъ привезъ ему въ Москву 6 ружей, то пожаловалъ „Демидычу“ 100 рублей и далъ указъ отвести ему близъ Тулы, въ Малиновой засѣкѣ нѣсколько десятинъ земли для копанія руды и жженія древеснаго угля. Антуфьевъ завелъ на рѣчкѣ Тулицѣ, близъ впаденія ея въ Упу, чугуноплавильный заводъ и вскорѣ отлилъ 5000 пудовъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Такъ началась карьера перваго представителя славнаго рода Демидовыхъ, который въ 1702 г. оставилъ свои тульскіе заводы для управленія Невьянскимъ и другими Верхотурскими. Отсюда уже въ 1715 г., когда родился царевичъ Петръ Петровичъ, „Демидычъ“ прислалъ ему на зубокъ, кромѣ золотыхъ вещей, 100,000 рублей, приношеніе по тому времени громадное, а Петръ, посылая ему изъ Кизляра свой портретъ, писалъ запросто: „Демидычъ! Я заѣхалъ зѣло въ горячую сторону; велитъ ли Богъ видѣться?“—и даже намѣревался соорудить Демидову статую изъ мѣди и поставить оную на площади въ ознаменованіе его заслугъ. Но Демидовъ постоянно отказывался отъ предлагаемыхъ ему государемъ чиновъ и наградъ и съ

великимъ трудомъ принялъ пожалованное ему 21 сентября 1720 г. дворянское достоинство съ распространеніемъ на потомковъ.

Въ 1712 г., по плану, представленному кузнецомъ Маркомъ Васильевымъ Крашенинни-

Ярмарка въ уѣздномъ городѣ.—Рисунокъ К. Афанасьева.

ковымъ, основанъ въ Тулѣ казенный оружейный заводъ, оконченный солдатомъ ораніенбаумскаго батальона Яковомъ Ботищевымъ. Самое строеніе завода поручено было кузнецу же Петру Володимерову и окончено въ 1718 г. плѣнными шведами. Но только при Александрѣ I получилъ окончательное устройство заводъ, который нынѣ снабжаетъ своими издѣліями всю

Россію, и горное дѣло окончательно упрочилось въ краѣ. Послѣ Тульскаго завода первое мѣсто въ наше время принадлежитъ Жиздро-Брянскимъ заводамъ С. И. Мальцова, владѣющаго огромнымъ пространствомъ земли въ 3-хъ уѣздахъ: Жиздринскомъ—Калужской, Брянскомъ—Орловской и Рославльскомъ—Смоленской губерніи. На этомъ протяженіи раскинуты его хрустальные, стеклянные, зеркальные, сахароваренные, винокуренные и чугуноплавильные заводы. Изъ послѣднихъ значительнѣе всѣхъ Людиновскій, Жиздринскаго уѣзда, основанный въ 1755 году. Притокъ Болвы, рѣка Псурка, на которой онъ стоитъ, запружена надъ самымъ заводомъ огромною плотиной и образуетъ какъ бы широкое озеро, окаймленное съ одной стороны хвойнымъ лѣсомъ. На другомъ берегу широко раскинуто село Людиново, считающее болѣе 5000 жителей и скорѣе похожее на уѣздный городокъ средней руки. Большинство домовъ, въ которыхъ живутъ мастера и рабочіе, выстроены изъ кирпича, въ три окна на улицу; почти при каждомъ огородъ и садикъ. Средина обширной площади занята бѣло-каменной церковью красивой архитектуры. Насупротивъ храма, надъ берегомъ Псурки, расположена въ видѣ четвероугольнаго корпуса съ широкимъ внутреннимъ дворомъ господская усадьба и слитыя съ нею зданія конторы и другихъ частей заводской администраціи. На западной окраинѣ села, по дорогѣ въ Сукремню, за такъ-называемою „слободою", гдѣ живутъ рабочіе, расположенъ погостъ съ другою, деревянною церковью, и кладбищемъ вокругъ ея. По всему селу разбросаны болѣе крупныя зданія чертежной, столярной и другихъ заведеній, а также болѣе или менѣе красивые дома служащихъ и управляющихъ.

По другую сторону плотины, въ глубокой лощинѣ, совершенно черной отъ угольной пыли и шлаковъ, высится масса трубъ, извергающихъ столбы дыму и пара, зіяютъ огненныя жерла доменныхъ печей, шумятъ наливныя колеса и немолчно скрежещатъ машины. Это—самый заводъ, имѣющій отдѣленія чугуноплавильное, желѣзодѣлательное, механическое, паровозное и вагонное, управляемый нынѣ акціонерной компаніей. Въ составѣ заводской администраціи масса заграничныхъ техниковъ, контингентъ которой постоянно обновляется и освѣжается выпискою свѣжихъ силъ изъ главныхъ европейскихъ центровъ.

Общая сумма производства горныхъ заводовъ простирается до 2,350,000 руб. Они даютъ постоянное занятіе 3,500 рабочимъ и сверхъ того нѣсколько тысячъ ихъ занято заготовленіемъ и подвозкою сырыхъ матеріаловъ (руды, топлива и проч.). Во времена крѣпостного права эта масса рабочаго люда могла пользоваться полнымъ продовольствіемъ изъ собственныхъ магазиновъ владѣльца, на что выдавались особыя печатныя квитанціи, ходившія по всему краю вмѣсто денегъ подъ названіемъ *мальцовскихъ ассигнацій*.

Прежде чѣмъ перейти къ другой важнѣйшей вѣтви мальцовскихъ издѣлій, стеклянному производству, отмѣтимъ еще народное преданіе, которое называетъ основателя заводовъ, Ивана Акимовича Мальцова, первымъ русскимъ заводчикомъ, начавшимъ выдѣлывать сахаръ изъ свекловицы. Значительнѣйшая изъ мальцовскихъ сахароваренъ и винокуренъ — Любохнинская.

Стеклянныя издѣлія Мальцовыхъ—мальцовскій хрусталь—пользуются заслуженною извѣстностью во всей Россіи. Центромъ этого производства является село Дѣтково или Дядьково, Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи, резиденція самихъ владѣльцевъ. Красивая усадьба съ бельведеромъ, оранжереею задняго фаса выходитъ въ обширный садъ въ англійскомъ вкусѣ съ теплицами, прудомъ и газонами, незамѣтно переходящій въ паркъ съ фермами и небольшимъ звѣринцемъ. На главной улицѣ села прекрасная каменная церковь, замѣчательная своимъ иконостасомъ изъ двухъ параллельныхъ хрустальныхъ стѣнокъ, заполненныхъ въ промежуткѣ хрустальнымъ *боемъ* (битымъ стекломъ); при полномъ освѣщеніи церкви хрустальными паникадилами, иконостасъ является какъ бы алмазнымъ, сверкая радужной игрой безчисленныхъ граней, что производитъ эффектъ необычайный. Здѣсь же невдалекѣ расположенъ заводъ, состоящій изъ главнаго, длиннаго и низменнаго зданія *гуты* (Glasshütte) и разбросанныхъ

вокругъ него и въ окрестности шлифовень, складочныхъ магазиновъ и проч. Въ наземномъ этажѣ гуты производится работа на трехъ стекловарныхъ печахъ, каждая со многими окнами и вмазанными въ нихъ котлами для варки стекла. Нижняя же часть печей (устье) находится въ подпольѣ, откуда огонь топки подогрѣваетъ днища котловъ. Эта топка печей, называемая турованіемъ, составляетъ самую тяжелую работу на стеклянныхъ заводахъ. Во времена крѣпостного права, въ турали ставили штрафныхъ или въ чемъ-либо провинившихся дворовыхъ. Жара здѣсь адская, невыносимая; рабочій въ одной рубахѣ стоитъ противъ пышущаго раскаленнымъ зноемъ жерла печи и, размахиваясь изо всѣхъ силъ, швыряетъ въ него полѣнья. Поминутно то тотъ, то другой изъ туралей выскакиваетъ изъ подземелья на берегъ тутъ же находящагося прудка и окунается съ головой. Рабочіе въ гутѣ окружаютъ печи, съ длинными желѣзными чубуками въ рукахъ, захватываютъ изъ котла концомъ чубука комочекъ расплавленной, огненнокрасной массы и, дуя въ противуположное отверстіе чубука, выдуваютъ стекло во всевозможныя формы, тутъ же обрѣзая, подравнивая и придавая издѣліямъ надлежащій видъ. Плоскія, оконныя стекла, напр., первоначально выдуваются въ видѣ цилиндрическихъ бутылей, потомъ дно и горло бутылей отрѣзаются, на поверхности цилиндра дѣлается продольный разрѣзъ и поверхность эта раскатывается на гладкой металлической доскѣ въ квадратную плоскость. По отформовкѣ издѣлія поступаютъ въ холодильные шкапы, затѣмъ лучшія идутъ на шлифовни. Издѣлія стеклянныхъ заводовъ Мальцова чрезвычайно разнообразны, начиная всевозможной посудой и настольными вещицами въ родѣ пресъ-папье съ залитыми въ немъ стеклянными же цвѣтами всѣхъ красокъ и оттѣнковъ, и кончая самыми крупными и сложными издѣліями на заказъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что мальцовскіе заводы въ совокупности представляютъ маленькое отдѣльное государство съ своими преданіями, исторіей, своеобразно сложившимся бытомъ и не особенно скучною жизнью, благодаря чрезвычайной смѣшанности населенія и обилію иностраннаго элемента. Коренные туземцы, крестьяне окрестныхъ деревень, полѣхи, носятъ большею частью зипуны изъ сѣраго сукна и войлочные колпаки. Характерную черту края составляетъ множество поселковъ и выселковъ, избы которыхъ и особенно дворы, заваленные грязной соломой, не могутъ похвалиться чистотой. Живущіе на самыхъ заводахъ обставлены несравненно лучше. Второстепенная заводская администрація изъ мѣстнаго крестьянства ведетъ уже quasi-цивилизованную жизнь. Объ аристократіи нечего и говорить.

Неблагодарность почвы и недостаточность луговъ, обусловливая малоуспѣшность земледѣлія, вынуждаютъ населеніе, между прочимъ, прибѣгать и къ отхожимъ промысламъ въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ промышленныхъ центровъ. Изъ Калужской губерніи много народа идетъ въ Малороссію, Новороссійскій край и другія отдаленныя губерніи для занятія плотничьимъ, столярнымъ, штукатурнымъ, малярнымъ, кожевеннымъ и другими мастерствами; извозничество преимущественно направляется въ степныя губерніи.

В. П. Клюшниковъ.

ОЧЕРКЪ XI.

БЫТЪ ПОМѢЩИКОВЪ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ.

Усадьбы помѣщиковъ. —Препровожденіе времени въ деревнѣ зимою и лѣтомъ.—Развлеченія помѣщиковъ. Свадебные обряды. Бытъ богатыхъ вельможъ Екатерининской эпохи. — Отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ и дворовымъ людямъ. Воспитаніе дѣтей. Положеніе дѣвочки. Грубость нравовъ.—Виды наказаній.

~ ~~~~

ПОМѢЩИКИ или дворянство въ XVIII вѣкѣ, составляя военное сословіе, жили въ провинціальныхъ городахъ и столицахъ. Хотя Петръ III разрѣшилъ дворянамъ не служить, но вѣковыя привычки укореняются крѣпко и надолго; дворянство по-прежнему тяготѣло къ военной службѣ и по-прежнему отцы еще въ колыбели записывали въ гвардію своихъ дѣтей. Въ деревняхъ жили старики, дряхлые, болѣзненные, неспособные къ отправленію военной или другой службы, или же вышедшіе въ отставку. Въ иныхъ помѣстьяхъ жили жены ушедшихъ на войну и вели уединенную жизнь.

Усадьбы мелкихъ и среднихъ помѣщиковъ, за весьма рѣдкими исключеніями, строились деревянныя, одноэтажныя, съ рѣзьбой, и со свѣтелками; окна были довольно широки, стекла съ мелкимъ переплетомъ. Въ срединѣ—крыльцо, раздѣлявшее домъ на двѣ половины: жилую и для гостей. Отъ крыльца по обѣ стороны шли рѣшетки, образуя какъ бы террасу. Просторныя сѣни, неимѣющія никакого хозяйственнаго назначенія, соединяли обѣ половины дома. Въ передней комнатѣ или залѣ передняя стѣна была увѣшана образами, изъ которыхъ многіе были въ цѣнныхъ кіотахъ; передъ иконами теплились лампады Видное мѣсто въ комнатѣ занималъ дубовый столъ; кругомъ, вдоль стѣнъ, шли лавки. Такова пріемная комната въ домѣ не богатаго помѣщика. Въ жилыхъ комнатахъ тоже въ переднемъ углу образа. Кромѣ лавокъ, стояло съ полдюжины стульевъ простой, не затѣйливой работы. Печь изъ узорчатыхъ разноцвѣтныхъ изразцевъ съ лежанкой. Жилыхъ комнатъ было немного, но за то были разныя холодныя, коридоры, чуланы, кладовыя съ платьемъ, съѣстными припасами. Въ сараяхъ или амбарахъ хранилось много всякой всячины, и старая изломанная мебель, и сундуки съ платьемъ, которое надѣвалось въ самые торжественные праздники. Тутъ же было и много съѣстныхъ припасовъ, сушеныхъ грибовъ, наливокъ и т. д

Отслуживъ извѣстный срокъ въ военной службѣ, достигши перваго чина, молодой человѣкъ отправлялся въ деревню, женился, и никакая карьера уже не манила его вдаль, въ столицу; честолюбіе его вполнѣ удовлетворялось деревенской жизнью съ ея занятіями и развлеченіями. Хозяйство было не сложно; рѣдко кто занимался изученіемъ и примѣненіемъ у

себя на практикѣ новыхъ пріемовъ болѣе усовершенствованнаго земледѣлія или скотоводства. Большинство держалось старины, завѣщанной отцами и дѣдами; нарушеніе какого-нибудь обычая или даже привычки, усвоенной предками, считалось оскорбленіемъ памяти умершихъ. Родители завѣщали чтить какой-нибудь обрядъ, какъ святыню; уваженіе къ памяти и завѣтамъ родичей доходило до того, что многіе не рѣшались даже перемѣнить въ домѣ мебель, посуду, оклеить комнаты обоями или измѣнить распредѣленіе комнатъ.

Въ деревнѣ, если мало было сосѣдей помѣщиковъ, то главнымъ собесѣдникомъ былъ священникъ мѣстной сельской церкви. Если онъ былъ человѣкъ не глупый, то могъ пріобрѣсть большое вліяніе на помѣщика или старушку-помѣщицу, и часто, для своихъ эгоистическихъ цѣлей, поддерживалъ въ нихъ суевѣріе, которое употреблялъ, какъ орудіе мщенія, если они чѣмъ-нибудь прогнѣвили его. Сосѣди съѣзжались въ храмовые праздники, именины и т. под. и проводили по нѣсколько дней у своихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Время въ гостяхъ шло однообразно: утромъ — завтракъ, потомъ обѣдъ, закуски, заѣдки, чай и ужинъ. Наши предки любили плотно покушать; даже въ небогатыхъ помѣщичьихъ семьяхъ обѣдъ отличался обиліемъ блюдъ и продолжался необычайно долго. За обѣдомъ подавались и горячія щи и холодная со льдомъ ботвинья съ осетриной, грибы жареные въ сметанѣ, утки или индѣйки со всевозможными соленьями, отварными грибами, моченой брусникой, смородиной и т. д., и разные сдобные пироги. Все это приготовлялось очень жирно. Подчиванію не было конца. Чарочки и рюмки, наполненныя виномъ, медомъ, веселили сердце, горячили кровь и располагали общество къ веселой, дружной бесѣдѣ, взаимному обмѣну мыслей и чувствъ. По вечерамъ, особенно зимой, устраивали танцы; нѣкоторые помѣщики привозили свою музыку, т.-е. двѣ—три скрипки. Такіе не громоздкіе инструменты легко укладывались въ экипажи а музыканты исполняли въ дорогѣ должность лакеевъ. Молодежь танцовала; болѣе пожилые дамы и мужчины играли въ карты, вели задушевные разговоры. Уставши слушать менуэты, господа приказывали музыкантамъ играть русскія пѣсни. И раздавался грустный, щемящій сердце мотивъ русской пѣсни. Вѣковое рабство отразилось на народной поэзіи. Въ пѣсняхъ вылилась вся душа народа-страдальца, вся кротость и терпѣніе, съ которыми русскій человѣкъ привыкъ сносить свою долгую, тяжкую неволю. Смолкли печальные звуки, забыты на минуту всѣ страданія, чарка зелена-вина заглушаетъ поднявшійся въ душѣ вопль, и разгульное, разудалое веселье вмигъ охватываетъ всѣхъ. Подъ такія веселыя (плясовыя) пѣсни не сидѣлось и степеннымъ старикамъ, — все пускалось въ плясъ. Устали гости, на смѣну имъ являлись дворовыя дѣвушки и парни на потѣху опьянѣвшихъ господъ.

Долгіе зимніе вечера проводились въ кругу знакомыхъ, за разными играми въ фанты и картами. Тогда не знали возбуждающихъ страсти карточныхъ игръ; по большей части играли въ риверсисъ, за который садились только для провожденія времени пожилые люди. На святкахъ и масляницѣ устраивали катанье съ горъ, рядились въ самые замысловатые костюмы и разъѣзжали по знакомымъ. Рядилась и дворня, изображая медвѣдей, волковъ, индюшекъ, пѣтуховъ, журавлей. Крѣпостныя дѣвушки пѣли подблюдныя пѣсни, гадали. Нѣкоторые виды гаданья сохранились и до сихъ поръ, напр., наводить зеркало на луну, подслушивать въ церкви и многія другія.

Лѣтомъ время проводилось въ охотѣ, уженьи рыбы, прогулкахъ за грибами. Охота съ тенетами на зайца была любимой забавой тогдашнихъ помѣщиковъ. Охота велась такъ. Тенета ставились полукругомъ, охватывая большую часть лѣса, другой полукругъ образовали сами охотники съ трещотками, за тенетами, спрятавшись за кусты, стояли охотники, которые должны были загонять звѣря въ тенета. Всѣ хранили молчаніе, не производили никакого шума, чтобы не испугать звѣря. Когда ловчій подавалъ сигналъ; „эй, ребята! дружно на звѣря!"—всѣ, стоявшіе съ трещотками, приводятъ ихъ въ дѣйствіе, поднимается оглушительный шумъ трещотокъ и гиканье голосовъ. Ошеломленный звѣрь бѣжитъ къ тому мѣсту, гдѣ было тихо, т.-е.

къ тенетамъ. Близко подпустивъ звѣря, охотники около тенетъ, не участвовавшіе въ общемъ шумѣ, теперь дружно, разомъ вскрикиваютъ; звѣрь, пораженный неожиданностью, бросается въ тенета и здѣсь его ловятъ живьемъ или убиваютъ.

Не менѣе пріятнымъ удовольствіемъ считалась и рыбная ловля неводомъ или на удочку. Страстные любители ловили рыбу и зимой. Едва замерзнетъ рѣка и ледъ станетъ на столько крѣпокъ, что можетъ выдержать извѣстную тяжесть, какъ уже любители отправляются съ неводомъ. Рядомъ съ главной прорубью, откуда тащить рыбу, дѣлаютъ другую, на которую ложится всякій, желающій полюбоваться пріятнымъ зрѣлищемъ. Вся глубина рѣки, какъ на ладони до дна; рыбы съ необыкновеннымъ проворствомъ шныряютъ туда и сюда и, наконецъ, не минуютъ западни. А ловля удочкой! Что за наслажденіе въ теплую лѣтнюю ночь въ легкомъ челнокѣ, тихо покачивающемся на гладкой поверхности рѣки, слѣдить за рыбой. Вотъ потянула, потянула... Сердце замираетъ отъ волненія, не дышешь, не шевелишься, чтобы не испугать приближающихся рыбокъ... Вотъ опять потянула, клюнула, — и плѣнница готова. Но случается просидѣть и цѣлую ночь въ безплодныхъ ожиданіяхъ, нетерпѣніи, тревогѣ.

При этихъ развлеченіяхъ, наполнявшихъ праздное время баръ, досуга было много. Чтобы наполнить его, помѣщики придумывали себѣ развлеченія, соотвѣтствовавшія ихъ вкусу. Такъ, напр., одинъ, прослуживши молодость въ гусарскомъ полку, держалъ у себя въ деревнѣ нѣсколько человѣкъ, изображавшихъ гусаровъ, одѣвалъ ихъ въ гусарскіе мундиры, училъ военнымъ упражненіямъ. Они стояли у него на часахъ, ѣздили за нимъ конвоемъ, стрѣляли и становились во фронтъ передъ его окнами; у крыльца была будка для часовыхъ. Другой обучалъ крѣпостныхъ играть на трубахъ. Въ 12 часовъ доморощенные музыканты играли на колокольнѣ и выбивали зорю передъ окномъ помѣщика. Иные были страстные охотники до собакъ, кошекъ, птицъ. Такія забавы были преимущественно у людей пожилыхъ и бездѣтныхъ. Не было дѣтей,—и заводили собакъ, кошекъ, попугаевъ, окружали ихъ самыми нѣжными заботами и попеченіями, кормили съ одного стола, укладывали спать на мягкихъ постеляхъ, нарочно приготовленныхъ. Бѣда дворовой дѣвушкѣ, если она, по разсѣянности, не точно исполняла свои обязанности относительно барскихъ фаворитовъ.

Были и любители соловьевъ. Прелестное, нѣжное пѣніе на волѣ этой птички не доставляло любителямъ и малой доли того наслажденія, какое они испытывали, слыша пѣсенки въ комнатахъ. Покупали нѣсколько соловьевъ и въ клѣткахъ ставили въ комнатѣ. Пріобрѣтя хорошаго соловья, помѣщикъ приглашалъ къ себѣ сосѣда, такого же страстнаго любителя соловьинаго пѣнія, и вотъ за чайнымъ столомъ усаживались они и приготовлялись слушать чудное пѣніе. Шипѣлъ самоваръ, обдавая густымъ паромъ сидѣвшихъ; ароматный напитокъ располагалъ къ дружеской бесѣдѣ. Уже не одну чашку чая выпили гость и хозяинъ, подливая рому; а упрямый соловей молчитъ, какъ будто смѣясь надъ слушателями. Напрасно другіе старые соловьи легонько и робко перекликаются, какъ-бы стараясь втянуть въ общій концертъ новичка, но все напрасно. И гость и хозяинъ начинаютъ терять терпѣніе. Гость уже взялся за стаканъ вина, какъ бы желая утѣшиться. И вдругъ раздались чудные звуки, нѣжная трель... Остальные соловьи смолкли, давъ ему просторъ. Гость и хозяинъ замерли въ восторгѣ.

Если въ окрестностяхъ жило много помѣщиковъ, выѣзды бывали часто. Побудительными причинами были то именины, то храмовой праздникъ, то крестины или свадьбы.

Свадьбы большею частью устраивались чрезъ посредство третьяго лица. Молодой человѣкъ, узнавши, что по сосѣдству есть дѣвушка, достойная быть его женой, разузнавалъ объ ея родителяхъ, о приданомъ и характерѣ дѣвушки, пріѣзжалъ въ домъ ея родителей раза два. Рѣдко случалось, чтобы женихъ вступалъ въ разговоры съ невѣстой; иногда онъ не бывалъ даже и въ домѣ невѣсты, а прямо посылалъ какую-нибудь знакомую или родственницу-старушку, игравшую роль свахи, узнать—желаютъ ли родители отдать за него дочь, и затѣмъ

уже пріѣзжалъ самъ. Пріѣздъ жениха ожидался очень торжественно: приглашали родственниковъ; все приводилось въ наилучшій порядокъ; комнаты украшались всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ; мыли, чистили и принаряжались; и господа, и прислуга надѣвали нарядныя платья, вынимали изъ кладовыхъ всѣ завѣтныя сокровища, какъ-то: старинную посуду, ковры и проч., тщательно припрятанные до поры, до времени. Женихъ пріѣзжалъ также съ родственниками. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, рекомендацій, поклоновъ и обниманій, женихъ формально дѣлалъ предложеніе. Звали невѣсту, и священникъ сейчасъ же благословлялъ ихъ. Затѣмъ усаживались за столъ съ чаемъ, кофе, разными закусками. Бесѣда продолжалась далеко за полночь. За ужиномъ женихъ и невѣста не могли ничего ѣсть, потому что безпрестанно вставали и отвѣчали поклонами на поздравленія гостей. Если усадьба жениха была далеко отъ дома невѣсты, то онъ оставался ночевать въ деревнѣ, или на разсвѣтѣ уѣзжалъ домой. На другой день снова пріѣзжалъ къ невѣстѣ, привозилъ ей подарки, а также и погребецъ съ виномъ, чтобы угощать дворовыхъ людей ея. Невѣста, съ своей стороны, тоже дѣлала подарки прислугѣ жениха. Самая свадьба праздновалась три дня. Отъ вѣнца новобрачные, въ сопровожденіи многочисленной свиты, родственниковъ и знакомыхъ, торжественно подъѣзжали къ усадьбѣ жениха. Музыка привѣтствовала молодыхъ, начинались поздравленія. Затѣмъ новобрачные и гости садились за ужинъ, который продолжался нѣсколько часовъ. Послѣ ужина слѣдовали „сахары", т.-е. столъ, уставленный разными сластями, чаемъ и кофе. У дворянъ, въ половинѣ XVIII вѣка, существовалъ обычай, который и теперь еще встрѣчается у нашихъ крестьянъ, а именно: послѣ „сахаровъ", новобрачную отводили въ спальную, раздѣвали ее молодыя женщины и ея родственницы; простившись съ молодыми супругами, всѣ оставались въ другихъ комнатахъ, чтобы еще въ этотъ вечеръ или, вѣрнѣе, ночью принести свои поздравленія новобрачнымъ. Иногда въ такомъ ожиданіи проходило нѣсколько часовъ. И все-таки, несмотря на скуку ожиданія, утомленіе послѣ цѣлаго дня хлопотъ, этотъ обычай упорно держался долгое время; обойти его не рѣшались и люди образованные для тогдашняго времени. На другой день устраивался такъ-называемый „княжой пиръ", который былъ гораздо веселѣе свадебнаго ужина. Торжественный обрядъ вѣнчанія какъ бы удерживалъ всѣхъ отъ веселья; гости сидѣли чинно, изрѣдка перекидываясь незначительной фразой съ сосѣдомъ. За то „княжой пиръ" имѣлъ другой характеръ. Отдохнувши послѣ свадебной церемоніи, гости чувствовали себя свободнѣе, веселѣе, точно гора свалилась съ плечъ. Всѣ оживлялись, танцовали, играли въ разныя игры. Гости оставались и на третій день и уѣзжали только къ вечеру. Проводивъ гостей, молодые отправлялись съ визитами къ родственникамъ и сосѣдямъ; визиты продолжались иногда болѣе недѣли.

Въ столицы ѣздили очень рѣдко; рѣдко также ѣздили и въ ближайшіе губернскіе и уѣздные города, вслѣдствіе неудобныхъ путей сообщенія. Но разъ выбравшись изъ деревни, проводили внѣ ея по нѣсколько мѣсяцевъ и даже цѣлую зиму.

Въ городѣ тѣ же развлеченія наполняли жизнь помѣщиковъ, тѣ же пріемы знакомыхъ, карточныя игры для взрослыхъ и танцы для молодежи; въ городѣ посѣщенія гостей были чаще, такъ какъ это было удобнѣе, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ зимніе сугробы, распутица и бездорожье весной мѣшали частому общенію.

Едва развивающееся драматическое искусство увлекало всѣхъ; всѣ со страстью устраивали спектакли; даже и небогатые помѣщики имѣли театры, гдѣ давались представленія преимущественно лѣтомъ, такъ какъ импровизированные театры—были наскоро сколоченные балаганы; зимой играть въ нихъ было невозможно. Въ спектакляхъ участвовали также и дѣти. Какое несказанное удовольствіе доставляли такія празднества маленькимъ актерамъ, и какое воспитательное значеніе имѣли эти спектакли! Выучиваніе ролей сближало дѣтей, вырабатывало дикцію, развивало наблюдательность, а похвалы взрослыхъ служили лучшей наградой за трудъ и поощряли дѣтей къ усовершенствованію игры.

Такъ жили въ половинѣ и концѣ XVIII вѣка небогатые помѣщики, занимаясь своимъ небольшимъ хозяйствомъ и въ тѣсномъ кругу своихъ знакомыхъ находили полное удовлетвореніе своимъ интересамъ. Перейдемъ теперь въ другую сферу, взглянемъ на бытъ богатыхъ помѣщиковъ, знатныхъ вельможъ Екатерининской эпохи. Въ то время небогатые и средніе помѣщики весьма рѣдко ѣздили въ столицы; Москва въ XVIII вѣкѣ была центромъ знатныхъ вельможъ. Громадные каменные дома, которые нынѣ почти всѣ обращены въ учебныя заведенія, принадлежали сильнымъ временщикамъ царствованій Елизаветы и Екатерины II. Проводя зиму въ Москвѣ или въ Петербургѣ, вельможи на лѣто уѣзжали въ подгородныя имѣнія или даже отдаленныя жалованныя помѣстья и вели тамъ жизнь, достойную восточныхъ сатраповъ.

Еще донынѣ сохранились кое-гдѣ остатки старинныхъ помѣстій XVIII вѣка. Я припоминаю одно изъ имѣній, принадлежавшее графу Завадовскому, пожалованное ему Екатериной II. Имѣніе, переходя изъ рукъ въ руки, теряло по частямъ роскошное убранство. Продавались то мебель, то картины и др. вещи. Нетронутой осталась великолѣпная опочивальня, устроенная Завадовскимъ для Екатерины, когда она посѣщала его, по дорогѣ въ Крымъ. Широкая липовая и дубовая аллея вели къ чугуннымъ воротамъ барскаго дома; на обширномъ дворѣ, усыпанномъ мелкимъ желтымъ пескомъ, красовался затѣйливый дворецъ, окруженный множествомъ каменныхъ флигелей и службъ. Лицевая сторона дома была обращена въ садъ, оканчивающійся вѣковымъ паркомъ. Тамъ, гдѣ природа не щедро надѣлила мѣстность своими благами, искусство являлось на помощь и дѣлало чудеса. За нѣсколько верстъ проводили воду, устраивали фонтаны, водопады, причудливые гроты, выкапывали пруды. Трудъ крѣпостного былъ дешевъ, барскія же затѣи велики. Въ саду знатнаго вельможи возвышались оранжереи съ рѣдкими тропическими растеніями и нѣжными плодами юга.

Внутренность дома соотвѣтствовала внѣшнему великолѣпію. Лѣстница, устланная бархатнымъ ковромъ, уставленная растеніями, вела въ роскошную пріемную, съ дорогой мебелью, обитой атласомъ или бархатомъ. По стѣнамъ зеркала и картины въ золоченыхъ рамкахъ; роскошныя люстры искрятся причудливыми переливами свѣта; на столахъ разные предметы роскоши, всюду блескъ золота и дорогихъ предметовъ. Зала для большихъ празднествъ устраивалась въ два свѣта съ хорами, съ которыхъ гремѣлъ оркестръ музыки. Весело и привольно жилось въ то время вельможамъ. Давались блестящія празднества, шумные пикники и маскарады. Праздная, веселая жизнь, радушіе и гостепріимство хозяевъ привлекали массу гостей; нерѣдко на праздники съѣзжались изъ города и уѣздовъ. Съ утра до вечера домъ былъ наполненъ гостями. Каменные флигеля отдавались въ полное распоряженіе посѣтителей. Тамъ могли они оставаться, сколько хотѣли; у нихъ была особая прислуга, они, если желали, могли обѣдать у себя и не являться къ общему столу. Такая свобода нравилась гостямъ; они по недѣлямъ проводили въ гостепріимномъ дворцѣ вельможи.

День начинался поздно; уставши послѣ бала наканунѣ, хозяева и гости поднимались съ постели за полдень. Послѣ роскошно сервированнаго завтрака, общество раздѣлялось. Хозяинъ съ нѣкоторыми изъ гостей отправлялся на охоту. Охота рѣшена была заранѣе. За нѣсколько дней съѣзжались завзятые охотники и псари со сворами собакъ. Наканунѣ доѣзжачій получалъ приказаніе, и на другой день, уже съ утра, все было готово къ охотѣ, — ждали только появленія охотниковъ. Лошади фыркали, нетерпѣливо выбивая копытами землю; егеря, въ разукрашенныхъ серебромъ кафтанахъ, въ ожиданіи похаживали около лошадей, перекидываясь между собою изрѣдка словомъ, другимъ и покрикивая на лаявшихъ собакъ. Наконецъ, господа вышли, сѣли на коней, егеря затрубили въ трубы, собаки съ визгомъ бросились впередъ, поскакали и охотники по большой дорогѣ и быстро исчезли изъ вида, оставляя за собою столбъ пыли; вдали слышатся неясные голоса и доносятся звуки трубъ.

Другіе гости выбирали занятіе по вкусу. Дамы, въ сопровожденіи мужчинъ, блестящими

кавалькадами отправлялись на прогулку, иные уходили, кто куда хотѣлъ, катались на лодкѣ или съ ружьемъ и лягавой собакой бродили по окрестностямъ, высматривая дупелей или куропатокъ. Къ вечеру общество возвращалось домой. За столомъ шли шумные, оживленные разговоры объ удавшейся охотѣ, дѣлались планы насчетъ слѣдующихъ забавъ; свѣтскіе кавалеры занимали дамъ каламбурами и анекдотами. Вино лилось рѣкой, оркестръ музыкантовъ, составленный изъ крѣпостныхъ хозяина, гремѣлъ съ хоръ; появились доморощенные пѣвцы и пѣвицы. Для потѣхи и развлеченія знатные вельможи имѣли карликовъ, карлицъ и шутовъ. Мода, господствовавшая въ то время при дворѣ, естественно находила подражаніе и на высшихъ ступеняхъ общественной іерархіи. Когда бывали многочисленныя собранія гостей, выводили карликовъ и карлицъ. Надъ ними безпощадно издѣвались, заставляя уродливо кривляться и плясать; но шутовъ нѣкоторые побаивались, потому что иногда довольно остроумные отвѣты, въ видѣ загадокъ, задѣвали самолюбіе гостей, не пользовавшихся расположеніемъ хозяина, значитъ, и его любимца-шута. Чтобы не вызвать неудовольствіе хозяина, гости должны были молча проглатывать невкусныя пилюли.

Отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ и дворовымъ были различны, смотря по развитію и общественному положенію дворянъ. Въ небольшихъ помѣщичьихъ усадьбахъ, конечно, отношенія къ крѣпостнымъ были проще, гуманнѣе. Большая простота нравовъ, большая патріархальность дѣлали менѣе замѣтной разницу въ окружающихъ условіяхъ крѣпостныхъ и барина. Если баринъ одѣвался въ грубую изъ льняного холста рубашку, поношенный кафтанъ, а барыня и барышни въ какіе-нибудь „шушуны“ и ситцевыя платья, если баринъ самъ ѣздилъ на пашню, жнитво и сѣнокосъ, а не поручалъ управляющему, самъ видѣлъ нужды мужика, выслушивалъ жалобы, просьбы, если барыни сами ходили по грибы съ сѣнными дѣвушками, гадали, вмѣстѣ съ ними варили варенье и исполняли многія другія хозяйственныя дѣла, то, понятно, въ отношеніяхъ ихъ господствовало болѣе простоты, доброты. Въ глазахъ крѣпостныхъ, баринъ—отецъ родной, хотя и строгій, въ гнѣвѣ никого не пощадитъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, добрый, хорошій человѣкъ, который всегда готовъ помочь нуждѣ крестьянской и за правду никого не обидитъ. Въ среднемъ помѣщичьемъ быту нерѣдко старинный дворовый человѣкъ, извѣстный своей преданностью, выросшій и состарѣвшійся въ хоромахъ своего барина, пользовался его расположеніемъ. Такому вѣрному слугѣ поручали исполнять болѣе или менѣе важныя дѣла. Если онъ былъ къ этому еще и грамотный,—онъ становился совѣтникомъ во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ.

Такимъ преданнымъ людямъ поручали дѣтей, которыя до школьнаго возраста проводили большую часть времени съ дядькой. Дядька одѣвалъ ребенка, забавлялъ его разными играми, сопутствовалъ на прогулкахъ. Когда приходило время отдавать въ школу, то вѣрный и преданный дядька отправлялся съ молодымъ баричемъ въ губернскій городъ или столицу; продолжалъ оставаться, когда юноша, окончивъ училище, поступалъ въ полкъ; по окончаніи службы возвращался съ нимъ въ деревню. Иногда одинъ человѣкъ служилъ и дѣду, и сыну, и внуку; естественно, что привязанность росла и передавалась потомству. Нерѣдко нѣсколько поколѣній дворовыхъ людей занимали однѣ и тѣ же должности, исполняли однѣ и тѣ же обязанности. Были между дворовыми особые грамотѣи-старики. Имъ какъ-то въ молодости удалось выучиться грамотѣ. Потомъ природный умъ, быстрое соображеніе и случай встрѣчи съ людьми знающими, столкновеніе съ судами, научали ихъ искусству вести тяжебныя дѣла, и одно выигранное дѣло, при помощи такого доморощеннаго повѣреннаго, навсегда укрѣпляло за нимъ репутацію опытнаго ходатая, и внушало къ нему всеобщее уваженіе со стороны помѣщиковъ. Такіе повѣренные ѣздили въ города, подавали прошенія, отстаивали въ судѣ дѣла своихъ кліентовъ или, не доводя дѣло до тяжбы съ сосѣдомъ, всегда позорившей честно старинное имя помѣщика, они старались примирить тяжущихся, вели долгіе переговоры съ противной стороной и, смотря по обстоятельствамъ, дѣлали уступки, или прибѣгали къ суду

Въ барскихъ хоромахъ, въ горницахъ былъ большой штатъ женской прислуги. Помимо домашнихъ работъ, женщины, дѣвушки, даже дѣвочки занимались рукодѣльемъ, шили въ пяльцахъ, вязали, плели кружева, пряли, сучили шерсть. Всѣ эти работы производились въ дѣвичьей, подъ присмотромъ „барской барыни", женщины особенно преданной барынѣ, а потому и пользовавшейся почетомъ со стороны всей дворни. „Барская барыня", овладѣвъ довѣріемъ своей госпожи и сумѣвъ угодить ея вкусу, безусловно распоряжалась дворней. Въ работѣ съ дворовыми женщинами участвовали иногда и сами помѣщицы, преимущественно старыя. Строго выговаривалось нерадивой работницѣ. Сработавъ извѣстный урокъ, женщина или дѣвочка показывали барынѣ, и бѣда, если повторялась ошибка. Лицо барыни пылало гнѣвомъ, ременная плетка, съ визгомъ прорѣзывая воздухъ, опускалась на плеча виновной, раздавались всхлипыванья.

Кому не извѣстны няни стараго времени, ихъ привязанность и горячая любовь къ чужому ребенку, неусыпный уходъ и заботы. Няни занимали привилегированное мѣсто по своему значенію; ихъ заслуги цѣнили; нерѣдко няня была членомъ дворянской семьи. Онѣ имѣли большое вліяніе на дѣтей, онѣ были первыми воспитательницами барчатъ, какъ дѣвочекъ, такъ и мальчиковъ. Часто вліяніе ихъ было крайне вредно. Невѣжественныя, онѣ часто вселяли суевѣрный страхъ въ сердца своихъ воспитанниковъ предъ такими явленіями, причины которыхъ не умѣли объяснить или же объясняли по-своему. Сказки ихъ также дѣйствовали сильно на юное воображеніе и развивали крайнюю впечатлительность; но все же искренняя, почти материнская привязанность къ дѣтямъ заставляла нѣсколько примиряться съ ихъ недостатками.

Чѣмъ болѣе разницы въ общественномъ положеніи у разныхъ классовъ населенія, тѣмъ болѣе отчужденія; чѣмъ богаче жили помѣщики, чѣмъ знатнѣе они были—тѣмъ неприступнѣе они были для крестьянъ, тѣмъ менѣе обращалось вниманія на прислугу и дворовыхъ, окружавшихъ ихъ. Лишь бы поддерживалась наружная благопристойность, лишь бы баринъ самъ не натолкнулся на какой-нибудь крупный безпорядокъ. Тогда расправа коротка: провинившагося ссылали въ деревню или отдавали въ солдаты, дѣвушкѣ отрѣзывали косу, отправляли въ деревню ходить за коровами, выдавали замужъ за самаго неприглядкаго крестьянина. Богатые помѣщики не входили сами въ хозяйство, чтобы не безпокоить себя, а поручали все управляющему. Если помѣщикъ рѣдко бывалъ въ имѣніи, а жилъ въ столицѣ, то управляющій, не забывая себя, обдиралъ крестьянъ и посылалъ деньги въ столицу, гдѣ онѣ обмѣнивались на заморскія вина, да на раззолоченные кафтаны и разные другіе предметы роскоши. И присутствіе барина въ деревнѣ не удерживало управляющаго отъ злоупотребленій. Крупные помѣщики не вмѣшивались и въ домашнее хозяйство; имъ было все равно, сыта или голодна дворовая прислуга, какъ она себя ведетъ. Словомъ, крѣпостные были не люди для помѣщика, а куклы на пружинахъ, исполняющія безпрекословно барскую волю. Поэтому на глазахъ барина поддерживался кое-какой порядокъ, за то на самомъ дѣлѣ господствовала полнѣйшая распущенность нравовъ, пьянство, развратъ

Знатные и богатые бары, особенно же временщики, окружали себя многочисленной дворней. Штатъ дворовой прислуги достигалъ до 200—300 и даже 500 человѣкъ. Въ деревняхъ прислуги держали больше, чѣмъ въ городахъ. Въ городѣ были повара, дворецкіе, буфетчикъ, камердинеры, выѣздные, лакей, множество такъ-называемыхъ сѣнныхъ дѣвушекъ, состоявшихъ при барынѣ, музыканты, конюхи, егеря и т. д. Въ деревняхъ къ нимъ прибавлялся еще цѣлый персоналъ ремесленниковъ, мастеровыхъ, кузнецовъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ и др. Помѣщикъ, желая имѣть все подъ руками, обучалъ многимъ ремесламъ и искусствамъ своихъ дворовыхъ, посылалъ ихъ въ Москву или Петербургъ для усовершенствованія въ музыкѣ, пѣніи и драматическомъ искусствѣ. У знатныхъ вельможъ временъ Екатерины были свои домашніе театры, на которыхъ фигурировали доморощенные комики и тра-

тики. Обучали и разнымъ наукамъ; были случаи, что крѣпостные выучивались классическимъ языкамъ, отечествовѣдѣнію, медицинѣ.

Нерѣдко дворовый, получившій солидное образованіе, дѣлался воспитателемъ молодого барченка, и въ этой дѣятельности не уступалъ смѣнявшимъ его гувернерамъ-иностранцамъ. При томъ подобострастіи, съ которымъ относились къ иностранцамъ наши бары прошлаго вѣка, всякій бродяга-иностранецъ, бѣжавшій, быть-можетъ, отъ преслѣдованія закона за какое-нибудь гнусное преступленіе, принимался у насъ съ распростертыми объятіями, дѣлался воспитателемъ дѣтей знатныхъ русскихъ вельможъ, сколачивалъ себѣ состояніе. Но бывали нерѣдко случаи, что учитель, французъ или нѣмецъ, не умѣвшій прилично держаться, на первыхъ же порахъ показывалъ, что онъ за птица, и съ позоромъ изгонялся.

Роскошь, пустившая корни въ царствованіе Елизаветы Петровны, еще болѣе усилилась въ послѣдующія царствованія Петра III и Екатерины II. Отъ двора она распространилась между вельможами, окружающими Дворъ. Всякій старался перещеголять другого штатомъ прислуги, лучшимъ столомъ, заграничными экипажами, дорогимъ нарядомъ. Роскошь доходила до того, что все выписывали изъ-за границы, и мебель, и экипажи, и одежду. Кафтаны перестали обшивать галунами, а вышивали настоящимъ серебромъ или золотомъ. Такъ, напр., платье Шереметева ослѣпляло количествомъ золота, и было очень тяжело отъ нашитаго на него золота и серебра; у Чернышева ливрея пажей была шита серебромъ. Шуваловъ роскошью и богатствомъ превосходилъ почти всѣхъ другихъ. Домъ его былъ наполненъ поражающей роскошью; столъ роскошный; десертъ такой, какой рѣдко встрѣчался тогда. У него въ изобиліи были ананасы, составлявшіе тогда большую рѣдкость. Самъ онъ одѣвался въ шитые золотомъ и украшенные дорогими кружевами мундиры, имѣлъ бриліантовыя пуговицы.

Вслѣдъ за богатымъ дворянствомъ тянулось и среднее; роскошь усиливалась; число дворовыхъ росло при каждомъ помѣщикѣ. Это было обременительно для крестьянъ; съ нихъ брали увеличенные поборы натурой для содержанія всей этой, часто праздношатающейся, толпы рабовъ Несмотря на то, что дворовымъ, повидимому, лучше жилось, чѣмъ крестьянамъ, ихъ лучше кормили, одѣвали въ лучшее платье, учили грамотѣ и ремесламъ, за нихъ баринъ платилъ подати (чаще міръ), но нравственное рабство ихъ было тяжелѣе,—сильнѣе тяготѣлъ надъ ними произволъ помѣщика. Постоянно находясь на глазахъ у барина, дворовые трепетали за каждый свой шагъ, за каждое слово; барская воля для нихъ была выше законовъ государя для крѣпостныхъ людей. Больно оскорблялось самолюбіе, попиралось человѣческое достоинство, когда вдругъ артистъ или артистка за какое-нибудь неловкое движеніе, или плохо исполненный речитативъ, награждались пощечиной со стороны мецената-барина. Часто, по капризу помѣщика, комики должны были браться за исполненіе трагическихъ ролей, но перемѣщались и худшимъ образомъ. Почему-либо не понравившійся музыкантъ или архитекторъ переходилъ къ сохѣ и боронѣ. Молодой человѣкъ, получившій серьезное музыкальное образованіе въ Италіи, долженъ былъ цѣлые вечера потѣшать барина своей игрой.

Помѣщикъ безусловно располагалъ судьбой своихъ крестьянъ. Онъ могъ продать, переселить своихъ крѣпостныхъ, отдать въ рекруты, женить на комъ хотѣлъ и т. д. Хотя въ законѣ требуется свободное согласіе вступающихъ въ бракъ, но это обходилось. Крестьянинъ не смѣлъ безъ дозволенія барина вступать въ бракъ, ни женить сына, ни выдать замужъ дочь. Иногда помѣщикъ приказывалъ міру женить бобыля-скитальца въ теченіе извѣстнаго срока и міромъ завести ему хозяйство; въ противномъ случаѣ грозилъ выдать за него лучшую дѣвицу въ деревнѣ. Иногда брались крестьянскія дѣвушки въ жены для дворовыхъ людей. Дѣвушекъ сажали въ телѣгу безъ предварительныхъ поясненій и увозили; онѣ не вѣдали, кто изъ нихъ достанется какому мужу. Если дѣвушка достигла 20 лѣтъ, то ее приказывалъ помѣщикъ выдавать замужъ въ теченіе полугода (уложеніе Орлова); если же къ назначенному сроку не пріищется женихъ, то брать штрафу ежегодно съ богатаго дома 50 рублей, съ

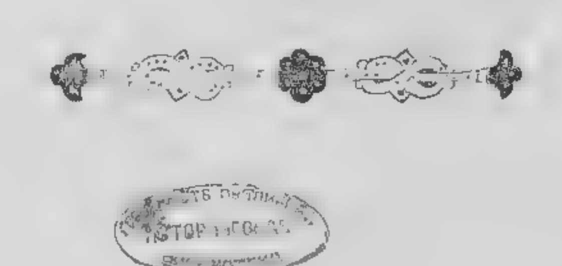
средняго — 25 руб., а тѣхъ, которые не могли откупиться, подвергать наказанію. Впрочемъ, помѣщики не приневоливали вступать въ бракъ парней, физически неспособныхъ; съ нихъ даже не взимался штрафъ.

Помѣщики наблюдали за браками, рѣшительно вмѣшивались въ это дѣло не столько въ видахъ чистоты нравовъ, сколько для увеличенія численности населенія. Помѣщики женили по своему усмотрѣнію, напримѣръ, приказывали, чтобы такой-то Иванъ, Сидоръ, женился на Марьѣ и т. д. Если случалось, что крестьянинъ самовольно, безъ разрѣшенія помѣщика, сваталъ себѣ невѣсту, то непокорнаго подвергали покаянію. Если дѣвушка выдавалась замужъ въ деревню чужую, то помѣщикъ бралъ за нее такъ-называемыя „выводныя“ деньги. Правительство разрѣшало этотъ поборъ, но не установило размѣра платы. Иные брали по десяти рублей, другіе больше. Княгиня Дашкова брала по сто рублей за „выводъ“. Строго преслѣдовались также семейные раздѣлы. Распоряжаясь безусловно судьбою крестьянъ, помѣщикъ имѣлъ право наказывать провинившихся крѣпостныхъ ссылкой въ Сибирь или отдачей въ солдаты. Но, кромѣ этихъ наказаній, разрѣшенныхъ помѣщикамъ закономъ, они присвоили себѣ право „*отечески*“ расправляться съ крѣпостными.

Многіе историческіе памятники и монографіи эпохи крѣпостного права изобилуютъ массой фактовъ, показывающихъ, какъ безчеловѣчно обращались иные дворяне съ провинившимися крѣпостными и какъ сравнительно слабы были карательныя мѣры относительно кровожадныхъ помѣщиковъ со стороны правительства. Провинилась дѣвушка, плохо сработала урокъ, заданный барыней, или не кончила его, — барыня собственноручно снимала съ ноги башмакъ и отсчитывала имъ удары по щекѣ провинившейся. Раскраснѣвшись отъ боли и стыда, дѣвушка недвижно стоитъ на колѣняхъ, не дѣлая никакого отпора разсвирѣпѣвшей барынѣ; слезы ручьями струятся по лицу. Но это еще считалось однимъ изъ наиболѣе легкихъ видовъ наказанія. Обычный же видъ наказанія — сѣченіе плетьми на конюшнѣ. Случалось, что подвергавшіеся такому наказанію чрезъ нѣсколько дней умирали. Княгиня Козловская обыкновенно заставляла раздѣвать до-нага провинившихся лакеевъ или дѣвушекъ, привязывать къ столбу и сѣчь, и сама тоже участвовала въ сѣченіи; одной изъ своихъ горничныхъ она разодрала ротъ до ушей изъ ревности. Помѣщики отличались другъ передъ другомъ въ изобрѣтательности наказаній. Одни наказывали раскаленными прутьями, другіе—палками, третьи, полагая, что наказаніе палками опасно, находили, что „кошечки“ гораздо цѣлесообразнѣе:—„и больно, и не опасно, — нельзя причинить увѣчья“. Но и „кошечки“, т.-е. ременныя семихвостки, тоже иногда забивали людей до полусмерти. Иные травили людей собаками, держали по нѣсколько лѣтъ въ клѣткахъ.

Законы, преслѣдовавшіе жестокость помѣщиковъ, въ большинствѣ случаевъ сводились къ церковному покаянію на годъ, къ посту, сажанію на нѣсколько дней на хлѣбъ и на воду; рѣдко ссылали на поселенье и, въ весьма исключительныхъ случаяхъ, отправляли въ каторгу. Огромное же большинство истязаній, возмущающихъ человѣческій духъ, оставались даже и неизвѣстными до болѣе поздняго времени, когда относительная свобода мысли, слова и человѣческой личности пролили свѣтъ на это темное царство. Конечно, среди помѣщиковъ встрѣчались и добрые, сравнительно гуманно обращавшіеся съ крѣпостными, да и тѣ не могли избѣгнуть того растлѣвающаго вліянія, которое оказывало крѣпостное право. Право собственности надъ живыми существами, полное распоряженіе ихъ тѣломъ и душой, полное униженіе человѣческаго достоинства и оскорбленіе всѣхъ священныхъ и завѣтныхъ чувствъ вошло въ кровь и плоть помѣщиковъ. Въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, отъ этого вліянія не могли вполнѣ освободиться и лучшіе изъ нихъ.

А. А. Исаевъ.

ТОМЪ VII-й.

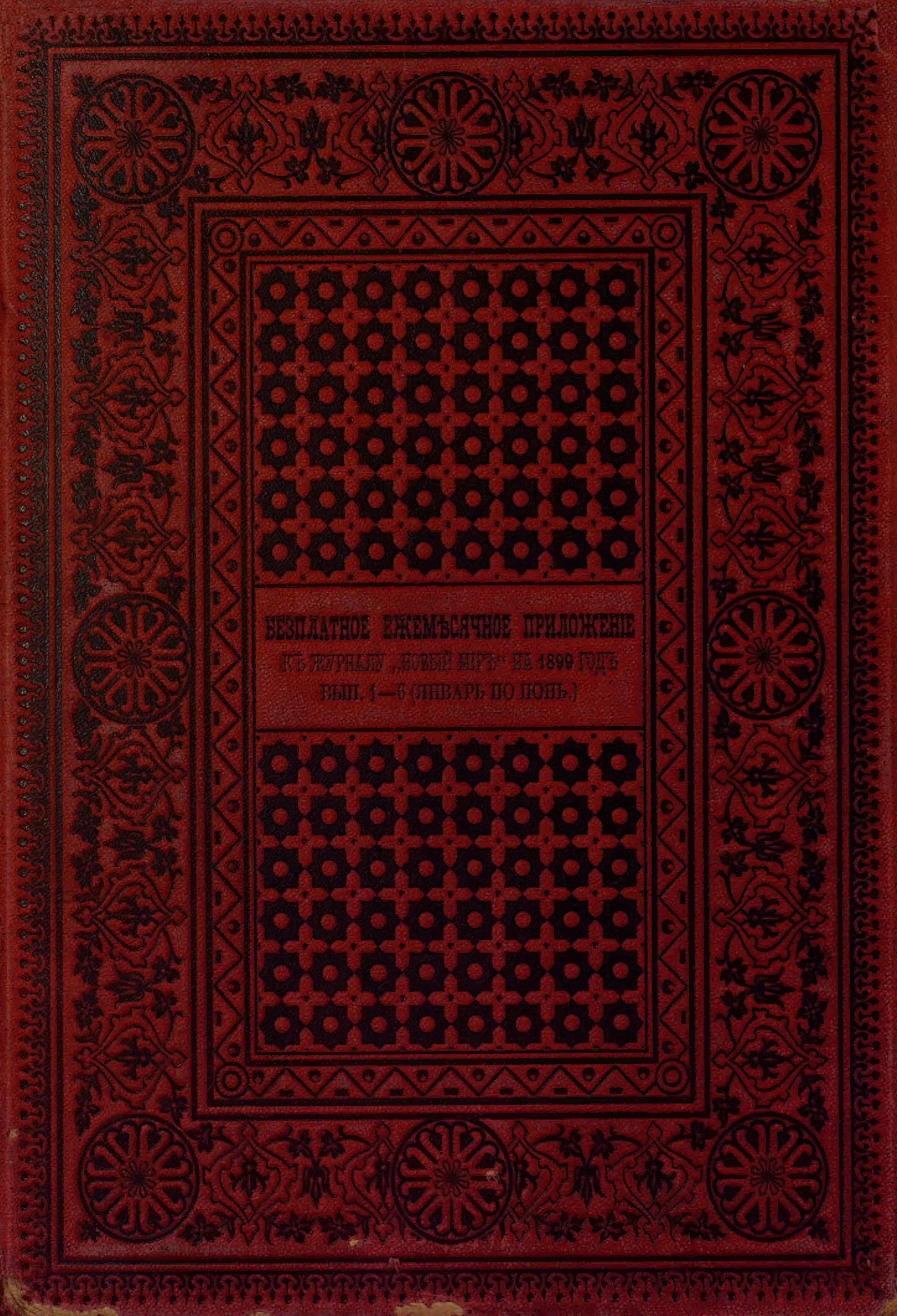
ЧАСТЬ I.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧЕРНОЗЕМНАЯ ОБЛАСТЬ.

ТОВАРИЩЕСТВО М.О.

ТОВАРИЩЕСТВО М. О.

БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ ЖУРНАЛУ „НОВЫЙ МІРЪ“ ЗА 1899 ГОДЪ
ВЫП. 1—6 (ЯНВАРЬ ПО ІЮНЬ.)